А.Ф.СМИРНОВ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ

А.Ф.СМИРНОВ

Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Ф. СМИРНОВ

Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Ответственный редактор
академик М. В. НЕЧКИНА

Посвящается
памяти
моего отца

Глава первая

Основные направления историографии. Источники. Проблематика

Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии, руководимое группой революционных деятелей во главе с Кастусем Калиновским и Зыгмунтом Сераковским, продолжалось с февраля 1863 г. до весны следующего года и охватило территорию с населением свыше пяти с половиной миллионов человек. Численность вооруженных повстанцев, по официальным данным царских властей, доходила до 80 тыс. В подавлении восстания участвовало семь боевых дивизий царской армии под командованием генерала В. И. Назимова, а затем М. Н. Муравьева («Вешателя»). По суду и в административном порядке «за участие в мятеже» подверглось наказанию свыше 20 тыс. человек, из них более половины составляли лица непривилегированных сословий[1].

В марксистской литературе пока нет еще специальных работ, где рассматривалось бы восстание в целом,— его предпосылки, движущие силы, программа, тактика руководства, причины поражения. Восполнить этот пробел — задача настоящего исследования.

Восстание было направлено против социальной и национальной политики царского правительства. Оно тесно переплелось с польским национально-освободительным движением, в отрыве от которого не может быть понято. Ряды повстанцев не были однородными. Против царизма боролись и крестьяне, мечтавшие о воле и земле, и польские дворяне, желавшие избавиться от гнета царизма, и представители белорусской и литовской интеллигенции. В бой рядом шли офицеры-демократы, примкнувшие к повстанцам во имя свободы наций и права крестьян на землю, и польские помещики, мечтавшие о восстановлении шляхетской республики «от моря и до моря». Пестрота состава повстанцев отразилась не только на ходе борьбы, но и на ее последующей трактовке.

Столкновение мнений в оценке событий 1863 г. началось еще в период вооруженной борьбы. В официальной и либерально-

монархической печати того времени не было недостатка в статьях, корреспонденциях, обзорах, грубо извращавших движущие силы и программу восстания. По прямому заданию Муравьева-Вешателя и под его контролем были созданы работы В. Ратча[2], Н. Цилова[3], Н. Гогеля[4], А. Стороженко[5], был учрежден специальный журнал «Вестник Западной России». Под видом исторических исследований и обзоров следственно-судных дел читателю преподносилась грязная шовинистическая стряпня. Подручные Муравьева грубо извращали движущих силы восстания, отрицали его народный характер. По их мнению, крестьяне, за незначительным исключением, остались верными престолу, бунтовали же помещики-поляки, ксендзы да недоучившаяся молодежь, сбитая с толку фанатиками.

Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии изображалось дворянской историографией, отрицавшей сам факт существования белорусской, литовской, украинской наций, как проявление «польской, панской интриги», как борьба польских помещиков против «царя-освободителя» за восстановление шляхетской «Речи Посполитой» в границах 1772 г. с целью расчленить и погубить Россию. Революционные деятели, отстаивавшие принцип свободного определения народами своих исторических судеб, объявлялись сторонниками этой польской концепции.

В подобного рода произведениях с особенным усердием фальсифицировалась программа повстанцев. Их борьба за освобождение крестьян от феодальных повинностей, наделение землей и обеспечение свободного национального развития изображалась как хитроумый маневр, призванный подорвать доверие народа к царскому правительству, которое одно, мол, и пеклось о мужике. Всячески раздувалась роль дворян, примкнувших к восстанию, искажался облик его демократических руководителей; уступки в пользу крестьян изображались как благодеяния царя, а не вынужденный его шаг под давлением революционных сил. В порыве восхваления дворянские историографы объявляли Муравьева «другом народа».

Иногда, впрочем, некоторые историки царской России надевали на себя личину объективности и для афиширования мнимого беспристрастия даже бросали слова осуждения по адресу виленского палача. Так поступал, например, Н. Берг, автор четырехтомной работы «Записки о польских заговорах и восстаниях». Берг, пользовавшийся покровительством царского наместника в Варшаве, имел доступ к материалам следственных комиссий, и его работа сохранила источниковедческую ценность и в наши дни, чего никак нельзя сказать о его выводах[6]. Берг утверждал, что между русскими и поляками нет и не может быть ничего общего, что те или другие могут быть полновластными хозяевами в спорных литовско-белорусских землях и именно эти территориальные споры являются причиной восстания

Работы Н. Берга и позже появившиеся исследования А. Корнилова, А. Пыпина и других свидетельствуют о том, что русская либеральная историография в оценке восстания 1863 г. осталась на шовинистических позициях. Либералы-публицисты, солидарировавшиеся с Муравьевым в 1863 г., и в дальнейшем продолжали возлагать на польских повстанцев и их русских друзей ответственность за гибель либеральных начинаний и воцарение в России «тупой и упорной реакции», как выразился А. Корнилов[7]. Устами А. Пыпина либералы заявляли, что «западный край есть край русский»[8].

Оценка восстания, данная Муравьевым и его пособниками, продержалась в официозной историографии вплоть до последних дней царского режима. Тон задавался изданиями, прославлявшими «решительные мероприятия в духе и направлении Муравьева»[9]. Подобные взгляды имели довольно широкое распространение. В качестве примера укажем на известный труд «Россия» под редакцией П. П. Семенова, в девятом томе которого М. В. Довнар-Запольский отметил «громадные успехи» политики, творцом которой был Муравьев[10].

В эпоху империализма царизм предпринял попытку возродить муравьевщину. В 1898 г. в Вильно с большой торжественностью был открыт Муравьевский музей и памятник Муравьеву-Вешателю. В «исследованиях» и публикациях сотрудников музея, ставивших задачей фальсификацию восстания 1863 г., оно имело вид «польской, панской крамолы», вносящей «смуту в русское семейство», что подкреплялось тщательно подтасованными публикациями документов. Кровавый террор и разнузданная демагогия царского сатрапа величались «самыми могучими и самыми светлыми проявлениями русского народного самосознания» как «блестящий период» истории, которому-де следует официально присвоить наименование «муравьевской эпохи»[11]. Муравьев прославлялся и на страницах многотомной «Великой реформы», где А. Корнилов назвал его действия «прямо-таки якобинскими», а поскольку царизм, по его словам, решил «применить муравьевские социально-политические начала» вслед за Литвой и в Польше, то по Корнилову получалось, что в Зимнем дворце обитали последователи якобинцев[12].

С. Татищев в книге «Император Александр II», изданной в 1903 г., считал восстание 1863 г. «польской смутой», устроенной помещиками и ксендзами, утверждая, что все сословия русского народа тесно сплотились вокруг престола[13]. Логическим завершением подобной литературы явилась книжка белоэмигранта А. И. Лясковского. «Несчастное для края польское восстание», по Лясковскому, не было поддержано крестьянами, в борьбу с правительством вступили «только помещики, мелкая шляхта, ксендзы и небольшая часть городской молодежи». «Руководители польского восстания 1863 г. и вся польская общественность,—

уверял Лясковский,— ставили перед собой проблему восстановления Польши в границах 1772 г.» Правда, автор был вынужден признать, что в среде повстанцев боролись две партии — «белых» и «красных»; однако тут же оговорился, что у них «была одна и та же идея, одна и та же цель — восстановление польского государства», разница же была исключительно в способах и сроках действий. Аграрная программа повстанцев им была искажена так, что даже К. Калиновский, определенный им как крайне левый демагог и сепаратист, не выдвигал социальные вопросы, чтобы не вооружить против себя помещиков. З. Сераковский, по его словам, стремился опереться прежде всего на обладателей крупных имений — помещиков, титулованных маршалков и мировых посредников. Действия «красных», по Лясковскому, лишь вносили хаос и неразбериху, ибо они не имели никакого влияния в народе. Все это нагромождение небылиц понадобилось Лясковскому для восхваления Муравьева, который-де «изъял из рук польских помещиков имения..., за счет помещиков улучшил положение крестьян», свел до минимума количество безземельных, вернул мужикам инвентарные наделы и вообще «стремился идти навстречу их желаниям, много сделал для улучшения их быта» [14].

* * *

В польской шляхетско-буржуазной националистической историографии не было специальных исследований о восстании 1863 г. в Литве и Белоруссии, но в общих работах по истории Польши, о январском восстании 1863 г. оно изображалось крайне тенденциозно. Начало этой фальсификации было положено бывшим членом Временного Национального правительства Агатоном Гиллером [15]. У Гиллера было достаточно оснований замалчивать и прямо фальсифицировать события. Журналист по профессии, мещанин по происхождению, он выражал интересы той части формировавшейся буржуазии, которая искала союза с дворянством, мечтала вкупе с ним возглавить национальное движение, предавая его на деле. Гиллер сыграл бесславную роль в восстании, препятствуя всяким попыткам направить его по пути социальной революции. Взявшись после поражения повстанцев за перо, он прежде всего стремился обелить свою политическую линию. По его словам, крестьяне Польши и Литвы — сплошная консервативная глыба; их выступления против помещиков — фальшивые звуки в общенациональной гармонии. Характерны рассуждения Гиллера по центральному вопросу восстания — аграрному: Гиллер-историограф и здесь защищает Гиллера-соглашателя и угодника шляхты, пытаясь доказать, что осуществление аграрных реформ, провозглашенных Временным Национальным правительством, было невозможно до полной побе-

ды над царскими войсками, что иная политика вызвала бы социальную катастрофу и окончательно загубила бы дело национального освобождения Польши. Гиллер, а вслед за ним и другие националисты утверждали, что социальные лозунги, выдвинутые Калиновским, Сераковским, Падлевским, якобы чужды Польше и заимствованы недоучившейся молодежью из сочинений русских революционеров. Гиллер уделил некоторое внимание Белоруссии и Литве, однако обошел молчанием национальную и экономическую специфику этой территории, рассматривая ее как неотъемлемую часть «исторической» Польши. Вождей восстания, пытавшихся отстаивать социальные и национальные интересы народа, Гиллер обвинил в непонимании задач движения, сепаратизме, расколе национального единства.

Следует сказать об обширных, но незавершенных работах В. Пшиборовского[16], одного из крупнейших представителей шляхетско-клерикального лагеря в польской историографии. Дворянин по происхождению, участник январского восстания, Пшиборовский скоро распрощался с идеалами юности и считал восстание безумием. Он не стеснялся в выборе слов для характеристики действий демократических вождей восстания. По его мнению, Л. Звеждовский («Топор») не проявил в борьбе ни способностей, ни энергии, Р. Рогинский был не более чем авантюрист, Л. Нарбут — лишен военных способностей, З. Сераковский — не вождь, а антипатичный, надменный кабинетный теоретик, А. Мацкявичюс — демагог, наконец, К. Калиновский не только демагог, но и сепаратист, из-за беспредметных споров с помещиками сорвавший подготовку края к восстанию. Даже в умеренном либерале и националисте Я. Гейшторе Пшиборовский видит «легкий красный оттенок». Пшиборовский не скрывал симпатий к дворянству, высмеивал буржуазных дельцов («рыцарей иглы и дратвы») за проявленную в восстании нерешительность, отрицал участие крестьян в борьбе, осудил декрет 22 января 1863 г. Вершиной восстания в Литве и Белоруссии Пшиборовский считал действия отрядов Сераковского и Звеждовского в апреле 1863 г., однако усматривал в них только намерение «обозначить границы древней Польши». Приводя факты о стремлении повстанцев Литвы связаться с общерусским революционным движением, Пшиборовский оценивает это как «легкомысленную авантюру».

Б. Лимановский[17] — ветеран восстания 1863 г., один из основателей Польской социалистической партии (ППС), в ряде своих работ освещает ход восстания 1863 г. в Белоруссии, Литве, Украине, но рассматривая эти территории как неотъемлемые части «исторической» Польши, он, естественно, не может с этих ложных позиций правильно оценить восстание, борьбу различных направлений в повстанческом лагере.

Рост пролетарского движения, возникновение революционных марксистских партий в России и Польше принципиально изменили всю историческую обстановку. С наступлением эпохи империализма, перемещением центра мирового революционного движения в Россию коренным образом изменился характер польской шляхетско-буржуазной историографии. Произошла мобилизация реакционных сил для борьбы с пролетариатом и его интернационалистской идеологией. Буржуазно-шляхетские историки пытались отрицать тот очевидный факт, что с выходом на арену политической борьбы рабочего класса, появлением марксистских партий в истории освободительного движения начался качественно новый период. Рабочее движение в Польше и Литве изображалось ими лишь как простое продолжение национальной борьбы, которая сводилась к столкновениям русских и поляков из-за границ, т. е. прежде всего из-за литовских, белорусских, украинских земель.

В этих условиях Юзеф Пилсудский, лидер ППС-«правицы», попытался извратить подлинную суть восстания 1863 г., оживить национализм для борьбы с рабочим движением. Влияние его испытывали и многие историки, организационно не связанные с ППС-«правицей». В польской националистической историографии начался новый этап. Перу Пилсудского принадлежит ряд публичных выступлений о 1863 г. и специальная работа «Очерк военной истории январского восстания», опубликованный в 1929 г.[18] В основу очерка были положены лекции, прочитанные Пилсудским своим легионерам в Вене еще в 1912 г. Пилсудский полон ненависти к России и традициям совместной борьбы народов Польши и России против самодержавия, крепостников, буржуазии. Пороча революционное прошлое русского народа, пилсудчики изображали январское восстание как столкновение наций по вопросу границ, а поражение восставших объясняли недостатком национального единства среди поляков и отсутствием великого вождя. Не только царизм, но и весь русский народ объявлялся ими врагом Польши. При этом, естественно, обходились социальные противоречия, борьба классов как в Польше, так и России, наличие различных группировок в повстанческом лагере, а революционное движение в России сводилось на нет.

При подобном понимании исторического процесса, исключавшем интерес к судьбам литовского, белорусского, украинского крестьянства, исчезала всякая возможность объективного исследования народной борьбы против крепостничества и национального гнета. 1863 год в Литве и Белоруссии освещался как второстепенный эпизод борьбы за «историческую» Польшу. Чрезмерно преувеличивая и всячески восхваляя роль польского дворянства в истории Литвы и Белоруссии, пилсудчики в то же время грубо искажали связи Украины, Литвы, Белоруссии с революционной Россией, изображали дело так, будто русские

демократы постановкой вопросов о ликвидации помещичьего землевладения, о самобытности Белоруссии, Литвы, Украины нанесли огромный ущерб восстанию, что польские, белорусские, литовские последователи Герцена, выступая в защиту крестьян, внесли раскол в повстанческие ряды, подорвали национальное единство.

Влияние школы Пилсудского принесло большой вред изучению восстания 1863 г. в Западной Белоруссии и Литве. После 1920 г. в условиях подавления социальных и национальных стремлений белорусского и литовского народа, естественно, отсутствовали возможности для научной разработки истории освободительной борьбы этих наций. Прогрессивные ученые отстранялись от научной работы. Некоторые исследователи, имевшие доступ к архивам, ограничивались публикацией локальных сообщений, избегая глубоких выводов и обобщений. Исследование Студницкого и небольшие статьи о двух деятелях восстания — Игнации Здановиче и Аполлоне Гофмейстере — таков более чем скромный вклад историков 20-х годов в историографию восстания [19]. Мы не рассматриваем здесь специально многочисленные публицистические очерки о восстании 1863 г., имевшие открыто фальсификаторский характер, вроде статьи Вацлава Собеского «О Литве и Руси — спор польских и русских революционеров в 1862 г.» Собеский писал сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции по прямому заданию руководства партии эндеков. Он утверждал, что в 1863 г. польский народ сражался с русским народом из-за границ, из-за Литвы, Белоруссии, Украины. Причем, по его словам, «вся Россия встала на сторону царя» [20].

Для шляхетско-буржуазной историографии, не давшей ни одного исследования, посвященного специально восстанию 1863 г. в Литве и Белоруссии, характерно полное игнорирование социально-экономических вопросов, специфики Белоруссии и Литвы. Сам факт восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии, имевшего глубокие корни и свои особенные задачи, боевая солидарность белорусского и литовского народов с восставшей Польшей истолковывались как подтверждение и обоснование националистических притязаний на белорусские и литовские земли. В то же время замалчивалось, что восстание в Белоруссии и Литве было неразрывно связано с первым общедемократическим подъемом в России, что в рядах повстанцев сражались русские республиканцы, а передовые круги русского и европейского общества оказывали всемерную моральную и материальную помощь повстанцам.

Характерно, что в оценке событий 1863 г. в Литве и Белоруссии позиция польских националистов во многом совпадала с позицией русских великодержавных шовинистов. Последние пытались представить восстание как затею польских помещиков и

ксендзов, чуждую основной массе коренного населения края. Польские же националисты хотя и полемизировали с русскими шовинистами, но, отстаивая свои «исторические права» в Литве, изображая восстание как борьбу за восстановление границ 1772 г., естественно, преувеличивали роль дворянства и духовенства в восстании, замалчивали решающую роль трудящихся города и деревни, искажали деятельность Калиновского и Мацкявичюса.

Ряд работ о восстании 1863 г. принадлежит перу украинских, литовских, белорусских буржуазных националистов. Начало было положено М. Драгомановым, книга которого «Историческая Польша и великорусская демократия» подверглась суровой критике со стороны В. И. Ленина [21]. Драгоманов квалифицировал восстание как дело польских дворян, совершенно чуждое основному населению Украины, Белоруссии, Литвы. Отзвуки этой концепции сохранились и в более позднее время. «Для нас, литовцев,— вещал журнал «Военный архив» — орган военного министерства сметоновского правительства,— так называемое польское время (речь шла о восстании 1863 г.— *А. С.*) не имеет никакого значения. Оно могло найти себе место только в польской истории». Выбросив из истории народа одну из самых волнующих страниц, буржуазные националисты доходили до утверждения, что под властью самодержавия «литовцы никакого гнета не испытывали» [22]. Сметоновский режим в Литве прямо предъявлял социальный заказ на подобную литературу. Янулайтис, Шляжас и другие проводили официально одобренную точку зрения. На подобных же позициях находился и белорусский буржуазный националист ксендз Станкевич [23].

Белорусские и литовские националисты изображали восстание как проявление национальных противоречий, как столкновение из-за границ, единодушно игнорировали связи повстанцев Белоруссии и Литвы с русскими и польскими революционными демократами. Участие польского дворянства в восстании использовалось ими для затушевывания антикрепостнического содержания борьбы, подрывавшей устои феодализма. Для этих историков характерно стремление отгородиться от всего польского (в том числе и от польской революционной демократии, которую попросту старались не замечать), противопоставить восстанию в Польше «свое литовское», «свое белорусское» движение, раздуть и преувеличить национальные противоречия, замолчать, исказить традиции совместной борьбы народов России и Польши, Литвы и Белоруссии против царизма.

* * *

Революционно-демократическая трактовка событий 1863 г. уходит своими истоками к борьбе участников восстания с официальной версией правительства, изображавшей восстание как

панскую затею на погибель народную. «Дурачат вас,— писал вождь восстания Кастусь Калиновский в обращении к народу,— что это помещики поднялись, чтобы вернуть барщину. Дело наше не дело панское, а справедливой свободы»[24]. Но возможности демократических руководителей восстания были ограничены. Их воззвания издавались небольшими тиражами, а демократическая эмигрантская пресса с трудом проникала на родину. В условиях разгула реакции у демократов-эмигрантов не было благоприятных условий для создания многотомных исследований наподобие «Истории восстания» Гиллера, но в их публицистике был дан глубокий анализ событий. Здесь прежде всего следует указать на статьи газеты «Гмина», выходившей в «Вольной русской типографии» одновременно с «Колоколом», и на такие демократические органы, как «Вици», «Неподлеглость». В статьях Я. Домбровского, В. Врублевского, Ю. Токажевича и других лидеров демократической эмиграции указывалось, что шляхта и ее угодники своими предательскими действиями облегчили царизму подавление восстания. Призывая соотечественников к продолжению борьбы, польские демократы подчеркивали, что надлежит действовать не на «основе старых границ», а опираясь на принципы справедливости и братства в области политических свобод, равного использования материальных благ, отрекаясь от традиционных расчетов на Париж и Вену и стремясь к солидарности с угнетенными народами. Только таким путем, писал Домбровский в «Кредо», можно воскресить Польшу демократическую, а значит — свободную, счастливую, могучую![25]

Помимо публицистических статей сохранились мемуары, исследования некоторых польских прогрессивных деятелей. Это прежде всего работы Яна Савицкого, друга Чернышевского и Сераковского, а также книги и статьи Бенедикта Дыбовского, в годы восстания близкого к Сераковскому, но впоследствии отошедшего от революции[26]. Сохранились в записях друзей воспоминания Валерия Врублевского. Вышла в свет работа Арамовича[27] — адъютанта В. Врублевского.

При непосредственном и активном участии Яна Савицкого (он же «Стелла», «Струсь») и Бронислава Шварце в конце XIX и начале XX в. вышли сборники документов, материалов и статей о восстании, явно полемизирующих со шляхетско-националистической литературой[28]. Большое значение имели воспоминания Болеслава Длуского (Яблоновского), Болеслава Свентожецкого, Яна Станевича (Писарского), хранившиеся в собраниях Рапперсвильского музея, однако они не были изданы и почти полностью погибли в Варшаве во время второй мировой войны. Мы знаем о них только по частным извлечениям. Не прекращали свою деятельность и немногие уцелевшие от репрессий демократические деятели восстания, оставшиеся в России, хотя

возможностей для публикации они почти не имели. В условиях разгула реакции 70—80-х годов взялся за перо Ян Станевич — друг Добролюбова и Сераковского, бывший сотрудник «Современника» [29].

Борьбу против фальсификаторов истории восстания вели и русские революционные демократы. А. И. Герцен и Н. П. Огарев в те годы не раз обращали свои взоры к Белоруссии и Литве, указывали на громадное значение этого района в общероссийском освободительном движении, подчеркивали, что в обстановке начавшегося в Польше восстания Белоруссия и Литва призваны сыграть роль «фермента», «дрожжей» общерусской крестьянской революции. Из работ русских демократов, содержащих характеристики видных деятелей восстания, необходимо отметить некролог «Сигизмунд Сераковский» — первый отклик в печати на гибель Сераковского и вместе с тем первую попытку научной оценки его деятельности, принадлежащую перу А. И. Герцена.

Н. Г. Чернышевский не оставил специальной работы о восстании, но ряд его произведений содержит сведения, без которых нельзя представить борьбу партий в историографии вопроса. Это, прежде всего, его публицистика 1861—1863 гг. и материалы, связанные с «Прологом» [30]. После возвращения из ссылки Чернышевский предпринял издание «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова». Документы, собранные им, и особенно комментарий к ним, не только один из важнейших источников для изучения эпохи, но и важная страница историографии вопроса [31].

Народники не оставили заметного следа в историографии национально-освободительного движения вообще и восстания 1863 г. в частности. Это и понятно. Увлеченные идеей «черного передела», отрицающие роль политической борьбы или сводящие ее к террору, а также нигилистически относившиеся к национальному движению, они не смогли подняться до понимания всероссийского значения борьбы польских, литовских и других революционеров с царизмом. Восстание 1863 г. они оценивали как чисто польское, национальное, чуждое крестьянству. Вопрос о специфике восстания в Литве и Белоруссии даже и не ставился в народнической литературе.

От подобных ошибок не свободны и работы близкого народнической идеологии известного историка В. Семевского. Он не сумел вскрыть зависимость между ростом революционного движения и изменениями в аграрной политике царизма во время и накануне восстания 1863 г. Работы Семевского свидетельствуют о том, что с позиций идеалистического понимания истории нельзя правильно разобраться в сложнейших и противоречивых событиях 1863 г. Не случайно В. Семевский — этот, по словам А. М. Горького [32], радикал-демократ, снискавший уваже-

ние широких кругов общественности (некролог Горького в «Летописи» яркое тому доказательство), не мог дать правильной критической оценки социальной демагогии Муравьева-Вешателя [33].

* * *

Научная история восстания была начата Марксом и Энгельсом. В ряде работ, а особенно в переписке за 1856—1865 гг., К. Маркс и Ф. Энгельс, давая анализ событий в России и Польше накануне восстания, высоко оценивали революционные возможности народов России, указывали на назревание кризиса, а после начала вооруженных действий внимательно следили за их ходом, делали ряд глубоких замечаний о роли восстания в Польше, Литве, Белоруссии. Относясь с горячим сочувствием к польскому движению, Маркс и Энгельс видели, что без аграрной революции Польша не сможет завоевать национальную независимость. По их мнению, только восстание крестьян во всей России могло бы превратить движение в Польше из шляхетско-национального в социально-крестьянское и открыть путь к национальному возрождению Польши. 13 февраля 1863 г. Маркс в письме к Энгельсу писал: «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно: в Европе опять более или менее широко открылась эра революций. И общее положение дел хорошее... Будем надеяться, что лава потечет на сей раз с востока на запад, а не наоборот...» [34] 17 февраля 1863 г. Энгельс высказал мысль, что если восставшие поляки «продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания» [35].

8 апреля 1863 г. Энгельс в письме Марксу высказал мысль, что надежды на скорое восстание крестьян по всей России начинают осуществляться: «Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессной Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер. Если оно не будет благоприятно развиваться и не оживит вновь движения в королевстве, то я не думаю, чтобы были большие шансы на успех» [36].

Энгельс видел в успехе литовско-белорусского восстания подтверждение своего вывода о возможности всероссийской крестьянской революции. Вместе с тем он поставил вопрос о неблагоприятном влиянии шляхетского движения в Польше на крестьянские массы России. 11 июня 1863 г. Энгельс писал: «Движение в Литве и в Малороссии, очевидно, развивается слабовато, да и в самой Польше повстанцы не двигаются вперед... Что меня больше всего удивляет, так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение. По-видимому, польское восстание имело в этом смысле определенно неблагоприятное влияние» [37].

Маркс и Энгельс отмечали, что некоторые влиятельные руководители польского движения возлагали надежды не на крестьян, считая их насквозь реакционными, а на интервенцию Франции и Англии. Маркс и Энгельс указывали на политическую близорукость некоторых руководителей восстания, которые не видели, что Луи Бонапарт использует их в целях своей внешней политики. 15 августа 1863 г. К. Маркс отмечал, что польская история испорчена Наполеоном III и тем влиянием, которое получила партия Чарторыского[38]. Несмотря на сочувствие Польше, игравшей в первой половине XIX в. значительную революционную роль в Европе, Маркс и Энгельс критически относились к притязаниям руководителей польского национального движения на Белоруссию, Украину и Литву и неоднократно высказывались о национальной самостоятельности этих территорий.

В письме к Марксу 23 мая 1851 г. Энгельс отмечал, что так называемая Западная Россия, т. е. Гродно, Вильно, Минск, Могилев, Волынь и Подолия, не поддерживает требования восстановления границ 1772 г., что в большей части «исторической» Польши население говорит по-литовски, по-белорусски, по-украински. Ф. Энгельс выступал за восстановление Польши в соответствующих границах при условии аграрной революции и отказа от притязаний на белорусские, литовские, украинские земли. «Что касается бывших польских провинций по эту сторону Двины и Днепра, — писал он Вейдемейеру 12 апреля 1853 г., — то я о них и слышать не хочу с тех пор, как узнал, что все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти горожане и что для тамошнего крестьянина... восстановление Польши означало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе. Во всех этих местностях, вне Польского королевства в собственном смысле, живет самое большее 500 000 поляков!»[39] Энгельс указывал, что свою судьбу украинцы, белорусы и литовцы должны решать сами. «Если поляки претендуют на территории, — писал он В. Засулич 3 апреля 1890 г., — которые русские вообще считают приобретенными навсегда, русскими по своему национальному составу, то не мне решать этот вопрос. Я могу только сказать, что, по-моему, заинтересованное население должно само определить свою судьбу — совершенно так же, как эльзасцы сами должны будут выбирать между Германией и Францией»[40].

Маркс и Энгельс, анализируя в те годы итоги освободительной борьбы в России, пришли к выводу, что крестьянская революция в России — вполне назревшее дело и что в случае ее возникновения в Европе произойдет народная революция. В освободительном движении народов России они видели силу, способную оказать поддержку национальному возрождению Польши. К. Марксу и Ф. Энгельсу принадлежит не только постановка вопроса о роли всероссийского освободительного дви-

жения в общеевропейской революционной борьбе, но и характеристика роли и значения вождей русской демократии и прежде всего Н. Г. Чернышевского. Подчеркивая, что умы всегда невидимыми нитями связаны с телом народным, Маркс и Энгельс находили в идеях Чернышевского выражение мыслей и желаний трудящихся страны. Они прямо ставили вопрос о роли Чернышевского как организатора революционных сил: «...в связи с освобождением крепостных вспыхнула война между либеральной и революционной партиями в России. Вокруг Чернышевского, главы революционной партии, собралась целая фаланга публицистов, многочисленная группа офицеров и учащаяся молодежь». Маркс и Энгельс, называя «революционной партией» подпольную русскую организацию и указывая на те социальные силы, из которых она слагалась (учащаяся молодежь, передовая часть офицерского корпуса, демократическая интеллигенция), отмечали, что эта часть русского общества «решительно высказалась за освобождение Польши»[41].

Высказывание Маркса и Энгельса о революционной партии Чернышевского как бы предвосхищает данную позже Лениным оценку эпохи 60-х годов. Поразительно совпадение мыслей Маркса, Энгельса и Ленина вплоть до употребления тех же терминов («революционная партия»). Нельзя не заметить, что это высказывание не было случайным у Маркса и Энгельса. Оно органически входит в систему их взглядов и мыслей, раскрывающих сущность событий в России в годы падения крепостного права. Пристально следя за положением в России, Маркс и Энгельс в переписке ставили вопрос «о массах в России», о русской армии. Критикуя герценовские утопические идеи крестьянского социализма, они указывали, что восстание 1863 г. является испытанием революционной честности русских и польских демократов[42].

Маркс и Энгельс обратили внимание и на деятельность М. Бакунина в период восстания. По словам Маркса, Бакунин считал, что царское правительство «само спровоцировало эту историю в Польше». Он утверждал, что «Польша потерпела неудачу из-за двух вещей: из-за влияния Бонапарта, и, во-вторых, из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с ясным и недвусмысленным провозглашением крестьянского социализма». Рассказывая о встрече с Бакуниным, Маркс писал Энгельсу, что он ему «очень понравился, больше чем прежде». В. И. Ленин сопроводил эти высказывания выразительными пометками: «Маркс за Бакунина», «Бакунина хвалит очень». Ленин выделил слова Бакунина о том, что восстание погибло по вине польских аристократов, отказавшихся пойти навстречу крестьянству, но поставил под вопрос утверждение Бакунина, что восстание спровоцировал царизм[43]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что Маркс и

Энгельс, а позже Ленин сочувственно отнеслись к усилиям Бакунина, направленным на перерастание национального движения в аграрное, крестьянское, но критиковали и его ошибки, как-то: неверную оценку причин возникновения восстания, отход от принципа самоопределения народов. Последнее специально отмечено Марксом в его большом письме о Польше от 17 февраля 1863 г.[44] Позже, когда Бакунин начал раскольническую деятельность в I Интернационале, пытаясь подменить научный социализм анархизмом, Маркс резко осудил его. Но это уже другой, специальный вопрос.

Маркс и Энгельс рассматривали восстание 1863 г. как одно из проявлений общего демократического подъема, охватывавшего в те годы всю Европу. Видя пробуждение демократической России и обострение революционного кризиса в Польше, основоположники марксизма придавали большое значение району Литвы и Белоруссии, где встречались и переплетались с борьбой за свободу белорусов и литовцев два мощных революционных потока — польское национальное и общероссийское крестьянское движения,— району, где решался вопрос о единстве действий всех этих сил против общего врага — царизма и крепостничества. Знаменательно, что в те же дни, когда Ф. Энгельс подчеркнул огромное значение литовского движения, Герцен и Огарев задумывались о том, перейдет ли польское дело из национального в крестьянское, сыграет ли борьба повстанцев Литвы роль фермента общерусской революции[45].

Письма Маркса и Энгельса, раскрывающие характер восстания и намечающие основные задачи его исследования, по вине горе-теоретиков II Интернационала не были известны общественности в течение многих десятилетий. Только в 1913 г. в Штутгарте под редакцией А. Бебеля и Э. Бернштейна вышло четыре тома писем основоположников марксизма. Тогда же В. И. Ленин тщательно изучал переписку и сопроводил письма Маркса и Энгельса за 1863 г. рядом пометок: «Польское восстание. В Европе снова наступила эра революций...», «Польша поднимет Россию», «Странно, что нет крестьянского восстания в Великороссии. Польское движение неблагоприятно?», «Если б поляки продержались до общеевропейского движения»[46] и т. д. Высоко оценивая веру Маркса и Энгельса в революционные силы России, страстное ожидание выступления народа против самодержавия, прослеживаемое в письмах на протяжении двух десятилетий, Ленин указывал, что они ошиблись в определении конкретных сроков русской революции, но были бесконечно правы в оценке ее громадного, первостепенного значения для судеб Европы[47]. Письма Маркса и Энгельса не утратили политического и научного значения и сегодня. Они имеют огромное методологическое значение и служат путеводной нитью для исследователей.

Новая глава в марксистской историографии была начата В. И. Лениным. Отправляясь от положений Маркса и Энгельса, Ленин восстановил в правах марксистский анализ восстания 1863 г. и развил его дальше, обратив особое внимание на выяснение места и значения восстания 1863 г. в общероссийском революционном движении. Он дал не только общую характеристику эпохи, но и остановился на роли отдельных классов, социальных групп и исторических личностей в борьбе. «Известно,— указывал В. И. Ленин,— что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» [48].

Фальсификация революционных событий 40—60-х годов XIX в. была проявлением шовинизма и национализма, которые отравляли всю политическую атмосферу. Борьбу с ними Ленин считал одной из важнейших задач партии. «Несчастье народа, который, порабощая другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и *особенно* социал-демократическое движение» [49].

В. И. Ленин относил восстание 1863 г. ко второму, революционно-демократическому (разночинскому) периоду освободительного движения в России. В своей характеристике первой революционной ситуации он выделил «польское брожение» в качестве одного из важнейших явлений, оказывавшего громадное влияние на рост освободительного движения и политику «верхов». Особое значение имеют для исследования причин и характера восстания указания Ленина о борьбе крестьянских масс против грабительской реформы 1861 г., о деятельности революционных разночинцев, возникновении вольной бесцензурной печати в стране. Ленину принадлежит развернутая оценка позиции русских революционных демократов — Чернышевского, Герцена, Добролюбова, занятой ими в аграрном и национальном вопросах. Он отметил самоотверженную дея-

тельность З. Сераковского, близость его к Чернышевскому и стремление к практическому осуществлению идеалов учителя [50].

Словно отвечая клеветникам-борзописцам, упрекавшим демократических вождей восстания в сепаратизме, Ленин назвал глупцами и лицемерами тех, кто выдвигал это обвинение сторонникам самоопределения наций [51]. Огромное методологическое значение имеет замечание Ленина о прогрессивном характере национального движения в Белоруссии, Украине, Литве [52].

В. И. Ленин дал исключительно ясное и глубокое определение основных социальных сил, составивших повстанческий лагерь 1863 г., и призвал историков-марксистов к глубокому исследованию взаимоотношений этих сил: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» [53]. Это ставит перед историками задачу исследования восстания 1863 г. в качестве одной из первоочередных, намечает пути для ее решения.

Советская историческая наука уже в первые годы существования стремилась преодолеть влияние субъективно-идеалистической историографии прошлого и подойти к оценке восстания 1863 г. материалистически. Советские историки оценивали восстание не как столкновение наций, что было присуще различным националистическим школам, а как проявление борьбы классов. М. Н. Покровский не оставил специальных исследований о восстании 1863 г., но в общих курсах он неоднократно касался его, хотя и не дал четкой и ясной оценки характера и движущих сил восстания. Вначале Покровский говорил о польских помещиках, «учинивших революцию» 1863 г., в более же позднее время подчеркивал мелкобуржуазный характер движения. Покровский не отмечал специфики восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве. Для него все эти события — проявление и следствие восстания 1863 г. в Царстве Польском. В статьях о М. Муравьеве и М. Бакунине в энциклопедическом словаре братьев Гранат (изд. 7) Покровский даже утверждал, что в Литве и Белоруссии восстание «затронуло только верхний тонкий слой населения (польская или ополяченная интеллигенция, духовенство, помещики). Масса была спокойна». Автор при этом прямо ссылался на записку Муравьева [54].

Попытка специально изучить восстание 1863 г. была предпринята литовским историком С. Матулайтисом. Он опуб-

ликовал значительный документальный материал, посвященный экономическому положению Литвы накануне восстания [55].

В 1928 г. в Минске вышла книга С. Агурского по истории революционного движения в Белоруссии. Автор, полемизируя с буржуазными националистами, изображавшими восстание как чисто белорусское национальное движение, пришел к выводу, что оно «не являлось всенародным... Подобно восстанию 1830 г., и восстание 1863 г. было организовано помещиками и духовенством..., проходило под чисто шовинистическими лозунгами. Широкие массы крестьянства и городской бедноты активного участия в восстании не принимали» [56]. Но собранный в книге значительный документальный материал противоречил этому категорическому выводу, и Агурский вынужден был сделать ряд оговорок, что «левые элементы» в повстанческом лагере «старались все же вовлечь крестьянство в восстание», «наделить его землей», боролись за «республиканские начала». Оговорки приближали автора к более правильному пониманию восстания, но не меняли существа его концепции.

При всех недостатках труд Агурского — попытка материалистического освещения истории революционного движения в Белоруссии — привлек внимание научной общественности. Было организовано специальное обсуждение его очерков, выступая на котором В. Пичета указал, что восстание 1863 г. в Белоруссии, имея самостоятельный характер, было связано с движением в Польше и России. Пичета отмечал, что Агурский не показал специфику революционного движения в Белоруссии, не вскрыл экономических причин восстания, в частности, обошел особенности реформы 1861 г. в крае [57].

Прошло, однако, немало лет, прежде чем восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии нашло отражение в развернутых исследовательских работах. Вышедшая в 1937 г. книга С. Н. Драницына не решила поставленной задачи. Восстание в Белоруссии и Литве отождествлялось автором с движением в Польше. Социально-экономическое своеобразие края было обойдено. Верные замечания автора о радикализме Калиновского и Звеждовского в решении аграрного и национального вопросов не получили развития [58].

В 1939 г. белорусский историк Ф. Лочмель обратил внимание на связь крестьянского движения против грабительской реформы 1861 г. и восстания 1863 г. Он оценивал К. Калиновского как «последователя передовых революционно-демократических идей Герцена и Чернышевского» [59]. Однако этот вывод не разделяли в то время многие исследователи. Так, В. Пичета, опубликовавший в 1940 г. специальную работу об антифеодальных движениях в Белоруссии и на Украине, даже не упомянул о восстании 1863 г. [60]

Советская историческая литература 30-х годов не дала всестороннего монографического исследования этой проблемы, но в борьбе с буржуазной, националистической историографией советские историки имели крупные достижения. Подойдя к изучению восстания с материалистических позиций, они связывали его с антифеодальным движением масс. Вооруженные методом исторического материализма, советские историки показали, что события 1863 г. в Польше и России были вызваны не враждой наций, не ошибками отдельных деятелей, а явились следствием обострения классовой борьбы в эпоху крушения феодализма и нарождения новой, более передовой для того времени капиталистической формации.

После 1945 г. в Белоруссии появился ряд работ, посвященных крестьянскому движению 60-х годов XIX в. и реформе 1861 г.[61], авторы которых в общей форме отстаивали тезис о связи крестьянского протеста против реформы в 1861—1862 гг. с восстанием 1863 г. Уже в первые послевоенные годы внимание исследователей привлек образ вождя восстания — К. Калиновского[62]. Организованная АН БССР в 1948 г. дискуссия по истории передовой общественно-политической мысли в Белоруссии вскрыла необходимость глубокого изучения массового народного движения в годы падения крепостного права[63].

Литовские историки-марксисты также внесли ценный вклад в исследование вопроса, уделив особое внимание социально-экономическим предпосылкам восстания, деятельности его вождей. Еще в работе одного из основателей Литовской Коммунистической партии З. Ангаретиса «История движения и борьбы рабочего класса», вышедшей в 1921 г., делалась попытка определить в лагере повстанцев 1863 г. революционно-демократическое направление, связь восстания с борьбой народных масс против крепостничества[64]. За послевоенные годы появились исследования Ю. И. Жюгжды, В. И. Неупокоева, С. А. Лазутки[65].

В работах И. М. Белявской поставлен вопрос о влиянии А. И. Герцена на революционные кружки в Белоруссии и Литве[66]. Исследованию социально-экономических предпосылок восстания посвящены работы Н. Н. Улащика, имеющие большое значение и для понимания «кризиса верхов», достигавшего в крае особой силы. Выяснению причин и последствий восстания способствуют монографии Н. М. Дружинина, А. С. Нифонтова, Я. И. Линкова, М. Е. Найденова, П. Г. Рындзюнского, П. А. Зайончковского[67].

Прямое отношение к исследованию восстания 1863 г. имеют работы академика М. В. Нечкиной[68], посвященные событиям первой революционной ситуации, в которых ставится вопрос о влиянии русской революционной демократии на освободительное движение народов России, и, в частности, белорусского и литовского народа. Выдвигается и совершенно новая проблема ро-

ли и места Белоруссии и Литвы в замысле общерусского крестьянского восстания, разрабатывавшегося первой «Землей и Волей».

В 1958 г. при Отделении исторических наук АН СССР образована проблемная группа по изучению революционной ситуации в России (1859—1861 гг.), руководимая академиком М. В. Нечкиной. На своих ежемесячных заседаниях группа заслушала ряд докладов, посвященных предпосылкам, движущим силам и характеру восстания 1863 г., как-то: «К вопросу об участии литовского крестьянства в восстании 1863 г.» (В. Бикулич), «Н. Г. Чернышевский и его польские друзья в годы революционной ситуации» (А. Смирнов), «А. И. Герцен, Н. П. Огарев и Комитет русских офицеров в Польше» (В. Дьяков) и др. Обсуждение названных и других исследовательских докладов существенно помогло автору данной работы завершить монографию о восстании 1863 г.

Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве рассматривается во втором томе «Истории Польши» и «Истории СССР». В этих трудах, предназначенных для самых широких кругов читателей, дается в общем верная оценка событиям 1863 г. в Литве и Белоруссии, выделяется революционно-демократическая деятельность Калиновского, Сераковского, Мацкявичюса, Врублевского, которым иногда удавалось найти общий язык с крестьянством и обеспечить активное его участие в восстании[69].

В. Г. Ревуненков посвятил специальное исследование важной теме — дипломатической борьбе в период восстания 1863 г., пытаясь проследить влияние политики западноевропейских кабинетов на поведение различных социальных групп, участвующих в борьбе[70].

В ряде работ историков народной Польши, появившихся в послевоенное время (С. Кеневич, Ю. Ковальский, П. Лоссовский, З. Млынарский, Э. Халич, З. Марциняк), уделено значительное внимание борьбе повстанцев Белоруссии и Литвы[71]. Кеневич, исследуя аграрный вопрос в восстании, подчеркнул особенности Белоруссии и Литвы в сравнении с Польшей. Он указал, что руководители повстанцев Белоруссии, и прежде всего Калиновский, превратили свой край в цитадель революционного демократизма, выдвинули самую радикальную аграрную программу, непосредственно отражавшую интересы крестьян, самоотверженно боролись за претворение ее в жизнь. Марциняк исследовал деятельность Сераковского на посту командующего повстанческими силами Литвы.

К. Конколевский и В. Кордович[72] посвятили специальные работы К. С. Калиновскому. С некоторыми выводами В. Кордовича, как уже отмечалось мною в печати[73], нельзя согласиться, хотя общая оценка Калиновского как революционного демократа, безусловно, не вызывает сомнений.

П. Лоссовский и З. Млынарский в специальной монографии [74], написанной на основании широкого круга источников, показывают, что в ходе восстания 1863 г. ярко проявились традиции совместной борьбы народов России и Польши против царизма. Однако попытка выяснить степень участия русских, белорусов, украинцев в январском восстании без учета конкретной исторической обстановки в восточных и западных областях Белоруссии приводит авторов к методологической ошибке и к неправильному выводу, к отрицанию массового, народного характера восстания в Литве и западных областях Белоруссии.

В современной польской историографии идет борьба вокруг оценки восстания. Встречаются еще исследователи, находящиеся под влиянием обветшалых концепций. Об этом особенно ясно свидетельствует материал обсуждения макета «Истории Польши», которое было проведено в Институте истории Польской Академии наук в апреле 1957 г.[75] В ходе дискуссии Г. Верешицкий и его единомышленники уверяли, что высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о восстании устарели, что анализ социально-экономических условий жизни народа излишен, что носителем национальной культуры и традиций освободительной борьбы было дворянство, тогда как крестьяне выступлениями против панства наносили ущерб общенациональному делу. Чарторыские объявлялись выразителями и защитниками единственно правильной реалистической политики национального возрождения, а восстановление старой власти дворянства на Украине и в Белоруссии рассматривалось как воля всего польского народа.

Г. Верешицкий утверждал, что белорусы в период восстания 1863 г. еще не чувствовали своей национальной обособленности, что крестьяне Литвы были совершенно безразличны к вопросам языка, культуры. По его мнению, подлинными патриотами в 1863 г. были не революционеры, поднявшие восстание, а их противники, так как восстание не имело перспектив на победу. Но сам же Верешицкий вынужден признать, что героизм повстанцев смёл режим Велёпольского и в конечном счете обеспечил крестьян землей. Защищая деятелей восстания, сорвавших соглашение с русскими и европейскими революционерами о совместных действиях, эти историки утверждали, что у европейских революционеров не было сил для борьбы, что они к тому же хотели бороться не только против царизма, но и против правящих кругов Пруссии и Австрии, что-де было гибельно, так как для повстанцев хватало врагов и в царской России.

Верешицкий и его единомышленники отрицали для периода январского восстания всякую возможность объединения революционных сил России и Польши в борьбе с царизмом. Они утверждали, что тезис о таком единстве возник в историографии под влиянием более поздних событий XX столетия и затем меха-

нически начал распространяться и на середину предшествовавшего века, тогда как, по их мнению, даже самые радикальные вожди январского восстания были далеки от подобных взглядов. По существу Г. Верешицкий повторил на дискуссии многие положения, выдвинутые им в начале 30-х годов в монографиях, посвященных дипломатической борьбе в период восстания («Австрия и январское восстание». Львов, 1930, «Англия и польский вопрос в 1860—1865 гг.». Львов, 1934). В этих книгах Верешицкий искал причины поражения восстания во внешнеполитических осложнениях, помешавших Наполеону III, «искренне и серьезно» стремившемуся помочь восставшим, осуществить свой замысел.

Советскими и польскими историками-марксистами проделана значительная работа по изучению восстания 1863 г., революционного движения эпохи падения крепостного права в целом. Но современная марксистская историография, посвященная восстанию, имеет и серьезные недостатки. Слабо изучены и медленно вводятся в научный оборот документальные материалы, не изжито еще до конца влияние старой историографии. События 1863 г. в Белоруссии и Литве иногда оцениваются как проявление польского национального движения. Некоторые историки продолжают считать, что «восстание 1863 г. в Польше и Белоруссии по своему характеру было шляхетским»[76]. Иногда замечается стремление упростить проблему, изобразить восстание в Литве и Белоруссии как исключительно крестьянское, противопоставить его польскому, якобы исключительно шляхетскому, причем игнорируется сложный, противоречивый состав повстанческого лагеря как в Польше, так и в Белоруссии и Литве. Недостаточно еще изучена связь восстания с предшествующим этапом революционного движения, борьбой крестьян против грабительской реформы 1861 г., против рекрутчины[77].

Имеет место некоторое увлечение деятельностью вождей восстания (Сераковского, Калиновского, Мацкявичюса), тогда как деятельность организаций, готовивших народ к восстанию, остается недостаточно исследованной. Становится уже традиционным рассмотрение событий 1863 г. в Литве изолированно от Белоруссии и Польши. Подобный прием вполне оправдан для более внимательного и глубокого изучения истории Литвы, но при этом никак нельзя упускать из виду, что восстание 1863 г. и в Белоруссии и Литве имело одни и те же предпосылки: борьба против реформы 1861 г., против национального гнета царизма. Восстание готовила и руководила им на всей территории Белоруссии и Литвы одна и та же революционная организация во главе с Литовским Провинциальным комитетом, имевшим связь с революционными центрами в Варшаве и Петербурге.

Идут споры среди исследователей и в оценке требования повстанцами национальной независимости Литвы и Белоруссии.

Авторы вузовского учебника по истории СССР, а также С. Н. Драницын, В. Н. Перцев, выдвинули правильный в общем тезис, что демократы-повстанцы, руководимые К. Калиновским, стремились не только к разделу помещичьих имений, но и к обеспечению национальной независимости Литвы и Белоруссии[78]. По мнению же польского историка Кордовича, свободные народы Литвы, Белоруссии, Украины должны были войти в состав федерации, возглавляемой Польшей. В споре с Кордовичем белорусский философ И. Н. Лущицкий пришел даже к заключению, что «требование создания в то время национально независимого литовско-белорусского государства было реакционным»[79]. Естественно, что правильная оценка требования национальной независимости повстанцами 1863 г. немыслима без учета исторической обстановки, всего хода восстания, его перспектив, что мы и попытаемся сделать по ходу исследования.

Мы рассмотрели основные направления домарксистской историографии и современное состояние вопроса. В настоящее время Академия наук СССР и Польская Академия наук готовятся отметить столетнюю годовщину восстания 1863 г., которая совпадает с празднованием тысячелетия Польского государства. Историки и архивные работники двух дружеских социалистических государств повсеместно выявляют неопубликованные документы, подготавливают многотомные публикации материалов, монографические исследования и сборники специальных статей.

Все эти факты наглядно опровергают досужие вымыслы зарубежных «специалистов по России» о том, будто «в глазах советских официальных историков революционное содержание польской истории является скорее недостатком, чем достоинством»[80]. Лектор Лондонского университета Джон Кип, чьи «выводы» мы процитировали, приписал даже историкам-марксистам трактовку восстания 1863 г. как дворянскую затею во имя восстановления границ, существовавших до разделов. Кип заявил, что советские историки замалчивают демократические проекты польских революционеров о восстановлении польского государства. Но так ли это? Разве Зыгмунт Сераковский, Бронислав Шварце, Валерий Врублевский, Ярослав Домбровский, чья деятельность находится в центре внимания советских исследователей, не домократы? Разве трехтомное издание избранных произведений прогрессивных польских мыслителей осуществленное в СССР, не посвящено исследованию именно этих проектов? Польские деятели от Иоахима Лелевеля, Адама Мицкевича до Ярослава Домбровского и Валерия Врублевского мечтали видеть Польшу свободной не только от сапога Габсбургов и Романовых, но и от ярма помещиков-крепостников. Они отказывались от шляхетских воззрений на Литву, Белоруссию, Украину, стремились к единству действий всех народов России,

Польши, Европы в общей борьбе за свободу, равенство, счастье трудящихся. Зарубежный «специалист по России» не желает замечать, что польские демократы, о которых он столь деланно и лицемерно «позаботился», неоднократно выступали против поползновений Радзивиллов и Потоцких на земли украинских, белорусских, литовских крестьян и выступали потому, что были патриотами своей родины, защитниками интересов польских тружеников. Внимание историков-марксистов именно к этой стороне наследства польских демократов легко объяснимо. Ведь Кип не оригинален. Его предшественники, начиная от подручных Муравьева-Вешателя, немало потрудились над фальсификацией истории польского освободительного движения, натравливая братские славянские народы друг на друга и грея руки на чужой беде.

* * *

В распоряжении исследователя восстания 1863 г. огромная масса архивных документов: боевые донесения офицеров, отчеты губернаторов, проекты, записки, неизданные воспоминания, жалобы и прошения крестьян, материалы следственных комиссий, наконец, неофициальная переписка. Основная часть этих материалов сосредоточена в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР. Прежде всего, это следственно-судные дела участников революционного движения в Белоруссии и Литве в 1850—1860-х годах. По приблизительным подсчетам, только через следственные комиссии 1863—1865 гг. прошло около 6 тыс. осужденных участников восстания, не считая административно наказанных или отданных на поруки. Военно-полевой суд при штабе Виленского военного округа и образованный несколько позже, в октябре 1863 г., Временный полевой аудиториат рассмотрели до 1 января 1865 г. около 2 тыс. дел объемом свыше 220 тыс. листов, и это далеко не все, так как военные суды действовали еще и в губерниях и уездах.

Среди указанных 2 тыс. дел есть многотомные, сводные дела, посвященные революционным организациям губерний и уездов, а также и отдельным участникам восстания.

В ЦГИА Литовской ССР ныне хранится и богатый архив «Общества друзей наук», спасенный в годы гитлеровской оккупации виленскими книголюбами. В нем находятся автографы воспоминаний ряда участников и современников восстания, коллекция повстанческих воззваний.

Кроме дел следственных комиссий и полевого аудиториата, нами использованы и другие материалы из фондов ЦГИА Литвы, Штаба Виленского военного округа, Канцелярии генерал-губернатора, а также материалы Центрального государственного исторического архива БССР в г. Гродно.

Ценные документы были найдены и изучены в фондах Центрального государственного исторического архива СССР в Москве, ныне Отдела дореволюционных фондов ЦГАОР. Это, прежде всего, дела III отделения (I экспедиция, секретный архив), личные фонды М. Н. Муравьева, В. И. Семевского, фонды следственных комиссий. В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ) нами изучены отчеты губернаторов Северо-Западного края в фондах Министерства внутренних дел, Правительственного сената и департамента полиции. В Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО) использованы материалы фонда С.-Петербургского университета, в котором обучались многие видные деятели восстания.

Интересные материалы по восстанию 1863 г. хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в Москве (ЦГВИА). Здесь в коллекциях бывшего Военно-ученого архива (ф. 484) собраны донесения начальников карательных отрядов и колонн по каждой губернии. В этой же коллекции отложилось много следственных дел повстанцев, официальных отчетов, записок, проектов, писем и т. п.; ценнейшими являются хранящиеся здесь же дела с документами и материалами, взятыми у пленных повстанцев. В фонде Аудиториатского департамента (ф. 9л) хранится значительное количество дел (конфирмационных) участников восстания.

В восстании принимали активное участие многие видные офицеры Генерального штаба и слушатели академии Генерального штаба. Для изучения их деятельности, а равно и правительственных распоряжений, связанных с подавлением восстания, большое значение имеют материалы фондов Департамента Генерального штаба (ЦГВИА, ф. 544), главного начальника военно-учебных заведений (ф. 725), Академии Генерального штаба (ф. 38), Инженерной академии (ф. 330), инспекторского департамента (ф. 395), а также материалы фонда петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова (ныне хранится в ЦГВИА, ф. 109л).

Ряд интересных документов находится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ). Это прежде всего мемуары тогдашнего военного министра России Д. А. Милютина, дневники и записки И. А. Никотина, бывшего личного секретаря М. Н. Муравьева, позволившие внести существенные коррективы в его же позднее опубликованные воспоминания. В фонде Д. А. Милютина содержится также ряд писем к нему различных должностных лиц о принятии мер по подавлению восстания (М. Муравьева, В. Долгорукова и др.). Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) также обладает рядом фондов, содержащих материалы о восстании 1863 г.

Прежде всего, это (ф. 629) «Материалы по истории польского восстания». Фонд включает 20 переплетенных томов из архива бывшего члена Варшавской следственной комиссии П. Г. Цугаловского (полковой адъютант Литовского гвардейского полка, шефом которого был наместник Берг). В его архиве сохранились показания О. Авейде, К. Маевского, В. Рудницкого, З. Янчевского, Р. Рогинского и других, а также различные сводные очерки и записки по отдельным вопросам. Менее богат, но более важен для нашей темы архив В. Ратча, хранящийся в ГПБ. В нем 16 папок и несколько ненумерованных дел, составляющих коллекцию повстанческих воззваний, выписки и заметки В. Ратча, составленные по подлинным, частично не сохранившимся материалам.

Несмотря на кажущееся обилие материала, многие важные вопросы остаются неосвещенными. Это вполне понятно, так как основная масса документов характеризует организацию борьбы царизма против повстанцев. Позицию революционного лагеря такие документы или не затрагивают вообще, или передают в искаженном виде. Конечно, когда других данных нет, то приходится восстанавливать картину событий и по этим далеким от истины свидетельствам.

Сопоставляя различные донесения, учитывая внутренние противоречия в правительственном лагере, цели, с которыми составлялся тот или иной документ, и т. д., можно подчас в общих чертах восстановить прошедшее. При пользовании подобного рода источниками автор руководствовался следующим указанием В. И. Ленина: «...мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения» [81].

Интересна в этом отношении переписка Муравьева-Вешателя. Он давал оценку событиям и, в частности, отношению крестьян к восстанию в зависимости от назначения письма, причем нередко его оценки были прямо противоположны (в разных письмах, написанных с различными целями). Защищаясь от обвинения в излишней жестокости и притеснении польских дворян-помещиков, Муравьев в письме к Валуеву в августе 1863 г. утверждал, что он наказывал дворянство за бунт против государя и награждал крестьян, сохранивших «за малым исключением» верность престолу. В письме к Долгорукову от 18 февраля 1864 г. Муравьев писал уже совсем противоположное. И речи нет о верности народа государю: «Никак нельзя оставлять в Западном крае все те горючие элементы, коими он наполнялся в течение десятков лет. Пожар был здесь общий и все горело сильным пламенем» [82].

Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве явилось кульминационным пунктом борьбы революционных разночинцев. Последние на протяжении многих лет готовились к вооруженному выступлению, создали нелегальную организацию, разработали план выступления, обсуждали программу, роли различных групп населения в предстоящем выступлении. Это наиболее важные вопросы. Но именно они-то менее всего освещены в следственных делах, по существу единственном источнике для их исследования. Большинство допрашиваемых не давало требуемых царскими следователями показаний, но в архивах есть немало и так называемых «чистосердечных сознаний», как правило, принадлежащих лицам, не игравшим заметной роли в движении. Авторы их — попутчики революции. Подхваченные общим подъемом, примкнувшие к идущей в сражение могучей армии, они в час поражения не выдерживали, сжигали знамена, клеветали на погибших друзей, молили о даровании жизни. Показания Оскара Авейде — один из самых известных источников. Авейде, входивший в состав почти всех сменявших друг друга комитетов, руководивших повстанцами, обладавший феноменальной памятью, после ареста купил жизнь ценой откровенных показаний [83]. Помимо Авейде, подробные показания дали также и некоторые другие повстанцы (В. Косовский, Дзичковский, Парафианович), но в общей массе следственных дел они занимают ничтожное место. К тому же показания ренегатов, несмотря на их «чистосердечность», не могут, конечно, претендовать на полную достоверность.

При анализе следственно-судных дел повстанцев необходимо учитывать и некоторые специфические особенности приемов муравьевских чиновников. Подробно эти вопросы рассматриваются нами в последней главе настоящей работы при характеристике методов борьбы царизма с повстанцами. Своеобразное понимание Муравьевым законов привело к тому, что часто только что начатое следствие прерывалось и выносился ничем не аргументированный приговор. Были случаи, когда те или иные неугодные сведения, сообщаемые арестованными, не записывались. Все дела носят отпечаток спешки. Для Муравьева следствие всегда оставалось не более чем фиговым листком, призванным лишь прикрыть террор видимостью законности. Поэтому следователи даже не обращали внимания на имеющиеся в делах противоречия между показаниями. В приговорах иногда выдвигались совершенно необоснованные обвинения, иногда же опускались важные данные. Например, приговор И. Огрызко был вынесен на основе показаний В. Косовского и О. Авейде, однако в сообщенных ими фактах были противоречия.

Другой пример. К. Калиновский отрицал всякое участие в подготовке восстания, умолчал о своей революционной деятельности в университете, ничего не говорил о «Мужицкой правде».

Никаких вопросов ему не задавалось, в обвинительном заключении его деятельность по подготовке восстания даже не упомянута, а между тем Муравьев направил в III отделение ряд документов о революционном движении в университетах страны, где отмечалась активная роль К. Калиновского задолго до восстания. Даже царские юристы вынуждены были позже признать, что делопроизводство в следственных комиссиях велось небрежно и поверхностно, что протоколы допросов иногда вовсе не соответствовали сущности дела, многие свидетели не допрашивались, а обстоятельства, на которые указывали подследственные лица, не изучались.

Помимо документов царского следствия, в военно-судных делах содержатся и другие, более важные, хотя и более редкие документы — это письма повстанцев, захваченные у них при аресте, или перехваченные агентурой, наброски статей и программ, дневниковые записи и т. п. Однако эти документы очень редки.

Перед вооруженным выступлением в Вильно возник Провинциальный комитет, о деятельности которого нет ни одного документа (устава, программы, протоколов заседаний и т. п.). И все же за эту завесу конспирации можно проникнуть. Революционеры 60-х годов не были сектой заговорщиков, наоборот, они считали себя выразителями народной воли, готовились к роли руководителей народной борьбы. Крестьянству они отводили решающее место в подготовляемом вооруженном выступлении, к нему они адресовались в прокламациях, листовках, статьях. Поэтому последние приобретают особое значение как драгоценнейший источник внутренней жизни революционного лагеря.

Чрезвычайно важным является и другой вид документов, также вышедший из повстанческого лагеря,— донесения и рапорты командиров повстанческих отрядов о ходе восстания, о моральном духе бойцов и населения, о боевых действиях повстанцев. Правда, до нас дошло всего несколько таких документов, но среди них рапорты видного деятеля восстания Б. Колышки, приказы В. Врублевского, инструкции К. Калиновского.

Важный источник для изучения восстания — мемуарная литература. Мемуары в большинстве своем далеки от беспристрастного изложения событий. К тому же все они касаются только отдельных сторон и эпизодов борьбы. Среди мемуаров нет ни одного, который освещал бы весь ход событий, связанных с восстанием. На мемуарах сказалась как сдержанность и пристрастность авторов, так и обработка издателей. Так, мемуары Яна Станевича были изданы его сыном только в отрывках. Издатель мемуаров Я. Гейштора — Корзон произвольно опустил первую часть воспоминаний, относящихся к периоду

подготовки восстания — 1846—1856 гг.[84] Как всегда, на мемуарах лежит печать времени. Многие детали авторы забыли, некоторые события хронологически сдвинулись, утратив последовательность и связь, на многое авторы стали смотреть иначе. Порицание «ошибок молодости» весьма распространено в мемуарной литературе. Этого не избежали и некоторые повстанцы, бравшиеся за перо через много десятилетий после восстания.

Ценным источником являются дневники и письма участников событий и современников. К сожалению, писем и дневников повстанцев сохранилось очень мало. Враждебный революции лагерь представлен шире. Здесь дневники министра внутренних дел П. А. Валуева, личного секретаря Муравьева титулярного советника И. А. Никотина, генерала Н. Цилова[85]. Они в какой-то мере раздвигают завесу официальной лжи. Валуев отмечает растерянность царского правительства, разногласия между сановниками, напуганными народным восстанием. Никотин шлет проклятья своему патрону, Цилов не скрывает возмущения действиями властей, отмечает необъективность хода расследования.

В настоящей работе широко использованы материалы прессы того времени: «Колокола», «Современника», «Отчизны», «Руха», «Неподлеглости», а также «Дня», «Северной пчелы» — органов российского либерализма, «Московских ведомостей» — органа воинствующего шовинизма во главе с Катковым.

Положив в основу исследования архивные материалы, автор пользовался различными сборниками документов и материалов о восстании. Среди них дореволюционные сборники, составленные пристрастно и односторонне сотрудниками Муравьевского музея. Вышедший в буржуазно-помещичьей Польше сборник Е. Малишевского «Rok 1863» также крайне тенденциозен, в него не вошли ни «Знамя свободы», ни «Мужицкая правда», не нашлось в нем места и другим важнейшим документам, обращенным к «народу земли Литовской и Белорусской», изданным К. Калиновским и его соратниками. Зато в сборнике широко представлены обращения помещичье-националистской группы Гейштора[86]. То же самое можно сказать и о сборнике материалов, изданном Е. Врублевской в Вильно[87]. И здесь проявилось свойственное польской буржуазно-дворянской историографии нигилистическое отношение к своеобразию литовско-белорусского восстания, отразившееся на деятельности «Общества друзей наук» в Вильно (основано в 1907 г. д-ром В. Загорским). Собрав богатую коллекцию документов о восстании, имея доступ к архиву бывшего Муравьевского музея, Общество не издало ни документальных сборников, ни обобщающих монографий.

Из опубликованных советскими историками документальных сборников прямое отношение к нашей теме имеют публикации по истории Белоруссии, изданные АН БССР[88], но они тематически узки, а многие документы приведены лишь в выдержках. Более ценными по истории крестьянского движения являются публикации С. Н. Валка и Е. А. Мороховца[89], но и они не освещают целого ряда интересующих нас вопросов. Поэтому в работе над исследованием восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве автору пришлось обратиться непосредственно к архивным делам. В ряде мест цитируются документы, имеющие несколько списков и копий. Как правило, автор пользовался данными ЦГИА Литовской ССР, указывая также и материал, возникший позже, на основе следственных дел в виде донесений центральным правительственным органам.

* * *

Темой настоящей работы является восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве, выяснение его причин, движущих сил и характера, программы и тактики руководства, причин поражения. Ставится вопрос о роли и месте восстания в общероссийском освободительном движении.

Восстание было открытой схваткой с силами реакции двух разнородных революционных потоков, переплетавшихся между собой,— аграрного крестьянского движения и польского национального. Какие корни питали их, объединили в один лагерь? Какие отношения сложились между различными социальными группами, выступившими против царизма, к чему они стремились? Почему потерпели поражение? Вот вопросы и задачи исследования.

Выяснение их, как уже отмечалось, начинается не на пустом месте. Советская и польская марксистская историографии имеют немалые достижения в исследовании как аграрного, так и национального движения эпохи падения крепостного права в России и Польше. Сложнее обстоит дело с исследованием деятельности революционно-демократических групп и организаций, готовивших восстание и возглавивших его. Последнее нельзя безоговорочно и полностью отождествлять с массовыми стихийными выступлениями крестьян того времени, лишенными всякой политической сознательности, организованности, единства и целенаправленности действий.

Уходя своими истоками к этой стихийной борьбе масс, восстание 1863 г. вместе с тем — одна из самых смелых и крупных попыток революционной партии шестидесятников возглавить борьбу народа, превратить его антипомещичий порыв в демократическую революцию. Поэтому тема восстания 1863 г. органически сливается с исследованием другой большой и еще недо-

статочно разработанной проблемы — движением революционных разночинцев и прежде всего с деятельностью нелегальных организаций того времени. Однако эта последняя проблема не анализируется в данной работе специально. Вопросы, с ней связанные, ставятся, поскольку это необходимо для исследования предпосылок восстания и его хода в Белоруссии и Литве.

Деятельность белорусских и литовских революционных демократов в 30—60-х годах уже рассматривалась нами в ранее изданных работах, а в этой в центре нашего внимания находятся действия масс, прежде всего крестьян. Естественно, что многие стороны жизни революционных организаций остаются или за пределами исследования, или затрагиваются лишь частично, в той мере, в какой это необходимо для изучения народных движений. Предупреждая возможные упреки и недоразумения, скажем, что история первой «Земли и воли», так называемый «казанский заговор», события 1863 г. в Мариенгаузене (дело типографии «Земли и воли») и некоторые другие важные события в России специально не изучаются. То же следует сказать и о восстании 1863 г. в Польше, хотя оно и тесно связано с борьбой повстанцев Белоруссии и Литвы. Такая структура книги вызывается не только обширностью исследовательского комплекса, но и тем, что в ряде случаев автор мог сослаться на специальные работы советских и польских историков-марксистов, давших, особенно за последние годы, ценные монографии по этим проблемам[90].

Исследование движения революционных разночинцев в Белоруссии и Литве, без чего, как отмечалось, нельзя понять ни причин, ни характера восстания, также значительно продвинулось вперед в последнее время. Поэтому автор в данной работе сосредоточил внимание не на анализе внутренней истории революционных кружков и организаций, а на подготовительной работе к восстанию, осуществлявшейся ими среди крестьянства. Естественно, что вопрос об отношении революционных деятелей к народу, место последнего в планах вооруженного выступления — одна из задач этой книги. Отсюда интерес автора к различным формам ведения пропаганды в народе, прежде всего такой, как издание «Мужицкой правды» — органа, специально предназначенного для крестьян.

Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве было направлено своим острием против отжившего феодального базиса и охранявшей его самодержавно-бюрократической надстройки. Сам факт вооруженного выступления масс — ярчайшее проявление кризиса крепостнической системы. Восстание охватило территорию, населенную различными народностями (белорусской, литовской, польской, частично латышской и украинской), вступившими уже на путь консолидации в нации. Не рассматривая этого процесса детально (это тема специального исследова-

ния), автор не мог не уделить внимания национальным лозунгам, требованию равенства и свободы народов, раздававшихся в лагере восставших. Центром исследования является аграрный вопрос, отношение крестьян Белоруссии и Литвы к восстанию. В соответствии с этим автор изучает не только ход восстания, но и события периода первой революционной ситуации.

Настоящая работа тематически связана с нашими предшествующими исследованиями революционного движения в Белоруссии и Литве. Она является прямым продолжением, а в некоторых специальных вопросах развитием и конкретизацией положений, выдвинутых в них [91]. Поэтому некоторые стороны проблемы, рассмотренные нами ранее, в данной монографии специально не исследуются. Это относится, прежде всего, к проблеме русско-польских революционных связей 30—50-х годов, к деятельности Сераковского и Калиновского в Петербурге накануне восстания.

Хронологически работа охватывает события с конца Крымской войны до середины 60-х годов XIX в. Вводя в научный оборот ряд новых архивных документов и не известных советскому читателю польских мемуаров, автор счел своим долгом возможно более полно привести их тексты и отказаться от обширных полемических замечаний, тем более что ряд неверных положений, бытующих в литературе, был порожден именно узостью документальной базы.

Глава вторая

Освободительное движение в Литве и Белоруссии накануне восстания 1863 г.

1. Крестьянские волнения

Начало 1861 г. ознаменовалось в России резким усилением аграрного движения. 19 февраля был официально одобрен и вскоре обнародован манифест, дарующий крестьянам «вольность». Ограбленные и обманутые крестьяне начали «бунтовать». Против восставших были брошены войска. В Белоруссии и Литве аграрное движение переплеталось с требованием национальной свободы. Большое влияние на край оказывало и польское освободительное движение. 15 (27) февраля 1861 г. в Варшаве полиция расстреляла безоружную демонстрацию жителей города. «Вопрос крестьянский и варшавские дела — эти два события поглощают все наше внимание»,— писал в те дни один из виленских жителей [1].

Аграрный и национальный вопрос мог быть решен в интересах народа только путем свержения самодержавно-крепостнического режима. Однако в стране, несмотря на массовое антиправительственное, антифеодальное движение, не было революционного класса, способного возглавить борьбу и довести ее до победного конца. Царское правительство нашло выход из революционного кризиса, проведя реформу 19 февраля 1861 г. «Крестьян „освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители" *так* повели дело, что крестьяне вышли „на свободу" ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» [2]. Бывшие крепостные в результате «освобождения» лишились плодородной земли, их переселяли на песок, у них отбирали леса, сенокосы, пастбища. Они повсеместно жаловались, что помещики отняли у них не только угодья, но и «землю около хат» [3]. По далеко не полным данным, крестьянские наделы в Белоруссии и Литве сократились на 30%. Крепостных освобождали не от гнета по-

мещика, а от хлеба и земли. В некоторых районах безземельные составляли до половины всего деревенского населения [4].

На территории шести губерний (Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Виленской, Ковенской) проживало около 5,5 млн. человек [5]. Подавляющая часть населения была связана с земледелием. Белоруссия и Литва относились к числу районов с наибольшим засилием крепостников-помещиков. По 9-й ревизии, крепостные крестьяне в Литве и Белоруссии составляли 53,68% всего населения, в то время как по России в целом — только 37,5%. Нигде крепостное право не давило на крестьян с такой силой, как здесь. На 4 млн. крестьян (помещичьих 2,8 млн.; государственных 1,2 млн., удельных 15 тыс.) приходилось свыше 200 тыс. дворян (потомственных и личных) и 30 тыс. священнослужителей. Не случайно по числу дворян губернии края занимали первое место в России [6].

Западный край был районом острой классовой борьбы, где аграрные противоречия дополнялись и переплетались с национально-религиозными. Это проявлялось во время рекрутских наборов, сопротивление которым носило особенно упорный характер в Литве. Во время набора 1855 г. литовские крестьяне отбивались камнями и дубинами от полиции и скрывались в лесах, причем в отдельных случаях группы беглецов доходили до 200 человек. По официальным данным, сопротивление рекрутской системе (побеги) носило наиболее упорный характер в Литве и Белоруссии, превосходя в этом отношении даже Царство Польское [7].

За период с 1857 по 1860 г. только в Ковенской и Виленской губернии, по неполным данным, произошло около 120 крестьянских выступлений [8]. В Белоруссии, по донесениям властей, «деревни бунтовались до сумасшествия», дрались с полицией, отбивали арестованных «зачинщиков». Царские власти опасались, что в Белоруссии сопротивление крестьян «может дойти до случаев таких, как в Галиции» [9]. Собираясь на ярмарках, в церквах и костелах, крестьяне обсуждали между собой слухи о готовящейся «воле», о намерениях помещиков скрыть царскую грамоту. «Крестьяне перестали даже верить в возможность освобождения от господ»,— доносили агенты III отделения [10].

Крестьянское движение было стихийным. Борясь против помещиков, оказывая упорное сопротивление местным властям, крестьяне ждали «воли» от царя, верили в его добрые намерения. И все же, несмотря на бьющую в глаза политическую беспомощность, именно крестьяне заставили царизм отменить крепостное право на условиях, не удовлетворяющих, конечно, крестьян, но не совсем устраивающих и помещиков. Царизм был вынужден дать крестьянам не только личную свободу, но и полевые наделы земли, против чего возражало дворянство многих губерний. Борьба угнетенных опрокинула крепостничество.

Падение крепостного права, по словам В. И. Ленина, надорвало полицейскую завесу, прикрывающую противоречия между классами [11].

Царское правительство страшилось объявления грабительской реформы, зная, как далека она от чаяний и надежд крестьянства. Накануне провозглашения манифеста Александр II беспокойно заметил, что страна входит в небывалую эру, никто не знает, что может произойти в будущем и надо быть готовым на все [12]. По словам военного министра Д. А. Милютина, «правительство не чуждо было тревожного ожидания того момента, когда вдруг снимается узда с многих миллионов порабощенного народа. Поэтому заранее обсуждались и принимались всякие меры к предупреждению и укрощению ожидаемых беспорядков и волнений, были даже некоторые перемены в дислокации войск. Местным начальникам даны были заблаговременно инструкции на случай нарушения спокойствия и порядка». По данным Милютина, войска, расположенные в Северо-Западном крае, были усилены 12 батальонами [13].

По стране ходили слухи, что «воля» будет объявлена в годовщину восшествия на престол Александра II, т. е. 19 февраля. Страшась испытывать народное терпение, правительство ускорило опубликование манифеста. «Если ничего не будет к 19 февраля,— писала великая княгиня Елена Павловна члену редакционных комиссий Н. А. Милютину,— чернь явится к Зимнему дворцу с требованием освобождения» [14]. Для борьбы с ожидавшимися выступлениями крестьянства в губернии были посланы личные представители царя с самыми широкими полномочиями. Войска были приведены в боевую готовность. Священный синод дал приказ священникам внушать прихожанам чувства преданности государю. В целях осторожности объявление «Положений» 19 февраля проводилось разновременно. В Белоруссии и Литве обнародование реформы провели в период 8—12 марта (ст. ст.) и здесь, как повсюду, манифест вызвал глубокое разочарование масс.

«В четверг 9 марта в Минске читали манифест,— пишет очевидец.— Сотские и десятские сгоняли в собор с улиц мужиков, продававших дрова... Собранные мужики слушали, слушали и, прослушав, сказали: „Провались вы с вашей вольной. Паны подкупили и не дают еще настоящей“. Неудовольствие мужиков большое, в особенности к помещикам...» [15] Эпистолярные свидетельства дополняются официальными данными. «Манифест не произвел на крестьян то радостное впечатление, которого следовало бы ожидать»,— писал царю генерал Веймарн после объезда Витебской губернии [16]. По словам министра внутренних дел Ланского, «местами, в особенности в губерниях белорусских и литовских, впечатление, произведенное манифестом, было неблагоприятное» [17]. Чуть ли не повсеместно крестьяне

отказались от исполнения феодальных повинностей. Первые сообщения о крупных волнениях крестьян были получены правительством из Поволжья, Белоруссии и Литвы[18].

Д. А. Милютин отмечал, что во многих районах страны при подавлении крестьянских волнений «не обошлось без крутых мер и даже употребления оружия». Выделяя наиболее упорные волнения крестьян, он называл и ряд пунктов Белоруссии и Литвы, где власти «подвергли виновных тяжелой расправе», и признавал, что «крестьянское дело в Северо-Западном крае приняло весьма неблагоприятное направление»[19].

Наиболее значительные выступления крестьян в Белоруссии и Литве (имения Заблудово, Ивье, Лабгир (Лабгирай), Рудки, Лысково и др.) проходили под лозунгом прекращения повинностей в пользу помещика, как якобы не совместимых с объявленной «волей». Сказывалось и одно местное обстоятельство. До 19 февраля повинности крестьян формально регулировались настолько завышенными инвентарями, что полностью не могли быть выполнены крестьянами. Когда же по местному «Положению», составленному вразрез с планом дворянства края, повинности снизили на 10%, то помещики произвели это снижение не от фактически исполнявшихся уроков и расценок, а от формальных, и на деле не снизили, а увеличили гнет. Естественно, что это укрепляло крестьян в мысли о подложности манифеста, следствием чего был повсеместный отказ от исполнения повинностей. Жандармский подполковник Лосев (штаб-офицер по Виленской губернии) в письме к Долгорукову признал, что «уменьшение инвентарных повинностей на $^{1}/_{10}$ часть, как требуется по уставным грамотам, быта крестьян не облегчает»[20].

Сразу же после обнародования манифеста крестьяне края «решительно и с упорством отказались от исполнения инвентарных повинностей». В Гродненской, Ковенской, Могилевской, Витебской губерниях целые уезды отказывались от работы на помещика в самые горячие дни весенних полевых работ. «Не думай, что наши мужики спокойнее русских,— писал виленский помещик 20 мая (ст. ст.) 1861 г.— Правда, до сих пор еще никого не зарезали, зато с самого объявления вольности перестали повиноваться господам и выполнять всякие повинности. Понятно, что без наказания не обошлось. Полиция и во многих местах войско, усмиряя бунты, зачинщиков секли насмерть и, конечно, как в тех местах, так и в окрестностях становилось тихо, зато в других местах повторяются бунты. Полиция, чиновники особых поручений и даже адъютанты военного губернатора беспрестанно разъезжают для усмирения крестьян. Дай бог здоровья нашим начальникам губернии Назимову и Похвистневу, что строго принялись за усмирение бунтов, а иначе, если б они показали слабость, то дело дошло бы и до наших шей! Что будет с нашими доходами?»[21]

Аналогичные факты сообщал в марте 1861 г. гродненский помещик В. Фрибенс: «Скверно у нас, крестьяне бунтуют, не хотят отправлять барщину, собираются толпами... Жизнь помещиков не в безопасности»[22].

Как бы в ответ на вопль отчаявшегося помещика его вилейский собрат 21 июня (ст. ст.) 1861 г. писал: «Крестьяне нам доказали, как тяжело переходное время; возмущение в мыслях страшное, в некоторых местностях оповещено, что еще должны слушаться господ, а в других объявлено, что вся собственность господина принадлежит им, потому что приобретена их трудом и, следовательно, должна быть им возвращена. Помещики повсюду сделали разные уступки. Но это не принесло никакой пользы, и крестьяне, получившие уступки, требуют других, уверяя, что государь им все отдал. Нашлись некоторые особы, которые утвердили их в этой вере и несколько их уже взято под арест»[23].

В апреле брестский земский исправник доносил гродненскому губернатору, что в 21 имении уезда «крестьяне оказали явное неповиновение в отбывании ими следующих от них повинностей..., едва за содействием военной силы приведены в должное повиновение» и хотя крестьяне внешне смирились, «однако же на их обещание нельзя полагаться, ибо теперь они не могут сопротивляться, зная о том, что будут заставлены к исполнению их обязанностей военной силой, но они и в настоящее время убеждены, что им следует гораздо меньше отбывать повинностей». И в других имениях уезда «крестьяне состоят в недоумении, но боятся лишь только военной команды»[24].

В Белостокском уезде той же губернии волнениями было охвачено весной 1861 г. свыше 20 имений с населением около 10 тыс. человек. Центром волнения было имение Заблудово. Флигель-адъютант Нарышкин окружил войсками восставших и приказал пороть каждого шестого. В донесении он умолчал о степени крестьянского сопротивления, но мемуары военного министра Милютина раскрывают, что в Заблудове войска стреляли в крестьян[25].

Волнение в Ошмянском уезде охватило до 10 тыс. крестьян, центром его было местечко Ивье (свыше 4 тыс. душ). Крестьяне отказались отбывать повинности. Встревоженные власти вызвали из Варшавы владельца имения графа Августа Замойского, приказав «лично принять меры для подавления бунта крестьян». Когда уговоры и посулы не помогли, в ход были пущены штыки. Восставшие были окружены войсками, но отказались разойтись и выдать своих руководителей Семена Полку и Иосифа Горбача. «При попытке, по приказанию члена губернского присутствия, пехоты взять главных зачинщиков, толпа бросилась на штыки конвоя...» Это волнение потопил в крови карательный отряд поручика графа Тышкевича[26].

Во время волнения в местечке Лысково Волковысского уезда Гродненской губернии полиция оказалась в жалком положении. Пристав был оттеснен толпой. В описании события, составленном прибывшим в местечко волковысским исправником, говорится: «Я нашел на плацу толпу крестьян более ста человек, столпившуюся в тесную колонну, которая, обняв и окружив пристава, продолжала во весь голос шуметь с азартом. Когда я с приставом отзывались к одному, то все с азартом и криком отвечали нелепости. Остановясь у подъезда дома, и чтобы не попасть в постыдное окружение толпы, мы оба стали повыше — на крыльце — тыл отступления. Заметна была какая-то готовность — только затронь наших... Толпа громко и дерзко с твердостью отвечала, что они сгонную повинность отбывать не будут для того именно, что им таковая в тяжесть, что они знают, что вся губерния от этой повинности откажется, что они никому не верят, даже губернскому начальству..., что какое это освобождение от крепостной зависимости, когда нет ни малейшего уменьшения повинностей... И в других соседних имениях подготовились крестьяне отказаться от сгонов. Заметно есть какая-то двигательная пружина...» [27]

В Гродненской губернии за февраль — сентябрь 1861 г. уже выявлено 77 волнений, но эта цифра ориентировочная. Материалы донесений земских исправников двух уездов (Брестского и Белостокского) указывают свыше 40 выступлений только за март — апрель 1861 г. Не менее сильными были они и в уездах Бельском, Сокольском, Пружанском, Слонимском и др.[28] Во многих местах, по признанию жандармских офицеров, «употреблялась сила оружия для усмирения крестьян»[29].

По подсчету С. А. Лазутки, в 1861 г. в Ковенской губернии произошло 107 и в Виленской 88 волнений[30]. Крупные «бунты» отмечены весной 1861 г. в ряде имений (до 15) Ново-Александровского уезда Ковенской губернии. Крестьяне заявляли, что «они не обязаны нести повинности в пользу владельцев, что земля, находящаяся в их пользовании, составляет их собственность». Сопротивление крестьян было подавлено военной силой. Крестьяне этого уезда в 1863 г. громили местные органы власти[31].

Другой район упорного сопротивления крестьян находился на границе с Курляндией у местечка Биржи (Биржай) (14 тыс. крепостных), принадлежавшего графу Яну Тышкевичу. Волнения здесь были и ранее, но особенной остроты достигли в 1861 г. и охватили 14 сельских обществ, грозя распространиться на соседние районы. Поводом служил отказ крестьян от избрания сельских должностных лиц, но по существу они выступили против реформы в целом, так как были убеждены, что если примут участие в выборах, то тем самым признают «ненастоящую волю» и закроют себе путь к получению новых вольностей, которых

ожидали весной 1863 г. Несмотря на применение оружия, недовольство крестьян не улеглось [32].

Сильные волнения прошли весной 1861 г. в Россиенском уезде. По донесениям жандармов, «в несколько дней в 12 значительных имениях в Россиенском и Ковенском уездах между реками Юрой и Дубиссою, близ прусской границы, на пространстве 80 верст крестьяне перестали выходить на барщину». Волновавшиеся крестьяне действовали дружно, собирались на сходы для обсуждения своих дел, прогоняли с полей тех, кто выходил на барщину, отказывались слушать «увещевания». Центр этого движения находился в имении Лабгир (Лабгирай) помещицы Кейсаровой (свыше 4,5 тыс. душ), где и ранее не раз вспыхивали «бунты». Восставших поддержали крестьяне еще 12 смежных имений. Движение на берегах реки Дубиссы было подавлено, но сыграло значительную роль в развитии классовой борьбы. В 1863 г. в этом районе возник крупный повстанческий отряд под руководством Б. Колышки, состоявший главным образом из местных крестьян [33].

Крестьянские волнения 1861 г. в Белоруссии и Литве носили пассивный характер. Войска, посланные на усмирение «бунтов», без труда подавляли их. Только в нескольких случаях крестьяне отважились сопротивляться военной силе, да и то ограничились защитой. Так действовали крестьяне имения Ивье в Виленской губернии. Аналогичные случаи произошли в имении Зальмуйже и Людвиомполь Витебской губернии, где тысячные массы восставших оказали сопротивление войскам [34].

В течение 1861 г., по признанию властей, в стране произошло 784 волнения, охвативших 2034 селения, или 1176 имений. По сравнению с предшествующим 1860 г. это означало рост более чем в 7,8 раза [35]. Более точный подсчет, сделанный С. А. Токаревым, показал, что количество волнений достигало 1259, из которых 358 были подавлены силой оружия (в 1860 г. этих случаев было только 32). Около половины всех крестьянских выступлений (542, или 43%), замечает С. А. Токарев, приходится на следующие 10 губерний: Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Казанскую, Ковенскую, Пензенскую, Подольскую, Смоленскую, Тамбовскую и Черниговскую. Именно в этих губерниях классовая борьба крестьян с помещиками проходила наиболее ожесточенно. Не случайно по применению военной силы в борьбе с крестьянами Гродненская губерния шла на первом месте: 39 случаев за один год [36].

По данным С. А. Лазутки, в 1856—1857 гг. в Ковенской и Виленской губерниях выявлено 30 крестьянских волнений, в 1858—1860 гг.— 88, в 1861 г.— 196 волнений (из них 107 в Ковенской губернии). Автор предупреждает, что цифры нельзя считать окончательными [37]. В Белоруссии за 1861 г. М. Б. Фридман выявлено более 200 волнений [38].

Восстания временнообязанных крестьян 1861 г. были потоплены в крови. Характерно, что в апреле 1861 г. царские власти в Литве и Западной Белоруссии спешно провели массовое изъятие охотничьего оружия у населения, сохранив его только у помещиков «в таком количестве, в каком они сами признают нужным». Обезоружив крестьян, расставив по мятежным селам воинские команды и казачьи посты, перепоров и посадив под замок «зачинщиков», власти все же вынуждены были пойти на уступки крестьянству. По согласованию с правительством генерал-губернатор Назимов в октябре 1861 г. приказал снизить число сгонов до 8 дней с рабочей души, отменить добавочные повинности, а барщину («пригон») довести до 23 дней с крестьянского хозяйства в год[39]. Уступки царского правительства крестьянству продолжались и в 1862 г. Наличие в крае национального движения еще более обостряло положение, заставляло царизм маневрировать.

В конце 1861 г., и особенно в 1862 г., борьба крестьян против реформы принимает характер бойкота института мировых посредников, сельских старшин, отказа от уставных грамот. Подобные волнения охватили 42 губернии (186 уездов). За период с октября 1861 г. по февраль 1863 г. в стране произошло около 503 волнений[40]. Продолжая отказываться от исполнения повинностей, крестьяне все чаще и чаще выдвигают на первый план протест против обезземеливания, борются за сохранение «батьковщины», отказываются переселяться на «песочек». По неполным данным, помещики в период введения уставных грамот захватывали до $^1/_3$ крестьянских наделов. В особенности значительными «отрезки» были в Гродненской и Ковенской губерниях[41].

В крестьянских жалобах указывалось, что помещики отняли у них бо́льшую часть лучшей пахотной и сенокосной земли и пастбищные места для скота, обрекли на нищенскую полуголодную жизнь. Жалобы оставались без ответа. Пробовали крестьяне обращаться и в суд, и к царю, но все мольбы о справедливости оставались гласом вопиющего в пустыне. Были случаи, когда помещики целые деревни сгоняли с обжитых мест, переселяя на песок и болота, принуждая бросать сады, огороды, строения[42].

Одной из причин отказа крестьян от уставных грамот было широко распространившееся убеждение, что тем, кто не пойдет на сделку с помещиком, в феврале 1863 г. будет дарована царем новая справедливая воля и они «приобретут без всякого с их стороны вознаграждения все то, за что до сих пор принуждены были отрабатывать и что они считают своею неограниченною собственностью, купленною их трудами»[43].

В ожидании новой «воли» весной 1863 г. (идея «слушного часа») крестьяне Белоруссии и Литвы почти повсеместно прекра-

тили отбывание повинностей и отказались принимать грабительские уставные грамоты. Начальник IV округа корпуса жандармов Гильдебрандт сообщал, что, объехав край, он лично убедился в том, что введение грамот натолкнулось на «упорное сопротивление со стороны крестьян..., грамоты вводятся большей частью принудительно и крестьяне, как и везде, остаются при надежде, что весной будущего года им будет отдана земля даром...» Гильдебрандт отмечал, что среди крестьян выделились вожаки, которые, «превратно толкуя положение», призывают «к открытому восстанию против помещиков, заверяя, что государь-император не любит панов и можно их вырезать». В Ковенской губернии, по его словам, волнения крестьян «достигли опасных, угрожающих общественному порядку размеров».

Причиной упорного сопротивления крестьян генерал Гильдебрандт считал деятельность революционных групп, состоящих «из мелких дворян, незначительных чиновников, ксендзов, студентов, гимназистов, женщин», которые «мечтают даже увлечь за собой крестьян». Хотя генерал полагал, что этому противодействует поместное дворянство («образованное, зажиточное») и верхушка духовенства («лучшая часть»), которые «готовы сотрудничать с правительством», но общее положение в крае рассматривал как опасное [44].

Примером сопротивления ковенских крестьян, встревоживших жандармского генерала, могут служить события в селении Плунгяны Тельшевского уезда (имение графа П. Зубова), где 4 тыс. крестьян, руководимых А. Войшвилой, готовили в марте — мае 1862 г. восстание против помещиков, намереваясь истребить их всех до одного. Крестьяне обезоруживали и сажали под замок полицейских. Волнение было подавлено только после ареста Войшвилы (его обманом заманили в уездный город) и прибытия в село батальона солдат во главе с личным представителем генерал-губернатора. Арест вождя и публичная порка нескольких десятков крестьян лишь внешне успокоили селение [45]. Это волнение с перерывами продолжалось вплоть до восстания 1863 г. Всего, по данным С. А. Лазутки, в Ковенской и Виленской губерниях за 1862 г. произошло 72 выступления крестьян, в том числе 62 в Ковенской губернии [46].

Упорным было сопротивление крестьян и в Гродненской губернии. Характерными являются события, разыгравшиеся во второй половине 1861 г. в имении Рудки Бельского уезда. Барщинные крестьяне шести деревень графини Потоцкой, выслушав царский манифест, сделали вывод, что барщину и дворовые службы отбывать не следует, что «паны сами будут кормить скот, рубить и носить дрова, топить печи». Они были убеждены, что «царь хочет, чтобы панов не было, чтобы вся земля была роздана мужикам», и дружно отказались от работ на помещика.

Собираясь по ночам, крестьяне, сообща обсудив положение, потребовали от помещика полные полевые наделы и прекращения повинностей. Было решено держаться всем вместе, а нарушителей наказывать. Волнение продолжалось и в 1862 г., когда дворовое управление потребовало принятия уставных грамот: крестьяне прогнали представителей управляющего, заявив, что «не допустят разбойства или воровства». Полиция оказалась бессильной. Для усмирения крестьян имения Рудки были посланы войска, однако крестьяне не покорились и в январе 1863 г. истреблением казачьего постоя начали вооруженное восстание [47].

Крестьяне имения Брики Бельского уезда Гродненской губернии в июне 1862 г., отказавшись от уставных грамот, «оказали неповиновение и все скрылись из деревни..., местный старшина донес, что укрывающиеся крестьяне находятся в стачке с соседними селениями, коим успели уже передать свое неповиновение к дальнейшему распространению». В этом случае у крестьян заметна некоторая организованность и стойкость. Среди них действовало «три подстрекателя, которые отзывались, что не следует слушать никаких распоряжений, касающихся введения уставных грамот, ибо это обман, увлекающий крестьян в отбывание повинностей на помещика». В деревню послали казаков. «Главных зачинщиков» арестовали, но крестьян поставить на колени не смогли [48].

Большой интерес представляют события 1862 г. в Добромысельской волости Слонимского уезда. Бывшие крепостные крестьяне помещика Керсновского деревень Мловицы, Кульки, Скоришки были лишены «батьковщины», испытывали притеснения и надругательства. Они отказались от уставной грамоты, неоднократно жаловались губернатору на помещика, посредников, старшин, пока терпение их не лопнуло. Жалоба крестьян, составленная в марте 1863 г., — длинный перечень обид, грабежа и надругательств, который нельзя читать без содрогания. Указав, что на прежние жалобы «по настоящее время никакой резолюции не дано», крестьяне настаивали на удовлетворении своих требований. Они писали: «Помещик отнял от нас земли около наших хат и отвел нам на расстоянии 10 верст селения вовсе неудобную». Их усадьбы оказались окруженными помещичьими полями, бдительно охранявшимися стражей. На крестьян посыпались штрафы. Не было пастбищ, выгона, лугов. Помещик «отвел нам пастбища в месте неудобном и болотистом, в коем лошади и другой скот погружаются и тонут».

Крестьяне указывали, что они поставлены в невыносимые условия: «Поле не пашем уже три года (начиная с 1860 г. — *Л. С.*) и сенокос не косили. Поэтому не можем содержать необходимо нужного для хозяйственных работ скота, а равно не имеем хлеба на прокормление наших семейств, так нас ограничил помещик...» За неудобные земли и болота помещик требо-

вал выкуп, в четыре раза превышающий реальную стоимость земли (подсчеты самих крестьян). Далее крестьяне подробно перечисляли, какими мерами их принуждали принять «свободу». Здесь и аресты, и публичная порка, и самый настоящий грабеж, совершенный под видом наказания «ослушников», и избиение беременных крестьянок, завершающееся преждевременными родами и смертью матерей и младенцев.

Крестьяне три года боролись с помещиком. На требование властей явиться нескольким хозяевам собиралось все село или все мужское население, попытки старосты подписать уставную грамоту от имени общества были решительно пресечены («люди трех деревень ему воспретили»). Угрозы помещика, что ослушники будут расстреляны, не действовали. Аресты не дали результата. Отстранение выборных лиц и назначение нового старосты усилило сопротивление («целая наша волость никоим образом не желает старшины, избранного не нами и без согласия волости») [49].

Последнюю жалобу губернатору крестьяне направили в середине марта 1863 г. Не удивительно, что через месяц крестьяне этих деревень связались с повстанцами и поклялись всем миром быть верными восстанию.

Несмотря на некоторое сокращение численности волнений крестьян во второй половине 1861 г. и 1862 г. по сравнению с весенними месяцами 1861 г., крестьянское движение в Литве и Белоруссии в целом не ослабло. Оно оставалось столь же грозным и упорным. Под его нажимом Назимов, ранее считавший даже «„Местное положение“ чрезмерно разорительным для помещиков, был вынужден заговорить о прекращении всяких обязательных отношений между крестьянами и помещиками» [50].

Сопротивление крестьян сорвало правительственный план. Завершить к февралю 1863 г. введение уставных грамот царизму не удалось даже с помощью самого дикого насилия [51]. В отчете III отделения за 1862 г. указывалось, что в Белоруссии и Литве «введение уставных грамот... затянулось еще более, чем в других местах, по всеобщему почти уклонению крестьян от всяких соглашений». Здесь процент действующих уставных грамот был значительно ниже, чем в среднем по стране (более чем на $^1/_3$). На 1 января 1863 г. он составил по стране 68,5%, по Литве и Белоруссии — только 40,5% [52].

В ходе сопротивления крестьяне начали проявлять некоторые черты организованности. Как правило, крестьяне одного имения держались единодушно. Обсудив вопрос на сходке, они не нарушали сообща выработанного решения. Поддерживая связь с соседними имениями, крестьяне убеждались, что повсеместно уставные грамоты составлены грабительски и их соседи тоже отказались от такой «воли». Это усиливало сопротивление крестьян. Один из чиновников Гродненской губернии писал:

«При всем этом замечательно в сильной степени развитое между крестьянами единство и солидарность. Уповая на них, крестьяне на каждом шагу оглядываются на своих соседей, утверждая, «как люди, так и мы», «что людям, то и нам»,— а поэтому требуют чрезвычайных усилий и встречают с их стороны сильнейшую опору, особенно первые шаги всякого нововведения»[53].

Крестьяне, проявив невиданное упорство и стойкость, отказались принять условия реформы. Но их сопротивление было пассивным. Они, сохраняя веру в добрые намерения царя, считали, что дарованную им вольность исказило местное начальство. Характерными в этом отношении являются действия крестьян восьми обществ из двух волостей Гродненского уезда в 1862 г.: Лунинского, Каменчанского, Стрелецкого, Жиличского, Щербавицкого, Кухаревского, Хомичского (имения Чеховской и Немцевич). Крестьяне возбудили дело в Гродненском уездном суде, требуя хотя бы сохранения инвентарных наделов, но «дело остается без движения». Не добившись удовлетворения справедливых требований, крестьяне отказались от исполнения повинностей и обратились с жалобой к царю, указывая, что борются за настоящую «волю», им дарованную, тогда как «местное начальство, т. е. мировой посредник, сельский староста, а равно земский исправник и становой пристав нарушают царскую волю»[54]. Эти события типичны. Крестьяне действуют широким фронтом. Объединение восьми сельских обществ из двух волостей — не обычное явление в стихийном сопротивлении крестьян. Борьба длится более двух лет, крестьяне не доверяют местному начальству, губернатору, но, сохраняя иллюзорные надежды на царя, не переходят к активным формам борьбы.

Донесения мировых посредников и земских исправников Гродненской губернии показывают, что богатые крестьяне, старшины и старосты (как правило, это — зажиточные мужики) были более склонны к принятию уставных грамот и выкупу земельных участков. Разумеется, это было не повсеместно. Посетив имение Крынки (помещицы фон Липхарт в Гродненском уезде) в июне 1862 г., мировой посредник граф Станислав Солтан убедился, что крестьяне, не приняв уставных грамот, выдворили графа из села, «не дозволили кончить дела». Исследовав причины создавшегося положения, граф писал, «что старшина и староста суть люди правомыслящие и меньшая, но лучшая часть хозяев подобна им, и даже некоторые желали бы сделать договор с владельцем насчет выкупа состоящих в их постоянном пользовании земель; но большая часть (крестьян), малопонятливая, подстрекаемая через нескольких возмутителей, не хочет принять уставной грамоты». Для наказания «бунтовщиков» в имение вызвали роту солдат, расквартировав ее «для постоя на 47 хозяев», что, по мнению Солтана, «будет достаточно

для убеждения воспаленных, а умеренных ободрит к явной защите порядка». Солтан в заключение указывал, что «приведение в повиновение крестьян Кринского общества хорошее влияние извергнет и на других крестьян» [55].

Крестьянское движение в период падения крепостного права прошло два этапа. Первый — от окончания Крымской войны до объявления манифеста 19 февраля 1861 г. Крестьяне упорной борьбой отвоевали не только личную свободу и усадьбы, но и полевой надел земли. После объявления «Положений» начинается второй этап крестьянского движения, который может быть подразделен на три периода. Первый (март — июнь 1861 г.) — это борьба против сохранения феодальных повинностей. Существенной чертой второго периода (июль — декабрь 1861 г.) является борьба против мировых посредников и сельских старшин, а также против грабительских уставных грамот. В следующем, 1862 г. (третий период) отказ от уставных грамот составляет главное содержание крестьянского сопротивления [56]. Борьба крестьян в 1861—1862 гг. имела еще одно важное значение: она перерастала в ряде районов Литвы и Белоруссии в вооруженные столкновения крестьян с полицией и войсками, подводила крестьян к мысли о необходимости на силу ответить силой. Очень хорошо эти настроения были выражены белорусским крестьянином, заявившим, что барщина кончится тогда, когда «хляснем ножем по шее помещика» [57]. В Вилькомирском уезде крестьяне имений, известных еще по волнениям конца 50-х годов (волости Уцянская, Добейская и др.), в феврале 1863 г. усилили «буйства». Как доносил ковенский губернатор, они арестовали мировых посредников и «гласно угрожают, что нужно перерезать всех помещиков и тогда получат землю даром» [58].

О нарастании крестьянского гнева свидетельствуют события, разыгравшиеся в конце 1859 — начале 1860 г. в имении Вежайце Россиенского уезда (свыше 500 душ мужского пола). Восстав против лишения их земельных участков и увеличения повинностей, крестьяне проявили замечательную стойкость. На тайных сходках они обсудили требования, выбрали вожаков, поклялись поддерживать друг друга. Когда жандармские офицеры, прибывшие с воинской командой, арестовали зачинщиков, крестьяне, вооружившись кольями, отбили арестованных и надежно укрыли их. Для подавления волнений ковенский губернатор, выехавший в имение, приказал выпороть свыше 20 крестьян и расположить на постой в деревне полроты солдат [59].

Черты крестьянской стойкости заметны и в других крупных волнениях. В Заблудове в 1861 г. крестьяне объявили манифест 19 февраля подложным, местную администрацию — подкупленной помещиками, от исполнения повинностей отказались и заявили, что имущество нарушителей этого решения будет сож-

жено. Когда их выгоняли на барщину, они скрывались в леса[60]. В Виленском уезде в имении Язово крестьяне в 1862 г. отказались подчиняться вновь «избранному» без их согласия старшине, заявив, что «его побьют дубиной, а помещика повесят»[61]. В ходе описанного выше восстания в имении Плунгяны весной 1862 г. крестьяне переизбрали старшину волости, боролись с полицией. К маю 1862 г. волнение разрослось, охватило еще семь соседних имений, включая «вольных людей» (всего свыше 10 тыс. душ). На угрозы властей восставшие отвечали, что они перестреляют солдат, что их больше, чем последних, что «нужно устроить общее восстание крестьян не только против помещиков, но и против начальников»[62].

В 1861—1862 гг. в ряде мест (Ковенская, Гродненская, Могилевская губернии) крестьяне «совершенно выходили из повиновения», уничтожили волостные управления, истребляли находившиеся в них бумаги, отнимали у старост штемпеля, чтобы они не приложили их к грамотам вопреки воле общества. Были случаи, когда зажиточных крестьян, принимавших грамоты, заковывали в кандалы и сажали под замок[63]. Сам факт падения крепостного права, действия властей, защищавших помещиков, многому научили крестьян. Не случайно они заявляли, что «им дано право сменять старшину, писаря и посредника»[64].

Волнения в частновладельческой деревне переплетались с борьбой казенных крестьян против гнета, усилившегося после отставки министра государственных имуществ Киселева и назначения на этот пост в апреле 1858 г. М. Н. Муравьева. Последний хотел покончить с «антидворянской тенденцией» Киселева и приравнять государственных крестьян к удельным. Являясь проводником «теории» всепоглощающего помещичьего феодализма, Муравьев объявил систему Киселева негибкой и взял курс на усиление бюрократического надзора за крестьянами, увеличение оброка, уменьшение крестьянских наделов, восстановление уничтоженных фольварков и укрупнение «оброчных ферм». В западных губерниях свыше 300 тыс. десятин земли было выделено во вновь восстановленные фольварки для сдачи в аренду на срок до 48 лет. Крестьянские наделы уменьшались, оброки увеличились на 64%, возникли дополнительные налоги для оплаты расходов по новому межеванию. Некоторые сдвиги в хозяйственном развитии литовской и белорусской деревни, наступившие после ликвидации «хозяйственного положения», не получили развития. Действия Муравьева в условиях революционной ситуации усилили недовольство казенных крестьян и явились одной из причин активного их участия в восстании 1863 г.[65] То обстоятельство, что в Гродненской и Ковенской губерниях государственные крестьяне составляли около $^{1}/_{3}$ населения деревень, а в Могилевской — менее $^{1}/_{10}$, не могло не повлиять на степень остроты классовых противоречий, форм их проявления.

Как сообщал Назимов, во время объезда края к нему «почти во всех казенных имениях» толпами являлись крестьяне с жалобами на лишение их земли и «обременительность усиленного оброка». Назимов указал, что ропот казенных крестьян растет [66].

Восстановление фольварков в казенных имениях и сдача их в длительную аренду реально рисовали перед крестьянами перспективу возвращения ненавистного «хозяйственного положения». Понятно, что казенные крестьяне заволновались, узнав, что манифест 19 февраля 1861 г. не касается их. Версия о подложности этого документа нашла и среди них благодатную почву. Казенные крестьяне требовали перехода земли в их полную собственность, уменьшения оброка, ликвидации арендных отношений и т. д.

По характеру требований и методам борьбы волнения в казенных деревнях являлись составной частью общего крестьянского движения. Отметим их важную особенность. Перед казенным крестьянином в качестве его угнетателя и врага выступал чиновник, представитель феодального государства. Неграмотный, забитый крестьянин не понимал своего правового статута, но опыт многому его научил. Острые схватки между местной властью и государственными крестьянами — нередкое явление тех лет. Случаи, когда против чиновников и арендаторов одновременно выступали крестьяне нескольких имений, особенно возросли в годы революционной ситуации. В 12 имениях Ковенской губернии волнения произошли сразу же после объявления манифеста 19 февраля [67].

Характерным для государственных крестьян были выступления в имении Лаукодзе (700 душ) Поневежского уезда, продолжавшиеся в течение всего 1861 г. Крестьяне отказались от исполнения повинностей, выдвинули своих вожаков, проявили большую стойкость в борьбе. Они отбили арестованных товарищей, изгнали из села полицию. Когда отряд солдат приблизился к деревне (шел уже январь 1862 г.), произошло настоящее сражение. Вход в деревню был завален срубленными деревьями, бревнами, камнями. Стоявшая за завалом толпа женщин и детей обливала кипятком солдат, пошедших на приступ, бросала в них камни, золу, песок. Мужчины, вооруженные вилами, шестами, дубинами, встали неодолимой стеной. На помощь к осажденным стали прибывать окрестные крестьяне, и солдаты отступили. Новую усиленную карательную экспедицию возглавил жандармский полковник Скворцов, прославивший мастером по усмирению «бунтов». Крестьяне дрогнули и разбежались по лесам. В деревне были размещены войска, по окрестностям сновали патрули, вылавливая беглецов [68].

Характерными для крестьянского движения в крае являются также волнения «вольных людей», сосредоточенных главным об-

разом в Ковенской губернии. Накануне реформы началось массовое обезземеливание их, причем правительство дало право помещикам записывать в мещане поселенных на их землях «вольных людей» даже без согласия последних (указ от 31 августа 1850 г.). О размахе начавшегося обезземеливания «вольных людей» говорит хотя бы тот факт, что с 1851 по 1858 г. число их сократилось на 11 752 души. Особенно усилился этот процесс после опубликования 20 ноября 1857 г. рескрипта на имя Назимова, что, между прочим, признавали и царские власти, но не препятствовали этому. «Закон» был на стороне помещика. Сгоняемые с обжитых мест люди лишались домов, садов, обработанных полей. Никакой компенсации помещики, разумеется, не платили. Ясно, что без борьбы «вольные люди» не уходили. Их «сгоняла» полиция и воинские команды. Столкновения на этой почве произошли в 1858—1861 гг. во многих пунктах края (имения Козалиново, Гилтелишки, Грушковка, Полужанцы и др.). В ряде случаев «вольные люди» боролись вместе с крепостными, и «временнообязанными», и государственными крестьянами [69], играя роль «зачинщиков» и «подстрекателей». Среди «вольных» были лица, многому научившиеся в своей бродячей жизни, больше было грамотных.

Частью первого общедемократического натиска на царизм были и волнения формировавшегося рабочего класса. В июле 1861 г. на строительстве Петербургско-Варшавской железной дороги близ местечка Дукшты Ново-Александровского уезда произошли события, которые, по определению С. А. Лазутки, можно считать первой забастовкой рабочих в Литве. Строители, возмущенные тяжелыми условиями труда, потребовали расчет. Не получив его, бросили работу до удовлетворения предъявленных требований. Прибывшие жандармы, арестовав «зачинщиков», принудили остальных возобновить строительство [70].

Неразрывной частью борьбы крестьянских масс против крепостнических порядков было «трезвенное движение» (борьба против винных откупов), охватившее многие районы страны. Особо упорный и массовый характер оно приняло в Литве и Белоруссии. Этому способствовали ряд местных особенностей и прежде всего широкое распространение винокурения в помещичьих вотчинах. Дело в том, что откупная система действовала в Западном крае только в городах, сельское же население пользовалось правом свободного винокурения. Используя эту привилегию, помещики строили собственные винокурни, открывали кабаки, лишая крестьян хлеба, зато в изобилии спаивая их водкой. Не случайно «трезвенное движение» в Литве и Белоруссии получило широкое развитие.

Буржуазно-дворянская литература искажала причины и характер «трезвенного движения», видела в нем разгул страстей, происки «крамольников», порождение пропагандистской анти-

алкогольной литературы. Отповедь клеветникам была дана Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, А. И. Герценом. Они разоблачали ханжеские, клеветнические толки о пристрастии крестьян к вину, видели в движении протест против винного откупа — отвратительного порождения крепостнической системы, подчеркивали, что над всей Россией «нависло беззаконие, частью которого является произвол откупщиков». В «трезвенном движении», по словам Добролюбова, «высказалась в русском народе гораздо большая твердость духа и гораздо меньшая приверженность к сивухе, чем обыкновенно предполагали». «Колокол» в статье «Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность», высмеивая участие войск в борьбе с «братствами трезвости», заметил, что к обязанностям защиты трона и алтарей добавили охрану кабаков. Н. А. Добролюбов в статье «Народное дело» уже заглавием подчеркнул массовый характер «трезвенного движения» в Литве. Он писал, что отказы крестьян от употребления водки «начались во многих местах еще прежде, чем проповедь ксендзов получила столь торжественное сочувствие» [71].

Народное движение в пользу трезвости было, по мнению Н. А. Добролюбова, порождено ненавистью не столько к откупной системе, грабившей крестьян, сколько к тому строю, который ее породил. Добролюбов указывал, что церковь встала во главе народного протеста, чтобы поправить положение, сдержать народные порывы. В конце 1858 г. католическая церковь начала создавать «братства трезвости», которые, по данным Тельшевской католической епархии, в Ковенской губернии охватили 688 тыс. прихожан. Генерал-губернатор насчитывал в крае около миллиона членов «братств трезвости».

Движение литовских крестьян против винных откупов вызывало сочувствие в других районах страны. В декабре 1858 г. среди народа в Петербурге велись разговоры о том, что «вся Ковенская губерния клятвенно в церквах обещалась бросить пить пиво и водку в благодарность за освобождение и что у нас в великорусских губерниях не прочь от такого же самопожертвования, если б только освобождение крестьян состоялось к новому году». Оброчные крестьяне в Петербурге, обсуждая работу губернских комитетов, «сожалели, что в этих комитетах будут служить одни только господа, от произвола которых будет совершенно зависеть притеснять крестьян в продолжении двенадцати лет, назначенных для переходного состояния от крепости к свободе. Господа эти по своей воле, как и теперь, будут сечь крестьян, сколько их душе угодно, да и скажут, что это крестьяне бунтуются». Крестьяне припоминали различные случаи произвола властей и расправы над ними. Один из них заявил: «А что, ведь, пожалуй, и про ковенцев губернатор донес, что они бунтуются, перестав без позволения правительства пить

водку и дав в сем присягу». Эти факты свидетельствуют о том, что движение против винных откупов в народе воспринималось как антикрепостническое. Простые люди в столице сочувствовали ему, говоря: «Ну что ж, это доброе дело, укрепи бог твердую волю их» (т. е. членов «братств трезвости») [72].

Напуганное неожиданным размахом народного протеста, правительство начало преследовать «трезвенное движение». Позже оно было объявлено затеей ксендзов, готовивших исподволь восстание и «подтачивавших основы порядка и преданности народа государю» [73]. Численность членов «братств трезвости» председатель Виленской следственной комиссии генерал-майор Цилон определял в миллион человек. Но 168 ксендзов не могли, будь они семи пядей во лбу, принудить или уговорить миллионную массу крестьянства бойкотировать спиртные напитки [74]. Ксендзы, примкнувшие к народному движению, укрепили свое влияние в массах, но не они были инициаторами протеста. Назимов считал, что призывы духовенства совпали с настроением мыслей простого народа. Адъютант его шел дальше, заявив, что не усилия ксендзов объясняют столь быстрый успех «братств трезвости», а что крестьяне искали путь к выходу из того бедственного положения, в котором находились [75].

В стремлении взять под свой контроль «трезвенное движение» католическое духовенство не было одиноким. Православный синод принял 7 августа 1859 г. специальное решение о «трезвенном движении». Но нельзя переоценивать влияние церкви на это движение. Хотя по форме в Литве оно и приняло религиозный характер, по существу же оставалось антифеодальным. В донесениях властей края указывалось, что крестьяне подвергали нарушивших воздержание наказанию, публичному порицанию, употребляя иногда и розги [76]. Несмотря на усилия ксендзов, к конце 1862 г. «трезвенное движение» все яснее поворачивается острием против помещиков. Владельцам винокурен и содержателям пивных народ грозил виселицей. Это обстоятельство побудило правительство выступить против «братств трезвости». Его беспокоила не деятельность ксендзов, а рост активности масс, крестьянский бойкот винной торговли и падение доходов по акцизу. Твердость народного духа, которую приветствовал Добролюбов, встревожила царские власти. В 1861 г. было произведено специальное расследование деятельности «братств трезвости» и последовало заявление о недопустимости народной инициативы «без соблюдения установленного в законе порядка» [77].

Напуганные помещики решили закрыть на два года винокуренные заводы и шинки, исключая корчмы у дорог. Однако решение «по большей части не сбылось»,— заявил ковенский губернатор, и хотя помещики неоднократно обсуждали его, «после живых и бесполезных прений ничего положительного не опреде-

лили». Продолжение помещичьего винокурения вызвало осенью 1862 г. появление воззваний, угрожающих владельцам винокурен. Воззвания рассылались по почте, приклеивались на столбах, на дверях дворянских депутатских собраний во многих пунктах края. В одном из них говорилось: «Средства, употребляемые доселе, дабы прекратить мерзкое винокурение, остались тщетными. Деятельные люди постановили против любителей винокурения возмутить народ и употребить галицийские наказания, т. е. убийства и поджоги». Текст другого гласил: «Оповещается гг. помещикам, что кто бы сей осенью предположил начать винокурение, тот пусть ожидает галицийских происшествий, т. е. убийств и пожаров. Несчастия, которые постигнут упрямых, должны они приписать себе, а не кому другому» [78].

Крестьянское движение в Белоруссии и Литве в годы революционной ситуации переплеталось с протестом польского, белорусского и литовского народов против национально-религиозного гнета, помещичьи крестьяне были поддержаны казенными. В крае шла упорная борьба «вольных людей», особой силы достигло «трезвенное движение». Все эти формы борьбы были направлены против различных сторон крепостнической системы. По признанию министра внутренних дел Валуева, крестьянские волнения в Литве являлись «исключительным во всей истории крестьянского дела» [79]. Генерал Цилов, как бы уточняя свидетельство министра, сообщал, что литовские крестьяне в течение 1862 г. скупили в пограничных городах Пруссии «все находящееся там оружие» и, не довольствуясь найденным, сделали еще «значительные заказы оного» [80]. Минский губернатор вещал: «Начальство края в настоящее переходное время не может рассчитывать на народ — опасно вызвать резню. Вся надежда на войска» [81]. Белоруссия и Литва наряду с Правобережной Украиной и Поволжьем относились правительством к числу тех 10 губерний, «волнения в которых проявились с особенной силой» [82]. Активная борьба крестьян Литвы и Белоруссии нашла отражение в «Колоколе» — в статьях «Льется русская кровь...» (лл. 98, 99), «Мартиролог крестьян» (л. 100).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в ряде районов сопротивление крестьян в 1862 г. так и не было сломлено, несмотря на применение войск. Внешне покорившись, крестьяне остались убежденными в справедливости своих требований и только ждали удобного случая, чтобы заявить их вновь. Искрой, вызвавшей пожар, явилось начавшееся восстание в Польше.

Связь между волнениями крестьян в 1861—1862 гг. и восстанием 1863 г. были вынуждены признать и царские офицеры. Полковник Генерального штаба Гейнс отмечал, что войска «ходили на экзекуции» против крестьян, чем «вырвали у них доверие к правительству». Приписывая это ошибкам местной администрации, Гейнс раздраженно заявил, что «было сделано все,

чтобы восстановить их (крестьян.— *А. С.*) против России»[83]. Жандармский полковник Рихерт считал, что в Витебской и Могилевской губерниях восстание не получило развития потому, что там сравнительно редко использовали войска для подавления волнений 1861 г. «Между тем в Литве (имеются в виду три губернии — Гродненская, Виленская, Ковенская.— *А. С.*), и в особенности в Ковенской губернии, в которой больше всего было экзекуций, мятеж с большим усилием едва был подавлен»[84].

В декабре 1862 г. жандармский офицер доносил о впечатлениях, полученных во время объезда Гродненской губернии: «...крестьяне... готовятся к революции»[85]. 8 января 1863 г. жандармский полковник Лосев признал, что крестьяне находятся под влиянием «революционной партии», которая обещает им «свободу, равенство и другие блага». Лосев считал вполне возможным открытое общее восстание крестьян и предлагал немедленно прекратить всякие обязательные отношения между крестьянами и помещиками[86].

Общая тенденция в развитии событий схвачена жандармами верно. Связь между волнениями 1861—1862 гг. и восстанием не подлежит сомнению. В ряде мест, как это будет показано ниже, вооруженные действия в 1863 г. начались с нападения повстанцев (крестьян, студентов, ремесленников) на воинские и казачьи отряды, размещенные по «неспокойным» деревням.

Отмечая усиление крестьянского движения, подчеркивая, что к началу 1863 г. край замер в ожидании «слушного часа», что наиболее беспокойные селения проявили свой «мятежный дух» и в последующих событиях, нельзя рассматривать крестьянское движение в качестве единственной предпосылки восстания 1863 г. Крестьянское движение в крае переплеталось с национально-освободительной борьбой, оно испытывало влияние революционно-демократических групп, существовавших в крае; наконец, на ход классовой борьбы оказал влияние «кризис верхов» — отсутствие единства между царским правительством и местным дворянством. Все эти факторы и предопределили в 1863 г. в Литве и Белоруссии перерастание революционной ситуации в вооруженное восстание.

2. Манифестационное движение в городах

В Литве и Белоруссии крепостнический гнет переплетался и дополнялся религиозно-национальными противоречиями и преследованиями. По официальным, весьма приблизительным данным, накануне восстания 1863 г. в крае проживало около 3,5 млн. белорусов, 1,5 млн. литовцев, полмиллиона поляков, столько же евреев, а также русские, украинцы и латыши. Ковенская губерния, населенная в основном литовцами-католиками, а Минская и Могилевская — православными белорусами, были однородны-

ми по национально-религиозному составу. Виленская губерния имела уезды со значительным преобладанием населения литовского (Трокский) или белорусского (Ошмянский, Лидский), в остальных уездах население было смешанное. В составе Витебской губернии были уезды с преобладающим латышским населением (Динабургский, Люценский, Режецкий). В Гродненской губернии наряду с основным населением — белорусами были и литовцы (район Друскеник), а среди населения, входившего в Гродненскую губернию Подляшья (бывш. Белостокский округ), значительную часть составляли поляки. Административное деление края полностью игнорировало его национально-религиозное, этнографическое и экономическое своеобразие и несло на себе печать внешнеполитических акций, в ходе которых вошла в состав государства эта территория. Умышленно сохранив систему полувоенного администрирования, царизм широко использовал ее в борьбе с освободительным движением.

Национальный вопрос обострялся еще и тем, что большинство помещиков составляли поляки-католики, а основная масса крестьян-белорусов была православного вероисповедания. Помещики относились к крестьянам — белорусам и литовцам как к людям низшего сорта, называли их «быдлом», «рабочей скотиной», «хамами». Не могло быть и речи об уважении человеческого достоинства крестьянина. Конечно, не только польские паны угнетали крестьян. Среди помещиков были лица иных национальностей, которые притесняли народ не менее своих польских собратьев, но большая часть земледельцев являлась поляками. По данным министерства внутренних дел, среди помещиков в 1863 г. поляки составляли следующую долю: Витебская губерния — 38%, Могилевская — 72, Ковенская — 78, Минская — 94, Виленская — 95% [87]. В Белоруссии и Литве проживало также около 270 тыс. однодворцев — поляков, потерявших дворянские права, которых царские власти считали одним из «главных элементов мятежей» [88].

В обстановке растущего национального движения царское правительство время от времени принимало меры, имеющие целью ослабить позиции польских землевладельцев, подорвать влияние тесно связанных с ними ксендзов. Однако пойти на решительные меры против них царизм, естественно, не мог. Ни о какой защите интересов белорусских и литовских крестьян со стороны царских властей не могло быть и речи.

Кризис крепостнической системы и развитие капиталистических элементов в экономике сопровождались пробуждением национальных окраин. На основе роста внутреннего рынка возникла тенденция к образованию национальных государств — одна из характерных черт буржуазно-демократической революции. Национально-освободительное движение охватило Литву, Белоруссию, Украину, Финляндию, но особой силы достигло в Поль-

не. Не только польское крестьянство, но и масса дворянства активно участвовала в борьбе за национальную независимость, которая имела в те годы огромное революционное значение [89]. Борьба против национального гнета в Польше, Литве, Белоруссии была неразрывно связана с уничтожением крепостничества, аграрными преобразованиями, являлась их непременным условием, ибо коренные преобразования были невозможны без одновременного завоевания самостоятельного национального существования этих угнетенных народов. В Белоруссии и Литве налицо было переплетение литовского и белорусского национальных движений с польским. Последнее захватывало проживающих здесь польских землевладельцев, интеллигенцию, шляхту, однодворцев, ремесленников и др. Борьба поляков находила сочувственный отклик в сердцах белорусов и литовцев, подвергавшихся национальному и религиозному гнету со стороны самодержавия.

Национально-освободительный лагерь в Польше не был монолитным. В нем ясно наметилось несколько партий и течений, среди которых наиболее революционным и последовательным было направление, возглавляемое Я. Домбровским, Б. Шварце, З. Падлевским (в Белоруссии и Литве их поддерживали В. Врублевский, З. Сераковский и др.).

Царское правительство долгое время не могло выработать последовательной политики в польском вопросе, что внешне выражалось в смене наместников в Царстве Польском. Царизм сочетал свинец и плети с посулами. Стремясь укрепить союз с польским дворянством, царь дал согласие на создание в Польше «Земледельческого общества» [90] для выработки рекомендаций по аграрному вопросу. Помещики — члены общества — не пошли далее предложения о замене отработочной ренты денежной. (В Польше крестьяне, хотя и считались лично свободными, были лишены земли и отбывали феодальные повинности.) Возмущенная общественность Варшавы, протестуя против политики царизма и своекорыстия шляхты, с целью нажима на «Земледельческое общество» организовала внушительную демонстрацию протеста. 15(27) февраля 1861 г. демонстрация была расстреляна (пять убитых, десятки раненых).

Не только в Польше, но и в Литве, Белоруссии, по всей стране прокатилась волна протеста. 1 марта студенты Петербургского университета (до 300 человек), Медико-хирургической академии, слушатели военных училищ совместно с польскими товарищами (всего до 1500 человек) провели панихиду по убитым в Варшаве. Подобную же панихиду отслужили в Киеве. В Москве 17 марта Петр Зайчневский произнес во время панихиды пламенную речь, призывая русских и поляков к совместной борьбе с монархическим правлением — их общим врагом. Поляки, хотя и с оговорками, приняли протянутую им русской мо-

лодежью руку[91]. Призыв к объединению содержался и в стихах: «Пусть же ныне и до века нас связует воедино назначение человека, гражданина, славянина». Стихи русских студентов к польским коллегам заканчивались словами: «Братья, дайте же нам руки, чтобы вместе честно жить!»[92]

В Белоруссии и Литве манифестации протеста переплелись с борьбой против аграрной политики царизма, ибо «Положения» не удовлетворяли ни ограбленных крестьян, ни дворян края, желавших провести реформу «по курляндскому образцу»[93].

По данным властей, первые проявления растущего национального движения в Белоруссии и Литве относятся к 1858 г. Постепенно возрастая, они охватили весь край и с 1861 г., по словам генерала А. Л. Потапова (помощника генерал-губернатора), «вся страна представляла вид политически религиозной демонстрации»[94]. Излагая причины «волнения умов и возрастающей дерзости противоправительственных манифестаций», министр внутренних дел Валуев отмечал такие «разнородные причины и побуждения», как «современные события в Европе», мечты «о восстановлении политической самобытности каждого отдельного народного племени», «беспорядки» в Варшаве, «происки» эмиграции, что вызвало движение в Царстве Польском и «немедленно перенеслось в смежные с ним литовские и юго-западные губернии..., приняло форму единоплеменного сочувствия со стороны польского населения края к коренному населению Царства и выразилось в панихидах по убитым в Варшаве...»[95]

По данным генерала Н. Цилова, первая панихида состоялась 1 марта в г. Вилькомире. На ней присутствовали офицеры уланского полка 1-й кавалерийской дивизии и играл полковой оркестр. «Ковенская губерния,— писал Цилов,— была первая, в которой беспорядки более и более стали обнаруживаться, перейдя затем в Гродненскую, Виленскую и прочие губернии Северо-Западного края»[96]. 2 марта 1861 г. в Вильно в костеле св. Яна также была панихида. В ней приняли участие различные слои общества — от высшей польской знати до ремесленников. Одним из инициаторов ее был виленский уездный предводитель дворянства граф Ян Тышкевич. По донесению жандармов, «стечение публики было весьма значительно, тишина и должное спокойствие были вполне соблюдены»[97].

27 марта 1861 г. панихида состоялась в Витебске. Как доносил жандармский полковник Лосев, она была организована «обществом из фанатических дам и мелких чиновников... из занимающих в Витебске высшие места никто на этой церемонии не был». Панихиды прошли и в других городах[98]. Они сопровождались сбором средств в пользу жертв царского произвола. В знак протеста против репрессий жители одевали траур, распространилось демонстративное ношение национальной одежды, размножались

списки патриотических песен, гимнов. Внешне движение проходило мирно. Власти доносили, что, «несмотря на довольно сильное напряжение умов, нигде не замечалось нарушения общественного порядка» [99]. «Пение упомянутых гимнов,— писал гродненский вице-губернатор,— сделалось уже почти общим. Есть уже и ноты для них: их поют в костелах, домах разного сословия люди и даже при полевых работах» [100].

Распространенной формой народного протеста было торжественное празднование юбилейных дат, подчеркнутое выражение народных чувств к видным деятелям культуры. Жандармский полковник Рихерт сообщил в апреле 1861 г., что общественность Минска пользуется каждым самым незначительным поводом, чтобы выразить чувства патриотизма и порицания правительственной политики. В Минске был устроен торжественный прием сыну Адама Мицкевича, ехавшему в Новогрудок. Затем минчане решили отслужить панихиду по Иоахиму Лелевелю. Несмотря на запрет, ее провели под видом поминок какого-то горожанина. «В сущности это была панихида по Лелевелю,— писал полковник Рихерт,— но организаторы сумели облечь ее в требуемую форму». Панихида по Лелевелю была отслужена в Вильно 9 июня 1861 г. (ст. ст.) в Святоянском костеле «при стечении многочисленного народа» [101].

27 марта 1861 г. в г. Ковно общественность устроила торжественный прием В. Сырокомле. В чествовании поэта приняли участие как демократические, так и оппозиционные дворянские деятели. На торжестве присутствовали Я. Гейштор — глава либеральной оппозиции в губернии, полковник Ян Савицкий, друг Н. Г. Чернышевского, служивший тогда в Ковно, и др. Поэт прочел стихи, резко осуждающие действия правительства, и выразил надежду, что народ не останется безмолвным. Поэт был арестован и освобожден по требованию врача, заявившего, что дни Сырокомли, тяжело больного туберкулезом, сочтены [102].

В первых манифестациях и панихидах (март — апрель) еще не выдвигались открытые антиправительственные лозунги. Но власти, встревоженные растущим, как снежный ком, движением, вступили с ним в борьбу. Генерал-губернатор Назимов высылал лиц, участвующих в манифестациях, в глухие деревни под полицейский надзор, а вскоре добился права высылки их «во внутренние губернии». Но движение росло. «Принятые меры к прекращению подобных демонстраций,— доносил ковенский губернатор,— выражавших сочувствие в деле Польши и заявления национальности, не сопровождались желаемым успехом. Отправление панихид продолжалось под разными предлогами и постепенно проявлялось упорство...» [103]

Репрессии не ослабили, а усилили движение. Оно ведь и зародилось как выражение сочувствия жертвам царского деспотизма. Естественно, когда не в далекой Варшаве, а здесь же

на глазах народа, начались преследования лиц, повинных только в том, что они не желали отказаться от языка, веры, национальной культуры и не стыдились публично высказать любовь к отечеству, то это усилило протест. Чем больше неистовствовали власти, тем сильнее негодовала общественность. Обстановка обострялась.

В мае 1861 г. в манифестационном движении начинается как бы другой этап: оно принимает открыто политический характер. 8 мая (ст. ст.) в Виленском кафедральном соборе группа революционной молодежи (Б. Дыбовский, братья Лимановские, К. Корево и др.) организовала пение религиозно-патриотического гимна. Арест участников вызвал демонстрацию протеста, направившуюся к дворцу Назимова с требованием освободить арестованных [104].

Лето 1861 г. ознаменовалось распространением демонстрационного движения по всему краю. 17 мая — пение гимнов в Остробрамском костеле в Вильно; 8, 11, 19 и 22 июня (ст. ст.) манифестации прошли в Поневежском уезде; 11, 18, 22, 25 июня — в Вилькомирском (местечки Субоч, Оникшты и др.); 31 июля (ст. ст.— *А. С.*) в окрестностях Вильно прошло массовое гуляние, в котором участвовало около 5 тыс. человек, главным образом молодежь и ремесленники, под лозунгом объединения поляков в борьбе за национальную независимость. 4 августа — новое гуляние в Вильно, в котором участвовало до 3 тыс. человек, по преимуществу «простой народ, большинство ремесленники».

Высшим этапом манифестационного движения в Литве и Белоруссии были события 31 июля (12 августа) 1861 г. В этот день было решено торжественно отпраздновать годовщину Люблинской унии и потребовать воссоединения Литвы с Царством Польским (в рамках единой администрации, не нарушая суверенных прав царя). В Ковно многотысячное шествие (по данным властей, в нем участвовало до 8 тыс.) двинулось к Неману навстречу колонне, идущей к городу из Царства Польского. Войска, преградившие путь, расступились, понтонный мост свели, и колонны соединились. Подобные манифестации прошли и в ряде других мест под лозунгом сближения дворянства «с простым народом». В Гродно также была попытка организовать подобное шествие, однако войска не пропустили манифестантов. Возглавлявший шествие ксендз Маевский пытался найти общий язык с царской администрацией, чтобы лишить манифестацию политического характера, но не был понят ни Назимовым, ни Валуевым [105].

6(18) августа в Вильно грандиозное массовое шествие направилось к могиле Конарского. В нем участвовало более 5 тыс. человек. Две роты солдат и две сотни казаков преградили путь демонстрантам. Произошла схватка. Демонстранты, прежде

всего ремесленники и учащаяся молодежь, выворачивали булыжники из мостовой, ломали изгороди и заставили войска отступить[106].

Антиправительственный характер подобных выступлений привлекал иногда значительные массы народа, в особенности молодежь — учащуюся и ремесленную. К ним сочувственно относились и передовые офицеры местных гарнизонов. События в Ковно, где войска расступились перед демонстрантами, не были случаем совершенно исключительным и беспрецедентным. В Гродно поручик Псковского полка Вольский также оказал помощь манифестантам. Его выслали из города. На проводы собралась тысячная толпа[107]. В манифестациях также участвовали: поручик 3-го стрелкового батальона Обаневич (местечко Шаты Ковенской губернии), штабс-капитан Софийского пехотного полка Шкилондз (Вильно), подпоручик того же полка Потемский (Вильно), подпоручик Староингерманландского полка Клиос (Вильно), поручики уланского полка 1-й кавалерийской дивизии Соколовский и Руккер (Ковенская губерния).

По донесению жандармского офицера из Литвы в июле 1861 г., «манифестации не прекращаются..., а делаются чаще и открытее и увлекают все более и более народ: горожан, мещан и однодворцев и даже крестьян. Цель манифестаций состоит в том, чтобы Литва была присоединена к Польше и воспользовалась теми же правами и конституцией, какие ожидают сию последнюю...»[108] Постепенно реквием в память убитых в Варшаве превратился в народное стихийное движение против царизма. Валуев указывал, что «обнаружилось стремление доказать неразрывную связь всего края с Царством Польским и достигнуть воссоединения всех частей древней Польши. По сему празднование годовщины ее союза с Литвой, обоюдная Ковенская процессия и попытка почтить в Вильно публичной демонстрацией могилу Конарского имеют другое значение, чем прежние панихиды»[109]. Тенденция развития событий была передана Валуевым верно.

Каков же состав участников этого движения, каковы его цели? По свидетельству современников, слабой стороной манифестаций было отсутствие ясных социальных лозунгов, понятных и близких крестьянству. Патриотическое дворянство, примкнувшее к манифестациям, не шло навстречу крестьянским требованиям. К тому же демонстрации начались вскоре после объявления «Положений», что усиливало у крестьян подозрительность и давало почву для всяких кривотолков. Распространился слух, будто цель манифестаций — вернуть крепостное состояние[110].

Манифестационное движение в Литве и Белоруссии отличалось от движения в Царстве Польском, где оно зародилось. Национально-религиозный характер манифестаций и лозунг

общности с Польшей не затрагивали интересов и чувств коренного населения. Однако поскольку последнее испытывало национальный гнет со стороны царизма, то, естественно, и в его среде манифестационное движение находило отклик. Как сообщали летом 1861 г. местные власти Ковенской губернии, «пение в костелах патриотических стихов производит весьма вредное влияние на простолюдинов и может поселить в народе... нерасположение и недоверие к правительству». В июле 1861 г. из Поневежа доносили, что ксендз Мацкявичюс «примером своим увлек многих простолюдинов» [111].

Из среды наиболее дальновидных представителей местных администраторов и военных, хорошо знавших край, раздавались предостерегающие голоса о том, что репрессии в Польше пробуждают в западных губерниях симпатии населения к жертвам произвола. «Рассказы о преследованиях и страданиях возбуждают всегда в народе сожаления к слабейшей стороне,— писал полковник Генерального штаба Гейнс.— Если они и не могут произвести сейчас же впечатления на крестьян, тем не менее они оставляют некоторый след, как не может не оставить следа вода, падающая капля за каплей» [112].

Манифестации в Литве и Белоруссии, особенно Западной, были в основном движением городского населения, воспринявшего в значительной части польскую культуру. Активную роль в них сыграли ремесленники (в том числе ремесленники-евреи), учащаяся молодежь, женщины из среды беспоместного и мелкопоместного дворянства, проживавшего в местечках и городах края.

Поддержала манифестации и демократическая интеллигенция Белоруссии и Литвы. В движение было вовлечено семейство известного белорусского писателя В. Дунина-Марцинкевича. Жандармские офицеры обвиняли писателя в том, что он писал и распространял патриотические сочинения для «простого народа, языком которого... хорошо владеет», что он связан с литературно-общественными кругами Варшавы, Вильно, Витебска. Высказывалось подозрение, что поэт распространял не только свои сочинения, но и революционную литературу. Жандармов смущало то обстоятельство, что произведения Марцинкевича «убедительно действуют на крестьян». Семья его подверглась репрессиям. Дочь писателя, учительница Камила Марцинкевич, была объявлена сумасшедшей и посажена в тюремную больницу. В донесениях шефу жандармов указывалось, что она первая начала петь 11 июня в г. Минске революционные патриотические песни. «Характера она дерзкого и решительного,— говорилось в рапорте,— а идеи наследует от отца». В тюремный острог попал и сам поэт по обвинению в «распространении среди крестьян вредных идей» и «за воспитание своего семейства не в духе преданности правительству».

Репрессии царских властей против поэта только увеличили его популярность. Произведения его, как изданные ранее и ставшие редкостными, так и не дозволенные цензурой, распространялись во множестве списков. Студенческая молодежь, приезжавшая на вакации в Минск, увозила списки его произведений в Петербург и Москву. Часто в одну тетрадь переписывали не только его стихи, но и произведения анонимной литературы, народные песни, гуторки и т. д.

Здесь уместно остановиться еще на одном событии, показывающем «внимание» царских властей к деятелям культуры, хотя оно и произошло несколько позже. 9 октября 1862 г. полковник Лосев в донесении шефу жандармов сообщал: «6-го сего октября в Вильне происходили торжественные похороны умершего знаменитого польского поэта Кондратовича, известного в литературном мире под именем Сырокомли, стечение народа примерно было до десяти тысяч, даже из соседних губерний было много приезжих отдать последний долг народному таланту. Гроб несли молодые люди, одетые в чемарках и конфедератках, и кругом гроба молодые люди составляли цепь, взявшись за руки, одетые в такой же костюм, на кладбище были говорены частными лицами речи, но в смысле их ничего не заключалось против правительства. Похороны г. Кондратовича окончились без изъявления национальных чувств в больших размерах, как ожидалось, к спокойствию может быть послужили и принятые меры предосторожности местными властями, а также и католическое духовенство было предупреждено, что оно будет отвечать, если произойдут какие-либо беспорядки» [113].

Приведенные факты показывают, что протест против репрессий царского правительства охватил весной и летом 1861 г. самые широкие массы городского населения края и кое-где вовлекал и сельское население (однодворцев, казенных крестьян). Формы протеста были разные — от религиозно-патриотических манифестаций в храмах, охватывавших узкий круг лиц, до массовых многотысячных демонстраций, в ходе которых происходили столкновения с войсками. Наиболее активное участие в манифестационном движении принимали учащаяся молодежь и ремесленники. Городские «низы», хотя и не выдвигали самостоятельных лозунгов, вносили в движение активность и сплоченность.

Почти все манифестации являлись выражением солидарности населения края со своими братьями в Польше. Национальный, по преимуществу польский характер движения не подлежит сомнению. Выбор таких дат, как годовщина Люблинской и Городеньской уний, восстания 1831 г. и т. п., для организации народных шествий говорит сам за себя. То обстоятельство, что в ряде случаев в этом движении принимали участие ремесленники-евреи Вильно, Ковно, казенные крестьяне литовцы и белорусы, не из-

меняет общей оценки движения как польского патриотического, так как ни крестьяне, ни ремесленники не выдвигали собственных требований. Однако при этом не следует упускать из вида, что демократическая интеллигенция Белоруссии и Литвы, активно поддерживая польское освободительное движение, не разделяла шляхетских воззрений на свою родину; более того, она рассчитывала на помощь польского народа, его демократических сил в борьбе за национальную независимость Литвы и Белоруссии.

Особо следует остановиться на поведении учащейся молодежи, представленной старшеклассниками гимназий, студентами Горыгорецкого земледельческого института и довольно многочисленными студентами Петербурга, Москвы, Киева, Дерпта и Казани. Это был один из самых организованных и демократических отрядов движения. На молодежь Белоруссии и Литвы сильное влияние оказали не только манифестации, но и студенческое движение, начавшееся осенью 1861 г. В авангарде его шли слушатели Петербургского университета. Против них были брошены войска, каждый четвертый студент был арестован (331 из 1439 человек). Волнения продолжались с 18 сентября по 20 декабря и завершились закрытием университета и высылкой студентов под надзор полиции на родину. Польские студенты, в подавляющей части выходцы из западных губерний, по свидетельству Игнация Здановича, не могли остаться в стороне от борьбы, начатой русскими коллегами, и приняли активное участие в сходках и демонстрациях.

В письмах к отцу, Александру Здановичу, преподавателю Дворянского института в Вильно, Игнаций указывал, что нельзя квалифицировать события в университете как проявление своеволия молодежи, что речь шла о будущем освободительного движения в России, ибо университет был очагом и рассадником идей свободы и независимости. Студенты опирались на сочувствие и помощь широких кругов русской общественности, и хотя правительство торжествует победу, но поражение демонстрантов оборачивается против царских властей. Зданович закончил письмо выражением уверенности в конечном торжестве идей свободы [114].

Весть о репрессиях против столичного университета вызвала возмущение среди студенчества Москвы, Киева, Казани. В протест включились и слушатели военных и специальных учебных заведений, юнкера, молодые офицеры. Не осталась в стороне молодежь Белоруссии и Литвы. Несколько сот студентов разгромленного царем университета прибыло на родину (И. Зданович, П. Когновицкий. Э. Вериго, И. Горчак, Ф. Богушевич и др.). Они-то и поведали о случившемся в столице.

«В событиях в Петербурге,— сообщали шефу жандармов из Минска в ноябре 1861 г.,— здесь видят революционное движение и в самой России. Подобные рассказы разгорячили вновь

умы». Под влиянием выступления петербургских студентов учащаяся молодежь края по-своему выразила протест царским властям. «Политическое движение умов, — доносил жандармский офицер из Минска, — обнаруживается поступками учеников гимназий против начальствующих над ними лиц». Так, 27 октября 1861 г. в Пинске гимназисты окружили городничего и полицейского пристава, «к которым питали издавна негодование». Гимназисты были вооружены палками. Не выдержав бурного изъявления чувств молодежи, «городничий поспешил искать спасения в ближайшем доме, а частный пристав, переодевшись в еврейскую шубу и шапку, спасся бегством» [115].

Движение протеста захватило и студентов Горыгорецкого земледельческого института — единственного высшего учебного заведения на территории тогдашней Белоруссии. Передовая часть студентов института поддерживала связь со студенческими революционными кружками в Казани, Петербурге, Москве. Установление связей относится, по-видимому, еще к середине 50-х годов. Характерно, что в переписке со студентами Горыгорецкого института состояли некоторые бывшие ученики Н. Чернышевского по саратовской гимназии, обучавшиеся позже в Горы-Горках и Казани. Так, студент Горыгорецкого института Порфирий Иванович Зайцевский, ученик Чернышевского, вел переписку с товарищами в Казани. В этих письмах воспевалась вольность, проклинался царизм, высоко оценивалась деятельность Н. Г. Чернышевского. Переписка Зайцевского датирует начало распространения идей Чернышевского в Белоруссии и Литве. Не подлежит сомнению, что Зайцевский, который учился ранее в саратовской гимназии и делал там под руководством Чернышевского доклады, в годы учебы в Горы-Горках пропагандировал среди коллег идеи учителя.

Власти, отмечая «дурное направление духа между студентами», требовали «коренного преобразования» института. Под этой формулировкой руководство института скрывало желание «очистить» состав студентов от «неблагонадежных». Студенты держались стойко. В институте образовалась сплоченная группа в составе 60 человек, которая вела за собой остальных. Студенты проводили сходки, вели пропаганду среди окрестных крестьян, организовали школу для крестьянских детей. В ней на протяжении почти четырех лет велось обучение на белорусском языке. Начальство института организовало слежку, в целях избавления от которой студенты «поколотили» надзирателя [116].

Репрессии распространились и на гимназии. Лучшая часть преподавателей изгонялась. Из виленской гимназии был уволен преподаватель истории В. Пшибыльский, товарищ Сераковского по университету, позже — активный участник восстания 1863 г. В ковенской гимназии травили молодого педагога Шиманского, друга Добролюбова. В душной атмосфере шовинистического

разгула вольготно жилось беспринципным, невежественным карьеристам. Даже власти вынуждены были признать, что в Горыгорецком институте «состав профессуры неудовлетворительный и неполный». Студенты в Горы-Горках и учащиеся старших классов гродненской, виленской, минской гимназий неоднократно заявляли протест против низкого уровня преподавания, против исключения своих товарищей — участников манифестаций, увольнения любимых педагогов. В конфликт были вынуждены вмешиваться и высшие начальники. Минский губернатор Келлер несколько раз посещал гимназию, чтобы «успокоить» и «вразумить» учащихся [117].

Напряженное положение сложилось в виленской гимназии осенью 1861 г. Многие учащиеся преследовались царскими властями за участие в шествии к могиле Конарского. Тогда 50 старшеклассников, посетив попечителя Виленского учебного округа кн. Ширинского-Шахматова, заявили ему решительный протест и на следующий день демонстративно не явились на занятия, за что были исключены из гимназии. Попечитель внес предложение, чтобы гимназистов от мала до велика сечь розгами нещадно, «ввиду смутного времени». Жандармский полковник Лосев поддержал его [118]. По приказу генерал-губернатора Назимова во все гимназии и прогимназии края были направлены специальные воинские команды, возглавляемые офицерами, в целях «обуздания» учащихся.

Особенно беспокоились власти по поводу связей учащейся и ремесленной молодежи края со студентами университетов. Последних преследовали, арестовывали, запрещали приезд на родину в период летних вакаций. Но все эти меры не помогали, и революционные настроения среди молодежи росли. Воспитанники гимназий и кадетских корпусов края «исполнены вольнодумства... ведут себя предосудительно и всегда готовы первыми участвовать в политических демонстрациях... Кадеты шалят..., не слушаются своих офицеров»,— сообщали жандармские офицеры [119]. Именно из среды этой молодежи вышли инициаторы знаменитого шествия 6(18) августа к могиле Конарского [120].

Для подавления народного сопротивления правительство прибегло к крайним методам борьбы и ввело 22 августа 1861 г. военное положение в крае. Производилось обезоруживание населения, запрещались «всякого рода сборища» и так называемые «манифестации», усиливались воинские гарнизоны, лица, подозреваемые в антиправительственной деятельности, подвергались административному взысканию и выселению в глубь страны, вводился в действие «реквизиционный способ продовольствования войск за счет помещиков и горожан, принимающих участие в движении или оказывающих явное оному сочувствие», подчеркивалось, чтобы «всю тяжесть постоя и реквизи-

ций обратить на недовольные слои населения». В край для руководства борьбой с революционным движением было направлено несколько высших жандармских офицеров. Для расправы с манифестантами были созданы специальные полицейские суды. «В западных губерниях,— писал 15 августа 1861 г. в дневнике П. А. Валуев,— быстро развилась система манифестаций. Против нее вместо безграничного произвола ген.-губ. Назимова я старался изыскать меры законные... Моя мысль... осуществлена и «Положение о временных полицейских судах» издано при указе Сената от 9 августа». По официальным данным, эти суды привлекли к ответственности в Белоруссии и Литве около 300 человек [121].

Меры, принятые правительством, не давали желаемых результатов. Военное положение и полицейские суды не оправдали возлагавшихся на них надежд. Уже в ноябре 1861 г. от губернаторов посыпались жалобы, что полицейские суды «бесполезными действиями своими ослабляют правительственную власть» [122].

Введением военного положения в крае правительство ставило себя в состояние войны с населением, открыто признавало, что держится на штыках. Это было доказательством банкротства политики царизма. А. И. Герцен в гневной статье «С кем Литва» указывал, что правительство отталкивает Литву от России, публично признает, что угнетенные народы сообща выступают против самодержавия, против политики удушения нации. «Итак, Литва с Польшей, — восклицал Герцен, — пусть Польша побеждает свободой, геройской борьбой, своими несчастиями, своим братством с соседями — все то, что теряет рабством Петербургский мертвецкий деспотизм, павший на ноги и выживший из современности!» [123]

После объявления военного положения открытое манифестационное движение прекратилось, энергия и гнев народа как бы ушли вглубь и приняли иные формы. Запрещенных гимнов открыто уже не пели, но национальные мелодии звучали по всему краю, продолжали распространяться воззвания и листовки. В ноябре 1861 г. появился призыв торжественно отметить годовщину восстания 1831 г. и выразить солидарность с усилиями тех, кто стремится «возвратить прежний блеск и могущество нашего отечества». Но властям массовое народно-патриотическое движение казалось уже прекращенным [124]. Всего, по свидетельству Н. Цилова, за период с половины мая по середину декабря 1861 г. произошло 227 манифестаций, из них 116 — в Вильно. Следовательно, движение охватывало главным образом городское население и гораздо слабее деревню, потому что проходило под национальными (польскими) религиозно-католическими лозунгами, которые не могли увлечь сельское, особенно православное население. В манифестациях не приняли участия

наиболее активные крестьяне, позже возглавившие повстанческие отряды. Заявление Н. Цилова, что в движении активно участвовал «весь народ» [125], нуждается в корректировке.

Манифестационное движение привлекло к себе внимание различных общественных сил. Если царизм боролся с ним путем террора, то польское дворянство и римско-католическое духовенство пытались подчинить манифестации своему влиянию. Стихийный характер движения при отсутствии ясных социально-политических лозунгов облегчал выполнение этого. Широко распространялись прокламации, в которых отстаивался путь примирения пана с мужиком: «Помещики должны..., хотя бы пожертвованием своих материальных выгод, ввести чинш там, где его еще нет... устраивать училища, учить крестьян... Вы же, крестьяне, с доверенностью сближайтесь с помещиками, потому что от согласия с ними зависит как ваше, так и общее счастье. Крестьянин совершит преступление, если, слушаясь подстрекателей, восстанет против помещика...» [126]

Не случайно в первых манифестациях, проходивших весной 1861 г. в Вильно и уезде, активную роль играло семейство графов Тышкевичей. На гуляниях и богослужениях Ян Тышкевич — виленский уездный предводитель дворянства — подчеркивал свои патриотические чувства, призывал к братству аристократии и простого народа, графиня демонстративно отплясывала польку с молодыми ремесленниками, и в это же время граф беспощадно подавил волнения крестьян в имении Биржи, а его брат, флигель-адъютант царя, принимал активнейшее участие в карательных экспедициях против крестьян, отличаясь крайней свирепостью. Польская аристократия гордилась его «решительными действиями» в Ивье, проча ему великое будущее. В первых панихидах по жертвам варшавских событий весной 1861 г. в Вильно участвовали и другие крупные польские помещики. Но с этими аристократическими «бунтовщиками» (например, братьями Еленскими) Назимов поступил очень мягко, выслав их в собственные имения [127].

Весьма характерно, что одновременно с шествиями и гуляниями, организованными для сближения помещиков с народом, в имениях панов — инициаторов братания — крестьяне усмирялись с применением военной силы. Это лучше всего раскрывает внутренние противоречия манифестаций. Со стороны широких масс народа, особенно городских «низов», — стихийный порыв к свободе. Со стороны польских дворян — стремление придать движению националистический характер, используя народный порыв, создать видимость справедливости и обоснованности требований восстановления «исторических границ». Фрондируя против царизма, польские помещики в то же время прибегали к защите его же войск при малейшей угрозе со стороны крестьянства.

По словам Яна Савицкого, непосредственно наблюдавшего события (он был начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии, расквартированной в Ковенской губернии), отсутствие четких социальных требований в движении масс привело к тому, что часть помещиков, известная жестоким обращением с крестьянами, видя слабую сторону манифестаций, быстро вошла в ряды движения, заявляя, что вначале надо освободить отечество, а потом проводить реформы. Горячая молодежь простила им прошлое, надеясь на исправление людей, которые видимостью патриотизма прикрывали грубый и омерзительный эгоизм [128].

Гейштор свидетельствует, что хотя поместное дворянство и сочувствовало национальному движению, оно не поддерживало манифестации, трудясь над «освобождением» крестьян. В манифестациях, по его словам, приняли участие некоторые консервативные помещики, возглавляемые семейством Тышкевичей — те, кого напрасно было бы искать позже в рядах восставших [129]. В «Записке», направленной шефу жандармов в начале 1865 г., Гейштор утверждал, что к манифестации примкнули помещики, «лишенные гражданского достоинства», те, кто противился реформе 1861 г. и «на всяком шагу прежде делал затруднения нашим усилиям» [130].

Рука об руку с польским дворянством, примкнувшим к движению, чтобы сдержать и обезглавить его, действовало и католическое духовенство. В его среде не было единодушия, часть низшего духовенства, рекрутировавшаяся из народа и не порвавшая связей с ним, была настроена демократически, но в основной массе римско-католическое духовенство прислуживало перед польскими панами и выполняло задачи, ими поставленные. Духовенство сыграло не последнюю роль в том, чтобы придать манифестационному движению националистический, клерикальный характер. Гродненский декан Маевский признавал, что манифестация 14 августа в городе была подготовлена не только без участия духовенства, но и вопреки ему. Были специальные указания епископата о борьбе с манифестациями, вызвавшие большое недовольство народа. «Озлобление народа против духовенства дошло до того,— писал Маевский,— что прихожане перестали являться в храм божий». Стремясь вернуть влияние и установить контроль над действиями масс, Маевский решил возглавить движение, придать ему чисто религиозный характер. Он согласился на участие духовенства в демонстрации и послал соответствующие телеграммы в Вильно высшим светским и духовным властям с просьбой оказать ему содействие. Однако епископат и генерал-губернатор не одобрили этот план. На следующий день войска преградили путь вышедшему из собора шествию. Маевский вступил в переговоры с командиром отряда, оцепившего площадь, добился мирного

решения конфликта и уговорил народ уступить, заявив, что бог видел их желания [131].

Признания Маевского примечательны. Налицо стремление к сотрудничеству с царизмом верхушки католической церкви, применение различных методов удушения народного движения. Подобные действия высшего духовенства вызывали негодование общественности. Когда в сентябре 1861 г. минский епископ Войткевич нанес в Борисове визит великому князю Николаю Николаевичу, в городе появилась листовка, в которой извещалось, что епископ благополучно возвратился, отбив поклоны великому князю. «Мы, литовцы,— говорилось дальше,— пожелаем пастырю градом камней новых милостей от правительства, а от себя — виселицы» [132].

«Обуздывая» манифестации, католический клир действовал более тонко и продуманно, чем царские власти. Ксендзы понимали, что грубым насилием не погасить народного гнева. Католический епископат осуждал «крайности» царизма, требовал «снять осаду с костелов», прекратить преследования ксендзов, но в то же время карал священников, действительно боровшихся с царизмом. Ксендзы возглавляли манифестации, требуя, чтобы они носили чисто религиозный характер, чтобы все пожелания народные шли не далее выражения смиренных просьб, адресованных господу богу [133]. Однако в обстановке углубляющегося революционного кризиса царизм и католический епископат не могли выработать единой тактики. Стремясь в общем к одной цели — удушению революции, но, расходясь в методах, противореча друг другу, они взаимно ослабляли друг друга.

Руководство манифестациями, особенно весной, находилось в руках лиц, далеких от защиты народных интересов. Однако в этом движении принимали участие лица, преданные идеалам демократизма, сторонники русско-польского революционного союза. Виленский ксендз В. Гундиус, близкий к Сырокомле, семейству Далевских и Сераковскому, в проповедях воздавал хвалу Пестелю и Рылееву, выражал надежду, что русский народ пойдет за Герценом [134]. В русских революционерах поляки видели своих братьев, в угнетенном русском народе — своих товарищей, в царизме — общего врага. Гундиус не случайно заговорил о декабристах и Герцене. В манифестационном движении принимала участие молодежь, которая тянулась к союзу с русскими революционерами и высоко ценила борьбу русского народа за свободу. Так, осенью 1861 г. жандармы перехватили письмо неизвестного из Сморгони к студенту Московского университета Сущицкому. Автор делился своими мыслями о положении в стране, о деятельности Герцена, о ходе манифестаций, сообщал факты о братании военнослужащих с участниками демонстраций и приходил к выводу, что полякам, борющимся за свободу, «более чем когда-нибудь надо сближаться для общей и взаим-

ной помощи с войском и просвещенными либералами... Из того, что делается у нас и в России,— писал неизвестный,— надо вывести то заключение, что теперь с россиянами мы должны действовать заодно» [135].

Хотя манифестационное движение не имело ясных и четких лозунгов, оно сыграло заметную роль в борьбе против царизма. К тому же были и прямые попытки использовать манифестации для пропаганды революционно-демократических идей в деревне. Так, в Ковенской губернии студент Петербургского университета Телесфор Нешокоць и его товарищи («канцеляристы»), одетые в гарибальдийские костюмы, в июне — июле 1861 г. вели пропаганду среди крестьян [136]. Позже, раскрывая мотивы своих поступков, Нешокоць писал в «Колоколе», что митрополит Семашко и попы распускали слухи, будто манифестации осуществлялись помещиками-поляками в целях восстановления крепостного права. Попы играли при этом на безграмотности масс, на созвучии слов «отчизна» и «панщизна». Разоблачая поповскую клевету, Нешокоць перевел польские гимны на литовский язык, отпечатал их в нелегальной петербургской типографии и начал распространять тексты среди литовских крестьян, призывая к борьбе совместно с поляками за свободу [137]. Современники, подчеркивая демократичность воззрений Нешокоця, указывали, что он был готов пожертвовать жизнью ради счастья простого народа, быт, язык, интересы которого хорошо знал. Позже, получив военную подготовку в школе в Кунео, Нешокоць возглавил в 1863 г. созданный им крестьянский отряд [138].

Использование манифестаций для ведения революционной разъяснительной работы в деревне не получило широкого распространения. Калиновский позже указывал, что демонстрации 1861 г. в Литве не дали прямых результатов для готовившегося крестьянского восстания [139]. Эта оценка становится понятной после ознакомления с программным документом одного из идеологов манифестационного движения Е. Чарновского — «Na nowy rok» (На Новый год). Автор, бывший студент Петербургского университета, преподаватель виленской гимназии, основал в крае общество под названием «пёнтковичи» (собрание членов проходило по пятницам — piątek). Члены общества обязаны были вести культурно-просветительную работу среди крестьянства. По-видимому, «пёнтковичи» не были единой организацией. Радикальные элементы, входившие в группу, были связаны с революционными военными и студенческими кружками.

Студент Юзеф Бернацкий в анонимном письме в III отделение в январе 1862 г. указывал, что к обществу принадлежит много дворянской молодежи Ковенской, Гродненской, Минской и Виленской губерний, особенно в Ошмянском и Свенцянском уездах. В его составе «много офицеров, живущих в Вильно, в особенности инженеров из Главного штаба». Бернацкий считал

членом общества ксендза Гундиуса, офицера З. Минейку, писателя Дунина-Марцинкевича. Общество, по мнению Бернацкого, существует около трех лет, имеет в Вильно «главное управление», а по уездам — комитеты. По словам Бернацкого, члены общества, переодевшись в крестьянскую одежду, отправлялись в сельскую местность возбуждать народ против государя. В 1862 г. донос Бернацкого не дал прямых улик, но последующий ход событий подтвердил соответствие его сведений общей тенденции развития событий. Виленская следственная комиссия уже в 1864 г. отмечала, что данные Бернацкого «были справедливы и предупредительны» [140].

Среди членов «пёнтковичей» встречается фамилия студента Петербургского университета Богушевича, активно действовавшего в Ошмянском уезде. По-видимому, речь шла о Францишке Богушевиче (1840—1900), впоследствии известном белорусском поэте-демократе. В декабре 1861 г. Богушевич покинул университет и после некоторого пребывания на родине в Ошмянах уехал в Лидский уезд, где в деревне Доцишки начал преподавание в частной школе, основанной для обучения крестьян членами «пёнтковичей». В 1863 г. Богушевич принял участие в восстании. Идеалы молодости Богушевич выразил позже в известной молодежной песне, призывая нести и под крестьянскую кровлю солнце знаний и науки, поведать крестьянам о Костюшке и Монюшке.

Такой путь служения народу указывал Н. П. Огарев в известной статье «Университеты закрывают», опубликованной 15 января 1862 г. в 120-м листе «Колокола». То обстоятельство, что Богушевич и его друзья, исключенные из Петербургского университета, приняли миссию народных просветителей, являлось как бы откликом на призыв «Колокола»: «Чего Вы испугались, что закрывают богадельни казенной науки... Создайте публичные библиотеки, создайте публичные музеи, заводите школы, заводите больницы. Устройте кафедры в городских залах и в волостных избах, в своей комнате и на базарной площади. Вперед, молодое поколение!»

Белорусская молодежь откликнулась на зов Огарева и Герцена. Однако в скором времени обнаружилось, что возглавивший «пёнтковичей» Чарновский стремился решать задачи просвещения в либерально-реформистском, националистическом направлении. В полной мере это раскрывает его рукопись «Новый год», написанная накануне 1862 г. Этот документ — своеобразное кредо тех, кто пытался использовать в узкоклассовых эгоистических интересах мощный взрыв народного негодования, принявшего форму массовых манифестаций 1861 г. Документ подводил итоги и ставил новые задачи для использования народного движения в интересах польского патриотического дворянства.

Автор смотрел на Белоруссию и Литву как на составные неотъемлемые части «исторической» Польши, манифестации считал доказательством этого тезиса, призывал дворянство края заняться культурно-просветительной деятельностью для завоевания симпатий крестьянства с тем, чтобы новый, 1862, год мог в случае благоприятной международной обстановки превратиться в год воскрешения «исторических границ». Вмешательство западноевропейских правительств в польский вопрос им рассматривалось как основной путь борьбы. Общественность же организацией манифестаций должна была подготовить условия для интервенции. Важнейшей задачей являлось, по словам Чарновского, «избавление от социальных болезней, ослабляющих нас», т. е. урегулирование противоречий с крестьянами, ликвидация недоверия последних [141]. Идеи, высказанные Чарновским, не остались втуне. В 1862 г. в крае распространялись обращения римско-католического духовенства, призывающие помещиков к нравственному совершенствованию, отказу от роскоши, к созданию фондов национального освобождения, а «прекрасному полу» предлагали перевоспитывать мужчин. По-видимому, призыв имел какой-то успех. «У нас, на Жмуди,— писал в те дни ковенский дворянин,— помещики, съехавшись, положили не пить ни вина, ни пива и не играть в карты. Это сделали уезды Тельшевский, Ново-Александровский, Свенцянский, Вилейский, Трокский. Дай бог только, чтоб это состоялось, а сбережется много» [142]. Позиция автора письма ясна. Надо экономить, чтобы иметь средства для перевода хозяйства на новые, товарно-денежные основы. Помещики полагали, что для привлечения крестьян на свою сторону следует прекратить «все щекотливые отношения крестьян с дворовыми управлениями», чтобы уничтожить «нынешнее предубеждение их к помещикам» и избежать «повторения галицийской драмы» [143].

Подведем итог. Манифестационное движение 1861 г. явилось стихийным выражением протеста широких масс народа, особенно городских «низов», против политики царизма. Польское дворянство и католическое духовенство, примкнув к движению, стремились придать ему религиозно-националистический характер, использовать крестьянство и горожан в борьбе за «историческую» Польшу. Попытка не увенчалась успехом. Народные массы, особенно крестьяне, не могли отказаться от борьбы за землю и поддержать националистические стремления своих классовых врагов.

Манифестационное движение — явление противоречивое. В нем следует отделять стихийные выступления народных масс против самодержавия от маневров помещичье-клерикальных элементов. Эти две струи — народная и дворянская, националистическая, внешне выступали единым фронтом, так как национальный гнет давил всех, но по существу они преследовали

различные цели. Дворянство и духовенство пытались использовать движение для давления на правительство, завоевания уступок, дарования культурно-национальной автономии краю. Народные массы стихийно выступали против основ существующего строя.

В ходе манифестационного движения все чаще проявлялись случаи открытого сопротивления властям. Во время ковенской демонстрации 31 июля демонстранты заставили войска расступиться. 6 августа демонстранты в Вильно уже в открытую дрались с войсками, с криками «ура!» бросились на каре пехоты. Аналогичные действия произошли и в других пунктах. «Примером,— писал Валуев,— могут служить выстрелы, произведенные в окрестностях Ковно ночью в отдельных казаков» [144].

Современники и очевидцы отмечали двойственный характер манифестационного движения. В «Мужицкой правде», № 5, К. Калиновский указывал, что городское население, так же как и крестьянство, боролось за национальную и социальную справедливость: «Бунтуются жители городов и местечек совместно с молодежью за свою и нашу вольность и веру». В то же время, давая общую оценку манифестациям, Калиновский отметил, что они не сыграли в Литве той роли, что в Польше, так как их национально-католический колорит отталкивал крестьян. В записке 28 февраля 1864 г. он писал: «Волнения в Царстве, проявляющиеся в разных движениях, не могли не иметь влияния на Литву, но когда в Царстве подобные явления послужили к образованию Центрального комитета, стоящего во главе народной организации, в Литве все это разыгрывалось без никаких результатов. Правительство, обращая только внимание на демонстрационные выходки в здешнем крае, придавало им серьезный характер. Когда разные теории, лишенные практичности, не видя дневного света, могли иметь влияние на вспыльчивый и увлекающийся характер жителей Царства Польского, то в более серьезной Литве и при всей своей таинственности. главном своем двигателе, они должны были пройти без влияния...» [145]

Ян Козелл отмечал, что дворяне были чужды революционных устремлений и больше «думали о кредитных обществах и разных экономических улучшениях», а революционная группа Звеждовского и Калиновского воспротивилась «молодым людям, приехавшим из университетов, которые хотели начать демонстрации в Вильно» [146].

Основная слабость манифестационного движения состояла в том, что городские низы — его живительная душа — не выдвигали своих демократических лозунгов, действовали стихийно, почти не пытались связаться с крестьянством, боровшимся против реформы. Историческая роль манифестаций — стихийного выражения народных чувств, возмущенных национально-ре-

лигиозными преследованиями царизма, — состояла в том, что народ, и прежде всего городские «низы», недвусмысленно высказался против политики крепостнического правительства. Манифестационное движение вскрыло также наличие серьезных разногласий между царским правительством и дворянством края. Оно усугубило кризис «верхов».

3. Кризис «верхов». Шляхетская оппозиция

В 1857 г. дворянство Белоруссии и Литвы высказалось за безземельное освобождение крестьян, взяв, по словам Я. Гейштора, за исходный пункт курляндский устав. Царское правительство рескриптом 20 ноября 1857 г. официально встало на путь отмены крепостного права. В рескрипте был пункт о предоставлении крестьянам усадеб и полевых наделов, противоречивший намерениям дворянства. Но разработка реформы передавалась в руки помещиков, и надежды на договоренность с царем не были еще полностью потеряны. Пышный прием царя в Вильно летом 1858 г., организованный помещиками, говорил об одобрении дворянами края правительственного курса. Помещик Одынец даже назвал Александра законным наследником трона Ягеллонов [147].

Книжка Я. Гейштора «Голос шляхтича», написанная в 1858 г. и изданная в 1859 г. анонимно в Познани [148], явилась выражением стремлений и взглядов обуржуазившегося литовского дворянства, ищущего соглашения с царизмом. Обстановка в стране, отношения между правительством и польским дворянством, требования и чаяния последнего рассматривались в ней на широком историческом фоне. Гейштор был озабочен прежде всего поисками защитного барьера от крестьянства и идей «социализма». Основной вопрос — о земле — Гейштор решал в пользу помещиков. Помещик оставался властелином всей земли. Продажа поместий лицам недворянского сословия запрещалась. Что же касается крестьянских наделов, то, по мнению Гейштора, дворяне сами с течением времени решат этот вопрос, а правительство должно лишь осуществить их волю. В брошюре выдвигался еще ряд дополнительных предложений, как-то: восстановление в Вильно университета, введение польского языка в начальной школе, обязательное обучение детей до 14-летнего возраста, образование сельскохозяйственных институтов и других необходимых для земледелия учебных заведений, создание кредитного банка, освобождение на 40 лет дворян от всех долгов, налогов, процентных платежей и пр. Брошюра Гейштора — программа действий дворянства Белоруссии и Литвы, боровшегося за прусский путь развития капитализма.

В качестве члена Ковенского губернского комитета Я. Гейштор весной 1858 г. предложил Комитету проект реформы, который являлся практическим воплощением идей, изложенных в брошюре. Признавая помещиков собственниками всей земли, Гейштор предлагал, чтобы они выделили крестьянам полевые наделы, равные инвентарным. Все угодья оставались за помещиком. Сервитуты отменялись. Крестьяне получали волю по истечении 12 лет. Наделы они должны были выкупить по цене, намного превосходящей рыночную. Проект Гейштора не был принят. Большинство членов Ковенского комитета, а затем и Виленской комиссии, вырабатывавшей общие положения для трех губерний края, приняло проект безземельного освобождения крестьян, превращая их в кабальных батраков. Раздавались, правда, голоса о предоставлении крестьянам права выкупить хотя бы усадьбы, но они остались в меньшинстве. «Патриотичное» польское дворянство встало на открыто крепостническую позицию [149]. Выражая возмущение демократической общественности, Сырокомля гневно писал в стихотворении «На освобождение крестьян»: «...О край родимый мой! Отцы твои своими именами в историю внесли пример постыдный практического попечения о крестьянах!»

Проект Виленской общей комиссии, выражавший взгляды большинства помещиков края, не был, однако, принят правительством. В определении редакционных комиссий указывалось, что осуществление этого проекта «неминуемо повлечет за собой волнения и беспорядки в целом народонаселения Литовского края». 4 декабря 1858 г. Главный комитет в Петербурге принял решение обеспечить крестьян полевым наделом земли [150].

Разногласия между царским правительством и дворянской общественностью по социальным вопросам усиливались ущемлениями национальных прав поляков, белорусов, литовцев. Либеральным помещикам казалось, что будь край автономным в составе Царства Польского, все могло быть иначе, и что царь обманул их надежды. Эти настроения переданы в письме неизвестного из Вильно от 27 сентября 1860 г.: «Два года тому назад было совершенно иное. Тогда приезд государя действительно возбуждал восторг, так много было надежд и ожиданий. Они не сбылись, и все охладело. Слова: „Вы не забудете моей благодарности никогда“ остались еще не исполненными. Чувствительнейшая струна — народность нисколько не оставлена без задевания. После великих надежд всегда следует разочарование. Возьми у нас деньги, все, оставь лишь народность, язык, веру, и мы будем довольны. Этого не понимают люди, выше поставленные, и от этого постоянные столкновения» [151].

Отвергнув проект литовских дворян, редакционные комиссии вынуждены были в Петербурге принять решение о наделении крестьян полевой землей за большой выкуп. Представители

местного дворянства (А. Оскерко, Б. Залеский и другие) требовали освобождения крестьян без земли с предоставлением ее в аренду на «добровольно» заключаемых условиях. Несмотря на сопротивление представителей местного дворянства, редакционные комиссии разработали проект реформы, сохранявший за крестьянами инвентарные наделы земли. 19 февраля 1861 г. этот проект был узаконен и вступил в силу [152].

Перед самым объявлением манифеста 19 февраля предводители дворянства литовских и белорусских губерний заявили правительству, что «новое положение неприменимо к Западному краю. Но им был дан ответ, что дело решено окончательно, утверждено верховной властью и должно быть приведено в действие» [153]. В декабре 1860 г. Домейко присылал в Петербург развернутую записку, в которой, осуждая составленный редакционными комиссиями проект положения для крестьян литовских губерний, ходатайствовал о пересмотре этого проекта, считая условия реформы разорительными для помещиков [154]. Его проект — свидетельство остроты разногласий между царским правительством, выступавшим выразителем общих интересов помещиков, и литовским дворянством, боровшимся за более полное удовлетворение своих требований.

По определению Н. Н. Улащика, суть этих расхождений «заключается в том, что правительство, опасаясь крестьянских волнений, было вынуждено освободить крестьян с землей, в то время как помещики требовали (и это было самое настойчивое их требование) освобождения крестьян без земли и даже без усадеб. Затем, сохранив в основном инвентарные повинности, правительство отменило незначительную часть их и урезало произвол помещиков при назначении рабочих дней. Дворянские проекты запрещали крестьянам строить у себя фабрики и заводы, открывать постоялые дворы. «Положения» разрешили это крестьянам. Правительство предоставило крестьянам бо́льшую свободу передвижения, чем это хотели помещики. Помещики требовали сохранения за ними права вотчинной полиции; правительство оставило им это право лишь до окончания срочнообязанного периода. В общем «Положения» 19 февраля 1861 г. обеспечивали бо́льшую свободу буржуазного развития страны. чем проекты губернских комитетов и Виленской общей комиссии» [155].

Местное «Положение» только формально гарантировало неприкосновенность крестьянских наделов. В период подготовки реформы усилилось обезземеливание крестьян помещиками. Местное «Положение» по существу санкционировало это ограбление крестьянства. По «Положению» снижались и повинности крестьян на 10% по сравнению с инвентарными. Фактически после объявления манифеста помещики увеличили их. В обычное время помещики держали часть завышенных непосильных

повинностей, зафиксированных в инвентарях «в запасе». Теперь же на «законном основании» они, снизив формально инвентарные «бумажные» нормы на 10%, потребовали от крестьян больше, чем требовали до реформы. Формально правительство «ущемило» местное дворянство, отвергнув его проекты. Современникам, особенно тем же помещикам, казалось, что если б прошел их проект, такого обострения классовой борьбы не получилось бы. Реформа обострила противоречия между правительством и местным дворянством.

Характерно, что и либералы, и крепостники были недовольны политикой царизма. Я. Гейштор, автор наиболее «прогрессивного» проекта реформы, утверждал, что, не будь вмешательства властей, его проект был бы принят Ковенским губернским комитетом. Примеру последовала бы вся Литва, а за ней и Россия [156]. Бронислав Залеский, представивший осенью 1860 г. Ростовцеву самый крепостнический проект местного «Положения», обвинял правительство в произвольном нарушении якобы исторически сложившихся арендных отношений между помещиками и крестьянами Белоруссии и Литвы [157].

Реформа 19 февраля осуществлялась на условиях, не удовлетворявших ни либеральное меньшинство дворянства (Гейштор, Оскерко), ни представителей крепостнического большинства (Домейко, Залеский). Дворяне полагали, что если бы правительство не мешало им, они бы предотвратили революционные выступления. По словам Д. А. Милютина, помещики Белоруссии и Литвы обменивались между собой мнениями о том, «что, если бы совершилось желанное воссоединение Литвы с Польшей, вопрос крестьянский принял бы совсем другой оборот». Ведь в Польше Земледельческое общество решило сохранить землю в руках помещиков, тогда как в Литве и Белоруссии надо было согласиться с требованием о переходе наделов в руки крестьян. Если в Польше «помещики в сущности ни к чему себя не обязывали», то в Литве и Белоруссии было, по словам Милютина, иное положение. Поэтому среди местного дворянства Замойский, глава «Земледельческого общества», имел многих сторонников, из которых Милютин выделял графа Старжинского и Оскерко. Милютин верно подметил связь между разногласиями по реформе с требованием автономии Литвы. Национальный вопрос усугублял остроту разногласий по социальным проблемам, придавая последним политический характер, что пугало правительство [158].

Несмотря на разногласия с правительством, дворянство края приняло активное участие в осуществлении реформы. Виднейшие либералы — Я. Гейштор, А. Оскерко, С. Солтан, В. Гедройц и другие — заняли должности мировых посредников, деятельно способствовали реализации манифеста, не останавливаясь перед вызовом войск для усмирения крестьян [159].

Мировой посредник О. Бохвиц, исполнявший должность «с беспристрастием и по точному смыслу закона», отмечал, что в 1861—1862 гг. имели место частные совещания между помещиками, на которых возникали длительные горячие споры «о разных предметах, каких основой был крестьянский вопрос, ибо в ту пору господствовало, впрочем очень не безосновательное, опасение резни крестьянами помещиков». Опасение «резни» и крестьянских взрывов толкало польских дворян в объятия царизма. В революции они видели, по выражению Ф. Далевского, свою верную гибель. Помещики-либералы собирали частые совещания, обсуждая проекты Общества земельного кредита и улучшения судоходства по Неману, специально изучали постановку кредитного дела в России и за границей. Эти проекты, как правильно заметил К. Калиновский, «имели только в виду материальное и моральное улучшение края при нынешнем политическом положении его» [160].

Соглашаясь с царизмом в основном и главном, дворянство края в обстановке обострявшейся классовой борьбы просило правительство восстановить действия Литовского статута, открыть Виленский университет, создать Кредитное и Земледельческое общества и т. п. Для разработки этих предложений происходили частые совещания дворянских представителей, возникло полулегальное дворянское объединение, охватившее сетью дружеских кружков весь край. Во главе либерально-дворянской оппозиции стояла группа в составе Ф. Далевского, Н. Еленского, А. Оскерки, И. Лопацинского, О. Вагнера, Я. Гейштора.

Ее первыми и важнейшими задачами было быстрое и «справедливое решение» крестьянского вопроса, создание Земледельческого и Кредитного обществ, принятие мер для развития просвещения. Конечной целью являлось восстановление независимой Польши в границах 1772 г. под скипетром русского царя. Предполагалось, что этим самым будет ликвидирована почва для всяких социальных потрясений. В июле 1861 г. на съезде в Вильно дворянство утвердило устав Земледельческого общества и приняло решение препятствовать манифестациям. Однако ни то, ни другое желание дворян не осуществилось. Правительство не допустило образования общества, а движение городских «низов» помещики были не в силах задержать. Неудача постигла и различные благотворительные общества, созданные дворянством и католическим духовенством с целью привлечения на свою сторону трудящихся масс. Основанные помещицей М. Бучинской при поддержке виленского епископа Красинского «Братство милосердия» и помещицей Домбровской «Общество благотворительное» не увеличили популярности шляхты среди трудящихся Вильно, не смогли притупить социальные противоречия.

Правительство и дворянство края были едины в мнении, что надо сломить народное сопротивление, но расходились по тактическим вопросам. Царизм полагал, что реформа 1861 г. должна быть осуществлена, а всякое сопротивление ей — раздавлено. В составе правительства были лица, считавшие «Положения» 19 февраля радикальными и стремившиеся в ходе их реализации всячески оградить интересы помещиков. Наиболее яркими выразителями этих взглядов были шеф жандармов Долгоруков и министр внутренних дел Валуев.

Дворянство края считало необходимым дополнить «Положения» 19 февраля рядом мер, чтобы предотвратить национальное и социальное возмущение масс. В среде польских дворян все более укреплялась мысль о необходимости административного объединения Литвы и Белоруссии с Царством Польским и предоставлении этому обширному району национально-культурной автономии. По мнению дворян-поляков, только осуществление этого проекта царем могло предотвратить революцию и создать условия для экономического и культурного развития края. 10 октября 1861 г. 50 помещиков Рогачевского уезда во главе с предводителем Богушем подали на имя царя адрес с просьбой присоединить Могилевскую губернию в административном управлении к Северо-Западному краю, открыть в Вильно университет, ввести гласный суд и делопроизводство на польском языке, осуществить полную свободу вероисповедания. Характерна реакция правительства. Предводитель был отдан под суд сената и приговорен к 18-месячному заключению. 21 августа он был посажен в Петропавловскую крепость, но уже 2 сентября освобожден по случаю дня коронации императора [161].

В следующем, 1862, году подачи адресов участились. Напуганное манифестациями и крестьянскими «бунтами» дворянство усилило нажим на правительство, требуя национальной и экономической автономии края, но идти на полный разрыв с царизмом не решалось. Перед лицом возмущенного народа дворянская оппозиция нуждалась в штыках. Отсюда своеобразная форма дворянского протеста — апелляция к высшей власти, попытка убедить ее в необходимости более гибкой политики. По словам Гейштора, составители адресов были убеждены, что только этим путем «дворянство может предупредить все вспышки, все тайные действия молодежи» [162].

Был разработан план представления заранее согласованных адресов во всех губерниях. Он не удался: власти были извещены и приняли меры. Только в Минске губернское дворянское собрание, открывшееся 19 ноября 1862 г., высказалось за представление царю всеподданнейшей просьбы о включении губернии в административное управление Царства Польского. Губернатор запретил подачу адреса. Тогда дворяне решили

внести его текст в протоколы заседания. Протокольную запись подписали 255 человек во главе с предводителем дворянства Лаппо. Не подписали две группы дворянства — крайние крепостники (36 человек), выступавшие против адреса, и пять либералов — инициаторов адреса из группы Гейштора (братья Еленские — Андрей и Наполеон, Александр Оскерко и др.).

Оппозиция минских дворян была встречена царской администрацией враждебно. Назимов распустил собрание. Общественность отнеслась к событиям двояко. Многие не одобряли действий минских дворян, считая их несвоевременными, мешающими осуществлению крестьянской реформы, другие порицали нерешительность дворянских депутатов. «Заявления „минские",— писал позже К. Калиновский,— хотя очень невинные, были, однако, осуждены многими». Революционная организация края указывала, что дворяне стремятся достигнуть соглашения с правительством для борьбы с «гидрой революции» [163].

Характерна реакция революционной молодежи Минска. «Когда мы расходились с губернского собрания, — писал помещик Бохвиц, — то нам на улице стали свистать, называя нас протоколистами и т. п. Ночью были повыбиты многим лицам окна... Я сам получил подметное письмо, писанное без орфографии и знаков препинания, вместо которых было множество ругательств и угроз, между коими и то, что будут нас провожать из города вон камнями, а крестьян натравят на нас как на изгнившую и бесполезную в обществе касту» [164].

Сообщая о событиях в Минске, Назимов писал, что он был предупрежден заранее о намерениях дворян. План подачи адреса, по мнению Назимова, был разработан графом Виктором Старжинским по согласованию с князем Чарторыским. Лосев также сообщил шефу жандармов, что в октябре 1862 г. в Вильно состоялся большой съезд помещиков для составления адреса царю. Подобный же съезд был в Ковенской губернии. Лосев извещал, что между помещиками обнаруживались разногласия. Либеральная группа во главе с минским предводителем Лаппо и гродненским предводителем Старжинским выступила за подачу адреса. Другая группа во главе с виленским предводителем Домейкой была против. В конечном счете из затеи ничего не вышло, так как либералы не решились на открытый конфликт с правительством [165].

Царское правительство запретило даже подачу адресов. По мнению Гейштора, «это было ошибкой». Излагая обстановку, он писал: «С одной стороны, явилась так называемая партия действия..., которая, волнуя страну, увлекла ее, наконец, в гибель. С другой — партия людей, ясно видящих гибель страны и всеми силами старавшихся воздержать катастрофу, подавая проекты деятельности полезной, ограждая страну от влияния. чуждого характерам и нуждам народа. С третьей — правитель-

ство, которое, кажется, тоже не предвидело опасности со стороны партии действия и не хотело давать силы людям умеренным, не соглашаясь на подаваемые проекты земледельческого, кредитного общества» [166].

Разногласия между дворянством и правительством усиливались. В ответ на запрет властей последовало заявление предводителей дворянства, в котором говорилось: «Правительство совершает большую ошибку, отвергая искреннее обращение литовского дворянства, выражающее неотложные нужды края, удовлетворение которых — единственное средство обеспечить счастье и спокойствие народа. Мы выполнили свой долг, но поскольку правительство отказалось нас выслушать, мы не ручаемся за последствия. Верим, что народ наш вопреки всему жив и будет жить» [167].

В обстановке «кризиса верхов», когда старые методы подавления угнетенных оказывались недейственными, правительство и дворянство края возлагали друг на друга ответственность за происходящее. Назимов утверждал, что польские помещики сознательно восстанавливают крестьян против манифеста 19 февраля с целью добиться его ревизии. По мнению же помещиков, неясное изложение «правил о свободе» сделано правительством сознательно, с тайной целью «взволновать крестьян на погибель помещикам» [168]. Версия Назимова нашла отражение в деятельности чиновничества, «успокаивавшего» крестьян, в поповских проповедях. Среди крестьян «распространились толки, что демонстрациями высказывается недовольство помещиков по поводу освобождения крестьян из крепостной зависимости, что женщины (польки) носят траур за крепостное состояние, а в гимне заключается просьба к всевышнему о возвращении барщины и рабства» [169].

Осенью 1861 г. минский предводитель дворянства А. Д. Лаппо писал Валуеву, что основная причина волнений в крае заключается в отмене автономного управления западных губерний, в ликвидации действия Литовского статута, притеснениях польского языка, католической религии, отсутствии университета. «Следует ли удивляться,— спрашивал Лаппо,— что молодежь поверхностно развита, не имея твердых начал, легко увлекается социальными мечтами, легкомысленными теориями и распространяет в крае вредные начала анархии». Дворянство недовольно препятствиями в развитии кредита, запрещением Земледельческого общества, стеснениями в торговле лесом, новой системой акциза, ущемляющего владельцев винокурен, и «отсутствием всякого контроля местных жителей над административным управлением». В основе конфликта дворян с правительством лежат, по мнению Лаппо, расхождения по экономическим вопросам, которым местные чиновники «придают характер политический». Накопившееся недовольство вышло наружу

в форме манифестаций, в которых, по словам Лаппо, «нет никакой организованности и единства в стремлениях». Лаппо подчеркивал, что помещики далеки от революции, что они боятся повторения «галицийских событий», полагают, что правительство натравливает на них крестьян. Валуев ответил резким письмом, требуя не объяснения причин неудовольствия, а решительных действий для прекращения демонстраций. Царь, прочтя ответ министра, пометил: «Очень хорошо» [170].

Возникший конфликт являлся составной частью «кризиса верхов» и отражал поиски путей борьбы с революционным движением. Д. А. Милютин отмечал «совершенное отсутствие единства в самом составе высшего правительства... Министры, главноначальствующие председатели и влиятельные члены высших государственных учреждений не имели между собой ничего общего, никакой солидарности; каждый смотрел, думал, говорил и действовал сам по себе, нередко один даже противодействовал другому. Государь как будто систематически поддерживал рознь между ближайшими своими советниками, проверяя одного другим и не давая исключительного влияния ни которому из них». Между министрами и высшими сановниками возникали, по его словам, различного рода «клики», «заговоры», и дело кончалось взаимными уступками, компромиссами, умолчаниями, а в результате самые важные вопросы разводились безвкусной водой. Привычка угождать государю губила дело [171].

Правительство видело, что прежними методами грубого насилия трудно удержать страну в спокойствии, что нужно пойти на какие-то уступки требованиям общественности, сделать аппарат более гибким, привлечь к себе часть недовольных, но в страхе перед народом при каждом порыве масс пускалось в ход испытанное средство — полицейская дубинка. Царизм не мог сойти с кровавой дороги, отказаться от принципа «тащить и не пущать». «Авторитет местных органов власти упал, полиция сделалась посмешищем; дерзость и наглость патриотов по всей Литве возбуждается до крайних пределов»,— доносил в Петербург начальник IV округа корпуса жандармов. Ему как бы вторил другой «голубой мундир»: «Крестьяне не любят помещиков и не верят им..., с другой стороны, не могут питать расположения и к ближайшим представителям правительства: исправникам и становым приставам — алчным корыстолюбцам..., о священниках тоже нельзя сказать много хорошего — они жадны и вымогательны» [172]. Валуев в августе 1861 г. признал, что росту народного недовольства содействуют недостатки местной администрации, все ошибки и личные слабости местных должностных лиц, и это усиливает в народе неуважение к правительству.

Укоряя местную администрацию в ошибках, правительство само долгое время не имело ясного и определенного плана

подавления революционного и оппозиционного движения. Оно порицало Назимова то за проявленную им будто бы слабость, то за чрезмерную строгость. Осенью 1861 г. два губернатора (гродненский и ковенский) были отстранены за «попустительство» манифестантам, а Назимов получил выговор за «строгость» (разогнал минский «сеймик» по собственной инициативе и ввел военное положение без консультации с Валуевым) [173].

В дневнике П. А. Валуева за 1861 г. есть записи не только о «беспорядках» в Польше и западных губерниях, но и о нелепостях действий царской администрации. 16 февраля: «В Варшаве беспорядки... Тамошнее безмозглое управление им (т. е. полякам.— *А. С.*) помогает... Ненавистное управление поддерживается картечью и штыками». 19 февраля: «Из Варшавы... доходят неладные вести... Здесь войско одно не поможет». 6 марта: «Из Польши все те же вести... Здесь краснеют перед претерпенным и претерпеваемым там уничижением, но не знают, на что решиться, за что взяться, с чего начать и к чему идти». 28 марта: «Из Литвы и Вильно также сведения о разных манифестациях. Заволакивается наш горизонт». 7 апреля: «Куда ни посмотри, всюду кризис».

По признанию Валуева, царское правительство маневрировало, стремясь выиграть время, вводило военное положение, расстреливало манифестантов, сменяло губернаторов и наместников, делало какие-то неясные обещания и вновь пускало в ход свинец. Некоторые советники царя считали необходимым пролить потоки крови, чтобы восстановить пошатнувшийся престиж власти и укрепить прежнюю систему Николая I; другие высказывались за примирение и уступки, стремились дополнить крестьянскую реформу рядом других преобразований государственного управления [174].

Царское правительство надеялось в конечном счете привлечь на свою сторону польскую шляхетскую оппозицию. В инструкции министра внутренних дел от 10 августа 1861 г. говорилось: «Надлежит при употреблении более или менее строгих мер к восстановлению в крае общественного спокойствия и порядка с крайней осмотрительностью упоминать о высочайшем имени его величества и его высочайшей воле. На имя государя императора надлежит ссылаться и указывать по преимуществу как на неприкосновенную светлую точку единения в настоящем и на залог окончательного успокоения и примирения в будущем». Инструкция Валуева была прочтена Александром II, написавшим на ней: «Весьма дельно» [175].

Часть царских сановников, группировавшаяся вокруг великого князя Константина, считала необходимым постепенное расширение прав и полномочий административных польских органов в Варшаве с тем, чтобы в недалеком будущем предоставить Царству Польскому культурно-национальную автономию.

В Петербурге с вниманием выслушивали предложения и проекты польского магната маркиза Велёпольского, убеждавшего царское правительство пойти навстречу польскому дворянству с целью сплотить реакционные силы для удушения революционного движения. Велёпольский был назначен главой всей гражданской администрации в Царстве Польском, а наместником в Варшаве стал Константин Романов. Многие публицисты России (Кавелин, Аксаков и даже Катков) на протяжении 1861—1862 гг. неоднократно высказывались за предоставление Царству Польскому автономии. Все это не могло не оказать влияния на польских дворян в Белоруссии и Литве, укрепляло их надежды на возможность административного объединения Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины и предоставления этому району польской национально-культурной автономии.

Царское правительство не намерено было в Литве, Белоруссии и Украине вводить администрацию маркиза Велёпольского, считало эти земли истинно русскими, древним наследием Рюриковичей и выступало против предложений польского дворянства об административном объединении Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины с Царством Польским. Но в обстановке революционной ситуации, стремясь выиграть время, привлечь на свою сторону польскую шляхту, царские сановники давали дворянским представителям уклончивые ответы, неопределенные обещания. Поэтому лидеры дворянской оппозиции не теряли надежды договориться с правительством. Гродненский губернский предводитель дворянства граф В. Старжинский несколько раз беседовал с Валуевым, получал аудиенции у царя, посылал различные записки и проекты, доказывал, что революционное движение можно успокоить только включением хотя бы части Белоруссии и Литвы (Северо-Западного края) в административное управление Царства Польского с предоставлением автономии. Аналогичные заявления делали Валуеву минский предводитель дворянства Лаппо, виленский предводитель дворянства Домейко, епископ Красинский.

П. А. Валуев, записывая в дневник результаты бесед и обмена мнениями со Старжинским, Лаппо, Красинским, Домейкой, отмечал, что в их требованиях (свобода совести, национальная автономия в рамках империи и пр.) много «замечательного», но ни о каких уступках не может быть речи, пока правительство вполне не овладеет положением и дворянство Литвы не окажет ему в этом всей необходимой помощи. В продолжительных беседах с руководителями дворянства и помещиков Литвы Валуев неоднократно заявлял, что «прежде чем ожидать какого-либо знака внимания правительства к интересам местного дворянства, оно должно обнаружить, что стоит на стороне правительства». Валуев понимал необходимость каких-то уступок, ибо система военного подавления уже оказыва-

лась недостаточной, расходясь в этом с генерал-губернатором Назимовым, на сторону которого склонялся и царь. В результате, как выразился Валуев, возник «кризис в управлении». «Я вынужден,— писал он в дневнике,— не обнаруживать, что у нас в настоящее время нет ни установившегося плана действия, ни даже установившегося взгляда» [176].

Для борьбы с революционным и оппозиционным движением в Белоруссии, Литве и на Украине 22 сентября 1862 г. был образован Западный комитет. В него вошли: председатель комитета министров князь Гагарин, шеф жандармов князь Долгоруков, военный министр Милютин и ряд других высших сановников. Комитету вменялось в обязанность разработать меры «к водворению и упрочению спокойствия в западных губерниях». После длительного обсуждения Комитет рекомендовал правительству «поддерживать осторожной рукой взаимное нерасположение крестьян и помещиков». При этом высказывалось опасение, что чрезмерные уступки крестьянам могут вызвать нежелательные последствия не только на западе страны, но и в других частях империи. Защищая классовые интересы всех помещиков, правительство стремилось ограничить влияние фрондирующего польского дворянства [177].

Дворянство края, убедившись, что правительство не предоставит ему свободу действий, напуганное ростом освободительного движения, установило контакт с правым крылом польского национального движения — так называемой Дирекцией «белых» в Варшаве. В переговорах, происходивших в конце 1861 — весной 1862 г., приняли участие Гейштор, Оскерко, обещавшие главе «Дирекции» Юргенсу сплотить вокруг него поместное дворянство Литвы и Белоруссии, в чем, по свидетельству Авейде, «успели отчасти» [178]. Таким образом, в ходе углубления революционного кризиса произошел раскол в правительственном лагере. Часть местного дворянства с позиции сотрудничества с царизмом перешла в открытую оппозицию, придя к выводу, что царизм не в состоянии справиться с народным движением, что для борьбы против него нужно выработать более гибкие методы.

В обстановке растущего национального движения либеральная партия в Литве и Белоруссии связала осуществление своих аграрных проектов, отвергнутых царизмом, с восстановлением независимой Польши в границах 1772 г. при помощи интервенции (военной или дипломатической) западных держав. Народное движение рассматривалось как предлог для постановки «польского вопроса» на европейском форуме. Социальное существо программы Гейштора, Лаппо, Старжинского не изменилось, изменилась лишь форма действий. Не понятые крепостниками и царем, напуганные растущей революцией, либералы-помещики искали нового хозяина-защитника. Им казалось, что

группа Чарторыского и стоящая за ней коалиция западных держав — надежная сила, более надежная во всяком случае, чем царизм.

Переход либерально-дворянской оппозиции в антиправительственный лагерь — одна из своеобразных черт «кризиса верхов» в Белоруссии и Литве. Шляхетское движение не было массовым и действенным. Но в условиях революционной ситуации оно обнажило противоречия в господствующем классе, затруднило маневры самодержавия. Дворянское движение не было однородным. Виленский губернский предводитель дворянства Домейко и его единомышленники к концу 1862 г., напуганные обострением классовой борьбы, заняли позицию поддержки царского правительства. Группа Старжинского продолжала поиски соглашения с царизмом вплоть до восстания. Сторонники Гейштора, добиваясь национальной автономии, не прочь были прибегнуть к организации оппозиционных дворянских съездов, вроде минского «сеймика», вели просветительную и благотворительную работу в народе (Оскерко даже написал белорусский букварь). Группа «пёнтковичей», проповедовавшая классовый мир между сословиями в борьбе за национальные права, ущемленные царизмом, не отвергала нелегальные формы. В дальнейшем по мере усиления борьбы масс эти противоречия еще более обострились. Шляхетское движение раскололось. Старжинский остался верен царизму, хотя и осудил его «крайности». Коллективная отставка мировых посредников весной 1863 г. была демонстративным осуждением политики царского правительства со стороны польского либерально-националистического дворянства. Группа Гейштора, примкнув к восстанию, стремилась парализовать революционно-демократические тенденции и превратить борьбу масс в пролог интервенции иностранных держав. Наконец, часть дворянства перешла на сторону народа, сражаясь за социальную и национальную свободу.

4. Деятельность революционных демократов по подготовке народного восстания. «Мужицкая правда»

Под прямым и непосредственным влиянием крестьянской борьбы против грабительской реформы и манифестаций городских «низов» на протяжении 1861—1862 гг. происходит консолидация демократических сил Литвы и Белоруссии, завершившаяся образованием к исходу лета 1862 г. Литовского Провинциального комитета. Комитет возник на базе студенческих и офицерских нелегальных кружков, существовавших как непосредственно на территории Литвы и Белоруссии, так и

в Москве и Петербурге среди молодежи, там обучавшейся или проходившей военную службу.

Демократы Белоруссии и Литвы находились в те годы под благотворным влиянием Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, А. Герцена, сохраняя и приумножая лучшие традиции русского и польского освободительного движения. Этим, а также остротой социальных конфликтов и объясняется радикализм Литовского Провинциального комитета, решившего вскоре после своего образования обратить всю возможную силу пропаганды на крестьян с целью подготовки их к революции. Принимая это решение, Комитет прямо сослался на опыт Шимона Конарского, проводившего аналогичную работу в Литве и Белоруссии еще в середине 30-х годов [179].

Одним из инициаторов создания Литовского Провинциального комитета был Людвик Звеждовский, адъютант командующего войсками Виленского военного округа. Звеждовский родился в 1831 г. в Виленской губернии в семье коллежского регистратора, военную службу начал в 1845 г. С 1850 по 1852 г. он учился в Николаевской инженерной академии, в 1856—1858 гг. был слушателем Академии Генерального штаба. В эти годы Звеждовский познакомился с Сераковским, а через него и с другими сотрудниками «Современника» и принял участие в создании нелегального революционного кружка слушателей Академии Генерального штаба. В числе его товарищей по Академии был Владимир Обручев. Несколько позже (осенью 1859 г.) Звеждовский познакомился и подружился с Ярославом Домбровским. После окончания Академии и до осени 1862 г. Звеждовский служил в войсках Виленского военного округа, где проводил большую революционную работу среди офицеров, подобную той, которую вели в Польше Андрей Потебня и Ярослав Домбровский, а в столице — Зыгмунт Сераковский. Звеждовский был связан с «Великоруссом» и Комитетом русских офицеров в Польше.

Звеждовский и его товарищи (Клетый Корево, Ян Козелл и др.) считали себя продолжателями дела Пестеля и Мицкевича, петрашевцев и Конарского. Они стремились создать среди военнослужащих (поляков и русских) организацию, способную привлечь на сторону революции большую часть армии и тем обеспечить успех приближающегося восстания. 19 сентября 1862 г. в связи с арестом Домбровского Звеждовский по подозрению в принадлежности к революционному обществу был переведен в Москву. Удаление его из Вильно не прервало, однако, его связей с литовской демократией.

Выдающуюся роль в сплочении демократических сил Белоруссии, Литвы и Польши в годы революционной ситуации сыграл Константин Семенович Калиновский (1838—1864), выходец из беспоместного белорусского дворянства. В 1855—

1860 гг. он учился в Московском, а затем в Петербургском университетах и принимал активное участие в деятельности студенческих кружков и офицерской организации Сераковского. В самом начале 1861 г. Калиновский возвращается на родину и возглавляет демократические кружки в Гродненской губернии, действуя совместно с Валерием Врублевским — инспектором егерского училища в Соколке, впоследствии генералом Парижской Коммуны. Активную помощь Калиновскому и Врублевскому оказывают молодой белорусский поэт Феликс Рожанский, служивший землемером в имении Большие Берестовицы графов Коссаковских, и акцизный чиновник Станислав Сонгин.

Спасаясь от преследования полиции, Калиновский летом 1862 г. переходит на нелегальное положение, ведет полную опасностей жизнь профессионального революционера, отдает все силы и знания делу подготовки народного восстания против самодержавия и крепостничества. К этому он привлекает многих из своих студенческих товарищей, лучшую часть белорусской, польской, литовской интеллигенции. После отъезда Звеждовского из Вильно в сентябре 1862 г. Калиновский возглавляет Литовский Провинциальный комитет. Ближайшими соратниками Калиновского, членами Комитета в разное время накануне восстания, были А. Бонольди, Э. Вериго, Б. Длуский, Я. Козелл-Поклевский.

Ахилл Бонольди (1818—1871), по национальности итальянец, брат известного в то время композитора, после окончания Лозаннского университета посвятил жизнь искусству, имея превосходный голос (тенор). Прибыл в Литву на должность преподавателя музыки и пения дворянского института в г. Вильно. Заметим, что из среды его воспитанников вышло немало повстанцов (В. Врублевский, Зыгмунт Чехович, Юзеф Калиновский — сын директора института и др.).

Быстро овладев польским языком, Бонольди занялся также и переводом польских и итальянских сочинений. Он сблизился с Монюшкой, популяризовал его произведения как исполнитель и переводчик на итальянский язык либретто оперы «Галька». Незадолго до восстания Бонольди основал в Вильно фотографию, в которой под видом литографирования снимков занимался размножением революционных прокламаций. С образованием Литовского Провинциального комитета Бонольди встал во главе виленской городской революционной организации. В начале 1863 г. он был выслан на родину, но поселился в Париже, исполняя обязанности заграничного представителя Литовского комитета (закупал оружие, организовывал помощь эмигрантам и т. д.). В 1871 г. во время Парижской Коммуны Бонольди сражался в чине капитана в армии генерала В. Врублевского, был тяжело ранен и скончался вскоре после поражения коммунаров.

Болеслав Длуский (в восстании действовал под псевдонимом Яблоновский) родился около 1829 г. в Вилькомирском уезде Ковенской губернии в имении Замши. В середине 40-х годов, обучаясь в виленской гимназии, был заподозрен в антиправительственной деятельности и отдан в солдаты: служил на Кавказе, за боевые отличия произведен в офицеры, уволен в отставку после Крымской войны капитаном. В августе 1857 г. Длуский поступил на медицинский факультет Московского университета. До этого он, страстно увлекшись живописью, некоторое время обучался (после отставки) в Петербургской Академии художеств. Находясь в Москве, Длуский принимал активное участие в студенческом движении и, в частности, размножал и распространял агитационный материал. Он пытался бежать за границу, чтобы примкнуть к Гарибальди. Уже в то время он был известен своей приверженностью к демократизму, демонстративно носил мужицкую свитку. Перед восстанием, вернувшись в Литву, Длуский служил врачом в местечке Пасвалис Поневежского уезда. После 1863 г. Длуский — эмигрант, друг Матейки, который изобразил его на переднем плане в своей известной картине «Битва при Грюнвальде». Длуский умер в Кракове весной 1905 г.

Эдмунд Вериго родился около 1840 г. в Вильно. Отец служил управляющим именья Верки, принадлежащего князю Витгенштейну. Эдмунд Вериго после окончания виленской гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где сблизился с братьями Калиновскими, Здановичем, Юндзиллом и др. В Литовском комитете ведал заготовкой оружия. Выданный предателем, был арестован незадолго до восстания и осужден на 8 лет каторги, которую отбывал в Кадае. В 1874 г. вернулся на родину. Служил в управлении Петербургско-Варшавской железной дороги, затем на металлургических заводах юга России. Умер 10 сентября 1902 года.

Ян Козелл-Поклевский («полковник Скала») родился в 1838 г. в Вилейском уезде в дворянской семье. Получив домашнее образование (отец был педагог), поступил в школу гвардейских подпрапорщиков, а затем в Инженерную академию, которую и окончил с золотой медалью в 1858 г. В эти годы был близок к Звеждовскому (товарищу по учебе) и Сераковскому. В 1859 г. вышел в отставку и уехал за границу, где завел обширные связи в различных кругах эмиграции. В Париже встречался с Сераковским, находившимся в командировке, обсуждал вопрос о задачах молодежи, «чтобы крестьянский вопрос провести самым лучшим способом». В 1861 г., вернувшись на родину, Козелл вошел в состав Комитета, вначале как помощник Звеждовского, а после отъезда последнего как член Комитета; поддерживал активные связи с Домбровским и Сераковским. В 1863 г. был послан Комитетом в Варшаву. Один из виднейших

военных деятелей восстания 1863 г., Козелл, не поднялся, однако, до последовательного демократизма своих товарищей и в эмиграции, в отличие от Врублевского и Домбровского, не стал на сторону Коммуны. В 1872 г. вернулся на родину, был арестован, дал сдержанные, но интересные показания, был сослан в Среднюю Азию солдатом, где затем принял участие в осуществлении ряда крупных инженерных сооружений. Умер он в 1896 г. в Бобруйске.

В составе Литовского Провинциального комитета, кроме вышеупомянутых лиц, некоторое время был (зимой 1863 г.) Зыгмунт Чехович (1831—1907), из дворян Свенцянского уезда Виленской губернии, товарищ Калиновского по университету (до этого окончил Виленский дворянский институт). В состав Комитета он вошел после ареста Вериго и исполнял обязанности кассира, был арестован в Вильно в мае 1863 г. и 9 лет пробыл на Нерчинской каторге. Последние годы жизни провел в имении Беседы Виленского уезда и в Вильно. Умер в 1907 г.

Литовский Провинциальный комитет, включивший в свой состав виднейших представителей литовской и белорусской демократии, объединивший работу студенческих и офицерских кружков, развернул подготовку к восстанию. Его представителями на местах были: в Гродненской губернии В. Врублевский, Ф. Рожанский, С. Сонгин, в Ковенской — врачи Мицкевич, Хмелинский и ксендз Мацкявичюс. В Минске во главе революционно-демократической молодежи стоял сторонник Калиновского, бывший студент Московского университета Антон Трусов — позже член русской секции I Интернационала. Связи с руководством польского освободительного движения в лице Центрального Национального комитета, пребывавшего в Варшаве, поддерживались через Дюлорана — агента Центрального комитета, служившего в управлении железной дороги в Вильно.

Одной из первоочередных задач Литовского Провинциального комитета было упорядочение структуры революционной организации, возникшей в результате объединения разнообразных кружков и групп. Вся территория края была разбита на воеводства, границы которых в общем совпадали с губернскими. Во главе воеводства стоял комиссар, назначавшийся Литовским Провинциальным комитетом. В уездах (повятах) организацию возглавлял уездный (повятовой) комиссар, назначаемый Комитетом по представлению воеводского. Территория уезда делилась на округа (от двух до пяти), каждый из которых имел своего руководителя — окружного (окренгового). Для облегчения пропаганды и лучшей подготовки восстания округа делились на приходские (парафиальные) и волостные (гминные) участки, в которые уездными комиссарами подбирались соответствующие руководители. Революционные организации в городах в зависимости от числа членов приравнивались к уездным и окружным.

Город Вильно имел собственного руководителя — одного из членов Литовского Провинциального комитета. Низшими звеньями организации были десяток и сотня, возглавляемые соответственно десятскими и сотскими.

К моменту образования Литовского комитета вся организация, им возглавляемая, насчитывала около 3 тыс. членов. Литовский Провинциальный комитет применил ту же структуру, которая была разработана Центральным комитетом для Царства Польского, введя некоторые существенные изменения. Например, создание в сельской местности приходских участков должно было усилить пропаганду среди крестьянства.

Для всех звеньев революционной администрации были разработаны специальные инструкции. Сохранившиеся в бумагах генерала Ратча экземпляры инструкций для уездных (повятовых) и окружных комиссаров написаны рукой К. Калиновского. Они указывали порядок назначения руководителей отдельных звеньев революционной администрации, сбора денег для нужд подготовки восстания, создания запасов оружия. Всем членам организации вменялось в обязанность сохранение тайны, ведение революционной пропаганды, оказание помощи друг другу в случае необходимости, беспрекословное исполнение приказов и распоряжений Литовского комитета и назначенных им властей, умение владеть оружием, постоянное «революционное самообразование, насколько позволяет возможность». Инструкции подчеркивали, что каждый из руководителей, независимо от ранга, должен иметь несколько помощников, способных его заменить в случае болезни или ареста. Предусматривалась регулярная отчетность: окружные посылали на имя повятовых рапорты еженедельно, а повятовые отчитывались перед воеводскими не реже двух раз в месяц. В рапорте повятовой должен был доложить о состоянии и числе членов организации, наличии денег в кассе, деятельности каждого члена, настроении различных сословий в уезде, количестве и качестве оружия, о составе военных специалистов, расположении частей царской армии, их моральном духе, об установлении контактов с революционно настроенными военнослужащими.

Для пропаганды и подготовки масс к восстанию Литовский Провинциальный комитет издавал два периодических органа: «Знамя свободы» на польском языке — как официальный орган — и «Мужицкую правду» для пропаганды среди крестьян.

Первый номер «Знамени свободы» вышел в самом конце 1862 г. (датирован 1 января 1863 г.) под непосредственным руководством Калиновского, печатался в Вильно. Последующие (№ 2 и 3) были написаны Ф. Далевским и Я. Гейштором. В первом номере упор делался на анализе причин падения Польши и путей ее воссоздания, подчеркивалось, что Польша свободная может возродиться только в союзе с революционной

Россией «силою равенства своих сынов», поэтому все граждане, искренне любящие отечество, призывались к совместной борьбе за свободу и независимость. В качестве знамени восстания выдвигался «принцип равноправия всех сословий и вероисповеданий, без ущерба чьей бы то ни было собственности и свободы совести». Провозглашенную же программу предполагалось осуществить «не парламентарной политикой, не дипломатическими спекуляциями, а только действием». Под последним подразумевалось восстание в союзе с революционными силами России: «Народ московский содрогается при мысли о нашей вековой кривде, он жаждет быть свободным братом нашим, а не угнетателем, и ответственность за нашу железную неволю возлагает решительно на царизм, обреченный на гибель. Итак, вместе, братья, за дело, и когда придет время, поднимем знамя свободы и проклятая сила угнетения рассеется как туман перед солнцем».

Этот призыв ясно свидетельствует о том, что члены Литовского Провинциального комитета видели в братском русском народе своего союзника в борьбе за свободу и не смешивали русский народ с царизмом, который они вслед за А. И. Герценом называли немецко-татарским правительством. Вместе с тем у газеты обнаружились и слабые черты. Это, прежде всего, попытка найти какое-то компромиссное решение аграрного вопроса, удовлетворяющее крестьян, но не особенно притесняющее и помещиков. Выступая против феодально-сословных привилегий, защищая справедливость, гражданское равноправие и свободу совести, газета отстаивала принцип защиты интересов всех сословий и форм собственности, т. е. не отважилась провозгласить ликвидацию помещичьего землевладения. Полного единодушия среди членов Комитета не было.

Как вспоминает повстанец Ежий Игнаций Кучевский («Порай»), занимавший перед восстанием пост помощника руководителя организации Виленского воеводства, среди членов Литовского Провинциального комитета с момента образования шла напряженная борьба вокруг программных вопросов; прежде всего это касалось роли различных классов и сословий в предстоящем восстании. Так, Эдмунд Вериго, будучи горожанином, считал, что жители городов, объединившись со шляхтой, образуют достаточную силу для завоевания независимой Польши. Шляхтич Антон Залеский верил, что польское дворянство примет горячее участие в восстании. Сам Кучевский был убежден в необходимости и возможности объединения всех сословий под знаменем завоевания национальной независимости. А Зыгмунт Чехович оспаривал эту возможность: «Разные элементы не могут примириться друг с другом». Кастусь Калиновский, по словам Кучевского, резко расходился со своими товарищами. Он верил лишь в крестьян, «собирался воспользоваться любым

социальным стимулом, чтобы вызвать волнения. Он имел опыт общения с народом, верил, что народ, помнящий свои страдания времен крепостничества, представляет ту силу, которая может вернуть крестьянам человеческие права. Калиновский намеревался действовать в этом направлении и именно на этот исходный пункт для действий он и указывал»[180].

Радикальные взгляды Калиновского были изложены им на страницах «Мужицкой правды» — периодического издания, предпринятого им совместно с Врублевским специально для крестьян-белорусов. Это были небольшие прокламации, издававшиеся с июня 1862 г. по весну 1863 г., написанные ярким, простым языком (по-белорусски, латиницей).

На страницах «Мужицкой правды» находит отражение крестьянское требование земли. Газета писала о необходимости уничтожения помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам, ликвидации царской бюрократии и создания государства, где народ принимал бы активное участие в управлении. В третьем номере газеты указывалось, что равенство перед законом должно быть подкреплено равенством имущества, что свобода без земли не есть свобода. «Человек вольный, когда имеет кусок своей земли». В седьмом номере защищалось право крестьян на землю, ибо это их земля «с дедов, прадедов», политая их потом. В ходе подготовки восстания и в период вооруженной борьбы газета настойчиво призывала крестьян отстаивать свои требования. Калиновский отмечал, что крестьянин усвоил «понятие, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиком»[181].

Борьба Калиновского и его соратников за уничтожение собственности помещиков на землю ставит их в первые ряды революционных деятелей 60-х годов.

Среди некоторых исследователей (Г. Киселев и др.)[182] бытует мнение, что «Мужицкая правда» не выдвигала лозунга уничтожения помещичьего землевладения, обходила угнетательскую роль помещиков и была направлена исключительно против царизма, что в ней содержатся лишь «некоторые элементы революционного демократизма», в целом же Калиновский не вышел за границы аграрной программы шляхетских революционеров. Вряд ли можно согласиться с этим.

В газете, редактируемой Калиновским, выдвигался и отстаивался принцип переустройства общественной жизни в соответствии с интересами крестьян, их пониманием справедливости. Крестьяне понимали Калиновского: мужицкий рай в помещичьем фольварке немыслим. Приведенное выше высказывание Калиновского о том, что крестьянин всю землю считал своим достоянием, несправедливо присвоенным помещиком, раскрывает смысл «мужицкой справедливости» и тем самым обличает несостоятельность скепсиса некоторых исследователей.

В «Мужицкой правде» угнетательская роль помещиков («панов») подчеркивается не раз. В первом номере утверждается, что врагами мужиков являются не только военщина, чиновники, но и «многие паны». Манифест 19 февраля объявляется детищем царя, сената и панов, одинаково заинтересованных в угнетении мужика, в лишении его земли и т. д. Второй номер прямо начинается с указания, что и царь, и помещики-паны стремятся обмануть мужика, выдать себя за доброжелателей народа. Протест против панщины, против временнообязанного состояния — главнейшее требование газеты.

Поднимая свой голос в защиту крестьян от помещичьего произвола, газета не оставляет в стороне и другие формы феодального угнетения. Она защищает интересы не только частновладельческих, но также и государственных крестьян, справедливо подчеркивает общность их интересов и требований. Несомненной заслугой «Мужицкой правды», ее редактора Калиновского является разоблачение антинародной сущности управления казенными имениями, обличение стяжательства чиновников Министерства государственных имуществ. Газета утверждала, что «мужики панские и казенные не должны платить ни чинш панам, ни оброк в казну за землю, которая принадлежит им», звала на борьбу за волю и счастье, указывала поименно врагов крестьянства в лице исправников, помещиков (панов), посессоров и всех других. В газете не раз делалось грозное предупреждение царю и его чиновникам: «Помните, что придет и наша пора..., когда мужик разгуляется, то как свет широкий кровь ваша польется».

Перечисляя феодальные тяготы и повинности, газета рядом с панщиной, рекрутчиной, земской повинностью называла огромные сборы на содержание посредников, волостных правлений, старшин, окружных писарей, асессоров казенных палат. Она выступала не только против грабительских «Положений» 19 февраля, но и против «контрреформы» Муравьева, против произвольного изменения земельных наделов помещичьих и государственных крестьян, увеличения оброка чиновниками-кровопийцами. Откупиться от палат и правлений невозможно, их нужно уничтожить — таков вывод газеты.

Особое внимание обращено Калиновским на усиление феодальных повинностей крестьян. По его мнению, распространение Екатериной II жалованной грамоты дворянству на Литву и Белоруссию развязало помещикам руки и позволило произвольно увеличивать барщину. Уже не трех и не шести дней с хаты, как в старину, а шести дней с каждой рабочей души стал требовать помещик. Одновременно происходил процесс закрепощения «вольных людей», населения бывших королевских старостств. От его взора не укрылась и трагическая участь населения конфискованных имений, шедших с торгов, попадавших в руки безжалостных арендаторов, и бесправие обитателей казенных

деревень, угнетаемых асессорами и посессорами. «Чистым пеклом» стала жизнь государственных крестьян.

Не во всем можно согласиться с Калиновским в объяснении причин усиления феодального гнета, но общая картина обнищания деревни, усиления феодальных повинностей нарисована им образно и верно. Причиной непрерывного и прогрессирующего увеличения барщины и других феодальных повинностей крестьян западных губерний, как и России в целом, наблюдаемого с конца XVIII в., было влияние роста товарно-денежных отношений, общий кризис феодализма. Но при анализе этого вопроса необходимо учитывать, что Калиновский писал не социологические трактаты, а затрагивал вопрос о возрастании феодальных повинностей исключительно для развенчивания царизма, для освобождения крестьянских масс от веры в добрые намерения царя.

Защитницей не только частновладельческих, но и государственных крестьян, мещан — всего народа от разнообразных форм феодального угнетения была «Мужицкая правда». Отстаивая требования трудящихся, газета учитывала в то же время конкретную обстановку. Ошибка некоторых исследователей состоит в недооценке особенностей «Мужицкой правды», связанных с условиями классовой борьбы 1861—1862 гг., в белорусской деревне.

Разоблачая на страницах газеты всю систему феодального угнетения, призывая крестьян к борьбе, Калиновский видел не только сильные, но и слабые стороны протеста против «Положений» 19 февраля и «контрреформы» Муравьева. Калиновский и его соратники понимали, что наивный монархизм крестьян сковывает их силы, тушит волнения в деревне. Поэтому они стремились разрушить надежды крестьян на получение земли и воли из царских рук. «Мужицкая правда» объясняла крестьянам, что реформа вышла с ведома царя и он за нее отвечает наряду с помещиками, чиновниками, попами, военщиной. В первом номере газеты отмечалось: «Шесть лет уже минуло, как начали говорить о свободе мужицкой. Говорили, толковали и писали много, но ничего не сделали. А этот манифест, что царь с сенатом и помещиками для нас написал, такой глупый, что черт знает, на что он похож; никакой в нем нет правды, нет от него для нас никакой пользы... А из этого-то и видно, что нам ничего доброго и не думали сделать».

В следующих номерах «Мужицкая правда» продолжала вскрывать антинародную сущность царской политики. В седьмом номере давалась широкая картина общественной жизни, разоблачались вымогательство и ограбление крестьян царизмом.

Поднять протест против помещика до уровня борьбы с феодализмом в целом, разрушить веру крестьян в «доброго царя» — вот что являлось основной тактической задачей газеты, пропа-

гандировавшей идею крестьянской революции. Все затрагиваемые газетой вопросы — и произвол помещиков, и ненавистная рекрутчина, и отсутствие свободы совести, и грабительские налоги, и «шемякин суд» — так или иначе связывались с борьбой против наивного монархизма крестьянства. При этом, выдвинув задачу ликвидации монопольной собственности помещика на землю, газета не останавливалась очень подробно на том, как проявлялась вражда крестьян и владельцев имений: крестьян не надо было учить ненавидеть помещиков. Надо было доказать народу, что мужицкая справедливость несовместима с царской так же, как и с помещичьей.

Правда мужицкая, понятия трудящегося люда о справедливости сознательно кладутся в основу решения всех общественных вопросов. «Миновало уже то время,— пишется в „Мужицкой правде“,— когда казалось, что мужицкая рука способна только к сохе; сейчас настало такое время, что мы сами можем писать, писать такую правду, справедливую, как бог на небе. О, загремит наша правда и как молния полетит по свету! Пусть узнают, что мы можем не только кормить своим хлебом, но и еще и учить своей мужицкой правдой»[183].

Но разве мужицкая справедливость состояла в том, чтобы сохранить помещика, панщину, данины, фольварки? Сам выбор заглавия газеты — ярчайшее свидетельство ее антипомещичьей направленности. Немного можно найти среди многочисленных специально предназначенных для крестьян прокламаций 60-х годов таких, как «Мужицкая правда», решительно и страстно защищающая их интересы.

Газета убеждала крестьян в необходимости революционного ниспровержения царизма для уничтожения помещичьего землевладения.

Революционные демократы Белоруссии во главе с Калиновским вскрывали антинародный характер царской политики, идя по пути, указанному Чернышевским, Михайловым, Шелгуновым, воспринимая лучшие завоевания польской общественно-философской мысли, прославленной именами П. Сцегенного и Э. Дембовского. Они стремились разъяснить крестьянству, что реформа вырвана у царя и помещиков революционной борьбой «народа в Москве, Петербурге и по всей России». Через «Мужицкую правду» они пропагандировали среди крестьянства идеи единства всех народов страны и в этом видели залог успеха в борьбе народных масс против самодержавия и крепостничества. Группа Калиновского считала вооруженное восстание единственным средством освобождения крестьянских масс. В воззрениях Калиновского сказывалась историческая ограниченность. Он боролся в период, когда в Белоруссии, и в России в целом еще не сложился рабочий класс, способный возглавить революционную борьбу крестьянства и повести его к победоносной революции.

В результате низвержения самодержавия и крепостничества, по мысли Калиновского, в стране установится демократический строй, вся земля будет передана безвозмездно крестьянам, будут уничтожены царское самодержавие и чуждая народу чиновничья бюрократия, отменены налоги. Калиновский идеализировал частнособственнические чаяния крестьянства. «Мы сегодня все уже знаем,— указывает «Мужицкая правда» № 1,— что человек вольный тогда, когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинш, ни оброк не платит, ни панщины не служит; когда платит малые подати и то не на царские конюшни, псарни, любовниц, а на нужды всего народа; когда не идет в рекруты черт знает куда, а идет защищать свой край только тогда, когда какой неприятель придет».

Вопрос о подготовке всероссийского вооруженного восстания был одним из самых важнейших вопросов всей деятельности революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским и А. И. Герценом. Он поднимался также и радикальными вождями польского освободительного движения (З. Сераковский, З. Падлевский). Они напряженно работали в период падения крепостного права, стремясь пробудить у крестьян политическую сознательность и организовать совместное выступление крестьянских масс России и Польши против царизма.

Группа К. Калиновского была в тесной связи с обществом «Земля и воля», с революционными группами в Польше. Она призывала народ к согласованному выступлению. «Пока мужик будет в силах держать косу и топор, он сумеет отстоять свое и ни у кого милости просить не будет. Возьмемся, хлопцы, за руки и выступим вместе» («Мужицкая правда», № 1). «Нечего ждать ни от кого, ибо только тот жнет, кто сеет. Так сейте же, хлопцы, как придет пора, полной рукой, не жалей же сил, чтобы мужик был вольным...» («Мужицкая правда», № 3).

Понимая, что царизму легче подавить стихийные крестьянские выступления, группа Калиновского призывала крестьян к объединению, сурово осуждая тех, кто отказывался от борьбы и шел в царскую армию. Газета утверждала, что объединение крестьян сделает их борьбу победоносной. «Если бы мужики все разом восстали бы и ухватились за топоры, ножи и косы, так москаль должен был бы пропасть безвозвратно и мы на веки вечные уже были бы вольными» («Мужицкая правда», № 2).

Группа Калиновского подчеркивала необходимость объединения всех крестьян России и Польши («Мужицкая правда», № 3—5) не только между собой, но даже с теми дворянами, которые отказались от своих узкоклассовых интересов и встали на сторону крестьян («Мужицкая правда», № 1), пропагандировала единство с разночинцами, учащейся молодежью и горожанами, поднимавшимися «за свою и нашу вольность» («Му-

жицкая правда», № 5). Это был призыв к объединению всех демократических, антикрепостнических сил, костяком которых должно было быть восставшее крестьянство, руководимое революционными демократами. Калиновский стремился создать в Белоруссии и Литве революционную организацию, способную, по его мнению, объединить поднимавшихся против грабительской реформы крестьян. Он понимал, что восстание без этого не может быть победоносным.

Заканчивая анализ «Мужицкой правды» и деятельности группы Калиновского, отметим одну важную деталь. Хотя Калиновский и критиковал руководителей польского движения за отказ провозгласить уничтожение помещичьего землевладения, за клерикализм и игру в заговоры, он не понял до конца весьма сложной социальной природы происходивших событий. Эта ошибка вела к тому, что Калиновский, отстаивая необходимость революционного союза с польским народом, иногда неправильно определял развернувшееся в Польше движение как восстание польских крестьян. С этим были связаны и ошибки в освещении прошлого Белоруссии. Хотя Калиновский и отмечал, что «нам и под польским правительством не совсем было хорошо», что и тогда было налицо угнетение крестьян, однако эти положения он не развернул.

Ошибочно решался в «Мужицкой правде» и ряд других вопросов (о возникновении крепостничества, о религиозной унии), что уже отмечалось нами в специальных исследованиях. Несмотря на эти теоретические ошибки, газета в целом, несомненно, вела действенную пропаганду революционно-демократических идей, выражавших интересы крестьянских масс, и потому сыграла большую роль в подготовке крестьянского восстания в Белоруссии и Литве.

«Мужицкая правда» издавалась в канун восстания 1863 г., в период усиления борьбы между двумя основными направлениями — либерально-монархическим и революционно-демократическим.

Революционные демократы, готовя восстание к весне 1863 г., развернули тогда по всей стране широкую пропаганду. Была подготовлена и издана серия воззваний: летом и осенью 1861 г. вышли три номера «Великорусса», «Ответ Великоруссу» Н. А. Серно-Соловьевича, затем «Что нужно народу?» Н. П. Огарева, переизданное неоднократно «К молодому поколению» М. Л. Михайлова, «Что надо делать войску?» Огарева и Н. Н. Обручева, «К офицерам», «К солдатам» Н. В. Шелгунова, «Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота» (февраль — март 1863 г., издание «Земли и воли») и ряд других. Несмотря на некоторые нюансы, эти прокламации требовали ликвидации помещичьего землевладения и предоставления свободы угнетенным нациям. Они получили са-

мое широкое распространение по всей стране, в том числе в Белоруссии и Литве. Широко распространились в крае также нелегальные издания польских революционеров, особенно «Рух» — орган Центрального Национального комитета в Варшаве, с которым Калиновский был идейно и организационно связан. К воззваниям демократического лагеря примыкает по своему содержанию и значению и «Мужицкая правда» — орган революционно-демократических групп Белоруссии и Литвы.

Издание «Мужицкой правды», призывавшей народ к восстанию, имело большое революционное значение. Она широко распространялась по всему краю от Немана и Буга до Двины и Днепра и сравнительно редко ее экземпляры попадали в руки царских властей [184].

Игнаций Кучевский признавал, что «Мужицкая правда» расходилась по всему краю в тысячах экземпляров и наводила страх на помещиков. Наиболее ценные сведения о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян сообщает Валерий Врублевский. В названной выше брошюре Гершинского, созданной на основе бесед автора с Врублевским, указывается, что редактировал «Мужицкую правду» Калиновский, а Врублевский помогал ему и через лесников и своих воспитанников — учащихся Сокольского егерского училища (детей местных казенных крестьян) распространял ее. Врублевский и сам по ночам верхом развозил «Мужицкую правду» по окрестным деревням, расклеивал на заборах и стенах домов, пропагандируя среди народа необходимость восстания, призывая белорусских крестьян к совместному выступлению с поляками и русскими против царя и помещиков. Через 100 лет после восстания, во время ремонта одного из старых домов в Вильнюсе, был найден тайник, в котором отложились документы времен восстания 1863 г. Выяснилось, что они принадлежали матери Врублевского. Среди этих бумаг, ныне хранящихся в Историко-революционном музее Вильнюса, оказались письма В. Врублевского, экземпляры «Мужицкой правды», выписки из «Колокола», «Великорусса» и других революционных изданий того времени. Счастливая находка позволяет как бы заглянуть в прошлое, проследить истоки тех идей, которые пропагандировались Калиновским и Врублевским в годы революционной ситуации.

Факты о распространении «Мужицкой правды», ныне имеющиеся в распоряжении исследователей, не являются, к сожалению, исчерпывающими и в основном взяты из полицейских донесений, искажающих ход событий, но и они свидетельствуют о том, что революционной молодежи в ряде районов удалось установить связь с крестьянами, которые иногда и сами пропагандировали демократические идеи. Так, в Сокольском уезде среди крестьян деревни Войновец агитацию вел кузнец Тюхно,

которого власти считали одним из главных распространителей «брошюр возмутительного содержания и идей о восстании противу правительства». Тюхно говорил односельчанам, что надо выступить вместе с поляками, а они, видимо, весной восстанут, что тот, кто будет бороться, завоюет землю, а кто выступит против, погибнет. Показывая свои мускулистые руки, этот богатырь заявлял, что он сам разбросает десяток врагов.

Вместе с Тюхной действовал его односельчанин Казимир Станкевич. Он обвинялся в распространении «Мужицкой правды» и «подговоре крестьян не давать рекрут». К суду были привлечены также жители той же деревни и окрестностей: «Студент, уволенный из С.-Петербургского университета Иосиф Горчак, писарь Павлович, эконом Подвысоцкий, крестьяне Маркевич и Турский». Очевидно, в деревне не раз проводились беседы и сходки крестьян. Все указанные лица «обвиняются в собирании для совещания по предмету мятежа некоторых лиц и в распространении возмутительных брошюр». Власти были серьезно встревожены. Их внимание привлекало прежде всего довольно широкое распространение среди крестьян «Мужицкой правды», сочувственное отношение населения к ее идеям и факт участия в этом деле не только местной молодежи и грамотных крестьян, но и недавно прибывшего на родину студента мятежного университета.

Специальное следствие установило, что пропаганда велась не в одной деревне. В обвинительном заключении отмечалось: «Крестьянин Мацей Шкутла объявлял соседним крестьянам деревни Номиков о составлении в Войновцах заговора не давать рекрута и о принятии участия в мятеже...» Крестьянка Марцелевич обвинялась «в рассказывании, что в Варшаве приготовлено для мятежников разное оружие и платье». Все эти крестьяне были арестованы, а позже высланы в Сибирь. Особые меры были приняты в отношении Тюхны и Горчака. Горчак, говорилось в приговоре, был исключен из университета «во время последних беспорядков и по выдержании двух месяцев под арестом водворен на родину, где имел участок земли и, не занимаясь хозяйством, вел жизнь праздную, посещал и принимал к себе под разными предлогами крестьян, участвовал в распространении между ними возмутительных сочинений». Горчак, против которого не было ни одной прямой улики, был сослан на каторгу. Его же друга Матвея Тюхну (Цюхну) полевой суд приговорил «за подготовку крестьян к восстанию, распространение брошюр вредного содержания и нелепых слухов, враждебных правительству, казнить смертью, расстрелянием». Приговор был исполнен публично в г. Гродно. Казимиру Станкевичу удалось скрыться от преследования [185]. Иосиф Горчак был лицом, близким к Калиновскому еще в период учебы в университете. Поэтому можно предположить, что революционное студен-

чество в подготовке крестьян Западной Белоруссии к восстанию играло ведущую роль.

Разгром царскими чиновниками группы Тюхны и Горчака не прекратил распространение революционных воззваний в Сокольском уезде. Осенью, в августе 1862 г., экземпляры «Мужицкой правды» распространялись среди временнообязанных крестьян м. Сидра (Сокольский уезд). Земскому начальнику удалось с помощью ксендза найти и отобрать у крестьян один экземпляр, «куда же девались остальные брошюры,— писал исправник,— равно кто был распространителем таковых, не обнаружено» [186].

Не только издателем, редактором, автором большинства номеров «Мужицкой правды», но и ее активным распространителем, пропагандистом был сам К. Калиновский. По словам Ф. Рожанского [187], он вместе с К. Калиновским в те годы не раз предпринимал своеобразные путешествия по краю. Под вымышленными именами, переодевшись в одежду местных жителей, они посещали села, беседовали с крестьянами, устанавливали связи, распространяли свои издания и разъясняли крестьянам, на чьей стороне надо бороться, где и как искать освобождения от гнета. Они не только знакомились с настроениями и мыслями народа, но и противодействовали правительственной агитации, срывая усилия царских властей по проведению реформы. Рожанский подчеркивает, что благодаря труду и усилиям Калиновского вспыхнувшее вскоре восстание смогло продержаться в Гродненской губернии с весны до поздней осени, что крестьяне оказали повстанцам поддержку, снабжали продовольствием, давали проводников.

Свидетельство Рожанского о личном активном участии Калиновского подтверждается и дополняется донесениями царских властей, сохранившимися в архивах, из которых видно, что в начале октября 1862 г. Калиновский проездом из хутора отца Якушевка в Гродно разбрасывал по деревням экземпляры «Мужицкой правды». Попытки полицейских арестовать Калиновского «за распространение возмутительных брошюр среди крестьян» не удались. Калиновский перешел на нелегальное положение и продолжал готовить народ к восстанию [188].

Приведенные факты говорят об успешной революционной пропаганде, о популярности и довольно широком распространении воззваний группы Калиновского среди крестьян и позволяют утверждать, что революционная организация Белоруссии и Литвы провела накануне восстания большую работу. Она стремилась внести свой вклад в подготовку всероссийской крестьянской революции. Она призывала к единству порабощенные народы Белоруссии, Литвы, Польши и России.

Глава третья

Первый этап восстания (январь—март 1863 г.). Его программа и движущие силы

1. Рекрутский набор. Январское восстание в Польше и его влияние на Литву и Белоруссию

Осенью 1862 г. в Белоруссии и Литве сложилась тревожная обстановка. Продолжалась борьба временнообязанных крестьян против «Положений» 19 февраля и населения казенных имений против «контрреформы» Муравьева. Росло недовольство горожан политикой правительства. Царские власти все чаще прибегали к военной силе для подавления народных волнений. Рекрутский набор, объявленный осенью 1862 г., еще более обострил положение. Новые правила набора особенно задели пограничные районы края, население которых до сих пор имело льготу (замена поставок рекрутов особым налогом). Если учесть, что с 1856 г. набор не проводился, а теперь, к 15 января 1863 г., необходимо было поставить пять человек с каждой тысячи жителей, то станет понятным беспокойство, охватившее население.

Литовские и белорусские крестьяне всегда оказывали упорное сопротивление рекрутским наборам. Царские офицеры отмечали, что «побеги преимущественно господствуют между рекрутами Западной России и особенно Литвы. В Ковенской, Виленской, Минской губерниях они достигают столь значительных размеров, что заслуживали бы специального исследования. Немногим уступают им и соседние губернии — Курляндская, Могилевская, Витебская, превосходящие числом беглых Царство Польское». Во время Крымской войны население в Литве и Белоруссии оказывало вооруженное сопротивление полиции и воинским командам, набиравшим рекрутов.

Рекрутский набор, проводившийся в условиях обострения классовой борьбы, революционной ситуации, вызвал особо сильный протест у молодых крестьян, которые скрывались от набора в лесах. В Ковенской губернии крестьяне, вооруженные топорами, косами, цепами, отбивали рекрутов, прогоняя или истреб-

ляя «поимщиков». Повсеместно полиция, преследуя скрывающихся крестьян, встречала сопротивление жителей. Особенно упорным оно было в Ошмянском и Векшнянском сельских обществах Шавельского уезда, в Видукевичском сельском обществе Россиенского уезда. Из Гродненской губернии также сообщали о том, что «казенные крестьяне сильно встревожены, а молодые люди исчезают перед рекрутским набором»[1].

Генерал-губернатор В. Назимов просил отменить набор: «Ввиду современного направления умов в здешнем крае взятие рекрут из селений, имевших право отправлять эту повинность деньгами, может вызвать беспорядки». Правительство не вняло этим доводам. Было приказано зачислять в рекруты крестьян, арестованных за сопротивление властям, в большем числе, чем предполагалось по разверстке. Эта мера, задевавшая уже все население деревень, привела к дальнейшему обострению положения. Группы, скрывающиеся от набора и преследований, в порядке самообороны оказывали сопротивление. Против них были направлены войска. Захваченные предавались военно-полевому суду. Скрывавшаяся от набора молодежь внушала серьезные опасения помещикам. Жандармский полковник Лосев счел необходимым в январе 1863 г. доложить о ее активных действиях центральным властям[2].

Накаленную предгрозовую атмосферу тех дней, возросшее сопротивление крестьян, активизацию деятельности революционной организации прекрасно передает пятый номер «Мужицкой правды», посвященный рекрутскому набору.

«Мужики! Мало того, что с вас дерут на всякие подати последнюю рубаху, мало того, что никогда куска хлеба не имеешь, а все, что заработаешь, должен отдать черт знает кому и черт знает на что; мало того, что жизнь наша хуже собачьей, мало всего этого — скажите? Разве есть между нами, дорогие вы мои, кто-нибудь, не оплакивающий вдобавок ко всему своего сына, или своего брата, или своего мужа, которого царь забрал в рекруты и загнал черт знает куда?

Тяжко трудится отец ради детей своих, вскармливает мать сына своего, ночей не спит над ним, а царь — собачья вера его, как тот волк, велит схватить людей врасплох, заковать в кандалы и гнать подальше от мест родных. А солдатское житье — горькая доля. Забыть [солдату] надо, что где-то есть у него родная земля, что есть где-то близкие сердцу люди, и жертвовать собой не ради добра и всеобщего счастья, а для установления неволи вечной и горя тяжкого братьев наших...»

«Мужицкая правда» указывала, что горожане и молодежь поднялись за свободу и крестьяне должны поддержать их, чтобы сорвать набор и не дать царю новых солдат для усмирения народных волнений. Газета призывала к активному сопротивле-

нию властям, к уничтожению полиции, чиновников, военных команд, производивших рекрутский набор: «Не давать уже больше рекрутов, а если царь захочет их взять, так, сговорившись, всей громадою повсеместно давайте ему отпор».

Набор нужно сорвать организованным и стойким сопротивлением:

«Мужики, толкуйте же между собой хорошо, действуйте согласованно, не поддавайтесь обману. За мужицкую правду стойте смело, все вместе, разом, а если кто захочет кривдить вас, хватать рекрутов, так кто бы он ни был — старшина или окружной, пусть хоть сам губернатор,— вы его давите мужицкой рукой — и будет вольность, и рекрута не будет, а бог поможет вам. Иным путем, мужики, мы к добру не придем». «Мужицкая правда» № 5 свидетельствует, что рекрутский набор вызвал настолько сильное обострение борьбы, что вопрос о вооруженном восстании вставал как практическая задача дня. Но крестьянству, ответившему на произвол властей поджогами, бегством в леса, нападением на мелкие команды, не хватало стойкости, организованности в борьбе. Газета призывала население к сплоченности, разоблачала маневры и произвол властей, ставила вопрос о восстании как единственном пути избавления от насилия и гнета. Характерно, что газета имела примечание, призывавшее крестьян последовать примеру Польши: «Говорят, что мужики около Варшавы взбунтовались и не дали рекрута. Тогда царь поневоле должен был отказаться. Так что же нам, мужики, делать, я вас спрашиваю?»

В январе — феврале генерал-губернатор В. Назимов дважды обращался к крестьянам края с напоминаниями «о благодетельном даровании им государем-императором свободы». Однако сопротивление крестьян росло. Целые волости отказывались от выполнения повинностей, не помогали и войска, посланные на усмирение. Местные власти доносили, что крестьяне стали оказывать более стойкое сопротивление, что были случаи, когда они врывались в волостные канцелярии, становые квартиры и силой отбивали «арестованных зачинщиков».

Опасаясь волновавшихся крестьян, помещичья партия «белых» во главе с Я. Гейштором в декабре 1862 г. провела серию совещаний, на которых было решено всемерно содействовать рекрутскому набору. Однако помощь помещиков не спасла положения.

Сложнейшее переплетение национальных и аграрных противоречий, борьба казенных и временнообязанных крестьян, сопротивление набору и протест против религиозных преследований создали такой клубок, что царизму уже не удалось его распутать. Гейштор назвал несвоевременно объявленный правительством рекрутский набор искрой, вызвавшей всеобщий пожар [3].

* * *

Дальнейшее развитие событий в крае было ускорено восстанием, начавшимся в январе 1863 г. в Польше. Это была стихийная вспышка протеста против проскрипционного рекрутского набора. Молодежь, подлежащая набору, схватилась за оружие, а Центральный Национальный комитет, возглавлявший движение, по словам К. Калиновского, не смог удержать взволнованных народных страстей. Известный деятель восстания Роман Рогинский также указывает, что восстание намечалось на весну 1863 г., но ход событий заставил изменить это решение [4].

В начавшемся в ночь с 10 на 11 (22 на 23) января восстании в Польше приняли активное участие низшие слои городского населения (ремесленники, рабочие, мелкая буржуазия, мелкие чиновники), учащаяся и военная молодежь, обедневшее дворянство. В некоторых районах Польши к повстанцам примкнули крестьяне.

Среди руководителей восстания не было единства. Революционное крыло Временного Национального правительства во главе с Падлевским и Бобровским стремилось придать борьбе характер массового народного восстания и действовать в тесном союзе с революционными силами России и Европы. В соответствии с этим намечалось сосредоточить основные силы повстанцев в восточных районах Царства Польского, прервать коммуникации карательной армии с Петербургом и стремиться расширить восстание на восток. Это был план, предусматривавший реализацию соглашения о совместном выступлении революционных сил России и Польши. Однако группа Падлевского — Бобровского встретила сильную оппозицию в лице шляхетско-националистических элементов, рупором которых в составе Временного Национального правительства был А. Гиллер. Гиллер и его сторонники нигилистически оценивали революционные возможности крестьянства, в дворянстве видели основную силу, заинтересованную в восстановлении независимой Польши, и проводили политику прислужничества перед шляхтой, считая ее олицетворением национального разума, носительницей лучших традиций польского народа; поэтому они противились принятию радикальных реформ, призванных привлечь к восстанию широкие массы крестьянства. Вместе с тем они были противниками русско-польского революционного союза, полагая, что организация русских республиканских дружин в Царстве Польском оттолкнет шляхту от восстания, усилит позиции польских революционных демократов, облегчит им борьбу за демократизацию восстания.

В обстановке отсутствия единства в верхах каждый повстанческий отряд фактически действовал в соответствии со взгля-

ками своего командира. Разногласия среди повстанцев вели к частым сменам в составе Национального правительства, непоследовательности и противоречивости действий центральных органов восстания, что нашло отражение и в официальной программе, обнародованной 10 (22) января 1863 г. Манифест призывал поляков к восстанию во имя завоевания национальной независимости, освобождения от феодальных повинностей крестьян и наделения их землей, введения гражданского равноправия и отмены сословных привилегий. Крестьяне объявлялись собственниками тех земельных наделов, которыми они накануне восстания пользовались за повинности (барщина или оброк, чинш). В то же время, стремясь привлечь к восстанию дворянство, манифест обещал вознаграждение помещикам из национального фонда за понесенные убытки, т. е. предусматривал выкуп помещичьей земли, переходящей к крестьянам, и сохранение около половины земельного фонда в руках дворянства.

Манифест недостаточно учитывал интересы безземельного крестьянства, составлявшего в Польше до $1/3$ всех крестьян. Надел в 3 морга был обещан только тем безземельным крестьянам, которые принимали участие в борьбе. В решении аграрного вопроса руководство восстанием не встало на последовательно демократические позиции, было неспособно последовательно отстаивать интересы крестьянских масс. По сравнению с предшествующими программными документами польской демократии, например декретами Краковского повстанческого правительства 1846 г., январский манифест 1863 г. представлял несомненный шаг назад.

В национальной политике руководители восстания провозгласили своей целью восстановление «исторических» границ Речи Посполитой. В специальном обращении к гражданам Галиции, Познани, Белоруссии и Литвы Центральный Национальный комитет призвал к немедленному восстанию «Литву и Русь», но высказался против восстания в польских землях, захваченных Австрией и Пруссией.

В письме жонда к Л. Мерославскому от 10 (н. ст.) февраля 1863 г. говорилось, что Галиция и княжество Познанское должны помочь Царству Польскому, но всякое движение у них исключалось. Приняв это решение, руководители восстания рассчитывали не обострять отношений с австрийским правительством, использовать его в борьбе с царизмом, что, как показал вскоре ход событий, было ошибкой.

В специальном обращении к населению Литвы и Белоруссии Национальное правительство заявляло, что вся Речь Посполитая обязана поднять оружие, что судьбы восстания решаются в Литве, восстание которой «предопределит поражение врага и восстановление Польши». Напомнив об исторической общности

Польши и Литвы, авторы обращения в заключение писали: «Призываем Литву и Жмудь к восстанию, первым актом которого должно быть повсеместное обеспечение крестьянского быта» [5].

Провозглашенное жондом революционное ниспровержение феодальных повинностей, призыв к борьбе с царизмом, угнетавшим национальные меньшинства, отвечали пожеланиям не только польского, но также белорусского и литовского народов, однако не выражали их полностью. Крестьянство стремилось к полной ликвидации помещичьего землевладения, демократическая интеллигенция Литвы и Белоруссии высказывалась за полное национальное равноправие народов, некогда входивших в состав Речи Посполитой. Национальное правительство в Варшаве не поднялось до последовательно демократического решения аграрного и национального вопросов, что затрудняло вовлечение крестьянства Белоруссии, Литвы и Украины в восстание.

Несмотря на ограниченность, манифест 22 января имел большое революционизирующее значение. Его реализация в ходе вооруженного восстания вовлекала крестьянство в борьбу, так как немедленное прекращение повинностей все же давало ему ощутимое облегчение. Осуществление манифеста содействовало развертыванию восстания, могло явиться первым шагом на пути его демократизации. Правые элементы в Национальном правительстве, страшившиеся социальной революции, смотрели на манифест как на вынужденную уступку. Ян Козелл, видный деятель восстания, свидетельствует, что правительство провозгласило право крестьян на часть помещичьих земель под давлением революционного крыла варшавской городской организации. Согласившись на серьезные уступки, правые элементы сделали все, что было в их силах, чтобы сорвать реализацию обнародованной программы, выхолостить ее революционную душу, не допустить развития движения в сторону аграрной революции. Гиллер в качестве члена революционного правительства, «специалиста» по аграрному вопросу, разработал и добился утверждения специальных инструкций, которые подчеркивали, что осуществление положений манифеста ни в коем случае нельзя передавать в руки народа: «Не восставать партиями, меньшими ста человек, не делать никаких воззваний к крестьянам, прежде чем партия достигнет означенного состава. Призывы и уговоры крестьян одиночными, хотя бы и вооруженными личностями, безусловно запрещались, только священники, да и то не иначе, как в костелах, составляли исключение».

Эти инструкции свидетельствуют о страхе Гиллера перед угрозой крестьянской революции. Автор инструкции более всего был озабочен тем, чтобы восстание не стало делом самого народа, чтобы держалось оно в каких-то ограниченных пределах «законности и порядка». Один из пунктов инструкции гласил: «Не допускать проявления малейших, даже отдаленнейших при-

знаков социальной катастрофы и гасить огонь тотчас же, хотя бы самыми строгими мерами. В случае открытой и грозной попытки этого рода (напр., убийства помещика и т. п.) обязанностью начальника ближайшего отряда было, безотлагательно рассмотрев дело, сжечь совершенно всю деревню и наиболее виновных наказать смертью»[6].

Инструкции Гиллера раскрывают глубокие противоречия в руководстве восстанием. Призывая народ к борьбе, Гиллер и его сторонники одной из главнейших задач повстанческих отрядов считали борьбу с антифеодальным крестьянским движением, которое на деле являлось неисчерпаемым резервом, живительной душой восстания. Фактически этим самым от борьбы за свободу и независимость отстранялась основная часть польского народа.

Гиллер, входя в состав Временного Национального правительства, пользовался каждым случаем, чтобы пресекать попытки демократического крыла восстания выдвинуть более радикальную аграрную программу. Когда на Украине некоторые члены организации подготовили декрет о разделе помещичьей земли между крестьянами и собирались провозгласить его в качестве официальной программы восстания, представитель Национального правительства, сторонник Гиллера М. Соколовский уничтожил этот документ. (Как известно, украинское крестьянство не поддержало повстанцев прежде всего из-за ограниченности их аграрной программы.) Этот эпизод интересен еще и тем, что уничтоженный Соколовским проект декрета перекликался с идеями «Мужицкой правды». Революционные демократы, действовавшие на Украине, распространяли среди крестьян прокламацию «Всем добрым людям...», в которой, между прочим, говорилось: «Паны не хотят давать земли, а земля ваша, вся ваша, ибо ваши прадеды кровью ее поливали и окупали... Пришел конец панам — вы все вольные. Ваша земля, ваша правда, ваша воля!» Случайно ли совпадение этих призывов с «Мужицкой правдой?»[7].

Благодаря революционной инициативе снизу, ломавшей преграды, воздвигаемые правыми элементами, началось и росло восстание в Польше. Общая обстановка, сложившаяся в первые дни восстания, характеризуется в письме Центрального Национального комитета Л. Мерославскому 10 февраля 1863 г., в котором указывалось, что в Августовской губернии началось формирование отрядов «для вступления в Литву. Но сделано мало из-за недостатка оружия. Несколько отрядов из Полесья расположилось у Семятичей. В Люблинской губернии под руководством Франковского восстание развивается успешно. Создано несколько хорошо организованных отрядов до 700 человек каждый. Крестьяне в большом числе вступают в борьбу. Энтузиазм необыкновенный». В Сандомирском воеводстве Лянгевич

собрал четырехтысячный отряд, который «поставлен на военную ногу... [Лянгевич] принес большие услуги краю и выказал талант и мужество». В Краковском и Калишском воеводствах восстание не удалось. В Мазовецком воеводстве были созданы отряды и двинуты на соединение с Лянгевичем. «Плоцкое воеводство начало самым блистательным образом, но поражения под Плоцком — где наши дрались как герои — парализовало все дело». В этом районе царские войска рассеяли отряд Падлевского и взяли многих в плен.

Подводя итог первым неделям борьбы, жонд отмечал, что «готовность повсюду велика. При появлении наших сил восстают все, и только недостаток оружия не позволяет брать с собой всех добровольцев. Мужики, где только они наделены уже землею, делаются наилучшими. Но наделение там только возможно, где мы сильны. Оно происходит официально... Только крестьянские косы доставляли нам победы, они завоюют независимость». Далее в письме излагалось положение в Белоруссии и Литве и перспективы развития борьбы в этом районе, где, как известно, был велик авторитет Литовского Провинциального комитета. «Литва кипит вся, но только с появлением наших легионов может восстать... Жмудь легко воспламенить одним порядочным отрядом... Остальная часть польских земель нетронута и затруднительна для операций. В Литву разосланы очень энергичные прокламации Центрального комитета, призывающие к немедленному восстанию с угрозой проклятья. Как только начнется там движение, необходимо было бы издать красноречивую прокламацию и польстить в ней литвинам, которые это любят, тем более, что первая прокламация была слишком шероховата и резка и насколько могла их пробудить, настолько и оскорбила» [8].

Из письма видно, что в конце января — самом начале февраля в Белоруссии и Литве еще не было всеобщего вооруженного восстания, что здесь действовали лишь отряды, перешедшие из-за Буга и Немана. Обращение Национального правительства к Мерославскому интересно для понимания национальной политики руководства восстания. В нем ярко выражено желание хозяйничать в Литве и Белоруссии, не считаясь с Литовским Провинциальным комитетом, в обход его. Ограниченность руководства проявилась в письме к Мерославскому и по аграрному вопросу. Признавая на словах огромное значение крестьян в начавшейся борьбе, их сочувственное отношение к восстанию, жонд не принял должных мер для широкого вовлечения крестьянских масс в борьбу. Проведение аграрных декретов проходило очень осторожно, в полном соответствии с гиллеровской инструкцией. Наделение крестьян землей ставилось в прямую зависимость от силы повстанческих отрядов, что позволяло правым и соглашательским элементам

саботировать осуществление декретов. Ограниченность аграрной программы восстания охлаждала энтузиазм крестьян и даже отталкивала их от участия в борьбе. В письме признавалось: «Лянгевич доносит, что первый энтузиазм крестьян прошел, ...мужики удирали что было духа».

Только немногие командиры партизанских отрядов стремились вовлечь в борьбу крестьян, обеспечить единство действий с русскими революционерами. Одним из них был Р. Рогинский, действовавший в Подляшье. Рогинский имел до 3 тыс. подготовленных людей, но ему не хватало оружия. Польские революционеры рассчитывали на помощь революционных групп в царской армии. Военным начальником Бяльского уезда был назначен русский офицер, член военной организации «Земли и воли» Мрочек. Командир артиллерийской батареи, стоявшей в г. Бяла, Суходольский, тоже член военной организации, должен был принять пост военного руководителя повстанческих сил Подляшья. Совместное выступление польских и русских революционеров в Подляшье, по плану Рогинского, утвержденному Падлевским, рассматривалось как начало осуществления более обширного замысла — продвижения восстания на восток. Повстанцы Рогинского должны были овладеть линиями дорог Варшава — Люблин и Варшава — Брест, а затем перейти за Буг, соединиться с местными белорусскими отрядами и двинуться дальше, «чтобы распространить восстание как можно шире и тем самым раздробить силы неприятеля».

Выработанный Рогинским план совместного выступления польских и русских революционных сил с самого начала натолкнулся на трудности. Незадолго до выступления часть русских офицеров-республиканцев была переведена в Россию. Совместное выступление в Подляшье сорвалось. В день восстания необычное оживление в г. Бяла вызвало подозрение военных властей. Гарнизон был поднят по тревоге. Революционные группы в военных частях оказались растворенными в общей массе выстроившихся в ружье колонн. Рогинский вывел из города менее сотни повстанцев, но через несколько дней он имел уже тысячный отряд. В его составе, кроме горожан и застенковой шляхты, были и русские солдаты. Офицер Павлович примкнул к отряду и занял пост адъютанта.

Против повстанцев двинули войска из Брест-Литовска. Рогинский предупредил врага, вышел навстречу карательному отряду графа Ностица. В упорном бою под Бялой каратели потеряли до 50 человек убитых и пленных. Но Рогинскому не удалось одержать полной победы. Несколько раз подымались повстанцы в атаку и отходили назад под картечным огнем. В первых числах февраля Рогинский ушел за Буг, где, соединившись с отрядом Станислава Сонгина и рядом других, предпринял смелый рейд по уездам Западной Белоруссии[9].

Как же повлияли события в Польше на Белоруссию и Литву? Почему «литвины» не взялись сразу же за оружие? Как отнеслись к манифесту 10 (22) января вожди литовского движения? Рассмотрим последовательно эти вопросы.

Программа восстания, изложенная в манифесте, не удовлетворяла полностью интересы крестьян, она не поднималась до уровня последовательного революционного демократизма. «Левица» «красных» в Польше оказалась не в состоянии противопоставить ей свою более радикальную программу и сплотить вокруг себя революционную молодежь и крестьянство. С. Кеневич в монографии «Крестьянский вопрос в январском восстании» справедливо замечает, что в публицистике «красных» почти нет попыток развить идеи январского манифеста по линии защиты интересов крестьянства. Редкое исключение в этом отношении составляет брошюра, изданная в Париже и принадлежащая перу Ф. Рожанского[10]. Эта брошюра — один из немногих опубликованных в революционной прессе документов, указывающий на слабые стороны январского манифеста. Но и Рожанский не поднялся до требования полного уничтожения помещичьего землевладения. Из всех деятелей восстания 1863 г., как правильно отметил С. Кеневич, только Калиновский и ближайшие его соратники встали на защиту коренных социальных и национальных интересов белорусского и литовского крестьянства и, находясь в чрезвычайно сложных, трудных условиях, развернули борьбу за демократизацию программы восстания.

Калиновский указывал, что восстание в Царстве Польском застало Литву совершенно неподготовленной. «Царство Польское,— пишет он,— принужденное к восстанию стечением двух обстоятельств: во-первых, набора, а во-вторых, усиленного действия Центрального комитета, желающего воспользоваться слухами о наборе, чтобы составить как можно поболее „десяток" и „соток" народных организаций и не могущего впоследствии удержать взволнованных страстей, своим восстанием не уважило интересов Литвы. Литва тогда при своем господствующем сельском населении переживала критические минуты, в которых восстание, не имея практического выхода, грозило совершенным разрушением материального состояния самым чувствительным образом... С одной стороны, обремененный долгами и озадаченный крестьянским вопросом помещик, а с другой — крестьянин, в воображении своем усвоивший понятие, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиком, будучи в состоянии выжидательном, а поэтому нерешительном, не могли служить народному делу, соответственно тем средствам, какие могут находиться в их руках»[11].

В этом заявлении Калиновский дал исключительно глубокую оценку событиям в Белоруссии, Литве и Польше. Он не согласен с политикой жонда и критикует его деятельность с позиций

революционного демократизма. Восстание, по его мнению, началось преждевременно из-за провокационного набора и нераспорядительности руководства, не заручившегося поддержкой крестьян и поддавшегося на царскую провокацию. Как указывал Калиновский, январский манифест не обрадовал крестьян, которые мечтали о получении всей земли. С другой стороны, манифест не был принят и дворянством края. Программа, выработанная для объединения всех классов и сословий ради «национального дела», не удовлетворяла ни крестьян, ни дворян. Калиновский имел основание упрекать руководство в том, что оно загубило дело свободы, не использовав даже тех возможностей, которые открывал январский манифест.

После гибели виднейших революционных демократов руководство восстанием перешло в руки правых элементов партии «красных» (А. Гиллер, О. Авейде и др.), которые стремились к соглашению с дворянством, полагая, что без «шляхты ничего не сделаешь» [12]. Такая оценка сложившейся обстановки препятствовала привлечению широких масс крестьянства к восстанию. Калиновский отмечал это «обстоятельство, мешающее успешному ходу дела, насколько это могло быть возможным». Он пишет, что помещики, являясь врагами восстания и считая себя по традиции вершителями народных судеб, использовали соглашательскую тактику «правицы» «красных» и сорвали осуществление январских декретов. «Самые преданные народному делу помещики литовские, имея значительный запас честолюбия, ввиду того, что в них только живет традиция, меру народного правительства об отдаче земли крестьянам старались выставлять своим собственным даром. Крестьянин, видя не обрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью, органы же [царского] правительства понятие такое крестьянина старались поддерживать».

Несмотря на ограниченность январского манифеста и свою многомесячную борьбу с «правицей» «красных» в Варшаве, революционные демократы Белоруссии во главе с Калиновским приняли решение помочь восстанию в Царстве Польском, исходя из интересов общей борьбы с царизмом. Позднее член жонда Авейде признал, что Литовский комитет решил поддержать восстание, «несмотря на слабость сил Литвы и без споров с Варшавой».

Какие же соображения заставили Калиновского, невзирая на очень серьезные разногласия с руководством польского восстания, присоединиться к борьбе? Наиболее полный ответ на этот вопрос дает Калиновский в так называемых «Письмах из-под виселицы», которые датируются примерно весной 1864 г. В них, конечно, сказалось влияние более поздних событий, однако принципиальная позиция Калиновского не изменилась, и,

отстаивая необходимость поддержки восстания в Польше, Калиновский писал белорусским крестьянам:

«Жонд польский отдает теперь нам навечно землю нашу за наши труды, москаль (царь.— *А. С.*) пишет и устанавливает какие-то там чинши, которым никогда никакого конца не будет, как это делается с крестьянами казенными. Жонд польский дает нам справедливую свободу, а москаль не то, что селами, а целыми волостями гонит людей, лишив их всякой свободы, в пустыни сибирские. Жонд польский всем братским народам дает самоуправление («саможондство»), а москаль не только не делает этого, но еще там, где живут поляки, литовцы, белорусы, заводит школы московские, где никогда не услышишь и слова по-польски, по-литовски, по-белорусски, как народ того хочет; да в эти-то школы с другого конца света таких учителей присылает, что умеют только воровать, людей обдирать да служить за деньги поганому делу. Трудно все это рассказать, все, что мы кровью своей записали, так что слезы льются, читая про все бесправье. Вот почему говорим: польское дело — это наше дело! Это вольности дело!»

Убежденность Калиновского в необходимости совместных действий с повстанцами Польши выражена здесь с предельной ясностью. Он не вдается в подробную оценку программы восстания, а противопоставляет ее грабительской «крестьянской» реформе, царской политике в целом, противопоставляет революционный путь преобразования жизни реформистскому, подчеркивает, что не подачки нужны народу, а понимание прав, интересов, желание и умение завоевать их с оружием в руках. Два положения выделяет Калиновский, говоря о программе восстания: обеспечение крестьян землей, осуществляемое в ходе борьбы, т. е. завоевание земли и свободы восставшим народом, и признание национальных прав белорусов и литовцев Временным Национальным правительством. Общий вывод — программа повстанцев открывает путь к преобразованию жизни народа в соответствии с его социальными и национальными чаяниями, что отличает ее от манифестов царского правительства.

Выдвинув тезис: «Польское дело — это дело свободы», Калиновский попытался дать ему обоснование и в историческом плане путем противопоставления революционных традиций польского народа политике самодержавно-крепостнической России. «Жонд польский, уже тому семьдесят лет будет, опережая многие соседние народы, начал обсуждать вопрос о свободе мужицкой, о равенстве и братстве мужика со шляхтичем, а генерал Костюшко, который, как говорят, возле Слонима родился, и о котором народ наш поет, что он был очень добрым и москаля крепко бил, высказался за вольность нашу, да москаль помешал и завел свои порядки. Посмотрим же теперь,

что он сразу делать начал, этот добродей мужицкий, как сам себя теперь называет. Прежде всего, чтоб не развивалось сознание народное, уничтожил этот «добродей» все сходки людей выборных, все школы наши, духовно ограбил нас и ввел свой порядок, позволяя каждому сильному глумиться над бедным, как только хочет. Панов совсем освободил от труда и забот, дал им право заводить панщину московскую, а она-то не три и не шесть дней со двора, а шесть дней с души рабочей. Мужику не то что не дал никакого права, но и лишил его тех прав, которые он имел ранее под властью польской; много людей вольных и королевских велел записать в крепостные, погнав на барщину. Каждому можно было мужика крывдить, а чиновники московские не только не защищали справедливость, но даже людей, которых суд не ссылал в Сибирь, сдавали навечно в солдаты... Одно я вам скажу по истинной правде: нам и под польским жондом не очень-то хорошо было, но когда москаль стал нами править, превратил он жизнь мужика в сущий ад. Тут еще сказать надо, что он заставляет нас, покидая родину, идти в солдаты и драться не за божьи заповеди, не за правду и справедливость, а за гнет, за крывду, часто против наших братьев и отцов. А еще сказать надо, как москаль, этот добродей-то мужицкий, освободив панов от всяких налогов и платежей, свалил их все только на мужицкое племя, обложив податями и мужицкую землю, и мужицкие хаты, и мужицкую душу, и мужицких детей, и мужицкую скотину, живых и мертвых.

...Действительно, есть, люди, за что благодарить! А чиновники московские — вот и еще одно благодеяние. Читал я в книгах, что есть на свете какая-то саранча, которая, если где покажется, все обгложет, все уничтожит. Мы, братья, имеем саранчу еще более прожорливую; чиновников царских, с их справедливостью и правдой. Эти проворные и ловкие люди умеют так обшарить человека, что из рук их выйдешь, в чем мать родила. Вот и живи под властью такой, без суда и правды.

И вот сразу после войны с французами под Севастополем между нами слух прошел, что должны дать мужикам вольность. Ждали мы долго, наконец три года тому вышел указ царский. Много там было, правда, написано, да пользы для нас мало. Насажали только канцелярий, посредников, старшин, писарей, все за мужицкие гроши, а на барщину как гоняли, так и продолжали гонять. Разобрались мы и стали противиться, вот тут-то москали и начали... нас заставлять покориться милости царской, а нагайка казацкая должна была скрепить этот узел братский, не знаю только, с кем-то мы, мужики, братья: с панами ли или с москалями. Пусть за меня скажут это те, кто выдумал это, добродеи наши»[13].

Призывая белорусских крестьян отказаться от ожидания царских милостей и подняться на борьбу за волю и землю

плечом к плечу с польскими повстанцами. Калиновский сумел в доходчивой и понятной форме раскрыть им, что революционная Польша ближе и родней, чем официальная чиновно-бюрократическая, царская Россия. В этом противопоставлении Калиновский еще не поднялся до понимания двух наций в каждой нации, поэтому у него, наряду с глубокими и меткими определениями, встречаются неверные суждения, отождествляющие царское (московское) с русским, встречаются ошибочные суждения (например, о церковной унии), но в целом он указал народу верный путь, призвав его к восстанию.

Правильную позицию занял в этой сложной и противоречивой обстановке выдающийся сын литовского народа, крестьянский вождь Антанас Мацкявичюс. Он также не был удовлетворен аграрной программой восстания. Подобно Калиновскому, Мацкявичюс видел, что только объединенными усилиями народы могут добыть свободу, ниспровергнуть крепостничество, обеспечить бесплатный надел крестьян землей, открыть дорогу развитию национальной культуры литовскому и белорусскому народам. Вот почему, несмотря на недостатки и ограниченность программы жонда, Мацкявичюс решил поддержать восстание в Польше. Его действия — образец революционной солидарности. Мацкявичюс поднял оружие не для восстановления «исторической» Польши, как пытались утверждать польские националисты, а для свержения общими силами поляков, литовцев, белорусов, русских ярма царизма и помещиков.

Излагая цели борьбы, Мацкявичюс писал: «Настало время революции и дана свобода. Вижу народ всегда бедным, ибо за кусок хлеба, добываемый из земли, должен платить поголовные налоги и отказаться на несколько десятков лет от своих прав... Революция же манифестом дает и тотчас приводит в исполнение землю в собственность народу без различия веры. Рассудок указывал, что я должен был хвататься за то, что есть, а не что будет после сорока лет, как гласит манифест государя. Свершилось. Народ пошел, революция закипела».

Мацкявичюс видел, что руководители восстания не сумели выдвинуть программу, полностью отвечающую народным чаяниям («начальники не умели возвести восстание до народного»), но понимал, что путем вооруженной борьбы народ добьется больше, чем может получить от царизма. Восстание в Польше было для него лишь началом борьбы за социальную справедливость, добываемую самим народом, а январский манифест — только первым шагом на этом пути. Это — свидетельство глубины воззрений литовского революционера, демократичности его социальной программы. Он боролся прежде всего за бесплатный надел крестьян землей.

Второй задачей, поставленной Мацкявичюсом и решаемой вооруженным путем, было обеспечение Литве национальной

свободы и независимости. Мацкявичюс наиболее полно и всесторонне выражал и отстаивал национальные права литовского народа в период падения крепостничества: «Мое желание добра людям дало мне силы и возможность взбунтовать народ с целью возведения его до самосознания и решения [вопроса] — с Россией или с Польшей хочет быть соединенным? Это право уже существует в Европе и не могло быть заявлено иначе, как через самоосвобождение, что добывается толькой войной, которая должна была вспыхнуть в Литве при восстании в Царстве Польском. Таковы были мои политические взгляды. Но как Литве недостает многих условий для самостоятельной революции, то, чтобы в будущем добиться что-нибудь, я и хотел массой [народа] помогать Польше и требовать от нее помощи Литовской революции и тем снискать для народа хотя временное утверждение прав гражданских и бесплатный надел земли, который в будущем мог бы улучшить народное благосостояние... Я житель этой страны и, любя мою родину, полагал, что в этом заключается моя обязанность» [14].

Мацкявичюс не отделял национального вопроса от общего социального преобразования страны, отбрасывал реформистский путь, разделял идею интернационального единения народов в борьбе с общим врагом — блоком польских, литовских и русских феодалов и их цепным псом — царизмом.

Мы подробно остановились на документах Калиновского и Мацкявичюса потому, что они проливают свет на чрезвычайно важный и очень запутанный вопрос о причинах восстания в Литве и Белоруссии, об отношении повстанцев Белоруссии и Литвы к жонду и его программе, январскому восстанию в целом. Анализ этих документов не оставляет никакого сомнения в том, что Калиновский и Мацкявичюс, выражавшие в то время наиболее глубоко и правильно интересы крестьян, ремесленников и демократической интеллигенции Литвы и Белоруссии, действовали как подлинные защитники своих народов. Они приняли решение поддержать восстание в Польше, видя ограниченность программы жонда, видя и хорошо зная недостатки Временного Национального правительства. Но они умели оценить огромное революционное значение восстания в Польше. Включаясь в борьбу, народные массы Литвы и Белоруссии увеличивали демократические революционные силы восстания. Поднимая крестьян Литвы и Белоруссии, Калиновский и Мацкявичюс делали огромный шаг вперед по пути превращения начавшегося восстания в аграрную революцию. Значительно расширялся район восстания, оно к тому же выходило за пределы этнографической Польши. Польские националисты утверждали, что восстание в Литве и Белоруссии носило характер борьбы за восстановление «исторической» Польши. Но не за сохранение и упрочение ярма польских помещиков поднялся с оружием

в руках народ на берегах Немана и Вилии, Припяти и Двины. В те годы из рядов белорусской и литовской демократической интеллигенции выдвинулись люди, сумевшие в трудной, противоречивой обстановке найти правильный путь борьбы.

2. Подготовка общего выступления революционных сил Литвы. Манифест Литовского Провинциального комитета 1 февраля. Действия повстанцев в Западной Белоруссии

Революционная организация Литвы и Белоруссии насчитывала к началу 1863 г. до 3 тыс. членов. Ее ядром являлась университетская молодежь и революционно настроенные офицеры, распропагандированные соратниками Сераковского и Звеждовского. В некоторых районах организации удалось установить контакт с крестьянством и вовлечь его в подготовку восстания. Это прежде всего уезды Гродненский, Сокольский, Волковысский, где работа направлялась непосредственно Калиновским и Врублевским; Поневежский уезд, где вел активную подготовку народного восстания А. Мацкявичюс, а также Новогрудский, Трокский и Лидский уезды, где действовали В. Борзобогатый, Д. Базанов и Б. Колесинский — энергичные сторонники Калиновского. В этих районах в рядах организации были и крестьяне. Выше приводились примеры об участии в пропагандистской работе крестьян Сокольского уезда. В некоторых селах Лидского уезда Бальтазару Колесинскому удалось привлечь на свою сторону крестьян и с их помощью готовить запасы оружия и боеприпасов. В Докудовском и Тарковском сельских обществах Лидского уезда несколько сот крестьян были готовы восстать по первому сигналу. Из Вильно с помощью крестьян удалось направить в отдельные уезды некоторое количество оружия, закупленного в Петербурге осенью и зимой 1862 г. Однако в большинстве населенных пунктов края, особенно в Восточной Белоруссии, организация была слаба и связь с крестьянством почти отсутствовала. Все это серьезно затруднило положение Литовского Провинциального комитета.

20 января (1 февраля) 1863 г. Комитет объявил себя революционным правительством, осуществляющим власть на территории Белоруссии и Литвы, и опубликовал манифест, в котором солидаризировался с основными положениями программы 10 (22) января 1863 г. Крестьянам на вечные времена передавались «без чиншей и выкупа те земли, которыми они до того времени владели». Провозглашалось также наделение безземельных крестьян 5 моргами земли. В заключение манифест призвал крестьян «защищать край» с оружием в руках. Со свойственной Калиновскому твердостью подчеркивалась от

ветственность лиц, противящихся провозглашенной программе. «Кто не будет послушен этому манифесту, пан он или мужик, или урядник, или кто иной, будет наказан». Началась пропаганда идей манифеста среди крестьян [15].

Нельзя не отметить более радикальное изложение аграрной программы восстания в манифесте Литовского Провинциального комитета в сравнении с декретом Временного Национального правительства. Безземельным крестьянам, принявшим участие в восстании, обеспечивался надел земли не в 3, а в 5 моргов. Самое же главное заключалось в том, что предусматривались более решительные меры для обеспечения реализации манифеста. Если Временное Национальное правительство апеллировало к добрым чувствам помещиков, передавая по существу в их руки осуществление аграрных декретов, то Литовский Провинциальный комитет требовал от панов под угрозой наказания прекращения взымания повинностей с крестьян и наделения их землей. В Царстве Польском подобные меры были предложены только в конце 1863 г. во время диктатуры Траугутта, вышедшего из среды белорусских повстанцев.

Аграрные реформы, провозглашенные Временным Национальным правительством, с которыми официально солидаризировался Литовский Провинциальный комитет, рассчитаны были на сплочение всей польской нации под знаменем национального возрождения, восстановления независимости Польского государства. Лица, причастные к их разработке, склонны были считать эти реформы разумным компромиссом между полярно противоположными интересами помещиков и крестьян, полагая, что недостающее будет с лихвой компенсировано заинтересованностью всех классов и сословий в возрождении независимой Польши. Половинчатость, компромиссный характер аграрных повстанческих декретов давали возможность радикальным и правым элементам в повстанческом лагере толковать их по-своему, рассматривать как основу и для сдвига влево и для борьбы с «анархией». Как указывалось выше, Гиллер, Авейде и другие прислужники шляхты, вошедшие в историю восстания под именем «правицы» «красных», опирались на январский манифест в борьбе со всеми проявлениями «социальной катастрофы», не останавливаясь перед приказом сжигать целые деревни в случае выступления крестьян против помещиков.

Совершенно с иных позиций подошел к трактовке и осуществлению аграрной программы восстания Константин Калиновский и Литовский Провинциальный комитет, им руководимый. Мы располагаем (благодаря любезной помощи старших научных сотрудников ЦГИА Литовской ССР В. Бикулича и Г. Киселева) несколькими экземплярами «Повстанческой инструкции», разработанной Литовским Провинциальным комитетом в первые дни восстания. Она рассылалась (в рукописном и печатном

видах, заверенная печатью революционных комитетов) начальникам повстанческих отрядов. Согласно этой инструкции, начальники отрядов наделялись широкими полномочиями в районах действий их отрядов, они должны были решать все вопросы самостоятельно в соответствии с декретами центрального руководства восстания и требованиями «Повстанческой инструкции». Первые семь пунктов этого документа излагали права и обязанности командиров отрядов, правила формирования вооруженных сил, создания запасов оружия и снаряжения; подчеркивали необходимость повсеместной ликвидации органов царской полиции, администрации: рекомендовали вести партизанскую войну с карательной армией, разрушать ее коммуникации и т. д. Специальный пункт инструкции обязывал повстанческие отряды повсеместно, после освобождения территории от карателей, оглашать аграрные декреты, приводить к присяге население, создавать органы революционной власти на местах, следить за осуществлением законоположений, принимаемых ею, не допуская отбывания крестьянами феодальных повинностей в пользу помещиков.

Особое значение имел последний, восьмой, пункт инструкции. Ввиду важности приводим его текст полностью: «Помещиков, известных наиболее жестоким угнетением крестьян, для примера казнить смертью публично, перед лицом собранных гмин. Предварительно свершить военный суд, не допуская самовольной экзекуции».

Текст «Повстанческой инструкции» свидетельствует о том, что Литовский Провинциальный комитет, не порывая с официальной программой, провозглашенной в Варшаве 10 (22) января, рассматривал ее как вынужденный компромисс с дворянством, примкнувшим к освободительному движению, пытался широко привлечь к восстанию крестьян, выдвигал на первый план аграрный вопрос, стремясь придать восстанию демократический, социально-радикальный характер. Призыв к публичному уничтожению помещиков, обращенный к повстанческим отрядам, прежде всего преследовал цель показать широким массам крестьянства, что повстанцы подняли оружие во имя защиты трудящихся, что врагом является не только царизм, местная царская администрация, которую повсюду повстанцы ликвидировали, но и помещики — вековые угнетатели народа. Это был курс на разумное сочетание национально-освободительных и аграрных, социальных задач восстания.

Значение «Повстанческой инструкции» — смелого шага по пути революционного уничтожения феодализма, помещичьего сословия, дворянского землевладения — огромно. Еще задолго до восстания и накануне его революционные демократы России и Польши от Герцена и Сераковского до авторов «Молодой России» и «Мужицкой правды» не раз провозглашали право

угнетенного народа отправить на виселицу своих тиранов. «Повстанческая инструкция», разработанная Литовским Провинциальным комитетом, представляет собой попытку практического воплощения в жизнь идей революционного демократизма. Не публицисты, а вожди живого движения, не агитационно-пропагандистский листок, а официальный приказ руководства народного восстания торжественно провозглашают необходимость уничтожения народных угнетателей.

При всем этот нельзя впадать в крайность при оценке «Повстанческой инструкции». При всем своем радикализме она формально не выходила из границ январского манифеста, не призывала к немедленному революционному уничтожению помещичьего землевладения, дворянства как класса. Встать в тех условиях на подобные позиции Калиновский (а тем более Литовский Провинциальный комитет в целом) не мог. Провозгласить официально войну всему польскому дворянству в условиях начавшегося восстания, когда значительные его массы активно выступали против царизма, значило бы сыграть на руку врагу. Поднять знамя радикальной, крестьянской революции в Литве и Белоруссии можно было, заручившись активной поддержкой широких масс не только в литовско-белорусских уездах, но и по всей стране. Между тем, в конце января — начале февраля еще не было уверенности в повсеместной готовности крестьянства к выступлению. Немедленной реализацией аграрных реформ, публичной расправой над «плантаторами» Калиновский рассчитывал ускорить выступление крестьян, демократизировать восстание, расширить ту социальную прослойку в повстанческом лагере, на которую он мог бы смело опереться для осуществления дальнейших сдвигов влево.

Таковы вкратце основные программные и тактические положения Литовского Провинциального комитета, изложенные им в манифесте 20 января (1 февраля) и «Повстанческой инструкции». Многое, если не все, зависело от практического применения этих документов, от соотношения сил в самом повстанческом лагере. Ход событий скоро показал (о чем подробно будет сказано ниже), что правое крыло повстанческого лагеря встретило в штыки намерение группы Калиновского выдвинуть вперед аграрную проблему. Польскому дворянству, примкнувшему к движению, и тем, кто не освободился из-под идейного влияния шляхты, «мужицкий демократизм» Калиновского был не по душе. По-видимому, уже вскоре после принятия «Повстанческой инструкции» отношение к ней в рядах повстанцев и революционной гражданской администрации было не одинаковое. В одном случае экземпляр этого документа был найден на пепелище помещичьей усадьбы, сожженной повстанцами за сотрудничество ее владельца с царскими властями. Один из экземпляров инструкции, заверенный печатью начальника

Ковенского воеводства, не содержал в тексте основного, восьмого, пункта. Следовательно, среди повстанцев были лица, решительно осуществлявшие инструкцию, но были и ослушники.

Призвав народ к восстанию, Литовский Провинциальный комитет разослал на места представителей для осуществления своих решений. В каждой губернии и уезде был назначен военный руководитель, которому вменялось в обязанность следить за формированием повстанческих отрядов, лично возглавить один из них, осуществлять руководство другими, принимать все меры для воплощения в жизнь программы Комитета.

В помощь военным начальникам выделялись специальные организаторы, которые вербовали добровольцев, выводили их из городов, местечек и сел к лагерям формирования, собирали оружие, боеприпасы, одежду, обувь. Помимо военной организации была создана и гражданская администрация, а для координации действий военных и гражданских властей — институт революционных комиссаров. Эта разветвленная сеть революционных органов дополнялась еще самодеятельными организациями населения. Например, женские комитеты развернули сбор и изготовление одежды, заготовку медикаментов, оказывали помощь раненым и больным и т. д. Большое внимание было уделено созданию надежной и быстрой связи. Использовали и шифровку и посылку курьеров. Центральной задачей было, конечно, создание военных отрядов, их вооружение, обучение. К этому делу были привлечены лучшие кадры. Член Комитета Болеслав Длуский возглавил военные силы Ковенщины, военным руководителем Гродненской губернии был назначен Валерий Врублевский.

Интересные сведения о первых неделях восстания и действиях Литовского Провинциального комитета содержатся в воспоминаниях Болеслава Длуского. Он указывает, что в конце февраля (ст. ст.) получил номинацию от Литовского Провинциального комитета на должность начальника вооруженных сил Ковенского воеводства. Ему приказано было как можно скорее завершить формирование вооруженных сил и приступить к активным действиям. Являясь членом Комитета, Длуский настойчиво просил разрешить сражаться в качестве рядового, поручив командование другому лицу, но получил отказ. Не мешкая, он выехал в Ковно, а оттуда в Ковенский и Россиенский уезды, чтобы изучить местность, где предстояло действовать. Нигде, по его словам, подготовка к восстанию не была завершена, не видно было готовности к самоотверженной деятельности со стороны дворянства, а тем более простого народа. Длуский признал, что можно смело опираться только на университетскую молодежь, довольно многочисленную в том воеводстве, и на крестьян-батраков. Во всех уездах им были выбраны пункты для сбора первых вооруженных отрядов и на 15 (27)

марта назначен срок выступления, повсюду были разосланы военные руководители из числа специалистов [16].

Свидетельство Длуского крайне важно. Оно еще раз подтверждает решающую роль в восстании революционной молодежи и прежде всего студентов Петербургского и Московского университетов, широкое участие беднейших слоев крестьянства; показывает, в каком трудном положении оказалась революционная организация Литвы и Белоруссии из-за преждевременного восстания в Польше, как настойчиво стремился преодолеть эти трудности и выполнить свой революционный, интернационалистический долг Литовский Провинциальный комитет. Наконец, Длуский указывает не только меры, принятые Комитетом для подготовки общего выступления, но и день выступления (с начала вооруженного восстания в Польше прошло уже почти два месяца).

Манифест 20 января (1 февраля) 1863 г. и образование революционного правительства «над всем краем Литовским и Белорусским» — первые события, знаменующие собой начало восстания в крае. Но ведь обнародованием программы, призывом к оружию борьба только начиналась. Создаваемые вооруженные силы через некоторое время должны были приступить к активным действиям по какому-то общему плану. При определении даты вооруженного выступления надо иметь в виду, что край волновался, бунтовали крестьяне, через Буг и Неман переходили отряды повстанцев из Царства Польского; из городов в леса уходила молодежь, каратели нападали на лагеря формирующихся отрядов. Но это еще не общее вооруженное выступление, подчиненное единому замыслу. Литовский Провинциальный комитет был слишком слаб, чтобы сплотить в единую организованную силу, подчинить единой воле стихийное крестьянское движение, восставшую шляхту, рвущихся к оружию молодежь, ремесленников, мещан. В этом трагедия Калиновского и его соратников. Однако это не снимает исследовательской задачи выяснить стремления Комитета целенаправленно руководить движением масс.

Стихийный характер движения, партизанский образ действий повстанцев затрудняют датировку общего выступления и точный учет военных столкновений. Журналы военных действий, которые велись в штабах дивизий и округа, также не дают точного ответа. Туда вносились не все вооруженные столкновения, а лишь наиболее крупные с точки зрения штабных офицеров. Официально приказом командующего Виленским округом было принято считать начало боевых действий в округе 11 (23) января 1863 г., а окончание — 22 декабря 1863 г. (3 января 1864 г.). В качестве крайних дат были взяты даты крупных боевых действий: в первом случае — разгром повстанцами роты войск в местечке Сураж, во втором — гибель последнего круп-

ного отряда повстанцев в Ковенской губернии [17]. Но если можно принять официальные хронологические границы восстания, то нельзя согласиться с крепостнической оценкой его хода, периодизацией. Муравьев приказал записать в послужные списки офицеров 59 боевых столкновений (отнеся остальные к разряду незначительных), в том числе:

в январе — 5 (из них 4 в Гродненской губернии);

в феврале — 2 (Виленская и Гродненская губернии);

в марте — 7 (из них по 3 в Виленской и Ковенской губерниях);

в апреле — 11 (из них по 4 в Виленской и Ковенской губерниях);

в мае — 17 (Виленская — 7, Гродненская — 5, Ковенская — 3)

в июне — 3 (2 в Гродненской губернии);

в августе — 1 в Гродненской губернии.

Произвольность этого перечня и его тенденциозная направленность бросаются в глаза. Перечень не включает ряда столкновений, закончившихся удачно для повстанцев (например, взятие городов Пружаны, Кобрин, Горы-Горки), в нем нет даже схватки 22 декабря, которая считалась последней в боевых действиях войск округа в целом. Кульминационным периодом борьбы перечень считает май, хотя большинство участников событий (Гейштор, Калиновский) признают, что наиболее активным восстание было в марте и апреле. Но согласиться с подобной оценкой восстания Муравьев не мог. Она лишала его лавров победителя. Ведь до середины мая в Вильно его еще не было. Признать же, что основные силы восстания были разбиты еще до назначения Вешателя командующим карательной армией, он, конечно, не мог. Этим объясняется не только выделение в приказе Муравьева мая и июня, как наиболее напряженного периода борьбы, но и быстрое падение числа крупных боевых операций в июле — августе. «Пришел, увидел, победил»,— вот что должен был говорить перечень военных дел, составленный прислужниками обер-палача.

Наконец, последнее. Перечень выделяет Виленскую губернию как наиболее богатую крупными боевыми операциями (17 из 59), что не соответствует истине. Основные повстанческие силы были в Гродненской и Ковенской губерниях. Там действовали наиболее крупные отряды, руководимые такими деятелями, как Врублевский, Мацкявичюс, Калиновский, Сераковский, Длуский, Траугутт. Изображая Виленщину центром восстания, Муравьев как бы подчеркивал, что он был среди бушующего пламени.

Более полные, а потому более правильные данные о ходе восстания содержатся в «Журнале военных действий», составленном офицерами штаба Виленского военного округа [18]. По данным журнала, на территории округа с января по сентябрь

1863 г. произошло около 160 сражений, из них приблизительно 60 падает на Ковенскую губернию, около 50 — на Гродненскую, свыше 30 — на Виленскую, около 25 — на Минскую. Что касается Могилевской и Витебской губерний, то здесь отмечено всего несколько боевых столкновений. Наибольшее число боев зафиксировано в журнале за апрель — июль 1863 г. На апрель — май приходится около 70 и на июнь — июль свыше 50 боевых столкновений.

Общая картина хода восстания, рисуемая в «Журнале военных действий», совпадает в основных чертах с выводами С. Зелинского, изучавшего действия повстанцев на основе мемуарных данных Длуского, Арамовича, Станевича и других с привлечением официальных донесений, опубликованных в прессе, главным образом «Виленским вестником», «Русским инвалидом». Кропотливая, тщательно выполненная автором (библиотекарем музея в Рапперсвиле) работа ценна не только общими итоговыми данными, но и описанием боевых операций повстанцев, сделанным на основе важнейших первоисточников, многие из которых ныне, к сожалению, утрачены.

Зелинский выявил и проанализировал 1229 боевых столкновений за 1863—1864 гг., происшедших на территории Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, за границей (одно — в Румынии). Из них подавляющая часть — 1026 падает на 1863 г. В Белоруссии и Литве произошло в 1863 г. 237 и в следующем году 10 столкновений, 35 — на правобережье Украины (в основном на Волыни), остальные — в Царстве Польском.

Вклад Литвы и Белоруссии в общее дело был несколько большим, так как часть военных операций в Августовском воеводстве (из 87 случаев) была осуществлена литовскими повстанцами, равно как и часть операций в Люблинском воеводстве зимой 1864 г. (из 44). Однако эти добавления не меняют существа выводов Зелинского. Из выявленных им 237 операций большинство произошло в феврале — октябре 1863 г., а именно: в январе — 2, феврале — 13, марте — 9, апреле — 19, мае — 46, июне — 45, июле — 37, августе — 23, сентябре — 10, октябре — 13, ноябре — 7, декабре — 3 и в январе 1864 г. — 7 случаев (из 10 за год). Большинство было проведено в Ковенской губернии — 99, затем идут: Гродненская — 65, Виленская — 49, Минская — 20, Могилевская — 3, Витебская — 1 (Креславка).

Мемуарные данные, использованные Зелинским, так же как и донесения командиров карательных отрядов, выделяют два очага восстания — Ковенщину и Гродненщину, а весну и лето 1863 г.— как кульминационный пункт. Некоторое расхождение в помесячных данных объясняется главным образом применением различных систем отсчета. В «Журнале военных действий» использован старый стиль, у Зелинского — новый (разница

в 12 дней). Таким образом, статистика боевых действий различает как бы три этапа в развитии восстания. Первый — конец января — март — подготовка вооруженного выступления, создание отрядов, первые столкновения с карателями при нападении на лагеря формирования партизан. Второй — с марта по июль. Восстание в разгаре. Повстанцы предпринимают активные боевые операции. На всей территории округа идут упорные бои. Почти каждый день происходят крупные вооруженные столкновения. На эти пять весенне-летних месяцев падает половина боевых схваток. В августе начинается упадок восстания. С наступлением зимы крупные операции прекращаются. Весной и летом 1864 г. на некоторое время появляются небольшие партии повстанцев, но массовое движение затухает.

Статистика боевых операций, в общем верно отражающая основную тенденцию в развитии событий, не может быть положена в основу периодизации восстания без учета его движущих сил, программы руководства, отношения к ней различных классов и групп населения. Наконец, при периодизации событий надо учесть не только внутреннюю жизнь повстанческого лагеря, но и политику царского правительства, маневры карательных властей, а также международную обстановку, оказывающую свое влияние на поведение различных классов. Кроме того, необходимо учесть, что военная статистика отмечает как бы результаты работы, проделанной повстанческой организацией. Ведь прежде чем партизанский отряд вступит в бой, его надо создать, вооружить, обучить. Для подготовки вооруженных и обученных людей необходимо время. Подготовительная стадия занимает несколько недель.

С учетом всех вышеуказанных обстоятельств попытаемся выяснить, когда же революционная организация Белоруссии и Литвы приступила к повсеместному формированию отрядов, когда последние начали активные операции, по какому плану они действовали и был ли общий военно-политический замысел. Есть все основания считать, что Литовский Провинциальный комитет приурочивал активизацию боевых действий к началу марта (ст. ст.). Это подтверждается рядом документов. Рассмотрим их последовательно. К. Калиновский в известной записке от 28 февраля 1864 г. писал, что Литва долгое время после январского выступления в Польше активных действий не предпринимала. Приведенное выше письмо Временного Национального правительства к Мерославскому также свидетельствует об этом.

Эпистолярный и следственно-судный материал участников восстания позволяет уточнить дату вооруженного выступления. Сохранилось письмо члена военной организации поручика Рудомино к родителям из Петербурга, в котором автор, сообщая о решении принять участие в восстании, просит благословения.

Он пишет, что иначе поступить не может, что остаться в стороне — «значит опозорить себя в глазах земляков и даже среди благомыслящих русских быть презираемому как изменник», и далее: «Литва действительно до настоящего времени спокойна, но спокойствие это недолго будет продолжаться, все готово и только ждет сигнала, все присягнули, что по требованию явятся, а теперь сидят в домах совершенно спокойно, чтобы не обратить малейшего внимания правительства. Я все это положительно знаю от таких людей, которые знают, что делается у нас... Я желал бы служить в регулярных войсках Лянгевича или другого генерала, чем в Литве, где вначале будет неорганизованное войско, несмотря на то, что я слыхал, что в Беловежской пуще уже довольно долго 15 наших заняты мыслью об этом и организуют» [19].

Письмо поручика Рудомино — важный источник. Перед нами свидетельство члена военной офицерской организации. Сведения его надежны. Это не следственные данные, а письмо к родителям, посланное через нарочного. Оно датировано 24 февраля (ст. ст.) 1863 г. К этому времени, как видно из письма, сигнал к выступлению в Литве еще не раздался, но там «все готово». Подготовкой выступления заняты многие члены военной организации. Одним из пунктов формирования отрядов с участием революционных офицеров названа Беловежская пуща, где на протяжении значительного отрезка времени («довольно долго») ведется подготовка восстания с участием группы офицеров в 15 человек.

Свидетельство Рудомино отодвигает срок вооруженного выступления в Литве за 24 февраля (ст. ст.). Сборы автора письма доказывают, что срок выступления недалек, его надо искать где-то вскоре после 24 февраля. Дата выступления уточняется показаниями поручика В. Миладовского: «Пришел приказ, чтобы к 1 марта (ст. ст.) приготовились все к отъезду». Миладовский говорит, что Петербургский комитет готовил его и его товарищей к отправке в Вильно, дал явку, снабдил документами, оружием, деньгами. Выехали они 6 (18) марта 1863 г. Свидетельство Миладовского дополняется и уточняется показаниями члена Гродненской революционной организации Сильвестровича, сообщавшего, что при получении «вовсе неожиданном» для гродненчан извещения о восстании в Польше, В. Врублевский как начальник военных сил губернии начал подготовку к выступлению, намечая базой отряда леса Сокольского уезда. Приказ же о выступлении прибыл «несколько недель спустя», повинуясь которому молодежь вышла из городов в леса 2 (14) марта 1863 г. [20]

Очевидно, для всех воеводств не был установлен единый срок выступления. В Минской губернии к восстанию готовились нерешительно, а в Могилевской и Витебской вообще не готовились из-за слабости революционной организации в районах Восточной

Белоруссии. В Виленской губернии началом восстания явились действия Корево и Нарбута. В Гродненской губернии Врублевский назначил выступление на начало марта (ст. ст.). В Ковенской губернии (воеводстве) активные действия начались с прибытием начальника вооруженных сил Длуского, назначившего общее выступление на 15 марта (по-видимому, ст. ст.). Однако этот срок не был последовательно выдержан. Без согласования с Длуским Мацкявичюс уже 6 марта призвал народ в Поневежском уезде к выступлению, и собранный им отряд через несколько дней (15(27) марта) подвергся нападению царских войск. Таким образом, даже в Гродненской и Ковенской губерниях, где влияние Литовского Провинциального комитета было наиболее сильным, события развивались в значительной степени стихийно, хотя и заметна активизация деятельности Комитета и его агентов в конце февраля — первой декаде марта (ст. ст.).

Не исключена возможность, что, передвигая срок общего выступления на середину марта, Литовский Провинциальный комитет ожидал обострения классовой борьбы в деревне после 19 февраля 1863 г. и действовал в согласии с руководством «Земли и воли». Оживленная работа, проводившаяся в Мариенгаузене, где помещалась типография землевольцев и формировался повстанческий отряд, поездки Калиновского в Петербург в середине февраля, его связь с участниками «казанского заговора» (Ю. Бензенгер, М. Черняк, И. Кеневич) говорят в пользу этого предположения.

Намечая на начало марта (ст. ст., середину месяца — н. ст.) срок общего выступления «всей Литвы с оружием в руках», Калиновский и его соратники использовали оставшееся время для создания баз формирования отрядов, заготовку оружия и боеприпасов, оповещения и сбора людей и т. д. Из Москвы и Петербурга, Киева и Дерпта съезжалась молодежь. Из городов и местечек в леса стягивались кадры будущих отрядов. Массовый выход революционной молодежи из городов в течение февраля 1863 г. подтверждается и официальными документами. По сообщению жандармов из Вильно, в ночь на 4(16) февраля вышла по приказу Литовского комитета тысяча молодых людей. Через несколько дней полковник Лосев уточнил, что из городов выходят все лица, способные взяться за оружие. Сообщение об одновременном выходе в одну ночь свыше тысячи человек из города сомнительно, «но что они уходят и теперь малыми частями, то это достоверно и, может быть, по настоящее время их ушло гораздо больше, чем 1000 человек» [21].

Разумеется, что не все протекало по намеченному плану. Мешали пестрота и неоднородность повстанческого лагеря, борьба в нем различных направлений и групп, оспаривавших или не признававших власть и авторитет Литовского Провинциального комитета, неорганизованность и излишняя самостоятельность

отдельных руководителей формирующихся отрядов; мешали и царские власти, стремившиеся найти и разгромить лагеря формирования; «мятеж по очереди вспыхивал в разных местах». Ян Козелл, как бы подтверждая это, признает, что вооруженные действия начинались иногда по собственной инициативе снизу, вопреки воле Комитета, что отряды, переходившие Буг, действовали без согласования с местными революционными силами, что агенты Мерославского пытались формировать отряды в Литве помимо и без согласия Виленского комитета [22]. Однако постепенно проявляется организованность повстанческого движения, сказываются напряженные усилия руководства подчинить ход событий единому замыслу.

Две задачи особенно привлекали внимание Литовского Провинциального комитета: вывести молодежь из городов в леса для использования ее в качестве офицерских кадров формируемых отрядов и координировать действия с революционными кругами Петербурга и Варшавы. Вот как обрисовал все эти события Ян Козелл в показаниях, данных царским властям в 1872 г. в Вильно.

«Вдруг в последних числах января (очевидно, н. ст.— *А. С.*) явился в Вильно Юзефович-Пиотровский с манифестом 23 января и с известием, что восстание уже началось в Царстве Польском. Известие это было нам сообщено при всем Комитете, и все единогласно ответили, что мы ни за что не отвечаем, что никто не готов и что мы имеем письменное обещание, что Центральный комитет не допустит восстания. Между тем повстанцы взяли железную дорогу от Варшавы до Гродно, Рогинский вошел в Гродненскую губернию, Буковецкий — агент Мерославского — начал в Свенцянском. Одним словом, начали и без нашего позволения. Тогда Комитет, видя, что не осталось ничего более, как идти за движением, выслал меня в Петербург к Сераковскому, чтобы достать карты Генерального штаба и привезти денег для тех студентов и офицеров, которые хотели прибыть в край и не имели средств. Я недолго пробыл в С.-Петербурге. Сераковский мне сказал, что карты послали и денег не нужно. Просил только поехать в Москву и видеться лично со Звеждовским. Я отправился в Москву и сообщил о восстании Звеждовскому, который мне сказал, что приедет в Борисовские Горки».

После этих встреч Козелл прибыл в Борисов, где, по поручению Сераковского и Звеждовского, провел ряд совещаний с членами военной организации, поручил им создание повстанческих отрядов в Минщине и Могилевщине. Общее руководство действиями в этом отряде оставил за собой Звеждовский, подготовительную работу (агитацию среди крестьян) вел поручик Михаил Цюнзевецкий, назначенный военным начальником Борисовского уезда. Конечным пунктом поездки Козелла был г. Гродно. Однако, встретившись здесь с В. Врублевским, коман-

дующим повстанческими силами Гродненщины, Козелл получил от него приказ выехать немедленно в Царство Польское, «чтобы увидеться с Лянгевичем и условиться о сообщениях и действиях повстанцев в Царстве Польском и Западном крае» [23]. Встретиться с Лянгевичем Козеллу не удалось. Прибыв в Царство Польское «в последних днях великого поста», он узнал, что диктатор разбит и с остатками отряда ушел в Галицию.

Данные Козелла свидетельствуют о том, что Литовский Провинциальный комитет действовал в самой тесной связи с военной организацией Сераковского, что члены последней играли видную роль в подготовке вооруженного выступления в крае. Поездка Козелла состоялась сразу же после начала восстания в Царстве Польском. Она не была безрезультатной. Несмотря на неожиданное, вспыхнувшее вопреки договоренности о сроках восстание в Польше, революционные силы Литвы и Белоруссии сделали все, чтобы поддержать поляков, организовать восстание в крае, опираясь как на собственную организацию, так и на помощь офицерского союза Сераковского. В Западной Белоруссии оживилась деятельность офицерских групп в гарнизонах Белостока, Слонима, Бреста. В Минске активно действовала группа поручика Ельчанинова. Повсюду офицеры стремились связаться с крестьянами, вовлечь их в формируемые отряды. Очень ярко об этом свидетельствует деятельность М. Цюнзевецкого непосредственно сразу же после встречи с Козеллом.

Цюнзевецкий был членом военной организации в 3-й артиллерийской бригаде, стоявшей в г. Слониме, позже находился в Академии Генерального штаба. К моменту восстания он был в четырехмесячном отпуску в Борисовском уезде. Получив от Козелла приказ о подготовке к вооруженному выступлению, Цюнзевецкий начал действовать. Переодевшись в дубленый тулуп и меховую шапку, он стал разъезжать по деревням Борисовского уезда, «волновать простой народ и склонять его к мятежу», распространяя среди крестьян экземпляры «Мужицкой правды» [24].

Материал о поездке Козелла и деятельности Цюнзевецкого показывает, что в начале февраля революционная организация Белоруссии и Литвы стремилась активизировать работу по подготовке восстания. Из слов Цюнзевецкого видно, что вооруженное выступление намечалось на конец февраля — начало марта. Основной силой восстания должны были быть крестьяне. Именно в их среде соратники Калиновского вели работу, к ним непосредственно обращались с призывом к оружию. Важнейшим агитационно-пропагандистским материалом являлась «Мужицкая правда». Повсеместно усилилось ее распространение. Большую роль в организации восстания играли офицеры из числа соратников Сераковского, которые поставляли основные командные кадры для создаваемых отрядов.

Характеризуя деятельность Литовского Провинциального комитета в январе — марте по подготовке народного восстания, нельзя не остановиться на противоречивых тенденциозных свидетельствах Гейштора. В мемуарах, написанных много времени спустя, Гейштор очень пренебрежительно отзывается о группе Калиновского, заявляя, что она ничего не сделала для подготовки восстания и не имела доверия у населения. Нет недостатка и подобных упреках и в обильных показаниях, записках, разъяснениях, поданных Гейштором царским следователям, генералу Ратчу, шефу жандармов в 1864— 1865 гг. Но эти документы, хранящие еще живое дыхание событий, изобилуют массой деталей, характеристик лиц и партий, способствующих выяснению борьбы в повстанческом лагере.

Освещая работу, «немногочисленной партии действия, негодующей на дворянство», Гейштор писал, что это была студенческая молодежь, верящая, что за ней пойдет двадцатимиллионный народ, одержимая идеями социальной борьбы, и далее: «Мономаны народной войны и социальной идеи глубоко верили в силу проводимой будто бы в народе организации, опирающейся на массы... Их любовь к отечеству, соединенная с демократическими убеждениями, была страшным заблуждением... Ничто их не останавливало; ничто не переменило их взгляды... Идеи, почерпнутые в Петербурге, Москве, на всю жизнь сделали их вредными утопистами, но не охладили их сердца, отданные отечеству... Это те личности, которые яростно проповедовали народную войну. Из прошлого Польши взяли и то ложно понятого одного Костюшку».

Считая даже январский манифест явной ошибкой, Гейштор признавал, однако, что Литовский Провинциальный комитет не только разослал повсюду своих агентов и организовал во многих уездах вооруженные отряды, но и добился повсеместного обнародования аграрных манифестов; это был огромный успех, который сразу же поставил помещиков «в положение критическое». Первые отряды возникали вопреки воле дворянства инициативою молодежи, гибнущей в неравном бою. Жертвой социальных идей народной революции называл ее Гейштор [25].

* * *

В первых боевых операциях в Гродненской губернии участвовали силы местной революционной организации и отряды, прорвавшиеся из Царства Польского. Знаменательно, что активность повстанцев проявилась прежде всего в районе особо упорных крестьянских волнений. Первое нападение повстанцы отряда Замечка совершили 11 (23) января на гарнизон местечка Сураж. Потеряв оружие и амуницию, рота солдат, выбитая из местечка, отошла к Заблудову. В этом же районе в конце

января возник повстанческий отряд Станислава Сонгина — одного из ближайших соратников К. Калиновского, давно действовавшего среди крестьян Подляшья. Повстанцы Сонгина, как сообщали ксендзы в донесениях епископу Красинскому, «по местечкам, селам и деревням оглашали повсеместно манифест Варшавского народного комитета о восстании и свободе, закрывали присутственные места, устраняли лиц, состоящих на службе, от должностей, сжигали дела, бумаги и грамоты крестьян, вышедших из крепостной зависимости, забирали с собой наличные деньги, хранящиеся в сундуках сельских и волостных управлений... Чиновники полиции не могли составить опоры в столь смутных обстоятельствах» [26].

Первые же шаги повстанцев Гродненщины свидетельствуют об их намерении придать борьбе характер народного восстания. Важнейшей задачей повстанцы считали оказание помощи крестьянам, подвергавшимся экзекуции за отказ от принятия грабительских уставных грамот. Весьма характерно, что крестьян таких имений, как Лысково, Рудки, Заблудово, Крулев Мост, Платовщизна, царские офицеры именуют «притонами мятежнических шаек» [27].

Ярким примером сотрудничества повстанцев с населением «бунтующихся» сел являются волнения крестьян в имении Рудки и окрестных деревнях, начавшиеся еще в 1861 г. и не сломленные к 1863 г. В имение был поставлен на постой казачий отряд под командой хорунжего Колоскова (40 всадников). Но крестьяне не покорились. На протяжении нескольких ночей они ковали косы и пики. В ночь на 18 (30) января 1863 г. казачий отряд подвергся нападению вооружившихся крестьян. «Сопротивляясь нападающим, хорунжий Колосков и трое казаков убиты, а четверо ранены. Шесть человек захвачены дворовыми людьми имения Рудки в то время, когда выходили из бани. Взятые в плен отпущены инсургентами без оружия. 20 человек, в том числе 4 раненых, прибыли в г. Бельск, а 12 находились неизвестно еще где»,— сообщал командир 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Манюкин [28].

Смелые действия повстанцев при самом решительном участии крестьян заставили карателей сконцентрировать войска по крупным городам. Население сельских районов и местечек воспользовалось передышкой и начало вооружаться. Энтузиазм населения при известии о начавшемся восстании, активность повстанческих отрядов были так сильны, что власти на местах растерялись. В ряде городов и местечек вместо низложенных царских властей возникала повстанческая администрация. Чиновники г. Дрогичина даже сами просили повстанцев утвердить нового избранного населением городничего [29].

Получив сообщение об истреблении казачьего отряда в имении Рудки и об избрании новой администрации в г. Дрогичине,

гродненский губернатор забил в набат. В район, объятый восстанием, двинулся отряд генерала Манюкина. В рапорте Назимову, излагая свой план действий, Манюкин писал: «Все войска мои были сосредоточены. Я решился перейти в наступление, не давая пощады ни одному при малейшем сопротивлении». Прежде всего генерал двинулся к имению Рудки. При приближении карателей крестьяне покидали селения. Манюкин признал, что войска двигались по опустевшей местности, что «многих мещан и всех крестьян революционная партия держит в лесах и болотах. Когда крестьяне и шляхта знают, что русских в значительных силах в окрестности нет, они выходят из лесов и пробираются тайком домой за провизией..., некоторые бездомные и неимущие, которым эта жизнь пришлась по сердцу, как видно, расположились надолго в болотистых дебрях. При приближении солдат, очень многие из крестьян, вернувшихся в эти деревни (выше назывались деревни Грохи, Посвенты, Пенково, Данилино.— *А. С.*), хотели спасаться в леса, но казаки обскакивали бегущих и ворочали их в деревни. Вооруженных не было ни одного. Крестьянам во всех деревнях серьезно указывалось на возможность страшных для них бед оттого, что не дали знать местным властям про сборы мятежников... Мои шпионы доносили мне, что деревня Пенково и окрестности служили местом сборища весьма значительной партии...» [30].

Приведенное донесение Манюкина, датированное 2 февраля (н. ст.) 1863 г.,— весьма интересный документ. Генерал двинул на мятежных крестьян пять рот пехоты, сотню казаков и артиллерийскую батарею. Он шел наказывать одно мятежное селение, но, еще не доходя до него, убедился, что все окрестные деревни встали на сторону повстанцев, жители покинули жилища и ушли в лес. Наибольшей стойкостью в борьбе, по признанию генерала, отличались беднейшие безземельные крестьяне, дворовые люди, мелкая шляхта, а более зажиточные прятались по хуторам, отказывались от сотрудничества с войсками. Манюкин понял, что одними устрашениями ничего не добьешься, что нужны какие-то срочные меры, серьезные уступки крестьянству для предотвращения всеобщего восстания. События в имении Рудки могли повториться в гораздо больших размерах.

Прибыв 3 февраля (н. ст.) в имение Рудки, Манюкин приказал собрать крестьян и объявил им: «Поля, леса, луга — ваши. Вам все это отдал царь. Никакой повинности, барщины не отбывайте, никому денег не платите. А что уставные грамоты не приняли — хорошо сделали. Государь вам свою грамоту пришлет. А эти, что от панов,— не принимайте». Очевидец событий мировой посредник Билгорайский указывает, что Манюкин в своей речи обещал крестьянам мятежного села то, что пропагандировали на протяжении многих месяцев революционные агитаторы из Гродно и Белостока, что писалось в «Мужицкой правде» и

других подобных ей брошюрах. В своих посулах генерал стремился превзойти повстанцев.

19 (31) января повстанцы, заняв Рудки, сожгли уставные грамоты, даровали крестьянам землю, бывшую у них в пользовании за повинности. Манюкин через четыре дня заявил, что не только эти наделы, но и вся земля (и та, что была в запашке помещика) — все поля, луга, леса — являются собственностью мужиков. Помещиков назвал бунтовщиками и приказал, чтобы их не слушали, чтобы повинности не исполняли, оброков и чиншей не платили [31]. Помещик Билгорайский не понимал смысла демагогических речей генерала и возмущался, что он встал на сторону «хлопа». Но Манюкин лучше других понял необходимость срочных мер для защиты коренных интересов дворянства и в целом от нависшей угрозы социальной революции.

После Рудок Манюкин направился в местечко Семятичи, где сосредоточились основные силы повстанцев Подляшья (Сонгин, Рыльский — «Замечек», Левандовский, Матлинский, Рогинский, подошедший несколько позже). 25 января (6 февраля) Манюкин атаковал Семятичи. Численность повстанцев доходила до 4 тыс. человек. Манюкин имел около 500 всадников, два батальона пехоты и артиллерийскую батарею. Первый штурм, поддержанный артиллерийским обстрелом, был отбит с большими потерями для атакующих. На следующий день генерал, имитируя отступление, выманил повстанцев в открытое поле и нанес им неожиданный удар. Повстанцы отступили под защиту построек и вновь оказали упорное сопротивление. Манюкин приказал поджечь Семятичи. «Пожар, охвативший местечко,— писал цинично генерал, — облегчил атаку».

Повстанцы, потеряв свыше 100 человек, отошли с боем. Манюкин послал победные реляции. «Молодецким делом» назвал царь варварские действия своего генерала. Важнейшим следствием этого боя был переход инициативы в руки карателей, что позволило им сохранить под своим контролем и влиянием население, начать социальную демагогию с целью отвлечь крестьян от борьбы. Круто изменив тактику, власти оправдали отказ крестьян принимать уставные грамоты.

Официальные донесения Манюкина изображали дело таким образом, будто крестьяне не боролись с войсками. Но начальник штаба манюкинского отряда Гейнс («герой» Семятичей) в личном письме признал: «Не в укор официальным донесениям — многие русские крестьяне принимали участие в восстание. В январе прошлого (т. е. 1863 г.— *А. С.*) генерал-лейтенант Манюкин, чтобы скрыть скандал, отпустил из плена до 200 крестьян, взятых с оружием в руках в деле под Семятичами...» [32]

Яснее не скажешь. Чтобы повлиять на крестьян, оживить угасшее доверие к царским властям, генерал шел на самые широкие демагогические обещания. Посулы сатрапа ничем не

были ограничены. Крестьянам сулили удовлетворение всех чаяний и надежд, требуя взамен только одного — отказа от поддержки повстанцев, изображая последних врагами народной свободы. Не ограничиваясь посулами, Манюкин разослал специальные приказы населению местечек и сел, более всего сотрудничавших с повстанцами, грозя пожарами и арестами, если население не прекратит помогать повстанцам и не будет извещать войска об их появлении. Сохранилось несколько экземпляров этих манюкинских произведений. Генерал не затруднялся в выборе выражений: «Жители Дрогичина. Вы слыхали, что сделалось с Семятичами. Дома, откуда стреляли засевшие поляки, сожжены, и ветер погнал пламя по всему местечку. Если хотите испытать участь Семятич — слушайтесь мятежников и, даю вам слово, вы будете наказаны. Если же хотите оставаться покойными под охраною нашего войска, слушайтесь ваших законных властей, вяжите людей, волнующих вас на вашу погибель, и при приближении сильной партии мятежников давайте о том с нарочным известие военным властям в Бельск или Белосток».

В те дни Манюкин писал Назимову, что повстанцы «бегут, бросая оружие. Испуганные примером Семятич, жители попутных селений гонят бродяг от ворот... войска везде принимаются с восторгом... Явилась ко мне дипутация из местечка Цехановца. Когда я был там, то жители едва смотрели на войска. Я сам должен был занять квартиру почти силою. Теперь они явились с земными поклонами». И все же Манюкин не был уверен в преданности населения правительству и признавал, что хотя «наступила тишина», нет надежд на ее продолжительность [33].

Известный успех был властями достигнут. Оцепенение крестьян, вызванное трагедией Семятичей, развернутая демагогия властей помешали Рогинскому и Сонгину привлечь широкие массы населения. Несколько недель маневрировали их отряды по южным уездам Гродненской губернии. Во всех деревнях повстанцы оглашали декрет о свободе и земле, но должного отклика их смелые призывы не находили. Повстанцам удалось, ускользая от отряда Ностица, занять г. Пружаны, захватить оружие, большие суммы денег. Основа для создания крупного отряда была, но народ не поднялся на борьбу. Только несколько добровольцев откликнулось на их зов. Польская шляхта боялась демократизма Рогинского и Сонгина, крестьяне были в нерешительности. Повстанцы, имея оружие, не имели бойцов. Позже, вспоминая об этом марше, Рогинский писал, что он шел как бы по заснувшему краю и не был в силах его разбудить.

Не сумев поднять восстание в районе Пружаны — Кобрин, Сонгин отделился от Рогинского и с большим транспортом оружия повернул обратно, надеясь вооружить крестьян в районе Белостока и Гродно. Численность его отряда точно не установлена. Официальные донесения упоминают 250 человек, мемуары

называют 38 бойцов. 3 (15) февраля у деревни Речицы отряд Сонгина был разбит. В бою погибло 11 человек, в том числе Сонгин. 14 повстанцев попало в плен. 19 февраля (3 марта) в Турове в плен попал и Рогинский. «Этот ловкий предводитель,— писали царские офицеры,— всегда действовал как опытный партизан, быстро формируя шайки, он, несмотря на то, что был три раза последовательно разбит, держался довольно долго, все время волнуя уезды Пинский, Брестский и в особенности Кобринский» [34]. Кроме отряда Рогинского, для специальных действий в Гродненской губернии по приказу Варшавского жонда В. Парчевским был создан в Бельском уезде отряд, который действовал в конце февраля и насчитывал несколько десятков человек. Он имел два удачных нападения на мелкие патрули и обозы. 17 февраля (1 марта) под Черным Селом в 20 км от Белостока, при атаке обоза, охраняемого инвалидами, Парчевский был ранен, распустил отряд и уехал в Вильно.

Гибель группы Станислава Сонгина, включавшей наиболее революционные элементы Гродненской организации, тяжело отразилась на ходе восстания в Западной Белоруссии. Как свидетельствует Сильвестрович, Врублевскому не удалось так быстро, как он хотел, сформировать отряд из-за отсутствия кадров. Процессу формирования первых повстанческих отрядов Гродненщины мешали тяжелые удары царских властей. В ночь на 2 (14) марта группа революционной молодежи Гродно должна была по приказу Врублевского покинуть город и следовать к лагерю формирования. Собралось около 50 человек (чиновники, гимназисты, ремесленники). Руководитель группы Кульчицкий, служивший начальником станции железной дороги, решил вывезти повстанцев за черту города на специально заготовленном составе. Когда поезд тронулся, повстанцы дали залп по солдатам, стоящим на путях. Но в эту минуту кто-то успел отцепить паровоз, и состав остановился. Бежало только двое на паровозе. 45 человек были арестованы. 21 марта (2 апреля) повстанцев Гродненщины постигла еще одна неудача. В районе г. Пинска каратели перехватили транспорт с оружием (100 ружей, 200 кос, 28 сабель и др.). Вооружение, предназначенное для отряда, оказалось в руках врага.

Серьезно затрудняли развитие восстания и местные помещики («белые»), имевшие разветвленную организацию. Как свидетельствует Ф. Рожанский, многие патриоты из-за саботажа «белых», изверившись в возможности создания местных отрядов, выезжали за Буг, вступали в действующие там отряды. Это же противодействие помещиков, как вспоминает Янковский, мешало студенческой молодежи вовремя прибыть в край и вступить в борьбу. Однако вопреки всем трудностям и рогаткам восстание набирало силы. Ширилось повсеместное оглашение повстанческих декретов. По данным «Журнала военных действий», в тече-

ние февраля — марта повстанческие группы повсеместно избегали боев, но вели усиленную пропаганду, волнуя население [35].

«Журнал военных действий» в общем правильно передает основную тенденцию в развитии движения. Январь-февраль — период подготовки сил к восстанию, сбора бойцов, создания запасов оружия и боеприпасов, оглашения программы. Вооруженных столкновений с войсками в этот период было еще сравнительно немного, по данным Зелинского,— только 2 в январе и 13 в феврале, в то время как в Царстве Польском соответственно 58 и 76 вооруженных столкновений.

Усилия, затраченные революционным руководством во главе с Калиновским для подготовки одновременного организованного выступления во всех основных пунктах края, вскоре начали приносить свои результаты. «Волнение, обозначившееся в конце февраля брожением умов,— отмечалось в «Журнале»,— в течение марта начало принимать все более и более опасные размеры фактического восстания и, наконец, к концу месяца охватило почти шесть губерний». Власти указывали, что обстановка изменилась. Восстание, казавшееся после поражения Рогинского и гибели Сонгина подавленным, «вдруг принимает довольно обширные размеры, конечно же, вследствие приказаний, полученных от тайных руководителей движения». В различных пунктах края одновременно замечается массовый уход городского населения в леса; войска, преследующие эти группы, встречают вооруженное сопротивление.

Характеризуя действия возникших повстанческих отрядов, каратели отмечали, что они «нападают на отдельных солдат и мелкие команды, на этапы, цейхгаузы, дома лесничих, где отбирают оружие, уничтожают дела полицейских чиновников, а также волостных и сельских правлений, разглашают манифесты, призывающие к поголовному восстанию, грабят почты и деньги». В восстании принимают участие «студенты и гимназисты, мастеровые, мелкие чиновники, городские жители с присоединением шляхты и однодворцев».

Царские власти отрицали участие крестьян в движении, утверждали, будто «сельское население сохраняет преданность», но вместе с тем были не в состоянии замолчать и прямо противоположные факты. «Успеху образования шаек,— указывается в „Журнале военных действий“,— сильно помогали казенные крестьяне, преимущественно Ковенского, Шавельского, Поневежского и Вилькомирского уездов, которые, содействуя открыто мятежникам, давали им знать о приближении наших войск, а нам или вовсе не сообщали ничего, или же давали неверные показания» [36].

Мелкопоместное дворянство, безземельная и околичная шляхта также приняли активное участие в восстании. По словам Цилова, шляхта Гродненской губернии «составляла основной

элемент польского движения». Отношение поместного дворянства к восстанию в этот первый период борьбы было иным. Данные Цилова свидетельствуют о том, что помещики поддерживали карателей и активно сотрудничали с ними. Но были случаи, когда поместное, даже титулованное дворянство принимало активное участие в борьбе с момента ее возникновения. Дворянству не были чужды лозунги национально-освободительной борьбы. Однако вывод царских властей, будто движение носило помещичий характер, был неверным.

Высшее католическое духовенство заняло позицию, аналогичную позиции поместных дворян. Православные попы во главе с Иосифом Семашкой активно сотрудничали с царскими властями. Нередко попы не гнушались ролью осведомителей и соглядатаев. Низшее духовенство, главным образом католическое, но частично и православное (особенно из среды бывших униатов), более сочувственно отнеслось к восстанию. В Брестском и Вилейском уездах были случаи участия православных священников в распространении воззваний среди русских офицеров, посланных в карательные экспедиции, снабжения повстанцев продовольствием и пр.

Официальные сообщения властей объявляли восстание «панской, польской интригой», якобы враждебной крестьянству. Генерал Цилов, например, уверял, что крестьяне, знакомясь с «Мужицкой правдой», не верили ей и повсюду выдавали членов революционной организации властям. По утверждению Цилова, в движении приняло участие незначительное число крестьян, которых он делил на три группы: 1) «взятых насильно», 2) «почти идиотов», 3) «бобылей-пролетариев и нищих». Городское население, по его мнению, приняло более активное участие в борьбе: «Мещане же, шляхтичи, мастеровые и евреи преданностью престолу похвалиться не могут». Несостоятельность версии Цилова о принудительном характере участия крестьян в восстании опровергается признанием Виленской следственной комиссии: «Не было возможности образоваться шайкам из всех насильно взятых людей» [37].

Интересен для выяснения характера и движущих сил восстания «Отчет Временного полевого аудиториата Виленского военного округа о военно-судных процессах и осужденных участниках восстания за период с начала восстания по 1 января 1866 г.». Отчет охватывает все шесть губерний Литвы и Белоруссии. Согласно этому, в общем далекому от истины документу, к ответственности за участие в восстании было привлечено свыше 30 тыс. простолюдинов (крестьян, мещан, однодворцев). При этом надо учесть, что студенчество, мелкое чиновничество, интеллигенция, военная молодежь, т. е. наиболее активная часть повстанцев — выходцев из беспоместного, служилого дворянства, попала в рубрику «привилегированного сословия». В нее включали и беззе-

мельных дворян и помещиков, вождей восстания и лиц, подозреваемых в соучастии. Здесь рядом стоят фамилии аристократов-богачей и дворян, работавших по найму в сапожных и портняжных мастерских. Если бы ведомость отражала не сословную принадлежность, а имущественное положение и профессию осужденных, то картина получилась бы иная. Но Муравьев всемерно старался скрыть, что решающую роль в движении играли не привилегированные сословия, не польские землевладельцы, а демократическая интеллигенция, крестьяне, городские «низы». Но даже и подтасованные цифры официального отчета не могут полностью скрыть народного характера движения [38]. В мемуарах повстанцев отмечается, что, несмотря на очевидный перевес сил карателей и отсутствие оружия, во многих районах крестьяне большими массами принимали в нем участие. В Гродненской и Ковенской губерниях многие повстанческие отряды полностью формировались из крестьян [39].

Итак, все источники — от официальных документов царских властей до мемуаров участников движения — свидетельствуют о широком участии в восстании трудящихся города и деревни. Как заметил полковник Гейнс, «Польша — де-факто — освободилась уже из-под власти России, в то время как мы разгоняли шайки мятежников...» [40]

Гейнсу вторит полковник Черевин — фаворит Муравьева: «Говорить, что крестьянское население в меньшинстве или большинстве не принимало участия в беспорядках и оставалось верно и преданно законному правительству..., могут лишь лица, совершенно не посвященные в дела края. Одни лишь старообрядцы, несколько тысяч душ, действительно, остались верными своему долгу... Дворянство польское, верное своей традиции, крестьянское население, обольщениями или угрозами фанатизированное римско-католическим духовенством, еврейское население... все и вся отшатнулись от правительственной власти... Приходилось иметь дело... с целым народонаселением края, вследствие наших собственных же ошибок вооружившимся против нас» [41]. Можно оспорить у Черевина причинное объяснение событий, отвергнуть жандармские формулировки, но в оценке масштабов восстания нельзя не согласиться с ним.

В марте восстание уже охватило не только Польшу, но и многие уезды в Литве и Белоруссии, достигая особой силы в Ковенской и Гродненской губерниях. «К половине марта,— указывается в „Журнале военных действий“,— шайки с каждым днем увеличивались... росли беспрестанно численностью и сделались предприимчивее. Революционная же организация на пространстве восставшего края начала мало-помалу приобретать силу и влияние... Одновременно с усилившимся движением в Ковенской губернии в Гродненской губернии волнение также стало принимать более широкие размеры» [42].

С приближением весны восстание приобрело всеобщий народный характер и продолжало изо дня в день набирать силы. Подготовительная работа, проделанная революционной организацией, давала свои плоды. Росли отряды повстанцев. Катился вниз авторитет царских властей, управление расстраивалось и парализовалось, решающих военных побед над малочисленными, но умело действующими партизанскими отрядами не было. «В течение марта,— сетует „Журнал военных действий",— войска наши вообще с трудом отыскивали шайки, которые, скрываясь постоянно в лесах и уклоняясь от встречи с войсками, пополнялись беспрестанно и обильно городским населением, которое убегало из городов и повиновалось безусловно какой-то таинственной воле» [43].

3. Действия повстанцев в Литве. Царский манифест 1 марта 1863 г.

Первые сообщения о действиях повстанцев в Виленской губернии были получены царскими властями 25 января (6 февраля). В Трокском и Лидском уездах повстанцы отбили несколько рекрутских партий. 5 (17) февраля повстанческие отряды напали на охрану моста и казачьи разъезды в окрестностях Вильно. Начал активно действовать повстанческий отряд в Лидском уезде близ местечка Дубичи [44].

В формировании первых повстанческих отрядов активное участие принимали студенты университетов, члены военной организации, отставные офицеры, демократы, интеллигенты. Огромную поддержку оказали литовские крестьяне таких «мятежных» селений, как Оникшты, Скопишки, Ракишки, Ушполье. Именно они стали опорными пунктами повстанцев; в густых лесах, их окружавших, возникли повстанческие лагеря. Из организаторов отрядов выделялся Клетый Корево — офицер лесной охраны, назначенный Литовским комитетом военным начальником Трокского уезда. 8 (20) февраля Корево («Скирмунт») собрал вышедшую из местечек молодежь и окрестных крестьян в лесах близ Непракшт (всего около 60 человек). Вскоре во время разъездов по уезду Корево был схвачен карательным отрядом и расстрелян 9 (21) марта в г. Ковно. Созданный им отряд выдержал 1 (13) марта боевое крещение в Жижморских лесах. После столкновения с войсками при Буде (23 км от Ковно), происшедшего 4 (16) марта и закончившегося неудачно для повстанцев, остатки отряда Корево соединились с отрядом Вислоуха [45].

Феликс Вислоух родился в 1833 г. в семье беспоместных дворян Речицкого уезда. Студент медицинского факультета Московского (1856—1858) и Киевского (1858—1861) университетов, активный участник студенческого движения, впоследствии слушатель школы в Кунео. В начале февраля с группой молодежи

вышел из Вильно, оглашая по деревням манифест о наделе крестьян землей. Отряд начал формироваться 3(15) февраля в местечке Желядзь Свенцянского уезда. Затем отряд двинулся через Михалишки к местечку Сморгонь — местности, известной упорными крестьянскими волнениями. По пути группа росла за счет крестьян и молодежи из Свенцян, Михалишек, Ошмян, Вильно.

Известие о движении молодежи встревожило власти. В погоню бросился карательный отряд (рота солдат на повозках и полэскадрона конницы), который настиг повстанцев 10(22) февраля близ местечка Солы. Стычка закончилась успешно для повстанцев, которые ушли от преследователей, потеряв одного убитого. В Сморгони поднять крестьян на всеобщее восстание не удалось, и Вислоух ушел в Жижморские леса Трокского уезда, где и заложил опорную базу отряда. Отряд Вислоуха насчитывал 300 человек, главным образом крестьян, студентов, чиновников, юнкеров. По словам адъютанта Вислоуха Владислава Комара (канцелярист Виленской казенной палаты), отряд состоял «больше из простых людей». Офицерские посты в отряде занимали бывшие студенты и юнкера. Ближайшим помощником Вислоуха был студент Петербургского Института путей сообщения Н. Дорогостайский [46]. Вислоух стремился придать движению характер подлинно народный. Провизию отряду доставляли крестьяне, проводниками и разведчиками были они же. Царские офицеры, преследовавшие Вислоуха, признавали, что повстанцы знают о всех передвижениях войск, в то время как последние не имеют точных данных. «Проводников нет, деревни, через которые мы проходим, пусты, все жители скрылись. Приходишь на мызы, местечки и кого ни спрашиваешь, все говорят: „Помилуйте, у нас все спокойно, повстанцев нет и не было“». Проводников брали насильно, и они нередко заводили карателей в леса и болота [47].

С первых дней восстания начал создавать отряд Людвик Нарбут — ветеран революционного движения в Литве, назначенный военным начальником Лидского уезда. Вначале в отряде было только восемь человек (шесть крестьян и братья Нарбуты), но вскоре отряд насчитывал более 100 бойцов. К нему устремились окрестное население и городская молодежь. Росту отряда мешало отсутствие оружия. Основой отряда Нарбута были крестьяне — $^{3}/_{4}$ всех бойцов. Сказалась и популярность Нарбута среди окрестного населения и оглашение им манифеста о прекращении повинностей и наделе крестьян землей. Нарбут дал отряду военную организацию, обучал повстанцев стрельбе и приемам партизанской войны. Здесь весьма кстати пришелся воинский опыт, полученный им на Кавказе. В Ейшишском лесу Нарбут отделил от отряда несколько мелких партий для ведения пропаганды среди населения и вербовки добровольцев, а сам перешел в Трокский уезд, где в лесах около Олькеников на реке Меречанке 25 февраля (9 марта) он был атакован царскими

войсками (три роты, сотня казаков). Бой окончился удачно для повстанцев, захвативших богатые трофеи. Победа сделала имя Нарбута известным. Первым следствием ее было прибытие большой группы виленской молодежи во главе с художником Михалом Эльвиро Андриоли, занявшим пост начальника штаба отряда. До соединения с Нарбутом группа Андриоли имела несчастье встретиться 10(22) марта с карательным отрядом у Миткишек (35 км от Вильно), нанесшим ей значительный урон. В течение марта Нарбут, окруженный превосходящими силами противника, ведет тяжелые бои в районе Дубичи — Новый Двор (Лидский уезд), нанося им чувствительные потери [48]. В целом же повстанческое движение в Виленской губернии в течение марта еще не стало массовым. В большинстве уездов отряды только создавались, вели пропаганду среди населения.

В сравнении с действиями в Гродненской и Виленской губерниях гораздо бо́льших успехов добились в феврале — марте повстанцы Жемайтии, руководимые членом комитета Болеславом Длуским и Антанасом Мацкявичюсом. Кадры отрядов, созданных ими, составила студенческая молодежь, крестьяне-батраки, ремесленники и мещане городов и местечек; к этому ядру вскоре присоединилась масса местного, особенно казенного, крестьянства, однодворцы и значительные слои безземельной шляхты. Активные действия революционных сил изменили в феврале — марте все течение жизни в губернии. Царские власти теряли авторитет и влияние, крестьяне прекращали отбывание повинностей, замирала хозяйственно-торговая деятельность, транспорт и связь функционировали с перебоями, занятия в учебных заведениях прекращались из-за отсутствия учащихся старших классов и нехватки преподавателей. Сведения об этом, содержащиеся в служебных донесениях, проникали и на страницы проправительственной печати («Северная пчела», «Русский инвалид», «Виленский вестник» и др.) [49].

В феврале 1863 г. донесения местных властей отмечали, что действующие в губернии партизанские отряды объявляли населению о «совершенном прекращении» власти царского правительства и передаче крестьянам «даром всей земли, которой они до сего времени владели за повинности». Повстанцы, «одетые в серые мужицкие сермяги и вооруженные дубинами», нападали на почтовые транспорты, разоружали полицию, громили волостные управы, требовали от помещиков прекращения барщины, провозглашали крестьян собственниками земли. Связь между центром губернии и уездами была прервана, паромы сожжены, полиция в селах фактически прекратила исполнение своих обязанностей.

Донесения чиновников из всех уездов содержат признания о формировании повсюду отрядов из местных крестьян, молодежи, мелких чиновников. В первой декаде марта из Поневежа сообща-

ли, что «в восстании главное участие принимают казенные крестьяне»; из Россиен 19 марта: население города, «в особенности канцелярские чиновники присутственных мест, уходят в леса». Повсюду «растут скопища». Крестьяне «увлекаются в толпы злоумышленников... клянутся на верность революционной службе». Население разоружает полицию и небольшие группы солдат, стоящие по деревням; множатся нападения на мызы, оглашается манифест о наделении крестьян землей [50].

Создавая повстанческие отряды, разгоняя местную администрацию, крестьяне расчищали почву для новой, свободной жизни. Очевидцы, современники и участники событий свидетельствуют, что в Ковенской губернии в феврале — марте крестьяне, вооружившись чем попало, массой устремились к повстанческим лагерям. Инструкторами, обучавшими их владеть оружием, в большинстве случаев были бывшие офицеры царской армии. Однако знающих воинское дело людей не хватало. Они гибли в первых же боях при нападении карателей на повстанческие базы, вынужденные сражаться в передних рядах, чтобы собственным примером воодушевить колеблющихся, восстановить дрогнувшие ряды, сохранить порядок [51].

Общее военное руководство возникающими отрядами осуществлял Болеслав Длуский (Яблоновский), вступивший на этот пост в конце февраля (ст. ст.). Его небольшая оперативная инструкторская группа была образована из бывших студентов и офицеров. Ближайшим помощником Длуского был Курнатовский — студент Петербургского университета. Знаменательно, что среди близких к Длускому лиц были немцы из пограничных прусских городков, солдаты царской армии, но не было ни помещиков, ни священников. «Помещики, ксендзы, шляхтичи наш отряд не посещали»,— сообщал повстанец Смолич (бывший гимназист). Правда, однажды в отряд прибыл капеллан и Длуский заявил, что он может оставить его, но «не в качестве священника, а бойца, на что ксендз не согласился и покинул лагерь». Со своей инструкторской группой Длуский навещал повстанческие базы, содействуя ускорению формирования отрядов, обучая крестьян владеть оружием часто непосредственно в бою. Несколько раз группа Длуского спасала повстанческие отряды от поражения, ударяя карателям в тыл в решающую минуту борьбы [52].

Активную роль в формировании повстанческих отрядов сыграл Антанас Мацкявичюс, назначенный на пост организатора. Позже он проявил и полководческий талант, предводительствуя на протяжении многих месяцев крупным отрядом, решительно отстаивая социальные и национальные интересы крестьянства. Декларация Литовского Провинциального комитета о необходимости поддержать восставший польский народ застала Мацкявичюса в местечке Подберезье (возле г. Кейданы) Ковенской губернии, где он длительное время вел пропаганду среди крестьян.

«Имея приготовленный к мятежу народ,— писал он позже,— я поднял хоругвь восстания и с 250 повстанцами отправился в лес. Стремлением моим было возвратить моему литовскому народу права человеческие, уничтоженные шляхтой и оставленные без внимания администрацией. Заботою моею было проповедовать восстание в Ковенской, Виленской, Гродненской губерниях... На мой призыв молодежь оставила своих родителей и собралась с оружием в руках и с твердым решением в душе защищать отчизну». К 6 марта (ст. ст.) Мацкявичюс уже имел свыше пятисот бойцов, в подавляющем большинстве из среды местных крестьян.

В лагерь Мацкявичюса у деревни Мегяны (23 км от г. Кейданы) 10 марта(ст. ст.) прибыл Б. Длуский (Яблоновский) с группой инструкторов и небольшой партией оружия. Как вспоминает Длуский, он получал от Мацкявичюса из Мегянских лесов известие о создании отряда и просьбу скорее прибыть, чтобы принять командование. По его словам, собравшиеся в лесу в большинстве были вооружены косами и пиками, а остальные имели старые охотничьи ружья, совершенно непригодные для сражений с регулярной армией. Собравшиеся крестьяне были разбиты Длуским на роты и батальоны, и начались упражнения в стрельбе. Помимо крестьян, в отряде было несколько десятков молодых горожан и шляхтичей из Поневежа и его окрестностей. Однако успешно начатое обучение было прервано неожиданным нападением карательного отряда. 15 (27) марта в 8 час. утра лагерь был атакован с двух сторон шестью ротами царских войск. Вначале бой складывался благоприятно для повстанцев, но в решающую минуту необстрелянные и плохо вооруженные крестьяне дрогнули и начали разбегаться. Длуский во главе стрелков сумел, однако, восстановить положение и организовать успешную оборону лагеря. Войска отошли, потеряв свыше 30 солдат убитыми. Потери повстанцев были значительнее, убитых было 5 человек, но около 300 крестьян разбежалось в первой фазе боя. Часть молодых крестьян (около 40 человек) взял Длуский с собой. Это были отборные бойцы, способные проходить в день по три десятка верст, не думая о хлебе и воде. Из оставшихся Мацкявичюс составил отряд в 120 человек, а остальных распустил. После этой битвы Мацкявичюс, по собственным словам, «встал во главе народа не только как пропагандист, но и как военачальник».

Каратели признавали, что пример Мацкявичюса воодушевил литовских крестьян. В нем они видели своего избавителя, встречали с хлебом-солью, «верили его обещаниям о даровом наделе землею и отмене податей». От крестьян повстанцы получали необходимое продовольствие и снаряжение, у помещиков брали «насильно, под страхом казни в случае отказа», по словам Мацкявичюса. Позже он отмечал: «Пока не явился „Доленго“, восстание литовское опиралось на меня».

Деятельными помощниками Мацкявичюса были члены военной организации — офицеры (бывшие слушатели Артиллерийской академии) Кульчинский, Янковский, Родкевич, сыгравшие важную роль в формировании и обучении крестьянских отрядов. Одним из самых ближайших соратников Мацкявичюса являлся Францишек Павел Когновицкий, бывший студент Петербургского университета, товарищ и друг К. Калиновского. Руководитель студенческого движения в прошлом, он теперь вместе с Мацкявичюсом поднимал на борьбу литовских крестьян, учил их владеть оружием. Еще в Петербурге Когновицкий и Калиновский объявили себя сторонниками социального переворота; в Литве они решительно претворяли эти идеалы в жизнь. Когновицкий прославился также как умелый предводитель кавалерийского разведывательного отряда. Из среды литовских крестьян, собранных Мацкявичюсом, вскоре выдвинулись и прославились способные партизанские командиры, крестьяне Битис и Лукашюнас.

Занимая села, деревни и местечки, Мацкявичюс разгонял местную администрацию, провозглашал крестьян собственниками земли, конфисковал у помещиков продовольствие, лошадей, оружие. Он разъяснял крестьянам цели борьбы, горячо возражая тем повстанцам, которые отождествляли восстание с движением шляхты, считая, что паны-помещики поднялись, чтобы вернуть панщину. В ряде имений Мацкявичюс, видя предательские действия их владельцев, грозил им виселицей и лишением собственности. Отряд его, по донесению ново-александровского исправника, «был вооружен в разного рода оружие, пики и косы, а некоторые имели русские штуцера со штыками... Присоединялось [к нему] много из разного рода сословий, как-то: казенных и временнообязанных крестьян, а также мещан и дворян». Следственные дела повстанцев отряда Мацкявичюса подтверждают этот вывод: его отряд состоял преимущественно из крестьян [53].

Так же решительно действовали и другие повстанческие отряды Литвы. Самым выдающимся и активным руководителем одного из них был Ян Станевич (Писарский) (1823—1903), из дворян Россиенского уезда, участник Познаньского восстания 1848 г. Он имел большой боевой опыт, служил во французских войсках и в русской Кавказской армии. В 1855 г. вышел в отставку и поселился в Литве. В марте 1863 г., по заданию Мацкявичюса, он создал отряд, начавший активные действия в Шавельском уезде. Местные власти доносили, что повстанцы Писарского нападают на мызы, становые квартиры, волостные управы, уничтожают дела и разоружают полицию. Собирая крестьян, повстанцы разъясняют, что «отныне полиция и все ее действия совершенно прекращаются..., если становой пристав или другой чиновник осмелится распоряжаться, то они будут убиты, никто их не должен слушать... Польское правительство отдает крестьянам даром всю землю, которой они до сего времени владели»

По донесениям местных властей, Писарский «в костелах и на площадях оглашал крестьянам манифесты о наделе их землей, отпечатанные по-жмудски..., посылал к помещикам записки, грозя смертью, приказывая доставлять провизию... Бывая у разных помещиков, брал своевольно продовольствие, раздавая жителям хлеб из запасных магазинов», разгонял чиновников, старшин, полицейских, провозглашая прекращение их власти, уничтожая документацию, конфисковал деньги и т. д.

Генерал Лихачев, командовавший карательными войсками в Ковенской губернии, бросил против отряда Писарского крупные военные силы; однако повстанцы, предводительствуемые отважным, опытным командиром, нанесли войскам чувствительный урон. Военные действия начались 31 марта (12 апреля) нападением карателей на базу повстанцев в Белянишках (близ местечка Трошки Шавельского уезда). Против повстанцев действовали две роты и эскадрон. Лагерь был почти пуст, так как часть отряда, разбившись на небольшие партии, вела пропаганду среди крестьян в различных частях уезда. Оповещенный о движении войск, Писарский успел собрать своих бойцов и устроил засаду. Внезапно обстрелянные на марше царские войска понесли тяжелый урон. Заняв оставленный партизанами лагерь, каратели сожгли его.

Через некоторое время Писарский, имея около 200 бойцов, вновь вернулся на сожженную базу. После успешного рейда по уезду отряд нуждался в отдыхе. 12 (24) апреля (по сведениям Зелинского, 16 (28) апреля) повстанцы были атакованы сразу тремя колоннами. Задержав две из них удачно устроенными засадами, они дали сраженье третьей. В битве особенно отличились косинеры, предводительствуемые Павлом Станевичем (брат командира, также повстанец 1848 г.). Дальнейшие действия Писарского были частью решения общей оперативной задачи, связанной с обеспечением высадки морской экспедиции Лапинского [54].

Адам Матвеевич Битис (36 лет, крестьянин деревни Белозеришки Легецкого сельского общества Шавельского уезда) был вначале проводником повстанцев. В марте он создал отдельный отряд из местных крестьян и действовал преимущественно в Шавельском уезде. 13 (25) марта он уничтожил Легецкое сельское правление, сжег налоговые документы, затем то же проделал в Бейсагольском и Шавельском обществах. Из так называемых сельских запасных магазинов и помещичьих складов Битис раздавал хлеб голодающим крестьянам, у помещиков конфисковал лошадей, продовольствие, оружие [55].

Отряд Зыгмунта Цитовича — отставного артиллерийского офицера, созданный по приказу Длуского, действовал в Россиенском уезде. В конце февраля — начале марта группа революционной молодежи из местечка Цитовяны положила начало формированию отряда, оглашая по окрестным деревням манифест

о наделе крестьян землей. Вначале крестьянам было как-то непонятно, почему дворяне подняли оружие и даже наделяют их землей. Под влиянием попов и царских чиновников крестьянство смотрело на восстание как на затею помещиков. Но практика повстанческого отряда, вставшего на защиту крестьян, потребовавшего от помещиков прекращения барщины и взимания оброка, раскрыла населению глаза. В первые же дни после оглашения манифеста несколько крестьян отыскали лагерь. Вслед за этим начался массовый приток добровольцев. За пять дней отряд вырос до 250 человек. Подавляющая часть отряда состояла из крестьян, мещан, шляхтичей. Молодежь исполняла роль инструкторов. Оружия не было, офицерских кадров тоже. В лагере ковали косы, шли воинские занятия.

Видную роль в отряде Цитовича играл литовский крестьянин Пуйдокас. До восстания он работал батраком у помещиков и ксендзов, повидал жизнь, выучился грамоте. Энергичный и решительный крестьянин возглавил в отряде кавалерийскую группу в 30 всадников, объезжая окрестные деревни, уничтожал царскую администрацию, провозглашая свободу народа.

Слабым местом, как и везде, было вооружение. Закупленное в Пруссии оружие получить через границу не удавалось, а у местного населения не было даже охотничьих ружей. Повстанцы были вооружены чем попало, даже старые кремневые ружья и косы имели не все, но вера в победу и святость своего долга была у каждого. К сожалению, отряд Цитовича — один из первых отрядов, возникших в крае, просуществовал недолго, 26 марта (7 апреля) лагерь был неожиданно атакован карательным отрядом (четыре роты пехоты, три эскадрона). Цитович, прикрывая отход своих необстрелянных повстанцев, был убит. Отряд рассеялся. Только конники Пуйдокаса отошли организованно. Находившийся неподалеку отряд Длуского не пришел на помощь Цитовичу, так как Длуский был в это время отстранен от командования высшими повстанческими властями (Я. Гейштором). Гибель Цитовича дурно подействовала на окрестных крестьян, а царские власти даже пустили провокационный слух, что Цитович намеренно, по сговору с помещиками, устроил бойню восставших мужиков [56].

Из отрядов, возникших в Ковенщине в феврале — марте 1863 г. по приказу Длуского и Мацкявичюса, следует также отметить отряд Павла Шимкевича. Он был сформирован в Россиенском уезде, в окрестностях местечка Кроже и должен был вскоре соединиться с Цитовичем. Однако неудача под Цитовянами изменила обстановку. Шимкевич устанавливает контакт с Яблоновским. Его отряд играет роль резерва, поставляет для Яблоновского обученные кадры и вербует новые из окрестных крестьян. Численность отряда Шимкевича колеблется от 100 до 200 человек. Активных боевых операций отряд не ведет; его во-

оружение — охотничьи ружья и косы; офицерский состав — бывшие студенты и чиновники, рядовые бойцы — исключительно крестьяне. Сам Шимкевич, не имевший необходимых военных знаний, не считал себя военачальником и избегал сражений. Главная заслуга отряда — привлечение крестьян к борьбе, умело поставленная пропагандистская работа по селам, активная реализация манифеста о наделении крестьян землей. Для этого была создана конная группа в 30 всадников, которая постоянно находилась в разъездах, посещала окрестные села, ярмарки, отважилась даже ворваться в местечко Ворни — место пребывания епископа Валанчуса. Повсюду, где появлялись повстанцы, провозглашалось прекращение феодальных повинностей и переход земельных наделов барщинных крестьян в их собственность.

Умело использовали восставшие и костелы. В то бурное время храмы были не только местом богослужения, но и своеобразными ярмарками новостей, местом обмена вестями, встреч с односельчанами, соседями, путниками. Это обстоятельство повстанцы, отлично знавшие местные нравы и привычки, умело использовали. Входя в села, капеллан отряда выступал с проповедью около храма, разъясняя смысл борьбы, оглашал воззвания революционного правительства. Это производило огромное впечатление на собравшихся. Всегда объявлялись добровольцы, но приходилось брать только тех, кто имел оружие. Молодые крестьянские девушки просились в отряд, нередко высказывалась готовность восстать всем селом.

Конные группы повстанцев уничтожали царскую администрацию, налоговые документы. В 18 волостях повстанцы Шимкевича передали власть в руки самих крестьян, которые избрали на мирских сходках новых старшин. Крестьяне окрестных деревень всемерно помогали повстанцам. Помещики же ненавидели их и распространяли всякие небылицы. «Они нас упрекали,— вспоминал один из повстанцев,— в бездеятельности и беспечности. Им было жаль свои припасы, жирные окорока и старку, конфискованную нами». Это заявление дополняется ценным свидетельством командира повстанческого отряда Люткевича (из отставных офицеров), действовавшего в Ковенской губернии в контакте с Мацкявичюсом и Писарским. Он жаловался, что созданные им отряды, состоящие из литовских крестьян, встречают сильное противодействие помещиков, примкнувших к восстанию, и даже частично распадаются. Высшее сословие здешнего населения, по словам Люткевича, разваливает повстанческую администрацию [57].

Один из самых крупных отрядов Ковенщины был создан отставным майором русской армии Томашем Кушлейкой и насчитывал до 800 человек, половину которых составляли крестьяне-косинеры. Отряд имел структуру полка, был разбит на батальоны и роты. Организации и обучению придавалось большое зна-

чение. Руководство отряда стремилось вести пропаганду среди окрестных жителей и выпускало с этой целью специальные обращения к народу, которые писал чаще всего адъютант отряда Янковский — бывший член московского «Огула». Повстанцы были вооружены старыми охотничьими ружьями с кремневым затвором; исключением были штуцера и револьверы, вывезенные студентами из Москвы. Не хватало и командных кадров. Когда отряд был сформирован и обучен, Кушлейко вывел его из лесов. Проходя через селения, повстанцы обнародовали манифесты о прекращении повинностей и наделении крестьян землей. Население встретило повстанцев радушно, многие изъявляли готовность примкнуть к отряду, но нечем было вооружить их. Янковский вспоминает, что только из одних крестьян можно было легко создать корпус, было бы оружие. Особенной активностью отличались государственные крестьяне. Будь оружие, они, по словам Янковского, пошли бы в восстание все как один. Несколько иным было отношение временнообязанных крестьян, которые иногда выступали и против повстанцев. Правда, таких случаев весной было мало.

20 марта (1 апреля) лагерь отряда Кушлейки у деревни Ленчи был атакован карателями (шесть рот пехоты, два эскадрона кавалерии). Под натиском превосходящих сил повстанцы начали отступать, но в решающую минуту к месту боя успел подойти из Мегян отряд Длуского, что помогло повстанцам отбить атаку неприятеля. Длуский в связи с этим замечает, что обычно его отряд, отражая атаки карателей, не нес больших потерь, потому что повстанцы были обучены методам партизанской войны, стреляли, как правило, из-за укрытия, умело использовали лесистую местность. Только офицеры, руководившие боем, шедшие во время атак и контратак впереди других, чтобы личным примером ободрить рядовых, часто выходили из строя. Так, в бою под Ленчами был убит командир роты, бывший студент Московского университета Амброжевич — герой Мегянского боя [58].

Прослеживая процесс формирования первых повстанческих отрядов в Литве, нетрудно заметить, что активную роль в нем играли студенты, в особенности студенты Московского и Петербургского университетов — члены нелегальных революционно-демократических кружков. Многие участники студенческого движения в 1860—1861 гг. оказались на полях Литвы: Когновицкий, Вислоух, Курнатовский, Амброжевич, Дорогостайский, Янковский, Далевский, Дарошкевич и др.

Из этой же среды вышел и прославленный партизан Болеслав Колышко (1838—1863) [59]. Еще во время учебы в Московском университете он проявил себя сторонником демократических принципов, был членом «Огула», принимал активное участие в студенческих демонстрациях, за что был арестован. В 1861 г. Колышко покинул университет и выехал за границу с целью

получения военного образования и установления связей с революционной эмиграцией; был в Париже, поступил в военную школу в Кунео, где пробыл около трех месяцев.

В конце февраля 1863 г. Колышко появился в Литве и приступил к формированию отряда в Поневежском уезде в лесах по берегу реки Дубиссы. В отряд первоначально вошли исключительно крестьяне окрестных деревень. Вскоре отряд Колышки соединился с группой молодежи, вышедшей под руководством студента Жарского из Ковно (студенты, гимназисты, мелкие чиновники). Образовался отряд в 60—70 человек, «по большей части были люди с некоторым образованием». Руководство принял на себя Колышко по просьбе Жарского, поддержанной отрядом.

Демократические взгляды Колышки, твердость его характера, умение выслушать мнение других и принять правильный совет быстро завоевали ему любовь и уважение повстанцев. Вначале отряд был очень плохо вооружен. На 70 человек имелось несколько пистолетов и кос, 3 охотничьих ружья и несколько кинжалов. Местом формирования выбрали лес у деревни Высокий Двор. Дом лесничего служил штабом отряда. Начали оглашать по окрестным деревням декрет о прекращении повинностей и наделении крестьян землей. Отряд быстро рос за счет добровольцев из среды окрестных крестьян, молодежи и чиновников из ближайших местечек. Вскоре в отряд прибыла большая, но безоружная группа крестьян до 60 человек, собранная русским офицером Е. (фамилия осталась неизвестной). В свободное от походов и разъездов время Колышко обучал крестьян владеть оружием. В лагере завели походную кузню, гдо ковали холодное оружие, правили косы. Колышко поднимал на борьбу окрестное население, решительно проводя в жизнь декреты о наделении крестьян землей.

По донесению местных властей, отряд Колышки нападал на сельские управы и конторы управляющих, «захватывая и уничтожая все находящиеся в них бумаги», на помещичьи мызы, заставляя владельцев прекращать взимание повинностей с крестьян, реквизируя в имениях продовольствие, оружие, лошадей. Последовательно, решительно и твердо отряд осуществлял декрет о безвозмездной передаче земли в собственность крестьян и прекращении барщинных работ. Очень ярко это раскрывает приказ Колышки, датированный 27 марта (ст. ст.). «Пан Михаил Довгирд,— писал Колышко.— Проходя через ваше имение Добушишки, мы получили жалобу крестьян, что вы, в нарушение манифеста Национального правительства, продолжаете требовать от крестьян исполнения повинностей, гоните их на барщину, требуете чинш. Мы собрали крестьян и объявили им, что они свободны, что земля принадлежит им, что никаких повинностей они отбывать не должны и ваши действия продиктованы невежеством. Для предупреждения подозрений в отношении нашей

отчизны и ее вооруженных сил мы строго предупреждаем вас о необходимости точного исполнения воли Национального правительства. Приказываем вам немедленно собрать население волости, объявить декреты Национального правительства, прекратить всякие вымогательства. В противном случае встанем на защиту прав народных».

2(14) апреля 1863 г. Дубисский полк вошел в имение Михолово. Повстанцы не только реквизировали у помещика оружие и припасы, но заставили пана объявить собравшимся крестьянам о бесплатном наделе их землей и совершенном прекращении всех повинностей.

При получении приказов Колышки помещики обращались за помощью к царским войскам. В этом районе не могло быть и речи о сотрудничестве польских панов с повстанцами.

Сохранившиеся приказы Колышки о прекращении эксплуатации крестьян, широкое участие в его отряде сельской молодежи свидетельствуют о демократических взглядах командира Дубисского полка. Это подтверждается и следственно-судным материалом. «Я во всех моих действиях и поступках, — заявил позже Колышко, — имел всегда целью — добро моего отечества и шел по дороге, какая всем и мне казалась доступною для достижения того. Любя отечество свое, я вместе с тем уважал прочие народности».

Большую роль в создании и деятельности отряда Колышки сыграл Антанас Нарвойша. Колышко даже выразился однажды так: «Я только командую кадрами, которые он собрал». Формально Нарвойша числился капелланом отряда. Крестьяне-литовцы, сражавшиеся в отряде Колышки, указывали, что капеллан не только совершал богослужение, но и участвовал всегда в боях как рядовой солдат. Крестьяне на допросах отрицали навязываемое им членами следственной комиссии мнение, будто помещики подговаривали их присоединиться к повстанцам (в отряде Колышки, по их показаниям, не было ни одного помещика).

Антанас Нарвойша, происходивший из крестьян Поневежского уезда, с самого начала вооруженной борьбы призывал народ к восстанию, оглашал манифест Литовского комитета. Он ушел в отряд Колышки во главе большой группы крестьян-литовцев. По мнению следственной комиссии, Нарвойша «отличался между мятежниками особенной деятельностью и предприимчивостью, так что предводитель шайки Колышко еще в апреле 1863 г. в своем донесении к революционному начальнику Ковенского воеводства выразился в отношении Нарвойши, что отваге его нет границ».

Нарвойше и Колышке удалось привлечь под развернутое ими демократическое знамя большие массы литовского крестьянства. Однако было бы неправильным изображать их действия среди

крестьян как сплошной триумф. Политическая неразвитость крестьян, происки царских чиновников, ошибки центральных органов восстания часто затрудняли приток добровольцев в повстанческие отряды. Характерен следующий эпизод, фигурирующий в показаниях Нарвойши. Колышко был разгневан саботажническими действиями помещиков, срывавших реализацию аграрных декретов повстанцев, и когда «узнал, что крестьяне-бобыли идут на барщину [к пану Довгирду в имение Добушишки], написал строгий приказ Довгирду, чтоб не смел гнать людей на барщину под опасением смерти. Когда же ни один из крестьян этой деревни, так сильно протежированной, не пошел добровольцем в отряд, Колышко заявил Нарвойше: „Правду говорил виленский генерал-губернатор Назимов, что свободы, которую объявляет революция, помещики не достойны, а крестьяне не понимают, — правду, ей-богу, правду"».

После соединения с отрядом русского офицера Б. и группой Нарвойши Колышко разбил Дубисский полк на три батальона, которыми командовали Жарский, Б. и Родович. Полк, насчитывавший до 400 человек, опирался на помощь населения, в особенности крестьян, от которых, по словам Колышки, поступали продовольственные припасы «частью за деньги, а часть и безденежно». Необходимые средства отряд получил от Яблоновского (Длуского).

Проведя тяжелые бои с карателями, Дубисский полк сохранил основной состав, оружие и закалился в боях. Первое боевое крещение полк получил 18 (30) марта (по данным Зелинского, на день раньше). В своем лагере он был неожиданно атакован отрядом майора Степанова (рота пехоты и сотня казаков). «День был туманный, — писал позже Колышко, — и отряд войск, пользуясь этим, снял наш пикет и успел подойти к аванпосту незамеченным. Аванпост отступил с мызы». Войска сожгли дом лесничего, в огне погибло 15 живущих там мирных жителей. В это время главный отряд стал заходить войскам в тыл, и они, заметив это, отступили. Отряд был спасен благодаря отваге Колышки. Он первым заметил опасность, не растерялся, собрал бойцов, предпринял контратаку.

Но все же во время этого неожиданного нападения часть отряда (до 200 человек), не имевшая оружия, разбежалась, 16 человек было убито, обоз потерян. С оставшимися людьми (свыше 200 человек) Колышко двинулся к лагерю отряда Кушлейки к деревне Ленчи. Здесь, по его словам, 5 апреля (ст. ст.) произошел упорный бой, не принесший никому победы. «Мы атаковали подошедшее войско в составе трех рот Нарвского полка, эскадрона улан и сотни казаков,— вспоминает Колышко. — Нас было вооруженных до 600 и невооруженных 100 человек. Мы атаковали, но после двух- или трехчасовой перестрелки и войско и мы разошлись в свои стороны, и на другой день я воз-

вратился в Геловский лес». Свидетельство других участников, в том числе Длуского, в общем совпадает с оценкой Колышки, но дата боя у Длуского 3 апреля (н. ст.). В бою повстанцы потеряли 7 убитыми и столько же ранеными, но 120 косинеров разбежались в начале боя.

Последующие дни отряд Колышки провел в беспрерывных маневрах, сражаясь с превосходящими силами врага. Положение осложнялось тем, что в тылу лагеря повстанцев находилось крупное имение генеральши Кейсаровой, крестьяне которого, непрерывно бунтовавшие в 1861 — 1862 гг., люто ненавидели помещиков, но были сбиты с толку царской администрацией и считали восстание затеей помещиков, направленной к возврату барщины. Усилия Колышки разубедить их не увенчались успехом. «При дурном расположении крестьян генеральши Кейсаровой, — писал позже Колышко, — занятие позиции в тылу московских войск было для меня невозможным». Есть также данные, что и в некоторых других имениях (например, Довгирда) Колышко не получил от крестьян ожидаемой помощи, что, естественно, не могло не затруднить его борьбы с царскими войсками.

После боя под Ленчами отряд Колышки, оставшийся единственным в уезде, «беспрерывными маршами поддерживал свое существование», — вспоминал Колышко. «Когда московские силы Россиенского уезда были направлены против Цитовича, то я, пользуясь минутою свободы, решился уничтожить сообщение между Ковно, Юрборгом и Кейданами. С этой целью выслал отряд под Кейданы для сломки мостов и уничтожения сельских правлений, а сам с другим отрядом занял местечко Эйраголы (Арегала). Соединиться все мы должны были за рекой Дубиссой».

30 марта (11 апреля) в Эйраголах группа Колышки, состоявшая из 80 стрелков, была атакована батальоном пехоты и двумя эскадронами. Повстанцы с боем отступили. Отход прикрыл заслон из 13 человек под командой бывшего юнкера Константиновского училища Тадеуша Немциновского, который пал в бою. «Имя его, — писал Колышко в рапорте, — увенчанное славою, не погибнет никогда в нашей памяти». Маневр Колышки в Эйраголах — одна из самых искусных операций повстанцев весной 1863 г. Имея против себя огромные силы, окружившие лагерь с четырех сторон, Колышко, выслав один отряд для порчи коммуникаций, вырвался из кольца окружения.

В практике действий повстанцев-демократов (отряды Мацкявичюса, Писарского, Колышки, Битиса и др.) были случаи расправы с ненавистными угнетателями народа (сечение помещиков и чиновников, уничтожение усадеб и т. д.), что свидетельствует о применении повстанцами (или частью их) «Повстанческой инструкции» Литовского Провинциального комитета. Практика

правительства «над всем краем Литовским и Белорусским» — это революционный демократизм в действии. Не случайно генерал Ратч обвинил Калиновского в том, что он готовил восстание в крае по образцу, выработанному Герценом, что Калиновский и его товарищи были убеждены, что восстание крестьян Литвы и Белоруссии послужит ободрительным примером для мужиков соседних великорусских губерний [60]. Характерно, однако, что, делая подобные признания, Ратч ни словом не обмолвился о таких документах, как «Повстанческая инструкция» Литовского Провинциального комитета, хотя превосходно знал их. Экземпляры этого документа сохранились в коллекции В. Ратча до наших дней.

Задача превращения начавшегося в Польше восстания во всероссийскую крестьянскую революцию была поставлена руководством «Земли и воли» в первые же дни начавшейся борьбы. Еще до восстания, видя приближающийся взрыв, Герцен в «Колоколе» обращался к революционным группам в русской армии, стоявшей в Польше: «Крестьянин землею не поступится, он наверное упрется; восстань тогда Польша, бросьтесь вы с вашими и их солдатами в Литву, Малороссию во имя крестьянского права, и где найдутся силы противодействовать? Волга и Днепр откликнутся Вам, Дон и Урал» [61].

Весной 1863 г. необходимость дальнейшего расширения борьбы на восток была очевидной. Она была четко сформулирована руководством «Земли и воли» в воззвании «Льется польская кровь, льется русская кровь». В нем русская армия призывалась в союзе с польским народом обратить свой меч на общего врага. «Выйдите из Польши, возвратите ей похищенную свободу, — говорилось в обращении, — и идите к нам, в свое отечество, освобождать его от виновника всех народных бедствий — императорского правительства» [62]. За реализацию этого замысла боролась в Польше группа А. Потебни, которая стремилась создать в Польше отряд, присоединиться к восставшим полякам, а затем уйти в Россию, поднимать народ за землю и волю [63].

В осуществление этого замысла «Земли и воли», в борьбе за расширение района восстания и демократизацию его огромное значение имели действия революционных сил Белоруссии и Литвы. Именно здесь решался вопрос — перерастет ли начавшееся восстание в аграрную революцию, и, говоря словами Герцена, как дрожжи с литовской окраины зашевелит всю Россию. Прекрасно это своеобразие Литвы и Белоруссии было раскрыто в те дни Н. П. Огаревым. 29 марта 1863 г. он писал Печерину: «Если революционная Польша не восстановит народ, она не выиграет дела. А восстановить она его может только отдачею земли. И вот, вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы. Зачем же они враждуют? Где возможно примирительное соприкосновение? Смело отвечаю: в Литве. В Литве

народ примкнет к революции, если она отдаст ему землю. А она на это решилась...»[64]

Сохранились и дошли до нас волнующие документы, свидетельствующие о том, что повстанцы Белоруссии и Литвы, подняв оружие, надеялись, что в скором времени восстание распространится на территорию всей страны. Они понимали значение своего героического сопротивления царизму для общего дела свободы народов всей страны. Так, например, 5 (17) февраля 1863 г. повстанцы, находившиеся в Беловежской пуще, обратились к русской молодежи с призывом восстать, используя отсутствие в центре страны крупных воинских сил[65].

Подводя итоги первых недель борьбы повстанцев Литвы и Белоруссии, нельзя не отметить две основные черты — стремление вовлечь в борьбу широкие массы крестьянства, передать в его руки судьбу края и расширить район восстания на восток, распространить борьбу на великорусские губернии. Широкое участие крестьян в восстании, повсеместный отказ их от условий реформы 19 февраля 1861 г., истребление царских отрядов, усмирявших непокорные села, учащающиеся случаи выступления демократических сил восстания против дворянского сословия и феодальной собственности, — все это показывало, что есть все условия для успеха задуманного.

Задача превращения восстания в аграрную революцию начала успешно осуществляться. И в этом большая заслуга революционной группы Калиновского — Мацкявичюса. Она умело руководила борьбой. Поддержав восстание в Польше, Калиновский, Мацкявичюс, их соратники в то же время приняли меры к смягчению ошибок жонда, препятствующих вовлечению крестьян в борьбу, обеспечили за собой самостоятельность, проводили демократический курс.

В сложной противоречивой обстановке группе Калиновского, Врублевского, Мацкявичюса пришлось бороться на два фронта — против правых элементов в лагере повстанцев и против сил крепостнической царской России. Первые подрывали ряды внутри, последние стянули огромные военные силы, пойдя одновременно на уступки крестьянству в надежде отвлечь его от восстания.

В рапорте Назимову Манюкин извещал, что офицеры и генералы представляют ему «манифест Литовского комитета о даровании крестьянам без выкупа земли за участие в восстании», что повстанцы «по занятии какой-нибудь деревни истребляют уже заключенные грамоты, как, например, в деревне Рудки, и объявляют крестьянам, что земля принадлежит им бесплатно». Манюкин подчеркивал, что «крестьянский вопрос имеет большое значение на тот или другой оборот восстания», так как крестьяне особенно упорно сопротивляются принятию уставных грамот, а близится срок окончания их введения: «Прошу инструк-

ций, как поступать в том случае, если гражданская власть будет требовать, как в настоящее время, военную силу для экзекуции. Отделение для этой цели мелких частей войск может привести к истреблению их мятежниками, как в Рудке; независимо от того, после 19 февраля требования экзекуции будут неминуемо очень часты и многочисленны. Следовательно, это поведет к ослаблению частей, имеющих в настоящее время главную цель в действиях против польских мятежников» [66].

Генерала тревожила мысль, что приближается время, когда крестьяне, поголовно отказывающиеся от условий царской свободы, найдут общий язык с повстанцами. Манюкин понимал, что у правительства не хватит сил подавить в этом случае восстание. Он призывал к отступлению, чтобы выиграть время и разгромить сознательных врагов самодержавия и помещиков, к уступкам в пользу крестьян. Наиболее четко эта мысль выражена в обращении генерала к царю: «Нет надежды на сколько-нибудь легальный исход крестьянского дела. Инсургенты, занимая какую-нибудь местность, торжественно сжигали оконченные уставные грамоты, объявляя крестьянам, что помещичьи земли принадлежат им» (подчеркнуто нами. — *А. С*). Манюкин требовал усилить войска, посланные для подавления восстания, и в противовес революционной пропаганде, предлагавшей «даром землю и все, о чем постоянно мечтают крестьяне», сделать значительные уступки в пользу последних. «Время не терпит, — писал генерал, — нужно быстро действовать некоторыми реформами... неотразимо необходимо дарование новых прав экономических и юридических крестьянам в ущерб здешнему дворянству» [67].

Манюкин требовал уступок крестьянам для предотвращения демократизации восстания. Он недвусмысленно указывал, что крестьяне отвергли условия реформы 19 февраля 1861 г. Правительство не может в создавшейся обстановке навязать им эти условия силой оружия. Если политика правительства не изменится, последует присоединение к восстанию огромных масс крестьянства. Восстание станет неодолимой силой.

В своих опасениях генерал был не одинок. С подобными же предложениями ко всесильному шефу жандармов обратился полковник Лосев. Он указывал, что повстанцы широко популяризируют среди крестьян декрет о наделе землей, что «распространение между ними таких заманчивых в несчастном быту прокламаций произвело на них сильное впечатление». И далее: «Если правительство желает удержать на своей стороне массы крестьян, то должно немедленно воспользоваться тем же оружием, которым действует и революционное правительство, обнародуя следующее:

„Вся земля, находящаяся в пользовании крестьян, теперь же отдается в полное, потомственное их владение, и затем все

обязательные отношения их к помещикам навсегда прекращаются..., но непременно с большею против прежних предположений льготою для крестьян относительно выкупа земли“». Лосев также предлагал экономические санкции против помещиков, подозреваемых в содействии восстанию [68].

18 февраля (2 марта) Назимов поддержал предложение Манюкина и Лосева. Он указывал, что манифест революционного правительства, «совпадая с ожиданиями и стремлениями всего сельского сословия, не преминет поставить местные власти почти в безвыходное положение, если только крестьяне, как надо полагать, окончательно откажутся отбывать всякие повинности в отношении помещиков». Назимов указывал на огромную опасность объединения польского национального и социального движения: «Польская партия, подкрепленная многотысячным сословием русских крестьян, будет представлять громадную цифру населения, недовольного существующим порядком вещей» [69].

Первые же шаги повстанцев в Белоруссии и Литве, направленные к привлечению крестьян к восстанию, вызвали страх царских властей. Под давлением революционных сил царское правительство всерьез занялось обсуждением вопроса о внесении изменений в реформу 1861 г. Но и повстанцы не сидели сложа руки. Пока писались донесения Лосева и Назимова, в пущах Беловежи и Поневежа создавались новые повстанческие отряды. Революционная молодежь, повинуясь приказу Комитета и велениям своего сердца, покидала города, устремляясь к лагерям формирования повстанческих отрядов. Обстановка требовала от царского правительства несколько не обычных для него решений.

Надо признать, что в данном случае царизм действовал с не обычной для него быстротой. Прошло менее месяца после получения из Литвы первых тревожных донесений, а предложения Манюкина и Назимова уже прошли обсуждение в высших бюрократических инстанциях и получили силу закона. Поразительная быстрота! Ведь десятки лет обсуждался крестьянский вопрос при Николае I. Сменялись составы и наименования секретных и тайных комитетов, составлялись и отвергались проекты и доклады — и ничего не изменялось в тяжкой доле мужика. Севастопольская трагедия, позор родины и общее негодование народа заставили всерьез взяться за разработку реформы. Но понадобилось долгих пять лет, чтобы ее подготовить. Своим сопротивлением помещикам, нетерпением, бунтами крестьяне вырвали свободу, похоронили проект безземельного «освобождения», отвоевали усадебный, а затем и полевой надел земли. Теперь солидарностью с восставшей Польшей, героическим сопротивлением, прямым истреблением карательных отрядов они похоронили манифест 19 февраля. В страхе перед повсеместным восстанием, перед угрозой реализации народными массами

русско-польского революционного соглашения царизм шел на новые уступки крестьянству. Чем сильнее была революционная борьба, тем быстрее принимались, шире делались уступки правительства крепостников.

1(13) марта 1863 г. царь предложил сенату отменить с 1 мая «все обязательные поземельные отношения между помещиками и населенными на их землях временнообязанными крестьянами» в большинстве уездов Белоруссии и Литвы. Было также объявлено о снижении на 20% выкупных платежей. Для более быстрого ознакомления с этой новой царской «милостью» войскам, посланным на подавление восстания, «было приказано при движении объявить эту новость во всех селениях, лежащих на пути, и всем встречным крестьянам». «Мужики,— вспоминают каратели,— выслушивали это как-то недоуменно и недоверчиво». Царский манифест 1 марта пропагандировался многочисленной ратью попов, чиновников, жандармов. Характерно, что Лосев, объезжая деревни Вилейского уезда, не только объявлял о прекращении повинностей в пользу помещика, но и провозглашал право населения обучать детей на белорусском языке. В письме к шефу жандармов Лосев признавал, что эти крайние меры вызваны массовым недовольством крестьян и действиями революционной партии [70].

Крестьяне не были удовлетворены манифестом 1 марта, так как он оставлял землю у помещиков, сохранял выкуп. «Северная пчела» от 5 марта 1863 г. писала в корреспонденции «Из Вильно»: «Крайнее польское направление дошло до того, что стремится привлечь крестьян на свою сторону обещанием предоставления дарового надела с освобождением их от всех повинностей... Единственный исход заключается в скорейшем прекращении всяких обязательных между помещиками и крестьянами поземельных отношений. Для сего надлежало бы облегчить и ускорить в этом крае выкуп крестьянских угодий» [71]. Обстановка в крае сложилась так, что крестьяне повсеместно прекратили отбывание повинностей в пользу помещиков и царские власти не имели сил помешать этому. Требование манифеста царя о продолжении повинностей до 1 мая 1863 г. осталось на бумаге.

В заметке «Известия из Вильно» от 23 марта 1863 г. «Северная пчела» сообщала, что в Ковенской губернии возникли и действуют «довольно сильные» повстанческие отряды. Они состоят «преимущественно из молодежи, скрытно убегающей из городов (мастеровые, мелкие чиновники, гимназисты)». Автор заметки далее указывал, что манифест 1 марта широко пропагандируется властями, что для этого повсюду разосланы старшие офицеры с воинскими командами и «крестьяне верят одному царскому слову». Однако уже в корреспонденции от 4 апреля признавалось, что «Мужицкая правда» превратилась в «летучие листки», иными словами, получила широкое распространение

среди крестьян. Несмотря на объявление манифеста, крестьянское недовольство не утихало. Про обстановку в Витебской губернии газета писала: «Большая часть сельских обществ еще до объявления указа прекратила отбывание издельной повинности..., уклонялась от работы по найму... В два особенно беспокойных имения (Пошмуковской и Берзыгальской волостей) введены были воинские команды, а в остальных имениях недоразумения крестьян... были прекращены личным объяснением начальника губернии их обязанностей. Причем он был вынужден подвергнуть полицейскому наказанию нескольких наиболее упорных крестьян и отрешить от должности с заключением в тюрьму одного волостного старшину и одного старосту, которые поощряли крестьян не отбывать барщину» [72]. Даже проправительственная печать не могла скрыть острого недовольства крестьян и отмечала необходимость новых уступок. Эта же мысль, но еще более открыто, излагалась в неофициальной переписке лиц, руководивших карательными действиями.

Полковник Генерального штаба А. Гейнс, принимавший активное участие в карательных экспедициях как в Белоруссии, так и в Польше, признавал в письмах к генералу Кауфману, что манифесты царя, дарующие новые уступки крестьянам в Польше и западных губерниях,— мера вынуждения. Правительство законодательно признало только то, что крестьянство уже осуществило в жизни и что изменить было уже не в состоянии — «крестьяне до окончания восстания все равно не исполняли бы своих обязательств по отношению к помещикам». Это был, по мнению полковника, вынужденный, но умный маневр. Меры, принятые правительством, не затрагивали коренных интересов дворянства, «помещики, говоря вообще, проигрывают от реформы весьма мало».

Письмо Гейнса проливает свет на подлинные мотивы деятельности царских властей: «Говоря языком неофициальным, крестьяне вовсе не симпатизируют русским (т. е. царской администрации. — *А. С.*), они даже не любят нас, но они еще больше не любят панов. По противоположности своих интересов с панскими и по количеству исторической ненависти к шляхте крестьяне должны были быть нашими естественными союзниками. Между тем они нам не доверяли, а главное, имели на то основание. Крестьяне Волыни и Подолии безусловно и решительно стояли противу восстания, воплощая в последнем панские начала. Крестьяне Гродненской и Виленской губерний были равнодушны к борьбе, даже частью склонялись в сторону восставших, крестьяне-католики Ковенской высказывались против России. От того ли крестьяне некоторых частей Западной России, например Гродненской и части Виленской губерний, не знают своей национальности или от чего другого, но только русские крестьяне этих местностей смотрят недоверчиво на

русских же. Это недоверие шло так далеко, что, не в укор официальным донесениям, многие русские крестьяне принимали участие в восстании». Приведя ряд случаев активного участия в борьбе крестьян и попыток скрыть это участие (например, отпуск пленных крестьян под Семятичами), Гейнс подытоживал: «Я позволю себе сказать, что крестьяне и тут, как в Польше, имели некоторое право на недоверие к нам».

Причиной недоверия и враждебности крестьян к царскому правительству Гейнс считал подавление силой оружия их волнений предшествующих лет. По его словам, крестьян «секли и штрафовали представители русского правительства. При помощи наших войск, которые ходили на экзекуции весь 1861 г., ...сделано все, чтобы восстановить их [крестьян] против России». Гейнс даже признал, что и в 1863 г. карательные войска (а следовательно, правительство) продолжали усугублять эту ошибку и этим только усиливали восстание: «Крестьян весьма часто секли нагайками, называя эту процедуру допросом или добыванием языка. Солдаты не всегда вели себя осторожно, иногда шалили (тоже техническое выражение)».

«Вопрос об удаче или неудаче революции, — продолжал Гейнс, — состоял в том, кто из двух сторон — революционная или правительство — успеет первым связать свои интересы с интересами крестьян. Революционеры давали уже давно пышные обещания и одним этим произвели на крестьян сильное впечатление». Это было в начале восстания, когда «помещики были враждебны сумасшедшему, как они тогда говорили, порыву молодежи», когда «во всех деревнях оглашался декрет 22 января 1863 г., которым земля, обрабатываемая доселе крестьянами, отдавалась им безвозмездно на вечные времена» и они «немедленно перестали исполнять свои повинности», и никто из них не передал властям документов, выданных повстанцами на введение крестьян в собственность землею. По мнению Гейнса, этот шаг повстанцев — главная причина «упорного равнодушия крестьян к нам во все время борьбы» [73].

Манифест царя от 1 марта 1863 г. — серьезная уступка крестьянству — показывал, что у правительства не было сил бороться против аграрного крестьянского движения в Литве, Украине, Белоруссии одновременно с борьбой в Польше. Оно шло на уступки, видя повсеместный отказ от условий реформы 1861 г.

Уступки и репрессии, пряник и кнут, истребление наиболее сознательной и упорной части борцов, запугивание и задабривание массы несознательных, раскол антицарских, антифеодальных сил — вот основные черты правительственной политики, ясно определившейся уже к началу марта 1863 г. В зависимости от конкретных условий, от силы сопротивления и степени сознательности действий бунтующих и восставших власти манев-

рировали, стремясь сосредоточить силы в решающем пункте, выиграть время.

Весной, когда восстание охватило Белоруссию и Литву, царь, не ограничиваясь изданием манифеста 1 марта, спешно подписал 17 (29) апреля указ об отмене телесных наказаний в армии и поручил министру внутренних дел Валуеву подготовить проект преобразования Государственного совета в некое представительное учреждение путем расширения его состава делегатами дворянства, купечества и пр. Связь уступок, маневрирования для сохранения основных позиций крепостников с ростом революционного движения не вызывает сомнений.

Восстание в Польше, Белоруссии и Литве встревожило царские власти. Многим высшим чиновникам, по словам Милютина, «Положение дел представлялось в весьма мрачном виде, получаемые с разных сторон известия были крайне неблагоприятны». Царь говорил о своих советниках, что «все они потеряли голову». Даже Муравьев-Вешатель, хваставший впоследствии своей невозмутимостью, в январе 1863 г. говорил близким лицам: «Нам и думать нечего об удержании Царства Польского, а надо употребить все средства к удержанию наших западных губерний, в которых большая часть образованного сословия состоит из лиц польского происхождения». Характерно, что сам Александр II, по словам Милютина, «черпал уверенность в высшем промысле, в особом покровительстве божием», но «под видом наружного спокойствия был, однако, сильно озадачен» [74].

На самом деле сила царского правительства была, конечно, не в промысле божьем, а в штыках. В Северо-Западном крае к началу восстания были расположены 1, 2, 3-й пехотные и 1-я кавалерийская дивизии. После начала военных действий в край спешно перебросили 2-ю гвардейскую дивизию в составе Финляндского, Павловского, Московского и лейб-гренадерского полков. В январе 1863 г. в Виленский округ была направлена конная гвардия — уланский и гусарский полки и гвардейская конная артиллерия. Всего в округ было послано из гвардейского корпуса четыре полка и один батальон пехоты, два полка кавалерии и артиллерийская батарея.

В течение марта — апреля 1863 г. в Виленский округ было переброшено еще два казачьих гвардейских полка (атаманский и сводный) из Петербурга, один казачий полк из Киевского округа и пять казачьих полков, досрочно призванных и мобилизованных, с Дона. Кроме того, войска Виленского округа получали в случае необходимости поддержку частей, расположенных в Киевском военном округе (8 и 9-я пехотные дивизии, 5-я кавалерийская дивизия, 2-я резервная кавалерийская бригада и четыре казачьих полка). Как видно из письма генерал-губернатора Анненкова Милютину от 13 февраля 1863 г., он

перебросил в Литву казачьи полки: «Литва действительно опасна. В Литве надо кончить с мятежом непременно нынешним летом».

«Расположение наших боевых сил, — вспоминает Д. Милютин, — к концу июня было следующее: в Варшавском военном округе находилось 106 батальонов, 147 кавалерийских эскадронов и казачьих сотен и 192 орудия, всего 141 тыс. В Виленском военном округе: 101 батальон, 97 сотен и эскадронов и 122 орудия, всего 123,5 тыс. В Киевском округе: 54 батальона, 84 эскадрона и сотен, 196 орудий, всего 77,5 тыс. Войска этих трех округов, составлявшие 342 тыс. штыков и сабель, принимали непосредственное участие в подавлении восстания».

Итак, против повстанцев Белоруссии и Литвы действовала 120-тысячная полевая армия, не считая батальонов внутренней стражи, инвалидных и этапных команд, полиции, охранявших различные объекты, коммуникации и этим освобождавших регулярные войска для активных боевых действий. Наиболее насыщены войсками были Ковенская губерния, где находились 56 рот пехоты, 24 эскадрона кавалерии и 2 казачьи сотни при 24 орудиях, и Гродненская — 67 рот пехоты, 7 эскадронов кавалерии и 6 казачьих сотен при 38 орудиях[75].

4. Присоединение к восстанию дворянства. Роспуск Литовского Провинциального комитета

Национально-освободительное движение все более перерастало на территории Белоруссии и Литвы в антифеодальное, аграрное. Массовое участие крестьян в повстанческих отрядах нагоняло на помещиков страх, заставляло искать спасения под защитой царских войск. «Разнесся слух, — писал новогрудский помещик Кашиц, — что будут резать помещиков, и я видел общий страх, общее уныние, общую решимость избегать сношений с революционерами, особенно с молодежью, опасаясь какой-нибудь печальной для себя катастрофы». По его словам, «самыми опасными для помещиков» были агенты Литовского комитета, отзывавшиеся о них с большим негодованием: «Да погибнут все они от наших рук». «Опасение крестьянских взрывов, — писал помещик Бохвиц, — террора революционного и преследований правительства производили в умах панику и моральную эпидемию. Мятеж по очереди вспыхивал в разных местах»[76].

Помещичья группировка («белых»), возглавляемая Гейштором, Оскеркой, Старжинским, Еленскими, в первые дни восстания в Царстве Польском заняла позицию выжидательную, не веря в силы восставшего народа, но и открыто не высказываясь против восстания. Съезд представителей дворянства, состоявшийся 25 января (ст. ст.) 1863 г., не принял никакого

определенного решения, а поручил Гейштору сформировать комитет «белых», парализовать действия Литовского Провинциального комитета, стремившегося поднять на борьбу крестьянские массы. Однако, несмотря на усилия комитета «белых», отряды восставших множились. Литовский Провинциальный комитет приобретал все больший авторитет. Его представители на местах оглашали повсюду манифест о земле. Крестьянство Ковенской и Гродненской губерний стекалось к партизанским лесным базам. Положение «белых» становилось критическим. «Я со своей стороны чист, — писал позже Гейштор. — Я восстанию ничем не способствовал, но когда оно уже было, я его не в силах был воздержать. Страна была в пламени» [77].

Гейштор и руководимая им группа «белых» были противниками провозглашенных повстанцами аграрных преобразований. «Ошибочно было действие правительства [Национального], которое для увеличения массы народа [в восстании] даровало ему землю», — писал Гейштор. Действия Литовского Провинциального комитета, предпринятые для осуществления аграрных реформ, рост отрядов, активизация крестьян заставили помещичью партию изменить позицию. Помещики вынуждены были пересмотреть свою тактику, изменить форму борьбы с революционной демократией. «Что Комитет прежний (Провинциальный.— *А. С.*) был недеятельным, этого сказать нельзя,— отмечал Гейштор, — ибо его старанием во многих уездах началось восстание». Заявляя, что действия Комитета «не имели большого успеха», Гейштор все же признал, что Калиновский и его друзья повсюду обнародовали аграрные манифесты, призывая к наделу крестьян землей и отказу от работ на помещика. «Это было одним из главных поводов принятия нами участия в восстании, ибо после такого объявления без принятия участия помещиков они становились в положение критическое» [78].

Несмотря на саботаж польских помещиков, восстание не погасло, к чему стремился Гейштор, а приобретало характер народного движения, противодействовать которому, по словам Гейштора, «с каждым днем становилось все труднее. Самая благородная часть нашего юношества, возвращаясь из университетов, из-за границы, из гимназий, не могла оставаться хладнокровною при виде борьбы в Царстве Польском». Гейштор считал, что логика борьбы заставила его группу, помимо воли, принять участие в борьбе, грозившей вылиться в чисто аграрное, социальное движение. Помещичья партия, примкнув к борьбе, имела единственную цель — не дать восстанию развиваться в социальном, демократическом направлении, сохранить то, что еще было возможно: «Если бы помещики не приняли участия в восстании, то манифест о наделе землею, повсеместно объявляемый, поставил бы их в открытую борьбу с молодежью» [79].

Яснее не скажешь! С началом восстания угроза смерти, революционного суда и виселицы нависла над помещиками Литвы и Белоруссии. Конечно, польское дворянство в крае было недовольно национальной политикой царизма. Но основной и главной причиной изменения позиций помещичьей группировки был ее страх перед аграрной революцией. Повсеместное оглашение повстанческого аграрного манифеста, объявление крестьян собственниками земли, призыв к прекращению работ на помещиков, активизация трудящихся села и города, повсеместное формирование отрядов заставили помещиков перейти от тактики прямого срыва восстания, оказавшейся недейственной, к поискам иных, более гибких форм борьбы с революционной демократией. Два дополнительных фактора оказали ускоряющее воздействие на литовских «белых»: провозглашение диктатуры Лянгевича 26 февраля (10 марта) 1863 г., которое, по выражению Гейштора, «очень способствовало соединению всех», и активизация дипломатической деятельности западных держав, породившая уверенность в интервенцию последних. «Я не мог не поверить в интервенцию,— восклицал позже Гейштор,— легче было в апреле думать, что через полгода Варшава будет свободна, нежели в январе сказать, что восстание протянется до апреля» [80].

«Европейская пресса и известия, привозимые из-за границы,— писал Гейштор в другом показании,— до того были благоприятны нашему делу, что люди слабые и люди, умеющие всегда заготовить для себя счастливый выход, упрекали умеренную часть дворянства в бездействии. Все эгоисты, все впоследствии первые подписавшие адрес будто бы из патриотизма, стремились сблизиться с самыми крайними революционерами. Отряды появлялись один за другим..., всякую минуту можно было ожидать взрыва,... я видел, что при тогдашнем направлении будут гибнуть самые благородные люди без пользы и даже без сохранения характера войны народа за независимость... Я чувствовал, что восстание в руках людей моих убеждений, если не принесет окончательных результатов, все же останется верным традициям прошедшей нашей истории» [81].

Руководствуясь этими соображениями, Гейштор, по собственному признанию, в начале февраля (ст. ст.) связался с Временным Национальным правительством в Варшаве и сформировал новое руководство. В состав помещичьего комитета вошли: Гейштор — председатель и глава гражданской администрации (отдела внутренних дел), А. Оскерко — военный руководитель и начальник г. Вильно, А. Еленский — кассир, Ф. Далевский — хранитель печати, руководитель пропаганды, Н. Дюлоран — представитель Варшавского жонда, комиссар, заведующий внешними связями. Кроме того, в состав комитета был введен помещик Витебской губернии Игнаций Лопацинский, а Зыгмунт

Чехович оставлен в должности экспедитора. Гейштор предполагал также ввести в состав комитета И. Кеневича, имевшего большие связи и влияние в студенческих кругах и среди эмигрантов. Соответствующая администрация устраивалась и на местах, где ею заведовали: в Виленской губернии — братья Гедройц (князья), в Гродненской — граф Старжинский, граф Солтан, в Минской — помещики Лаппо и Пеликша, в Ковенской губернии во главе повстанческой администрации встал предводитель дворянства Л. Жилинский.

Интересные данные о позиции дворян Литвы приводит А. Сераковская. Она указывает, что представители крупных аристократических семейств — Тышкевичи, Огинские, Радзивилл, Тызенгауз и другие — не приняли никакого участия в восстании. На настроение же среднепоместного дворянства оказал воздействие слух о предстоящей интервенции западных держав и присоединение к восстанию помещиков Царства Польского, представители которых приезжали в Вильно и вели переговоры с литовскими дворянами. Было решено, что помещики Литвы примкнут к восстанию одновременно с «белыми» в Царстве Польском. Свидетельство Сераковской, дополняя следственные данные, показывает, что удар по группе Калиновского был задуман и осуществлен по инициативе тех же дворянско-буржуазных кругов, ставленником которых в Царстве Польском стал диктатор Мариан Лянгевич [82].

Анализ показаний членов комитета «белых», сопоставление их с мемуарными данными показывает, что до конца февраля группа Гейштора, действуя в контакте с Дирекцией «белых» в Варшаве, срывала формирование отрядов, способствовала всеми силами прекращению восстания, «волновавшего страну во время самых важных реформ» [83]. Образованный в самом начале февраля комитет «белых» в Вильно на первом же заседании 8 февраля (27 января) принял решение «погасить вспышки», действовал, как выразился Еленский, «сначала в духе совершенно мирном, стремясь по возможности парализовать выходки „красных“». В этом литовские «белые» находили поддержку Дюлорана и умеренных членов Национального правительства в Варшаве, считавших действия Калиновского и Литовского Провинциального комитета чрезмерно радикальными [84].

Комитет помещиков был утвержден Варшавским жондом и назван «Управлением, заведующим провинциями Литвы». Гейштор вспоминает, что 8 февраля состоялось первое заседание помещичьего комитета, на котором «все попытки поднять в наших провинциях вооруженное движение были решительно отклонены». Но, несмотря на противодействие учредившегося комитета, демократы продолжали проводить свои намерения в жизнь, формируя, вопреки воле помещиков, отряды повстанцев (Нарбут, Вислоух и др.). По признанию Гейштора, «восстание было

уже во всех губерниях, когда мы приняли должности (в комитете „белых".— *А. С.*)» [85].

Стремясь парализовать восстание, группа Гейштора не останавливалась перед необоснованными заявлениями о невозможности вооруженной борьбы, пыталась предотвратить возвращение на родину молодежи из университетов и военных академий. Соответствующий приказ был направлен помещиками в Москву в студенческий «Огул». Получив известие о восстании, члены «Огула» вошли в контакт с революционными властями в Вильно, выслав туда Титуса Далевского, который известил товарищей, что приказано молодежи ждать. Однако мало кто послушал приказ помещичьего комитета. Большинство молодежи выехало в Литву поодиночке, чтобы не вызвать подозрения у полиции. В течение марта — апреля члены «Огула» с небольшими партиями оружия примкнули к отрядам Мацкявичюса, Кушлейки, Вислоуха, заняв в них командные должности. Попытки помещичьей группы не допустить вступления революционного студенчества в борьбу провалились [86].

Стремясь помешать демократизации восстания, помещичий центр стал назначать по всему краю своих представителей, вырывая у революционных демократов руководство на местах. Помещик К. Кашиц указывал, что он получил назначение на пост начальника Новогрудского уезда и приказ «сдерживать революционные стремления Борзобогатого и подобных им личностей (доктор Борзобогатый, порывы которого, как мне казалось тогда, даже сам Комитет сдерживал, был мне предшественник как комиссар Новогрудского уезда)». Враг восстания, Кашиц признавал, что «белые» занялись для видимости формированием отрядов, чтобы «исполнить отчасти требования революционной партии». «Приехав в Новогрудок для свидания с Борзобогатым,— продолжает Кашиц,— я сообщил ему о моей номинации и на его спрос, когда надо было начинать восстание, я ему сказал: „Подождать до мая месяца". Он мне на это с неудовольствием сказал: «Я уже довольно сдерживаю. В Новогрудке 80 человек, которых далее сдерживать невозможно, а в Слониме 14 артиллерийских офицеров (3-й артиллерийской бригады.— *А. С.*) только ожидают сигнала; если откладывать далее, то их переведут в другие полки, тогда перестанут иметь ко мне доверие, да и я, впрочем, теряю доверие в комитете". На это я сказал: „Если есть безмозглые, которые хотят во что бы то ни стало погубить себя, пускай они погибают, лишь бы не губили других. Шайка Рогинского в Ляховицких лесах, пускай идут к ней". Этим способом я хотел отделаться от волнений в Новогрудском уезде, но Борзобогатый, отгадав мое намерение, иронически заметил мне: „Как я вижу, вы желаете, чтобы вовсе не было восстания в Новогрудском уезде"». Поразительно меткое определение политики «белых» со стороны Борзобогатого находит под-

тверждение в следующем заявлении Гейштора: «Лица, составляющие со мною отдел, все не революционеры» [87].

Удар по революционным демократам в Белоруссии и Литве планомерно осуществлялся. Помещичья партия взяла под контроль и связи между русскими и литовскими революционерами. Одновременно с образованием комитета Гейштора на пост представителя повстанцев в Петербурге был назначен Иосафат Огрызко — университетский товарищ Гейштора и Оскерки.

О. Авейде указывает: «Огрызко до восстания тоже не принадлежал к организации; с восстанием же... по представлению Виленского комитета, а в особенности его уполномоченного В. Пшибыльского (секретаря Литвы при революционном правительстве), он, Огрызко, получил назначение от Бобровского быть агентом Центрального Народного комитета в Петербурге... Назначение Огрызки... последовало не позднее второй половины февраля месяца 1863 г. нового стиля. Ближе дня назначения обозначить не могу, быть может, оно последовало еще двумя или тремя неделями позже.

Огрызко, хотя получил назначение из Варшавы от имени Центрального Комитета, однако же находился в непосредственных сношениях только с Виленским комитетом, отчасти потому, что был лично знаком с некоторыми, по крайней мере, его членами, отчасти по большей удобности сношений с Вильно, отчасти, что деятельность его в С.-Петербурге только для восстания в Литве могла быть полезной. Даже отправленные к Огрызке корреспонденции революционного правительства были посылаемы только при посредничестве Виленского комитета» [88].

Из показаний Авейде, Огрызки и других материалов видно, что большую роль в отстранении революционных демократов от руководства восстанием в Литве сыграл В. Пшибыльский. В. Пшибыльский — университетский товарищ Гейштора, Огрызки, Оскерки, Сераковского, был учителем гимназии в Вильно и по подозрению в революционной деятельности был выслан в Вологду, оттуда в конце 1862 г. вернулся в Петербург, где жил некоторое время у Огрызки. В начале 1863 г. он выехал через Вильно в Варшаву. Вернувшись в конце февраля в Петербург, Пшибыльский привез Огрызке номинацию Центрального Национального комитета на должность представителя этого Комитета в Петербурге. Выяснить подробно и точно мотивы действий Огрызки трудно из-за скудности источников.

Огрызко очень скуп в своих показаниях. Арестованный осенью 1864 г. в Петербурге и привезенный в Вильно, он попал в руки своего личного недруга Муравьева. Огрызко проявил большую стойкость и ровно два месяца, до 14 января 1865 г., вообще отрицал какое бы то ни было участие в восстании. Затем под влиянием откровенных показаний Коссовского и Авейде он изменил тактику защиты и в показаниях от 14 и 20 января

1865 г. объяснил «степень участия в восстании». 20 января Огрызко признал, что во время встречи с Пшибыльским в Петербурге («в конце февраля или в первой половине марта 1863 г.») он узнал, что Пшибыльский входит в состав жонда, где занимает пост секретаря Литвы и Руси, и приехал предложить Огрызке стать агентом жонда в Петербурге, «на что и привез с собой для передачи мне номинацию. Пшибыльский оставался в Петербурге едва несколько дней, т. е. до того только времени, пока я окончательно согласился на принятие предложенной мне ЦК вышеуказанной должности агента». Огрызко добавляет, что он «не одобрял восстания» и «не верил в его успех» [89]. Однако эти слова, сказанные в 1865 г., вряд ли характеризуют его позицию весной 1863 г.

Для выяснения обстоятельства перехода виленского повстанческого центра в руки партии Гейштора и назначения Огрызки ценны мемуары В. Д. Спасовича. Он вспоминает, что в 1862 г. дважды выезжал в Варшаву и был убежден в неизбежности восстания, которое началось в результате ошибок правительства и Велёпольского. Огрызко так же, как и Спасович, не верил в успех восстания, считал его ошибкой. Но во взглядах на ход событий между Спасовичем и Огрызкой была существенная разница. Опираясь на личные наблюдения, Спасович считал, что надежды партии «белых» на интервенцию беспочвенны. Огрызко же, по словам Спасовича, верил в дипломатические ухищрения Чарторыского, был убежден, что вмешательство Англии, Франции, Австрии в польский вопрос неминуемо и коренным образом изменит обстановку. Вмешательство это действительно произошло, иронизирует мемуарист. Ноты были в апреле и июле, но отповедь Горчакова положила всему конец.

По словам Спасовича, Петербург играл роль опорной базы литовских повстанцев. Отсюда отправлялись в отряды офицеры, студенты, чиновники, которых надо было вооружить, снарядить, обеспечить явками и т. д. Сюда же прибывали лица, спасавшиеся от ареста после поражения, которым устраивались побеги за границу. Это делало весьма ответственным пост, на который был назначен Огрызко.

«Ход событий,— указывает Спасович,— привел меня к выводу, что Огрызко принял участие в работе революционной организации вскоре после 16 февраля 1863 г., когда в Париже стало известно о русско-прусской конвенции 8 (20) февраля (конвенция Альвенслебена.— *А. С.*). Огрызко уверился во вмешательстве Англии, Франции и Австрии в польские дела. Тогда же в Париже Чарторыский принял решение поддержать восстание до начала скорой интервенции иностранных государств. Какой-то посланец отеля „Лямбер“ приезжал из Парижа в Петербург, вел переговоры с Огрызкой, уверил его в скорой интервенции и предложил принять пост комиссара жонда в Петербурге. Ог-

рыгко, по-видимому, не принял это предложение, так как уже и без того действовал в этом направлении. Прекратил он свою работу в июле 1863 г.» [90]

Огрызко принял назначение с условием, что будет действовать так, как сочтет нужным. Правые элементы, любой ценой стремившиеся поставить под свой контроль деятельность Петербургского военного польского комитета, объединявшего работу польских революционных кружков в столице, согласились с этой оговоркой. После отъезда из Петербурга Домбровского во главе этого Комитета были Юндзилл и Опоцкий. Нужно было одновременно с «обузданием» группы К. Калиновского в Вильно сделать то же в Петербурге с группой В. Опоцкого и Э. Юндзилла. Эту роль, по замыслу «белых», и должен был выполнить Огрызко. После долгих убеждений Огрызко согласился взять на себя обязанность агента Временного Национального правительства, потребовав, чтобы, кроме Пшибыльского, Коссовского, Юндзилла и Опоцкого, никому о его согласии не говорить и письменных донесений от него никаких не требовать. Обезопасив таким образом себя на случай провала. Огрызко намеревался возглавить польских революционеров в русской столице и руководить ими через Опоцкого. Юндзилла, Коссовского, но «передавать им к исполнению только те поручения Центрального комитета, которые сам признал удобными». Оговорка весьма существенная, особенно если иметь в виду беспрестанную борьбу в составе жонда, частую замену его членов, колебания в его политике. Договорившись между собой, Пшибыльский и Огрызко вызвали к себе руководителей Петербургского военного комитета (Опоцкого, Юндзилла, Коссовского). «Пшибыльский объявил им при мне,— писал позже Огрызко,— что Центральный комитет назначил меня агентом в Петербурге (причем была показана им помянутая выше номинация)... что через меня они будут получать поручения от Центрального комитета к исполнению» [91]. Приняв руководство, Огрызко отдал приказ Опоцкому и Юндзиллу, «чтобы они удерживали молодежь, никого не манили к отправке в партии» [92].

Деятельность «белых» и примыкавших к ним соглашателей, как в Варшаве и Вильно, так и в Петербурге, была направлена на предотвращение аграрной революции. Далеко не случайно, что они развили такую кипучую деятельность именно в феврале-марте 1863 г., когда истекал срок введения уставных грамот и вся страна ждала новой волны крестьянских выступлений. «Белые» поворачивали восстание на путь восстановления Польши в границах 1772 г. Поддерживать же восстание до высадки войск интервентов помещичья партия рассчитывала руками демократов, контролируя на каждом шагу их деятельность. Так поступали Гиллер и Авейде в Варшаве, Гейштор и Оскерко в Вильно, этого же ждали и от Огрызки в Петербурге.

О деятельности Петербургского военного комитета Огрызко сообщал следующее: «Революционные действия Опоцкого, Юндзилла и Коссовского состояли: 1) в сборе денег по находившимся у них квитанциям; 2) в оказании пособия офицерам, отправлявшимся в партии, и в покупке разных нужных для них предметов и 3) в исполнении поручений Центрального комитета... Сообщением между Петербургом, Вильно и Варшавою, пересылками по железной дороге с указанием лиц, к которым отправлявшиеся в партии должны были обращаться, заведовал Опоцкий... Более всех деятелен был Опоцкий... Менее всех деятельным был Коссовский. Вскоре после отъезда Пшибыльского из Петербурга прибыл туда, кажется, во второй половине марта 1863 г. Александр Оскерко..., он привез с собою около 20 адресов принадлежавших к организации лиц для передачи оных Опоцкому с тем, чтобы отправившиеся в партии офицеры знали, к кому могут обратиться по прибытии» [93].

Приведенные факты говорят о том, что группа помещичье-буржуазных либералов пыталась сначала не допустить восстания, а когда это не удалось, решила захватить руководство, направить восстание по безопасному для себя пути. Иные формы борьбы с революцией оказались малодейственными. Гиллер и Авейде, рассматривавшие помещиков как главную свою опору в Литве и Руси, могли только приветствовать изменение позиции дворянства.

* * *

В конце февраля и первой декаде марта в Белоруссии и Литве функционировали два повстанческих центра. Литовский Провинциальный комитет, возглавлявшийся Калиновским, стремился усилить и демократизировать восстание. Группа же Гейштора безуспешно пыталась противодействовать этому. Страна пылала, как выразился позже Гейштор. Саботаж помещиков, срывавших формирование отрядов, вызвал такое возмущение, что «Вислоух хотел повесить Ф. Далевского на первой ели» [94].

Литовский Провинциальный комитет под влиянием Калиновского все более и более стремился опереться на крестьянство. Это серьезно тревожило помещиков Литвы и Белоруссии, «белых» в Царстве Польском, их агентов в составе Временного Национального правительства в лице Авейде и Гиллера, которые, используя свое влияние в руководящем органе восстания, ссылаясь на информацию комиссара жонда в Вильно Дюлорана, убедили Временное Национальное правительство передать власть в руки группы Гейштора. При оценке действий как членов Временного Национального правительства, так и его агента в Литве нельзя, конечно, не учитывать стремление верховного руководящего центра восстания подчинить своей воле все

повстанческие силы, действовать организованно и сплоченно. Однако эти благие цели в данном случае достигались не путем договоренности со стойкими революционерами типа Калиновского, а поисками более покладистых деятелей. Гейштор впоследствии писал: «В это время в Вильно управлял Комитет, не имеющий никакого влияния (однако влияния самого Гейштора не хватало, чтобы помешать Комитету шире развернуть восстание.— *А. С.*), не знающий страны, одушевленный неверными о силе народного восстания понятиями, предполагавший, что будто бы развитию народной войны мешают помещики... Дюлоран, видя всю несостоятельность этого Комитета, находил необходимым иметь в нем лиц более влиятельных, долго уговаривал его, Гейштора, Оскерку и Еленского, а сам часто ездил в Варшаву... Когда они, наконец, в половине марта (ст. ст.— *А. С.*) согласились, он привез из Варшавы повеление закрыть прежний Комитет, принять от него печать и устроить новый, но уже под названием „Отдел, заведующий провинциями Литвы"» [95].

Член жонда Авейде позднее по этому вопросу дал следующие показания: «В половине февраля (н. ст.— *А. С.*) Дюлоран приехал в Варшаву и представил Бобровскому [96] необходимость развязать существующий Провинциальный комитет и воспользоваться готовностью „белых" (группы Гейштора.— *А. С.*) передать им труды образования и руководства революцией в крае». Причиной, которая, по словам Авейде, побудила принять это решение, была «старая аксиома, что без шляхты никто ничего не сделает в Литве, и даже начать невозможно», а также то обстоятельсто, что «тамошняя шляхта была более нашей (т. е. Царства Польского.— *А. С.*) патриотична и готова к большим пожертвованиям за свободу Польши» [97]. Однако, как видно из показаний Гейштора, причиной, побудившей помещиков принять участие в восстании, стать «патриотичными», был страх перед крестьянской революцией. Восставший народ поставил помещичьих лидеров перед дилеммой — или восстание без них и против них, или участие в борьбе с целью «спасти то, что было возможно», как выразился Гейштор [98].

Яркое подтверждение этому находим в письме одного из друзей Гейштора члену Виленской следственной комиссии, Гогелю: «Вы мне говорите, что даже в здоровой и рассудительной партии народа между помещиками, где обыкновенно правительство ищет основания сохранению, следственные комиссии нашли столько и столько признаков виновности. Я вам отвечу: видя себя принужденным выбирать между бездною социализма и доносом, схватили сами, как некогда Мирабо, бразды правления, чтобы разом завладеть им (восстанием.— *А. С.*) и покорить его... Вот точная картина положения этих крамольных помещиков... Избавь меня бог смешивать с ними каких-нибудь Калиновских (Константина), каких-нибудь Борзобогатых..., чудовищ,

которых выбрасывает всякое общественное разрушение и которые пользуются во всякое время общественными несчастьями, заставляя зародиться через хитрость и интригу несогласие и зависть под именем братства и все возмутительные основания под именем свободы и равенства. К несчастью, эти недостойные апостолы слишком долго были терпимы. Более раннее очищение общества избавило бы от многих несчастий. Преступные покушения наших утопистов также легко излечили бы, если бы мы всегда имели Муравьевых, чтобы подавлять их в самом начале» [99].

Подлая природа либералов видна в этом заявлении как на ладони. Участие их в восстании было формой борьбы с революционными демократами. Здесь следует отметить еще одну попытку помещиков Белоруссии и Литвы пресечь деятельность революционных демократов. Как явствует из письма генерал-губернатора Назимова шефу жандармов Долгорукову, группа Гейштора пошла на прямое предательство: «В последнее время, когда революционное движение распространилось повсеместно в западных губерниях, а социальные идеи и анархические начала стали угрожать каждому владельцу разрушением прав собственности, некоторые из местных помещиков, принадлежащие к партии аристократической, застигнутые врасплох, и ввиду грозящей им опасности при дальнейшем развитии демократическо-социальной пропаганды решились частным образом высказывать мне свои опасения..., давая при этом возможность заметить, что они... готовы будут содействовать правительству к обнаружению главных вожаков революционной партии, лишь бы только такое с их стороны содействие хранилось в глубочайшей тайне. Я охотно согласился принять предлагаемые мне условия, вследствие чего мне были названы те лица, которые принимают самое деятельное участие в распространении между крестьянами известных вашему сиятельству листков и прокламаций, вредных по заключающимся социальным идеям и лживым теориям, созданным для возбуждения ожесточения и недоброжелательства к русскому правительству между массами сельского сословия» [100].

К середине марта (н. ст.) 1863 г. утвержденный жондом «Отдел, управляющий провинциями Литвы» объявил Литовскому Провинциальному комитету, что тот распускается и должен передать ему власть. К этому времени в составе Литовского Провинциального комитета в Вильно остались только К. Калиновский и З. Чехович. Я. Козелл был в отъезде в Варшаве, А. Бонольди в феврале был выслан царскими властями за границу и представлял Литовский комитет во Франции. А. Залеский был арестован и выслан в Вятку, Длуский в конце февраля был послан в Жемайтию, Вериго арестован еще в канун восстания. В своих воспоминаниях Гейштор крайне тенденциозно излагает

ход переворота: «Передавали нам функции З. Чехович и К. Калиновский. Оба обиделись на Дюлорана. Калиновский даже написал протест, в котором жалуется, что руководство восстанием поручается дворянству» [101].

Сохранилось свидетельство члена Литовского Провинциального комитета Я. Козелла, находившегося в момент роспуска Комитета в Варшаве, где он безуспешно пытался «дойти до жонда», но адреса явок в Варшаве были в руках Дюлорана, и Козеллу не удалось достичь цели. Вот что пишет Козелл: «Я никого не знал в Варшаве и не имел никакого адреса. Все мои сношения с Варшавой были через Дюлорана, который боялся, чтобы я его не прогнал из Вильно и не хотел мне дать никаких положительных сведений. Одного дня, не могу припомнить через сколько времени после моего приезда (в Варшаву.— *А. С.*), явился ко мне Пшибыльский Вацлав и объявил, что в Вильне состоялся уже новый Комитет, который назван Отдел Литовский, и что он прислан как уполномоченный комиссар от этого Отдела. Личность господина Пшибыльского никогда не возбуждала во мне доверия, вследствие чего мы и не могли дойти до ладу и наш разговор кончился тем, что он обещал приказать повесить меня как бунтовщика против жонда» [102].

По словам члена жонда Авейде, «приказано было членам старого Комитета оставить их деятельность. Они некоторое время противились, но потом сдались, написав протест» [103]. К сожалению, пока не удалось отыскать полный текст протеста, написанного Калиновским, но основное его содержание изложено в показаниях Авейде.

«С образованием Отдела Гейштора,— пишет Авейде,— Провинциальный комитет не хотел сдаться некоторое время и уступил только по нашему приказанию, выдав наследникам своим бумаги, тайны и пр. Уступив, однако ж, Калиновский представил от имени своих товарищей протест, при посредстве, кажется, Дюлорана и Оскерки и просил переслать его в Варшаву Центральному комитету. Протест, между прочим, говорил, что „Провинциальный комитет уступает и слушается главу восстания потому, во-первых, что не желает начинать пагубных для революции раздоров и несогласий, и, во-вторых, потому, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство дел из рук своих противников. Однако же члены Комитета считают долгом своим объявить с тем вместе, *что они считают гибелью и изменой революции* (подчеркнуто Авейде.— *А. С.*) передачу руководства в руки контрреволюционеров — всегдашних врагов и революционного движения вообще и начал Манифеста от 22 января в особенности, что они (т. е. Калиновский и друзья) протестуют против такого решения Центрального комитета, сбрасывают с себя всю ответственность перед будущим за все ошибки и за все потери и несчастья, которое принесет про-

тивное духу и тенденции восстания руководство Литовским делом“. Ни Дюлоран, ни прочие члены Виленского отделения не представили в Варшаву этого протеста, и мы узнали об нем только потом, когда Дюлоран поссорился со своими новыми друзьями. В мое пребывание в Вильно я узнал, что по требованию Дюлорана Калиновский как автор протеста был предан суду нового отделения, начато было даже маленькое по этому поводу следствие; однако же члены отделения, раздумав дело, оставили бесполезные споры и помирились кое-как с Калиновским. Он был вследствие этого согласия назначен гродненским комиссаром»[104].

В своем протесте Калиновский от имени Литовского Провинциального комитета критикует Центральный комитет с позиций революционного демократа. Он указывает, что Временное Национальное правительство в страхе перед крестьянской революцией зашло так далеко, что пытается опираться на людей, не разделявших даже программу, обнародованную в январе 1863 г. Калиновский справедливо полагал, что главную ответственность за передачу руководства восстанием в руки помещиков несет Варшавский жонд. В записке от 28 февраля 1864 г. он писал: «Образовавшийся в Вильно инициативою Варшавы (подчеркнуто нами.— *А. С.*) отдел Управления Литвы принял на себя вести дело восстания, заявляя об этом громогласно»[105].

В чем же причина роспуска Литовского Провинциального комитета? Была ли ею провокационная угроза выдачи состава Литовского комитета царским властям? Сама по себе подобная угроза не могла запугать революционеров, подобных Калиновскому. К тому же она, как видно из письма Назимова, уже осуществилась: Бонольди выслан, Залеский арестован, Калиновский скрывался от царской полиции с октября 1862 г., Длуский тоже с конца 1862 г. перешел на нелегальное положение. Чехович еще в январе принимал у себя гостей в голубых мундирах. Виднейшие члены Комитета уже преследовались полицией. Не угроза оглашения состава Комитета заставила его уступить. Причину следует искать глубже. Калиновский писал, что Комитет «не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство дел из рук своих противников». В чем же слабость Калиновского и его соратников?

Калиновский признавал, что в начале восстания «крестьяне, будучи в состоянии выжидательном, а поэтому нерешительном, не могли служить народному делу соответственно тем средствам, какие могут находиться в их руках». Значит, Калиновский, защищавший интересы крестьянства, не мог опереться на него в борьбе с националистическим дворянством. Крестьяне — белорусы и литовцы из-за своей законной ненависти к польским помещикам-панам, не могли понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. Калиновский оказался отстра-

ненным от руководства, ибо крестьянство не поднималось до понимания его идей и тактики борьбы в решительные минуты восстания. Стихийность крестьянского движения, отсутствие в нем политической сознательности были основной причиной падения Литовского Провинциального комитета. К тому же в споре со шляхетским руководством польского национального движения Калиновский и его друзья не могли опереться в должной мере на помощь русского освободительного движения, которое шло на спад, отступая под ударами царизма. С мая 1862 г. в Центральной России началась все усиливающаяся реакция, продолжавшаяся несколько лет. «Земля и воля» не имела сил для вооруженного выступления против царизма в поддержку повстанцев Польши и Литвы.

Наконец, в самом Литовском комитете не было единства. Даже Длуский (Яблоновский), вызвавший ненависть Авейде за упорное отстаивание самостоятельного Литовского комитета [106], по-видимому, не разделял полностью идей крестьянского демократизма. Во всяком случае Мацкявичюс упрекал его за игнорирование интересов крестьянства, считая, что Длуский защищал интересы шляхты, пренебрегал крестьянством [107]. Эти разногласия ослабляли Литовский комитет.

Свергнув Литовский Провинциальный комитет, помещичья группа Гейштора объявила его постановления утратившими силу [108]. Ей внушала опасения борьба Калиновского за самостоятельность руководства восстанием в Белоруссии и Литве. Была даже издана написанная Я. Гейштором и А. Оскеркой специальная брошюра под заглавием «Голос литовца», в которой резко осуждались «всякие теории о самостоятельной государственности Литвы и Руси», а действия Калиновского, боровшегося за демократизацию восстания, осуждались как «предательство и измена» [109].

Мартовский переворот в Вильно и переход руководящих органов восстания в руки помещиков был совершен по прямому приказу из Варшавы, по инициативе и с помощью правых, националистических элементов, пробравшихся во Временное Национальное правительство. Сам факт переворота означал открытое нарушение принципа национальной независимости и самоопределения, за которое сражались польские, литовские, белорусские повстанцы. Отстранение группы Калиновского от руководства было также отказом от основных положений и духа январского манифеста, принятого по инициативе Падлевского, Бобровского и других радикальных деятелей. Основная цель, которую ставили перед собой организаторы и участники мартовского переворота,— пресечение дальнейшей демократизации восстания. Социальные призывы снимались с повстанческого знамени. Помещики развернули старый истрепанный штандарт, расшитый феодальными гербами, претендуя на сохранение

своих поместий в Белоруссии и Литве. О защите крестьян, о самостоятельности литовско-белорусского государства и речи не велось. Это видно из опубликованных новым виленским руководством воззваний и приказов:

«Отдел, управляющий провинциями Литвы.
Вильно, 11 марта (27 февраля) 1863 г.

В связи с тем, что кровавая борьба с захватчиками выросла до огромных размеров, Национальное правительство считает необходимым сосредоточить в своих руках власть над всем краем польским для придания своим решениям большей силы и гибкости.

С этой целью Провинциальный Литовский комитет реорганизуется и впредь будет именоваться Отделом, управляющим провинциями Литвы. Этот Отдел Национального правительства призывает всех истинных сынов отчизны без различия сословия, звания, вероисповедания к тесному единению в святом национальном деле и безоговорочному повиновению власти, установленной единственным законным правительством края — Национальным правительством.

Отдел Национального правительства постановляет:

1. Агенты и представители бывшего комитета в наикратчайший срок обязаны явиться к своим начальникам для обмена мандатов бывшего Комитета на новые — отдела Национального правительства, заверенные ниже приложенной печатью.

2. Всякие мандаты и доверенности с печатью бывшего Провинциального комитета отменяются, считаются недействительными и теряют свою силу.

3. Все денежные пожертвования и взносы в польскую казну должны вноситься специальным агентам, уполномоченным отделом Национального правительства для сбора налогов и взносов. Они снабжены специальным мандатом и квитанциями, заверенными печатью Национального правительства.

4. Каждый из граждан края обязан оказывать чиновникам и агентам Национального правительства всякую необходимую им помощь, а в случае необходимости укрывать и защищать их от захватчиков.

5. Неповиновение или небрежное выполнение приказов Национального правительства, его чиновников и агентов, действия по собственному усмотрению в сложившихся обстоятельствах являются предательством. Повинные в этом злодеянии будут наказаны по всей строгости польских военных законов.

Соотечественники! Дело освобождения Отчизны начато! Мы уверены в победе, ибо с нами бог! Боже, спаси Польшу!» [110]

Приведенный документ свидетельствует о том, что новое руководство порывало с решениями прежнего, объявляло их не-

действительными, смещало повсюду его представителей. Более того, в обращении содержится открытая угроза тем, кто откажется повиноваться ставленникам Комитета «белых», кто осмелится проводить прежний курс, направленный на демократизацию восстания. Приказ 27 февраля (11 марта) показывает, что произошла не простая реорганизация Комитета, а переворот, серьезный сдвиг руководства вправо. Взяв власть в свои руки, группа Гейштора попыталась придать восстанию «характер войны за независимость» (термин Гейштора), т. е. повторить 1831 год.

Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: Литовский Провинциальный комитет приурочивал выступление созданных им вооруженных отрядов на начало марта (т. е. 3 (15) марта в Гродненской и Ковенской губерниях). Роспуск Комитета произошел накануне выступления с явной целью парализовать все действия демократических сил Литвы и Белоруссии.

Захватив центральное руководство в свои руки, Гейштор начал и на местах назначать своих ставленников. Так, вместо В. Малаховского во главе виленской городской организации был поставлен помещик Александр Оскерко. В итоге его деятельность свелась к тому, что в Вильно, по признанию О. Авейде, не было совершенно никакой революционной организации. Виленскую губернскую организацию возглавил князь Н. Гедройц. Следственная комиссия позднее, рассмотрев действия Гедройца, пришла к выводу, что он «не мог принадлежать к числу революционеров» и уже в начале мая «отказался решительно от всяких действий». Даже Гейштор, иронизируя, говорил, что «этот самый революционный человек почти с самого начала просил своего увольнения» [111].

В Ковенской губернии от руководства был отстранен энергичный Б. Длуский (Яблоновский). Назначенные вместо него Косцялковский и Чапский не внушали доверия рядовым повстанцам, отказавшимся признать новое руководство. Расстройство управления дорого обошлось повстанцам. Прямым следствием отстранения Длуского явилось поражение при Цитовянах. В Минской губернии отстранением от дел живой революционной молодежи надолго затормозили формирование отрядов. Минскую организацию возглавили помещик Пеликша и губернский предводитель Лаппо, функции воеводского комиссара принял Болеслав Свентожецкий.

В Новогрудском уезде вместо доктора Владислава Борзобогатого был назначен помещик К. Кашиц. Его деятельность еще раз ярко подтверждает, что только страх перед крестьянским движением заставил помещиков повторить маневр Мирабо. Все их участие в восстании сводилось к борьбе с революционными демократами и к ожиданию интервенции французских войск. Кашиц был крупный помещик, дважды прибегавший к помощи

войск для усмирения крестьян. Он стремился во что бы то ни стало не допустить восстания. В феврале 1863 г. на собрании помещиков Новогрудского уезда Кашиц заявил: «Действия всех нас, помещиков, должны быть противопоставлены революционному движению»[112]. Участие Кашица в восстании было формой борьбы с этим движением. Он согласился возглавить уездную организацию, «чтобы хоть немного удерживать революционные стремления Борзобогатого и подобных ему личностей». «Вся моя тактика,— говорит далее Кашиц,— состояла в том, чтоб протянуть время и отложить исполнение предложения Борзобогатого»[113]. Восстание в уезде началось вопреки Кашицу. Насколько далеко он зашел, свидетельствует решение следственной комиссии. «Вся бывшая революционная организация в Новогрудском уезде, кроме одного доктора Борзобогатого... не разделяла крайних идей революции и не действовала в духе этих идей... Мятеж и революционное восстание были произведены, можно сказать, влиянием одного только человека — доктора В. Борзобогатого, который имел на весь уезд огромное и зловредное влияние и значение». О сторонниках Кашица говорится: «Большая часть их действий была направлена к тому только, чтобы граничить и даже парализовать крайние из его (Борзобогатого.— *А. С.*) революционных стремлений»[114]. Этот вывод во многом приложим к деятельности всей группы Гейштора.

В Гродненской губернии, где революционными демократами была создана сильная организация во главе с В. Врублевским, к власти также пришли помещики. Врублевский был подчинен присланному из Варшавы в качестве военного руководителя Онуфрию Духинскому, о котором даже члены жонда отзывались как «о совершенной бездарности». Во главе гродненской гражданской организации встал граф С. Солтан — «главный распорядитель восстания Гродненского, Волковысского, Слонимского уездов»[115]. Напомним, что Солтан, будучи мировым посредником, изгонялся крестьянами из деревень и вызывал войска для «усмирения мужиков». На все ответственные посты в Гродненской организации назначались помещики.

Гейштор произвел перемещение и среди заграничных агентов. Ахилл Бонольди, представитель Литовского Провинциального комитета, ведавший закупкой оружия и освещавший ход восстания в прессе, был подчинен помещику Б. Залескому, а тот — В. Чарторыскому. В ответ на протест Бонольди Гейштор 8(20) апреля писал ему: «Отдел объявляет, что он не может расширить вашу власть, что она должна остаться такою, как определена в инструкции... Литва как провинция Польши не может и не хочет иметь особого политического представительства перед Европой. Назначение уполномоченных — право Центрального Национального правительства, а не Отдела». Напомнив о назначении Залеского, Гейштор подтвердил: «С ним вы

должны сноситься, ему помогать, а в отношении иностранной политики действовать под его руководством»[116]. Прямым последствием «реорганизации» было ослабление заграничного представительства повстанцев и прекращение транспортировки оружия в самый решающий период борьбы. Даже заказанное Бонольди оружие попало в руки Мерославского и не было использовано.

Сняв социальные лозунги и повернув восстание на путь борьбы за восстановление дворянской республики, Гейштор, по существу, обезглавил и обескровил его. По словам Ратча, Гейштор и его единомышленники «заботились держать мятеж в ограниченных размерах»[117]. Сам Гейштор писал, что не верил в успех восстания, был противником вовлечения масс в борьбу, а все надежды возлагал на интервенцию западных держав: «Восстание народа массою — утопия». Гейштор считал, что нужно было «держаться малыми отрядами, чтобы весною осталось довольно сил для новых попыток, которые, показывая Европе твердость народного духа, могли бы побудить ее принять участие в деле»[118].

Активизация «белых», присоединение их к восстанию были связаны с оживлением деятельности западноевропейских держав. В феврале была заключена конвенция между Пруссией и Россией о совместной борьбе с восстанием. В марте 1863 г. началась пресловутая дипломатическая кампания западных держав, носящая явно демагогический характер, справедливо оцененная А. И. Герценом как концерт, в котором последнюю ноту пропел Горчаков. Польское дворянство примкнуло к восстанию, надеясь с помощью западных держав убить сразу двух зайцев: предотвратить социальную катастрофу, «обуздав» Калиновского, и осуществить восстановление Речи Посполитой.

Даже царский сатрап Ратч признал, что помещики, «опасаясь кровавой расправы, подобно галицийской, старались поддерживать благочиние в мятеже». И далее: «В Вильно Отдел жонда... деятельно заботился о прекращении действия шаек»[119]. Авейде также указывал, что группа Гейштора, дожидаясь каждую неделю французов, совершенно не занималась укреплением революционной организации и повстанческих отрядов[120].

Сераковская свидетельствует, что члены нового Отдела в Вильно мешали развитию восстания, что назначение такого беспечного и никчемного человека, как Дюлоран, на пост комиссара в Литве было большой ошибкой. Примерно так же аттестует она и Гейштора. Хотя он и был председателем отдела, но ничего, по существу, не делал и работы его никто не видел. Не удивительно, что даже такие предатели, как Парафианович и Дзичковский, давшие откровенные показания, ничего не могли сказать о Гейшторе, так как всю работу за него выполняли другие[121].

Отсутствие централизованного военного руководства повстанческими отрядами Литвы и Белоруссии приводило к плачевным результатам. Если Виленский отдел, руководимый Гейштором, и давал какие-то указания, то они сводились к советам избегать сражений и прятаться по лесам в ожидании высадки интервентов. Именно такой приказ получил в конце мая отряд Кушлейки. Повстанцы чувствовали себя в нелепом положении. Отряд создан, а для чего, не было ясно. Отсутствие централизованного командования и плохо поставленная связь даже между соседними отрядами приводили иногда к печально-комическим случаям. Так, в одной из деревень Шавельского уезда отряд Кушлейки заполучил провизию, приготовленную жителями для повстанцев Мацкявичюса, но вместе с тем подвергся и нападению карательного отряда, гнавшегося за последним. Отряды Ковенской губернии действовали без плана, на собственный риск и, повинуясь приказу помещичьего руководства, придерживались пассивной тактики [122].

Следует сказать, что повстанцам и до прихода к власти группы Гейштора очень мешала партизанщина, стремление многих начальников отрядов действовать подобно удельным князьям, не считаясь с общими интересами. С приходом к руководству Гейштора авторитет виленского повстанческого центра еще более упал, неразбериха возросла, а смена должностных лиц, начатая Гейштором, привела к ряду крупных неудач. В связи с этим нельзя не остановиться на свидетельстве Б. Длуского, который пишет, что перед боем у деревни Ленчи он получил известие о готовящемся нападении на отряд Цитовича и поэтому после успешного боя отдал приказ двинуться на помощь Цитовичу. Однако Кушлейко не подчинился приказу, оспорил полномочия Длуского и посоветовал ему вообще не вмешиваться в дела его отряда и уезда. Вскоре после этого Длуский был уведомлен о смещении с поста командующего. Ему было приказано явиться в Вильно за новым назначением и инструкциями, в противном случае он объявлялся предателем. Для Болеслава Длуского приезд в Вильно был равносилен добровольной сдаче в руки царских властей, ибо за ним давно охотилась полиция.

Смещение же Длуского привело к дезорганизации, так как нового командующего не было еще, а приказов Длуского многие отряды (даже Б. Колышки) уже не выполняли. В результате отсутствия согласованности и взаимопомощи между повстанцами был наголову разбит отряд Цитовича. Длуский утверждает, что это было прямым результатом его неожиданного смещения. Он был невдалеке от гибнувшего отряда, но не имел уже власти, чтобы организовать помощь. По его же словам, виленский центр плохо поставил дело снабжения отрядов, бросив их, по существу, на произвол судьбы.

Захват помещичьей партией руководства восстанием в Белоруссии и Литве преследовал цель прекращения всяких социальных акций повстанцев. Этот шаг был связан с общим планом партии Чарторыского использовать начавшееся восстание для организации интервенции иностранных государств. Кабинеты Парижа и Лондона проводили в «польском вопросе» двойную игру. Прежде всего, каждый из них хотел извлечь свою пользу из сложившейся обстановки. Наполеон III мечтал перекроить карту, изменить в свою пользу границы; лондонский кабинет хотел сорвать наметившееся русско-французское сближение. Пруссия, разыгрывая роль бескорыстного друга России, стремилась приобрести союзника и укрепиться в захваченных польских землях. Бисмарк втайне помышлял и о Варшаве.

Была и другая, не менее важная, задача у европейских кабинетов: борьба с революционным движением, грозившим распространиться с Вислы на берега Дуная. Дипломатическая активность западноевропейских комитетов не случайно находится в прямой связи с борьбой партий в лагере восставших. Чтобы побудить польских помещиков («белых») примкнуть к восстанию и изнутри взорвать революцию, кабинеты Лондона и Парижа сумели найти общий язык и организовать внешне очень внушительный демарш в Петербурге. Фактическая сторона «дипломатического концерта» изложена в монографии В. Г. Ревуненкова «Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия». Мы коснемся поэтому только некоторых вопросов, связанных с его влиянием на ход событий, на борьбу партий и групп среди восставших.

Начало особой активности дипломатов связано не только с Альвенслебенской конвенцией, но и с борьбой против демократических тенденций восстания, его революционизирующим Европу влиянием. В этой обстановке 25 февраля (9 марта) Англия вручила ноту России. «Польский вопрос» становился общеевропейским. В этом смысл и значение ноты Англии, хотя требования ее были весьма скромными (возврат к решениям Венского конгресса, требование автономии Царства Польского). Это дипломатическое оживление и явилось одной из причин активизации правого крыла и перехода помещиков в лагерь повстанцев. Английский кабинет мог торжествовать. Удар достиг цели. Характерен и ответ канцлера Горчакова. Он заявил английскому послу, что восстание — «антисоциальное и демократическое движение, основанное на принципах, творцом и символом которых является Мадзини». Русское правительство правильно оценило ноту Англии. «Здесь больше дыма, чем огня, больше шума, чем желания действовать»,— писал Горчаков[123]. Иностранные ноты не помешали царю назначить Берга и Муравьева на пост командующих карательными войсками. С разных сторон и разными методами боролась реакция против восставшего народа.

Первая цель была достигнута. Общественность успокаивалась: ведь за Польшу заступились! Антидемократические силы в Польше активизировались. Царь также со своей стороны, стремясь попасть в тон, издал 31 марта (12 апреля) манифест об амнистии тем, кто положит оружие к 1 мая 1863 г. В этой обстановке у Наполеона III возник новый план: нажать на Россию и попытаться получить повод для большой войны... на Рейне. В результате появились ноты 2(14) апреля 1863 г. Англии, Франции, Австрии, к которым вскоре присоединилось большинство европейских держав, исключая Пруссию и мелкие немецкие государства.

С новым дипломатическим демаршем был связан и совет Чарторыского активизировать действия повстанцев. Знаменательно замечание Б. Лимановского, что виленские помещики, став у руководства восстанием, призвали молодежь к спокойствию, боясь, чтоб она своей горячностью не погубила дела, что они не верили в силу народа, боялись крестьян, медлили, где и когда могли, уповали на интервенцию и только, когда из Франции донесся голос Чарторыского: «Покажите же, наконец, признаки жизни — ведь мертвым не помогают», назначили восстание на 15 апреля [124].

Призывая народ к оружию, помещичье руководство ни словом не обмолвилось о нуждах крестьянства, о национальных интересах белорусского и литовского народов. Соответствующее воззвание, изданное в Вильно 31 марта (12 апреля) 1863 г., акцентирует внимание только на русификаторской политике царизма и призывает литовцев и белорусов к борьбе за восстановление «исторической» Польши, т. е. призывает поменять иго русификаторов на ярмо колонизаторов [125]. Авторы воззвания обходили коренные интересы крестьянства; стремясь, однако, привлечь его на свою сторону, они обеляли польских помещиков, объявляя виновными в тяжелом положении крестьян..., Екатерину II и Бориса Годунова.

Все свои расчеты Гейштор и его коллеги возлагали не столько на силу восставшего народа, сколько на интервенцию западных держав. В одном из апрельских воззваний они писали: «Франция и Англия и почти вся Европа аплодируют нашей революции и радуются ее возникновению. Они собираются идти нам помочь... Папа [римский] со своей стороны дал уже на то свое благословение, призывая и поощряя к тому. Но зарубежные державы готовы нас поддержать только в том случае, если мы сами сумеем развернуть нашу революцию и поддержать ее до нужного момента» [126]. Как видим, помещики Белоруссии и Литвы, примкнувшие к восстанию, рассматривали вооруженную борьбу лишь как предлог для интервенции иностранных держав и всеми мерами стремились предотвратить рост крестьянского движения.

Глава четвертая

Второй этап восстания (апрель — июнь 1863 г.). Борьба повстанцев Литвы и Белоруссии за расширение и демократизацию восстания

1. Военно-политический план З. Сераковского

Захват виленского повстанческого центра помещичьей партией не прекратил деятельности революционных демократов. Весть о роспуске Литовского Провинциального комитета, облетевшая партизанские отряды, вызвала бурю негодования. Вислоух заявил, что расправится с первым попавшимся ему в руки членом нового Отдела. Большинство отрядов не признавало нового руководства. «Отряды действовали самовольно,— вспоминает А. Сераковская,— под разными лозунгами и сеяли ненависть крестьян к шляхте. Многие назывались „хлопоманскими“, „литвоманскими“». Я. Гейштор вынужден признать, что революционные силы края были недовольны приходом к руководству помещичьей партии. «Отряды действовали все на свою руку»,— раздраженно пишет он в «Историческом взгляде на восстание» [1].

Оппозиция Литовскому отделу со стороны большинства партизанских отрядов делала его положение непрочным. Нужно было искать общий язык с повстанцами, идти им на какие-то уступки. Этого же требовала и изменившаяся обстановка. Объявленная в Польше диктатура Лянгевича вскоре пала. 19 марта диктатор попал в австрийский плен. От имени Национального правительства Бобровский объявил в специальном воззвании 27 марта, что впредь всякие попытки сосредоточить власть в руках одного лица будут считаться изменой и преступлением [2].

В Литве группе Гейштора пришлось несколько перестроиться. Калиновский был освобожден из-под следствия и назначен на пост революционного комиссара Гродненского воеводства, в состав Отдела введен в качестве секретаря Т. Далевский, В. Ма-

лаховский назначен помощником начальника городской организации в Вильно. Из Петербурга и Москвы вызвали ряд членов военной организации во главе с Сераковским. Все эти люди должны были, по замыслу Отдела, поддерживать чисто национальное движение до интервенции.

А. Сераковская вспоминает, что вызов ее мужа в Вильно произошел после долгих колебаний и споров, что целесообразность его назначения оспаривалась и даже расценивалась как политическая ошибка, но иного выхода не было, так как Отделу не хотели подчиняться многие руководители повстанческих отрядов. После долгих споров Отдел решил вручить Сераковскому пост командующего, считая его единственным человеком, способным сплотить отряды. Одновременно с Сераковским в Вильно и в другие пункты Литвы и Белоруссии выехали несколько офицеров из Петербурга и Москвы (Людвик Звеждовский, братья Станислав и Игнаций Лясковские, Дзержановский, Миткевич, Жуковский, Гейденрейх, Галензовский, Миладовский, братья Шалевичи, Мокжецкий, Жебровский, Кульчицкий, Гедройц, Чехович и др.) [3].

Стремление Сераковского придать движению характер народной войны и добиться разрешения прежде всего аграрной проблемы, а также мысль о необходимости перенесения борьбы за пределы «исторической» Польши в союзе с революционными силами всей России были, конечно, не по душе помещичьей партии Гейштора. Один из участников восстания под свежим впечатлением пережитых событий свидетельствует, что «красный» Сераковский был страшен для таких бледных патриотов, как члены Отдела,— знатоков агрономии и экономических принципов Земледельческого общества. Чтобы избавиться от него, его послали в трясины и болота — как бы в изгнание [4].

Таким образом, вызов и назначение Сераковского объясняются страхом Гейштора перед демократическими силами и желанием подчинить их, а также стремлением держать Сераковского подальше от руководства восстанием, использовать его авторитет и знания для поддержания «вооруженной демонстрации».

Милютин указывает, что весной 1863 г. Сераковский настойчиво добивался командировки в Литву, но, получив отказ, взял краткосрочный отпуск для поездки якобы за границу и 25 марта, покинув Петербург, выехал в Литву [5]. Пребывание Сераковского в Вильно было вполне легальным. «Русские власти,— отмечал генерал Ратч,— почитали мятеж близким к совершенному подавлению, и этим убеждением они даже поделились с Сераковским, который на страстной неделе в конце марта прибыл в Вильно для вступления в должность военного воеводы всей Литвы и Белоруссии. С русскими он обсуждал меры, принятые к окончательному умиротворению мятежа, затеянного в

крае, а собравшимся для военного совета своим довудцам он объявил, что прямо прибыл с военных совещаний противников»[6].

На заседаниях Отдела с участием Сераковского и других офицеров, принадлежавших к организации, был обсужден ход восстания, разработан и принят план борьбы, согласно которому в каждом уезде должны быть созданы местные отряды, а Сераковский, собрав в Жемайтии колонну в 5 тыс. человек, должен был перейти в Виленскую губернию, чтобы здесь развить восстание в больших масштабах[7].

Излагая содержание этого замысла, Я. Гейштор писал: «Только удачное развитие плана Сераковского могло дать шансы успеха войне народной в Литве. План его состоял в том, чтобы пройти все уезды Ковенской губернии, во всяком назначать военных начальников и оставить часть охотников для местных действий, а прочих взять с собой. Таким образом, собрав несколько тысяч и приняв ожидаемое оружие на прусской границе, войти в Виленскую губернию. Этот план, если бы удалось ему избегнуть решительного сражения, мог действительно устроить во всей Литве сильное восстание, ибо народ Ковенской губернии охотно шел в отряд, а в Виленской и прочих губерниях был более равнодушен, и хотя довольно благоприятствовал восстанию, но не видел в нем силы»[8].

В ходе совещаний были жаркие дискуссии. «На бывшем в Вильно военном совете,— указывает поручик М. Черняк,— мнения насчет вооруженного восстания в Литве разделились... Почти большинство было против восстания и самым горячим защитником восстания был Л. Звеждовский»[9]. Как видно из приведенных данных, Гейштору и его группе удалось добиться на совете принятия решения о переводе основных сил повстанцев в Виленскую губернию. Это был план, превращавший восстание в демонстрацию, в повод для интервенции. Пассивное ожидание иноземных сил — вот что требовалось от отрядов. Но мог ли отказаться Сераковский от своего замысла действовать в союзе с революционной Россией? Доверял ли он полностью Гейштору?

Для выяснения этих вопросов очень важны показания Станислава Олендского, назначенного Сераковским военным начальником вновь созданного Новогрудского воеводства. Он указывает, что весной 1863 г. Сераковский на совещании (где, кроме Сераковского и Олендского, был Игнаций Лясковский) в отсутствие Гейштора изложил свой план хода военных действий, делая упор на привлечении крестьян и вынесении борьбы за пределы «исторической» Польши. «Сначала разговор велся о действиях в Жемайтии, куда собирался отправиться Сераковский как главный начальник всего восстания и старший Лясковский — как начальник штаба. Они предполагали собрать перво-

начально шайку где-то около Поневежа, и когда она усилилась бы значительно, то Лясковский, отделившись от Сераковского, должен был перейти в Россиенский уезд к Эйраголам, а Сераковский — двинуться к Биржам, откуда намерен был перебраться в Курляндию, где, пользуясь нерасположением латышей к помещикам, надеялся сделать восстание и в случае удачи этого предприятия перейти на Березину, а оттуда на Полесье, где местность, как он полагал, давала бы возможность долго и упорно держаться» [10].

Из показаний Олендского видно, что Сераковский действовал в обход Виленского отдела, находившегося в руках помещиков-националистов, что, приняв пост начальника военных сил Литвы и формально согласившись с планом Гейштора, Сераковский провел в те же дни ряд совещаний со своими сторонниками, обсуждая на них общее положение партизанских отрядов во всем крае. Там обсуждался план помощи отрядам Нарбута, создание новых отрядов в Гродненской и Минской губерниях, было решено также организовать вооруженное выступление в Восточной Белоруссии. Характерно, что на этих узких совещаниях никого из сторонников Гейштора не было. Свидетельство Олендского чрезвычайно важно. Но поскольку перед нами следственно-судный документ, то он нуждается в проверке.

Ценные сведения находим в воспоминаниях жены и друга Сераковского Аполлинарии Сераковской, урожденной Далевской. Перед нами свидетельство осведомленного лица. Сераковская, проводившая мужа до лагеря формирования, указывает, что он был возмущен позицией, занятой Гейштором, и решил действовать, не считаясь с Отделом. Он намеревался двинуться на северо-восток, чтобы, «получив оружие, поднять эстов и латышей». Этот замысел был горячо поддержан руководителями партизанских отрядов. Очень важно замечание мемуаристки, что повстанцы надеялись получить оружие в фортах Динабурга, опираясь на помощь друзей в крепостном гарнизоне [11].

Итак, два источника, различных по своему характеру, содержат сходные данные. К этим свидетельствам примыкает и голос из враждебного лагеря. «По плану действия мятежников в Северо-Западном крае,— указывает Д. Милютин,— одновременно с усилением шаек в Ковенской губернии под главным начальством Доленги (Сераковского.— *А. С.*) предполагалось поднять возмущение в Могилевской и Витебской губерниях и отсюда распространять его и далее в соседние губернии. Эта часть плана возложена была на Звеждовского. Доходило до того, что они замышляли поднять крестьян даже во внутренних губерниях России до самой Волги... Началом предположительных мятежниками решительных действий во всех частях театра войны был назначен день св. Георгия — 23 апреля. До этого же дня в течение большей части апреля действия ограничивались лишь

неважными стычками войск с небольшими шайками, по временам появлявшимся то в одном месте, то в другом»[12].

О намерении повстанцев расширить район восстания и превратить его в аграрную революцию повествуют также составители «Журнала военных действий войск Виленского округа»: «Вожди движения... в течение апреля решились не щадить никаких усилий, чтобы разжечь пламя с новою силою и произвести народное восстание. С этой целью не только за границей, но и в пределах империи руководители движения распускали слухи о том, что волнение в Литве в самом непродолжительном времени должно быть поддержано взрывом общей революции в России»[13].

Приведенные данные из различных источников свидетельствуют о том, что повстанцы в Литве и Белоруссии имели определенный военно-политический план, что восстание не должно было замыкаться в узких рамках, в границах «исторической» Польши, как это предписывалось директивами националистического руководства.

В какой степени реальны были эти планы расширения и демократизации восстания? Напомним в связи с этим напряженное ожидание «слушного часа». Весной 1863 г. срок введения уставных грамот истек, а большинство крестьян (3913 тыс.) отказались подписать эти грабительские документы. В 1863 г. крестьянские волнения, по официальным данным, произошли в 386 имениях, треть их была подавлена вооруженной силой[14].

Как ни были забиты и политически безграмотны крестьяне, но и они видели, что восстание в Польше, Белоруссии и Литве оттянуло на себя основные силы армии, и пытались использовать сложившуюся обстановку. Крестьяне не понимали смысла и цели восстания. Они были озабочены счетами со «своими» помещиками, бунтовали против них, полагая, что войск у начальства нет, чтобы помочь помещику. Так, 11 мая 1863 г. командир 2-го резервного корпуса сообщил Милютину: «Поручено было привести в должное повиновение крестьян села Красный Хутор Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Обнаружилось, что одной из причин их упорства и непокорности был распространившийся между ними слух, что „теперь солдаты на войне и прийти некому“»[15].

В районах, близких к территории, охваченной восстанием, складывалась более тревожная обстановка. В 1863 г. в Курляндии усилилось крестьянское движение. Несмотря на решение помещиков провести некоторые уступки крестьянам (крестьяне получали право выкупа арендуемых участков, аренда не могла быть прервана помещиком до истечения 12-летнего срока), волнения крестьян не прекращались. Царю сообщали «об ожесточении латышей против большей части землевладельцев... между крестьянами происходили толки о том даже, что...

как дворянство некогда поработило туземцев кровопролитием, то следует тем же путем от него освободиться»[16].

Следовательно, перспектива расширения района восстания была реальной. Крестьянство как смежных с Литвою районов, так и расположенных в глубине страны волновалось; оно, стремясь использовать сложившуюся в стране обстановку, выступало против угнетателей. Нужна была реальная сила, способная сплотить вокруг себя крестьян, организовать и вооружить их. Ею должны были стать повстанческие колонны, прорвавшиеся за Двину и Днепр.

Перспектива расширения восстания серьезно тревожила правительственные круги. Сенатор Лебедев записал у себя в дневнике: «Я не сомневаюсь, что с весною партизанство разовьется еще более, и аматеры-республиканцы, социалисты и вся эта армия пролетариата налетят со всех сторон». Сенатор приходил к выводу, что восстание в Польше охватило уже всю нацию и «двигает свободу и волнение мысли, слов и дела все более и более, шире, глубже»[17].

Пытаясь расширить район восстания на восток, вовлекая в вооруженную борьбу с царизмом широкие народные массы, повстанцы Литвы и Белоруссии наносили удар по самому уязвимому месту крепостнической России и выходили на генеральную линию борьбы всероссийской революционной демократии.

Как указывал генерал Ратч, планы Сераковского были плодом долгих соображений и совещаний с вождями революции в Лондоне и Петербурге. Основная идея плана — совместная борьба народов России и Польши против самодержавия. План Сераковского учитывал и настроения крестьян, охваченных волнением, и сложившуюся военную обстановку. Основные силы царских войск были брошены на подавление восстания в Польшу, Белоруссию, Литву. Сераковский движением через Латвию в бассейн Березины и Припяти рассчитывал вывести повстанцев из-под ударов карательных отрядов и в тылу последних разжечь пламя всенародной борьбы.

По-видимому, замысел демократов — повстанцев Литвы — был связан с более обширным планом революционного выступления весной 1863 г., в попытках реализации которого активно участвовала «Земля и воля». В прямой связи с действиями отрядов Сераковского находится балтийская экспедиция польских революционеров: Юзеф Демонтович — комиссар польского революционного правительства — с помощью Мадзини и Герцена организовал в Англии транспорт с оружием и боеприпасами для повстанцев. В качестве представителя «Земли и воли» в экспедиции участвовал М. Бакунин. В составе экспедиции находились: близкий друг В. Малаховского и К. Калиновского, бывший студент Петербургского университета Феликс Зенкович, посланный за границу осенью 1862 г. для установления связи с рево-

люционной эмиграцией, и члены Комитета русских офицеров в Польше Л. Рейнгартен и В. Фенин.

Пароход отплыл из Лондона 25 марта, но не дошел до берегов Жемайтии. Знаменательно, однако, что действия отрядов Сераковского, «казанский заговор», экспедиция Демонтовича и другие аналогичные события произошли одновременно [18].

2. Военные действия в Ковенской губернии. Марш повстанцев к Курляндии

В самом начале апреля 1863 г. Сераковский в сопровождении жены прибыл в Ковно. Сразу же он встретился с Болеславом Длуским (Яблоновским), бывшим военным руководителем повстанческих отрядов Ковенского воеводства, снятым с этого поста Гейштором. «Долго, до рассвета, проговорили они, склонившись над картой края»,— вспоминает А. Сераковская [19].

На следующий день Сераковский в сопровождении Длуского и Лясковского выехал к месту формирования повстанческого отряда. 3(15) апреля в Кроменишском лесу, близ местечка Шаты Вилькомирского уезда Сераковский под именем Доленги начал создавать отряд. К его лагерю устремилась молодежь окрестных городов и местечек, крестьяне, интеллигенция. Добровольцев направляли организаторы, ведавшие формированием и снабжением отрядов. Крестьяне выносили решения о снаряжении от каждого двора одного вооруженного всадника, заявляли, что вся молодежь должна взяться за оружие [20].

Значительный процент повстанцев отряда Сераковского составляла учащаяся молодежь: студенты, юнкера, гимназисты старших классов. По свидетельству студента Московского университета Адама Булькевича, в отряде было много его товарищей [21].

В течение недели Сераковский создал отряд в 150 бойцов. К лагерю начали подходить соседние отряды. Первым 6(18) апреля прибыл отряд Колышки. Он получил приказ о соединении с Сераковским 3(15) апреля, находясь в окружении превосходящих неприятельских сил. Дерзко, на виду у войск, Колышко переправился через реку Дубиссу и смелым маневром прорвался сквозь кольцо окружения. Успеху содействовала конная группа, которая ночью, ворвавшись в местечко Эйраголы (Арегала) и подняв стрельбу, отвлекла на себя основные силы карателей. После трехдневного марша Колышко соединился с отрядом Доленги.

Сераковский был восхищен смелостью и отвагой Дубисского полка. Во время смотра отряда он сказал, обратившись к дубиссцам: «Если б не видел вас перед своими глазами, не поверил бы, что вы уцелели. Ваш прорыв подобен чуду» [22].

Военный талант Колышки удивлял даже царских офицеров. Они называли его одним из самых смелых партизан Литвы, указывали, что он ловко маневрировал и «много раз уже уходил от преследования наших отрядов, бросаясь из одной местности в другую» [23].

Колышко передал под руководство Сераковского один из лучших партизанских отрядов края. В рапорте на имя Сераковского он писал: «Состояние моего отряда, который теперь имею честь передать воеводе, весьма удовлетворительное. Несмотря на усталость, которая видна на лицах людей, их оживляет сильный дух». В отряде было 88 стрелков, 84 косинера, конная группа и обоз, всего 213 опытных партизан. Отряд делился на два батальона, последние — на взводы (плутоны), взводы — на десятки. Колышко характеризовал личный состав отряда: «Время, проведенное мною в партизанской войне, позволило мне хорошо узнать своих сподвижников. Схватки с врагом показали их мужество, а трудности походов — их стойкость». Единственное, на что жаловался Колышко: «...состояние оружия неудовлетворительное. Одностволки большей частью нехороши и их гораздо больше, чем двухстволок. Штуцеров — 4, карабинов — 4. Кос обоюдоострых в целом отряде всего несколько. Амуниции, пороху — достаточно, свинца — решительный недостаток..., офицерского оружия никакого, за исключением 4-х револьверов.

Оканчивая описание состояния отряда, состоящего под моею командою, рекомендую его начальнику с уверенностью, так как этот отряд как нельзя более закалился в походах и является единственным отрядом, сохранившим свой состав со времени первоначального восстания. Он заслужил, чтобы первое оружие, которое будет в распоряжении Народного казначейства,— было отдано ему. Что касается меня, то я могу дать заверение в том, что отряд оружия из своих рук не выпустит» [24].

В колонне Сераковского Дубисский полк был самой дисциплинированной и отважной боевой единицей. Соединенные отряды Колышки и Сераковского, насчитывавшие около 450 человек, двинулись к Роговским лесам. На марше к ним 7 (19) апреля присоединился Мацкявичюс с отрядом в 50 человек.

К Роговским лесам через Окайни и Оникшты колонна подошла 9(21) апреля. Здесь повстанцы узнали от крестьян, что из Вилькомира двинут на них карательный отряд (около трех рот пехоты и эскадрон улан). Повстанцы устроили засаду. Проводник — местный крестьянин вывел войска прямо к засаде. Казачьи разъезды пропустили без выстрелов. Приблизилась пехота на повозках. По сигналу Сераковского проводник скрылся, бросив майору Кавру на ходу: «Я вас привел, куда хотел». Есть несколько описаний этого боя, например, у Колышки:

«У моста, ведущего по дороге к нам, мы выставили цепь,

и сбоку, впереди моста, сделали засаду. Войско, наступая, миновало засаду, но встреченное нашими выстрелами, начало отступать и хотело броситься в лес, но неожиданно атакованное с тыла засадою, а с фронта всем нашим отрядом, после часового дела отступило, сначала в порядке, а потом в беспорядке, оставив в наших руках две повозки казенные и одну офицерскую, несколько убитых, раненого фельдфебеля и раненого офицера, которого на другой день наш доктор в лесу осмотрел и отправил в Поневеж»[25].

Лаконичное свидетельство дополняется другими, из которых видно, что проводник завел колонну в засаду. С двух сторон был открыт по карателям меткий огонь. Колонна дрогнула и, отстреливаясь, начала отход, но в это время сзади ударил Мацкявичюс. Завязался рукопашный бой. Каратели прокладывали себе дорогу штыками, но и косинеры не отступали. В конце концов часть солдат прорвалась из кольца, но тут на них обрушился резерв, его повел в бой Сераковский. Каратели бежали, бросив весь обоз. На поле боя осталось 40 трупов солдат, 60 было ранено. Уцелевшие рассыпались в лесу. Казаки на окровавленных лошадях, спасаясь бегством, далеко разнесли весть о бесславном поражении экспедиций. Потери повстанцев, по Зелинскому (двое убитых и четверо раненых), очевидно, несколько преуменьшены[26].

Весьма характерно для официальных документов, что поражение карательного отряда в Роговском лесу изображено в «Журнале военных действий» как победа, что здесь произошел бой двухтысячного отряда повстанцев с тремя ротами пехоты и эскадроном кавалерии, в ходе которого повстанцы потеряли 120 убитыми, в то время как войска — только 5 убитыми и 7 ранеными. Повстанцы применили в бою артиллерию и имели свыше 300 всадников[27].

12 (24) апреля отряд Доленги, оставив Роговские леса, прибыл в Корсакишский лес, где в него влилась группа в 200 человек. Здесь 15 (27) апреля отряд подвергся новому нападению карателей. «Нас атаковали три роты и эскадрон улан, — свидетельствует Колышко,— но, заметив расположенную нашу цепь, остановились и, сделав по 3 выстрела, решились одной колонной сделать отход. Колонна эта наткнулась на нашу засаду и, оставив после перестрелки несколько убитых, отступила, а за нею и весь отряд. После этого наш отряд перешел реку Свенту в Андронишские леса: здесь мы нашли новый отряд в 300 человек под начальством какого-то офицера Генерального штаба, фамилии его не знаю (очевидно, Ясинский. — *А. С.*). Отряд этот также присоединился к нам и во время нескольконедневного пребывания нас в этом лесу к нам постоянно приходили люди, так что через несколько времени образовалось до 1300 человек»[28].

Эта стоянка отрядов Сераковского известна под названием лагеря в Кнебях (в 15 км от Оникшт). Здесь, используя передышку, полученную в результате победы в двух сражениях, повстанцы завершили формирование. Здесь же на военном совете был обсужден и принят план дальнейших действий. От Сераковского отделился отряд Люткевича (60 человек), но зато присоединился отряд Доминика Малецкого. К лагерю беспрерывно подходили все новые и новые группы добровольцев. Выбор стоянки вблизи местечка Оникшты, известного упорными волнениями казенных крестьян, уже сам по себе интересен.

«С прибытием Сераковского, — отмечает Милютин, — все отдельные шайки начали стягиваться в самый северо-восточный угол Ковенской губернии, в соседство с Курляндией. В общей совокупноости должно было образоваться скопление свыше 2 тыс. человек» [29].

Сераковский показал себя прекрасным организатором и умелым военачальником. Он исходил из того, что мелкие партизанские отряды, действуя в ограниченном районе, без поддержки крестьянства страны не в состоянии одержать победу над многочисленными карательными отрядами. Сераковский приступил к созданию большой народной армии, опираясь прежде всего на крестьян, однодворцев, интеллигенцию. В отличие от распространенной практики недоверия к косинерам (чем страдал даже Длуский-Яблоновский — несомненный демократ и опытный партизан), он возвысил крестьян, вооруженных косами. Если в других отрядах в косинеры зачисляли повстанцев за провинность, а в бой с косой «штрафники» шли неохотно, то Сераковский устранил эту порочную практику и дал косинерам лучшие офицерские кадры. Он отказался от губительной тактики пассивного выжидания, насаждавшейся Гейштором, и применил метод активных наступательных действий, воодушевлявший повстанцев. Очевидцы сообщают, что Сераковский очень большое внимание уделял крестьянам; в перерывах между боями и маршами подолгу беседовал с ними, разъясняя смысл борьбы, новое их положение и вытекающие из него обязанности [30].

Сераковский поддерживал в отрядах сознательную дисциплину, основанную на понимании рядовыми и офицерами своих обязанностей и долга. Вел он себя просто, называя повстанцев «братьями», уважая крестьян, разъясняя им, что в случае победы в «завоеванном отечестве всем будет хорошо, часто выступал перед народом, сея в нем зерна любви к краю», воодушевляя крестьян в деревнях, лежащих на пути движения отрядов. Имя Доленги стало символом надежды, и отовсюду к нему «собиралась молодежь — цвет всего края» [31].

Бесспорной заслугой Сераковского как организатора повстанческих сил является ликвидация конфликта, возникшего между двумя виднейшими вождями повстанцев — доктором

Б. Длуским (Яблоновским) и А. Мацкявичюсом. Последний, призвав крестьян к оружию, не имел сам на первых порах нужных военных знаний и передал командование Длускому. Лица, знавшие Длуского, свидетельствуют, что он верил в народ, старался хорошо вооружить и обучить крестьян, но, видя малые успехи в обстановке непрекращающихся боев, отпустил из отряда тех, кто не имел оружия и нужных военных навыков. В их число попало много крестьян. Мацкявичюс расценил этот шаг как недооценку крестьян и устранение их от общей борьбы. Появление Сераковского положило конец этим недоразумениям. А. Мацкявичюс присоединился к Сераковскому и стал его ближайшим помощником и другом. Во время схваток он неоднократно водил косинеров в рукопашный бой. По его словам, Сераковский дал очень ловкое революционное направление литовскому восстанию.

В лагере под Кнебями Сераковский реорганизовал собранные силы, создав 9 батальонов (в каждом не больше 300 бойцов) по 6 взводов, из которых 4 стрелковых были вооружены огнестрельным оружием и 2 — косами и пиками (косинеры). Батальонами командовали Мацкявичюс, Антоневич, Жарский, Родович, Козаковский, Станишевский, Каспер и Доминик Малецкие; конной группой руководили Лабановский, Ольшевский и Белевич. Во главе штаба стоял Игнаций Лясковский, бывший офицер артиллерии, его помощник — Ян Купщ. Адъютантом Сераковского был назначен Ярослав Коссаковский. Вивульский стал инструктором косинеров. Б. Колышко сохранял пост командира своего Дубисского полка в составе батальонов Жарского и Родовича.

В этом лагере повстанцы провели около недели. Точная численность их не устанавливается, различные источники называют цифры от 1,5 до 5 тыс. (Зелинский, например,— около 2500 человек, Колышко — до 1300 человек). Очевидно, постоянного состава в отряде не было, он быстро рос, часто разъединялся на части, и все это, по-видимому, привело к возникновению столь различных сведений о его численности.

В отряде Сераковского было много военнослужащих. Большинство солдат и офицеров скрывалось под вымышленными именами. В отряде сражалась группа драгун, перешедших к повстанцам с оружием. Но из всех этих отважных людей нам известно только имя одного — русского солдата Андрея. Указывают также на участие в сражениях русских офицеров. Так, одним из батальонов в Дубисском полку командовал русский офицер Б. Какой-то офицер Генерального штаба (фамилию Колышко не указывает) привел к Сераковскому отряд в 300 человек. Еще один неизвестный русский офицер состоял в штабе помощником Лясковского. В отряде находился офицер Антоневич, в прошлом служивший в Кавказской армии. Но возможно, что это не его подлинная фамилия. Почти все командиры в соединении Сера-

ковского были воспитанниками петербургских военных училищ и академий.

В лагере под Кнебями состоялся военный совет, на котором Сераковский открыто поставил вопрос о марше в Курляндию. К этому времени он, по-видимому, уже был извещен о неудаче экспедиции Лапинского. Это предложение было единодушно поддержано всеми офицерами отряда. Хотя отряд Доленги выходил за пределы Литвы, но там оставалось достаточно сил для продолжения борьбы.

Успешные действия отряда Сераковского оттянули к нему карательные войска, что позволило другим отрядам, используя передышку, произвести переформирование. Яблоновскому удалось получить транспорт с оружием у прусской границы. Писарский, Шимкевич, Кушлейко увеличили свои отряды, очистили от царской администрации десятки волостей. Перед уходом из лагеря Сераковский выслал батальон Мацкявичюса в Оникшты для уничтожения царской администрации и ликвидации управления казенными именьями. Задачу Мацкявичюс выполнил отлично, конфисковав деньги в казенной палате. 21 апреля (3 мая) разведка К. Малецкого донесла о приближении крупных неприятельских колонн. Передышка окончилась [32].

21 апреля (3 мая) колонна Сераковского покинула лагерь при Кнебях и двинулась на местечко Свядощь, лежащее на дороге к крепости Динабург. Вначале повстанцы двигались по трактам, демонстрируя населению силу восстания. Отряды быстро пополнялись добровольцами. Но при этом решалась и вторая, не менее важная задача,— вводились в заблуждение царские генералы. Сераковский распустил слух, что идет на Динабург и некоторое время двигался к нему. В окрестностях Свядощи отряд круто изменил направление и разбился на три колонны. Пунктом сбора были назначены Биржи (Биржай), крупное именье графа Тышкевича у Курляндской границы. Сераковский с четырьмя батальонами шел к нему в центре через Солы, Скопишки, Понедель, Попель; справа — Мацкявичюс через Ракишки. На левом фланге двигался Колышко со своим Дубисским полком (1 и 2-й батальоны). Разделившись на три части, повстанцы Сераковского должны были широким фронтом пройти вдоль курляндской границы, преследуя цель широкого вовлечения в борьбу населения пограничных латышских деревень. Помимо этого, крутое изменение маршрута позволяло Сераковскому надеяться, что его не сразу откроют, а будут некоторое время искать по дороге на Динабург. В целом же марш в Курляндию был подчинен задаче расширения и демократизации восстания.

К концу апреля Ковенская губерния была объята пламенем восстания, принявшего народный характер. В донесении от 20 апреля генерал Лихачев, командующий карательными си-

лами в губернии, писал, что «в последнее время непомерно увеличились шайки мятежников. Не только весь пролетариат и значительное число чиновников окончательно к ним пристали, но и сельское население, в особенности казенные крестьяне, начинают значительно увеличивать их шайки». Повстанцы, по словам генерала, «употребляют все свои усилия, чтобы вербовкою увеличить свои шайки, расстроить в основании механизм сельского и полицейского правления и заставить народ страхом и коммунистическими обещаниями пристать к революции... Достаточно появления 5 мятежников в местечке в 500 душ, чтобы привести в исполнение смертный приговор над каким-нибудь чиновником земской полиции или забрать казну и сжечь дела местного управления... Число войск при современных обстоятельствах слишком недостаточно... восстание быстро возрастает и угрожает сделаться поголовным».

Через несколько дней Лихачев сообщал Назимову о повсеместном и почти открытом восстании казенных крестьян. «Коммунистические обещания мятежников не только разъединили сельских жителей с войсками, но и подорвали их уверенность в силу правительства» [33].

Донесения Лихачева, составлявшиеся в разгаре борьбы, более верно передают ход событий, нарастание силы повстанцев, активное участие в восстании широких народных масс, чем тщательно отредактированные сводки штаба округа. Но и в последних содержатся признания подобного рода. В них, конечно, немало дифирамбов в честь царя и его мудрых министров, «разрушивших окончательно» все козни революционной партии манифестом 1 марта. Но составители сводок все же отмечали, что меры правительства «не могли оказать сразу и вполне свою силу... партия действия не дремала и в усилии поднять поголовно население показала громадную энергию». Царские офицеры в «Журнале военных действий» отмечали, что вожди восстания в Литве, стремясь привлечь на свою сторону крестьян, исходили из непринятия народом условий царской «реформы», полагая, что насильное ее введение вызовет новый подъем крестьянского протеста: «Двигатели польского движения в Литве стали употреблять все средства, чтобы привлечь на свою сторону крестьян!.. Впечатлением строгих мер, которые должны были вызвать случаи неповиновения крестьян, предполагалось поколебать безусловную преданность сельского населения правительству. Еще более рассчитывали революционеры на провозглашение в особом манифесте их обещания дарового предоставления земли в собственность с освобождением крестьян от всех повинностей».

«Журнал» отмечает в апреле непомерное увеличение числа отрядов, в которых действуют не только пролетариат и значительное число чиновников, но и крестьяне, «управление вне

городов уничтожается и разрушается», «пределы восстания расширяются, волнение достигает и распространяется в губерниях Минской, Витебской, а в Ковенской и Гродненской мятеж принимает даже широкие размеры»[34]. Итак, даже царские офицеры вынуждены признать, что манифест царя от 1 марта и обнародованные амнистии не оказали влияния на население. Восстание росло территориально, увлекало в борьбу самые широкие массы народа. В этом была заслуга и Доленги.

«Сераковский, — указывается в «Журнале военных действий», — один из главных агитаторов Литвы, успел в короткое время приобрести огромное влияние на всю революционную партию. Личность его сделалась обаятельною, ему удалось возбудить волнение между государственными крестьянами. Этими средствами, также насильственною вербовкою, он увеличил шайку свою до 1000 человек. Не менее важно его значение как военного предводителя шайки: в короткое время он успел ее правильно организовать, шайка разделена была на батальоны и роты; у него было 300 стрелков, хорошо вооруженных; шайка обучалась в лагере при Кнебях по печатному уставу на польском языке. Сераковский предполагал систематически вести войну с высланными против него отрядами. Выйдя из Кнебей несколькими колоннами и дав им первоначально ложное направление, он думал ввести таким образом в заблуждение относительно истинного направления его шайки, разбросав мелкие партии около местечек Шиманцы и Субочь; разными демонстрациями предполагал заставить наш отряд медленно наступать, самому между тем выиграть время, броситься на соединение с Колышкою, притянув к себе партию ксендза Мацкевича от Ракишек, и с этими силами укрыться в Курляндских лесах, произвести восстание в Курляндии и открыть сообщение с морем»[35].

Итак, официальные данные властей признают успех Сераковского на посту военного руководителя повстанцев Литвы. Другие, более правдивые и полные источники дополняют официальную сводку. Высоко оценил свой поход к границам Курляндии Сераковский, подчеркнув, что повсюду население радушно встречало повстанцев и он рассчитывал в скором времени создать из добровольцев 10-тысячную повстанческую армию. «Везде нас встречали как родных, — указывал Сераковский. — Крестьянки приводили к нам своих сыновей»[36].

Успехи повстанцев были обусловлены резким недовольством крестьян аграрной и национальной политикой царского правительства, заблаговременной подготовкой к восстанию, проведенной Литовским Провинциальным комитетом. Поход повстанцев напоминал триумфальное шествие, они не могли принять всех добровольцев, вооружить и организовать их, и за отрядами шли крестьяне, вооруженные топорами, ожидая зачисления в отряд и получения оружия[37].

Крестьяне встречали отряды Сераковского «с хлебом и солью», как признавали в донесениях местные полицейские власти. В занятых селениях повстанцы собирали крестьян и, выступая перед ними, разъясняли, что сражаются за их освобождение. К повстанцам везде поступало много добровольцев («охотников»).

Вот как описывает действия повстанцев один из земских исправников: «22 апреля мятежники в количестве более 500 человек под предводительством некоего Доленги вторгнулись из Вилькомирского уезда в местечко Скопишки, а 23 апреля в 12 час. утра появился в местечке Понедель авангард их в количестве нескольких десятков хорошо вооруженных конных мятежников. Отправившись в становую квартиру, они арестовали пристава и его письмоводителя и предложили указать канцелярию. Взломав дверь канцелярии, запертую замком, забрали все бумаги, дела, поручения, законы и печать, все это вынесли на поле и сожгли. Затем авангард предложил настоятелю местного костела и викарному ксендзу выйти навстречу отряду инсургентов и его начальника, а также и евреям, с поднесением хлеба и соли. Все это было исполнено.

Процессия вошла в костел... множество разного сословия и вероисповедания людей... собрались в костеле. После пения гимна капеллан отряда ксендз произнес проповедь о восстании, заявляя, что дворяне, помещики, крестьяне и разного сословия люди идут на освобождение именно крестьян от подданнического звания, прочитал мятежникам на литовском языке манифест. По выходе из костела после обеда в сумерках двинулись из Понеделя в Понямунь (помещика Кошара). До выхода своего цепь и пикеты не выпускали из местечка людей, съехавшихся на базар. При выходе из Понеделя освободили письмоводителя, пристава же пешком, в среде своих батальонов, погнали с собой. Акцизные ярлыки, патенты, так равно и находившуюся у г. помощника акцизного надзирателя Петкевича бумаги и печать, отняв, сожгли. Появившиеся сто человек охотников — временнообязанных и казенных крестьян взяли с собой; из помещиков не было заметно, чтобы кто-либо представился предводителю мятежников для принятия в ряды отряда» [38].

Колонна Мацкявичюса двигалась через местечки Колган, Ракишки, Жабишки; впереди шел конный разъезд. В занимаемых деревнях и местечках повстанцы арестовывали полицейских, разгоняли царскую администрацию, объявляли жителям о прекращении власти царя. Мацкявичюс, выступая перед народом, для наглядности рядом с собой ставил полицейских, одетых по всей форме, и, показывая на них крестьянам, провозглашал окончание царской власти, наступление свободы, внушал, чтобы и после ухода повстанцев не исполняли никаких распоряжений чиновников и полицейских. Жителям объявлялось, что они

«получат бесплатно надел земли». В ряде случаев Мацкявичюс, разбирая жалобы крестьян на притеснявших их полицейских, чиновников, помещиков, выносил смертные приговоры и приводил их в исполнение.

Никаких неистовств и убийств, как о том писали царские власти, повстанцы не производили. Даже полицейские приставы, арестованные Мацкявичюсом, позже признавали, что, если они не были виновны в надругательствах над народом, повстанцы с уважением относились к их верности присяге. Мацкявичюс в таких случаях говорил: «Мы также любим и уважаем тех людей, которые исполняют долг своей присяги»,— и оставлял полицейских под арестом до ухода отряда. Повсюду в пути к отряду Мацкявичюса «много присоединилось из разного сословия, как-то: казенных и временнообязанных крестьян, а также мещан и дворян». Помещик Поневежского уезда Бистром сообщал в личном письме царю, что повстанцы, выступая перед крестьянами, обещают им «сжечь имения, чтоб не осталось от них никакого следа», и потому «крестьяне почти все сочувствуют в настоящее время мятежу».

Деятельность повстанцев свидетельствует о стремлении опереться на крестьян и другие демократические элементы. «Это восстание есть народное»,— заявлял Сераковский. Поднимая знамя аграрной революции в занимаемых повстанцами селениях и местечках, он «провозглашал низвержение с престола государя императора»[39]. Под это знамя устремились самые радикальные элементы и прежде всего крестьяне — литовцы, поляки, белорусы и латыши.

В листе 165 «Колокола» было помещено обширное донесение о ходе восстания в Литве, озаглавленное «Из письма литвина от 8 мая 1863 г.». Автор письма подробно описывал успешный ход восстания, выделяя особо отряд Доленги: «Восстание в Литве и Самогитии постоянно увеличивается, несмотря на то, что русские колонны перебегают край в разных направлениях. Формируются постоянно новые отряды инсургентов, везде, где только некоторое время нет русских войск. Крестьяне с каждым днем принимают более искреннее участие в восстании, духовенство совершенно ему предано, евреи способствуют ему, хотя пассивно. Только недостаток лучшего оружия весьма чувствителен, хотя в последнее время получено его некоторое количество. Через Пруссию почти нет возможности получить оружие: прусские власти бдительнее и усерднее здешних. В последнее время восстание заняло весь Вилькомирский уезд до границ Ново-Александровского; Тельшевский уезд, где были собраны значительные силы, воспользовался уходом ген. Мейделя с 2500 человек и тотчас же вспыхнул. В Шавельском уезде восстание сильно развивается, уже 13 апреля около Тришек под Белянишками Писарский с горстью инсургентов причинил значительный урон

двум соединенным колоннам войск. После стычки русские сожгли Белянишки, но всего любопытнее то, что вместе с тем сожгли и тела своих убитых, дабы скрыть свою потерю. Это укрывательство сделалось общим правилом русских отрядов. Итак, если только поле сражения осталось за ними, то раздевают своих убитых (чтобы нельзя было их отличить от инсургентов) и поспешно закапывают...

Большие или меньшие стычки происходят ежедневно, так что подробно их исчислить невозможно; вообще же можно сказать, что дела инсургентов идут хорошо. Вначале они теряли обозы, но теперь сделались опытнее и умеют их сохранять. В последние две недели инсургенты имели несколько очень счастливых стычек. Яблоновский сформировал свой отряд и, доведя его до 2 тыс. человек, разделил на несколько частей и сам с меньшею частью прорвался до прусской границы, взял там несколько оружия и, остановившись в укрепленном лагере в Таурог под Караполем, оттеснил с уроном русских, которые два раза атаковали его».

Затем сообщалось о победе повстанцев Сераковского под Роговым, о «пламенном участии в восстании» казенных крестьян, о восторженных встречах повстанцев с местным населением. Численность объединенного отряда Доленги автор письма определял в 2700 человек.

Далее в письме указывалось: «Назад тому неделя происходили стычки неподалеку от дороги из Вилькомира в Вильно под Ширвинтами. Сильный отряд русских под начальством генерала Ганецкого из шести рот пехоты и двух эскадронов кавалерии наткнулся на соединенные отряды Городинского и Вислоуха. Бой был кровопролитный. Городинский и еще 13 инсургентов пали; русских убито 89, которых по отступлению инсургентов в глубину леса приказано крестьянам поспешно похоронить под присягой сохранить тайну. Четыре только трупа для вида отослали в Вильно и там похоронили с почестями. Вероятно, в русских бюллетенях только и будет сказано об этих четырех. Ганецкий направился к Оникштам, куда прибыл два дня после прохода Мацкевича» [40].

Получив тревожные сообщения об успешных действиях повстанцев Жемайтии и массовом участии крестьян в восстании, генерал-губернатор Назимов двинул к Оникштам специальную карательную экспедицию генерала Ганецкого — командира гвардейского Финляндского полка. Ганецкий форсированным маршем бросился в погоню за колонной Сераковского, присоединяя по пути карательные отряды, потрепанные до этого повстанцами. Всего под командованием Ганецкого сосредоточилось около семи рот пехоты (из них половина гвардейской), два эскадрона кавалерии и около двух сотен казаков. У Сараковского силы были значительно слабее. Из лагеря при Кнебях

он вывел около 1500 бойцов (из них только 300 имели ружья), по пути к нему присоединилось несколько сот крестьян, но большинство из них не были вооружены.

Ганецкий полагал, что у Доленги 20 тыс. бойцов, и наращивал свои силы. Сераковский не принял сражения, получив сообщение о приближении карательных отрядов, и, сделав ложный марш, круто повернул к Курляндии, стремясь оторваться от наседающих войск. Это ему не удалось. 25 апреля (7 мая) авангард Ганецкого (отряд майора Мерлина) атаковал повстанцев у деревни Медейки. Завязался ожесточенный, самый продолжительный и упорный бой повстанцев Литвы, длившийся с перерывами трое суток — с 25 по 27 апреля (7—9 мая). Он вошел в историю под названием «Битвы у Бирж».

Наиболее точные и достоверные данные о ней содержатся в показании Колышки. «В Биржских лесах,— пишет он,— лишь только я соединился с Доленгой на пути из местечка Попель в Радзивишки, мы были атакованы полуторами ротами пехоты, эскадроном драгун и сотней казаков. Пехота была армейская. По перестрелке мы хотели отступать, чтобы занять более удобную позицию, но одна из сменяемых цепей задержала атаку войск, она отступила из деревни и более уже не нападала, и мы остались на своем месте. После этого, на другой день, мы заняли в ожидании прихода ксендза Мацкевича позицию в лесу (близ Гудишек.— *А. С.*). Здесь мы были в совершенной неизвестности ни о силе войск, ни о их движениях, так что, когда в тот же день стали к нам подходить войска, мы думали, что это те же самые, которые накануне нас атаковали с подкреплением, прибывшим из Шамберга. Но первая атака убедила нас, что мы имеем действия не с армейцами, а с стрелками гвардии, о которых мы слышали еще раньше, что они идут на нас. Это было 25 или 26 апреля. Атака на правое наше крыло нам сильно повредила, и хотя мы успели устоять, по двухчасовой битве, но обходного движения с левой стороны выдержать не смогли. Главной причиной было то, что в начале сражения было убито несколько самых лучших офицеров и ранен Доленго» [41].

По свидетельству Квенто, повстанца отряда Колышки, схватка у Бирж во второй день продолжалась около пяти часов. Потери повстанцев составили более 100 человек убитыми (в том числе офицеры Жарский, Антоневич и др.); Вивульский был ранен и взят в плен [42].

Успех Ганецкого был обеспечен численным превосходством его отряда и лучшим вооружением. Гвардия царя сражалась с крестьянами-косинерами. Кроме того, на помощь карателям немецкие бароны выслали отряд из 200 человек, в составе которого было много охотников-егерей. Отлично зная местность, они обеспечили карателям неожиданность нападения, выведя их прямо к лагерю повстанцев. Несмотря на огромный перевес силы

(Мацкявичюс все еще не подходил и у Сераковского едва ли была тысяча вооруженных бойцов), за два дня упорного боя каратели не добились решающего перевеса. Хотя к концу второго дня повстанцы и отступили, они сохранили обоз и увели раненых. К месту боя поспешил близко находившийся отряд Люткевича, но не смог пробиться через кольцо царских войск.

Ночь опустилась на поле боя, временно прекратив сражение. За два дня повстанцы потеряли до 200 человек убитыми и ранеными, в том числе нескольких офицеров.

Тяжело ранен был и Доленго. Пуля пробила ему спинной хребет, и адъютант вынес его из боя на руках. Сераковский нашел силы отдать последние распоряжения. Лежа на траве у разложенного костра, он приказал позвать к нему представителей косинеров. Когда крестьяне подошли, он привстал и, опираясь руками о землю, благодарил их за мужество в бою, сказал, что ранен тяжело, вынужден покинуть отряд, но скоро вернется. Сераковский передал командование Лясковскому и наказал слушать его во всем.

На следующий день сражение возобновилось у деревни Шнуркишки в 18 км от Биржь. Инициатива полностью перешла к гвардейцам. Колышко указывает, что после ранения Доленги отряд разделился на две части: одна с обозом двинулась обратно на местечко Попель. Вторая часть, «не зная, что делается с первой, воротилась на место битвы, когда русские войска отошли в деревню, и ночевали тут, соединившись с Мацкевичем, который прибыл через час после дела. На другой день, утром, мы пошли по следам обоза и догнали его верстах в 12. Но едва мы с ним соединились, как снова были атакованы опять теми же войсками. Атака была неожиданная, порядка в постройке колонн соблюдать было нельзя, так как была дурная позиция, а главное не хватало патронов. Первое наше дело было удержать стрелками наступление, чтобы дать время уйти обозу. Правым крылом стрелков начальствовал я, и когда левое крыло было смято, часть правого была совершенно отрезана от главного отряда, так что должна была силой пробиваться в другую сторону, вместе с ними и я» [43].

После поражения у Шнуркишек 27 апреля (9 мая) Лясковский и Мацкявичюс увели большую часть уцелевших бойцов (свыше 400) в Поневежские леса, а Колышко с небольшой группой укрылся в окрестных лесах, стремясь спасти оставшегося у них на руках раненого Сераковского. 27 апреля Сераковский, Колышко и сопровождающие их повстанцы были арестованы [44].

Поражение повстанцев у Биржь объясняется, прежде всего, перевесом сил карательного отряда. Ведь у Сераковского было только 300 стрелков против 7 рот, вооруженных штуцерами. Известную роль сыграло и ранение Сераковского в решающий момент боя, когда он пытался восстановить порядок в дрогнув-

ших рядах. И хотя раненый он продолжал командовать, весть об этом усилила замешательство косинеров, горячо его любивших.

Какие последствия имела неудача Сераковского?

30 апреля (12 мая), торжествуя победу, Ганецкий писал Назимову: «После дел 25, 26, 27 апреля, о которых я сообщил телеграфной депешею, остатки разбитой шайки рассеялись в различные стороны, причем мятежники расходятся в различные стороны по домам. Уничтожив значительную часть скопища и захватив главных начальников и при том нравственном влиянии, которое имели на жителей ускоренные действия отряда, я не сомневаюсь в том, что соединение этих партий снова в шайку невозможно» [45].

Но рано Ганецкий торжествовал. Повстанцы, лишившись вождя, продолжали борьбу, и уже 3 мая из Поневежа сообщили, что «поступки их с каждым днем делаются смелее: вооруженные везде появляются свободно», ликвидируют полицейские управления, не дают взимать с крестьян налоги, «страдает частная собственность» [46]. Наиболее успешно действовали отряды Мацкявичюса и Лясковского. Они переформировали повстанцев, отступивших от Биржи. Продолжал действовать и Дубисский полк, хотя и потерявший своего командира, но сохранивший основной состав и знамя. Обстрелянные бойцы остались верными принципам своего начальника и продолжали борьбу в составе отряда Лясковского, принявшего после Доленги пост военного начальника Ковенского воеводства. В отряде Лясковского соратники Колышки составили особый батальон под командой Родовича. Ряд удачных боев в мае провели отряды Яблоновского, Писарского, Шимкевича.

Из этих схваток наиболее значительными были действия Яна Станевича-Писарского, подчиненные общему замыслу Сераковского. Отряд Писарского — около 370 бойцов — получил задание вместе с Длуским обеспечить высадку экспедиции Лапинского в районе Паланги. Писарский, избегая сражений, кружил в лесах у побережья, ожидая сигнала. Вблизи находился и отряд Длуского. Повстанцы беспрерывно меняли позиции. 9 (21) мая Писарский столкнулся с карательным отрядом (до трех рот, один эскадрон драгун). Часть повстанцев во главе с Павлом Станевичем приняла удар на себя, прикрыв отход товарищей. Повстанцы ушли от преследования, потеряв 48 человек. Отряд Длуского не мог оказать помощь Станевичу, так как был отрезан превосходящими силами врага; 29—30 апреля (11—12 мая) Длуский выдержал упорный бой в пограничных лесах у Тауроги, прикрывая транспорт с оружием, прибывший из Пруссии. Несмотря на явное превосходство царских войск (до 5 рот и отряд пограничников), Длуский, имевший 150 отлично подготовленных стрелков, заманил войска в засаду, расстрелял их в упор и скрылся в непроходимых лесах [47].

Однако эти удачи не восполнили урона, понесенного у Бирж. Военные столкновения все чаще заканчивались победой карателей. Изолированные друг от друга, окруженные превосходящими силами противника, не имевшие постоянной связи для координации своих действий, повстанческие отряды более не предпринимали смелых маршей, подобных движению колонн Сераковского. Вопрос о прорыве крупных повстанческих сил в глубь страны был снят. Реальных сил для его осуществления уже не было.

Как записывали авторы «Журнала военных действий» войск округа, с конца мая восстание начало заметно ослабевать. Описав бои с отрядами Траугутта, Яблоновского, Врублевского, составители «Журнала» отмечали, что «остальные дела состояли из перестрелок, от которых всякий раз мятежники были обращены в бегство почти без сопротивления».

Тенденция спада движения отражена в общем верно. В течение апреля погибли лучшие силы, подготовленные к выступлению или уже сформированные и обученные заранее Провинциальным комитетом во главе с Калиновским. Новых формирований почти не производилось из-за саботажнической политики помещичьей партии, вставшей у руководства. Сказалась гибель лучших военных кадров и прежде всего Сераковского. «С исчезновением со сцены руководителя утратилось и последнее единство, которое замечалось в предшествовавших действиях мятежников» [48].

Примерно к такому же выводу пришел и Гейштор: «...страна нуждалась во всем: в оружии, в порохе, в снарядах. Март и апрель — в эти месяцы восстание было самое сильное, но со смертью Нарбута — первого и действительно самого способного партизана и с поражением Сераковского — способного, благородного начальника Ковенской губернии, судьба литовского восстания была решена» [49].

3. Действия повстанцев в Могилевской, Витебской, Минской, Виленской губерниях

Составной частью плана Сераковского являлись действия повстанческих отрядов в Восточной Белоруссии под руководством Звеждовского. На военном совете в Вильно Звеждовский получил задание поднять восстание в Могилевской губернии с последующим движением к Смоленску. 4—6 апреля (ст. ст.) 1863 г. он был в Москве, а затем через Смоленск выехал в Белоруссию [50]. По свидетельству современников, Звеждовский ушел к повстанцам не с пустыми руками, он сумел передать им транспорт с оружием, боевыми припасами, снаряжением [51].

Активными помощниками Звеждовского в подготовке вооруженного выступления были члены военной организации, слушатели академий и училищ Петербурга, офицеры гарнизонов Смоленска, Кричева, Могилева: И. Будзилович, К. Жебровский, Я. Манцевич, С. Дзержановский, Миткевич, Я. Жуковский и др.[52] 12 апреля в фольварке Литвиново, принадлежавшем Миткевичу, группа Звеждовского развернула работу по формированию отрядов. На территории Витебской и Могилевской губерний было создано шесть инициативных групп, которые Звеждовский намеревался объединить в многотысячную крестьянскую колонну (пленные называли цифру в 15 тыс. человек).

По свидетельству Цилова, восстание заблаговременно готовилось студентами Горыгорецкого земледельческого института. Они вели пропаганду среди крестьян, создавали народные школы, обучали крестьян по букварям и книжкам на белорусском наречии, отпечатанных латинским шрифтом. Посещая народные гулянья и праздники, студенты вели беседы с крестьянами[53].

Однако в целом обстановка в восточных районах Белоруссии была неблагоприятна для восставших. Вооруженное выступление здесь затянулось, население не было знакомо с программой восставших. Царские власти использовали это обстоятельство и клеветнически изображали восстание как заговор польских помещиков против крестьян, как борьбу за возврат крепостничества. В этих условиях выбор Звеждовским района Горы-Горок как отправного пункта борьбы за вовлечение крестьян в восстание был как нельзя более удобен. Здесь студентами была проделана некоторая подготовительная работа, налажены связи с местным населением, крестьянством окрестных деревень.

В своей деятельности в качестве руководителя восстания в Восточной Белоруссии Звеждовский выступал как демократ, республиканец, интернационалист. Он стремился поднять восстание крестьян в Белоруссии, а затем распространить его далее на восток, используя недовольство народа грабительской реформой 19 февраля. Общее выступление революционных сил Звеждовский назначил в ночь с 23 на 24 апреля (с 5 на 6 мая). Предполагалось, что инициативные группы выступят во всех уездах в одно время, разоружат полицию и мелкие воинские команды, развернут среди населения широкую пропаганду демократических принципов.

Накануне выступления Звеждовский разработал и выслал начальникам отрядов «Диспозицию», в которой изложил основные задачи повстанцев. Он рекомендовал в глухих лесных урочищах, удобных для обороны, создавать опорные пункты с запасом оружия, боеприпасов, продовольствия, собранных людей обучить простейшим воинским эволюциям, разделить на группы по 25—30 человек (плутоны) во главе с офицерами. Каждый отряд должен был иметь конную разведывательную группу и

легкий обоз, в бою умело сочетать применение огнестрельного и холодного оружия, «атаковать неприятеля всем фронтом», построив повстанцев в шеренги по шесть—восемь человек в три-четыре ряда.

Характер действий отрядов предусматривался партизанский, рекомендовалось совершать быстрые маневры, запрещалось задерживаться более суток на одном месте. Предписывалось избегать встреч с войсками, прибегать к засадам, портить коммуникации, связь, уничтожать всюду царскую администрацию, сжигать дела сельских управлений и судов, атаковать, если позволят силы, уездные города, уничтожая в них администрацию и учреждая свои органы власти; всюду по деревням и местечкам оглашать народу январский манифест о наделении крестьян землей и уничтожении феодальных повинностей. «Для увеличения сил отряда,— писал Звеждовский («Топор»),— вербовать народ, а где не будет добровольцев, то в таком случае набирать рекрутов, стремясь при этом поступать со всеми жителями приветливо, невзирая на происхождение и сословную принадлежность». Как указывал Будзилович, военный начальник Оршанского уезда, ему «вменялось в обязанность обращаться с жителями мягко, ласково, не делать беспорядков и насилий, постараться препятствовать путям сообщения, портить мосты и телеграфные линии» [54].

В ночь на 24 апреля (6 мая) выступила группа «Косы» (Жуковского), направляясь на Кричев с целью захвата расположенных там орудий резервной артиллерии. В Сеннинском уезде выступил отряд Жебровского («Костки») — до 30 человек, в Быховском — группа Анцыпы — около 15 человек, в Рогачевском — Гриневича и Дзержановского. Две группы (в 20 и 30 человек) появились в окрестностях местечка Лиозно, группа в 40 человек — у местечка Бабиновичи, группа Будзиловича — в районе Орши (до 40 человек), наконец, «Топор», имея более 100 бойцов, направился к Горы-Горкам.

Широко задуманное выступление сорвалось. Мелкие партии в первые два-три дня были рассеяны войсками и полицией, действовавшими иногда при поддержке крестьян. Более удачно на первых порах действовал отряд «Топора». В ночь на 24 апреля он овладел местечком Горы-Горки при активной поддержке заранее извещенных студентов Горыгорецкого института. Местная воинская команда была разоружена. Успех, однако, был парализован возникшим в ходе боя пожаром, что дурно подействовало на гражданское население, понесшее значительные убытки.

В Горы-Горках к повстанцам присоединилась часть студентов института (около 80 человек), отряд вырос до 250 человек. Повстанцы были хорошо вооружены и обучены. «24 апреля,— пишет современник,— победители, предводимые „Топором", одетым в форменное пальто Генерального штаба, сидевшим верхом

на сером коне, пришли на институтский двор и начали хозяйничать». Перед собравшимися жителями местечка и студентами выступил Л. Звеждовский с объяснением программы восстания и объявил «о прекращении власти царя, о совершенной веротерпимости при наступающей власти». По другим данным, Звеждовский в занятых населенных пунктах говорил крестьянам, что поднял оружие, стремясь сделать их «совершенно свободными»[55].

Цилов также отмечает, что «Топор», выступая перед народом, не снял мундира офицера Генерального штаба и в обращении к жителям местечка разъяснял им подлинные намерения восставших. Цилов приводит диалог «Топора» с дьячком институтской церкви: «Зачем вы здесь?» — «С самою мирною целью».— «Ведите себя так и впредь, а главное не возмущайте народ, а то худо вам будет. Польша задумала восстановиться и восстановится. Восстала Польша, затем Литва, теперь же очеред за Белоруссией. Вы помните, как мучили униатов, принуждая их принять православие? У нас этого не будет. Для нас все равно, кто бы какого исповедания ни был. Смотрите же, не возмущайте народ, а то мы через два дня опять придем в Горки и тогда за возмущение вы получите наказание»,— сказав это, он подал руку»[56].

В Горках Звеждовский не задерживался. На следующий день отряд покинул местечко. Повстанцы шли скоро, совершая большие переходы. Звеждовский спешил выйти из окружения войск, двинутых против его отряда. Царские власти на месте и в центре приняли срочные меры. Полученные в Петербурге из Могилева телеграммы сообщали, что отряд повстанцев, овладевший Горы-Горками, насчитывал до 300 человек. Находившаяся в уездном центре воинская команда разгромлена, повстанцами захвачено 25 тыс. рублей, запасы оружия и снаряжения. Среди восставших много студентов Петербургского и Московского университетов, Горыгорецкого института, чиновников, а командует ими офицер Генерального штаба «Топор». Из Горок отряд двинулся в направлении Чаус, сжигая за собой мосты. Его преследуют три роты пехоты с орудием[57].

Получив известие о восстании в Восточной Белоруссии, в Петербурге забеспокоились. В Могилевской губернии находилось до 20 рот пехоты, что было признано, однако, недостаточным. Милютин вспоминает, что к Могилеву немедленно двинули резервные батальоны и гвардейские кавалерийские полки. Гусарская бригада была направлена в район Орши, чтобы закрыть «Топору» путь на Красное и Смоленск[58].

Осведомленный о принятых против него мерах, Звеждовский ускорил марш, «все более и более углубляясь в болотистую и лесистую местность». Делая большие переходы, отряд избежал окружения. «Войска были направлены ловить его между Моги-

ловом, Горками и Чаусами. Он вышел из опасного ему треугольника». Во время похода Звеждовский собирал крестьян, «отдавал им всю землю и все угодья, обещая уничтожение рекрутских наборов, уничтожение податей». Весьма характерно, что Звеждовский и другие офицеры не снимали военных мундиров, стремясь показать этим, что армия переходит на сторону крестьян. Карателей беспокоило, что «„Топор" был в мундире и эполетах с аксельбантами Генерального штаба» [59].

Отряды, действовавшие в Витебской и Могилевской губерниях в конце апреля 1863 г. под общим руководством Звеждовского, состояли главным образом из студентов, офицеров, мелких чиновников, однодворцев, мещан. Как показал пленный повстанец, витебский мещанин Добрикевич, «во время переходов Звеждовский и его помощники объясняли, что надо драться с солдатами, а если их много, то бежать от них, и что деревни надо проходить, чтобы объявлять крестьянам, чтобы они не платили податей, пригону не служили, рекрутов не давали по требованию государя и правительства русского, за что им будет даром отдана земля, а кем — не было сказано» [60].

Эти данные подтверждаются и показаниями других повстанцев. Офицер А. Олендский указывает, что Жебровский («Костка») во всех деревнях, через которые проходили повстанцы, собирал крестьян и оглашал им повстанческий манифест, «содержание которого можно выразить в двух словах: земля и воля». Аналогично действовали и другие соратники Звеждовского. Так, отряд Жуковского («Косы»), войдя 25 апреля в деревню Ходосево Чериковского уезда, «всему бывшему тут народу объявил... совершенную свободу. Посему никто не смеет требовать от крестьян никакой повинности и послуги как на экономию помещика, так и в платеже денежных повинностей и податей». Нарушителям этого приказа «Коса» обещал «пулю в лоб». Характерно, что крестьяне, «ободренные совершенною свободою от повинностей и независимостью к властям», проводили торжественно повстанцев к лесу, а четверо добровольно вступили в отряд [61]. Подобные факты говорят о стремлении Звеждовского широко привлекать крестьянство в восстание, опираться на него, защищать его интересы уже в ходе вооруженной борьбы.

По плану, отряд Звеждовского у Красного должен был соединиться с отрядом артиллерийского поручика Жуковского («Косы»), имевшим задачу захватить орудия. Этой задачи «Коса» не выполнил, отряд его был рассеян. 26 апреля (8 мая) у деревни Погостище отряд полковника Савицкого разбил Оршанскую партию (около 40 человек) под руководством Будзиловича. В этот же день в Рогачевском уезде был рассеян отряд Гриневича, вслед за тем погибла группа повстанцев в Сеннинском уезде. Всеобщее выступление в Восточной Белоруссии

явно не удалось. Крестьянство не оказало повстанцам повсеместной и широкой поддержки. По словам соратника Звеждовского Олендского, призывы повстанцев остались «гласом вопиющего в пустыне».

Отряд «Топора» пока удачно избегал встречи с превосходящими силами карателей, однако и ему не удавалось привлечь под свои знамена крестьян. Шляхетские элементы среди повстанцев, царистские иллюзии крестьян, недостаток военных сил, вынуждавший к постоянным отступлениям, мешали Звеждовскому вовлечь в восстание широкие слои белорусского крестьянства. Идти вперед на Смоленск было бессмысленно, так как там царское правительство возбудило волну шовинизма среди крестьян и городских обывателей.

Звеждовский решил двинуться на соединение с повстанцами Минской губернии. Отряд резко изменил направление, но был настигнут под Пропойском. Стало ясно, что прорваться в Игуменские леса повстанцы не смогут, продолжать борьбу было невозможно. 30 апреля (12 мая) Звеждовский распустил отряд, а сам уехал за границу. По словам повстанца Степковского, бывшего студента Петербургского университета, у Пропойска все повстанцы единогласно признали — лучше положить оружие, чем драться с мужиками, которые не были расположены в их пользу [62].

Донесения местных властей из различных пунктов Могилевской губернии свидетельствуют о том, что повсюду повстанцы объявляли крестьянам «освобождение от пригона». Царские чиновники изображали дело так, будто крестьяне всюду активно содействовали подавлению восстания. Однако даже приведенные в официальных документах царских властей факты говорят скорее о равнодушии крестьян. В ответ на призывы повстанцев к оружию они заявляли: «Это ваше панское дело. Вы знаете, куда идете, а мы знаем пахать землю» [63]. Равнодушие переходило в сочувствие восстанию; в тех редких случаях, когда повстанцам удавалось разгромить волостные управы, они разъясняли крестьянам цели борьбы. Крестьяне помогали им сжигать налоговые документы. Широко развернуть деятельность в защиту крестьян повстанцы не могли из-за подавляющего перевеса карательных сил и постоянных вынужденных отступлений. Поэтому изменить позицию крестьян в свою пользу повстанцам не удалось. Неудача Звеждовского не снимает исследовательской проблемы о его намерениях.

Ярко выраженные революционно-демократические убеждения Звеждовского видны из показаний слушателя Академии Генштаба поручика Миткевича: «Подстрекательство со стороны Звеждовского („Топора") и уверения, что он, „Топор", не стесняясь пределами польской народности, намерен свои действия перенести в глубь России с целью ослабить влияние дворянства

и восстановить равноправие всех сословий, увлекли меня своей заманчивостью, и я решился вступить в ряды мятежников и занять при Звеждовском место адъютанта». Далее Миткевич указывал, что сожжение Звеждовским польских революционных манифестов и прокламаций, объявление крестьянам, чтобы они отказывались отбывать у помещиков барщину; приветствия и почести, отданные целым отрядом православному священнику вблизи Горы-Горок,— все это уверило его, Миткевича, что предприятие Звеждовского было действительно искреннее. В этом он еще более убедился, ознакомившись с приказом Звеждовского начальнику «Оршанской шайки» Каткову (Будзиловичу), расстрелянному в Орше, которому поручалось собрать все способное к восстанию, повесив помещиков, наиболее угнетавших крестьян, и тем побудив последних присоединиться к отряду, перейти затем в Смоленскую губернию и там, соединяясь с Звеждовским и сбросив с себя связующее их с польским делом, распространить мятеж до самой Волги [64].

В основных чертах эти показания подтверждаются данными, приведенными Ратчем: «Звеждовский предназначался для действий против России. Горецкий институт давал... именно самых пригодных деятелей в студентах для поднятия крестьян к мятежу в великорусских губерниях. Поляки рассчитывали, что... молва понесет далеко по окрестности весть, что польская рать с пушками идет избавлять народ от уставных грамот. Звеждовский должен был пройти через губернии Смоленскую, Тверскую, Московскую, поднять к мятежу весь правый берег Волги» [65].

Ратч ставил в прямую связь действия Звеждовского и «казанский заговор», выдавая последний за «панскую интригу». В свете новейших архивных находок связь Звеждовского с группой Потебни и казанскими землевольцами раскрывается совершенно на иной основе [66].

По-видимому, Звеждовский, связанный с кругами землевольцев в Москве, Петербурге, Казани, в своих замыслах исходил из надежд революционных демократов на усиление волны крестьянского движения весной 1863 г. Не вина, а беда повстанцев, что крестьянство не шло дальше стихийных бунтов, что забитых и неграмотных мужиков царским прислужникам сравнительно легко удавалось восстановить против повстанцев. Весной 1863 г. крестьяне Витебской и Могилевской губерний прекратили отбывание повинностей и выплату оброка. Предводители дворянства сообщали, что по всем уездам крестьяне, вооруженные кольями, топорами, вилами, нападали на имения, арестовывали помещиков и отправляли в губернские города. Крестьяне заявляли: «Довольно властвовать помещикам над нами. Теперь настала очередь самим распоряжаться, надо перерезать всех помещиков и чиновников, тогда наступит новое время и будет полная свобода».

Стихийное движение крестьян, не освободившихся от царистских иллюзий, было направлено властями в безопасное для царизма русло. Крестьянам царские чиновники говорили, что польские помещики выступили против царя-освободителя, стремясь восстановить крепостное право. В Восточной Белоруссии царские власти сохранили влияние на крестьян и призвали их арестовывать панов-бунтовщиков. Создание так называемых сельских караулов — яркое тому доказательство[67]. Царские власти пошли на уступки крестьянству, распространив манифест 1 марта 1863 г. на восточные районы Белоруссии, законодательно закрепив положение, возникшее в деревне в ходе восстания.

Социальная демагогия и уступки, необходимые для оживления царистских иллюзий крестьян, играли существенную роль в карательной политике царизма. Но главным и решающим были войска. При каждом крупном выступлении повстанцев или слухах о крестьянских волнениях в столицу летели просьбы о присылке подкреплений. Так было и в ходе подавления выступления Звеждовского. Его отряд не превышал 250 человек. Под общим руководством Звеждовского действовало еще несколько более мелких партий: Кричевская — до 100, Оршанская — 40, Рогачевская и Сеннинская — 90 и др. Могилевский губернатор телеграфировал в столицу: «Образовались и вновь образуются шайки, местами значительные — 600 и более человек. В губернии всего 4 батальона. Необходимо защищать города и местечки, в которых расположена артиллерия».

Губернатор послал депеши в Минск и Смоленск, прося помощи. Из Смоленска высылают 1100 солдат, из Бобруйской крепости — две роты, из Рославля в Кричев двинулся батальон пехоты, спешат батальоны из Гомеля и Чернигова. Но этого мало. 29 апреля военный министр приказал гусарской бригаде форсированным маршем выйти в район Орши не позднее 9 мая, а 13-й Донской казачий полк, двигавшийся к Вильно, задержать в Могилеве в распоряжении губернатора. А 5 (17) мая губернатор торжествующе доносил, что «неустрашимые войска» взяли в плен 150 человек и положили конец восстанию в губернии. Против 300 повстанцев было двинуто более дивизии!

Нельзя не отметить один весьма характерный эпизод. В конце апреля, уже получив войска, указанные выше, командование Виленского военного округа считало имеющиеся воинские силы недостаточными и послало в Петербург генерала Савина с ходатайством о новых подкреплениях. Савин просил перебросить в Литву гвардейские части, резервную пехотную дивизию передвинуть в Витебскую губернию и ускорить прибытие казачьих полков, в коих «надобность чувствуется везде». Генерал-квартирмейстер царской армии заявил, что «ни один из пунктов этой записки не может быть выполнен в настоящую минуту до возвращения войск из Царства Польского или сформирования

новых резервных полков». Военный министр Милютин, ознакомившись с делом, наложил 28 апреля резолюцию: «Уже несколько раз было объяснено, что все эти требования превосходят меру возможности исполнить их. Сколько ни увеличивать число войск, все будет казаться недостаточным. Вся русская армия проглотится этой данаевою бочкою»[68].

Одновременно с действиями Сераковского и Звеждовского, пытавшимися прорваться на восток, оживилась деятельность демократических сил в Минской и Витебской губерниях. Из Минска жандармы сообщали, что в восстании принимают участие мелкие чиновники, студенты и гимназисты, мастеровые, шляхта, волостные писаря и другие разночинцы, низшее духовенство и «незначительное число помещиков». Большинство же помещиков «по богатству и образованию далеки от всяких переворотов». Крестьяне, по официальной версии, сохранили верность престолу, но «в некоторых местностях губернии между временнообязанными крестьянами появились волнения и даже неповиновение властям». Решающая роль разночинцев в восстании в Минской губернии подтверждается изучением состава лиц, арестованных за участие в восстании с 15 февраля по 15 мая 1863 г. Среди 100 заключенных находилось только 6 помещиков, остальные — студенты, гимназисты, офицеры, чиновники и пр. С этими данными прямо-таки перекликается свидетельство повстанца Кошица, что дворяне в Минской губернии трусливо отвернулись от восстания, которое держалось почти исключительно силою молодежи, опиравшейся на помощь крестьян[69].

Полковник Рихерт доносил, что восстание в Минской губернии развивается под знаменем идей манифеста Временного Провинциального правительства Литвы и Белоруссии от 1 февраля 1863 г. В донесении от 22 апреля Рихерт сообщил, что восстание усилилось, из городов в леса вышло большое количество молодежи, началось формирование крупных отрядов. Повстанцы реквизировали почтовых лошадей, нападали на помещичьи мызы. Группы восставших на тройках, взятых у помещиков, разъезжали по деревням и оглашали манифесты, прерывали почтовую и телеграфную связь. Повстанцами командовали офицеры Станислав Лясковский, Федор Ельчанинов. Всего, по подсчетам Рихерта, в Минской губернии действовала 21 повстанческая партия[70].

Операции повстанцев Минщины характеризуются в апреле—мае 1863 г. стремлением установить связь и взаимопонимание с крестьянством, противодействовать правительственной агитации. Командиры карательных отрядов указывали, что повстанцы «стараются увлечь на свою сторону мирных жителей». Повстанцы нападали на имения помещиков (графа Чапского — Станьково, графа Ржевецкого — Мезиновка и др.), конфискуя оружие, продовольствие, лошадей и экипажи. В селах и дерев-

нях провозглашали крестьянам манифест повстанческого правительства о ликвидации повинностей и наделе крестьян землей. В деревне Теляки Игуменского уезда они огласили «акт центрального комитета о даровании крестьянам земли безвозмездно», который «подписали управляющий, крестьяне и священник, которому дано на бедность 50 руб.»

В Борисовском уезде офицер Чижик создал отряд в ночь на 20 апреля, надеясь, что «восстанет весь народ». Повстанцы «сделали нападение на дворы двух помещиков». Повсюду они «уничтожали портреты государя и письменные в волостях дела». В ряде мест восставшие разогнали этапные команды, сжигали мосты и паромы через Свислочь и Березину, нападали на почтовые станции, забирая лошадей и тачанки [71].

В Слуцком уезде в апреле был сформирован повстанческий отряд под командованием отставного капитана артиллерии Машевского. 21 апреля он был атакован карателями у деревни Озерцы Игуменского уезда. «Отряд наш,— доносил командир карательной группы,— встретил сильное сопротивление со стороны мятежников, у которых, однако же, в самом начале дела убит предводитель Машевский. Неся потери от меткого и учащенного огня стрелков наших и видя невозможность дальнейшего сопротивления, мятежники пришли в совершенное смятение, оставили свою позицию и обратились в бегство». Повстанцы потеряли около 50 человек убитыми, ранеными, пленными. По данным властей, среди убитых и пленных было 2 отставных офицера, 2 студента, 12 мещан, крестьян и однодворцев, 4 неизвестных и 32 дворянина [72].

В начале апреля в Новогрудском уезде было сформировано два отряда общей численностью до 110 человек. 7 апреля в районе Налибок обе группы были окружены превосходящими силами карательных войск и в упорном двухчасовом бою разбиты. На поле боя осталось до 60 убитых, 36 человек попало в плен (15 крестьян, несколько мещан, студентов, однодворцев, отставных офицеров). Среди пленных были капитан Генерального штаба Кароль Шалевич, студент Ю. Далькевич (ранее принимавший участие в распространении «Великорусса» в Киеве), землемер Э. Герман [73].

По-видимому, выступление и действия повстанцев Минщины были подчинены общему единому замыслу. «В первых числах апреля,— указывалось в „Журнале военных действий“,— начали появляться с разных сторон тревожные слухи о приготовлениях к мятежу... делалось известным, что в Минск прибыли агенты так называемого Центрального Комитета для производства восстания, назначенного к 3 мая нового стиля. Слухи оправдались на деле... В продолжение 19 апреля и в ночь на 20-е повстанцы вышли из Минска по разным направлениям, большей частью поодиночке, собираясь потом к заранее условленным сборным

пунктам. В числе их были чиновники (до 12 человек), гимназисты (около 45 человек). То же явление повторилось отчасти в Игумене, Слуцке и в значительной степени в уездах». В Борисовском уезде возник, но быстро, 30 апреля (12 мая), распался отряд Генрика Дмоховского. В Игуменских лесах, в окрестностях имения Свентожецких Богушевичи, возник отряд Станислава Лясковского («Собка»), насчитывавший до 200 бойцов. В районе Станьково действовала во второй половине апреля группа минской молодежи, руководимая Павлом Дыбовским («Заремба»). В этом отряде были русские офицеры Ельчанинов и Ремишевский.

Среди организаторов повстанческих отрядов, по собранным властями сведениям, оказались: чиновник минской прокуратуры Сущевич, офицер в отставке, участник Кавказской войны Дзбовский, артиллерийский офицер Лясковский, лесничий Скорино, отставной артиллерийский офицер Машевский, юнкер Степан Тимкович, студент Трусов, землемер Красовский, судейский чиновник Конопацкий, подпоручик Великолуцкого полка Тымкевич, прапорщики Новоингерманландского полка (Минский гарнизон) Ельчанинов и Ремишевский, отставной майор Ободович, поручик Снитко, штабс-капитан Чижик, офицер Эйсмонт[74].

На первом этапе действий повстанцев особенно выделялся отряд Антона Трусова (до 300 человек). Трусов был известен в кругах минской молодежи как приверженец идей революционного демократизма. «О нем говорили,— сообщает пленный повстанец В. Гейштор,— как о человеке, принявшем на себя не только наружную форму крестьянина (он носил крестьянскую свитку.— *А.С.*), но что его цель и пропаганда — стремиться к достижению равенства в классах народа». Накануне восстания Трусов возглавлял гражданскую администрацию Минского воеводства. Волею судьбы ему пришлось стать и военным руководителем. По данным властей, отряд Трусова образовался путем соединения у деревни Холявщина молодежных групп, вышедших из Минска в ночь на 19 апреля. «Все они поступили под начальство Трусова, назвавшего себя Титус». В окрестностях Минска отряд имел несколько боевых столкновений с войсками. Плохо вооруженные повстанцы понесли большие потери. После этих неудач Трусов увел остатки отряда (до 70 человек) в Игуменские леса.

Отряд Трусова по составу и образу действий был одним из самых демократических. В нем сражались мелкие чиновники, гимназисты, студенты и небольшая группа военнослужащих Минского гарнизона. Отряд пользовался поддержкой местных крестьян. Разъясняя задачи борьбы, Антон Трусов (Титус) говорил: «Цель вооруженного восстания поляков есть освобождение отечества от владычества русских и что врагом своим они должны считать не русский народ, а русское правительство».

Повстанец отряда Трусова, гимназист Б. Марушкевич на вопрос: «Против кого вы подняли оружие?» — ответил, что против тех, кто мешает осуществлению справедливости, революционных идеалов, против лиц, преданных царскому правительству[75].

30 апреля 1863 г. в бою у деревни Синило группа повстанцев из отряда Титуса попала в плен (шесть чиновников минского суда, один солдат и один кантонист). Повстанец Иван Жмачинский — бывший рядовой драгунского Московского полка — был приговорен к расстрелу. «Когда Жмачинского вели на казнь,— свидетельствует Цилов,— дворянка Камила Марцинкевич, занимавшаяся обучением детей, бросила из окна преступнику букет цветов, объяснив впоследствии, что она всегда сделала бы это. Девица Марцинкевич есть та самая, которая в 1861 г. первая запела революционный гимн и из окна ее квартиры во время прогулки был облит из урыльника губернатор Келлер, как это случайно оказалось на следствии»[76]. Поступок Камилы Марцинкевич, дочери известного белорусского поэта и драматурга Дунина-Марцинкевича, показывает, что демократическая интеллигенция Белоруссии была на стороне восставших.

Из собранных властями сведений видно, что первоначальным замыслом повстанцев Минщины было намерение перейти Березину и соединиться с отрядами Звеждовского в Могилевской губернии. В конце апреля для осуществления этого замысла отряды Лясковского и Снитко перешли Березину у селения Якшицы, сожгли за собой паромы и разрушили телеграфную связь, но вскоре, получив сообщение о неудаче Звеждовского, повернули обратно, убедившись, что в Могилевской губернии им «крестьяне сильно противодействуют».

Опорной базой повстанцев Минщины после неудачного марша через Березину служили Игуменские леса в районе деревень Волобута, Ряваничи, Подклетки, Логи, Микуличи, Мартыновка, Юрьевичи, Старый Прудок, болотистый район в окружности до 60 верст почти непроходимых лесов. «В нем,— доносил царский офицер,— нет дорог, даже ясных стезей, загроможден естественными завалами». Крестьяне и шляхта окрестных деревень «доставляли мятежникам сведения и продовольствие»[77].

В Игуменских лесах базировался отряд Станислава Лясковского, военного начальника Минского воеводства; здесь были устроены запасы боеприпасов, продовольствия, сюда стекались добровольцы и уцелевшие после неудачных сражений мелкие группы, в конечном счете здесь сосредоточились остатки всех отрядов Минщины (Титуса, Зарембы, Чижика, Ельчанинова и др.). Отряд Лясковского был невелик — не более 250 человек, но настигнуть его и разбить карателям долгое время не удавалось. «Причина тому,— писал командир карательного отряда,— заключалась в том, что Лясковский, как показали пленные по-

встанцы, ввел порядок и дисциплину, строго наказывал нарушителей таковых, приучил повстанцев к снятию с позиции в несколько минут. Занимая же постоянно для ночлегов самые непроходимые леса, он сохраняет величайшие предосторожности»[78].

В боях повстанцы Лясковского проявили стойкость и мужество, умение противостоять натиску численно превосходящего и отлично вооруженного неприятеля. 9(21) мая в районе деревни Юрьевичи отряд был атакован колонной майора Григорьева (накануне рассеявшей отряд Снитко, состоявший из 80 человек). У Григорьева было свыше двух рот пехоты и около сотни казаков. Повстанцы засели за семью рядами завалов из толстых деревьев. Так как местность не позволяла их обойти, каратели атаковали позицию в лоб. «Пришлось каждый из завалов брать штурмом,— доносил командир колонны,— причем повстанцы дрались насмерть. Два часа продолжался ожесточенный бой». По данным властей, отряд повстанцев отступил, потеряв 19 убитыми и 5 пленными. У царских войск были убиты 1 командир роты и 9 солдат, 24 человека тяжело ранены, из коих 5 вскоре скончались, 12 солдат легко ранены. Бой 9 мая у деревни Юрьевичи не был для карателей крупным успехом.

Чтобы покончить с отрядом Лясковского, войска двинули против 200 повстанцев, засевших в Игуменских лесах, огромные силы. 12 стрелковых рот расположились вокруг лесного массива, взяв его в кольцо. Между деревнями сновали казачьи разъезды и патрули. Операцией руководил генерал-майор Русинов. Утром 9 июля «началось концентрическое движение в пущу десятью ротами из Рянанич, Дубрович, Юрьевич, Микулич». После 14-часового блуждания по лесу войска натолкнулись на группу повстанцев в 40 человек, исчезнувших как призраки после первых же выстрелов. В результате четырехдневной операции, производившейся силой 12 рот (затем подошли еще войска, посланные из Могилевской губернии, и общее количество карателей возросло почти вдвое), было захвачено в плен 8 больных повстанцев. Они-то и объяснили генералу Русинову, что отряд Лясковского, насчитывавший не более 200 человек, вышел из кольца окружения, разделившись на несколько партий[79]. В дальнейшем отряд Лясковского продолжал боевые действия, маневрируя по лесам Минщины до глубокой осени 1863 г.

* * *

Действия повстанцев Виленской губернии в течение апреля—июня не отличались особой целеустремленностью и носили какой-то бессистемный характер. В боевых операциях многочисленных отрядов губерний не удается проследить наличие согласованности, единства цели. Помимо отрядов Вислоуха, Нарбута, возникших еще в марте, здесь в течение апреля — июня

действовали отряды Городецкого («Кежгайлы») — до 300 бойцов. Этот отряд 18(30) апреля при Шешоле (Ширвинты) был рассеян. Отряды бывших членов военной организации Зыгмунта Минейки, Шукшты, Густава Чеховича («Остои»), Максима Черняка («Ляды»), Винцентия Козелла редко превышали 200 бойцов. Действовали также группы Казимежа Далена, Александра Парадовского («Остроги»), Александра Стабровского («Любича»), Феликса Колышки, Альберта Минского («Альбертуса») и другие, которые были еще мельче.

Отряды Виленщины кружили по лесам, иногда соединялись, образуя колонны до 500 человек, но нанести поражение карателям им удавалось очень редко. Инициативой прочно владели царские войска. Более активными среди других повстанческих вождей Виленщины были Вислоух и Нарбут. Вислоух, опираясь на базы в Жижморском лесу, в основном действовал в Трокском уезде, но иногда прорывался и за его границы. 19(31) мая его отряд (около 150 человек), соединившись с Любичем и Сендеком, нанес у Олькен поражение карателям, однако через две недели в том же районе в двухдневном бою отряды Вислоуха и Любича были разбиты.

Другие отряды Виленщины оказались не в лучшем положении. Повстанцы Винцентия Козелла — военного начальника Вилейского уезда (до 200 бойцов) — после соединения с группой Чижика и нескольких столкновений с царскими войсками (крупнейшее 27 апреля (9 мая) у Долгинова) были наголову разбиты полковником Галом 16 (28) мая в деревне Владыки во время переправы через речку Илию. В бою погиб Козелл и большая часть повстанцев: из 200 спаслось только 40 человек. Их увел в Игуменские леса Чижик.

Трагично закончился и боевой путь Нарбута. Его отряд был взят в плотное кольцо войск. Попытка помочь ему созданием сильных групп в Новогрудском уезде, предпринятая по указанию Сераковского, окончилась провалом. Отряд Шалевича был рассеян, даже не сформировавшись. Предоставленный самому себе, Нарбут, несмотря на искусное маневрирование, был настигнут и разбит 23 апреля (5 мая) у Дубич гвардейцами капитана Тимофеева. Отряд в 120 бойцов перестал существовать. Нарбут был убит, 25 повстанцев попали в плен, остатки рассеялись. Радости Назимова не было границ. Тимофеев получил чин полковника гвардии и золотое оружие.

Поражение Нарбута и Козелла, совпавшее с гибелью Сераковского, предопределило другие неудачи повстанцев Литвы. Тяжелое положение, в котором оказались отряды Виленской губернии уже в мае—июне, раскрывается довольно подробно в показаниях Максима Черняка («Ляды»). Он прибыл в Литву после провала «казанского заговора» и получил пост военного начальника Трокского уезда. 1 мая он вступил в командование

отрядом в составе 240 пеших и 30 конных бойцов, 4 офицеров и 3 военных врачей. «Инсургенты были вооружены ружьями и косами,— пишет Черняк,— провиант и фураж доставали за деньги высылаемые для этого команды... Посылались по разным направлениям небольшие команды инсургентов для вербовки охотников и прочтения возмутительных воззваний. 5 мая в лагере у Бутрыманцы жители предупредили нас о движении войск». Черняк двинулся на соединение с Вислоухом, с которым все же соединился, потеряв по пути половину отряда.

Чрезвычайный интерес представляют данные Черняка об отношении крестьян к повстанцам в различных районах. Первые десять дней мая он действовал в Трокском уезде, затем около месяца был в Лидском и, наконец, июль провел в Дисенском уезде. В Трокском уезде крестьяне «относились к нам равнодушно, однако ж доносами нас не беспокоили». Здесь отряд получал необходимые припасы от населения и даже вербовал охотников. В Лидском уезде население активно содействовало боевым операциям повстанцев. В начале июля остатки отряда (около 30 бойцов) перешли в Дисенский уезд. «Инсургенты объяснили мне,— пишет Черняк,— что в Дисенском уезде крестьяне нас ненавидят, следят за каждым шагом и сейчас же доносят начальству, вследствие этого в деревни за провиантом отправляться было нельзя... Выждав на месте 5 дней, я удостоверился, что мы совершенно обмануты и оставлены всеми». В отряд, указывает Черняк, «не только не являлся никто из охотников, но даже ни один агент жонда, от которого можно было бы узнать, что нам делать дальше. При таком положении я бродил с партией по лесу, постоянно меняя расположение. Проходив таким образом около двух недель, мы встретили в лесу крестьянина... он донес на нас». Отряд Черняка был настигнут и рассеян карателями [80].

Очень сложная и запутанная обстановка сложилась в середине апреля 1863 г. в районе крепости Динабург. Выступление и здесь приурочивалось на конец апреля, но по инициативе комиссара уезда Зыгмунта Буйницкого оно было ускорено. 13 (25) апреля 60 польских повстанцев, преимущественно из местных дворян, под руководством графа Леона Плятера напали у деревни Краславки на транспорт оружия, вышедший из крепости. На другой день повстанцы были рассеяны силою четырех рот; захваченное оружие войска вернули назад. Но события на этом не закончились. При первом известии о выступлении Плятера окрестные крестьяне, вооружившись чем попало, стали нападать на помещиков. Комендант Динабургской крепости телеграфировал в столицу: «Раскольники сел Ужвиды и Малиновка, более 1000 человек двинулись массами на помещичьи дворы, грабят, жгут». Из столицы немедленно выехал со специальным отрядом флигель-адъютант граф Шувалов. Ознакомившись на

месте с обстановкой, Шувалов телеграфировал царю: «Крестьяне, преимущественно государственные, продолжают жечь и грабить помещиков, основываясь на ложных слухах о приближающихся шайках. Надеюсь положить сему скорый конец на местности, прилегающей к железной дороге, но опасаюсь, чтобы безурядица не перешла в другие части губернии... Если не успокоятся сегодня и завтра, то необходимо будет усилить край войсками». Шувалову приходилось бороться на два фронта — и против польских повстанцев, и против восставших крестьян. Польское дворянство поднялось против царизма, крестьяне выступили против помещиков, но с верой в царя. Правительство, не решаясь в сложной обстановке отказаться от помощи крестьян, защищало помещиков.

15 (27) апреля Шувалов доносил царю, что выступление польских патриотов разгромлено. 67 повстанцев во главе с Плятером взяты в плен, но движение крестьян продолжается: «...употребляю все возможные средства к удержанию ожесточенных крестьян от разорения помещичьих мыз, которых уже несколько совершенно сожжено и ограблено». Как видно, выступление крестьян тревожило власти больше, чем отряд Плятера. Обстановка часто менялась, по нескольку раз в день царю телеграфировали о событиях. Утром 16 (28) апреля из Динабурга сообщили, что силою оружия «порядок водворен. Арестовано 19 крестьян-зачинщиков. Многие помещики, опасаясь грабежа и поджогов, просят военной защиты». Вечером того же дня в столицу сообщали, что сожжено еще два имения, войска расставлены мелкими отрядами по уцелевшим мызам, ожесточение крестьян против помещиков чрезвычайно сильное. «Я,— сообщал Шувалов,— объезжал селения, забирал зачинщиков грабежей и предупреждал собранных крестьян, что в случае возобновления беспорядков поступлю с ними весьма строго. Надеюсь, что волнение скоро утихнет. Аресты подозрительных поляков продолжаются».

17 (29) апреля Шувалов телеграфировал: «Крестьяне успокаиваются, нигде не употреблено против них оружия, ни даже телесных наказаний, но арестованы те из них, которые возбуждают прочих к грабежу». На следующий день, 18 (30) апреля, Шувалов, подводя итог событиям, писал, что им арестовано 125 крестьян за участие в нападении на помещичьи мызы; разграблены и сожжены до 20 помещичьих имений, что порядок восстановлен.

События в Динабургском уезде показывают, что ограниченность, царистские иллюзии крестьянства, с одной стороны, и дворянский характер польского движения — с другой, были главной причиной успеха карателей. Расправившись с отрядом Плятера, перепоров крестьян, Шувалов затем обратился против повстанцев. 9 (21) мая отряд Шувалова в районе Свенцян напал

на повстанческий отряд. «Защита была упорная», — сообщал он в столицу как о крупной победе.

Повстанцам не удалось установить контакт с крестьянством в районе Динабурга. А возможность эту не исключали царские сатрапы. Командующий карательными отрядами в инфляндских уездах генерал Долматовский буквально забрасывал Петербург паническими сообщениями о движении к Динабургу крупных повстанческих сил. «Три тысячи мятежников идут на Полоцк», — сообщал он 21 апреля. «Между Полоцком и у Клястицы собираются значительные шайки мятежников. Крестьяне в тех местностях в большом волнении», — телеграфировал генерал 28 апреля [81].

Генерал Долматовский был прав, указывая на опасность соединения повстанцев с крестьянами «мятежных деревень». Однако он преувеличил силы повстанцев Витебщины. Кроме действий отряда Плятера, были и другие попытки организации восстания в губернии, но и они, к сожалению, окончились неудачно. Так, 23 апреля (5 мая) в Осуньском лесу (граница Динабургского и Дриссенского уездов), был рассеян отряд Болеслава Кульчицкого. 12 повстанцев были убиты, несколько раненых попало в плен. В тот же день было рассеяно еще несколько мелких повстанческих групп (у имения Курилка, в районе Борнилевич и др.). Шли аресты сочувствующих восстанию в Полоцком кадетском корпусе. В Лепельском уезде окончилась неудачей попытка создания отряда Дмоховским (в апреле). Из Витебска в ночь на 22 апреля (4 мая) вышла группа молодежи (чиновники, мещане — 44 человека), собравшаяся в корчме у деревни Осиновки. Активных действий группа не успела развернуть. К 30 апреля (12 мая) ее деятельность полностью прекратилась. Аналогично закончилась деятельность в Бешенковичах, где возникла и 24 апреля (6 мая) прекратила деятельность группа повстанцев у деревни Бочейково. В других пунктах губернии не было и таких попыток создания отрядов [82]. Таким образом, действия инициативных революционных групп в Витебской губернии в самом начале были раздавлены царскими властями и не оказали существенного влияния на ход событий. В дальнейшем вопрос о создании повстанческих отрядов в Восточной Белоруссии уже не ставился.

4. Повстанцы Гродненщины в борьбе за демократизацию восстания

В общем замысле революционных деятелей восстания, разработанном детально во время мартовских совещаний в Вильно под руководством Сераковского, повстанцам Гродненской губернии отводилась особая роль. Близость к Польше наклады-

вала отпечаток на ход событий. Повстанцы Гродненщины и Царства Польского непосредственно общались. Отряды часто переходили через Буг. Успешное вовлечение крестьян-белорусов в борьбу, демократизация лозунгов восстания могли бы оказать воздействие и на ход борьбы в соседних польских воеводствах. Но, с другой стороны, и правые элементы могли здесь опираться на поддержку помещичьей партии Царства Польского.

Мартовский переворот привел вначале к полному устранению с руководящих постов в воеводстве сторонников революционного демократизма, к замедлению процесса формирования партизанских отрядов. Но все же, вопреки саботажнической политике правых, восстание в Западной Белоруссии росло. И здесь, как и в других районах края, апрель-май ознаменовались действиями революционных сил во всех пунктах губернии, по одному плану.

* * *

В рапорте от 12 (24) апреля генерал Манюкин указывал, что получил сведения, заслуживающие полного доверия, о массовом выходе из городов молодежи в течение последних нескольких дней. Из Белостока вышло свыше 80 человек, в том числе офицеры из Либавского полка (капитан Юлиан Эйтманович, поручики Петр Брандт, Антоний Баранцевич, подпоручик Авет Мицевич, штабс-капитан Аполлинарий Роман и юнкер Марцин Ятовт). У Соколки, сообщал генерал Манюкин, собираются повстанцы, и он ощущает острый недостаток в войсках и лазутчиках, не имея достоверных источников информации, а население не ставит в известность о передвижениях повстанцев [83].

Манюкин, оценивая обстановку в губернии, пришел к выводу, что основные силы повстанцев не переходят из Царства Польского, как считалось ранее, а «формируются в здешних лесах во всех пунктах Гродненской губернии и состоят из здешних уроженцев», «события приняли грозный оборот..., дороги стали опасны», посылаемые генералом депеши и распоряжения попадали в руки повстанцев. С 12 (24) апреля «восстание приняло более определенный вид, со всех сторон получались известия о появлении шаек, успевших уже сформироваться». Манюкин отмечал, что успеху повстанцев содействовали два обстоятельства: переход на их сторону группы офицеров, «имеющих некоторую боевую опытность, знающих расположение и образ действия наших войск», и помощь местного населения, которое «не решается передавать нам ни малейших сведений».

Манюкин признавал, что находился в «затруднительном положении». Стянув войска в несколько пунктов, он решил «до выяснения обстоятельств ограничиться чисто выжидательным и оборонительным положением». Одновременно в приказе по

2-й дивизии Манюкин предупредил войска, что на 3 мая (н. ст.) «назначен новый общий взрыв восстания по всей Литве». Войска сосредоточивались в крупных городах для их обороны, погони за мелкими отрядами повстанцев прекратилась. Движение транспорта, кроме почтового, было приостановлено. Инициатива явно переходила в руки повстанцев[84].

В начале мая Манюкин сообщал, что в Гродненской губернии «восстание делается все более и более общим. Формируемые же шайки покуда избегают встречи с войсками, но стараются утомлять их беспрерывными движениями, сами же пользуются этим временем для лучшего организования... Войска везде заставали деревни пустыми, мужчины скрывались в лесах и болотах, рекогносцировка лесов около Брянска и Рудков привела к тому заключению, что пребывание инсургентов в этих лесах несомненно, но что открыть их невозможно, так как они раздробляются на мелкие банды, и там жители до того напуганы революционным террором, что от них нельзя добиться никаких сведений. Мятежники имеют склады оружия в лесах, при наступлении наших колонн шайки расходятся по деревням, жители которых не смеют их выдавать»[85].

Выдающаяся роль в сплочении революционных сил Западной Белоруссии, в организации партизанских отрядов и умелом руководстве ими в апреле—мае 1863 г. принадлежит К. Калиновскому. После мартовского переворота Гейштор держал Калиновского некоторое время в Вильно, вначале под следствием, угрожая судом, а затем давая второстепенные поручения. Но вскоре после падения диктатуры Лянгевича Гейштору пришлось пойти на серьезные уступки демократическому крылу, в результате чего одновременно с назначением Сераковского в Ковно Калиновский получил пост революционного комиссара Гродненского воеводства (губернии). «Я выслал его в Гродно,— пишет Гейштор,— где организация развивалась сонно, Калиновский же утверждал, что имеет там самые широкие знакомства. Перед его отъездом я долго с ним беседовал. Когда я дал ему инструкцию, он мне сделал разные упреки насчет способа подхода к людям и к делу. Я выслушал со всей терпеливостью; что считал правильным в его замечаниях, то одобрил, но основные тезисы я повторил без изменений. Когда же он хотел упрекать меня в дальнейшем, я спросил его категорически, признает ли он власть и хочет ли ей подчиняться. Он понял вопрос.

...Я рекомендовал Калиновскому не признавать никаких различий между сословиями; дворян-помещиков не отталкивать, считать их силой, необходимой в восстании, его живительной душой. Но Калиновский до конца остался человеком крайних взглядов и, несмотря на всю силу своего патриотизма, не сумел подняться до беспристрастности. Тем не менее он был очень

активным в Гродно, и, наверное, нигде больше действия организации не проводились так точно».

Гейштор считал, что демократические убеждения Калиновского мешали развитию восстания, и, вспоминая о спорах с ним, позже писал: «Он мне доказывал, что участие дворянства и помещиков в восстании является не только ненужным, но даже вредным. Народ сам одержит победу и потребует у помещиков свою собственность... Хотя Калиновский хотел, чтобы народ великодушно простил дворянству преступления прошлого, но если бы оно даже и погибло, это являлось бы заслуженным наказанием и страна бы от этого совсем не пострадала... Увлекающийся, вспыльчивый, проникнутый крайними принципами, он не любил сопротивления. Умеренность взглядов относительно сословий и внутренней обстановки он осуждал как отсутствие патриотизма» [86].

Лишенные объективности мемуары Гейштора все же свидетельствуют о том, что Калиновский стремился, по мере возможности, проводить демократические принципы в жизнь.

Сам Калиновский о деятельности на Гродненщине сообщил следственной комиссии весьма мало. «В числе учреждаемой Отделом организации,— писал он,— мне попалась обязанность военного комиссара Гродненской губернии. Инструкций я никаких не получил (Калиновский умалчивает об инструкциях Гейштора, чтобы не выдать последнего.— *А. С.*). Сказано было только, что характер моей деятельности должен быть наблюдательный за военными действиями в политическом отношении и что я буду служить органом всяких сношений военного начальника с Н. Дюлораном, как уполномоченный в этом отношении».

В другом показании Калиновский сообщает: «По приказанию Дюлорана с паспортом, полученным от него на имя Чернецкого, выехал и я в Белосток для собирания и доставления Дюлорану сведений о состоянии шаек Гродненского воеводства. Это было перед пасхой. Несколько месяцев я разъезжал от одной шайки к другой и о всех лично полученных сведениях я сообщал Дюлорану... большей частью по почте рапортами, писанными симпатическими чернилами. Сообщников этому делу я в Белостоке не имел» [87]. Показания не раскрывают полностью характера деятельности Калиновского. Утратив возможность выдвижения демократической программы восстания, вынужденный подчиниться Варшавскому жонду, находившемуся в руках соглашательских элементов, Калиновский развернул борьбу за осуществление январского манифеста, стремясь как можно шире вовлечь крестьян в восстание.

Деятельность Калиновского на родине была очень напряженной и разносторонней. В должность комиссара он вступил в начале апреля, оповестив население специальным приказом.

Совместно с В. Врублевским — начальником штаба повстанческих сил воеводства — он повел борьбу с царскими властями, натравливавшими крестьян на повстанцев. Используя веру крестьян в царя, власти начали организацию так называемых сельских караулов, в которые обманом и насилием зачисляли и крестьян под предлогом охраны дарованной царем свободы от польских помещиков, поднявшихся на восстание ради возвращения крепостничества. Основу сельских караулов составляли солдаты или казаки, полиция и сельская администрация.

В приказе о вступлении в должность комиссара Калиновский объявил, что повстанцы борются за справедливую свободу, установлению которой мешают царские войска. Царю уже не хватает войск для подавления восставших, а увеличивать армию он не в состоянии, так как крестьяне не дают рекрутов. Вот он и пустился на хитрость, «хочет из вас набрать милицию, а после совсем на москалей (т. е. солдат. — *А. С.*) переделать». Калиновский приказал не создавать караулов и уничтожать военные команды, оставленные в селах для их организации: «Когда придет к вам много войска московского, то вы перед ними молчите, как мертвые, а когда их мало останется, чтобы из вас сделать милицию, то вы сразу же давайте знать повстанцам, а они солдат, как щенят, передушат».

Приказ Калиновского получил широкое распространение среди крестьян и не на шутку встревожил карателей. Пружанский исправник издал специальное распоряжение «об отбирании у крестьян выпущенных экземпляров приказа». Генерал Манюкин писал: «Где возникнет сомнение крестьян по этому поводу, напоминать им..., что они для собственного спокойствия и охраны от бесчинств над ними бунтовщиков обязаны по возможности содействовать подавлению мятежа, составляли сельскую стражу, не выходя из черты своего общества». Манюкин требовал принятия самых энергичных и суровых мер для отыскания лиц, которые распространяют приказ «между сельским сословием» [88].

Вскоре после прибытия Калиновского в Гродно в качестве революционного комиссара губернии вышел последний, седьмой, номер «Мужицкой правды» с призывом к крестьянам решительно поддержать восстание. Номер посвящен противопоставлению двух манифестов — царского 19 февраля 1861 г. и январского — повстанческого. Обращаясь к крестьянам, автор приглашал их вместе подумать и решить, что делать. Газета отмечала, что царский манифест обманул ожидания народа, не дал ни земли, ни воли, увеличил налоги, сохранил рекрутчину, а народ еще верит царю. «В Польше мужики так же, как и мы, надеялись на царя и ждали воли от него, но как увидели, что царь только душу по частям вынимает, а новыми податями,

рекрутами, чиншем последнюю рубашку с них спустить хочет,— все сразу с вилами и косами пошли добиваться земли и правды».

События в Польше оценены как крестьянское восстание. Калиновский полон веры в его победу. «Царь со всеми своими москалями не справится с мужиками, поднявшимися в Польше». В соответствии с такой оценкой восстания излагается и его программа: «Вышел уже польский манифест. Земля бесплатно дается всем мужикам, ибо это их земля с дедов-прадедов. За эту землю никто не должен отрабатывать панщину и никаких чиншей никогда не платить. Подушного [налога] больше не будет, рекрута не будет, а все мужики, паны и мещане, всякий отслужит 3 года в своей земле и снова вольный... Вот теперь сами разбирайтесь, где больше правды: или в польском манифесте или в царском? Царь обещал дать вольность — не дал. Обещал не брать рекрута, а на деле уже второго требует. Польский манифест дал землю, не берет рекрута, сбросил подушный [налог], вернул унию. Ну, скажите же, братки, кто же нам добра желает!?

... Подумайте хорошо, да помолившись богу, дружно встанем вместе за вашу вольность. Нас царь уже не обманет. И пока есть время — надо нашим парням спешить с вилами и косами туда, где добывают волю и правду. И будет у нас вольность, какой не было у наших отцов и дедов».

Калиновский указывает, что только восстание откроет возможность переделать мир в соответствии с интересами крестьянства. У него нет ни слова об исторических границах Польши, нет ни одного довода из тех, что обильно приводились в воззваниях жонда и его литовского отдела. В «Мужицкой правде» тоже выдвигался призыв поддержать восстание в Польше, но он обосновывался не ссылками на зверства «москаля», как у Гейштора. Калиновский призывал крестьян поддержать польский народ, польских мужиков, вставших за землю, и вместе с ними добиваться воли и мужицкой правды.

Простым и понятным языком объяснил Калиновский белорусским крестьянам, почему они должны последовать примеру восставших польских братьев: «Мы хоть и не верим слугам царским, а все еще делаем так, как они требуют. Но так мы никогда не узнаем ни воли, ни справедливости. Не так думали мужики в Польше. Служили они царю верно, как и мы, но, увидев, что ничего не выслужишь, стали добиваться и добились воли. А ведь и их царские слуги обманывали, как нас теперь дурачат, подбивали слать царю просьбы и по-старому нести тяготы и давать рекрутов... Но узнали уже мужики царскую думу. А таких, что за деньги не побоялись служить врагам нашим, что не хотели земли мужику и правды на свете, что были противны новой вольности и новому польскому манифесту,— таких веша-

ют, как паршивых собак. Села их опустели, пошли с дымом хаты, пропало хозяйство».

Чтобы вовлечь широкие массы народа в восстание, нужно было в ходе борьбы защищать его интересы. Между тем роспуск Литовского комитета исключал эту возможность. В решении аграрного вопроса группа Гейштора заявила о поддержке январского манифеста, но ничего не сделала для его осуществления; более того, стремилась сорвать его реализацию. Те же из помещиков, которые примкнули к восстанию искренне, осуществляли манифест по-своему. «Самые преданные народному делу помещики литовские,— писал Калиновский,— имея значительный запас честолюбия, ввиду того, что в них живет только традиция, меру народного правительства об отдаче земли крестьянам старались выставлять своим собственным даром» [89].

В создавшихся условиях Калиновский повел прежде всего борьбу с попытками помещиков выдать требования январского манифеста за собственный дар. В приказах революционного комиссара губернии подчеркивалось, что передача земли крестьянству не милость дворян, а решение польского революционного правительства: «Кто будет за польским правительством, получит землю на вечность» [90].

Требуя осуществления манифеста, Калиновский боролся против шляхетско-националистических элементов, которые, захватив руководство восстанием, заигрывали с помещиками, саботируя проведение манифеста в жизнь. И от уездных комиссаров Калиновский требовал, чтобы «наблюдали за точным выполнением законов и решений, принятых народным правительством». При этом он указывал, что надо «обращать особое внимание на то, чтобы деревни, наделенные земельной собственностью, по проходе отряда не возвращались под управление завоевателя. Уездный комиссар должен строго наблюдать, чтобы во всякой деревне, через которую проходил отряд, был обнародован декрет Народного правительства о крестьянской собственности. Этот декрет должен быть объявлен и акт собственности написан в трех экземплярах, из коих один остается у крестьян, другой у уездного начальника и третий отсылается комиссару губернии».

Калиновский тщательно следил за осуществлением провозглашенных повстанцами аграрных реформ, в то время как правые элементы стремились аннулировать их. Калиновский требовал, чтобы в каждом отряде было специальное лицо для контроля за осуществлением аграрных преобразований. Он требовал от уездных комиссаров, чтобы они «находились беспрерывно в разъездах, почти не сходя с повозки», и контролировали деятельность чиновников революционной организации.

Борясь за превращение восстания в аграрную революцию, Калиновский отстранял от руководства лиц, не согласных с ним,

и требовал от подчиненных принятия таких же быстрых и крутых мер, напоминая, что время работает на врага. В дополнительной и подробной инструкции он писал: «Чиновники народного правительства в уезде должны быть неутомимыми, деятельными и с любовью выполнять свои обязанности, возложенные на них народной властью. Если этих качеств недостает окружным и приходским комиссарам, то уездный комиссар обязан сообщить гражданскому начальнику уезда, чтобы он заменил таковых другими в трехдневный срок и в то же время уведомил об этом комиссара губернии для дальнейшего распоряжения» [91].

В качестве революционного комиссара воеводства Калиновский привлекал крестьянство к непосредственному участию в деятельности руководящих органов восстания. В инструкции указывалось, что уездные комиссары обязаны «определять в должности крестьян и требовать исполнения этого от всех чиновников Национального правительства». Заботой о привлечении крестьян к восстанию, стремлением выявить лиц, способствующих развитию народного восстания, проникнут десятый пункт инструкции, гласящий, что уездный комиссар должен немедленно сообщить комиссару воеводства имя, фамилию, местожительство крестьян, содействующих работе революционных властей, оказывающих добровольную помощь повстанческим отрядам «по патриотическому побуждению из скудных своих доходов».

Положения, содержащиеся в инструкции уездным комиссарам, конкретизировались и дополнялись инструкциями для окружных и десятских. Возможно, все три документа составлялись одним лицом, они подчинены решению одной задачи: демократизации восстания, упорядочению структуры и укреплению революционной власти путем широкого привлечения к руководству молодежи и крестьян. В инструкции для окружного говорилось, что он назначается уездными властями и им подотчетен. «Наивысшей обязанностью» окружного является «ведение революционной пропаганды», а также отыскание лиц, желающих сражаться, и отправка их в отряды. Окружному вменялись в обязанность также заготовка оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов, снаряжения, борьба со шпионажем, создание действенной нелегальной связи, сбор национального налога и добровольных пожертвований, наблюдение за движением карательных колонн, информирование партизанских отрядов и т. д. Один раз в неделю («пока каждую среду») окружной должен был давать подробный отчет о всем замеченном, а в экстренных случаях немедленно «любым способом как можно скорее».

Инструкция для десятских гласила: «Десять человек, соединенных узами единства, составляют десяток под начальством

десятника. Десяток — основа организации». Десятника назначал сотник и утверждал окружной, которым он и докладывал о работе и собранных сведениях. Десятник нес непосредственную ответственность за членов своей десятки, раз в неделю обязан был собирать своих подчиненных и обсуждать состояние дел, ход вербовки добровольцев, сбор денег, оружия. «При приеме новых членов необходимо учитывать характер людей, их поведение, способность к самопожертвованию, исполнительность». В заключение инструкция обращалась от имени революционного комиссара губернии ко всем рядовым участникам движения:

«Товарищи!

Вы надежда отчизны! В вашем самопожертвовании — ее свобода, ее счастье. Ваш патриотизм давно известен миру, сохраняйте и укрепляйте его. Ваша дисциплинированность и послушание старшим — залог победы над врагом. Уверенность, что вы готовы ради отчизны пожертвовать своей жизнью, даст руководству возможность осуществить вооруженное восстание для завоевания свободы. Ваше безусловное послушание, дисциплинированность, согласие — необходимое для этого условие» [92].

Вся деятельность Калиновского направлена к тому, чтобы, отправляясь от начал январского манифеста, провозгласившего право крестьян на землю, обрабатываемую ими, развернуть, насколько это позволяла выдвинутая программа, крестьянское движение. В то время как постоянно меняющийся в своем составе Варшавский жонд все более и более отходил вправо от январской программы, Калиновский и его соратники, наоборот, стремились создать основу для последующей демократизации ее.

Большое значение Калиновский придавал организации повстанческих отрядов, способных при поддержке народа вести длительную партизанскую борьбу и вовлекать крестьян в восстание. Он требовал, чтобы каждый уездный комиссар присутствовал при формировании отряда и следил, чтобы все бойцы были хорошо вооружены и одеты, чтобы в отряде устанавливалась высокая сознательная дисциплина, чтобы боеприпасы и провиант помещались на вьючных лошадях и не тормозили отряд на марше.

Деятельность Калиновского была образцом революционного служения народу. Одетый в мундир чиновника полиции, он объехал всю губернию, посетил все повстанческие отряды, строго взыскивал за нерадивость и бездеятельность. О его поездке в Брест говорили, что оттуда он еще ездил «в Пружаны и в Кобрин, наконец, бог знает куда». Бывая в отрядах, он производил проверку личного состава, снаряжения и обеспечения отрядов всем необходимым, особое внимание придавал крестьянству,

«расспрашивая о духе сельского населения». Производя проверку деятельности революционной организации, он исправлял ошибки и сурово взыскивал за них. Сильвестрович свидетельствует, что «получил выговор от комиссара Калиновского, который, объезжая губернию, был в Гродно, в моей квартире, для принятия рапорта» [93].

Свидетельства повстанцев (Арамовича, Ягмина, Заблоцкого и др.) показывают, что не было ни одного повстанческого отряда, который бы не инспектировал Калиновский. 1 июня он посетил лагерь повстанцев у деревни Миловиды, где собралось несколько отрядов. Позже был в лагере Пружанского отряда у деревни Горбачи, в отряде Юндзилла в Слонимском уезде, инспектировал отряд Стасюкевича, расположенный за Бугом у местечка Янов. «Этот приезд,— вспоминал впоследствии офицер отряда Стасюкевича Ягмин,— особенно врезался мне в память... Рядовым выдали жалованье, все чистили, приводили в порядок, одним словом, гототовились. Наконец, это было в начале июня месяца, приехал этот господин из Бреста. Партию выстроили, и господин, сопровождаемый Стасюкевичем и штабом, произвел смотр нашей партии, а затем отправился в хату лесничего... здесь таинственный господин пообедал с нами».

Ягмин дает описание внешнего вида инспектора. Он был одет в чемарку, шитую черными шнурками, в сапогах и барашковой шапке, росту выше среднего, широкоплечий, сутуловатый, крупные волевые черты лица, обрамленного небольшой бородкой, пристальный, даже дерзкий взгляд. Прибыл он в назначенное время. В отряде никто не знал, кто он и откуда, сказано было только, что это один из руководителей восстания. От двоюродных братьев Калиновского, бывших в отряде, Ягмин узнал только нелегальное имя приехавшего — «Хамович». Уже после отъезда таинственной личности начальник отряда сказал офицерам, что это был комиссар Гродненской губернии, объезжавший отряды. Много позже Ягмин установил, что имя незнакомца было Константин-Викентий Калиновский.

Из отрывочных сведений, имеющихся в военно-судных делах и мемуарах повстанцев, можно составить общую картину действий Калиновского во время этих инспекционных поездок по отрядам.

По прибытии он прежде всего производил смотр выстроенного отряда, обходя повстанческие ряды в сопровождении офицеров, проверял оружие, обмундирование, организацию снабжения, беседовал с бойцами. После обхода выступал с речью, разъясняя смысл и цели борьбы, рассказывая о ходе дел в других отрядах, о состоянии восстания в целом. Затем проводилось совещание командного состава, подробно анализировался ход военных действий, меры, принятые для осуществления декрета о земле. В двух случаях после смотра была смена командиров.

Во время инспекционных поездок Калиновский держался строго с командными кадрами, сурово взыскивал не только за военно-политические упущения, но и за отсутствие заботы о рядовых бойцах.

Ценные сведения о деятельности Калиновского приводит Заблоцкий: «Организация пришла в расстройство, сообщение между уездами прервалась, что препятствовало получить какие-либо сведения. Поэтому Калиновский прибыл в Гродно, чтобы устроить организацию, а вместе с тем побудить к деятельности ее членов и для этого, как равно и для того, чтобы еще более удостовериться в действительной бездеятельности чиновников организации, предложил мне отправиться вместе с ним в Волковысский и Слонимский уезды». Почти все чиновники организации, с которыми они встретились, были помещиками, и всех Калиновский строго критиковал за бездеятельность. Во время поездки они посетили несколько повстанческих отрядов и большой лагерь под Миловидами, где Калиновский проверил деятельность командиров отряда Ляндера, Юндзилла и других и беседовал с повстанцами до рассвета. Затем Заблоцкий вернулся в Гродно, а Калиновский продолжал инспекционную поездку. «Спустя неделю (около 8—10 июня.— *А. С.*) прибыл в Гродно и Калиновский и сообщил мне, что в Вильно произведено много арестов, поэтому его, Калиновского, призывают туда и он уезжает, предлагает мне занять его место комиссара и доносить ему, Калиновскому, если в уездах окажутся расстройства или бездействие организации. При этом добавил..., что в уездах организация у меня существует только номинально, а в некоторых местах ее даже совсем нет» [94].

Данные Заблоцкого помогают воссоздать картину энергичной деятельности Калиновского на посту революционного комиссара, сумевшего за короткое время назначить своих сторонников на ряд важных постов. Показания Заблоцкого и инструкции Калиновского подтверждают мемуарные свидетельства, что Калиновский хотел все дело восстания передать в руки крестьян. Характерно, что комиссар Калиновский требовал сообщать ему все фамилии и местожительство крестьян, активно поддерживавших повстанцев.

* * *

Рассматривая деятельность революционных демократов в Гродненской губернии, необходимо иметь в виду, что не им принадлежало военное руководство. Во главе повстанческих отрядов стоял полковник Онуфрий Духинский, повстанец 1831 г., совершенно не знавший условий края и лишенный военных способностей. Однако полностью устранить революционных демократов от участия в руководстве операциями не удалось. Они удержали за собой ряд важных постов.

Калиновский, формально не принимавший участия в военных делах, по существу направлял действия как революционной организации губернии, так и повстанческих отрядов.

Выдающаяся роль в подготовке восстания в Гродненской губернии и руководстве повстанческими силами принадлежит славному сыну Польши, искреннему другу белорусских крестьян Валерию Врублевскому. До начала восстания поручик Врублевский занимал должность начальника Сокольского егерского училища и вел активную агитацию в Гродненской губернии. После прихода к власти Гейштора Врублевский был снят с поста начальника вооруженных сил Гродненского воеводства. Калиновский, прибыв в Гродно, назначил его начальником штаба повстанческих сил, действовавших в Западной Белоруссии, в звании подполковника [95].

Как видно из мемуаров адъютанта Врублевского Игнация Арамовича, бывшего воспитанника Сокольского егерского училища, отряд Врублевского начал формироваться 12 (24) апреля в лесу между Белостоком, Соколкой, Крынками. Основу отряда составили бывшие слушатели егерской школы в Соколке — дети местных казенных крестьян, все как один покинувшие вместе с Врублевским училище. Впоследствии отважные егери были опорой Врублевского во всех боях. Вскоре в отряд начала собираться молодежь окрестных местечек и городов, крестьяне, Врублевский, имевший связи с революционными кругами в царских войсках, надеялся на прибытие групп революционных офицеров из гарнизонов Белостока и Слонима к заранее условленным пунктам.

Из показаний рядового солдата Либавского полка Ровбы, перешедшего к повстанцам, явствует, что отряд Врублевского в 150 бойцов ожидал группу офицеров в полутора верстах от Белостока. После прибытия офицеров во главе с Эйтмановичем отряд двинулся к Заблудову, по дороге к нему присоединились 30 добровольцев из Соколки и Супрасли. Всюду отряд оглашал манифест о земле, забирал в помещичьих имениях лошадей и оружие. На следующий день, т. е. 13 (25) апреля, отряд соединился с другой группой около 130 человек, вышедшей накануне из г. Бельска, а 14 (26) к ним прибыло еще 50 человек из Свислочи. Ожидая присоединения к отряду 14 офицеров из Слонимского гарнизона, отряд двинулся к ним навстречу, но к условленному сроку группа офицеров не прибыла. Позже обнаружилось, что выходу группы помешало предательство.

Отряд был разделен на две роты по 200 человек, роты же делились на десятки. Сто человек были вооружены косами, остальные ружьями. Конной группой командовал Кобылинский. Ровба сообщал, что крестьяне помогали повстанцам, с их помощью разоблачили предателя, пробравшегося в отряд. Среди восставших, кроме городских жителей и крестьян, были рабочие.

11 (26) апреля в отряд вступило 12 рабочих фабрики близ Завид [96].

К концу апреля отряд Врублевского насчитывал около 400 человек. Росту отряда препятствовало отсутствие оружия. На всех повстанцев приходилось, по данным Арамовича, 230 охотничьих ружей. Остальные же были вооружены косами, а некоторые просто дубинами. Военному делу обучал повстанцев Врублевский и его егери. Прекрасный наездник и меткий стрелок, он много сделал, чтобы передать мастерство товарищам. По свидетельству Ягмина, Врублевский был самым популярным партизанским вождем Гродненщины. Его храбрость не знала границ, он «искусно владел оружием, в особенности хорошо стрелял, чем отличалась и вся его партия» [97].

Помимо отряда Врублевского, в Гродненской губернии действовал ряд других. Численность, состав и командиров их приводит Арамович. Отряд Ляндера (Алексадра Ленкевича) — военного начальника Гродненского и Волковысского уездов — был создан 20 апреля (2 мая) в лесах близ местечка Озеры. Основу отряда составила группа в 36 человек, имевшая 5 ружей, которая вышла ночью из Гродно. Кучка безоружных храбрецов после успешных нападений на лесничества, почтовые станции и становые квартиры вскоре вооружилась и выросла за счет 100 добровольцев-крестьян. Но после неудачи у Святого Болота 22 апреля (4 мая) в отряде Ляндера осталось всего 25 человек, с которыми он ушел из Гродненского уезда и к 5 (17) мая соединился с добровольцами из Волковыска.

Отряд волковысских повстанцев под руководством Густава Стравинского («Млотка») получил боевое крещение у Михалина 2 (14) мая, где потерял 5 убитыми. Основу отряда составила молодежь, беспоместное дворянство уезда и крестьяне местечка Лыскова и окрестностей, всего 136 человек. Отряд делился на 2 группы стрелков, косинеров и конную группу в 12 всадников. После стычки с карателями у Великого Угла 5 (17) мая отряд «Млотка» соединился с группой Ляндера (25 человек), пружанскими добровольцами (70 человек). Объединенным отрядом в 300 человек стал командовать Ляндер (Ленкевич).

В Слонимском уезде в это же время (конец апреля — начало мая) возник и успешно действовал отряд Юндзилла (250—300 человек). Кроме этого, было еще несколько более мелких групп. Общая численность всех гродненских отрядов не превышала 2 тыс. бойцов [98]. Наиболее крупными из них были отряды Брестского уезда.

В начале апреля на юге Гродненской губернии было создано два отряда. Один формировал Траугутт 13 (25) апреля в лесу близ Антополя (до 190 человек), другой в лесах за Бугом, но для действий в Брестском уезде создал бывший повстанец Рогинского, воспитанник духовной семинарии Стасюкевич. Началь-

ником штаба в этом отряде был брестский дворянин К. Нарбут, офицерами Станишевский, Мелевский, секретарем Ягмин, а доктором был двоюродный брат К. Калиновского Иван (воспитанник Петербургской медико-хирургической академии). Вначале отряд насчитывал 30 стрелков, 10 всадников и 40 косинеров. В начале мая в отряде было уже 260 человек, а к концу месяца — почти 400. Как свидетельствует Ягмин, отряд рос в основном за счет мещан, дворовых мелкопоместного и беззсмельного дворянства и крестьян-батраков. Население деревень помогало повстанцам, в местечках и городках их встречали с хлебом и солью, с радостными криками. «Лето оживило наши надежды»,— пишет Ягмин [99].

Повстанческие отряды Гродненщины формировались, преодолевая саботаж помещичьей партии, по определенной системе. В каждом уезде возникало 1—2 отряда, насчитывавших от 150 до 300 повстанцев. Отряды делились на группы по 10—15 человек (смотря по численности отряда в целом) под командой унтер-офицера («десятского»). Несколько таких групп объединялось в плутоны под командой офицера. На вооружении состояли старые охотничьи ружья, часто кремневые; новые охотничьи двухстволки были редкостью, военные винтовки (штуцеры) — исключением. Большая часть повстанцев была вооружена самодельными пиками и копьями, изготовленными из кос. Порох и пули повстанцы изготавливали сами, и они были низкого качества. Повстанцы могли вести прицельный действенный огонь на расстояние до 50—70 шагов и были почти беззащитны перед армией, вооруженной новейшим нарезным оружием. Отряды почти не имели обозов и кухонь, продовольствие получали от крестьян, стараясь по возможности вознаграждать их за добровольные дары.

Все партизанские отряды Гродненщины были подчинены единому командованию. При Сокольском отряде, которым командовал капитан Эйтманович, был создан штаб, руководивший действиями всех отрядов. Во главе стоял Врублевский, но командующим был Духинский — эмигрант, прибывший с мандатом Высоцкого из Парижа. Решающую роль в руководстве, по словам Рожанского, играл все же Врубленский; его адъютантами были Густав Колупайло, Игнаций Арамович и Здеховский. Впоследствии штаб был перенесен в отряд Густава Стравинского, способного командира, выигравшего ряд схваток с карателями (под Савицкой корчмой, Великим Углом, Миловидами, Жарковщизной и др.). Из штаба исходили приказы, повинуясь которым отряды маневрировали, сосредоточивались и рассыпались в стратегических целях. Штаб обобщал получаемые донесения и представлял жонду сведения о боях [100].

По инициативе Калиновского и Врублевского начальники повстанческих отрядов устанавливали непосредственный кон-

такт с населением, вербуя добровольцев, разъясняя необходимость сбора информации о передвижениях карательных колонн. В обращениях к населению повстанцы призывали «сынов отечества присоединяться к отрядам народного войска..., не дожидаясь, когда войско придет к ним, особенно же те, кто имеет огнестрельное и холодное оружие». Всемерно укрепляя революционную организацию, защищая интересы населения и прежде всего крестьян, Калиновский и Врублевский стремились парализовать царскую администрацию, уничтожить аппарат местных правительственных органов. Царским чиновникам рассылались требования о немедленном прекращении работы[101].

Повстанцы придавали большое значение разъяснению населению смысла и цели своей борьбы. В занимаемых деревнях специальные подвижные группы (конные или на захваченных почтовых тройках) оглашали январский манифест и наблюдали за его исполнением. Особенно успешно действовала конная группа Кобылинского в 140 всадников, состоявшая в подавляющей части из бывших студентов и молодежи Гродненского уезда. Группа успешно ускользала от казачьих отрядов, разгоняла полицию и царскую администрацию, неизменно пользовалась поддержкой крестьян. Она имела свой боевой стяг с изображением земного шара в лучах солнца (Духинскому знамя не понравилось, и он сорвал его с древка).

Борьбе повстанцев с превосходящими силами карателей активно помогали крестьяне. Они не только снабжали отряды всем необходимым, но и предупреждали о приближающихся колоннах войск, давали проводников, указывали переходы через болота и пущи, и не раз повстанцы выходили из окружения по диким звериным тропам. Арамович отмечал в воспоминаниях особо радушное отношение крестьян Лыскова, Крынок, Миловид. Эти селения — очаги крестьянского движения в 1861—1862 гг. — и в дни восстания прославились своей стойкостью.

Стремление повстанцев связать борьбу за национальную независимость с ликвидацией социального гнета, освобождением крестьян от феодальных повинностей и наделением их землей находило сочувствие широких масс народа восстанию. Только активная поддержка населения позволила повстанческим отрядам губернии, не превышавшим 2 тыс. человек, противостоять на протяжении полугода хорошо вооруженной 40-тысячной карательной армии.

Успеху действий повстанцев способствовала также и умело поставленная, проводимая с учетом местных условий и традиций, пропаганда патриотизма и величия национально-освободительной борьбы польского народа. В повстанческих лагерях составлялись и распространялись среди населения специальные воззвания. Так, в обращении к жителям Слонимского уезда повстанцы напомнили им, что Слоним — родина Костюшки, что

светлая память земляка, его имя, героическая жизнь, всецело посвященная отечеству, воодушевляет и ведет народ на борьбу. В воззвании к населению Белостокского уезда напоминались традиции Стефана Чарнецкого, поднявшего некогда весь край на борьбу против захватчиков [102]. Итак, опора на традиции польского освободительного движения, развитие их, связь с народом — другой источник силы повстанцев Гродненщины.

Даже генерал Цилов признал, что повстанцы Гродненской губернии обращали большое внимание на ведение разъяснительной работы среди крестьян, нередко вставали на их защиту, тем завоевав расположение и поддержку народа. Так, 11 мая 1863 г. конная группа в 80 повстанцев ворвалась в Миловиды. Собранным в церкви крестьянам повстанцы зачитали манифест о наделе их землей и уничтожении повинностей. Были составлены документы о введении крестьян во владение землей и переданы населению на хранение. Народ присягнул в верности революционному правительству. То же произошло 12 мая и в соседней деревне Бовейково, где по случаю богослужения присутствовало много окрестных крестьян. Отряд повстанцев, прибывший на тройках, огласил крестьянам манифест о земле. 28 мая в село Селикорото вошла группа в 28 повстанцев, одетых в красные рубахи. Они наказали старшину плетьми, а сборщика податей, особенно надругавшегося над крестьянами, повесили.

Из среды крестьян вышло немало отважных борцов, отличившихся в неравной борьбе с карателями. Так, крестьяне деревни Пеняшки вначале активно содействовали повстанцам в сборе сведений, снабжении продовольствием, оружием, транспортом, а затем образовали свой отряд, возглавлявшийся крестьянином той же деревни. Большую известность среди повстанцев приобрел отважный разведчик и фуражир крестьянин Доминик Бейдо. Несмотря на тяжкий физический недуг — хромоту, он обеспечивал отряды Врублевского необходимыми припасами, а когда показывались войска, «притворялся нищим, разведывал о движении войск и давал знать в отряд» [103].

Моральный дух повстанцев, руководимых Калиновским и Врублевским, ясно понимавших смысл и цель борьбы, пользовавшихся поддержкой народа, был высок. Недавние пахари, гимназисты, чиновники прилежно занимались военным делом, изучали оружие и тактику, учились стрельбе и боевым построениям. Не все выходило у них на первых порах гладко и умело, бывали и комические сцены. Товарищи по оружию и собравшиеся окрестные крестьяне шутили и посмеивались. Но среди повстанцев было немало лиц из среды бывших офицеров, солдат, лесников, отлично владевших оружием и передававших свои навыки товарищам.

Немногие свободные часы после утомительного марша, неравного упорного боя повстанцы проводили у костров. Непри-

хотливый ужин, задушевная беседа, воспоминания и рассказы о сражениях прерывались песней. Молодежь пела студенческие или народные песни. Большой популярностью пользовались марши, сочиненные Ф. Рожанским — белорусским поэтом, соавтором «Мужицкой правды», сражавшимся в отряде Врублевского. Много позже, уже в эмиграции, В. Врублевский напевал их, вспоминая с ординарцем — белорусским крестьянином Кузьмой — совместные походы и сражения. Память адъютанта Врублевского Игнация Арамовича сохранила их для исследователя. О любви к родине и свободе, о ненависти к угнетателям, о вере в победу повествовали бесхитростные строфы Рожанского.

Против руководимых Калиновским и Врублевским повстанцев, насчитывавших около 1700 человек (совпадающие данные Арамовича и Калиновского), действовали войска генерала Манюкина в составе 7 эскадронов, 6 казачьих сотен, 67 рот при 38 орудиях с прислугой [104], не считая батальонов внутренней стражи, этапных и инвалидных команд, полиции и т. д., которые также участвовали в борьбе. Перевес сил был колоссальный. Против 7 отрядов, численностью в 200—250 человек, и нескольких мелких конных групп действовали 80 воинских подразделений. С чисто военной точки зрения, если отбросить политический фактор, просто невероятно, что повстанцы так долго продержались и даже выигрывали сражения.

Огромный перевес карательных сил исключал возможность наступательных операций. Однако повстанцы все же сумели обеспечить широкое ознакомление крестьян со своей программой, в ряде мест наделить крестьян землей. Это был путь превращения восстания в аграрную революцию. Из лагерей формирования, располагавшихся, как правило, вдали от населенных пунктов, в глухих местах, высылались небольшие подвижные группы, оглашавшие воззвания повстанцев, собиравшие сведения о противнике. Они же занимались и вербовкой добровольцев. Поэтому военные действия, в подавляющей массе своей, носили характер мелких схваток, стычек, как именовались они в боевых донесениях. Это были столкновения подвижных, разведывательных групп повстанцев с казачьими патрулями и разъездами, прочесывающими время от времени наиболее «подозрительные» районы.

Крупные бои возникали, когда карателям удавалось обнаружить лагерь повстанцев. Получив данные от лазутчиков, командиры карательных колонн стремились окружить повстанцев со всех сторон. Повстанцы с боем отходили, прикрывая эвакуацию базы, и нередко прорывались через цепь окружения. В реляциях царские офицеры изображали эти схватки как блистательные победы, в которых «шайки бунтовщиков» уничтожались поголовно, а с их стороны погибал всегда почему-то один казак и получали раны два-три храбрых офицера.

Но иногда карателям удавалось, выследив партизанскую базу, нанести повстанцам большие невосполнимые потери. Такая неудача постигла отряд Духинского — Врублевского 18(30) апреля на реке Слойка у деревни Валилы невдалеке от Соколки. Из рапорта генерала Манюкина видно, что он двинул в наступление около четырех рот пехоты, два эскадрона, сотню казаков и три орудия. Со стороны повстанцев в бою участвовало около 400 бойцов. Подводя итог сражению, Манюкин писал: «Неприятельская цепь была весьма искусно расположена за срубленными деревьями и бревнами, поваленными в болотистом ручье, прикрывающем фронт атакованной позиции. За речкой было устроено много завалов, расположенных весьма искусно для взаимного фланкирования. По всему видно было, что опытная военная рука управляла укреплением позиции, даже и с той стороны, откуда менее инсургенты могли ожидать нападения... ...Бой был чрезвычайно упорный, мятежники действовали правильными цепями и колоннами и сходились в густом лесу много раз в рукопашную схватку. Это причина той сильной потери, которую понес отряд в этом деле. Дело стоило нам 3 убитыми и 21 ранеными» [105].

Манюкин сообщал, что он разгромил «сильную позицию, избранную центром литовского восстания» что повстанцы бежали с поля боя врассыпную, и просил щедро наградить офицеров, обеспечивших успех, предрешив судьбу всего восстания. Как и всякое другое, донесение Манюкина страдает серьезным преувеличением. По словам Калиновского, «неудача Духинского в деле под Соколкой не столь поразительна, как официальные русские известия объявляли».

Арамович указывал, что Врублевскому удалось сохранить от разгрома около 200 стрелков и 160 косинеров благодаря стойкости партизан, бывших воспитанников Сокольского егерского училища — опоры и гордости Врублевского. Сохранилась и конная группа Кобылинского. С чисто военной точки зрения бой 18(30) апреля не был разгромом, хотя повстанцы потеряли 32 человека убитыми и весь обоз. Главный итог события — потеря повстанцами инициативы, захваченной в марте и удерживаемой несколько недель. Войска Манюкина уже больше не выжидали и не отсиживались по крупным городам. Они перешли в решительное наступление и взяли под контроль даже глубинные лесные массивы. У повстанцев не хватило сил этому противодействовать. Вот почему Калиновский отметил, что неудачный Сокольский бой «дурно подействовал на окрестное население» [106].

Каратели не всегда одерживали победы, несмотря на огромный перевес сил. В течение апреля—мая 1863 г. бои еще шли с переменным успехом. Решающего перелома в свою пользу регулярные войска добились не сразу. Ряд крупных столкновений

закончился даже в пользу повстанцев. Наиболее характерными из них были первые сражения отряда Траугутта и действия объединенного отряда повстанцев в районе Миловид на шоссе Брест — Бобруйск.

Ромуальд Траугутт, из дворян Брестского уезда, участник обороны Севастополя, после Крымской войны ушел в отставку в чине инженер-подполковника и проживал в имении Острово Кобринского уезда, был женат на внучке Т. Костюшки. В конце марта 1863 г. он был назначен военным начальником Кобринского уезда и сформировал отряд около 190 бойцов из среды мелких чиновников Кобрина, Бреста, Пинска, официалистов, мелкой шляхты, казенных крестьян. Траугутт должен был взаимодействовать с отрядом Стасюкевича, но тот не сразу покинул лагерь формирования за Бугом, и Траугутт долго оставался в одиночестве, отделенный от других отрядов огромными просторами, насыщенными царскими войсками, а на юге имел открытый тыл, так как в Украинском Полесье повстанцев почти не было. Несмотря на неблагоприятные условия, партизаны Траугутта нанесли карателям ощутительные удары.

Вторую половину апреля повстанцы, укрываясь в гуще лесов, занимались обучением и заготовкой оружия. Вооружены они были охотничьими ружьями. В начале мая начались бои. К лагерю повстанцев двинулась колонна капитана Керсновского. По официальным данным, в ней было до 200 человек (127 стрелков и полсотни казаков). Каратели имели явное превосходство не в численности, а в вооружении. Столкновение произошло 6 (18) мая между деревнями Горки и Одрыжин (по другим, 5 (17) мая).

Вот как описывает бой под Горками командующий карательными отрядами в южной части Гродненской губернии генерал-майор Эггер: «Местность впереди наших войск представляла лесное дефиле, с левой стороны замыкаемое сплошным лесом, вдоль опушки коего скрытно были расположены неприятельские стрелки... Казачий пикет, шедший впереди нашей колонны, пройдя все дефиле, заметил кавалерийскую колонну в тылу неприятельской позиции и, остановясь, дал о том знать капитану Керсновскому, который с оставшеюся у него половиною людей пробежал по всему дефиле и был встречен убийственным огнем, от которого значительное число людей было ранено, в том числе и сам Керсновский. Казакам же пришлось остановиться на второй поляне против центра неприятельской позиции, откуда они были встречены двумя залпами, нанесшими им чувствительную потерю; командовавший казаками юнкер Попов был ранен. Подпоручик Щербаков, не находя обхода болота, очутился у входа дефиле и стал, таким образом, на левом фланге нашей линии; он также был встречен залпом, от которого сам с значительным числом нижних чинов был ранен...

Битва на неблагоприятной для нас местности с неприятелем, вчетверо сильнейшим и отлично вооруженным, при всей храбрости наших войск не могла обойтись без потери: убит 1 казак, ранены капитан Керсновский (застрелившийся на другой день), подпоручик Щербаков, юнкер Попов, командовавший казаками, и 17 нижних чинов, в том числе 3 казака»[107].

Эггер явно стремился сгладить неудачу подчиненных, преувеличив численность отряда Траугутта, имевшего якобы четырехкратное превосходство сил. Выяснению истины помогает свидетельство участника боя, одного из соратников Траугутта, пожелавшего остаться неизвестным[108]. Получив сообщение о движении неприятеля, Траугутт оставил лагерь и занял укрепленную позицию на гребле, через болото. В засаде было 120 партизан. На рассвете показались каратели. Они спешили захватить повстанцев врасплох, а так как до лагеря было еще далеко, то не приняли боевого порядка. Когда повозки с солдатами втянулись на греблю, по знаку Траугутта повстанцы открыли огонь по передним и задним повозкам и убили лошадей. Колонна не могла двигаться ни взад, ни вперед. Попав под перекрестный огонь, каратели в панике бежали, и только отсутствие у партизан штыков и кавалерии не позволило им преследовать бежавших и довершить разгром. На поле боя осталось 100 штуцеров. Спаслось не более 80 человек. Повстанцы не потеряли ни одного, так как сидели в укрытии. По данным Зелинского, потери царских войск составили 70 убитых и раненых. Эггер же доносил, что у повстанцев убито 28 человек, а у него 2 убитых и 14 раненых.

Поражение отряда Керсновского заставило генерала Эггера сосредоточить против Траугутта все наличные силы. Из соседних гарнизонов Киевского военного округа на помощь подошла колонна полковника Игельштрома (две роты, сотня казаков, два орудия). Соединившись с остатками отряда Керсновского и отрядом подполковника Гессельберга (полторы роты), Игельштром атаковал 9(21) мая Траугутта в лагере близ деревни Горки, но после боя отошел, имея 6 раненых. Повстанцы же потеряли, по данным властей, 5 убитыми и 15 ранеными (по данным Зелинского, у повстанцев было 4 убитых и 6 раненых, у войск — 12 убитых). Реляция была составлена в победном тоне. Эггер утверждал, что полковник отошел, «чтобы быть более уверенным в разбитии шайки», что в боях с Траугуттом «люди дрались молодцами и единственно огромному превосходству сил, имевших за собой еще все выгоды позиции, должны были уступить»[109].

Превосходства-то в силах у повстанцев не было. Полковник Игельштром ввел в бой до четырех рот пехоты и полторы сотни казаков, имея в резерве более роты пехоты и два орудия. После неудачных атак он отступил. К месту боя спешили подкрепления.

Операцию возглавил генерал Эггер. «Я сам сейчас отправляюсь в отряд для принятия личного над ними начальства»,— писал он Манюкину 9(21) мая. У Горок собралось, по данным Эггера, 4 роты пехоты, 2 сотни казаков, 2 орудия. Траугутт видел концентрацию войск, но решил принять бой и стоять насмерть. Он только выслал гонцов с просьбой поспешить на помощь. За бойцов своих он был спокоем — они великолепно показали себя в бою, но на помощь надежда была слаба. Отряд Стасюкевича все еще находился за Бугом, а отряды Врублевского были в не менее тяжелом положении, чем Траугутт.

14(26) мая Эггер атаковал лагерь Траугутта в Белинских лесах. Вот как он описал сражение: «Колонна двигалась по узкому возвышенному перешейку, ведущему через болотистые и лесистые места. Вдруг следы по перешейку этому исчезли и свернули влево на узкую греблю, положенную через широкое болото и ведущую в густой лес. Только что авангардная цепь вступила в лес, она наткнулась на пикеты. Известив своих сигнальными выстрелами, мятежники, видимо, не ожидавшие нас, тотчас заняли указанную им, верно, заранее позицию и встретили нас убийственным огнем, от которого с самого начала значительное число было ранено. Цепи наши, бегом раздаваясь направо и налево и двигаясь все вперед, дрались в самом близком от неприятеля расстоянии; бой закипел самый отчаянный; цепи наши, предводимые храбрыми своими офицерами, шаг за шагом вытесняли храбро сражавшихся мятежников. Большое пространство, занятое неприятелем, и довольно значительные потери наши при без того так малочисленном отряде заставили ввести в дело всех, так что цепь дралась почти все время без резерва. И так храбрые стрелки, все наступая и вытесняя мятежников, дошли до самого их лагеря, расположенного среди густого леса на довольно обширной поляне. Продолжительное время длился и тут еще бой, но наконец мятежники, пораженные на всех пунктах, должны были искать спасения в бегстве, оставя в руках наших все свое имущество. Бой продолжался более двух часов».

Подводя итоги бою, Эггер указывал, что на поле сражения осталось 26 убитых и тяжело раненных повстанцев, захвачен весь обоз и запасы продовольствия. Траугутт убит, и его отряд, «состоявший из 300—400 человек отлично вооруженных и обученных, совершенно разбит, разбрелся поодиночке во все стороны... невероятно, чтобы он в состоянии был сформироваться». Эггер, однако, признал, что «успех окуплен нами дорогой ценой», что он потерял 9 человек убитыми и 36 ранеными. Как и в предыдущих донесениях, он преувеличивал силы повстанцев, заявляя, что одержал победу «с горстью людей» [110].

Этот рапорт Эггера уже ближе к истине. Со стороны повстанцев дано примерно такое же описание сражения. Две первые атаки войск были ими отбиты. Третья также захлебнулась. Тогда

Эггер лично возглавил атаку. Конь под ним был убит, но контуженный генерал шел вперед. Солдаты бросились за ним и, несмотря на тяжелые потери, овладели лагерем. Партизаны потеряли весь обоз и рассыпались. Только Траугутт во главе группы в 43 человека отошел в порядке, прикрыв отступление. Потери в этом бою составили, по словам мемуариста, 14 человек, а всего в двух боях вместе с ранеными отряд потерял до 30 человек. Потери Эггера были гораздо большие. Как утверждал современник, он даже сказал: «За мной поле боя, а за Траугуттом победа»[111]. 17 мая 1863 г. Муравьев шифровкой сообщил царю о победе над Траугуттом в Белинском лесу[112].

Поражение Траугутта было следствием громадного перевеса сил карательного отряда. По данным повстанцев, Эггер имел до 3 тыс. солдат; по официальным данным (видимо, близким к истине), около 900 человек. Превосходство налицо, ибо в отряде Траугутта не было и 200 человек. Калиновский, например, называет цифру в 150 человек, Арамович — 160, Зелинский — 190. Второй причиной поражения следует считать недостаточную согласованность действий партизанских отрядов. Нельзя сказать, чтобы соседние отряды оставили Траугутта в беде, не желая ему помочь. Отряд Стасюкевича, получив сообщение о боях у Горок, перешел Буг, но 14 (26) мая, т. е. одновременно с Траугуттом, был разбит у Черска. Остатки его вошли позже в отряд Леливы. Пытались помочь Траугутту и отряды, действовавшие севернее[113]. Ляндер, получив сообщения от Траугутта, поспешил к нему на помощь, но в день сражения у Горок он был в районе Савицкой Корчмы, где натолкнулся на войска. Отряд карателей после нескольких безуспешных атак на позиции партизан отступил. Путь к Траугутту был открыт, но помощь запоздала[114].

После боя 14(26) мая Траугутт уже не оправился. Он ушел в глубь Полесья. В июне его группа (около 40 человек) соединилась с группой Леливы. Образовался так называемый брестско-кобринский отряд (до 150 человек), действовавший в бассейне Припяти. Отряд имел даже некоторые военные успехи. Так, в июле у деревни Колодня в удачной засаде 90 повстанцев рассеяли свыше 2 рот карателей. Но затем отряд был оттеснен в болотисто-лесистую местность, отрезан от населения, потерял поддержку крестьян, и Траугутт приказал выходить из окружения мелкими группами. Несколько таких групп пробилось к Врублевскому в Беловежскую пущу. А Траугутт с группой в 20 человек ушел за Буг. Там вскоре открылась новая и последняя страница его жизни[115].

Успешные бои в мае 1863 г. вел также и Волковысский отряд под командованием «Млотка», сформированный из крестьян деревни Лысково и городской молодежи. Отряд из 300 бойцов делился на 2 роты стрелков, роту косинеров, конную группу в 12 человек и обоз. После ряда мелких, успешных столкновений в

районе Лыскова отряд двинулся к Миловидам. На марше 1—3 (13—15) мая в районе деревни Михалино отряд провел три успешных схватки с карателями. В этих боях повстанцы потеряли девять человек убитыми и ранеными, каратели же, по данным Арамовича, за 3 дня потеряли свыше 170 человек [116].

В официальных донесениях бой 2(14) мая представлен в другом свете. В донесении генерала Эггера карательные отряды есаула Елистратова и капитана Евдокимова (всего около сотни казаков и двух рот) в районе Михалина встретились с партизанским отрядом в 800 человек и разбили их наголову. Эггер сообщает, что бой начался рано утром 2(14) мая и с перерывами продолжался более суток. Он признает, что карателям приходилось отступать, но объясняет это донельзя странно. Вначале, мол, «мятежники рассеялись..., видя смелость наших солдат, не выдержав натиска их. Начальник отряда, чтобы дать отдых своим людям, отошел к корчме Михалины... Мятежники... двинулись за ним» [117]. У Эггера выходит, что разбитые мятежники преследовали победоносно отступающее воинство. И вот каков, по Эггеру, финал события:

«Урок, полученный мятежниками, однако же не был для них достаточен... Увидев приближающееся войско наше, решились теперь уже не уступать победу и защищаться до крайности, потому тотчас заняли крепкую позицию за длинной плотиной, на опушке леса. Цепь наша стремглав бросилась на плотину, за нею колонна, сопровождаемая казаками. Тут встретил их дружный залп мятежников, но ни частый огонь, ни отчаянное сопротивление... не могло остановить войск наших... неприятель, держась упорно, все же, несмотря ни на перевес в силах, ни на выгоду позиции своей, ни на твердую решимость не отступать... натиск выдержать не мог». Бой, по словам Эггера, закончился полным разгромом партизан, которые «разбрелись в малых партиях и поодиночке во все стороны», потери противника он определяет до 100 человек убитыми, а свои — убиты один казак и один солдат и семь ранены [118]. Сопоставление двух противоположных свидетельств о схватке у Корчмы Михалино вскрывает явную тенденциозность донесения Эггера. Поражение колонны, вынужденный отход ее в первой фазе боя он изображает как стремление дать отдых победоносному воинству. Спасение колонны от окончательного разгрома подоспевшим казачьим отрядом под пером генерала приобретает вид полного истребления восьмисот повстанцев.

Наиболее крупной операцией, имевшей большое не только военное, но и политическое значение, имела осуществленная Калиновским концентрация повстанцев в Миловидских лесах в Слонимском уезде в конце мая. По данным Арамовича, в этом районе сосредоточились отряды: Волковысский под командованием «Млотка» (около 270 человек), Новогрудский — Миладовского

(140 человек), часть отряда Ляндера (25 человек), Пружанский отряд Влодка (около 50 человек), Слонимский отряд Юндзилла (до 300 человек). Всего, таким образом, сосредоточилось около 800 повстанцев. Командование над ними принял полковник Ленкевич (Ляндер). Вечером 20 мая (1 июня) отряды инспектировал Калиновский. В течение двух следующих дней в районе Миловид произошли столкновения с подошедшими тремя колоннами карательных войск, закончившиеся в пользу восставших. По данным Арамовича, повстанцы потеряли 18 человек, а каратели до 240, главным образом от своей же картечи. Главный итог — подъем морального духа партизан и окрестного населения, уверовавшего в силу восстания [119].

События у Миловид получили довольно подробное освещение в донесениях начальников карательных отрядов. Впечатления были достаточно сильными, чтобы найти отражение и в последующей переписке. Как видно, карателей более всего тревожили смелые действия повстанцев, осуществлявших революционным путем прекращение феодальных повинностей, объявлявших крестьян собственниками земли. Каратели видели, что крестьяне поддерживали повстанцев, откликались на их зов.

Военный начальник Слонимского уезда доносил, что в мае в районе деревень Миловиды, Шалевичи, Михалино появились сильные группы повстанцев, активно осуществляющих декреты революционного правительства. Так, 17(29) мая 1863 г. начальник повстанческого отряда, заняв деревню Добромысел, «собранным в церкви членам волости объявил манифест польского правительства о введении крестьян в собственность и уравнении в правах сословий... Объявление сделал вместе со здешним настоятелем греческого вероисповедания Хриневичем; затем присутствующие крестьяне обязались клятвой быть верными национальному правительству». Под этим решением подписались повстанец И. Лукашевич, старшина волости Ян Лазарчук и крестьяне Змитрук, Шачело и Томаш Коневехта. В клятве, текст которой сохранился, крестьяне обязались указов царского правительства не слушать и по мере сил оказывать помощь повстанцам.

После обнародования манифеста и присяги «начальник инсургентов пригласил всех крестьян к заранее приготовленной в плебанном доме закуске, после которой шайка удалилась... к Миловидским лесам...» Сообщалось, что документы о передаче земли крестьянам хранят и начальству не представляют [120]. Управляющий Добромысельским имением сообщил, что повстанцы, обнародовав манифест, закупили водку, «потчевали крестьян». Священник Миловидского прихода доносил, что 11(23) мая рано утром «к нему явилось до 80 человек инсургентов, требовали отпереть церковь и благовестить для призыва крестьян, для чего было отправлено инсургентами несколько человек в близлежащие

имения Миловиды, Кулики, Скорники... После сбора крестьян инсургенты приказали священнику идти в церковь, где один из них прочел возмутительный против правительства манифест с подробным объяснением оного крестьянам. После выхода из церкви крестьяне были приведены к присяге..., после присяги начальник составил акт и принудил священника подписать оный за неграмотных крестьян... возмутительный манифест был отдан крестьянам. Затем крестьяне были угощены инсургентами водкою и закускою»[121].

12(24) мая повстанцы на реквизированных ими десяти почтовых тройках в пять утра прибыли к Гавсковицкой церкви «в сопровождении крестьян деревень Колодовичи и Гавсковичи, через которые они проезжали. Приказав отпереть церковь, начальник... прочел собравшимся крестьянам возмутительный против правительства манифест и... привел крестьян к присяге... Затем начальник дал крестьянам для угощения 10 руб. серебром и передал составленный им акт о действиях инсургентов».

14(26) мая, обобщая полученные им сообщения, военный начальник Слонимского уезда писал в Вильно, что с 6 (18) по 13 (25) мая из всех полицейских станов, от старшин, священников, станционных смотрителей и управляющих он получает извещение о том, что «вооруженные инсургенты в значительных партиях до 100 и более человек являлись в деревнях..., собирали крестьян в приходские церкви, читали им манифест Центрального комитета о безвозмездной отдаче крестьянам земли, приводили крестьян к присяге в верности Польскому правительству... Забирали на почтовых станциях лошадей, ямщиков и брички, на которых переезжали из одного прихода в другой, в имениях забирали лошадей, людей, брали из кладовых водку, не платя акциза... Инсургенты следовали еще и на обывательских подводах и при них было 5 деревянных орудий...»

Наконец, 18—20 мая (30 мая — 1 июня) сообщалось, что, выйдя из лесов, повстанцы направились к Миловидам через деревни Заполье, Гошево, Средов, Иващевичи, Чемел, «брали съестные припасы в деревнях, возмущали крестьян против правительства, оставляли возмутительные манифесты». Повстанцы уничтожали документацию в сельских правлениях, жгли мосты на стратегическом шоссе Брест — Бобруйск, портили телеграфную линию. Передвигались они на почтовых тройках, меняя лошадей на станциях. Из донесений военного начальника Слонимского уезда видно, что в течение мая в районе Миловид к повстанцам присоединялись ямщики почтовых станций, рабочие Михалинского стеклозавода, дворовые и батраки помещичьих имений[122].

Против повстанческих отрядов, сконцентрированных в Миловидской пуще, были брошены крупные силы пехоты, кавалерии и артиллерийские подразделения. Еще 20 мая (1 июня) из Слони-

ма выступила колонна в составе 3 рот пехоты при 4 орудиях и 30 всадников. Из Несвижа двинулись еще 2 роты. Вышедшие отряды атаковали лагерь повстанцев 22 мая (3 июня).

Вот как развивались события в описании командира карательного отряда: «Все расстояние от станции Миловид до Чемел и далее чрезвычайно лесистое, болотистое, так что шоссе представляет узкое дефиле... Как только опушка была обстреляна картечными выстрелами, то 1-я рота быстро начала наступать вправо от шоссе и 1-й взвод 3-й роты, углубляясь в лес, завязал перестрелку со стороны площадки; другому взводу этой роты я велел идти со стороны смольной фабрики с барабанным боем не столько для действия на фланг, как для отвлечения туда внимания мятежников; но это не помогло: мятежники знали неприступность своей позиции и так упорно держались в опушке, что я через 2 часа принужден был на место 1-й роты послать 2-ю, а 1-ю отвести в резерв; но и 2-я рота не могла преодолеть затруднений местности: она тоже не могла дойти до единственной тропинки, соединяющей шоссе с лагерем, хотя и отодвинула мятежников настолько, что уже видны были их бараки. Действия 3-й роты, действующей под личным надзором майора Егорова, тоже были парализованы местными препятствиями. Значительная убыль людей (убито 9 человек, ранено 40), их усталость, наступающая темнота и имеющееся в виду четырехверстное отступление по узкому шоссе, окруженному лесом, заставили меня прекратить бой. В плен во время дела взяты два человека».

23 мая (4 июня) каратели штурмовали лагерь вновь, но он был уже пуст. Ночью повстанцы покинули его, замéтя подошедшие к неприятелю резервы. Численность повстанцев царские офицеры определили до 3 тыс. человек. Сообщая о происшедших событиях, как всегда, в бравурном тоне, начальник экспедиции писал: «Мятежники бежали малыми партиями». Однако сей храбрый воин не решился преследовать бежавших, хотя имел 4 роты пехоты. «Неизвестность об их силе,— писал царский офицер,— приближение вечера и неимение никаких о них сведений заставили меня взять новое направление... мы отступили на ночлег». Так разбитые мятежники принуждают победителей отступать под прикрытием артиллерийского огня, а «победители» не решаются преследовать «бежавших мелкими партиями»[123].

Как ни хитрили царские офицеры, они не могли скрыть свою неудачу под Миловидами. От генерала Эггера потребовали отчета о причинах неудачи, обвинив в отсутствии должной распорядительности. В ответ 16(28) июня Эггер послал обширный рапорт, анализирующий ход карательной операции в южных уездах Гродненской губернии, в котором указывал, что в подведомственном ему районе восстание подавлено: «Общий результат действий во вверенном мне районе весьма удовлетворительный... Они (повстанческие отряды.— *А. С.*) были разбиты и рассеяны,

Пружанский и Кобринский уезды совершенно очищены... Действия вверенных мне колонн войск не ограничивались, однако, этим, они действовали с успехом и в Волковысском и Слонимском уездах, и скорее я вправе был ожидать благодарности и поощрения всем чинам, нежели упреки и замечания».

Эггер не отрицал, что под Миловидами повстанцы избежали поражения («шайка разбита, хотя и без значительной потери... Следов не открыто..., для преследования не приняты надлежащие меры»). В неудаче он обвинял подчиненных офицеров, которые атаковали повстанцев преждевременно, не дав возможности закончить концентрацию войск. В то же время Эггер подчеркнул, что распространились преувеличенные слухи о силе повстанцев: «Сведения о многочисленности Миловидской шайки чрезвычайно преувеличены. По всем сведениям, собранным от пленных, она не доходила до 1000 человек».

Приводя эти цифры, более близкие к истине, Эггер давал понять, что значение неудачи под Миловидами сильно преувеличивалось. Это был более верный метод оправдания, чем заведомая ложь офицеров, указывавших, что против них действовало до 4 тыс. повстанцев.

Чрезвычайно интересно и признание генерала об отсутствии у войск проводников, информации о повстанцах. Он пишет, что войска совершают «форсированные переходы, утопая в болоте», что «жители часто поражены удивлением, видя, по каким местам шайки бывают настигаемы и преследуемы. При этом нужно заметить, что большей частью следы до такой степени теряются, что нет почти возможности открыть их. Это мною испытано перед делом 13 мая. Четыре дня я, бесполезно проходив все леса, бывал иногда, как после оказалось, в самом близком от шайки расстоянии и лишь на пятый день к вечеру, проходив в течение этих 5 дней до 300 верст, открыл, и то обязан этим только случаю». Рапорт Эггера интересен и тем, что содержит подробности о сражениях, об упорстве повстанцев в бою. Отводя упрек в недостатке личной решительности, генерал сослался на бой с Траугуттом, где он сам «для более решительного действия лично принял начальство. В этом деле подо мною убита лошадь, сам я контужен в ногу» [124]. Рапорт Эггера от 16 (28) июня свидетельствует о том, что повстанцы Гродненщины, поддерживаемые населением, в течение мая — июня 1863 г. дрались смело и упорно и отступали только под давлением превосходящих сил.

Каковы итоги событий у Миловид? В плане политическом повстанцы добились несомненного успеха. Сконцентрировав крупные силы и взяв, хотя и на короткое время, контроль над значительным районом, они сумели установить контакт с населением. Передвигаясь небольшими подвижными группами от села к селу, повстанцы повсюду осуществляли реализацию манифеста о наделе крестьян землей и прекращении феодальных повинностей.

Донесения местных властей не отрицают, что эти действия пользовались сочувствием и поддержкой крестьянства.

Анализируя миловидские события, начальник штаба 2-й пехотной дивизии Гейнс в частном письме позже писал, что «во всех деревнях появились эмиссары, читавшие собранным громадам декреты революционного правительства, которыми земля, обрабатываемая доселе крестьянами, с согласия панов отдавалась им безвозмездно на вечные времена. Засим тут же совершалась запись в трех экземплярах, из которых один передавался крестьянам. Крестьяне немедленно перестали исполнять свои повинности относительно помещиков... Никто из крестьян не отнес русским властям дарственной записи революционного правительства». Гейнс признал, что в этом основная причина «упорного равнодушия к нам крестьян во все время борьбы», что крестьяне Гродненской губернии «смотрят недоверчиво» на царские власти. «Это недоверие шло так далеко, что, не в укор официальным донесениям, многие русские крестьяне принимали участие в восстании».

Признав, что официальные донесения составлялись тенденциозно, Гейнс приводил в качестве одного из примеров события «у Миловид — на границе Гродненской и Минской губерний». Здесь, по его словам, в мае 1863 г. «крестьяне целыми станами принимали православную присягу на верность мятежу... Крестьяне тут,— продолжает Гейнс,— имели некоторое основание на недоверие к нам» [125].

В военном отношении повстанцы у Миловид также добились определенного успеха. Карательные отряды, окружившие лагерь, не сумели нанести поражение партизанам. Однако успех повстанцы не закрепили. В объединенном отряде не было единодушия и согласия среди начальствующего состава. Часть командиров предложила смелый план атаки отступивших карателей для завершения разгрома, но Ляндер, принявший общее командование, не согласился. Инициатива и время были упущены, а вскоре пришло сообщение, что к месту боя спешат новые отряды царских войск. Повстанцы покинули лагерь у Миловид, отряды рассыпались по уездам. Пружанский отряд под командованием Влодка, соединившись с отрядом Духинского, действовал некоторое время в Волковысском уезде. Новогрудский отряд под командованием Миладовского ушел в свой уезд, где вскоре был разбит. Оставшаяся вблизи Миловид группа, костяком которой был Слонимский отряд, была через несколько дней атакована войсками генерала Эггера.

На рассвете 26 мая (7 июня) три роты атаковали повстанцев в районе деревни Гуковичи. Лагерь располагался на возвышении «Остров Гора» среди болот, заросших лесом. «Местность, по которой шли,— доносил командир карательного отряда,— может вполне называться непроходимою, люди вязли по пояс, чаща

такая, что в 5 шагах ничего не видно. Несмотря на все это, движение производилось с величайшею тишиною, прерываемое только треском ветвей и плеском воды». Повстанцы, однако, заметили наступающих и отошли после перестрелки. Окружение не удалось. Численность повстанцев офицеры определяли до 600 человек, но это преувеличение в два раза. Пленные показали, что еще в лагере у Миловид повстанцам стало известно о движении крупных сил карателей. «Инсургенты,— доносил офицер генералу Эггеру,— имеют отличных шпионов, крестьяне служат им из-за денег, помещики — ради шляхетской свободы» [126].

Общую оценку действий повстанцев в Гродненской губернии, их состава и численности дает К. Калиновский в известной записке от 28 февраля 1864 г.: «Отправленный предо мною в Гродненскую губернию Онуфрий Духинский, явившийся здесь в Вильно с мандатом полковника, данным ему, как я видел из подписи, Высоцким, завел вооруженное восстание в Гродненской губернии. Имели восстать по распоряжению Духинского в одно время все уезды, но так как он дал очень короткий срок, то успели завести восстание только в трех уездах: Сокольском, Белостокском и Бельском. ...Неудача Духинского в деле под Соколкой, хотя не столь поразительна, как официальные русские известия объявляли, дурно подействовала на окрестное население, однако не остановила еще сочувствия к делу восстания. Следовавшие затем почти постоянные поражения наших отрядов, бесхарактерное их существование в деле политической пропаганды, совершенный недостаток военных средств и людей способных, ослабляя вызванное в народе сочувствие к восстанию, способствовали почти окончательному уничтожению шаек в Гродненской губернии во время моего военного там комиссарства. Численность их по недостатку оружия была очень незначительна, итак: отряд Духинского состоял не более как из 500 человек, Ляндера (Ленкевича) — 300, Влодка — 100, Юндзилла — 250, Краковского (Траугутта.— *А. С.*) — 150, Стасюкевича — 300, Тышки — 100... Всего не более 1700.

Состав этих отрядов был большею частью из крестьян казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей, в которых шайки и находили самую сильную поддержку. На помещиков и крестьян я получал постоянные жалобы от военных начальников, которые в свою очередь представлял по обязанности Дюлорану. Какое участие принимали гродненские помещики в народной организации, мне хорошо не известно, но результатов их деятельности в отношении их к военным отрядам почти совершенно не было. Шайки принуждены были по большей части собственными средствами приобретать все необходимое» [127].

Энергичная деятельность Калиновского способствовала вовлечению крестьян в восстание. Демократические силы, руководи-

мые Калиновским, выступали не только против царских властей, но и против помещиков, вынуждая их прибегать к помощи царских войск. Так, например, владелец имения Серич помещик Янович, явился к гродненскому уездному военному начальнику, «прося защитить его имение военной силой»[128]. Однако размах восстания не всегда позволял удовлетворять подобные просьбы: не хватало войск. Так, командир батальона, стоящего в Волковыске, писал губернатору, что он принужден перейти к обороне: «...нахожусь в совершенной готовности на случай нападения»[129]. Подводя итог борьбы Калиновского, Сераковского, Звеждовского, Врублевского, Длуского, Трусова, Мацкявичюса, Вислоуха и других известных и оставшихся неизвестными деятелей революционно-демократического крыла восстания, нельзя не отдать дань уважения их энергии, мужеству, стремлению вовлечь широкие слои крестьянства в восстание, расширить район борьбы, придать ей характер подлинно народный.

На весну, время осуществления замысла демократических сил о распространении восстания на восток, приходится самое большое число боевых действий. В мае (н. ст.), по данным Зелинского, число боев и стычек достигло максимума — 134, из них 73 произошли в Литве, Белоруссии, на Украине. Восстание, начавшееся в Варшаве в январе, весной переместилось на берега Немана, Двины, Днепра, намереваясь шагнуть и дальше. Однако уже в июне обстановка меняется. Гибель Сераковского, неудача Звеждовского, разгром повстанцев Ружицкого на Волыни мешают осуществлению этого замысла. Военные действия все более замыкаются в границах Царства Польского, Жемайтии и Западной Белоруссии, на долю которых из 107 сражений за июнь приходится соответственно 60, 15 и 15 военных столкновений, а в июле из 126 сражений в Царстве Польском происходят уже 86. Затем начинается общий и повсеместный спад восстания.

Демократические силы не смогли придать движению народный социальный характер в Литве, Белоруссии, Царстве Польском. Во главе восстания находились помещичьи элементы, срывавшие героические усилия демократов. Помещичье руководство (группа Гейштора и др.) препятствовало демократизации восстания и фактически вело к свертыванию борьбы вообще, возлагая все надежды на интервенцию. За все время, пока восстанием руководили помещики, не был создан ни один партизанский отряд. В течение апреля—мая продолжали героическую борьбу отряды, сформированные революционными демократами, благодаря усилиям которых восстание в эти месяцы не затухало.

«...Величайшей, неизгладимой ошибкой Временного правительства относительно Литвы, — писал Авейде, — была передача всей революционной провинциальной власти в руки „белых“ (группы Гейштора. — *А. С.*)...главным недостатком администра-

нии в Литве было то, что „белые“, получив власть в свои руки, совершенно удалили от участия в управлении делами живой, молодой, собственно революционный элемент. Важные должности комиссаров, начальников воеводств и уездов доставались почти исключительно весьма добрым и весьма спокойным, просто говоря, гнилым шляхтичам — помещикам. *Только один революционер, Калиновский*, был комиссаром Гродненской губернии, и потому только там существовала кое-какая администрация.

Шляхте понравились титулы, и она весьма охотно принимала назначения, но жертвовать временем и всем дорогим в жизни для исполнения принятых на себя обязанностей, подвергать себя всем опасностям... они по самой натуре своей не были в состоянии. Вообще, главы воеводств были трусы и тяжелые, ленивые негодяи... Недостаток столь важен, что его можно назвать одной из главнейших причин гибели литовского восстания... Виленское отделение, дожидаясь всякую неделю французов, не обращало почти никакого внимания на военную часть, восстания... Дела были оставлены просто на произвол судьбы, шайки (повстанческие отряды. — *А. С.*) поднимались и гибли на всем пространстве Литвы, но никто не думал о судьбах их»[130].

Стремясь как-то поправить положение дел, Временное Национальное правительство 10 (22) мая решило поставить под более жесткий контроль действия Литовского отдела и этим свести на нет его погрешности и ошибки. С этой целью, как указывает Авейде, Отдел был переименован в Исполнительный, власть комиссара Дюлорана расширена, в частности, ему непосредственно были подчинены комиссары воеводств, которых он сам по личному усмотрению мог назначать и сменять. Но перемещений в составе Отдела не было сделано[131].

Нельзя не отдать должное Авейде в оценке действий помещичье-националистической группировки в Литве и Белоруссии. Но надо добавить, что в числе виновников совершенной ошибки был и он сам, что Народовый жонд в Варшаве мало чем отличался от своих ставленников в Вильно. Национальное правительство после гибели Бобровского и Падлевского также уповало на интервенцию и заискивало перед помещиками, как и Литовский отдел. К сказанному Авейде надо добавить, что повстанцы Царства Польского упрекали жонд почти в тех же выражениях и за те же ошибки, за которые Авейде критикует Виленское отделение. Как не верили повстанцы Литвы Гейштору, так же не верили Авейде и повстанцы Царства Польского.

Так, в рапорте плоцкого воеводского комиссара на имя жонда от 28 сентября 1863 г. отмечалось, что восстание в воеводстве обезглавлено, военного руководителя партизанских отрядов нет, многие начальники отрядов бежали за границу,

а большинство членов организации не подчиняется решениям жонда, считая, что «Национальное правительство перешло ныне в руки умеренных». Комиссар воеводства (Людвик Бялый) указывал, что для продолжения борьбы нужно отказаться от союза с землевладельцами — «богатая шляхта не думает об освбождении отечества, считая главною задачей избавление от революционного элемента; поговаривает, что надо было бы отдать 12 тыс. негодяев в русское войско и было бы спокойно в крае и развитие шло бы по пути прогресса». По мнению автора рапорта, жонду следует отказаться от надежд на интервенцию, «надо драться до последнего дыхания, а не уповать на дипломатов, если не хотим, чтобы нас одурачили» [132].

Партизанские отряды, лишенные по существу поддержки со стороны руководства, не имевшие централизованного единого командования, оружия и боеприпасов, сражались с хорошо вооруженной карательной армией, превосходившей их в несколько раз по численности. Партизанские отряды таяли, но продолжали борьбу.

Ошибки Временного Национального правительства в аграрном и национальном вопросах препятствовали привлечению под знамя восстания широких слоев крестьянства. В особенности резко это сказалось в восточных районах Белоруссии, в Виленщиие, в районе Динабурга, где крестьянство, открыто выступая против местного дворянства, отождествило с ним повстанческое движение. Ошибки и ограниченность руководства были главной причиной неудачи попыток расширить район восстания.

Однако и группа Гейштора не добилась своей цели. Выхолостить полностью аграрную, социальную сущность восстания ей не удалось. Практика действий подавляющей части партизанских отрядов показывала, что они боролись за устранение не только национального, но и социального гнета, за удовлетворение интересов крестьян. Таким демократам-повстанцам, как Мацкявичюс, Врублевский, Трусов, Калиновский, Вислоух, как крестьянские предводители Пуйдокас, Битис, Лукашюнас, не по пути было с группой Гейштора. Обнаружился разрыв между практикой действий большинства отрядов и курсом, официально объявленным виленским центром и Национальным правительством в Варшаве. Этот разрыв ясно обнаружился еще в марте—апреле, когда повстанцы узнали о перевороте, совершенном в Вильно. Сераковский отказался выполнить решение Отдела о переводе основных партизанских сил в Виленскую губернию, а устремился в Курляндию. Звеждовский даже объявил о намерении открыто порвать все связи с Временным Национальным правительством. Калиновский и Врублевский, действовавшие в Гродненской губернии, проводили свой, демократический курс.

Если в этой обстановке помещичья группировка еще не порвала с восстанием, то это объясняется, во-первых, поддержкой ее со стороны Национального правительства, находившегося под влиянием «белых», и, во-вторых, надеждами помещиков на интервенцию иноземных государств. Близкая, по расчетам «белых», высадка иноземного войска могла изменить все. Дальнейшее развитие событий зависело в создавшихся условиях от того, сохранит ли дворянская часть повстанческого лагеря контакт с Национальным правительством, осуществятся ли ее надежды на иноземное вмешательство.

В марте в обстановке мощного революционного подъема в Литве и Польше, активной дипломатической деятельности западных держав классовый инстинкт буржуазно-помещичьей, националистической группировки Гейштора подсказал ей путь взрыва восстания изнутри. Спасти то, что можно, попытаться повторить маневр Мирабо — возглавить борьбу, чтобы сдержать ее, — таково было решение. Ход событий за три месяца показал, что свернуть восстание с социального пути не удалось. Литовские и белорусские помещики, примкнувшие к восстанию, с нетерпением ждали высадки войск интервентов. Тогда, и только тогда, могли быть решены их противоречия и с царизмом, и с внутренним врагом — народом, его идеологами и вождями Калиновскими и Мацкявичюсами. Но интервенты не показывались. Вскоре произошли события, заставившие дворянство круто изменить свой политический курс.

Глава пятая

Третий этап восстания. Подавление восстания царизмом

1. Поворот дворянства к сотрудничеству с царизмом. Образование демократического руководства восстанием. Действия повстанцев в июле — декабре 1863 г.

В мае Пальмерстон предложил проект образования некоего подобия независимого польского государства «в границах, определенных для него Венским трактатом с добавлением территории и города Кракова». Высшего напряжения дипломатическая деятельность западных держав достигла в конце июня 1863 г., когда царскому правительству были вручены согласованные ноты трех держав, требующие заключения перемирия в Польше и созыва европейского конгресса для обсуждения условий предоставления Польше «особой национальной администрации». Казалось, что возрождается грозная антирусская коалиция и близится повторение крымского позора. Однако после беседы с английским послом Горчаков пришел к убеждению, что Англия не пойдет на войну, что ноты предъявлены для успокоения общественного мнения. «Нэпир спокоен за мир»,— заявил Горчаков. «Лорд Рассел сказал мне, что дело идет о простом обмене мнениями, это не ссора, а беседа»,— писал канцлеру русский посол из Лондона [1].

Англия дала понять царизму, что следует затянуть переговоры до момента, когда можно будет снять польский вопрос с повестки дня. Основная цель английской политики уже была достигнута: ослабленное «белыми» восстание не внушало особого страха, угроза всеевропейского революционного взрыва в значительной степени ослабла, франко-русское сближение было взорвано. Можно было бросить Польшу на произвол судьбы. Это было открытое предательство и вероломство в отношении народа, которому были внушены столь большие на-

дежды на помощь. «Польский вопрос» служил козырем в бесчестной игре английской дипломатии не одно десятилетие. Разоблачая эту гнусную игру, Маркс писал: «Буржуазия всегда считала правильным подстрекать поляков в начале каждого их нового восстания, предавать их путем своей дипломатии в течение этого движения и покидать их в беде...» [2].

Получив исчерпывающую информацию о подлинной позиции Англии, Горчаков в нотах 1 (13) июля решительно отверг предъявленные тремя державами требования. Новые ноты трех держав (3, 11 и 12 августа н. ст.) служили только прикрытием позорного отступления инициаторов дипломатического концерта. «В них проглядывало сознание бессилия и бесплодности предпринятого коллективного вмешательства»,— писал Д. А. Милютин. Царское правительство воспрянуло. Французский посол доносил, что в Петербурге уверовали «в мирное настроение Англии, которому не удивляются, так как давно убедились, что ее единственной целью было поссорить нас с Россией, и раз этот великий результат достигнут, она (Англия.— *А. С.*), собственно, должна охладеть к польскому вопросу». Получив разрозненные августовские ноты, русское правительство увидело, что угроза миновала. «Давно уже пора положить конец этой бесплодной полемике»,— заявил царь. Ответные ноты Горчакова от 26 августа (7 сентября) были составлены в соответствии с этим [3].

Дипломатическая победа царизма, явно обозначившаяся в июле — августе 1863 г., оказала воздействие на поведение дворянской части повстанческого лагеря. В. Милович отмечает, что бесплодное вмешательство ничем не помогло Польше, но дало повод царскому правительству раздуть шовинистическую кампанию. Надежды на интервенцию побудили «белых» примкнуть к восстанию. Сформированные демократами вооруженные отряды использовались «белыми» не столько для сражений, сколько для того, чтобы видимостью борьбы создать предлог для вооруженного вмешательства иностранных держав. Конечно, демократическая часть повстанцев мыслила и действовала иначе, чем «белые», но последние парализовали усилия восставшей нации. «Белые» превратили восстание в комедию войны за независимость. Когда к осени 1863 г. стало ясно, что никакой помощи от Запада не будет, руководство приняло, наконец, меры к развертыванию сил, но было уже поздно.

Восстание 1863 г. сделало польский народ, по мнению Миловича, менее легковерным и доверчивым в отношении Западной Европы [4]. Умеренные и шляхетско-националистические элементы, примкнувшие к восстанию под влиянием надежд на интервенцию, с напряженным, неослабевающим вниманием следили за ходом дипломатических переговоров, с нетерпением ждали, как же державы ответят на вызов Горчакова. «В этих

днях должны быть со стороны Англии, Франции и Австрии ноты, которые послужат или к окончанию всего или только будут началом»,— эти слова минского помещика как нельзя лучше передают настроение польского шляхетского лагеря[5]. Когда же стало известно содержание нот и августовский ответ Горчакова, разочарованию не было границ. Оказалось, что надежды на интервенцию были иллюзорными, что Западу нет никакого дела до судьбы польского народа.

«Польша самостоятельная,— писал в те дни новогрудский помещик Грежбовский,— не нужна Западу. Ему нужна Польша в России, Польша, ненавидящая Россию и готовая всякий раз, по желанию Запада, восставать против нее и отвлечь силы и внимание России... несчастный донынешний польский патриотизм был в руках Запада удобным орудием. Поляки проливали кровь в интересах Запада и по желанию Запада». Грежбовский, анализируя сложившуюся обстановку, приходил к выводу, что сильная независимая Польша «не нужна, даже опасна европейским государствам... восстановление Польши не могло бы обойтись без самого страшного потрясения Европы, без всеевропейской войны и нарушения политического равновесия и изменения системы европейских государств, а какое же ныне государство желает этой страшной катастрофы?»[6]

Логическим завершением этого вывода было резкое изменение позиций тех, кто верил в интервенцию. Если восстание рассматривалось как вооруженная демонстрация, как повод для вмешательства иноземных государств, то за убеждением в невозможности интервенции следовал отход от восстания. Грежбовский и не скрывал этого: «Западные державы явились с дипломатическим покровительством, чтобы скрыть свои происки... Польская кровь нужна была для алчных видов. Ветреная Франция и купеческая Англия, оценивающая все на свои фунты, выступили вместе с Австрией, этим кровавым вампиром, сосущим кровь славянского народа, чтобы удить рыбу в мутной воде... вследствие вмешательства Запада даже самые хладнокровные пошатнулись в своих убеждениях». Грежбовский указывал, что восстание было начато по инициативе «университетской молодежи», которая вела за собой общественное мнение края, в то время как «помещики, как поземельные владельцы боялись всяких революционных потрясений», они примкнули к борьбе. когда «поверили в вооруженную помощь Запада».

Отход от борьбы националистическая помещичья партия прикрывала космополитической болтовней «о предугадывании божественной мысли, отыскании для себя указаний для понимания нашей судьбы». Попирая стремление народов к социальной и национальной свободе, эти новоявленные пророки вещали: «Народность посреди человечества — это отдельный тон в

созвучии великой мысли бога, сливающийся в один стройный гимн, называемый история... С прогрессом человечества все народы соединятся в одно целое... будет одна паства — человечество, один пастырь — бог Христос». Ренегатство, предательство, пресмыкательство перед царскими сатрапами выдавалось за веление бога. Лакеи палачей возводились в ранг вещателей господа, бдящих над участью человечества [7].

Разуверовавшись в интервенции, правые шляхетско-националистические элементы вновь обратили взоры к царскому трону, предав анафеме мечты о независимой Польше: «Полную независимость мы поддерживать не умели и не сумеем в будущем». Отступники сетовали на «увлекающийся и пылкий характер польского народа» и проповедовали императорский панславизм и шовинизм. Было даже подготовлено специальное обращение к царю: «Как блудные сыны прибегаем к стопам трона вашего, мы отрекаемся от непризнаваемых временем и историей сепаратистских стремлений и как истинно русское дворянство могущество России считаем нашим могуществом, счастье России — нашим счастьем. А лозунгом наших политических стремлений хотим иметь, чтобы в титуле нашего августейшего монарха выражение государь Всероссийский заменить выражением Всеславянский государь».

Помещичья группа надеялась, что ее пресмыкательство будет вознаграждено и по достоинству оценено царизмом. «От правительства,— писал Грежбовский,— мы должны надеяться акта всепрощения, всеобщей и полной амнистии и далее признания и удовлетворения истинным нравственным и материальным нуждам нашим и уничтожения всех преград к развитию умственных и материальных сил, основанных на местных условиях» [8].

Однако надеждам не дано было осуществиться. Проект адреса «Всеславянскому августейшему монарху» был решительно отвергнут царскими властями. Муравьев заявил, что это проявление «старой крамолы» в новых одеждах. Расправившись с революционными элементами, укрепив свое положение, царизм мог безбоязненно попирать либеральную оппозицию и шляхетскую фронду. От помещиков требовались полная капитуляция, открытое и унизительное публичное раскаяние. На меньшее сатрапы царя не соглашались. Требование Муравьева было безропотно выполнено.

Чтобы закрепить и официально выразить отход помещиков от восстания, Муравьев посоветовал виленскому губернскому предводителю дворянства Домейке подать от имени дворян губернии верноподданнический адрес царю и покаяться в заблуждениях. Домейко, семейство графов Плятер, русские землевладельцы в крае Снитко и Павлов, д. ст. советник Барташевич, издатель «Виленского вестника» Киркор стали инициаторами этого адреса. С помощью муравьевской администрации ко

дню рождения императрицы адрес был готов. Позже Киркор так описывал историю составления адреса: «Когда в 1863 г. граф Муравьев требовал, чтобы 27 июля непременно был подан адрес от дворянства, подписей же было всего около 40 и дело шло очень затруднительно, Барташевич совместно с Киркором, несмотря на господствовавший еще террор народного жонда, в течение одного дня и ночи успели собрать с лишком 160 подписей, и адрес был подан. Тогда им было объявлено, что они совершили государственное дело и многое сулили. Кончилось, однако, тем, что князя Ш. (князь М. В. Шаховской-Глебов-Стрешнев.— *А. С.*) сделали, собственно, за адрес флигель-адъютантом, а одного из действовавших лишили службы и разорили» [9].

27 июля, когда муравьевская администрация и многочисленная царская военщина пышно и торжественно отмечали день рождения супруги царя, виленская депутация дворянства в генерал-губернаторском дворце вручила Муравьеву адрес «на августейшее имя». Немедленно была послана об этом телеграмма в Царское Село и туда же поскакал специальный гонец с текстом адреса. Принимая адрес, Муравьев подчеркнул, что дворяне, теперь открыто порвав с «мятежом», должны на деле помочь его удушению. Примеру виленского дворянства последовали помещики и остальных губерний. Затем начали посылать адреса и от имени других сословий.

Оценивая обстановку, сложившуюся в крае в связи с кампанией адресов, Литовский отдел указывал, что верноподданнические адреса ни в коей мере не выражают подлинных чувств жителей края, что их составляли царские чиновники. Крестьян приглашали во дворец Муравьева и заставляли подписывать уже заготовленный ранее адрес; по имениям и местечкам ездили офицеры с текстом и под угрозой оружия собирали подписи. С целью избежать лишних жертв и сохранить кадры революционной организации в обстановке произвола и насилия, чинимого карателями, Литовский отдел 22 сентября издал приказ не отказываться от подписи адреса. Одновременно была организована кампания протеста против фальсификации общественного мнения царскими властями. Были составлены контрадреса, которые, по заявлению Отдела, подписало в короткий срок 249 646 человек, заявивших, что они признают единственным законным правительством революционные власти и протестуют против искажения их воли царским правительством. Литовский отдел указывал, что эти контрадреса — свидетельство энтузиазма, который горит в сердцах граждан, естественное дополнение к той мужественной борьбе, которую ведет народ на протяжении восьми месяцев, подтверждение доверия, какое питает население края к революционному правительству. Царизм чужд всему населению, ненавистен всем слоям общества, чувствует, что

земля уходит из-под его ног, и вопреки всем историческим традициям, вопреки истине пытается создать хотя бы видимость законности своего господства в крае. Муравьев прибег к дикому произволу и террору для составления адреса, противного чувствам населения. Непрекращающаяся борьба с превосходящими силами карателей делает честь Литве. Жестокости врага — прикрытие его слабости, последняя попытка удержать добычу[10].

Польское либеральное дворянство начало сотрудничество с царскими властями не только из страха, но и по велению классового чутья. Крепостник и палач Муравьев был ближе помещикам, чем революционер-демократ Калиновский. Среди помещиков получил широкое распространение написанный минским уездным предводителем дворянства Евстафием Прушинским специальный трактат, обосновывающий эти гнусные действия. Отрекаясь от патриотических чувств, Прушинский оправдывал кровавую русификаторскую политику царизма ссылками на волю бога. Действия Муравьева, по его мнению, «в порядке вещей», ибо нации не могут иным путем, кроме насилия, решать спорные вопросы, что сильнейшая вправе подавлять слабейших и добиваться их слияния с собой, а так как среди славян эта роль принадлежит России, то поляки должны забыть о своих национальных чувствах[11].

В царском правительстве дворяне видели единственную силу, способную защитить их от крестьянского топора. «В наших сторонах,— писал минский помещик Маркулевич осенью 1863 г.,— все хорошо и спокойно. Крестьяне, получившие осязательное убеждение от казаков, что лучше жить спокойно, нежели бунтоваться по наговорам каких-то разбойников, успокоились после той самой понятной речи весьма скоро посредством нагайки, приводящей к убеждению; усомнились в добрых последствиях поднятого бунта и сделались спокойнее, по крайней мере теперь не смотрят так дико на «ляхов», как они обыкновенно называют своих панов и всех тех, которые или лучше одеты, или более цивилизованы». Автор не принял участия в восстании, ибо, по его словам, это был мятеж крестьян и «подстрекателей». «Крестьяне восстали против помещиков, чтобы им не платить и не отрабатывать повинности, но, наказанные правительством, успокоились»[12]. Пан Маркулевич выразил в письме ту благодарность царскому правительству, которая наполняла сердца помещиков Белоруссии и Литвы, насмерть напуганных восстанием.

Переход польского либерально-националистического дворянства в лагерь Муравьева привел к дальнейшей дифференциации рядов повстанцев. Продолжали борьбу только те, кто верил в силу и справедливость начатого дела, пытался разжечь пламя народной войны. Глубокие изменения в умах людей, справедливо видевших в корыстолюбии и предательстве дворянства

причину поражения, прекрасно передают воспоминания В. Г. Короленко. Характеризуя обстановку в июле — августе 1863 г., он писал: «Восстание умирало. Говорили уже не о битвах, а о бойнях и об охоте на людей... В польском обществе место возбуждения заняло разочарование и, кажется, демократизм сменил романтические мечты о блеске и пышности «исторической Польши». Вместо хвастливого «Еще Польша не погибла» и «Под Сточком гремят пушки» молодежь пела мрачную и горькую демократическую песню:

«О честь, вам паны и князья, прелаты,
За край, братской кровью залитый...»» [13]

Без этой демократизации умов нельзя правильно понять деятельность революционных сил, причины и истоки самоотверженной борьбы и стойкости повстанцев.

Как же реагировал Жонд народовый на эти события? Отход помещиков Литвы и Белоруссии от восстания жонд расценил как нежелание всего населения продолжать борьбу, как агонию восстания в крае. В середине июля, заслушав информацию о положении дел в Литве, в Белоруссии, о нежелании Гейштора оставаться во главе Отдела, Временное Национальное правительство пришло к убеждению, что «дела восстания в Литве в самом плачевном положении, что организация литовская — это только призрак» [14].

Временное Национальное правительство оказалось в трудном положении. Подлинные революционеры были им отстранены от руководства восстанием в Литве еще в марте, а группировка «белых», в руки которой была передана власть, покидала теперь лагерь восставших. Была сделана попытка выйти из тупика путем преобразования Литовского отдела в чисто исполнительный орган и передачи всей полноты власти в руки полномочного комиссара жонда в Вильно Дюлорана, но она не увенчалась успехом. Эта реформа натолкнулась на сопротивление Гейштора, заявившего, что приказы Варшавы не учитывают местных условий и не могут быть претворены в жизнь. К тому же Дюлоран был человеком, совершенно непригодным для отводимой ему роли. Он был, по словам Авейде, самонадеян до ребячества, лишен почти всяких способностей и стремился быть маленьким провинциальным диктатором в крае, которого совершенно не знал. Гейштор указывает, что Дюлоран ничего не делал в качестве руководителя восстания, да и делать не мог, не зная ни людей, ни условий Литвы. Он, пользуясь положением комиссара, брал без счета деньги из кассы Отдела. В конечном счете поведение Дюлорана возмутило даже Гейштора, и он отказался выдавать ему деньги. Рассорившись с Гейштором, Дюлоран попытался опереться на Калиновского и ввел его в состав Отдела [15]. «В начале июня,— свидетельствует Калинов-

ский,— я был снова вызван в Вильно Дюлораном, в котором по приезде я увидел главного двигателя восстания в здешнем крае в звании комиссара Литвы. Не давая мне никакой номинации, он принял меня как бы своим секретарем»[16].

К этому времени из состава Отдела выбыли арестованные в конце мая — начале июня А. Оскерко, Ф. Далевский. Из прежнего состава Отдела оставались: Гейштор, А. Еленский и И. Лопацинский. Калиновский был назначен заведовать отделением внутренних дел виленского центра. Вслед за Калиновским в состав Отдела вошел в качестве начальника Вильно В. Малаховский, бывший до этого помощником А. Оскерки. Новые лица были, по словам Гейштора, совсем других мнений, чем он, и действовали, не считаясь с его протестами. Гейштор «не хотел поступать против своего убеждения, а равно и не мог видеть положение дел одинаково со своими новыми товарищами» и решил уйти в отставку[17]. Авейде также указывает, что, вопреки воле Гейштора и Еленского, Дюлоран ввел в состав Отдела В. Малаховского и Константина Калиновского[18].

Авторитет Калиновского по возвращении в Вильно еще более возрос. Даже Дюлоран, не любивший Калиновсокго, признал, что у него весьма светлая и способная голова. Рядовые повстанцы, узнав о назначении Калиновского, говорили, что должность руководителя отдела внутренних дел в Вильно теперь хорошо замещена.

Гейштор и Дюлоран все еще оставались формально во главе Отдела, но первый уже не хотел ничего делать и настойчиво добивался отставки, а Дюлоран был просто не способен руководить движением. Калиновский все более и более забирал руководство восстанием в свои руки, объединяя своих сторонников. Руководитель Виленской воеводской организации сообщает, что, получив назначение, он прибыл к Дюлорану на инструктаж, который объявил, что все подробности об этой должности и сведения о лицах он получит от Калиновского. Инструктируя повстанца, Калиновский приказал: в крайних, экстренных случаях делать распоряжения самому, обыкновенно же сообщать ему, Калиновскому, для совместного совещания[19].

Со времени возвращения Калиновского в Вильно революционные демократы Литвы и Белоруссии по существу вернули себе руководство восстанием. На их стороне были многие командиры повстанческих отрядов (Вислоух, Мацкявичюс и др.).

Дюлоран до середины июля (н. ст.) оставался еще в Вильно, но вся полнота власти была уже в руках Калиновского и Малаховского. Намерения и планы революционной молодежи, вновь вошедшей в состав «исполнительного отделения», прекрасно переданы в письме одного из ближайших соратников Калиновского (вероятно, Владислава Малаховского), адресованном Феликсу Вислоуху и датированном 16 (28) июня. Сохра-

нился полный текст этого бесценного документа, позволяющий проникнуть в святая святых замыслов и планов группы Калиновского [20].

Письмо начинается с призыва: «Да здравствует свобода родины, равенство и собственность крестьянина! Вечная слава вам, ее защитникам!» Первая часть, по словам автора, «очерк идущей борьбы», составленный по памяти. Перед нами общий обзор хода восстания, принадлежащий перу одного из руководителей. Правдивый голос осведомленного лица вносит важные коррективы в официальные документы, помогает воссоздать картину событий. Автор пишет, что муравьевский террор наводит ужас на слабых, насилию нет границ. Переходя к характеристике положения дел в повстанческом лагере, он отмечает широкий территориальный размах восстания, подробно освещает действия повстанцев Литвы и Белоруссии, победы Траугутта, Ленкевича и особенно Врублевского, которые «ставят Гродненщину на высокий уровень». Автор отметил победу при Миловидах, где были разбиты четыре роты царских войск.

О действиях повстанцев Ковенщины автор менее осведомлен («могу сообщить меньше подробностей»). Однако он отмечает хорошее вооружение тамошних отрядов, «замечательное отношение крестьян», победы Яблоновского над карателями («творит чудеса»). Автор восхищен героизмом повстанцев, которые нередко, сметая целые роты, уходя из смертельных объятий неприятеля, «без еды, обуви, одежды, информации и всех необходимых для жизни материальных и моральных средств, уничтожают в засадах вымуштрованную дикую гвардию». Информация о действиях повстанцев в других губерниях более лаконична, отмечено, что «в Виленском [воеводстве] в каждом уезде есть свои отряды». Упомянуто о пленении Зыгмунта Минейки («твоего соратника и моего друга») — военного начальника Ошмянского уезда.

Автор оповестил о гибели З. Сераковского, Б. Колышки, Л. Франковского, В. Козелла, о неудаче восстания в Витебской и Могилевской губерниях («восстание не могло там долго продержаться... Народ, всеми средствами подстрекаемый властями, был для него наибольшим препятствием»). Но движение в Восточной Белоруссии «имело огромный политический вес». В Витебщине еще держатся небольшие силы, оттягивающие на себя карательные отряды, Могилевщина же «опирается на рубежи Минщины». Очерк борьбы не был самоцелью ни для автора, ни для Вислоуха, военные бюллетени насытить не могли, как выразился сам автор. Дух восставшего народа, перспективы борьбы, анализ неудач, устранение их причин — вот что стояло в центре внимания корреспондента и адресата.

Как же оценивает автор положение и перспективы восстания? По его мнению, неудачи носят временный характер, кре-

стьянство в ряде губерний смотрит на восстание как на затею исключительно помещичью, потому что дворянство захватило руководство делом. «У нас в Литве только теперь дело доходит до гражданской администрации, так как до сих пор администрация в провинциях почти бездействовала из-за подлости и трусости дворянства, рвущегося к должностям без желания работать, без понимания своих сил и обязанностей».

Автор указывал, что в тех редких исключениях, когда повстанческая администрация возглавлялась энергичными молодыми революционерами, ход событий принимал другое направление. В качестве примера он указывал на Гродненщину, где «один из наших („Хомут" — оставь это для себя), комиссар того воеводства, превосходно организовал гражданскую администрацию, обеспечил отрядам лучшую связь и доставку продовольствия» и тем обеспечил военный успех. Пример Гродненщины пока исключение, а должен стать правилом — таков ход мыслей автора, развернувшего перспективы борьбы, наметившего вехи дальнейшего движения. «Теперь молодой элемент берет дворянство в тиски. Через две-три недели вы сразу же ощутите разницу, почувствуете, что за вами стоит народ, любящий вас, как своих детей, народ, материнской рукой охраняющий вас; увидите, что вас, братья, гибнущих на поле боя, народ готов, не считаясь с жертвами, обеспечить продовольствием, обмундированием, снабдить информацией. Мы вступаем на путь бешеной энергии, на путь такого терроризма, который не только в корне истребляет подлость, но и без колебаний и жалости четвертует слабость и неповоротливость.

Дворянство сторонится работы в деревне, бежит от вас. Оно страшится муравьевских виселиц и дрожит за свои именья. Так поставим же дело так, чтобы дворянам пришлось выбирать между нашей петлей, пучком смолистой лучины и царской карой. Когда тысячи голодных, ослабевших и раздетых льют в битвах благороднейшую кровь, ты, живой дворянин, как ты можешь оставаться безучастным зрителем этих бешеных схваток ради спасения поместий, нажитых трудом крестьян?

Мы вешаем крестьян, когда они по неразумности, не понимая своего положения и цели борьбы, шпионят, доносят, вредя сами себе же. Какие же мучения и казни должны мы обрушить на виновников стольких жертв, стольких поражений и страданий — на помещиков, которые предают вас на каждом шагу, бегут в города, прячут от вас свои запасы по амбарам.

Вы являетесь олицетворением сил народа, искренне вам сочувствующего, и вам нельзя, если вы понимаете важность настоящего момента и свое влияние на народное сознание, жаловаться на подлое и трусливое поведение дворянства. Пусть хотя бы один или два недоброжелательных пана заболтаются тучными тельцами на дереве, пусть хотя бы один угнетатель кре-

стьян захрипит на виселице перед прежними своими неграми за донос, за невыполнение приказа и долга, за неизгладимые и невознаградимые обиды, причиненные народу или вам, а потому и общему делу, и народ вас поймет. Он не назовет вас «барчуками», а будет считать вас вдохновенными трибунами свободы, о которых он мечтал от колыбели, защитниками всеобщей свободы. Он окружит вас доверием... В родной стране вы не должны получать ответа „не дают“. От вашего успеха зависит судьба отечества — как же можете вы терпеть горести или нужду, боясь оскорбить нервы дворянки грубым голосом приказа или нарушить покой дворянина, смердящего подобно улитке в гнусной праздности».

Основными задачами, решение которых обеспечит успех восстания, автор письма считал создание энергично действующей гражданской администрации, способной обеспечить всем необходимым вооруженные отряды и повести решительную борьбу с дворянством. Этим задачам подчинено и еще одно предложение, вытекающее из опыта гродненских повстанцев. Автор отметил, что целиком оправдала себя практика создания небольших конных групп в 10—12 всадников, которые тревожат врага, истребляют его пикеты, вешают шпионов, уничтожают царские власти, перехватывают почту, приводят население к присяге, контролируют регулярную доставку продовольствия и обмундирования для отрядов, собирают оружие, препятствуют созданию сельских караулов.

В заключительных строках автор кратко коснулся внешнеполитических вопросов, повторив распространенное среди повстанцев мнение, что отказ царизма от предложения обсудить польский вопрос на европейском конгрессе вызовет войну. Автор был убежден, что изложенная им программа действий обеспечит превращение восстания в подлинно всенародное движение. Он заявил, что царизм будет скоро сдан в археологический музей — «мы стоим прочно». Письмо оканчивалось призывом к стойкости. Вера в святость и непобедимость правого дела восставших слышится в его заключительной строке: «Мы чувствуем в себе новые силы, видим позорный конец царского могущества. После каждой казни работа у нас идет еще лучше. Молодежь берет верх, и мы надеемся вскоре так организоваться, что нас скорее одолеют века, чем заржавевшее орудие пытки».

Два обстоятельства в письме Малаховского заслуживают особого внимания. Прежде всего, сроки намеченного и подготовленного переворота — «через 2—3 недели», т. е. где-то в начале июля (ст. ст.). Во-вторых, намерения тех, кто «берет дворянство в тиски». Радикализм демократической молодежи, чьи мысли отражены в письме, не подлежит сомнению. Помещичья собственность для автора письма — украденная собственность крестьян, сами владельцы имений суть плантаторы, место кото-

рых на висилице. Это те же идеи, которыми была проникнута «Повстанческая инструкция», разработанная Литовским Провинциальным комитетом в начале восстания. И все же нужно признать, что автор письма еще не ставит задачу ликвидации всей помещичьей собственности как непосредственную задачу повстанцев. Однако в письме содержится призыв к суровому наказанию тех дворян, которые сотрудничают с царизмом, не выполняют решения повстанческой администрации, что в конкретных условиях, сложившихся в то время в Литве и Белоруссии, означало борьбу с громаднейшим большинством помещиков, вставших на путь сотрудничества с Муравьевым.

Почти одновременно с письмом Малаховского к Вислоуху из того же демократического крыла повстанческой администрации вышел еще один документ первостепенного значения. Это «Приказ правительства польского над всем краем Литовским и Белорусским народу земли Литовской и Белорусской»[21]. В переписке повстанцев для краткости этот документ именовался обычно «Приказ мужикам». Он действительно был обращен прежде всего к крестьянским массам. Приказ помечен днем св. Варфоломея (по православному календарю — 11 июня, по католическому — 23 августа). Данные о распространении документа говорят в пользу первой даты. Написан приказ на белорусском языке (латиница), заверен печатью Литовского отдела; он получил широкое распространение в крае, особенно в Гродненской, Виленской и Минской губерниях. Калиновский и Малаховский, открыто еще не порывая с руководством польского освободительного движения и его представителями в Вильно (Дюлораном и Гейштором), давали свою радикальную трактовку программы и целей восстания. Национальное правительство декретом 10 (22) мая ликвидировало остатки самостоятельности виленского повстанческого центра, преобразовав его в исполнительный отдел. Выполнять приказы, издаваемые в Варшаве, Отдел должен был под неослабным и всеобъемлющим контролем комиссара Дюлорана. Калиновский и Малаховский, не считаясь с этим решением, рассматривают Отдел как революционное правительство Литвы и Белоруссии, действующее в братском союзе с восставшим польским народом. Это, между прочим, разоблачает лживый навет фальсификаторов-националистов о «сепаратизме» Калиновского, но это говорит и о том, что Калиновский не считал себя лишь исполнителем решений, выработанных где-то, кем-то, без учета конкретной обстановки. Несмотря на разногласия с правым крылом польского национально-освободительного движения, несмотря на свои обоснованные и верные критические замечания по его адресу, Калиновский и его сторонники высоко ценили громадное значение польского восстания, верили в демократические силы его, понимали, как важно идти вместе с ними. Но ни на минуту они не

прекращали отстаивать право народов Белоруссии и Литвы занимать свое место в единой революционной армии, идти под своим демократическим знаменем, защищать собственные интересы в общей борьбе.

Условия, в которых протекала летом и осенью 1863 г. деятельность Калиновского и его соратников, значительно отличались от весенних. Сказались ограниченность и ошибочность аграрной и национальной политики Варшавского жонда. В ряде районов Белоруссии и Литвы царским властям удалось внушить крестьянству, что восстание является борьбой помещиков за возвращение крепостного права. Обманутый народ включали в сельские караулы, гнали в бой с повстанцами. Возникла реальная угроза, что царизму удастся, используя наивный монархизм крестьян, спекулируя на их ненависти к помещикам и на ошибках руководства восстанием, вбить клин между крестьянами и польским дворянством, поднявшимся на национально-освободительную борьбу. Необходимо было обеспечить за собой самостоятельность, право принимать такие решения, которые диктовались особыми условиями Литвы и Белоруссии, выгнать Дюлорана из Вильно, устранить из состава Отдела Гейштора, ликвидировать последствия ошибок «белого» руководства и сорвать маневры царских властей. Царские власти изображали руководителей восстания агентами польских панов, утверждали, что восстание — дело рук помещиков. Продолжать борьбу можно было, только подняв такое знамя, под которое могли встать крестьяне.

В «Приказе мужикам» развернуто это знамя. В обращении «к народу земли литовской и белорусской» говорится: «Дурачит вас москаль (имеется в виду царская администрация и военщина.— *А. С.*), толкуя вам, что это помещики поднялись, чтобы возвратить барщину: он хочет замутить воду, чтобы в мутной воде по-прежнему рыбку ловить. Но дело наше не дело панское, а справедливой вольности, какую ваши деды и отцы издавна желали и какую москаль с кровопийцами вашими уничтожить хочет... Но миновала уже барщина, миновала кривда и никакая сила ее не вернет... Польское правительство отдает вам без всякого выкупа и оброков ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды. Это правительство дает вам настоящую вольность... Никто не смеет обижать простого человека... Чиншей, оброков, податей в казну московскую и барам более не платить, земля уже ваша...» Повстанцы призывали народ отстаивать вместе с ними с оружием в руках свои права и интересы, устраивать жизнь по-своему. Сами крестьяне на сходках должны решать, как жить, что делать, как перестроить порядки в соответствии с правдой мужицкой.

Калиновский и Малаховский призывали крестьян не верить Муравьеву и созданным им комиссиям, которые вели демагоги-

ческую проверку уставных грамот. Они объясняли крестьянам, что не следует ждать, когда царские чиновники дадут землю, а надо взять ее собственными руками и сурово расправляться с тем, кто противится свободе народа. «Теперь настало время, что каждому будет отмерено [земли] так, как он сам намеряет,— гласил приказ.— Пан будет злым — пана повесим как собаку! Мужик будет плохим, так и мужика повесим, а дворы их и села пойдут с дымом, и будет справедливая вольность... мы люди вольные, а кто хочет неволи, тому дадим виселицу... А кто этому приказу противен будет, будь он или поп, или ксендз, мужик или пан, обо всяком доносить польскому правительству... или, собравши сход и сделав справедливый суд, без оговорок вести на виселицу! Ибо кто хочет кривды людской, тот пусть лучше сам даром пропадает!»

Гейштор, номинально остававшийся главой Отдела, был против нового курса, осуществляемого Калиновским и Малаховским, но он был бессилен что-либо изменить; даже Дюлоран, убедившись, что сила на стороне группы Калиновского, перестал перечить и вспомнил о мартовском протесте Калиновского, который оказался пророческим.

Программа действий, изложенная В. Малаховским в письме к Вислоуху и в приказе от 11 июля, была поддержана многими начальниками повстанческих отрядов. Подготовка к провозглашению нового курса, к изменению состава руководящих органов восстания, как видно из письма Малаховского, была завершена к середине июня. Вскоре (по данным Авейде, в половине июля н. ст.) Дюлоран был вызван с рапортом в Варшаву, передав перед отъездом свои полномочия и печать комиссара Калиновскому.

Вызывая своего комиссара в Варшаву, Временное Национальное правительство рассчитывало получить от него исчерпывающую информацию о положении в Литве и Белоруссии, сложившемся в связи с отходом «белых» от движения, наметить программу дальнейших действий. Кроме того, до членов Временного Национального правительства уже дошли сведения о разногласиях между Гейштором и Дюлораном, так как и глава Отдела и комиссар жаловались друг на друга. Выезжая с рапортом, Дюлоран решил использовать случай для сведения счетов с Гейштором. Он намеревался добиться его устранения с поста председателя Отдела и тем самым еще более упрочить свое положение. Для осуществления задуманного маневра Дюлоран вытащил на свет старый протест Калиновского против передачи руководства «белым», написанный еще в марте, но оставленный им тогда без последствий. Передавая временно свои полномочия Калиновскому, Дюлоран тем самым разыгрывал роль «спасителя» Литвы, исправляющего ошибку, допущенную в марте Временным Национальным правительством.

Дюлоран думал этим также расположить к себе Калиновского. С такими далеко идущими планами уехал Дюлоран в Варшаву. Его расчеты оказались построенными на песке, ибо Калиновский не хотел для Дюлорана таскать каштаны из огня.

Калиновский и его сторонники решили использовать сложившуюся обстановку. Ссора Гейштора и Дюлорана ослабила позиции противника, а передача функций комиссара в руки Калиновского значительно облегчала осуществление окончательного удаления «белых» из руководящих органов восстания.

Через несколько дней после отъезда Дюлорана было созвано очередное заседание Отдела. В его составе к этому времени, кроме Гейштора (председатель) и Калиновского (руководитель гражданской администрации и временно исполняющий обязанность комиссара), были Малаховский (начальник г. Вильно), Юзеф Калиновский (руководитель военного отдела), Игнаций Лопацинский и граф Люциан Маркони (1818—1893, богатый ковенский помещик, владелец местечек Солы, Свядощь), вошедший в состав Отдела после ареста А. Оскерки. Перед собравшимися с большой речью выступил Малаховский, доказывая необходимость принять решительные меры против дворянства, препятствующего широкому вовлечению крестьян в борьбу. Он требовал ликвидации засилия партии «белых» в руководстве восстанием, резко отозвался о действиях Временного Национального правительства, издающего распоряжения без должного знания Литвы и Белоруссии, игнорирующего справедливые замечания членов Отдела. «Довольно нам этой будничной роли,— говорил В. Малаховский.— Мы сами должны судить о судьбе Литвы. Мы все здесь собравшиеся постановили наконец сорвать ту зависимость, которая нас губит». В конце речи он положил на стол новую круглую печать. На ней был изображен герб Польши и Литвы («Орел и Погоня») и стояла надпись: «Литовский комитет. Равенство, Свобода, Независимость».

Вслед за тем был прочитан проект решения Литовского комитета о новых его функциях и отношениях с Временным Национальным правительством. Отныне эти отношения должны были строиться на принципах полного равенства и братского союза. Комиссары обоих повстанческих центров должны были играть роль лишь посредников, участвовать в работе этих органов, но не диктовать им свою волю. Это означало завершение роли «провинциального диктатора», которую так долго играл в Вильно Нестор Дюлоран. Авейде указывает, что «по желаниям Малаховского, Литовский комитет долженствовал быть *самостоятельной* провинциальной властью, находившейся лишь в некоторой, более формальной, нежели действительной зависимости от Народного правительства»[22].

Намеченные Калиновским и Малаховским изменения не были неожиданными и случайными. Ведь еще накануне восста-

ния в переговорах с руководителями «Земли и воли» члены Центрального Национального комитета соглашались с тем, что восстание должно решить два основных вопроса: обеспечить крестьян землей и предоставить национальную независимость угнетенным нациям. За Литвой, Белоруссией, Украиной, хотя и с оговорками, все же признавалось право на свободное определение своего будущего государственного статута. В ходе восстания под влиянием «белых» и умеренного соглашательского крыла «красных» эти торжественные обещания были грубо нарушены. Теперь Калиновский и Малаховский намечали восстановить в полной силе демократические принципы и повести восстание в Литве и Белоруссии по пути аграрной революции.

Вряд ли все члены Отдела разделяли убеждения и намерения Калиновского и Малаховского. Помещики Маркони и Лопацинский были сторонниками Гейштора, но и они выступили в поддержку оглашенных Малаховским перемен, рассчитывая, что их не одобрят в Варшаве, а случившееся заставит Временное Национальное правительство отозвать Дюлорана из Вильно и больше считаться с мнением членов Отдела. Только один Гейштор выступил открыто против своих коллег. Он квалифицировал действия Малаховского как проявление литовского сепаратизма, как измену общепольским национальным интересам. Гейштор ссылался на общие интересы помещиков Литвы с дворянством Царства Польского и предупреждал, что Временное Национальное правительство никогда не одобрит предлагаемых Литовским комитетом изменений.

С ответом Гейштору выступил К. Калиновский. Он умело использовал свое положение временно исполняющего функции комиссара (в отсутствие Дюлорана), о чем Гейштор еще не знал. Калиновский рассчитывал убедить Гейштора, если не согласиться с мнением большинства, то хотя бы воздержаться при голосовании проекта Малаховского, что значительно облегчило бы в дальнейшем переговоры с Варшавой. Калиновский знал о разногласиях между Дюлораном и Гейштором и полагал, что ради удаления Дюлорана из Вильно председатель Отдела не пойдет на открытый разрыв со своими товарищами. Поэтому в речи Калиновского значительное место было уделено неблаговидной роли Дюлорана. Он напомнил собравшимся, как комиссар Дюлоран в феврале и марте интриговал против Литовского Провинциального комитета, как добился роспуска Комитета, членом которого сам же состоял; как теперь, в июне — июле, поссорившись с Гейштором, стал заискивать перед теми, кого оклеветал в марте. Дюлорана Калиновский назвал человеком, лишенным каких бы то ни было политических убеждений, сыгравшим роль злого гения литовского восстания. Затем, обратившись к Гейштору, Калиновский спросил, будет ли председатель протестовать против проекта расширения полномочий и

прав Отдела, если Временное Национальное правительство утвердит этот проект. «Но это никогда не случится!» — воскликнул Гейштор. «Однако это случилось,— спокойно отпарировал Калиновский.— В качестве временно исполняющего должность комиссара я утверждаю решение Отдела о его преобразовании». И с этими словами Калиновский приложил к протоколу комиссарскую печать. Проект расширения полномочий Отдела был утвержден Калиновским.

Гейштор все же не согласился с Калиновским и пошедшими за ним членами Отдела. Он, хорошо зная Калиновского, понимал, что полученную самостоятельность тот незамедлительно использует для выдвижения самых радикальных социальных лозунгов. Видя свое бессилие что-либо изменить, Гейштор заявил протест и подал рапорт об отставке с поста председателя Отдела. Через несколько дней, 31 июля (ст. ст.), Гейштор был арестован. В заявлении следственной комиссии (22 сентября 1864 г.) в «Историческом взгляде на восстание» Гейштор указывал, что к июню он совершенно отошел от дел. Впервые мысли об отставке возникли у него еще весной, после падения диктатуры Лянгевича; окончательное решение последовало за крушением надежд на интервенцию. Гейштор бросил по адресу Наполеона III горькие упреки, сравнивая его с древнеримскими императорами, посылавшими на смерть гладиаторов ради потехи праздной толпы. Разочаровавшись в Наполеоне, Гейштор счел продолжение борьбы бесцельным.

С приходом в Отдел Калиновского, у которого «с половины июня (ст. ст.— *А. С.*) все было в руках», лозунг восстановления границ 1772 года сменился социальными призывами. Власть переходила от «белых» к людям, которые, по словам Гейштора, «сильно верили, что за ними пойдет весь народ и что восстание потому только слабо, что во главе стояли до сих пор лица, действующие слабо и нереволюционного характера». Гейштор, по собственному признанию, «не верил в общенародное восстание» и был «противником революционных средств» [23].

Свидетельство Гейштора подтверждает, что сторонники Калиновского не сепаратисты, погубившие восстание, а демократы, боровшиеся за придание движению подлинно народного характера, понимавшие, что национальная независимость Польши неотделима от освобождения крестьян, наделения их землей, обеспечения национальной независимости Белоруссии, Литвы, Украины.

Член Временного Национального правительства Авейде пытался в карикатурных тонах изобразить действия Калиновского и Малаховского. Однако и он признал, что речь шла о поисках путей спасения литовской революции от гибели [24].

Жонд народовый, находившийся в руках соглашателей, переполошился, получив извещение о действиях группы Калиновского и его намерениях определить отношения с Польшей [25]. Для того чтобы восстановить свои позиции в Вильно, Временное Национальное правительство немедленно лишило Дюлорана полномочий комиссара. Туда был направлен Оскар Авейде с задачей вновь устроить дела организации соответственно местным условиям. Одновременно предполагалось направить в Литву из Царства Польского два сильных повстанческих отряда, чтобы укрепить влияние Национального правительства в крае. Отряды эти, однако, не были посланы, и Авейде пришлось действовать одному.

28 июля (9 августа) Авейде прибыл в Вильно и начал переговоры с Калиновским. По его словам, восстание в Литве в июле месяце уже затухало и, прибыв в Вильно, он обнаружил «всеобщее расстройство и упадок духа». Авейде признал, что пошел на серьезные уступки Калиновскому и составил «новый устав, определявший взаимные отношения между Вильно и Варшавой». Повстанческая администрация (комиссары и начальники воеводств и т. д.) была изъята из подчинения жонда и передана в ведение Калиновского. Было решено на время прекратить формирование отрядов в Восточной Белоруссии, а в остальных районах обратить основное внимание на оснащение вооруженных сил [26].

Это решение, по мнению Авейде, не осуществилось. Он пишет: «По причине арестов, с одной стороны, по причине внутренних виленских споров — с другой, и, наконец, слабости восстания — с третьей, организационные дела Литвы пришли уже в конце июля 1863 г. к совершенному расстройству. Я не мог тоже ни в чем поправить положение дел в Литве. Скоро были арестованы Гейштор, Зенкович (помощник Авейде.— *А. С.*), а Малаховский должен был выехать из Вильно, так что мне остался один Калиновский среди повседневных арестов, опустошающих городскую виленскую организацию и расстраивающих совершенно организацию по воеводствам. Не было уже возможности ничего сделать, даже образовать вновь „отделение". Правда, Калиновский призвал Юзефа Калиновского и И. Милевича, своего знакомого из Гродненской [губернии], но это были только советники, так сказать, а не члены Комитета, членами они даже быть не хотели» [27].

Конкретные данные, сообщаемые Авейде, верны. Действительно, буквально через несколько дней после приезда Авейде Малаховский был выслан Муравьвым в Петербург, а Гейштор арестован. Калиновскому трудно было найти достойных помощников, так как свои лучшие кадры революционная организация уже потеряла.

И тем не менее свидетельство Авейде необъективно. Он оценивал обстановку в Литве с позиций видного деятеля правого крыла «красных», был убежден, что без помещиков ничего не

сделаешь и потому не мог согласиться с Калиновским, стремившимся опереться прежде всего на крестьян. Авейде считал гибельным для восстания, что в Западной Белоруссии и Литве развернулось крестьянское движение, которое, по его мнению, оттолкнуло от борьбы помещиков. Обвиняя Калиновского в неверной оценке движущих сил восстания, он требовал от него отказа от демократических принципов.

Авейде изображал дело так, будто он вовремя прибыл в Вильно и не допустил Калиновского и Малаховского свершить безрассудный поступок и повести литовскую революцию по ошибочному пути. Но нет никаких данных, говорящих, что Калиновский принял те условия, которые продиктовал ему Авейде. Наоборот, факты свидетельствуют о том, что Калиновский решительно не хотел знать о безоговорочном подчинении Временному Национальному правительству, находившемуся под влиянием партии «белых». В самом деле, если Авейде сломил Калиновского, зачем же он бежал из Вильно, почему покинул свой пост? На кого мог опереться Авейде, если шляхта покидала ряды восставших, а революционная молодежь, продолжавшая борьбу, шла за Калиновским? Авейде не мог вырвать руководства из рук Калиновского и был вынужден покинуть Вильно, передав официально всю полноту власти Калиновскому, который фактически задолго до этого уже руководил восстанием. При отъезде из Вильно 22 августа (ст. ст.) Авейде был арестован на вокзале.

Взяв и отстояв власть, Калиновский привлекал к сотрудничеству и участию в руководстве восстанием молодые революционные силы: университетских товарищей, уцелевших соратников Сераковского и Домбровского, представителей литовской и белорусской интеллигенции. В состав реорганизованного Комитета Калиновский вошел как его глава и комиссар Национального правительства в Вильно. Военным отделом заведовал Юзеф Калиновский (1835—1907, сын директора Виленского дворянского института, отставной инженер-капитан), отделом внутренних дел — Титус Далевский (1841—1863), бывший член «Огула», брат жены Сераковского. После ареста Гейштора Далевский занял пост председателя Отдела. Константин Далевский (1837—1871), в прошлом однокашник В. Врублевского по гимназии, воспитанник Московского университета, участник битвы под Биржами, ведал связями с заграницей, транспортировкой оружия. Позже, находясь в Париже в эмиграции, он встал на сторону Коммуны и пал от рук версальцев. Финансовыми вопросами занимался Игнаций Зданович (1841—1863, сын преподавателя Виленского дворянского института, товарищ Калиновского по университету). Членом Комитета и одновременно начальником г. Вильно был (до 1 августа ст. ст.) Владислав Малаховский — инженер-поручик корпуса путей сообщения, товарищ Калинов-

ского по революционной работе в Петербурге. После вынужденного выезда Малаховского пост начальника г. Вильно занял И. Зданович.

В составе виленской организации в качестве руководителей районов или агентов, выполнявших специальные поручения Комитета, были бывшие студенты Московского и Петербургского университетов, врачи, канцеляристы, учителя, отставные вольнослужащие: Б. Мацкевич, Б. Замецкий, И. Попель, З. Политовский, С. Жеромский, И. Милевич и др. Характерно, что в близких дружеских отношениях с Малаховским был Фома Булгак — один из ветеранов революционного движения в крае, соратник Конарского, вернувшийся в Вильно по амнистии 1856 г. Он был членом комитета опеки.

Одной из важнейших задач демократов, вставших у руля управления движением, было воссоздание и укрепление революционной организации на местах. Саботаж «белых», отход дворянства от восстания, репрессии царских властей в значительной степени расстроили повстанческую администрацию. Авейде даже заявил, что в ряде мест отсутствовали начальники воеводства и комиссары, что в Вильно вся администрация была представлена якобы одним Малаховским, что на развалинах разбитой Муравьевым организации Авейде остался один, если не считать Калиновского. Однако Авейде просто не знал положения дел. Известно, что Калиновский «лично заботился об избрании в Виленском воеводстве военного начальника, кассира и экспедитора»[28] и, несмотря на трудности, вызванные многочисленными арестами, сумел восстановить разрушенные Муравьевым звенья революционой организации.

Комиссаром Виленского воеводства был назначен инженер Мечислав Дормановский (Людвиг Суходольский), начальником воеводства — оставной поручик Франц Коноплянский (работал заседателем в Виленском суде). В Лидском уезде организацию возглавляли Геншель и Гажиц, в Ошмянском — Чарнецкий, в Вилейском — Тукайло, в Свенцянском — Танский, в Виленском оставался князь В. Гедройц. Помощником воеводского комиссара был воспитанник Варшавской главной школы Францишек Ляндер, начальником полиции Вильно — бывший студент Дерптского университета Станислав Ожешко, военным руководителем Виленской губернии Феликс Вислоух, комиссаром Гродненской губернии — врач Э. Заблоцкий, а военным руководителем — Врублевский. Духинский был отстранен как «совершенная неспособность». В Минской губернии гражданской организацией руководил бывший студент Московского университета врач М. Оскерко, революционным комиссаром был Юзеф Ямонт, товарищ Калиновского по университету, а военным руководителем — Лясковский-младший. В Могилевской губернии поручение для воссоздания распавшейся после поражения

«Топора» организации получил студент Петербургского университета Парафианович.

В Ковенской губернии военное руководство отрядами осуществлял Лясковский-старший. Революционным комиссаром губернии был назначен врач г. Вилькомира Юлий Мицкевич (26 лет, воспитанник Петербургской медико-хирургической академии, отличавшийся, по словам царских чиновников, крайне революционным образом мыслей и огромной силой воли). Землемер А. Герц стал начальником г. Ковно. В работе Ковенской организации активную роль играли также писарь полицейской управы Ожинский, отставной чиновник Гинцевич, часовой мастер Яхимович. Общее военно-политическое руководство ковенскими повстанцами осуществлял А. Мацкявичюс. После поражения и гибели Сераковского он с Лясковским-старшим руководил военными операциями, одновременно являясь организатором вооруженных сил Ковенского воеводства и командуя наиболее крупным повстанческим отрядом, Мацкявичюс навел порядок в отрядах, потерявших своих командиров и действовавших без определенного плана [29].

Воссоздавая революционную организацию, привлекая к руководству восстанием молодежь, Калиновский ломал саботаж шляхетско-националистических элементов. Посылая в Минск для смещения помещика Пеликши Юзефа Ямонта, Калиновский поручил ему определить степень выполнения приказов и узнать «причины их изменения... Узнать мнение воеводского управления насчет средств, которыми можно было бы привлечь крестьян к восстанию». Ямонту поручалось узнать, как встречает население воззвания, выпускаемые в Вильно, и в каком направлении следует изменить их, чтобы лучше отразить желания крестьянства. Как сообщал Ямонт, на расспросы «о ходе дел воеводства Пеликша отвечал ему сухо, сбивая общими местами, затем просил оставить инструкцию, чтобы припомнить некоторые обстоятельства...» [30]

Демократ-интернационалист Ямонт оживил действия революционеров Минска. Они, по словам Рихерта, пропагандировали в народе мысль «о возможности революции в Италии, Австрии, Пруссии и у южных славян». Хотя жандарм, по понятным причинам, отрицал влияние революционеров на народ, он все же отметил, что «эта страшная подземная сила парализовала все действия правительства» и даже после военного поражения партизан «существование революционной организации не прекращалось» и наибольшую стойкость проявили бывшие студенты университетов [31].

Имеющиеся данные о составе нового руководства (полных данных нет, так как организация не была всюду раскрыта, а в мемуарной литературе эти вопросы старательно обходились) свидетельствуют о том, что борьбу продолжали и ею руководили

революционные разночинцы, получившие политическое воспитание в студенческих и офицерских кружках в годы революционной ситуации. Это были стойкие, мужественные люди. Заметим, забегая вперед, что только двое из них впоследствии дали откровенные показания властям. Остальные погибли, унеся с собой тайну. Энергичная деятельность молодых вождей восстания снискала им любовь и уважение демократических кругов. Особенно большой популярностью среди членов революционной организации пользовался «пан Константин», т. е. Калиновский (фамилию знали немногие). Одно имя его, как свидетельствуют современники, наводило ужас на помещиков, но зато с какой любовью произносилось оно молодежью! [32]

Первое, чем занялось новое руководство, — укрепление нелегальной организации, устройство системы явочных пунктов и квартир, упорядочение службы связи, системы паролей и отзывов. В Вильно были взяты на учет все дворы и дома с двойными подъездами, устроены нелегальные склады и типографии. Калиновский, под различными именами скрывавшийся в городе, был помещен в квартиру преподавателя гимназии в здании бывшего университета. Кто мог подумать, что глава восстания проживает рядом с дворцом генерал-губернатора? Доступ на квартиру Калиновского имело всего несколько надежных членов организации. Для встреч же с прибывающими представителями служили явочные квартиры, для каждой губернии отдельная. Одна из явок находилась в квартире вдовы поэта Сырокомли (Кондратович). При малейшем подозрении явки менялись. Была установлена также система паролей и отзывов. Характерно, что пароль у К. Калиновского был: «Кого любить?» .Отзыв: «Люблю Белорусь!» — «Так взаимно».

Все члены повстанческой организации имели, помимо фальшивых паспортов, по которым скрывались, еще и псевдонимы. Так, например, М. Дормановский — «Неман», К. Калиновский — «Хомут I», «Хамович»; один из командиров повстанцев — «Гарибальди» [33].

Большое значение руководство придавало финансам. Деньги были необходимы для поддержания отрядов (нуждающиеся повстанцы не только экипировались, но и получали жалованье), для помощи вдовам и сиротам сосланных и казненных, а главное — для вооружения отрядов. Предшествующий состав руководства не обеспечил отряды оружием. Калиновскому удалось установить связь с Бонольди, бывшим членом Литовского Провинциального комитета, и с его помощью разместить заказ на крупную партию оружия в Бельгии. Осенью прибыли на прусскую границу первые партии оружия. Хотя и с трудом, дело транспортировки оружия налаживалось. Для оплаты заказанного оружия Комитет произвел специальный сбор денег. Этой операцией руководил И. Здaнович. По каждому

уезду был произведен примерный подсчет и сделана соответствующая раскладка сумм налога в зависимости от числа и состава жителей, развития промышленности, торговли, земледелия и пр. В среднем на каждый уезд приходилось до 20 тыс. польских злотых (злотый равен 15 коп.), весь край должен был дать до миллиона злотых.

При взимании налога исходили из имущественного положения. Крестьяне и ремесленники обложению не подлежали. В случае, если они вносили добровольные пожертвования, представители повстанцев обязаны были принять взнос и довести об этом до сведения высших органов восстания. Это специально подчеркивалось в инструкции, разработанной Калиновским. Для взимания налога и упорядочения финансов при губернских и уездных органах восстания учреждался денежный комитет. Налогом в размере 10% годового дохода облагались владельцы фабрик, мануфактур, купцы 1-й гильдии, банкиры, помещики, арендаторы имений, фермеры. Купцы 2-й гильдии и мелкие предприниматели платили 5% годового дохода. Купцы 3-й гильдии, зажиточные ремесленники, чиновники, владельцы частных учебных заведений и др.— 2% годового дохода и т. д. Специально оговаривалось, что если помещик или фабрикант имеет несколько имений и предприятий, то обязан платить налог с каждого из них отдельно. Собранные средства присылались в распоряжение Комитета. На месте их разрешалось тратить только в виде исключения на приобретение оружия [34].

Усиливая репрессии, производя чуть ли не ежедневно публичные казни повстанцев и сочувствующих им, царские власти надеялись запугать население и заставить его прекратить борьбу. «Но выходит противное,— признавал в июле 1863 г. жандармский полковник Лосев.— Беспрестанно получаются сведения о новых шайках. Леса заполнены мятежниками, проезд в этих местностях по дорогам невозможен... Из Вильно постоянно по нескольку человек уходят в лес, город заметно очистился от молодых людей. На улицах большей частью встречались женщины и старики. В настоящее время здесь безопасно от беспорядков. Войска превышают мужское население. Хотя в самом городе спокойствие и тишина, но за заставу, освежиться воздухом, без риска выехать нельзя» [35].

Корреспондент «Северной пчелы» из Вильно сообщал 10 июня, что, хотя Муравьев имеет 100-тысячную армию, повстанцы еще не побеждены и во многих районах являются хозяевами положения. Население им активно помогает, тогда как войскам «лазутчиков добывать очень трудно». Правительство удерживает железные дороги и телеграф в своем распоряжении, но только потому, что ими наравне с царским правительством пользуется и революционное. Этим объясняется то странное явление, что телеграфная проволока цела даже там, где вовсе не чувст-

нуется никакой правительственной власти, кроме власти революционного комитета [36].

Одним из самых напряженных поединков повстанцев с муравьевской администрацией явились события 29 июля. В. Малаховский в этот день приказал привести в исполнение смертный приговор виленскому предводителю дворянства Домейке. Осуществлению этой казни придавалось принципиальное значение. Малаховский полагал, что казнь Домейки, одного из самых богатых и реакционно настроенных помещиков края, высказывавшегося даже против куцой крестьянской реформы, широко известного прислужника Муравьева, будет расценена населением как начало борьбы повстанцев со всеми дворянами, помогавшими подавлять восстание. Вынося смертный приговор Домейке и осуществляя его, руководство восстанием вместе с тем желало подать пример повстанческим отрядам к более решительным действиям против дворянского сословия в духе идей, развитых Малаховским в письме к Вислоуху.

В 8 часов утра 29 июля к Домейке явился неизвестный проситель и во время аудиенции нанес ему несколько ударов клинком и затем скрылся. Домейко, однако, остался жив. Толстый халат, в который он был закутан, спас его. Приговор, оставленный покушавшимся, гласил, что Домейко осужден народным трибуналом на смерть за сотрудничество с царской властью. Муравьев бросил всю полицию и войска на поголовные обыски, стремясь найти организатора покушения. Первые дни обысков и поисков ничего не дали. В день покушения Малаховский находился во дворце генерал-губернатора и был даже представлен Муравьеву.

Удалось предотвратить от провала и нелегальную типографию, хотя солдаты нагрянули в дом, где она помещалась [37]. В ходе многодневных обысков и повальных проверок документов жандармам все же удалось арестовать троих, принимавших участие в покушении на Домейку (Марчевского, Беньковского, Чаплинского). Началась массовая чистка всех ведомств и учреждений. Между иными был снят с должности с переводом по службе в Петербург В. Малаховский. Революционная организация Вильно потеряла ряд других видных своих членов. Муравьев остался властелином города. Покушение на Домейку в целом не оправдало себя, не принесло повстанцам желаемого.

Действия повстанческих отрядов и революционной администрации в центре и на местах были всецело подчинены решению главной задачи — вовлечению крестьян в восстание, защите их от притеснений царской администрации, мироедов-кулаков, помещиков. Повстанцы внимательно следили за тем, чтобы уничтоженные ими органы царской администрации не возобновляли деятельности, не производили сбора налогов. Усилия повстанцев находили понимание и поддержку крестьян, видевших

в них защитников. Так, в октябре 1863 г. крестьяне Пупанского сельского общества Ковенской губернии были непомерно обложены царской администрацией. Они известили повстанцев, явившийся отряд которых совместно с крестьянами разогнал налоговых агентов и не дал взыскать недоимки. Как отмечал царский чиновник, «из дела видно, что вина лежит на всем Пупанском сельском обществе» [38].

В ходе борьбы повстанцам приходилось прибегать и к репрессивным мерам, так как среди населения карательные отряды вербовали лазутчиков-осведомителей, чаще всего это были зажиточные хуторяне. Так, начальник повстанческого отряда Павел Червинский («Сова») приказал повесить корчмаря, принявшего его отряд за казаков и требовавшего идти ловить с ним мятежников. Червинский же повесил трактирщика-шпиона [39].

Переписка губернаторов с Муравьевым показывает, что власти стремились создавать сеть агентов-осведомителей, привлекая прежде всего зажиточных крестьян, содержателей заезжих дворов, корчмарей и др. Повстанцы часто с помощью населения истребляли агентуру. Это были необходимые меры самозащиты восставшего народа. Утрата осведомителей затрудняла действия карательных отрядов [40].

Каратели для прикрытия своей кровавой деятельности извращали факты, пытаясь доказать, что Калиновский продолжал борьбу без всякой опоры в массах, путем террора, запугивания народа, убийства из-за угла. Репрессии повстанцев не носили массового характера, причем казни предателей происходили публично, по приговорам военных судов, имевшихся в каждом отряде, или по решению крестьян. Это свидетельствует не об оторванности руководства восстания от крестьянства, а как раз наоборот — показывает связь повстанцев с массами. В действиях восставших крестьяне видели защиту своих интересов. Были случаи, когда крестьяне грозили своим угнетателям: «Постой, не будешь знать, в какую ночь тебя повесят повстанцы» [41].

Встав у руководства, Калиновский уделил большое внимание тактике вооруженной борьбы. Он понимал, что народное восстание не может принять методов регулярной войны, что крупные отряды легко уничтожались карателями, имевшими огромное преимущество в вооружении. Партизаны почти не имели современных дальнобойных винтовок, совершенно были лишены артиллерии, если не считать примененных однажды в бою отрядом Мацкявичюса нескольких допотопных орудий, взятых в помещичьих замках. Опыт борьбы с хорошо вооруженной и численно превосходящей карательной армией постепенно убедил повстанцев в целесообразности небольших подвижных партизанских отрядов, которые прекрасно ориентируясь в знакомой местности, при поддержке населения были трудно уязвимы

Длуский позже вспоминал, что весной 1863 г. стремился к созданию крупных отрядов, но тогда происки Гейштора и его сторонников помешали ему выполнить намеченное. Во второй половине июня он пришел к выводу о невозможности действовать крупными партиями и осуществлял руководство отрядами Россиенского и Тельшевского уездов не путем их объединения, а через своих офицеров, направленных во все мелкие отряды [42]. Так же поступили и другие повстанческие военачальники.

Переход к новой тактике был единственной формой продолжения борьбы в условиях, сложившихся ко времени отхода от восстания помещичьих элементов. Вот как оценивал обстановку Калиновский: «Приезд мой в Вильно наступил во время повсеместного расстройства в Литве как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном восстании края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получал от Дюлорана, но при всем моем желании не мог добиться кое-каких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством насчет сообщений, слабая власть Виленского отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несут свою жизнь на бесполезную цель,— были причинами того, что восстание приняло характер местный и народные власти воеводские, в случаях только необходимости и возможности, обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений не мог Дюлоран, не знающий совершенно здешнего края, вынести никаких заключений, тем более передать их мне, я же, судя по полученным мною, мог только прийти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то только предсмертные его судороги» [43] (подчеркнуто нами.— *А. С.*).

Калиновский указывал, что бывшее до него руководство восстанием (Гейштор, Дюлоран) не имело поддержки народа. Причиной этого он считал неверное решение жондом аграрного и национального вопросов. От взора Калиновского не укрылось также и то обстоятельство, что восстание пошло не по пути согласованной борьбы за землю и волю под руководством авторитетного центра, а «приняло характер местный», т. е. вылилось в не связанные между собой отдельные выступления.

Помощник Калиновского по военным вопросам свидетельствовал, что к июню «восстание значительно ослабело» и что при знакомстве с делом он вывел «самые неблагоприятные заключения о порядке строя, дисциплине и других условиях вооруженных сил. Сведений о численности повстанцев не имелось; если же и были, то весьма неточные; вооружение плохое, мно-

гие начальники отрядов неизвестны, отряды действовали без общей связи». Помощник виленского воеводского комиссара в беседе с руководителем виленской уездной организации Гедройцем узнал, что дела идут худо, служащих на многих местах нет, подати не собираются потому что много имений секвестрировано и по случаю беспрерывных доносов крестьян нельзя ездить для сбора подати к помещикам; почти все не устроено; последний отряд Вислоуха разбит под Ширвинтами, наконец, денег в кассе только 300 руб.

Не все, конечно, в рапорте Гедройца, одного из последних могикан гейшторовской партии, можно принять на веру. Из других уездов Виленской губернии вести были не так мрачны, но и они характеризовали тяжелое положение повстанцев. Так, на запрос Калиновского о состоянии повстанческих отрядов и готовности к зимней кампании Чарнецкий из Ошмянского уезда сообщил, что отряды еще держатся и создаются запасы зимней одежды для них. Тукайло сообщал из Вилейского уезда, что отрядов в уезде уже нет, что связь между звеньями администрации неудовлетворительна и надежд на ее улучшение нет, но подати пока он собирает исправно. Танский из Свенцян жаловался, что все, что было собрано, уже истрачено, а новые поступления идут худо. Ф. Коноплянский, основываясь на этих данных, донес Калиновскому, что в Виленской губернии повстанческие отряды находятся в тяжелом состоянии, что общий упадок духа, неверие в успех восстания мешают успешной деятельности администрации и потому трудно организовать обеспечение отрядов [44].

Революционные демократы, вероломно устраненные от руководства в самом начале борьбы, через четыре месяца вернули утерянные позиции. Но в каком положении находилась страна? Когда Калиновского заставили уступить место Гейштору, восстание шло в гору, росло и крепло. В июне — июле уже начался спад повстанческого движения. Все сильнее сказывались последствия мартовского контрреволюционного переворота. Правда, повстанцы еще предпринимали крупные операции, но боевые действия уже ограничивались преимущественно Гродненской и Ковенской губерниями. «Журнал военных действий» отмечает в июне около 27 боевых столкновений (по Зелинскому — 45), большинство которых закончилось не в пользу повстанцев. Несмотря на упорное сопротивление, они вынуждены были уступить численно превосходящим карательным войскам.

Вот как описывает командир карательного отряда одно из сражений: «Засевши в овраг, покрытый густым и частым кустарником, и окруженные со всех сторон, они (повстанцы.— *А. С.*) дрались с остервенением. Это была страшная рукопашная схватка, дрались штыками, прикладами и, наконец, душили друг друга. Скрытые от нас густыми листьями, мятежники стреляли

почти в упор, некоторые из них, прячась за деревьями и пропустив наших солдат, кидались на них сзади и сбоку...» Несмотря на столь упорное сопротивление, отряд Альбертуса был разбит. Это произошло 12 (24) июня 1863 г. у мызы Гейдройце Виленской губернии[45].

Наиболее успешной боевой операцией повстанцев в июне 1863 г. был разгром отрядом Длуского гвардейского стрелкового батальона под командованием полковника Данилова. Бой произошел 10 (22) июня в густом болотистом лесу между деревнями Попеляны и Драгине (Ковенская губерния) и продолжался 12 часов. Карательный отряд был разбит и отступил, потеряв, по словам Данилова, убитыми 23 солдат и 3 офицеров и ранеными 46 солдат и 2 офицеров. Характерно, что в «Журнале военных действий» округа разгром изображен как победа карателей и гибель 300 повстанцев[46]. Муравьев заявил: «Неудача произошла от совершенной неопытности и беспечности. Все шли кучею и были наведены на засаду, которая с первого залпа на расстоянии 25 шагов и произвела убыль в рядах наших»[47].

Видимо, оценка Муравьева (высказанная неофициально) ближе к истине, чем записи «Журнала военных действий». В рапорте полковника Данилова нет указаний на потери повстанцев, он лишь отмечает упорный характер боя: «Мятежники лежали за завалами, прикрывшись волчьими ямами, из-за которых открыли убийственный огонь. Несмотря на то, войска молодецки пошли на приступ по болоту выше колен и сквозь густой мелкий лес, но от первого залпа выбыло из строя шесть офицеров, из числа которых три ротных командира. Люди, едва подвигаясь вперед по болоту, лишенные ротных командиров и половины офицеров, выбитых из строя, вынуждены были остановиться и продолжать перестрелку на месте; тогда, видя невозможность взять позицию с этой стороны, я вывел отряд из-под выстрелов и дал ему двухчасовой отдых, после чего, сделав фланговое движение направо, полагая найти там более доступное место, я очутился на противоположной стороне сомкнутой засеки, где возобновил атаку.

Вторая атака доказала еще раз мужество наших войск, но местность и стрельба ружейною картечью из отлично устроенных закрытий и стрелковых ровиков с засеками сделали ее также безуспешной... я прекратил бой и пришел обратно в Попеляны».

Более правдиво сражение у Попелян описано в мемуарах Длуского. Его отряд в начале мая выиграл ряд сражений, оторвался от преследователей и провел вторую половину мая и начало июня в маршах по Россиенскому, Шавельскому, Тельшевскому и Поневежскому уездам, стремясь повсюду поднять крестьян на борьбу, придать движению подлинно всенародный характер, однако его усилия в значительной мере парализовались препятствиями, чинимыми Виленским отделом «белых».

Длуский был принужден вернуться на прежнюю базу. Во время марша его отряд вырос до 400 бойцов, вооруженных трофейными штуцерами и двустволками (присоединились отряды Александрайтиса и Ясинского). Объединенные силы повстанцев заняли хорошо укрепленную позицию в густом болотистом лесу между местечками Попеляны и Окмяны, у деревни Драгине. Конный отряд и группы повстанцев были разосланы по окрестным селам как для сбора информации, захвата языка, так и для пропаганды, ознакомления крестьян с целями восстания, наделения крестьян землей и осуществления других мер, предусмотренных повстанческими декретами.

На рассвете 10 (22) июня высланные конные разъезды донесли о приближении гвардейских стрелков, которых проводники вели прямо к лагерю. Позиция была прикрыта трясиной, и каратели атаковали лишь с одной стороны, стремясь выбить повстанцев из-за валов и утопить в болоте. Потеряв в бесплодных атаках и перестрелке несколько десятков солдат и офицеров, Данилов образовал сильную штурмовую колонну, которая под барабанную дробь и крики «ура!» пошла в центре на приступ завалов. Исход боя решил искусный маневр Длуского, который поднял повстанцев в контратаку и ударил во фланг атакующей колонне. Под перекрестным огнем с двух сторон (в лоб и во фланг) гвардейцы не выдержали и дрогнули. Отступая, часть их попала в непроходимую трясину, где и погибла. Гвардейский стрелковый батальон имени императорской фамилии перестал существовать как боевая единица под ударами крестьян, вчера только поменявших плуг на оружие. Повстанцы, стрелявшие из-за укрытия, потеряли 10 убитыми и 5 ранеными[48]. Вооружив своих бойцов трофейными штуцерами, Длуский намеревался атаковать Попеляны, где укрылись остатки отряда Данилова, однако подход новых частей заставил его изменить намерение и уйти на другие позиции.

Из операций других отрядов Ковенской губернии летом и осенью 1863 г. наиболее крупными были действия Мацкявичюса, Лясковского, Станевича (Писарского), сохранивших координацию выступлений и успешно противостоящих неприятельским силам. После неудачи под Биржами Лясковский и Мацкявичюс во главе отряда в 800 бойцов сделали тяжелый длительный марш к границе Пруссии, надеясь на получение транспортов оружия. Не получив его, повернули в глубь губернии и в начале июня в районе местечка Ужвенты (Шавельский уезд) соединились с отрядом Писарского. Отряд Писарского, имевший ранее задачу обеспечить высадку экспедиции Лапинского, понес в апреле — мае большие потери, но в июне пополнился новыми силами: 100 добровольцев прибыли во главе с П. Богдановичем («Нечуем»). Соединенные под Ужвентами отряды насчитывали свыше 1000 бойцов. Узнав о приближении карателей, Лясков-

ский, принявший общее командование, решил сделать засаду. Замысел не удался, так как повстанцы преждевременно выдали себя, обстреляв казачий разъезд. Отряды ушли к Цитовянам, где 25 мая (6 июня) были атакованы полковником Нарбутом (две роты пехоты, эскадрон кавалерии). Писарский принял удар на себя и отбил его. Потери карателей точно неизвестны, но среди убитых были офицеры. Повстанцы потеряли шесть человек. На следующий день отряды разделились. Мацкявичюс и Лясковский двинулись в Поневежские леса, Писарский — к базе в Тришки.

В течение июня и начала июля Писарский формировал небольшие отряды (Битиса и др.), обучал добровольцев, вел пропаганду среди населения. 30 июня (12 июля) в лесу у Модрога (вблизи базы) отряд Писарского был атакован тремя ротами пехоты, усиленной казаками. Успешно отбившись от нападающих, повстанцы двинулись к курляндской границе, где в районе Людовян 8 (20) июля вновь были атакованы неприятелем. Повстанцы избежали поражения, но Писарский убедился, что действовать крупными силами далее невозможно. После людовянского столкновения Писарский разбил отряд (300 человек) на пять небольших групп, которые, вазимодействуя друг с другом и с соседними отрядами, продержались до наступления холодов. В конце ноября Станевич (Писарский) с остатками отряда скрылся за границу. Всего этот отважный партизан с начала марта 1863 г. провел семь крупных сражений.

После стычки у Цитовян, отделившись от Писарского, отряд Лясковского и Мацкявичюса столкнулся с карателями у Монтвидова (Россиенский уезд). После неудачного боя отряд Мацкявичюса отделился и стал действовать самостоятельно. Крупнейшими операциями Мяцкявичюса были: 7 (19) июля нападение на транспорт у Поневежа (неудачно), ночное столкновение с гвардейцами у Быстрого Поля (Поневежский уезд), закончившееся разгромом царских войск. В ходе боя Мацкявичюс запретил поджечь дом, в котором укрылась часть солдат. 6 (18) сентября отряд произвел удачное нападение на карателей под Карванами (Поневежский уезд), но это была последняя удача. 7 (19) октября повстанцы понесли тяжелые потери в бою у Данилишек (близ Кейдан). Погиб Павел Станевич, присоединившийся накануне к Мацкявичюсу, и еще более 40 человек, а через месяц 14 (26) ноября в том же районе Мацкявичюс, присоединивший к себе остатки нескольких других отрядов (Кушлейки, Рутковского и др.), вновь был разбит, потеряв убитыми более 40 человек. Это была последняя крупная и к тому же неудачная операция отважного партизана.

Аналогичное положение дел было и в других отрядах Ковенщины, не говоря уже о более мелких и плохо вооруженных отрядах в других губерниях. Даже удачливый отважный Ябло-

новский испытал горечь поражения. После успешного сражения у Попелян отряды Яблоновского и Шимкевича направились к прусской границе для принятия транспорта оружия. 18 (30) июня отряд Шимкевича получил переправленный через границу груз (27 штуцеров, 27 карабинов, 17 двуствольных ружей, 9 пистолетов с запасом боеприпасов). Но эта удача была сведена на нет тем, что прикрывавший операцию отряд Яблоновского почти полностью погиб в неравном бою. Поражение наиболее боеспособного литовского отряда тяжело отразилось на моральном духе повстанцев. Яблоновский выехал за границу, передав командование оставшейся группой в 70 всадников Ясинскому. Всего Длуский за март — июнь провел семь крупных операций, потерпев неудачу только в последней.

30 июня (12 июля) почти в открытом поле отряд Шимкевича был неожиданно атакован войсками. Это было не сражение, а избиение безоружных. 30 убитых и 17 тяжело раненных, оставленых на поле боя, потеря обоза и оружия — таков итог этого столкновения. Из всего отряда сохранила боеспособность только конная группа в 30 человек. Остальных Шимкевич распустил по домам. Начинался новый этап борьбы. Повстанцы переходили к новой тактике — действиям небольшими конными группами. От пехоты начали отказываться. Шимкевич не был исключением [49].

Положение повстанцев ухудшилось повсюду. Военные силы, созданные весной, были разгромлены, уцелевшие отряды в тяжелых условиях, окруженные со всех сторон карательными отрядами, требовали от руководства немедленной помощи. В Витебской и Могилевской губерниях отряды были уничтожены еще весной, в Минской уцелевший отряд Лясковского насчитывал 60—75 бойцов, в Виленской еще держались Вислоух и Черняк, в Гродненской сражались Врублевский и его соратники. Муравьевские штабисты поспешили с заявлением, что «к концу июля все значительные отряды инсургентов были уничтожены». Но и они признали, что в Ковенской и Гродненской губерниях, где было «большое сочувствие населения мятежу», еще держались повстанческие отряды, хотя численность их таяла с каждым днем. В «Журнале военных действий» за июль было зарегистрировано 8 боевых столкновений в Гродненской губернии, 4 — в Виленской и 14 — в Ковенской; уцелевшие партизанские отряды не превышали 70 человек каждый. По Минской губернии — единственным проявлением деятельности повстанцев за месяц был захват в плен генерала Грунта 24 июля (ст. ст.) [50].

Из отрядов Виленской губернии в период с июня по ноябрь 1863 г. наиболее активно действовали повстанцы Вислоуха, опиравшиеся по-прежнему на базу в Жижморских лесах. Вислоух часто соединялся с отрядами Черняка (Ляды), Сендека, Стабровского (Любича), совершал рейды по Трокскому уезду, выхо-

вил в Виленский и Лидский уезды. За период с 4 (16) июня по 8 (20) октября Вислоух во взаимодействии с соседями провел шесть крупных операций в районе Жижморских и Желянских лесов, у Олькен и Трок, из которых три окончились поражением карательных колонн. После 8 (20) октября заметных боевых действий в Виленской губернии не отмечает ни мемуарная литература, ни официальные донесения царских офицеров.

В донесениях начальников повстанческих отрядов за июль 1863 г. раскрывается тяжелое положение партизан, окруженных со всех сторон карательными войсками. В рапорте начальника Вилькомирского отряда Здоровского Литовскому комитету говорилось: «... с 15 июля я не имел покоя. Москали гонялись за партией ежедневно. Скрыться было невозможно. Помещики нас выдавали. Где только мы появлялись, доносы шли к москалям. Для прекращения этого зла я карал виновных, но ничего не помогало. Ничего положительного о движении неприятеля мы не знали. Почти все получаемые сведения были ложны... По этой причине мы несколько раз неожиданно натыкались на москалей... Продовольствия и одежды не получали. Я был вынужден распустить пехоту (150 человек) на две недели для отдыха, 37 конников вместе со мной ушли в глубь лесов... Я сколько возможно старался связаться с другими отрядами, но к несчастью нигде не мог их найти. На днях я узнал, что в Вилькомирском и Поневежском уездах давно уже нет ни одной партии пеших стрелков. Москали все свои силы обратили на мой отряд...»

В рапорте Литовскому отделу начальник Трокского отряда (август 1863 г.) указывал, что вынужден скрываться в Принеманских лесах для отдыха и перегруппировки отряда, не получая от местных повстанческих властей продовольствия и одежды [51].

В Гродненской губернии после крупных боев в районе Милович в июле — августе 1863 г. повстанцы не предпринимали крупных операций. Наиболее значительные бои провел отряд, руководимый Врублевским: 29 мая (10 июня) у Середова (Слонимский уезд), 4 (16) июня у Лыскова (Волковысский уезд), 9 (21) июня у Жарковщизны (тот же уезд), 28 июля (9 августа) у Пашковских островков (тот же уезд), 18 (30) августа у Глубокого Кута (Пружанский уезд), 31 августа (12 сентября) у Рудков (Волковысский уезд).

Ряд операций провели отряды Влодка, Ленкевича, Керсновского. Во всех перечисленных сражениях и схватках инициатива находилась у карательных отрядов. Героизм повстанцев, помощь местного населения, мастерство Врублевского позволяли партизанам избежать разгрома, но сил у них явно не хватало, чтобы вырвать инициативу из рук неприятеля. Как и в других районах, они вынуждены были под нажимом превосходящих неприятельских сил перейти к новой тактике. Врублевский, принявший

пост военного начальника Гродненского воеводства, разбил все отряды на конные группы по 20—30 человек.

Сохранились партизанские имена и фамилии некоторых из командиров этих групп. Так, в Волковысском уезде действовали «Янка из-под Гродно», «Юзик из Белостока», «Морель» (кто именно скрывался под псевдонимами — не установлено). В числе руководителей конных групп был акцизный чиновник Новосельский, который все необходимое получал от крестьян. «Крестьяне,— в раздражении писал царский офицер,— кормили шайку своими продуктами, лошадей ее пасли на своих лугах и никому не доносили». Среди начальников конных групп были также врач Юшкевич, бывший лесник Сенкевич, отставной солдат артиллерист Беркусевич и др.[52]

В Ковенской губернии отряды Мацкявичюса, Шимкевича, Станевича (Писарского), Ясинского, Битиса, Пуйдокаса, Лукавнюнаса, Лясковского и др. также перешли к новой тактике. Была разработана специальная инструкция для командиров подвижных групп. В ней указывалось что в каждом округе необходимо создать конные группы (по 30 всадников) под командой поручика повстанческих войск, которые подчинялись бы непосредственно руководителю революционной власти в уезде. Им вменялось в обязанность разгонять провиантские команды неприятеля, уничтожать небольшие отряды карательных войск, перехватывать курьеров, уничтожать агентуру, разрушать коммуникации и связь, собирать сведения, быть блюстителями общего порядка в крае. В случае нужды оказывать помощь гражданским властям восставших[53].

Переход к новой тактике позволил повстанцам ускользать от ударов крупных карательных отрядов, не теряя контакта с населением. В донесениях местных воинских и полицейских чинов сообщалось, что в июле 1863 г. в глубинных районах края партизаны сохранили контроль над многими волостями. В ряде волостей Гродненской губернии «повстанцы свободно распоряжаются, приказывают молодым крестьянам приставать к ним... И все это исполняется крестьянами беспрекословно». Признавая, что крестьяне-белорусы «все расположены к восстанию», царские офицеры сетовали, что «не имеют достаточного количества войск, чтобы этому горю помочь»[54].

Говоря о военно-политических операциях повстанческих отрядов в летне-осенний период, нельзя не отметить одной весьма характерной черты. Среди руководителей отрядов мы не встречаем ни одного представителя землевладельцев. Так же было и в начале восстания, но после мартовского переворота представители помещиков вошли не только в Виленский отдел. В апреле — мае среди начальников отрядов встречались графы Вельгорские, граф Плятер, граф Коссаковский. Ничего подобного уже нет в июле — сентябре. Борьбу продолжали только те,

кто первым ее начал,— это сторонники и друзья Мацкявичюса и Длуского, Калиновского и Врублевского. Остались в строю наиболее стойкие, наиболее преданные революции люди. Среди них были выходцы из крестьянства, разночинной интеллигенции, а также (и таких большинство) друзья Сераковского и Калиновского по петербургским революционным кружкам. В качестве типичного примера укажем Павла Червинского («Сову»).

Павел Червинский, из дворян Витебской губернии, имел двух братьев, один из них, боец отряда Звеждовскго, убит в бою, другой, начальник повстанческого отряда, расстрелян карателями в Киеве. Червинский обучался в Петербургском институте корпуса инженеров, слушал лекции в Петербургском университете, а затем поступил в Технологический институт. В феврале 1863 г. он прибыл в местечеко Мариенгаузен Люцинского уезда, где формировался повстанческий отряд под командованием офицера Рыка. Когда выступление сорвалось, Червинский вступил в отряд Кульчицкого. В апреле, раненым, был взят в плен. В июле 1863 г. он бежал из Динабургской крепости и вновь вступил в борьбу. Первоначально Червинский действовал совместно с Вжесневским (член военной организации). В их отряде летом было до 100 бойцов, половина — крестьяне, у всех были лошади. Отряд действовал в районе Оникшт, где имел несколько столкновений с войсками. В конце сентября Червинский стал действовать самостоятельно с конной группой в районе Оникшт — Ушполья, отряд же Вжесневского действовал на границе Поневежского уезда, а также в Люцинском и Дриссенском. Червинский позже показал, что «имел задание действовать на крестьян убеждением» и поддерживать в них сочувствие к восстанию. Из Вильно он получил приказ «быть стойким и ждать благополучного исхода дела. Высоко оценивая деятельность «Совы», Калиновский присвоил ему воинское звание поручика революционных войск.

«Сова» был связан с партизанским отрядом Лукомского — крестьянина Ново-Александровского уезда. Отряд Червинского успешно действовал в Вилькомирском, Ново-Александровском и смежных, так называемых, Инфляндских уездах Витебской губернии. Крестьяне — белорусы, литовцы и латыши оказывали ему самую деятельную поддержку. «Сова» был неуловим. Он громил преследующие его казачьи разъезды. Каратели устроили подлинную облаву на отряд «Совы», образовали специальную агентурную сеть. Однако и этот маневр повстанцы разгадали и выявленных с помощью крестьян лазутчиков уничтожили. Операционной базой «Совы» было местечко Ушполье [55].

Решительным защитником крестьянства зарекомендовал себя бывший студент Петербургского университета корреспондент «Колокола» Телесфор Нешокоць (1832—1864). Весной 1863 г. совместно с Павлом Сузиным он создал отряд в окрестностях

Мариамполя, в котором командовал косинерами, говорил и отдавал команды на литовском языке, что способствовало росту его популярности среди повстанцев, в большинстве литовских крестьян. К отряду «отовсюду стекались крестьяне».

После неудачной битвы под Бальверишками 11 (23) мая Нешокоць приступил к формированию собственного отряда. Крестьяне стекались к нему за советом и посредничеством в спорах, несли оружие, снаряжение, продовольствие. Военным руководителем отряда был офицер Булатов, расстрелянный позже в Сувалках. Активную роль играл крестьянин Гваздайтис со своим юным сыном, а также молодой немец Август. Отряд не имел оружия, и это сдерживало его рост; было вооружено только 116 бойцов. 5 июля Булатов во время разведки попал в плен. Через несколько дней та же участь постигла Нешокоця. Под вымышленной фамилией Антона Будриса он был расстрелян в Динабурге 15 марта 1864 г. В своей деятельности Нешокоць опирался исключительно на крестьян, избегал помещиков и действовал, не считаясь с приказами жонда. Он мог бы сформировать большой отряд, но, не имея оружия, вынужден был отказаться от новых добровольцев [56].

Кроме отрядов Сузина и Нешокоця, в военных действиях в Августовском воеводстве принимали участие отряды Кушлейки, а позже Длуского, Козелла и других сторонников Калиновского. Однако повстанческая администрация воеводства находилась под сильным влиянием партии «белых» и такого соглашателя, как Авейде, уроженца Августовской губернии, имевшего многочисленных родственников и сторонников в организации воеводства. Это препятствовало развитию движения в Занеманье.

Переход повстанцев к новой тактике — действию небольшими хорошо вооруженными группами — был единственно правильной формой продолжения борьбы с огромной карательной армией. Восстание продолжалось исключительно благодаря поддержке населения. Как вспоминал князь Н. К. Имеретинский (капитан Преображенского полка, военный начальник Виленского уезда), к осени 1863 г. «условия сильно изменились... восстание едва держалось, да и то лишь в мелкой шляхте и ополяченных крестьянах-католиках, преимущественно казенных. Они шныряли по ночам шайками от 20 до 50 человек, не более. Рекрутировались они на марше, в каждой мызе, в каждом фольварке, а днем прятали оружие в норы и из повстанцев обращались в мирных жителей: в батраков, поденщиков, рабочих и пр.» [57].

Если отбросить вполне понятное стремление палача-гвардейца выдать восстание за затею ксендзов, то в остальном он верно передает происшедшие в движении изменения. Борьбу продолжали демократические элементы: крестьянство, безземельное дворянство, молодежь, трудящаяся часть горожан. Отряды, как правильно заметил Имеретинский, состояли из батраков, поден-

ников, рабочих. Это весьма интересное и важное признание. Каждое село, каждое местечко было опорной базой повстанцев.

Умело маневрируя, повстанцы наносили время от времени ощутительные удары по войскам. В особенности упорно сопротивлялись повстанцы Ковенщины. Муравьев потребовал от командующего войсками губернии барона Мейделя немедленного уничтожения партизан. В ответном рапорте, датированном 17 июня, тот заявил, что против его войск действуют 12 тыс. партизан, значительно преувеличив их численность. Он определил численность отряда Мацкявичюса в тысячу бойцов, хотя в нем было не более сотни всадников; отряды Шимкевича и Яблоновского, насчитывавшие менее сотни кавалеристов, были определены по 500 человек. Все же в оправдательном послании служаки-немца есть весьма характерные признания.

«Формирование шаек производится обыкновенно в больших лесах с величайшею тайною и не в одном, а в нескольких пунктах разом. В каждом из пунктов собираются сперва шайки в 20 или 30 человек, где они обучаются, обмундировываются и вооружаются, и когда эти отдельные шайки уже готовы, тогда соединяются вместе и составляют таким образом шайку в несколько сот человек, о существовании которой я получаю уже тогда сведения, когда сформировавшаяся шайка начнет свои движения по уездам. Предупреждать формирование шаек, не имея края в своих руках, я не нахожу решительно никаких средств. Из моих донесений видны труды, переносимые войсками. Так, например, стрелковый батальон императорской фамилии от 3 мая по 15 июня сделал 1124 версты, 3-й гренадерский стрелковый батальон в продолжение мая месяца сделал с лишком 700, в таком размере и прочие войска... Получая почти всегда запоздалые сведения о месте нахождения шаек, мои распоряжения для преследования мятежников бывают часто несвоевременны, а иногда и вовсе не исполняются, потому что мои приказания, посылаемые отдельным начальникам, или перехватываются мятежниками, или не застают отрядов на месте. Притом мятежники, имея самые верные сведения о преследующих их отрядах, ...заставляют наши отряды атаковать их при самых невыгодных для нас условиях; кроме того, предводители мятежнических шаек, имея край... в полном их распоряжении и находясь чрез то в постоянных между собой сношениях, часто соединяют несколько шаек в одну и противоставят преследующему отряду неожиданную для отряда силу. Так случилось 25 прошлого мая месяца под Цитовянами, где были соединены три шайки: Мацкевича, Станевича и Богдановича, и под Попелянами 10 числа сего месяца, где были соединены шайки Яблоновского, Александрайтиса и Станевича. После же боя мятежники, чтобы затруднить для наших войск преследование, снова разделяются и при отступлении принимают различные направления.

Главные причины, затрудняющие действия наших войск против мятежнических шаек, суть: 1) недостаток сообщений. Нередко мои распоряжения, посылаемые к отрядным начальникам, и их донесения ко мне перехватываются мятежниками, чрез что я иногда о действующем отряде не получаю по пяти дней никаких сведений, и, не имея известий, какое отряд принял направление и в каких он находится обстоятельствах, я не имею средств ни усилить отряда, ни снабдить его вовремя провиантом, ни передать ему моих приказаний, и 2) недостаток сведений: о формировании шаек, о месте их нахождения и, наконец, о направлении, которое берет шайка, если она преследуется; отрядные начальники только случайно и под страхом жестоких наказаний находят себе проводников, которые иногда по незнанию, а иногда с умыслом, дают отряду совершенно фальшивое направление, чрез что отряд теряет след шайки и возвращается из экспедиции без всяких результатов» [58].

* * *

Партизанская тактика повстанцев была частью решения задачи, вставшей перед революционными демократами страны в 1863 г. Она сводилась к тому, чтобы вооруженную борьбу из Польши, Белоруссии и Литвы превратить в «русское крестьянское восстание». «Друзья Калиновского,— писал Ратч,— предполагали, чтобы все население Северо-Западного края вовлечь в мятеж, необходимо наводнить его тучей местных шаек, чинить единовременные всевозможные беспорядки, разрушать все нити правительственной власти и при помощи лесов беспрепятственными и быстрыми продвижениями дать возможность шайкам ускользать от преследования войск, утомлять их и весь край охватить разлившимся пожаром мятежа... Калиновский, при разладе с Варшавским жондом и имея главных противников в землевладельцах, от которых он хотел очистить страну..., рассчитывал, что единовременный мятеж, раскинутый по всей Северо-Западной России..., будет одобрительным примером для крестьян соседних великорусских губерний... Свое мнение старался привести в исполнение» [59].

1 августа (ст. ст.) в Петербург выехал Малаховский для установления единства действий с обществом «Земля и воля». Пока мы не можем во всем объеме восстановить связи «Земли и воли» с революционными кругами в Белоруссии и Литве, но они не были прекращены летом и осенью 1863 г. По всей вероятности, в задачу Малаховского входило создание в Петербурге постоянно действующей группы связи с русскими революционерами, ибо Огрызко эту задачу выполнить не смог. Касаясь этих вопросов, Пантелеев вспоминал: «Летом приезжал из Вильно Малаховский и хотя говорил, что восстание все более и более

разгорается, тем не менее умолял о какой-нибудь диверсии»[60].
Из слов Пантелеева видно, что революционные демократы в Вильно верили в успех восстания и были сторонниками союза с «Землей и волей». Показательно, что, по признанию Авейде, Жонд народовый с марта 1863 г. прекратил связь с «Землей и волей». Калиновский же, придя к руководству восстанием, одним из первых актов установил прямой контакт с русскими. Авейде свидетельствует: «Во время моего пребывания в Вильно Малаховский Владислав писал из Петербурга Калиновскому, что он познакомился с русскими революционерами (т. е. с Комитетом) и что они в самом деле слабы, но что он советует Виленскому комитету помогать им для пользы революции и просил именно прислать им одну тайную типографию и дать на издержки, как заем, 500 рублей серебром. Калиновский... приказал отправить по указанному Малаховским адресу в Петербург типографию, вновь выписанную из-за границы...»[61]

Авейде указывал, что не знает, продолжались ли связи группы Калиновского с «Землей и волей», и высказывал отрицательное предположение. Гипотезу ренегата палач Гогель выдал за достоверный факт, заявив, что никаких признаков жизнедеятельности русские революционеры не подавали и ничем помочь восставшим не могли. Слов нет, аресты, поражения многих отрядов унесли немало видных бойцов, провалилось немало явок, но связи не оборвались и помощь все же была, она требовала постоянного контакта между Петербургом и Вильно. Поддерживавшие ранее связь Коссовский и Огрызко с приходом к руководству группы Калиновского от дела отошли. О. Авейде указывал: «Помню еще только, что во время моего пребывания в Литве Владислав Малаховский после выезда своего из Вильно в Петербург в письме, присланном оттуда Калиновскому Константину, жаловался на недеятельность и трусливость Огрызки и просил Виленский комитет требовать у народного правительства удаления его, представляя вместе с тем какого-то, не помню, доктора при статс-секретариате Царства Польского на должность революционного агента в С.-Петербурге. Я представления Малаховского послал в Варшаву, но о результате посылки не знаю, потому что между тем был арестован»[62].

В показаниях Огрызки содержатся данные, в общем подтверждающие заявление Авейде. «Малаховский,— указывает Огрызко,— насколько припомнить могу, приехал из Вильно в Петербург не раньше половины августа 1863 г. Я встретил его на лестнице, ведущей в мою квартиру, он сказал мне, что желает поговорить со мной, но так как я не имел тогда времени, то просил его зайти ко мне когда-либо вечером, но он у меня не был. Через несколько дней я узнал, что его приказано арестовать, и он скрылся...»[63] Далее Огрызко указывает, почему он отошел

от борьбы: «В конце июля Опоцкий собирался в Киев, я просил его сообщить Дюлорану для донесения Центральному комитету, что я отказываюсь от должности агента в Петербурге и что и должности этой не было никакой необходимости. Через несколько дней Опоцкий сказал, что просьба моя исполнена. С того времени не считал себя агентом Центрального комитета и никакого участия в восстании по день моего ареста не принимал...»[64] Следовательно, Огрызко сложил свои полномочия сразу же после установления так называемой диктатуры Калиновского в Вильно.

Из приведенных фактов видно, что миссия Малаховского была обдуманным шагом, направленным к возобновлению и укреплению рвущихся связей с Петербургом. «Земля и воля» продолжала осенью и зимой 1863 г. оказывать помощь повстанцам Литвы и Белоруссии. В русской демократической прессе отстаивалось правое дело восставших. В ряде случаев уцелевшие землевольцы вели в войсках пропаганду, требуя прекращения братоубийственной борьбы. Революционные группы в армейских частях, принимавшие участие в подавлении восстания, продолжали распространять воззвания. Так, 17 августа 1863 г. власти доносили об обнаружении в Бресте «печатного воззвания на русском диалекте». 20 декабря 1863 г. в Брест-Литовске среди солдат ходило по рукам воззвание «К русским войскам в Польше». Революционные группы в крепости продолжали в декабре 1863 г. агитацию в пользу русско-польского революционного союза. С этой целью выпускались рукописные воззвания с протестом против натравливания друг на друга «двух родственных народов». В воззваниях говорилось, что истинный патриотизм требует поддержки восставших вплоть до перехода с оружием в руках в их ряды[65].

Одна из последних попыток русских деятелей оказать помощь повстанцам была предпринята зимой 1863 г. членом Московского отделения «Земли и воли», близким другом К. Калиновского — Юлием Бензенгером. Находясь в Нижнем-Новгороде, где он служил по найму в батальоне внутренней стражи, Бензенгер пытался вести революционную пропаганду среди сослуживцев. С этой целью он, собственно, и стал солдатом. Тогда же он написал специальное обращение «Голос из народа», в котором призывал восстать с оружием в руках против царизма и помочь повстанцам Польши, Белоруссии и Литвы. Как свидетельствует Гофштетер, прокламация была предложена Бензенгером Московскому отделению «Земли и воли» для издания и распространения, чему помешало прекращение деятельности общества. Однако Бензенгер не оставил мысли издать прокламацию и был намерен переслать ее Калиновскому. Это подтверждает наличие связи повстанцев Белоруссии и Литвы с землевольцами и показывает, какие самоотверженные усилия предпринимали послед-

ние, стремясь оказать прямую помощь повстанцам. Все это придает деятельности Бензенгера особое значение[66].

Помощь русских революционеров, надежда на скорое восстание в России были одним из источников стойкости повстанцев. Они верили, что правое дело, за которое они подняли оружие, не погибнет, что народы России и Европы поддержат их. В отличие от помещичьей партии, уповавшей на Наполеона III, демократы-повстанцы допускали возможность выступления западных держав в защиту Польши как следствие давления народа. Неизвестный патриот писал из Лондона минским друзьям: «Жестокости в отношении Польши и ее (России.— *А. С.*) равнодушие к предостережениям держав могут довести народное чувство до степени непреодолимой..., массы произносят последний приговор...»[67]. 20 сентября 1863 г. комиссар Ошмянского уезда в обращении к повстанцам заявил: «Народы Европы признали обязанностью своей честно поддержать дело Польши»[68]. Уверенность в неизбежности столкновения царской России с Западной Европой высказывал Малаховский в письме к Вислоуху 16(28) июня, рассмотренном выше.

В «Письмах из-под виселицы» Калиновский также высказал мысль, что повстанцы будут поддержаны народами Европы. «Долго поляки ждали помощь из-за границы,— писал он,— народы чужеземные много кричали, но до сего времени ничего не сделали для нас, ...зная, как обстоит дело наше за границей, не перестаем верить, что не погибнет правда и святая справедливость, и если в теперешнем порядке не найдется для этой помощи способа, то поворот силы народной разорвет и этот узел. Нам же прочно с верой непоколебимой за свое стоять нужно, а правительство наше должно уметь защищать благо народное. Силы же наши велики, воевать с ними мы бог знает как долго можем, но для этого нужно, с одной стороны, их оберегать, а с другой — постоянно увеличивать».

Калиновский ожидал помощи не от западных правительств, которые, как и царь, были повинны в разделе Польши, а от народов. Последние могли, по мнению Калиновского, заставить правительства вступиться за Польшу. Калиновский подходил к восстанию 1863 г. как к проявлению общеевропейского демократического движения.

Большое внимание уделило новое руководство восстанием вопросам идеологической борьбы. Царские власти изображали восстание как затею помещиков и ксендзов, выдавая себя за защитников православия и народа. Срывая попытки муравьевских чиновников и попов разжечь национальную вражду между поляками, русскими и белорусами, Калиновский писал: «Со всех сторон московские чиновники толкуют нам теперь без устали о своем братстве с нами. Как же этому не дивиться. Сколько лет прожили мы под властью московского правительства, но теперь

только услышали об этом...» Хитростью и обманом назвал пропаганду православия и народности Калиновский, подчеркнув, что, сражаясь с поляками в трудное для себя время, «цари к нам в братья записались только для сохранения своего господства». Выступая против теорий мнимого братства, Калиновский раскрывал трудящимся массам, что братство не скрепляется плетью и свинцом. Помещики и царь не братья, а враги крестьян.

Калиновский разъяснял крестьянам, что теория православия и народности выдвигается царскими чиновниками с целью подавления восстания и ограбления населения. «Три года назад вышел указ царский. Правда, много там было написано, а пользы для нас мало. Наделали только канцелярий, посредников, старшин, писарей, все за деньги мужицкие, а на барщину как ходили, так и надо было ходить. Поняв это, мы стали противиться, и тут-то чиновники нашлись, чтобы принудить нас к «милости» царской, а нагайка казацкая должна скрепить наш братский узел. Не знаю только с кем, или с панами, или с москалями (в смысле военщины, подавляющей крестьян.— *А. С.*). Пусть за меня скажут те, кто имел охоту скреплять,— добродетели наши...» [69]

Руководству восстанием пришлось выступить и против идеологической диверсии, совершенной высшим католическим духовенством. Стоявшее на страже интересов эксплуататоров, оно тесно срослось с местным польским дворянством и не могло поддерживать борьбу народа за землю и свободу. Однако в период, когда часть польских землевладельцев примкнула к движению, католический клир занимал двусмысленную позицию: и не порывал с царскими властями и не осуждал открыто восставших. Примером этой двойственной игры может служить поведение католического тельшевского епископа — Матвея Волончевского (Валанчуса). В пастырском послании, датированном 16(28) марта 1863 г., он призывал «милых овечек своих» облиться слезами раскаяния и обратиться к господу с молитвой, «дабы воля отца небесного, как во всем мире, так и в нашем крае, исполнилась, дабы кровопролитию самоскорейше положил конец, дабы водворил между нами мир, спокойствие и взаимную милость. Одним словом, молите его, чтобы поступил с нами так, как святейшей его воле будет угодно».

В обращении содержались призывы воздерживаться от активных действий и молить господа, пока «не угаснут беспорядки в нашем крае», но были и фразы, гласящие, что бог «посредством войны желает очистить и испытать нашу добродетель» [70]. Объясняя смысл послания, Валанчус сообщал виленскому генерал-губернатору, что «по причине трудных обстоятельств, в коих ныне край здешний находится, признал я полезным, оставя на стороне всякий взгляд политический, дать к народу пастырское послание чисто религиозного направления, приглашая его к мо-

литве и раскаянию перед всевышним, дабы, прекратив все смуты, волю свою над нами исполнил». Валанчус считал, что могут «возникнуть разного рода нелепые толки и суждения» по поводу его обращения и для рассеивания их представил текст. «Все это послание написано так,— говорил Мацкявичюс,— что трогает сердце, а двузначительностью способствовало многим читать так, как считали нужным»[71].

Отход от борьбы шляхетских элементов привел к тому, что верхушка католической церкви выступила против нового, демократического руководства и призвала сложить оружие. 6(18) сентября Валанчус в обращении к крестьянству писал: «Безусловно предайтесь на волю высшего в нашем крае начальства... Паны и дворяне в подаваемых адресах изъявили уже свою покорность и просят о помиловании государя императора. Засим и вы, дети мои, не упорствуйте далее и не отставайте от них в покорности перед правительством». Подобное же воззвание, призывающее «к раскаянию и исправлению грешной жизни», было издано виленской римско-католической духовной консисторией. «Всякая власть происходит от бога,— писали ксендзы.— Исполняйте святые ее приказания... Оставьте всякое сопротивление»[72].

В Белоруссии и Литве насчитывалось свыше трех миллионов католиков; можно представить, какие дополнительные трудности пришлось преодолевать руководству восстанием в связи с обращением римско-католического клира. Нужно было, не оскорбляя религиозных чувств верующих, раскрыть подлинный лик духовных пастырей, показать, что они, встав на путь борьбы с восставшим народом, менее всего руководствовались интересами религии. Комитет обнародовал написанную Калиновским прокламацию, в которой объяснил смысл действия ксендзов.

В прокламации указывалось, что прелаты святую борьбу народа называют мятежом, мужественных борцов за свободу и веру считают преступниками, врага отечества, жестокого палача величают законным и милостивым монархом, а трусливый отказ от борьбы объявляется обязанностью, вытекающей из заповедей религии. «Поистине прелаты! Трудно было в столь коротких фразах сказать так много лживого. Никогда еще христианская заповедь: „Не бери имя господа для обмана“ не была так более торжественно растоптана и поругана. И кем же! Теми, кто обязан охранять в чистоте заповеди бога.

...Отдел не может не видеть в этом вашем поступке грешной слабости, которая привела вас к тому, что вы поддались врагу, солгали и велели эту ложь объявить повсюду в храмах — местах, посвященных высшей правде. Отдел не может не обратить внимания на последствия этого несчастного шага вашего. Воскликнем вместе с вами, вместе с правдой высокой — видимо, количество грехов наших неимоверно возросло, если всевышний и па-

стырей наших лишил самопожертвования и стойкости. Ничто всякие страдания, убийства, пепелища для народа, поднявшегося за правое дело, но слабость в тех, кто должен быть примером выдержки, постоянства, самопожертвования, но разложение, идущее сверху, отсутствие стойкости у них — вот боль, самая сильнейшая из всех страданий».

Напоминая, что даже папа римский не решился проклясть восставших, Калиновский иронически восклицал: «А не есть ли тяжкое грехопадение ксендзов в том, что они поступили вопреки воле наместника Христа на земле! И разве это согласуется с божьими заповедями — провозглашать заведомый обман с церковных амвонов, предназначенных для обращения к богу с самыми чистыми и правдивыми движениями души!» Подробно разбирая грехопадение епископов, Калиновский заранее отводил возможное оправдание их поступка приказом царской администрации.

«Вы скажете, что были зажаты как бы в железные клещи ужасным насилием, что у вас было только два пути — или издание ложного обращения, или принятие на церковь тяжелого преследования. Вы как бы из двух зол выбрали наименьшее. Это вам посоветовала трусость, а не христово учение, которому вы служите. Пусть люди этого мира руководствуются дипломатическими маневрами, но вы, считающие себя незапятнанными представителями Христа, должны руководствоваться только правдой, и никогда не выбирать зла, даже и наименьшего... Далекими должны быть от ваших сердец всякие земные опасения, всякая осторожность мирская, когда вы исполняете святую вашу обязанность» [73].

Своевременно предпринятый Калиновским шаг в значительной степени ослабил использование религии для подавления восстания, но в полной мере приостановить работу отлично вышколенного церковного аппарата не удалось. Царские власти доносили, что ксендзы огласили с амвонов послание епископов «как по команде» [74]. Однако поступали сведения и о том, что «в некоторых костелах не читали увещевания епископа Волончевского» [75]. Сам Валанчус в письме к Муравьеву жаловался: «Народ ропщет и негодует на меня... влияние мое, много уже пострадавшее, с каждым днем уменьшается, из разных мест епархии я получаю упреки... Положение мое сделалось крайне невыгодным».

Раскрывая прислужничество Валанчуса перед царизмом, Мацкявичюс писал, что посланием и особенно речами, произнесенными в Ковно, Вилькомире и Поневеже, епископ «в высшей степени уронил себя... Это было поводом ко многим пасквилям и угрозам, что и прежде часто случалось». Мацкявичюс подчеркивал, что в глазах народа епископ «был большим трусом... Мы никогда не верили [его] словам и обещаниям, которые изменя-

лись по обстоятельствам»[76]. А. Мацкявичюс был не одинок в негодовании на ксендзов, пресмыкавшихся перед Муравьевым. В архивных делах немало карикатур и сатирических памфлетов против холопствующих попов, ксендзов, монахов, в которых им обещали «веревку на шею...— за усердие перед властями, обременение народа и пьяный разгул»[77].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что созданное Калиновским новое руководство стремилось придать борьбе характер подлинно народной, демократической революции. Как же отнеслось к этому Национальное правительство в Варшаве? Может быть, осознав свои прошлые ошибки, оно начало помогать повстанцам Белоруссии и Литвы? К сожалению, нет. Шляхетское правительство боялось развития аграрного движения, упрекало Калиновского в сепаратизме.

Как вспоминает Ю. Ямонт, Калиновскому пришлось вести упорную борьбу с Варшавой, не понимавшей «местных отличительных условий Литовского края». Только за август Ямонт, по поручению Калиновского, написал «два обширных рапорта в Варшаву о состоянии литовского восстания и положении в крае, объясняя в них исключительные условия Литвы, где оспаривал пользу присоединения воеводства Ковенского и Гродненского к управлению Царства». Временное Национальное правительство хотело уничтожить остатки автономии Виленского комитета. Конечно, подобные действия не способствовали развитию народного восстания.

Юзеф Калиновский указывал: «Отчужденность от народного правительства, в которой находился уполномоченный комиссар Литвы (Константин Калиновский.— *А. С.*) в последнее время, гибельным образом сказывалась в крае. Исполнение программы, начертанной народным правительством с начала войны, не соответствуя местным современным условиям, вело за собой громадные ошибки»[78].

Свидетельства двух осведомленных лиц показывают, что порочная практика жонда и его ставленников в Вильно — Гейштора, Дюлорана и др.— мешала вовлечению крестьян в борьбу, действия же Калиновского встречали со стороны Варшавы отпор, вплоть до обвинения в сепаратизме и измене. Когда группа Калиновского настойчиво пыталась поднять крестьянство на борьбу, Варшавский жонд в инструкции от 18 октября 1863 г. делал упор на создание организации заговорщиков-террористов. В то время как группа Калиновского боролась за создание условий для свободного разрешения народами Белоруссии и Литвы своей судьбы, жонд в той же инструкции требовал «возвращения исторических границ Польши». Революционные демократы разоблачили происки реакционных клерикальных кругов, открыто помогавших душить восстание, а жонд величал ксендзов «духовными отцами народа»[79].

Итак, против демократических сил, продолжавших борьбу, выступили объединенным фронтом силы феодализма и клерикализма, нанося им удары со всех сторон, предпринимая в широких масштабах военные операции, идеологическую и религиозную обработку умов, приправляя все это социальной демагогией. Повстанцам приходилось не только маневрировать под ударами 150-тысячной армии, блокировавшей партизан в лесах и болотах, лишая их всякой связи с народом, но и отражать удары клерикально-помещичьих сил. К этому нельзя не добавить и продолжавшиеся споры с Национальным правительством, с удивительным упорством не желавшим считаться со спецификой края, с правом народов Белоруссии и Литвы идти в одном строю с восставшей Польшей под своим знаменем.

2. Карательная политика царизма

В первые недели восстания правительство, не зная действительной силы повстанцев и силы революционной русской партии, шло на уступки (отмена телесных наказаний в армии, манифест 1 марта, предложение Валуева о «представительных» учреждениях). В конце апреля с уступками было покончено. В Польшу и Литву были переброшены воинские подкрепления, во главе карательных сил были поставлены палачи восстания 1831 г.— Берг в Польше и Муравьев в Литве. Сановники, слывшие либеральными, вроде великого князя Константина или Назимова, были отозваны.

В середине мая Муравьев прибыл с неограниченными полномочиями в Вильно. Современники отмечали его жестокость, властность, кровожадность, сравнивали с бульдогом, мясником, к его фамилии прочно приклеился титул «Вешатель». Говорили, что с особым радением он накладывал резолюции «повесить», «расстрелять», «сжечь». Муравьев стяжал славу ренегата еще в 1825 г., затем прославился как палач в 1831 г. и как враг освобождения крестьян. По словам Н. В. Шелгунова, Муравьев был разрушитель и умел ломать, правда, без системы, превосходно, людей же ценил не высоко[80]. Царь знал, кого послать в Литву, и Муравьев оправдал оказанное ему доверие. Еще по дороге в Вильно он остановился в Динабурге только за тем, чтобы конфирмировать смертный приговор Плятеру. По прибытии в столицу Литвы казни начались регулярно. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках Муравьева и его представителей в губерниях и уездах (военных начальников).

В «Виленском временнике», издававшемся так называемым Муравьевским музеем в Вильно, отмечалось, что действия войск в годы восстания 1863 г. указом царя от 24 мая 1864 г. надлежит считать военной кампанией. «Временник» признавал, что

«восстание погасло прежде всего от поражения, нанесенного ему на поле брани». По этим же данным, в крае произошло 260 военных столкновений, из них 119 в Ковенской губернии[81]. В подавлении восстания, по данным штаба Виленского военного округа, участвовали 318 рот, 48 эскадронов, 18 казачьих сотен и 120 полевых орудий, сведенные в 6 гвардейских полков, 3 пехотные, 1 кавалерийскую дивизии, 3 артиллерийские бригады, всего свыше 120 тыс. штыков и сабель[82].

Муравьев говорил, что «употреблено 200 тыс. войск для подавления бунта». Очевидно, это близко к истине. Партизанские отряды редко превышали 400 человек каждый. Общая численность повстанцев, по данным «Виленского временника» (70—75 тыс. человек), завышена. В разгар борьбы Калиновский определял численность повстанцев Гродненщины в 1700 человек, в Ковенской губернии повстанцев было примерно в 3 раза больше, в пересчете на весь район восстания это около 12—15 тыс. вооруженных бойцов. Принимая во внимание возобновление личного состава отрядов, эту цифру можно удвоить. Муравьев в неофициальном разговоре признал, что командиры карательных отрядов «преувеличивают число мятежников, у них шайки в 3 и 4 тысячи, тогда как на деле их 300 или 500 человек»[83]. На основании простого суммирования данных этих хвастливых рапортов сотрудники Муравьевского музея и определяли численность повстанцев — около 75 тыс. человек. В связи с этим нельзя не отметить, что даже Катков на страницах «Московских ведомостей» высказал сомнение в правдивости «блестящих реляций, сочиняемых царскими офицерами»[84].

Огромный численный перевес карательной армии неоспорим. Против двух тысяч повстанцев Врублевского действавала пехотная дивизия, казаки, артиллерийская бригада. Генерал Мейдель по четырем уездам Ковенской губернии имел в своем распоряжении 40 рот пехоты, 11 эскадронов и казачьих сотен. Это соединение действовало против партизанских отрядов, численность которых сам Мейдель определял в три тысячи человек. И при таком соотношении сил командиры карательных отрядов начинали и заканчивали донесения жалобами на недостаток войск. Да что там командиры колонн, когда Муравьев, похвалявшийся, что задавит восстание с несколькими тысячами гвардейцев, начал с просьбы о подкреплении!

В мае 1863 г. начальник штаба Виленского округа писал Милютину: «Самая вопиющая надобность чувствуется везде в казаках. Нельзя ли ускорить их прибытие?»[85] Войска, войска и еще раз войска — вот что было основой муравьевщины. Каждый успех повстанцев вызывал просьбы о подкреплениях. И они шли в Литву и Польшу из Петербурга, Смоленска, Киева. Буквально на следующий день по вступлении в должность Муравьев телеграфировал Милютину: «Благодарю за гренадерскую бригаду.

При ее помощи надеюсь достигнуть цели. Посылайте войска в Вильно, я отправлю их, когда и куда будет нужно»[86].

30 мая (11 июня) Муравьев известил Милютина о создании подвижных колонн для беспрестанного движения по неспокойным районам, прочесывания лесов, устрашения населения и создания сельских караулов. «Весьма дельно,— написал на докладе царь,— сообщить в Варшаву, что принять к руководству и впредь». Царская резолюция от 3(15) июня ставила действия Муравьева в пример[87].

Особо следует остановиться на создании сельских караулов. Муравьев изобразил эту меру как добровольное участие населения в борьбе с мятежом. Официально он не раз заявлял, что «сельская стража принялась очень хорошо». Но если посмотреть, как создавалось и действовало это «добровольное воинство», то картина окажется иной. Слов нет, при организации стражи царизм спекулировал на участии в восстании польских дворян и, пользуясь невежеством крестьян, выдавал создание караулов как меру самозащиты населения от помещиков. Но при всем этом караулы насаждались насильно. Муравьев признавал, что войска «двигаются по всем направлениям... для поддержания сельской стражи»[88]. Основу караулов составляли расставленные по деревням воинские и казачьи патрули. В состав караулов насильно или путем обмана зачисляли и крестьян. Зажиточные хуторяне — старообрядцы — добровольно вступали в них, но основная масса крестьян не желала активно вмешиваться в борьбу. Царские офицеры вынуждены были признать, что крестьяне в Ковенской и Гродненской губерниях «отказались от добровольного учреждения караулов», спасались часто бегством в леса при попытках насильственного создания стражи. В Ушполье крестьяне даже напали на воинскую команду, оставленную для организации караула. Аналогичные случаи произошли и в ряде других селений Литвы (Оникшты, Андронишки, Шавкоты, Шоты). Даже Катков признавал, что «сельские караулы не принесли пользы, какую от них ожидали. О вооружении сельских караулов нечего было и думать»[89].

По данным «Журнала военных действий», формирование сельских караулов было закончено только к декабрю 1863 г. В составе караулов по 52 уездам края было 3778 солдат, 259 казаков, 21 343 пеших и 1838 конных ратников, а всего более 27 тыс. человек[90]. В Гродненской губернии в караулах по наиболее непокорным селам стояли 1534 солдата и унтер-офицера, 720 полицейских и 8507 крестьян[91]. Создание сельских караулов говорит не о поддержке Муравьева крестьянами, а как раз наоборот; хотя он и объявил восстание затеей польских помещиков, но чувствовал себя сидящим на пороховой бочке. Жандармский полковник Лосев в письме к шефу жандармов писал: «Сообразив все обстоятельства, можно ли ожидать от крестьян самоот-

верженности и истинно патриотических чувств — утвердительно нет» [92].

Муравьев и сам признавался, что край был усмирен гвардейскими штыками, что войска по кавказскому образцу делали набеги на восставших. По приказу Муравьева пылали села; лиц, захваченных с оружием в руках, тут же расстреливали [93], целыми селами угоняли в Сибирь непокорных. С ненавистью писал Муравьев о разночинцах: «Эти люди не хлебопашцы, им не нужен плодородный грунт, они могут прожить свой век и в Якутской области, и в Туруханском крае» [94]. На упреки в жестокости Вешатель цинично отвечал: «Гуманность же может быть вполне соблюдена и в Печорском, и другом крае». Тюрьмы были переполнены. Гродненский губернатор граф Бобринский 28 июля 1863 г. писал Муравьеву: «...Вопрос о помещении арестантов скоро сделается вопросом затруднительным» [95]. Даже официальные данные не отрицали насилия над десятками тысяч «простолюдинов». Чудовищным надругательством над жертвами прозвучали слова черносотенца Миловидова, что Муравьев «является прямо другом народа, его политику вполне справедливо называли демократической» [96]. Миловидов ссылался на упрек царя, что среди муравьевских чиновников «много социалистов» [97]. Но ведь и Александра II английские лорды величали в те дни «первым революционером в Европе» [98].

Самые нелепые теории и слухи распускали каратели, стремясь обмануть крестьянство. Крепостное право было объявлено «роковым подарком поляков». «Польша привила к России проказу рабства»,— писал «Виленский вестник». Поляки, мол, отвергают цивилизацию, свободу и народное самоуправление, мешают всем попыткам преобразования со стороны русского правительства. Восстание было объявлено панской затеей. «Полиция распространяет здесь самые нелепые понятия,— пишет один из современников.— Так, например, она внушает мужичкам, что паны бунтуют потому, что от них отобрали крестьян» [99].

Сущностью политики Муравьева было сочетание террора с демагогией. Власти старались внушить крестьянам, что царь заботится о них. Была организована проверка составленных ранее уставных грамот. Крестьянам обещали по ее окончании вернуть отрезки, снизить выкуп. Все это призвано было укрепить веру крестьян в добрые намерения царя, отвлечь народ от восстания.

Чиновников, созванных Муравьевым для полицейского насаждения православия и социальной демагогии, Пантелеев называл отбросами, собранными со всей страны. Даже гродненский губернатор, не выдержав, писал царю: «Не осмелюсь скрыть перед вашим императорским величеством, что бывали случаи, когда приезжающие чиновники своим поведением не оправдывали того доверия, какое на них возлагалось» [100]. Калиновский сравнивал этот сброд с прожорливой саранчой, объедающей и

обирающей крестьян догола [101]. Разоблачая демагогию царизма, Мацкявичюс указывал, что не помощь крестьянам, не защита их от произвола польских помещиков, а грубое насилие и вымогательство составляют суть муравьевской деятельности. Он сравнивал царских офицеров с разбойниками [102].

И даже из среды подобных грабителей раздавалась критика действий Муравьева-Вешателя. «В решении здесь крестьянского вопроса заключается значительная доля умиротворения края,— писал один чиновник.— Военная диктатура уже сделала свое дело...» Он с беспокойством отмечал, что «существующий надел здешних крестьян землей ни в коем случае не обеспечит их быта. Эта система надела донельзя нелепа, а действующие теперь инструкции составлены второпях» [103].

Крестьянство Белоруссии и Литвы стонало под гнетом невыносимо огромных поборов. Чиновник особых поручений доносил Муравьеву: «Знакомство с положением крестьян Минской губернии убеждает в том, что если за вторую половину нынешнего года будет взыскан прежний оброк, то большинство крестьян будет окончательно разорено», урожай настолько низок, что «едва ли даст возможность иметь обеспеченное продовольствие, но и то никак не повсеместно и далеко не на целый год» [104].

Практика работы комиссий Муравьева-Вешателя вскоре убедила крестьян в обмане. Чиновники доносили в Вильно, что возмущенные крестьяне «отказываются от получения земли..., домогаются полного участка и притом именно того, который был в их пользовании,— так называемом „батьковщины"». «Они просят,— пишет другой чиновник,— о возвращении им дедами и отцами насиженной „батьковщины"». Просимого они не получали, и это вело их к прозрению. «Крестьяне начинают терять веру в силу действия комиссии,— пишут члены последней Муравьеву,— говоря: „Вот уже скоро год, как ездят, проверяют, а ничего из того не вышло"». Как только крестьянское движение пошло на убыль, деятельность проверочных комиссий начала принимать все более крепостнический характер. Чиновники отмечали в 1864 г. что «прошлогодняя оценка земли была ниже», что часто оценка земли повышается по требованию помещиков и что крестьяне «изъявляли недовольствия на высокие оценки [земли]».

В свете всего изложенного выше становится ясно, что только под нажимом восставшего народа Муравьев пошел на некоторые уступки, но с упадком восстания они были прекращены. Чиновники признавали, что от них требуют не обращать внимания «на сущность дела», а работать «для видимости... на бумаге и для бумаги», что для действительного улучшения положения крестьян «надо много времени, а их торопят и за медленную, но честную работу обещают расформировать комиссии» [105]. По словам одного из ближайших сотрудников Муравьева, в самом на-

чале января 1864 г. в Вильно были собраны все губернаторы и представители от каждой проверочной комиссии для совещания по крестьянскому делу. Собравшимся Муравьев объявил, чтобы при проверке уставных грамот «была соблюдаема строгая справедливость и не было делаемо уклонений в ущерб помещикам». В ходе совещания «сделаны были некоторые изменения» в инструкции для членов проверочных комиссий [106].

Социальная демагогия царских сатрапов находилась в прямой зависимости от успехов повстанцев. В период, когда восстание шло на подъем, посулы и обещания муравьевских чиновников не знали границ. Из уездов посылались специально подобранные делегации волостных старшин и зажиточных мужиков. Военные начальники уездов торжественно провожали и встречали «представителей сельского православного народонаселения», величали их друзьями и приятелями, внушая мысль, что «они теперь — господа, а их прежние паны обязаны ломать перед ними шапку, а кто не сделает этого, того бей по физиономии». Одурманенные подобными речами делегаты прибывали в город, где какой-либо генерал говорил им: «Не платите чиншей, земля будет отдана вам даром не только та, что находится в вашем пользовании, но и панская». Минула опасность, восстание было потоплено в крови, и крепостник Муравьев показал крестьянам волчью натуру. В 1864 г. делегатам пришлось услышать иные речи. С ними «разговаривали сурово, грозили розгами и Сибирью» [107]. Иные времена, иные песни услышал православный люд от «друга народа» и поборника православного христианства.

Ряд репрессивных мер был принят против польского дворянства, принимающего участие в восстании. Имущество повстанцев пускалось с молотка, конфисковывались имения даже подозреваемых лиц. Все землевладельцы были обложены огромным налогом (формально 10% дохода), сумма которого зависела от доброй воли военных начальников уездов. В лесах прорубались широкие просеки, лесные заросли вдоль железных дорог расчищались, крестьяне, участвующие в работах, брали лес бесплатно. Все это преследовало цель не только устрашить и запугать дворян, но и «ободрить» крестьян, укрепить у населения веру в добрые намерения царя, обосновать тезис о шляхетском характере восстания.

Репрессии Муравьева против дворян подробно освещены в польской шляхетско-буржуазной историографии (особенно у Пшиборовского), которая, однако, умалчивает, что Муравьев не покушался на основы помещичьей собственности, более того — защищал ее. Широко описывая злодеяния Муравьева, шляхетская историография умалчивала, что он часто снижал определения суда в отношении тех немногих представителей крупнопоместного дворянства, которые оказались замешанными в восстании

(например, помилование графа Коссаковского, сохранение жизни Гейштору и другим членам комитета «белых» и т. д.). Шляхетская историография пыталась затушевать социальный характер борьбы, дать такое освещение событий, чтобы оно разжигало национальную рознь и препятствовало освобождению масс от националистического угара.

Русская дооктябрьская историография также не дала научного освещения деятельности Муравьева. Так, В. Семевский, возмущаясь терроризмом Муравьева, считал в то же время, что он принес «чрезвычайно много пользы сельскому населению Северо-Западного края». Семевский сослался при этом на расчеты, сделанные Д. И. Рихтером на основании изучения выкупных сделок. Рихтер считал, что Муравьев увеличил наделы крестьян Северо-Западного края от 12 до 33% и снизил выкупные платежи на 64%. По мнению Семевского, «это составляет несомненную заслугу Муравьева»[108]. Семевский сам же признал, что Муравьев шел на уступки крестьянству вынужденно, так как понимал, что одним террором нельзя удержать крестьян от участия в восстании, что нужно поднять их благосостояние. Но если это так, то спрашивается, в чем же тогда заслуга Муравьева? Ведь прямо напрашивался вывод, что уступки были следствием восстания.

Письма Муравьева показывают, что у крепостника, кроме уступок в пользу крестьян, не было другого исхода, другого пути защиты коренных интересов помещичьего сословия. Именно это приходилось ему не раз подчеркивать. Так, 7 марта 1864 г. в письме к Долгорукову Муравьев указывал, что меры, им принятые,— единственный путь борьбы с повстанцами, которые «едва не достигли своей цели, так глубока была революционная зараза». Признания Муравьева говорят сами за себя, им руководил очень трезвый, циничный расчет крепостника-помещика. Там, где это не вызывалось необходимостью, он оставлял все по-прежнему, например, были оставлены без земли многочисленные батраки и бобыли, хотя в разгар восстания Муравьев не раз лицемерно говорил о наделении их землей. Осенью 1863 г. в одних только Инфляндских уездах Витебской губернии насчитывалось 9757 бобылей и батраков мужского пола, «не имеющих никакой собственности». Губернатор подчеркивал, что они «легко могут быть увлекаемы к беспорядкам» и просил о наделе их земельными участками. Аналогичную просьбу прислал и гродненский губернатор, писавший, что число их «значительно увеличилось вследствие перевода помещиками многих крестьян-хозяев в батраки». Однако с подавлением восстания судьбой обезземеленных крестьян перестали интересоваться[109]. Характерны в связи с этим попытки генерала Потапова в конце 60-х годов провести «контрреформы». Эти проекты были отклонены из-за страха перед новым взрывом крестьянского возмущения, но прави-

тельственная политика в целом круто изменилась после подавления восстания [110].

Все изменения, внесенные в 1863—1864 гг. в «крестьянскую реформу», были сделаны царизмом вынужденно, под ударами революционных сил,— история указов 1 марта и 2 ноября — явное тому доказательство. В июле 1863 г., когда Калиновский настойчиво пытался придать восстанию аграрный характер, разоблачая демагогию Муравьева, последний поставил вопрос о распространении царского манифеста 1 марта на Витебскую и Могилевскую губернии. Эта мера была тем более необходима, что крестьяне повсеместно уже прекратили отбывание всяких повинностей в пользу помещиков. Только силой оружия можно было заставить их возобновить работу на помещичьих полях, но на это Муравьев в условиях восстания пойти, конечно, не мог. Ему ничего не оставалось делать, как вновь встать в позу защитника крестьянства. В столицу полетели предложения.

Правительство не сразу согласилось с Муравьевым из-за боязни вызвать волнения в соседних русских губерниях. Валуев написал Муравьеву, что «охрана общественного порядка» не позволяет применить к Восточной Белоруссии положения манифеста 1 марта 1863 г., и приводил еще один веский аргумент. Речь шла о защите интересов русских помещиков: «В Витебской губернии — 62%, а в Могилевской — 28% [имений] принадлежит русским или немцам [помещикам], тогда как они владеют в Виленской губернии только 5%, а в Минской —6, в Гродненской — 15, в Ковенской — 22, в Киевской — 18, в Подольской — 15 и в Волынской — 11% всей массы имений».

Валуев, поддержанный Рейтерном и Адлербергом· считал, что Витебская и Могилевская губернии должны остаться своеобразным буфером между районами, объятыми восстанием, где прекращены всякие обязательные отношения между помещиками и крестьянами, и центральными губерниями, где эти отношения еще держатся; только таким образом, по его мнению, можно и должно «по возможности предупредить возникновение в сих последних неправильных со стороны крестьян притязаний». В ответном письме Валуеву от 2 сентября Муравьев, продолжая настаивать на применении к Могилевщине и Витебщине положений мартовского манифеста, писал, что первоначально эти две губернии были изъяты из действия указа по мотивам, указанным в письме Валуева, однако события вызывают теперь необходимость новых уступок. «С самого начала мятежа правильные, основанные на законе отношения крестьян к владельцам, были нарушены. Я не считаю возможным допускать употребления каких-либо других принудительных мер для принуждения крестьян отбывать исправно издельные работы на помещичьих полях...» Муравьев просил для спасения авторитета правительства узаконить действия крестьян [111].

Указом 2 ноября 1863 г. в Восточной Белоруссии всякие обязательные отношения между крестьянами и помещиками прекращались. В упорной борьбе, напрягая силы для подавления вооруженного восстания, правительство не решилось открыто выступить против крестьян двух белорусских губерний. Указы 1 марта и 2 ноября были дополнены циркулярами Муравьева 17 августа и 18 октября 1863 г., предусматривающими частичное возвращение земли крестьянам, потерявшим ее после 1846 и 1857 гг. По данным муравьевской канцелярии, в результате осуществления манифеста 1 марта 1863 г. крестьянские наделы по сравнению с ранее определенными по уставным грамотам 1861 г. возросли: в Виленской губернии — на 7,5%, в Гродненской и Ковенской — на 12, в Минской — на 33% [112]. Эти цифры существенно отличны от данных Рихтера, которыми обычно оперируют исследователи. Они показывают изменение в распределении земли лишь за 1861—1863 гг., но известно, что крестьянские наделы сокращались, и весьма значительно, до 1861 г. Даже официальная статистика признавала, что крестьянам и в ходе восстания не удалось вернуть земли, отошедшие к помещикам в период после введения обязательных инвентарей. Сравнение крестьянских наделов в 1846, 1861 гг. и наделов, определенных им муравьевскими комиссиями, показывает сокращение крестьянского земельного фонда по всем губерниям [113]. По примерным, сугубо ориентировочным расчетам Н. Улащика, осуществление манифестов 1 марта, 2 ноября и циркуляров Муравьева не привело к возвращению в руки крестьян всех тех земель, которые они потеряли после 1846 г. Только по сравнению с наделами, определенными условием реформы 1861 г., которые были сметены восстанием, можно говорить о росте крестьянских наделов, но опять же не повсеместно. Из протокола соединенного заседания Западного и Главного комитетов по устройству сельского состояния видно, что Муравьев, пересматривая условия освобождения крестьян, только возвращал, и то не полностью, законным владельцам те земельные участки, которые были отобраны у крестьян после введения инвентарей (1846 г.) и особенно после 1857 г. Крестьяне, лишенные земли после 1846 г., получали трехдесятинный надел, а лишенные наделов после 1857 г. должны были получить их обратно [114]. Но вернули ли, и если да, то какие земли получили крестьяне? Эти вопросы можно решить, исследовав землевладение каждого сельского общества.

Идя на вынужденные уступки крестьянам, царское правительство по-прежнему видело в помещиках опору своего владычества в Белоруссии и Литве. «История свидетельствует,— писал Валуев царю,— что там, где просвещенные и достаточные слои населения противопоставлены массам, хотя и во стократ многочисленнейшим, но необразованным и нуждающимся,— перевес всегда на стороне первых» [115].

Еще более отчетливо крепостническая деятельность Муравьева-Вешателя проявилась в его «заботах» о культуре. Собрав с населения края путем иезуитской системы контрибуций и штрафов миллионные суммы, он отпустил «на усиление содержания духовенства и строительства церквей» 902 441 руб., на содержание сельских школ — 47 тыс., в пользу раненых и семейств убитых нижних чинов — 90 тыс. руб. [116] В то время, когда строились сотни новых церквей, «Гродненская публичная библиотека с 1861 г. остается,— доносил губернатор,— без всякого улучшения за неимением денежных средств» [117]. Но если библиотеки, как признавались царские администраторы, «не увеличивались никакими приращениями и состояли из одних официальных периодических изданий, не имели никакого значения и не приносили ни малейшей пользы в деле образования общества», зато по всему краю были «открыты в наиболее населенных местечках и селах книжные склады со строгим выбором русских и славянских книг, преимущественно священного содержания и с запасом крестиков и икон». Знакомство с некоторыми из упомянутых книг «священного содержания», усердно распространяемых муравьевцами, показывает, что это была грубая безграмотная стряпня. Но иногда попы, руководимые многоопытным Иосифом Семашко, выпускали на «белорусском наречии» книжицы, более тонко фальсифицирующие историю, расписывая зверства ксендзов, критикуя брестскую религиозную унию, натравливая православных крестьян на католиков-повстанцев. Ярким примером подобной «священной литературы», предназначенной для одурманивания народа, являются изданные в 1863 г. в Вильно «Расказы на белорускай гаворцы». Удивительно, что профессор И. Н. Лушицкий в полицейском насаждении православия видит «духовное оружие в борьбе за развитие национального самосознания белорусов» [118]. Виленский театр, открытый в 1863 г. «на совершенно новых началах», поставил печально известную пьесу Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Как не вспомнить тут отзыв А. И. Герцена о Кукольнике-цветке, который мог распускаться лишь в тени Петропавловской крепости, у подножья императорского трона.

С осени 1864 г. в Вильно издается «Вестник Западной России». Журнал помещал тенденциозно подобранный судебно-следственный материал, очерки и воспоминания царских офицеров и чиновников, принимавших непосредственное участие в подавлении восстания. «По содержанию это была грубо тенденциозная стряпня,— вспоминает В. Г. Короленко.— Все русские изображались героями добродетели, а из поляков хорошими представлялись только те, кто изменял своим соотечественникам. Все это оставляло в душе осадок безвкусицы и сознательной лжи. Понятно, что эта литература нисколько не захватывала и не убеждала» [119].

Являясь проводником и проповедником пресловутой теории «самодержавия, православия, народности», Муравьев громил гимназии и усилил контроль духовенства над начальным образованием. Передовые деятели культуры, даже не связанные прямо с восстанием, преследовались, типографии закрывались, книгопечатание на белорусском и литовском языках было запрещено. Прав был К. Калиновский, когда говорил, что «ревнители просвещения» умеют только воровать, грабить и угнетать народ. Он указывал, что подлинный расцвет науки возможен только после свержения самодержавно-крепостнического строя.

Изменения, внесенные царизмом в 1863 г. в «крестянскую реформу», были вырваны восставшими. Это понимал уже Калиновский, отмечая «вынужденное положение правительства, несоответственное действительному его характеру»[120]. Исчерпывающе ясное определение политики царизма в эпоху падения крепостного права дал В. И. Ленин: «...Правительство *не могло поступать иначе*, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. „коноводов" „революционной партии"), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных»[121].

Действия Муравьева получили восторженную оценку на страницах крепостнической и либерально-монархической печати. Не случайно чиновники муравьевской канцелярии начинали свой рабочий день с чтения статей Каткова, упиваясь ими не менее, чем победными реляциями командиров карательных колонн. «Читать „Московские ведомости" сделалось у нас такою же необходимостью, как исполнять свои служебные обязанности»,— пишет приближенный Муравьева А. Н. Мосолов[122]. Это не удивительно. Ведь Катков пером стремился содействовать решению тех же задач, которые свинцом и нагайкой разрешал виленский палач.

Характерно, что Муравьев получил диктаторские полномочия 17 апреля. В этот день был опубликован адрес московского дворянства на имя Александра II, в котором приветствовалась правительственная политика, обосновывалось «историческое» право царя на Польшу — «добычу 1812 года», грубо искажались цели повстанцев[123]. В эти дни и Катков нашел, наконец, «нужный тон». Если в первые месяцы восстания он высказывался иногда за «соблюдение национальной автономии» в Царстве Польском, то 19 апреля, опубликовав дворянский адрес, написал: «Теперь мы должны действовать с полной решимостью». Со страниц его органа уже не сходят призывы к «решительным мерам», «энергичным методам». Начав с отпора «полонизму» в Западном крае, Катков шагнул затем к русификации Польши, а потом к подавлению иных народностей. Монархические публицисты раздули мнимые заслуги Каткова, величая его «первым журналистом России», но на самом деле

он на разные лады только перепевал положения, выдвинутые в дворянских адресах о «праве крови» и «погибели России»[124].

Кровавая деятельность Муравьева раскрыла лик рыцарей либерального языкоблудия, которые приветствовали мерзкий полицейский разгул. Не мало либеральничавший славянофил А. И. Кошелев писал в те дни Погодину: «А Муравьев хват! Вешает да расстреливает! Дай бог ему здоровья!»[125] Столп русского либерализма Кавелин в годы общественного подъема не стеснялся в выражении симпатий к Польше. Накануне восстания Кавелин выдвинул принцип уравнения гражданских прав поляков с русскими, хотя и права последних, по меткому выражению В. Семевского, «были весьма невелики». Но и этому более чем скромному реформированию Польши должно было предшествовать, по мнению Кавелина, умиротворение страны путем утерждения военной диктатуры. По мере роста освободительного движения Кавелин все более открыто выступал в защиту правительственного курса. Весной 1862 г., находясь в Париже, он сетовал, что его отношения с поляками «как-то расклеились», что польские собеседники «застегнулись на все пуговицы», не оценив его мудрого призыва к «согласию и гармонии». Уже в те дни Кавелин писал, что полякам «невыгодно теперь стряхнуть наше иго»[126]. Не удивительно, что восстание возмутило Кавелина. В письме к баронессе Роден 30 мая 1863 г. он писал: «Претензии поляков я нахожу отвратительными... надежды и способ действий для достижения цели — безумными». Профессор-моралист даже высказал готовность отдать себя «в распоряжение военного ведомства». Дальше, как говорится, идти некуда[127].

Кавелин оправдывал действия Муравьева, пел публично дифирамбы Каткову. Подобную же позицию заняли братья Милютины. 9 мая 1863 г. Д. А. Милютин писал: «Только крайние нигилисты считают своим долгом высказывать свое беспристрастие или даже свою симпатию относительно Польши. Все разумные люди обнаруживают несомненный порыв патриотизма»[128]. Н. А. Милютин, метавший некогда в Муравьева громы и молнии, в дни восстания «с полной искренностью» изъявил готовность трудиться с ним «рука об руку». На пути в Варшаву в октябре 1863 г. он три дня гостил у Муравьева в Вильно и был «весьма сердечно» принят. Гость не остался в долгу и в письмах из Вильно сообщал, что «Муравьев ясно понимает вещи и окружающих его людей, действительно обладает замечательными административными способностями»[129].

В фонде М. Муравьева сохранился адрес, преподнесенный палачу 8 ноября 1863 г. в день его именин группой петербургских сановников. Адрес подписан братьями Милютиными, графом Строгановым, князем Барятинским, семейством графов Блудовых и прочими александровскими «столпами». Грехопаде-

ние было настолько поразительное, что А. А. Суворов публично отрекся от этой затеи, отказавшись поставить свою подпись под приветствием «людоеду».

«День» — печатный орган славянофилов (И. Аксаков, Ю. Самарин) в феврале 1863 г. высказывался за предоставление Польше (после подавления восстания) культурной автономии, отказывая в подобном Литве, Украине, Белоруссии. Эту территорию Аксаков считал древним достоянием России; народы, их населяющие, называл истинно русскими, а освободительное движение в «Западном крае» квалифицировал как «полонизм», «панскую интригу». Призывая к подавлению восстания, Аксаков выдвинул предложение об аграрной реформе в Польше, без чего невозможно, по его мнению, «умиротворение». Несколько раньше, 23 марта, он заговорил об отпоре «полонизму». «Злым врагом, готовым поглотить нашу русскую народность, мерещится нам (и не без основания) полонизм — в Литве и Западном крае России». Криками об угрозе ополячивания белорусов и литовцев Аксаков прикрывал русификацию края, полицейское насаждение православия, кровавую расправу с демократической интеллигенцией — выразительницей социальных и национальных интересов населения.

Нет ничего удивительного в том, что Аксаков в конце концов солидаризировался с «энергичными и умными мерами» Муравьева, в деятельности которого он усмотрел реализацию своего призыва «служить России не головами, а головой». 6 июля 1863 г. «День» писал: «Мы признаем военную диктатуру совершенно необходимой для избавления страны от страшного террора, но лучше совсем отказаться от Польши, чем обращать военную диктатуру в постоянную систему». Эти положения были развиты в статье Ю. Ф. Самарина «Современный объем польского вопроса», напечатанной в «Дне». Автор статьи не считал возможным восстановление Польши в этнографических границах, высказывался с оговорками за культурно-религиозную автономию и проведение аграрной реформы после подавления восстания [130]. Эти предложения в либеральной публицистике были определены как «продуманный и обоснованный взгляд» и позже легли в основу деятельности Н. Милютина и Ю. Самарина в Польше, т. е. явились идеологическим обоснованием русификации Польши, начавшейся после подавления восстания 1863 г. Она проводилась под прикрытием словесной шумихи об освобождении народа от панского засилия, искоренении «полонизма» в «Западной России» и тому подобных шовинистических доводов. Эта политика, вызвавшая одобрение Бисмарка и прочих европейских реакционеров, поддерживалась всеми слоями дворянской общественности в России.

Глубоко прав был Герцен, когда говорил, что русские либералы приняли роль скотников муравьевского двора. Откры-

тое пресмыкательство либералов было по достоинству оценено Муравьевым-Вешателем. «Замечательно умный», в его определении, военный министр Д. Милютин «всеми силами старался к ниспровержению польского восстания». Добрым словом помянул Вешатель и усердие Н. Милютина — статс-секретаря по делам Польши [131].

Позиция либералов в 1863 г., оправдание ими муравьевского террора — яркое доказательство того, что разногласия между крепостниками и либералами в эпоху падения крепостничества были расхождениями по частным вопросам, спорами внутри одного лагеря. Споры смолкли, когда под угрозой оказались классовые интересы помещиков. Натиск демократических сил, выступление Сераковского, Звеждовского, Ружицкого, перемещение центра восстания в Белоруссию, Литву, на Волынь, «казанский заговор», морская экспедиция казались дворянству началом ожидавшегося весной 1863 г. всеобщего восстания. Им представлялось, что «слушный час» уже пробил. Пока бои шли на Висле, еще можно было произносить тосты за автономную Польшу, но когда повстанцы появились на берегах Днепра, англоманы и славянофилы забили в набат. Нависала угроза новой пугачевщины, в борьбе с которой крепостники и либералы выступали единым фронтом. По меткому определению Герцена, за псевдопатриотическими завываниями «стада Каткова» скрывался страх помещиков за свои поместья. Ведь у каждого из них была своя Литва в деревне и свои мятежники в передней [132]. К. Калиновский с полным основанием писал «В письмах из-под виселицы», что либералы — это подлые, ничтожные люди без правды, без справедливости, без мысли и совести, если и говорившие некогда добрые слова, то ничего не совершившие человеческого, способные только обманывать людей и по-лакейски сгибаться под царским кнутом.

Борясь с шовинистическим угаром в стране, отстаивая общее дело свободы народов России и Польши, Герцен имел право гордо сказать: «Мы спасли честь имени русского». Он неустанно высмеивал стремление Муравьева выдать себя за спасителя России, его потуги представиться новым князем Пожарским. Подвиг Герцена доказал, что не вся Россия попала в «муравейник». «Наше дело,— писал он,— может быть, кончено. Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется». Когда разноголосый хор, дирижируемый Катковым, пел хвалу Муравьеву и Бергу, Герцен заявил, что, если никто не будет протестовать, он все же не сложит рук: «...мы останемся одни с нашим протестом, но не оставим его» [133]. Но Герцен не остался одинок. В России были люди, которые и в разгул реакции нашли в себе силу отречься от гниющей империи во имя будущей нарождающейся России. Во имя любви к русскому народу, его свободе эти героические люди, обвинен-

ные продажной журналистикой в измене, продолжали вместе с повстанцами борьбу. Вместе с «Колоколом» были редакции «Современника» и «Русского слова», на стороне восставших были лучшие силы студенческой и военной молодежи [134].

3. Последние дни повстанческих отрядов Литвы и Белоруссии

С осени 1863 г. в ходе событий обозначается перелом в пользу царизма. Восстание гаснет, вопреки героическим усилиям руководства влить в него свежие силы. «Новые члены Комитета,— признавал Гейштор,— несмотря на всю свою деятельность и энергию, не могли дать силу восстанию. Страна была ужасно истощена» [135]. Восставший народ получил революционно-демократическое руководство слишком поздно. А. Мацкявичюс говорил: «Меня назначили... наконец воеводою. Но это назначение последовало в то время, когда нечего было осматривать, организовывать и нечем было распоряжаться» [136]. Ф. Вислоух, получив назначение на пост военного руководителя виленских отрядов, заявил: «Это уже поздно» [137]. «Мятеж, видимо, уже догорает»,— торжествовал осенью 1863 г. Катков, но заметил, что революционный комитет в Вильно «все еще силен» и многие районы края «до сих пор еще в его распоряжении», что Литву «приходится почти завоевывать» [138].

Несмотря на огромный перевес карательных сил, повстанцы продолжали борьбу. Положение уцелевших отрядов было отчаянным. Взятый в плен 31 августа 1863 г. командир конной группы Квенто (ковенский гимназист, повстанец отрядов Колышки, Сераковского, Мацкявичюса), сообщил, что в конце августа повстанцы находились в тяжелом положении. Большинство отрядов было рассеяно. Длуский ушел в Пруссию. Отряд Люткевича в 80 бойцов действовал в Поневежских лесах, остатки отряда Кушлейки — у Ленч, отряд Мацкявичюса был в районе Подберезья. По словам пленника, «партии существуют преимущественно конные и появляются в разных местах, делая 70 и более верст в сутки, чтобы полагали, что их много. Вообще теперь партии страшно бедствуют, скрываясь по лесам... без пищи, одежды, обуви и пристанища» [139]. Некогда крупные отряды Мацкявичюса, Станевича, Шимкевича, Лясковского и других разбились на небольшие группы и почти утратили между собой связь. Осенью участились случаи сдачи в плен доведенных до крайнего изнурения повстанцев. Они сдавались, торжествующе отмечено в «Журнале военных действий», «прося пищи и пощады» [140]. Донося Долгорукову о случаях добровольной сдачи повстанцев, жандармские офицеры писали, что восстание сломлено [141].

В сентябре — ноябре боевые операции повстанцев резко сократились. За сентябрь произошло 10 боев, в октябре — 13, в ноябре — 7, в декабре — 3. Ясно обозначился упадок восстания [142]. В «Журнале военных действий» в сентябре отмечено только столкновение с отрядом Врублевского. К концу месяца он был вытеснен за Буг, и во всем крае повстанцы держались лишь в Жемайтии, но, «загнанные в глубь лесов, были доведены до ужасного изнурения» [143].

Записи «Журнала военных действий» все же чрезмерно оптимистичны. Конечно, с наступлением осенне-зимнего периода положение повстанцев, блокированных в лесных массивах, окруженных стеной войск, было тяжелым, но иногда они, прорывая цепь окружения, совершали смелые рейды, наводя страх на царскую администрацию и помещиков. Еще продолжали действовать отряды Мацкявичюса, Битиса, Червинского, Станевича, Лясковского, Когновицкого, не был сломлен моральный дух восставших. В Вилькомирском уезде в ночь на 11 сентября группа конных повстанцев в 40 человек разгромила Лобейское сельское управление; в ночь на 14 сентября этой же участи подверглось Субочское управление, где «попортили дела». В августе — сентябре в Шавельском уезде отряд Битиса уничтожил документацию в ряде сельских правлений (Бейсаголском, Шавляйском и др.) [144].

Даже Катков, анализируя деятельность повстанцев, признавал, что их смелые действия производят впечатление: «Крестьяне не работают теперь на панов; оброков им также не платят. Нет сомнения, что они [крестьяне] очень бывают довольны. когда шайки истребляют в сельских правлениях вместе со всеми бумагами и документы об их недоимках или когда мятежники раздают им хлеб из сельских магазинов» [145].

Литовский комитет стремился преодолеть начавшийся спад восстания. К уцелевшим бойцам разбитых отрядов Комитет обратился со специальным воззванием, призывая не терять мужества и не складывать оружия: «...Не думайте, братья, что о вас забыли. Каждую минуту Комитет заботится о вас, знает о ваших действиях, стремится оказать помощь в нужде... Не теряйте веры. Хотя, может быть, война и протянется еще некоторое время, но все-таки кончится в нашу пользу... Через несколько дней вы будете снабжены всем необходимым». Помимо общего обращения к повстанцам, призывавшего к продолжению борьбы в зимних условиях, руководители восстания в отдельных случаях специально обращались к отрядам, попавшим в тяжелое положение. Так, 1(13) октября 1863 г. военный отдел Комитета обратился к отряду «Остоя» (Чеховича) со следующим воззванием: «Управление с удивлением узнало о роспуске партии капитана Остоя — части отряда Ошмянского... О сложении оружия даже и мысли не может быть. Управление при-

зывает Ошмянскую партию перейти в Вилькомирский или Лидский уезд, где в настоящее время существуют отряды, или в Гродненское воеводство, в случае же невозможности выйти из уезда, укрываться и избегать стычек, даже разделиться на меньшие партии, но всегда быть готовым к соединению»[146].

Готовя отряды к зимовке, Литовский комитет принял также меры к сохранению революционных кадров. 13(25) декабря было разработано специальное решение об упорядочении отъезда за границу граждан, спасающихся от ареста. В нем отмечалось, что наблюдаются случаи отъезда без разрешения, что затрудняет работу и ведет к провалу членов организации. Впредь в случае отъезда необходимо ставить в известность народные власти уезда или губернии, а за границей являться к представителю Комитета для продолжения работы в новых условиях[147].

Комитет решил вывести из-под ударов карателей основные военные силы, чтобы использовать зиму для перегруппировки сил и, заручившись поддержкой крестьян, поднять весной борьбу вновь. Военный руководитель виленского центра Юзеф Калиновский показал, что осенью 1863 г. был издан приказ начальникам отрядов «завести порядок и дисциплину, так как по совершенному расстройству отряды были только бременем, очистить их от всякого сброда, оставив только тех людей, которые могли составить строй... Перед наступлением зимы отряды направлять к границе и переводить их за границу, иначе их гибель была бы неминуема»[148]. К. Калиновский также заявил, что ввиду невозможности продолжать борьбу он в конце 1863 г. сделал распоряжение о роспуске до весны всех повстанческих отрядов[149].

Очевидно, Калиновский имел в виду разосланную по отрядам инструкцию Комитета о мерах по поддержанию военных сил восстания в зимних условиях. В ней «запрещалось самочинно распускать отряд и выдавать отпускные отдельным повстанцам». В каждом подобном случае командир отряда должен был получить согласие верховного командования. «Если бы местные условия заставили начальника распустить свой отряд, то солдатам следует выдавать отпускные билеты, чтобы временный роспуск отряда не имел вида окончательного роспуска войск. Это распоряжение не касается общего восстания и не меняет правил о нем».

Как видно из инструкции, Калиновский принимал энергичные меры для создания условий, позволяющих с наступлением весны оживить восстание. Он поддерживал связь с начальниками отрядов, укреплял руководство ими. 3 ноября он назначил Мацкявичюса «организатором вооруженных сил Ковенского воеводства», до возвращения Яблоновского из поездки за границу, сохранив за ним обязанности командующего отрядами

воеводства. Мацкявичюс был также предупрежден о том, что в его отряд власти заслали предателя [150]. Аналогичные приказы и советы давались и другим начальникам отрядов. Червинский («Сова») получил задание действовать на крестьян убеждением, готовя их к восстанию весной. Ему также было приказано не распускать отряд, «а быть стойким и ждать благополучного исхода дела» [151].

По решению Литовского комитета в зимних условиях продолжали борьбу только немногие, хорошо снаряженные отряды, остальные распускались до весны. Рядовые повстанцы получали отпускные билеты с обязательством явиться по первому требованию. Командный состав укрывался в лесах, оружие прятали.

Перестройка, начатая в октябре, была в основном завершена в течение ноября — декабря 1863 г. Этот процесс частично отражен в официальных документах. Все получившие отпуска выдавали себя за раскаявшихся; по «Журналу военных действий», их насчитывалось к концу 1863 г. почти 4 тыс. (3824 человека); по данным губернаторов — 3400 человек (половина падает на Ковенскую и Гродненскую губернии). По социальному составу это в основном казенные крестьяне, однодворцы, мещане, много также деклассированной шляхты [152].

Деятельность Комитета осенью и зимой была, по словам Ямонта, «главным образом обращена на поддержание повсюду организации» [153]. В целом ряде районов удалось укрепить связь с народом. Так, в рапорте руководителя администрации Инфляндских уездов Витебской губернии говорилось: «Недавно донес я Отделу об отряде поручика „Совы", о популярности, которой он пользуется между подчиненными ему солдатами и местными жителями, а равно и о той в совершенстве поддерживаемой организации, которая имеет место в сельских местностях Ново-Александровского уезда... Повстанческие отряды пользуются гостеприимным приютом на зимних квартирах у поселян. Несмотря на ложные уверения перед целой Европой, что народ этих провинций, освобожденный от ига панов и ксендзов, благословляет Александра II и счастлив под управлением муравьевского начала..., несмотря на все это, восстание не только существует на Литве, но *становится по настоящему народным* (подчеркнуто нами.— *А. С.*) и приняло девизом слова: „Или жизнь, но жизнь свободная, или смерть, но смерть мужественная, на поле битвы"... Несмотря на пышный возглас свой, что все успокоилось, Муравьев тревожится... Продолжаются рекогносцировки нашего войска, которое уничтожает московские пикеты, разрушает телеграф, уничтожает волостные канцелярии, захватывает различные московские транспорты и, наконец, подвергает явных московских шпионов наказанию».

Далее в этом донесении указывалось, что в Инфляндском воеводстве Ново-Александровском округе народ с омерзением отворачивается от муравьевской администрации, разоблачает клеветнические утверждения чиновников, что литовцы, хотя и католики, но истинно русские. Несмотря на жестокие экзекуции, народ продолжает борьбу. В донесении сообщалось, что генерал Ковалевский в Дусятах устроил поголовное избиение крестьян, включенных в сельские караулы за отказ от борьбы с повстанцами. Имущество крестьян, помогавших повстанцам, конфисковывалось. Многие семьи, несмотря на мороз, были выброшены на улицу, но крестьяне, невзирая на все пытки, грабежи, надругательства, никого не выдали, остались верными восстанию: «Отряд „Совы", несмотря на все это, продолжает действовать в отличном порядке, охраняемый и оберегаемый местным народом» [154].

Рапорт повстанцев свидетельствует об их высоком моральном духе, о борьбе в невероятно трудных условиях с превосходящими силами врага. Вот несколько характерных примеров поведения рядовых повстанцев последних отрядов, сражавшихся на рубеже 1863—1864 гг. Бывший студент Петербургского университета Адам Булькевич, в боях находился с весны (отряды Сераковского и Мацкявичюса), взят в плен в конце ноября тяжело раненным (голова рассечена клинком, лицо прострелено, на обеих руках отрублены пальцы), на допросах он заявил, что «сожалеет о невозможности довершения предпринятого, как в физическом, так и нравственном отношении», отказался отвечать на вопрос, «кто именно составляет народное правление», признал, что в отрядах было много студентов, но отказался назвать фамилии. Причиной участия в восстании он считал действия царя, лишившего подданных «прав, требуемых временем и народом» [155].

Повстанец отряда Мацкявичюса — плотник, неграмотный дворянин В. Андрушкевич, вступивший в отряд 15 августа, участник четырех сражений, заявил, что в отряде было 250 человек, в числе их было несколько русских солдат, даже один немец, но не было ни одного помещика и ксендза, кроме самого Мацкявичюса, который «крепко уговаривал всех держаться». Повстанец отряда Мацкявичюса дворянин Антоний Ямонт до восстания работал по найму, участвовал во многих сражениях и, взятый в плен только 19 июля 1864 г., «не изъявил никакого раскаяния» [156].

В свете этих фактов странно звучат оптимистические записи «Журнала военных действий», что осенью «энергия мятежников рушилась... Каждый стал думать о сохранении своей свободы..., порядок и умиротворение развились уже окончательно,... спокойствие нигде не было нарушено» [157]. Донесения командиров отдельных частей рисуют иную картину восстания. Здесь

до оптимизма еще далеко. Муравьев проклинал Лихачева, а тот, объясняя причину неудач в рапорте от 7 октября 1863 г., сообщал, что в лесах скрывается до тысячи повстанцев, подчиненных Мацкявичюсу. Они действуют небольшими группами от 25 до 100 человек каждая. Генерал далее попытался найти «причину, дозволяющую держаться крамольникам, несмотря на наши усилия». Сославшись на леса и болота, генерал все же признал, что народ особенно казенные крестьяне, поддерживают повстанцев. «О сочувствии мятежу шляхты говорить вашему сиятельству нечего, на крестьян же имеет огромное влияние Мацкевич... При подобных условиях, естественно, что сельские караулы не приносят пользы; скопища же Мацкевича по-прежнему находят приют, продовольствие и получают все необходимые сведения о движении наших войск». Лихачев заявлял, что у него мало войск «для уничтожения почти неуловимых мелких банд, скопившихся в лесах», что надо «охватить весь уезд сетью отрядов..., поразить умы решительными и энергичными действиями» [158].

Муравьев внял просьбам Лихачева. В ответном письме 15 октября он известил, что лесная местность, где действует Мацкявичюс, выделена в специальный округ, а войска, действующие в нем, и вся администрация в уездах подчинены генералу Ганецкому. «Постарайтесь взять самого Мацкевича,— писал Муравьев,— примите решительные меры. Где будет нужно, уничтожьте для примера одну или две околицы и шляхту оттуда доставьте под караулом в Ковно для переселения с семействами в глубь России». Как видно из переписки, для уничтожения тысячи повстанцев, не хватило сил двух дивизий, бросили дополнительные войска и обрушили репрессии на мирное население.

Зимой 1863/64 г. продолжались операции только небольших конных групп. В ночь на 1(13) ноября в Вилькомирском уезде повстанцы отряда Червинского («Совы») разгромили царскую администрацию в местечке Ушполье — «порвали все находившиеся в правлении дела, сожгли бумаги, истребили архив». В течение ноября — декабря отряд «Совы» несколько раз подходил к Ушполью или его окрестностям, защищая крестьян от преследований царской администрации, наказывающей население за поддержку повстанцев. Аналогичные действия предпринимали и другие отряды. В это время, несмотря на суровые осенне-зимние условия, в ряде районов Литвы наблюдается массовый прилив крестьян в отряды. Население спасается от преследований карателей, ищет защиты от них у партизан (Вилькомирский, Шавельский, Поневежский уезды). В ночь на 4 (16) ноября конная группа повстанцев в 10 человек напала на имение Мирабель, принадлежавшее графу Шуазель. Повстанцы «сожгли бумаги, до администрации касающиеся». В ночь на

7(19) ноября конная группа в 20 повстанцев напала на сельское управление в Андронишках, «сожгла казенные бумаги и книги и взяла волостную печать». 15(27) января 1864 г. повстанцы уничтожили волостную управу в местечке Поконе в Россиенском уезде. 24 февраля (7 марта) 1864 г. напали на мызу Гружи в Поневежском уезде [159].

Условия борьбы осенью и зимой были очень тяжелыми. Каратели расставили пикеты и караулы почти по всем деревням, буквально запрудив край войсками. Отряды повстанцев прятались по лесам, получая провизию, главным образом картофель, от крестьян. В ноябре Мацкявичюс после совещания с Лясковским принял решение выехать за границу для организации транспортировки оружия. Командование в его отсутствие оставалось за Лясковским, отряд которого уходил от карателей с помощью крестьян, выводивших повстанцев по тайным тропам из окружения [160].

Выполняя принятое решение, Мацкявичюс вышел к прусской границе, но не нашел на берегу Немана условленной переправы. Возможно, это было следствием предательства. Идя вдоль берега в поисках переправы, он и сопровождавшие его лица выбились из сил и укрылись в лесной избушке. Вскоре на них напал патруль. В суматохе Мацкявичюс успел выскочить из избушки и бежать, но вскоре, потеряв остаток сил, упал в изнеможении и был схвачен преследователями. 6 декабря 1863 г. Муравьев телеграфировал военному министру: «Поспешаю уведомить ваше превосходительство для доклада государю императору, что, как доносит управляющий Ковенской губернии, доставлены в Ковно известный предводитель шайки мятежников ксендз Мацкевич, его адъютант Дартюзи и кассир Родович, схваченные вчерашнего числа между Вильками и Средниками штабс-капитаном Озеринским» [161].

Основная масса повстанцев Литвы и Белоруссии зимой ушла за Буг, где и продолжала борьбу под руководством Врублевского. Местные крестьяне — поляки, белорусы, украинцы — помогали им, укрывали от карателей. «На протяжении шести месяцев,— свидетельствует А. Баранцевич,— мы кружились по Люблинщине и всюду видели только примеры самого искреннего радушия и содействия всей народности русинской, а также и духовенства, и мне не пришлось услышать хотя бы об одном случае предательства с их стороны» [162]. Врублевский объединил все отряды Подляшья, назвав их «ополчение Гродненское, Люблинское, Подляское» [163].

С уходом Врублевского за Буг военные действия в Гродненской губернии фактически прекратились. В октябре произошли незначительные столкновения разрозненных повстанческих групп с казаками в районе Картуз — Березы. Последние отряды белорусских партизан погибли; в боях за Бугом пал в бою

отважный Кобылинский, был убит в атаке храбрый Эйтманович, выбыл из строя тяжело раненный Врублевский [164].

Зимой даже самые опытные командиры уже не могли противостоять царским войскам. Отряды, продолжавшие активные действия, быстро выслеживались и окружались казаками. Прекратил существование отряд Червинского. Несмотря на героизм повстанцев и сочувствие крестьян, казаки выследили его и 22 декабря 1863 г. (3 января 1864 г.) в упорном бою отряд был рассеян, 14 человек было убито, а Червинский и еще два повстанца взяты в плен. Базой отряда было имение Ушполье (одно местечко, 51 деревня, 34 застенка). Отряд Червинского пользовался необычной популярностью среди крестьян и получал от них все необходимые сведения и припасы. Муравьев приказал всех жителей местечка поголовно перепороть, а 60 семейств выслать в Сибирь. Кроме того, на Ушполье была наложена огромная контрибуция. Точно так же действовали каратели и в других селениях, известных преданностью повстанцам (Оникшты, Андронишки, Скопишки, Ракишки, Миловиды, Лысково, Заблудово, Рудки и др.). За преданность Битису пострадали сотни крестьян в Легецком обществе [165].

Бой отряда Червинского 22 декабря 1863 г. — последний в Литве. После была лишь погоня за небольшими группами повстанцев, укрывающихся в лесах. Еще теплилась надежда, что весной борьба закипит с новыми силами и наиболее стойкие и упорные ждали своего часа. К поддержанию этой веры и были направлены усилия революционных властей. Каратели же, прочесывая леса, стремились до наступления весны уничтожить последние остатки партизанских отрядов. В «Журнале военных действий» по округу указывалось, что с 15 по 22 января 1864 г. «в донесениях ни об одной встрече войск с мятежниками не упоминается. При поисках, производимых небольшими командами, открываются и арестовываются личности, бывшие в шайках или в мятежной организации». В отдельных районах за неделю арестовывалось до 20 таких лиц (Поневеж). Следующая неделя, с 22 января по 5 февраля, прошла так же: «спокойствие нигде нарушено не было» [166].

Еще в июле 1863 г. царским властям стало известно, что руководство восстанием находится в руках К. Калиновского. 26 сентября был арестован Игнаций Зданович, заменивший Малаховского на посту начальника Вильно. Зданович, несмотря на усилия следственной комиссии, не выдал Комитет и был повешен 21 декабря 1863 г. Калиновский, как стало известно Муравьеву, скрывался в Вильно и призывал население продолжать борьбу. Арестованные повстанцы свидетельствовали: «Калиновский всегда заявлял, что хотя восстание и подавлено, но все истинные сыны отечества должны нести все на алтарь его для продолжения борьбы» [167]. В ноябре 1863 г. один из руково-

дителей ковенской организации, Дзичковский, будучи арестован, сообщил властям, что «главное революционное правление Литвы находится в руках уполномоченного комиссара К. Калиновского и его секретаря Т. Далевского, скрывающихся в Вильно» [168]. Были открыты их явки — в квартире вдовы поэта Кондратовича (Сырокомли) и в доме Купща. Калиновского удалось предупредить, но Титус Далевский был арестован. По приказу Муравьева-Вешателя Далевский был расстрелян 30 декабря 1863 г. (11 января 1864 г.) в Вильно. «Несмотря на все явные доказательства,— писали члены следственной комиссии,— самого тесного знакомства с К. Калиновским, Далевский о сношениях своих с ним и о месте его укрывательства ничего не высказал» [169].

Муравьеву помог случай. В Минске жандармский полковник Лосев арестовал студента Парафиановича, который и сообщил, что Калиновский под именем учителя географии Витоженца живет в здании бывшего университета. Лосев специальной эстафетой известил Муравьева о сообщении предателя. Ночью 28 января (9 февраля) 1864 г. весь квартал, где находилось здание, был окружен двумя ротами солдат и жандармерией. Начался повальный обыск и проверка документов. Ничего не подозревавший Калиновской вышел со свечой в руках к постучавшим в его квартиру. На вопрос, кто такой, он спокойно предъявил документы на имя Витоженца и был немедленно схвачен.

29 января личный секретарь Муравьева Никотин записал в дневнике: «Сегодня взят им (Муравьевым. — *А. С.*) глава организации революционной Калиновский» [170]. Как видно из следственного судного дела, Калиновский «долгое время упорствовал в открытии своего имени и занятий, утверждая, что он действительно Витоженц» и требовал освобождения, но, будучи опознан на очных ставках, «открылся, что настоящее его имя Викентий-Константин Калиновский» [171].

С арестом Калиновского прекратилось централизованное руководство уцелевшими звеньями революционной организации и партизанскими отрядами, ожидавшими в лесах сигнала к весеннему выступлению. Разбитые, лишившиеся командиров, остатки партизанских отрядов еще надеялись на новый подъем движения с наступлением весны. В Поневежских лесах скрывались всю зиму группы Когновицкого и Янковского. Крестьяне окрестных сел снабжали их всем необходимым, а когда карательный отряд окружил лес, один из крестьян, сохранивший тайну партизанского убежища и под пыткой, вывел их из окружения звериными тропами, а позже, снабдив продовольствием и теплой одеждой, перевел через границу [172].

Весна принесла некоторое оживление деятельности уцелевших немногочисленных повстанческих групп. Произошло не-

сколько нападений на помещичьи мызы и казачьи патрули, но ожидаемого массового выступления не было, и последние бойцы приставили оружие к ноге [173]. Осенью 1864 г. группы Битиса, Ольшевского, Красовского, Когновицкого, Рутковского, самые крупные из которых насчитывали до 40 бойцов, прекратили деятельность. Последнее столкновение с карателями провела группа Когновицкого и Пусловского 30 сентября (12 октября) близ Поневежа [174].

Неудачей закончились и попытки Длуского, Гейденрейха («Крука»), Козелла организовать за границей крупные отряды для вторжения в Литву и Белоруссию. Козелл, в результате огромных усилий, закупил 8 тыс. винтовок и у границы заложил базу, где сформировал тысячный отряд. Весной он выслал несколько небольших групп (всего до 300 человек) в Гродненскую губернию с задачей «рассыпаться между крестьянами и подготовить людей» к общему выступлению. Однако обозначившийся повсеместно упадок движения вынудил его «окончить все новые попытки к восстанию». По этим же причинам не удалась и попытка Гейденрейха вторгнуться в Жемайтию летом 1864 г. [175]

4. Расправа царизма с повстанцами. Последнее обращение К. Калиновского к народу

Для выявления членов революционной организации и расправы с повстанцами в Вильно были созданы две следственные комиссии. Одной руководил генерал-лейтенант Веселитский (позже генерал-майор Н. Цилов), другая работала под председательством жандармского полковника А. Лосева. Направлял работу обеих Муравьев. Приемы работы комиссий видны из дневниковых записей Цилова. Он именует Веселитского самодуром, «болваном председателем», избивавшим крестьян, не щадя даже тяжело раненных. Сцены были настолько тяжелы, что генерал часто возвращался домой «совершенно морально расстроенный». Упоминания о «самодуре» Веселитском в дневнике Цилова становились все чаще, и, наконец, 21 июля он подал рапорт об отставке, записав в дневнике: «Мне совестно при таком болване-председателе быть членом этой комиссии» [176]. Муравьев, однако, отставки не принял, а Цилов, подавив в себе остатки совести, стал беспрекословно исполнять все самые бесчеловечные приказы Муравьева.

Не лучше действовала и вторая, так называемая «Особая следственная комиссия» в составе председательствующего — полковник особого корпуса жандармов Лосев, членов — поручики Гогель и Юган. Как свидетельствует Б. Дыбовский, Гогель вошел в комиссию, после того как написал несколько доносов на своих сослуживцев по 3-й артиллерийской бригаде; не лучше

был и Юган [177]. Эта «троица» ловко распределила обязанности. Гогель надел личину мученика, принявшего тяжкий крест члена комиссии для помощи невинным жертвам, и помогал сочинять «чистосердечные сознания». Юган грозил всеми карами — небесными и земными. Лосев играл роль доброго дяди и уговаривал «не упорствовать» [178].

Следственным комиссиям и Временному полевому аудиториату при штабе войск Виленского военного округа Муравьев отводил роль фигового листа. Он не считался с военно-полевым кодексом, часто прерывал затянувшееся, по его мнению, следствие и приказывал вынести смертный приговор в три дня. Подобными резолюциями буквально пестрят следственно-судные дела. При этом Муравьев использовал диктаторские полномочия для сведения личных счетов. Особенно это проявилось в деле Огрызки. Последний некогда разоблачил служебное злоупотребление Муравьева («трехпрогонную историю»), а затем помешал сыну Вешателя стать опекуном малолетнего Карамзина-Демидова. Осуждение Огрызки — вице-директора департамента неокладных сборов Министерства финансов, должно было, по мысли Муравьева, показать царю, что в столице неблагополучно, что петербургский генерал-губернатор Суворов потворствует «польской крамоле», что трон в опасности, но, к счастью, Муравьев не дремлет.

Огрызко арестовали 14 ноября 1864 г., т. е. спустя год и три месяца после прекращения им нелегальной деятельности. Вначале он отверг предъявленные ему обвинения. «На вопрос об участии моем в восстании в 1863 г. имею честь объяснить следующее: родившись поляком, я не переставал им быть никогда, об этом известно из литературной и издательской моей деятельности с 1859 г. по 1864 г., но, будучи поляком, я в то же время не был недругом русских, задних мыслей у меня не было. Прожив более 19 лет в Петербурге и имея притом возможность ознакомиться более или менее со всеми слоями русского общества, я узнал Россию больше многих моих соотечественников и подружился со многими из поляков». Огрызко указывал, что он отвергал неоднократные предложения вступить в нелегальное общество [179]. Стойко державшийся в застенках царизма, несмотря на истязания, он был сломлен путем шантажа: ему заявили, что если он не даст «чистосердечных сознаний», то его знакомые в Петербурге будут арестованы [180].

На суде Огрызко и судившийся вместе с ним Пантелеев отказались от показаний, данных на следствии. Обвиняемые были приговорены к каторге (казнь в 1865 г. уже была запрещена) [181].

Постоянное нарушение Муравьевым даже имперских законов не осталось в тайне. «Муравьев,— указывает Г. Елисеев, — во время своей диктатуры в Северо-Западном крае так просла-

вился своим своеобразным, лично ему принадлежащим взглядом как на следственный процесс, так и на судебные решения участи подсудимых, что никто не сомневался в полном отсутствии всякой справедливости и законности его действий как при следствии, так и при суде»[182]. Свидетельство Елисеева о том, что в обществе ходили слухи о применении Муравьевым пыток, об употреблении «всех средств», подтверждается следственно-судными делами. Некоторые арестованные сходили с ума, другие, доведенные до полного изнеможения, не могли держаться на ногах. Муравьев не терпел разговоров и просьб о смягчении наказания лицам, арестованным даже по подозрению. Он быстро накладывал резолюции, и слова «повесить», «расстрелять» выходили у него всегда разборчивее других, словно писались с особенной любовью. Общавшийся с Муравьевым князь В. Черкасский указывал, что глава карателей признавал, что арестовывают людей и не имея улик, и «говорилось это Муравьевым таким тихим голосом, с самою добродушною улыбкой, с видимым душевным самоуслаждением»[183].

По официальным данным, Муравьев приговорил к смерти 128 человек, но еще В. Семевский справедливо заметил: «Цифра казненных Муравьевым, по-видимому, ниже действительной». Н. В. Берг утверждал, что по приговорам, утвержденным Муравьевым, было казнено 240 человек — по одному человеку на каждые три дня пребывания Муравьева в Вильно![184] Но смертные казни производились не только по приговорам, утвержденным Муравьевым, и число казненных было в действительности гораздо больше. Определение Муравьева как «людоеда» было обоснованным[185]. Во многих газетах, на разных языках помещались статьи, проклинавшие палача, печатались карикатуры, где изображался бульдог с нагайками вместо ошейника, в обрамлении виселиц, на фоне пожаров. В архиве III отделения хранится специальная папка с анонимными письмами на русском, польском, французском языках, проклинающими Муравьева, с карикатурами и эпиграммами по его адресу от имени молодежи, женщин, отставных офицеров[186].

При всем законном недоверии к официальным отчетам, мы не имеем других сводных данных о жертвах муравьевского террора и вынуждены пользоваться ими. В какой-то мере они все же передают общее направление и размах муравьевского терроризма. По этим данным, один подсудимый умер до суда и 128 человек было казнено; сослано на каторжные работы 972, на поселение в отдаленные места Сибири — 573, с лишением особенных прав в менее отдаленные места Сибири — 854, определено в военную службу рядовыми 345, сослано в арестантские роты 864, выслано на жительство внутри империи 1254, выслано из края на водворение на казенных землях внутри империи 4096 человек. Таким образом, только по суду было репрессировано 9361 чело-

век, из них 5625 «простолюдинов». Кроме этого, было выселено из края 629 семей так называемой околичной шляхты. Следовательно, по официальным данным, около 10 тыс. человек было осуждено и выслано из края. По этим же данным, 9229 человек, участвовавших в восстании, было наказано «административно» и отдано под надзор полиции. Из этого числа свыше 6 тысяч человек составляют «простолюдины», т. е. крестьяне и мещане [187].

Регулярно проводимые публичные казни повстанцев преследовали цель не только покарать пленных, но и запугать оставшихся на свободе, заставить покориться. Поэтому «упорнейших, не учинивших добровольного сознания», т. е. отказавшихся стать предателями, публично вешали, сгоняя окрестное население на казнь. Достигали ли этим палачи искомого? Вряд ли. Даже официальные отчеты показывают, что народ был на стороне отважно принимавших смерть. 5(17) ноября 1863 г. в Ковно был повешен революционный комиссар губернии врач Юлиан Мицкевич. Донося о казни, жандармский офицер писал: «Зрители с особенным удивлением смотрели на казнь Мицкевича, которую он перенес с твердым и решительным характером» [188].

Пробовали власти запугивать и крестьян, назначая расправы над командирами отрядов в тех селах, где они более всего были известны. Характерной в этом отношении явилась публичная казнь Павла Червинского («Совы») в Ушполье. 7 марта 1864 г. в 13 час. 10 мин. началась казнь. «Но производилась она,— доносили Муравьеву,— довольно долго, веревка не выдержала преступника, который сорвался и упал в совершенно живом состоянии, потом повешен другой раз и тогда уже отдал жизнь... Неполное устройство виселицы сделало весьма неудобным совершение казни, так что должны были держать и тянуть другой конец веревки, на которой был повешен преступник, что производило дурное впечатление на народ и вместе с тем лишало возможности удобно и быстро провести казнь» [189].

Под удары Муравьева-Вешателя попала лучшая, талантливейшая часть демократической интеллигенции, передовые деятели развивающейся белорусской и литовской культуры. От руки палача погибли Калиновский и Мацкявичюс, бежали за границу, спасаясь от расправы, литовский просветитель Николай Акилевич (Акеляйтис) и белорусский поэт-партизан Феликс Рожанский. На Украину бежал другой белорусский поэт, Франциек Богушевич. Поэт и драматург Дунин-Марцинкевич был брошен в острог. Подвергся преследованиям художник Андриоли, только смерть спасла от тюрьмы и каторги Сырокомлю. Преследовались литовские поэты за участие в восстании (Даукшис и др.). Бежавшие за границу повстанцы (Врублевский, Трусов, братья Лясковские, Малаховский и др.) были приговорены к смерти заочно [190].

Террор не давал, однако, желаемых результатов. За исключением нескольких лиц типа Парафиановича и Дзичковского, купивших жизнь ценой предательства, повстанцы держались мужественно в муравьевских застенках[191]. Анализ многотомных дел, посвященных уездным и губернским революционным организациям, показывает, что следователям не удалось полностью вскрыть революционную сеть, как не удалось и раскрыть связанных с повстанцами русских революционных деятелей, ЦК «Земли и воли». Здесь далее имен Утина и Пантелеева муравьевцы не продвинулись. Десятки людей были спасены благодаря мужеству и стойкости погибших. В этом убеждаешься сразу при знакомстве со следственно-судными делами К. Калиновского и его соратников. Муравьевские следователи пытались получить от арестованных вождей восстания материал для обоснования клеветнических утверждений о якобы антирусском характере движения. Но этот замысел лопнул, как мыльный пузырь. Руководители восстания подчеркивали, что и не думали наносить ущерб русскому народу, что считали русских братьями и боролись за общее народное благо.

Не случайно царские чиновники надежно спрятали эти потрясающей правдивости документы в архивах. Ни одно из подобных дел так и не было включено в документальные сборники Муравьевского музея.

Наиболее полно и ярко самоотверженная борьба побежденных, но не сломленных, повстанцев раскрывается следственно-судными делами Б. Колышки, А. Мацкявичюса, К. Калиновского, З. Сераковского. Остановимся на них не только потому, что они посвящены руководителям движения, но и потому, что эти четыре дела охватывают весь период муравьевских репрессий (Колышко — третья, Калиновский — последняя жертвы) и раскрывают наиболее характерные черты как поведения повстанцев в плену, так и приемы царских следователей.

После поражения под Биржами Сераковский и Колышко были доставлены под усиленной охраной в Вильно; тяжело раненного Сераковского поместили в тюремный госпиталь. Колышко предстал перед комиссией Веселитского. Все усилия комиссии получить от него какие-либо данные о составе революционной организации и командирах повстанческих отрядов оказались тщетны. В его ответах были очень точные описания схваток с войсками, полемика с официальными сообщениями о результатах боев, уточнения даты, мест сражений, сил, принимавших в них участие с обеих сторон, и т. д. Но он не назвал ни одного лица, оставшегося в строю. Когда же Колышку в упор спросили о составе руководства восстанием, он ответил: «То, что существует Комитет, мне известно, но кто такие члены его, решительно не знаю, так же как и где печатаются разные воззвания, манифесты и т. д. Подписей лиц, принимающих участие в восстании

и отдающих приказания, я также не знаю. Сам же я подписывался своей фамилией».

Предъявленное обвинение во враждебных действиях против русского народа Колышко отверг: «Я во всех моих действиях и поступках имел всегда целью добро моего отечества и шел по дороге, какая всем и мне казалось доступною для достижения того. Любя отечество свое, я вместе с тем уважал прочие народности, а потому противу целости и пользы Российского государства я никогда не действовал. Тем кончаю мое объяснение» [192]. В протоколе военно-полевого суда отмечено, что Колышко во время заседания вел себя смело. Муравьев, тогда только что прибывший в Вильно, приказал повесить храбреца в Вильно. 22 мая (3 июня) на Лукишской площади казнь была совершена публично. Колышко принял мучительную смерть мужественно. Его вешали дважды. Когда веревка оборвалась, раздался сильный крик в толпе, доносил виленский комендант Муравьеву [193].

Вслед за Колышкой Муравьев расправился с тяжело раненным Сераковским [194]. 8 июня он приказал «немедленно открыть над Сераковским полевой военный суд и предложить военно-судной комиссии окончить дело, не ожидая присылки из Петербурга справок, потребованных Виленской следственной комиссией» [195]. Следствие и суд призводились в спешном порядке. Несмотря на тяжелое ранение, Сераковский вел себя мужественно, «преступник отвергал все, что могло послужить ему к облегчению вины»,— с раздражением отмечал председатель следственной комиссии [196]. Его думы прекрасно выражены в четверостишии, ходившем по городу. «Об одном жалею, прощаясь с жизнью, что не буду в тот великий день, когда отчизна-мать воскреснет».

В военно-судном деле Сераковского указывается, что он проявил твердость и упорство во время допросов, дал только сведения о себе и, отказывшись от дальнейших показаний, заявил: «Добровольно ли я остался в лагере инсургентов, по физическому или нравственному принуждению, какое я принимал участие и, наконец, все, что я видел и что знаю, характеризующее последние печальные события,— все это я постараюсь вполне объяснить, когда силы мои настолько восстановятся, что я буду в состоянии вполне сознательно это сделать» [197]. 11 июня 1863 г. военно-полевой суд приговорил Сераковского к смерти. Заседание происходило в здании военного госпиталя, раненый не мог даже встать с кровати [198]. 13 июня Муравьев конфирмировал смертный приговор Сераковскому: «Согласен с мнением военно-судной комиссии. Сераковского казнить смертью, но вместо расстрела — повесить, исполнив приговор над ним в Вильно, на одной из площадей города публично». Характерно для Муравьева, что и в этой резолюции он подчеркнул и написал особо крупными буквами слово «повесить». 15(27) июня приговор был приведен в исполнение на Лукишской площади [199].

Цинично и жестоко расправились царские власти и с другим выдающимся руководителем восстания, вождем литовских крестьян Антанасом Мацкявичюсом. Он попал в плен 5 (17) декабря и в тот же вечер был доставлен в Ковно. Здесь во время первого допроса произошла душераздирающая сцена встречи вождя восстания со своим отцом — почти слепым изнуренным старцем, уже долгое время томившимся в застенках. Очевидно, ковенский губернатор Муравьев (сын Вешателя) рассчитывал ошеломить пленного и вынудить его к раскаянию. Отец Мацкявичюса, владелец небольшой фермы, необразованный и тяжело больной старик, был введен в кабинет Муравьева-младшего внезапно. Сын вскочил и с рыданием упал к ногам отца. Слепой старец провел пальцами по лицу сына и, узнав, обнял его. Сын и отец разрыдались. Страдания отца потрясли, но не сломили вождя восстания. «Прости отец, но не обвиняй. Не все кончено, не все потеряно»,— сказал Антанас Мацкявичюс.

На допросах он держался стойко и на вопросы «отвечал уклончиво», отверг предложение купить жизнь ценой предательства. Он писал полковнику Жеребцову: «Вы приказываете мне, чтобы я открыл моих соучастников? Но где они?» Не приводя ни одной фамилии, Мацкявичюс указывает, что главной причиной, побудившей народ к восстанию, было царское правительство, притеснявшее народ. Что же касается литовских дворян и священников, то они не могли способствовать революции. Дворяне «не заботились о народе», а священники «пресмыкались у стоп шляхетских дворов» [200].

Тексты писем свидетельствуют, что Мацкявичюсу были присущи и некоторые ограниченности крестьянской идеологии. Он не преодолел до конца царистских иллюзий, свойственных крестьянству, что особенно сказалось в плену, когда он обратился к властям с просьбой передать царю требования литовского крестьянства и удовлетворить его справедливые пожелания. Он писал: «Если хотите, чтобы не было более того, что было, прежде выправьте шляхту за Неман. Или возведите народ до равенства прав со шляхтой... Дайте Литве закон, дайте наместничество, пусть который из князей поселится в Вильно, а в то же время спросите — хочет ли быть с Россией или с Польшей? Принуждением ничего не сделаете. Всегда будут тревожить, всегда будут восставать. Вот последние мои желания и предложения. Знаю, что вы посмеетесь, но они происходят из сердца человека, который через минуту должен умереть» [201].

Мацкявичюс не раскаивался, он выдвигал те же требования, за которые боролся с оружием в руках, но факт пробуждения слабой надежды, что народные чаянья могут быть удовлетворены царем, знаменателен. Царистские иллюзии, проснувшиеся у него, весьма слабы. Ведь он пишет, что над его предложениями только посмеются, и все же где-то в глубине души этого отважного

человека искрилась надежда: а вдруг да проснется в царе сострадание к Литве, а вдруг письмо стоящего на плахе откроет царю глаза. В предсмертном письме Мацкявичюса проявилось и влияние польской националистической идеологии в оценке прошлого своей родины. Упрекая польских помещиков за угнетение Литвы, он в то же время называет союз феодалов Литвы и Польши добровольным объединением народов. Борясь с последствиями этого союза, он еще не успел в свете революционного восприятия настоящего переоценить прошлое, события, более удаленные от борьбы, в которой участвовал. Мацкявичюс пытался обосновать совместные действия с польскими повстанцами ссылками на государственную общность в прошлом.

Ошибочные положения, проявившиеся в предсмертных письмах, были проявлением минутных колебаний. Мацкявичюс сам осудил свою апелляцию к верхам и, заканчивая письмо к Жеребцову, писал: «Мятеж прекратился со мною не потому, что я был великим воином, а потому, что народ верит и знает меня и я мог его волновать. Но хотя я взят, хотя этим прекращено восстание, ежели только правительство не переменит способ действия администрации, ежели не прекратит обдирательства и мщения над жителями, найдется другой Мацкевич, и что я не сделал, сумеет окончить... А что взгляды мои справедливы, свидетельствуюсь настоящим положением, как человек, который знал, что делает, когда делал, и что ожидает, если не удастся» [202].

В приговоре суда говорилось, что Мацкявичюса, «виновного в принятии самого деятельного участия в мятеже, причем еще до начала восстания в крае он распространял в народе революционные идеи и потом первый поднял знамя восстания в Литве... казнить смертью повешением». 16(28) декабря в 11 час. утра на окраине Ковно, у Вилькомирского шоссе, «при стечении огромного числа народа из горожан и поселян окрестных деревень» Мацкявичюс был казнен [203]. После казни остались у тюремщиков некоторые его вещи: табакерка, часы и около 15 руб. серебром, которые он просил передать отцу. Тюремные власти обратились к Муравьеву-Вешателю со специальным запросом, как быть «чтобы вещи эти... не остались в руках народа залогом фантастического о нем воспоминания». Муравьев отдал приказ: деньги раздать солдатам, «вещи подлежат уничтожению» [204].

К. Калиновский, последняя жертва Муравьева, был арестован в ночь на 29 января (10 февраля) 1864 г. Следственно-судное дело «О дворянине Гродненской губернии и уезда Викентии Калиновском» раскрыло, что произошло после ареста. Калиновский отказался давать какие-либо показания о составе революционной организации, заявив палачам: «Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскверняет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следст-

венная комиссия как один из органов общественных не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края,— я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в допросах насчет личностей, ею указываемых, я поставлен иногда в положение, не соответственное ее желаниям, и должен быть сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причинам. Заявление это делано в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устранит безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, чувства собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не дозволяют мне следовать по иному пути» [205].

Получив отповедь, следователи донесли Муравьеву: «Ввиду такого заявления со стороны Калиновского и вполне обнаруженных его преступлений, особая следственная комиссия постановила дело о нем закончить и представить вашему высокопревосходительству». В резолюции Муравьева значилось: «Комиссии военного суда вменить в обязанность окончить суд в трое суток и затем военно-судное дело представить во временный полевой аудиториат». 27 февраля Калиновский потребовал перо и бумагу. Изумлению палачей не было границ. А вдруг Калиновский испугался нависшей над ним смерти, передумал и сделает «чистосердечное сознание»?

Калиновский писал всю ночь. Наутро во дворец генерал-губернатора доставили несколько листков, исписанных твердым, ровным почерком. На превосходном русском языке, не скрывая презрения к царским сатрапам, вождь восстания высмеял социальную демагогию Вешателя, подчеркнул, что русификаторская кровавая политика царизма обречена на полный провал. Калиновский писал, что отвергает предъявленное обвинение во враждебных действиях против России и разрыве государственной общности с ней, указав, что вопрос о государственном устройстве для него зависит от более важного — обеспечения народного счастья. Он открыто объявил себя врагом порядков, лишивших польский, белорусский и литовский народы государственности и элементарных условий для развития культуры. «Я мог прийти к такому заключению, что Россия хочет полного с собой слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу. Я не противник счастья народного, не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий и несчастий, которые посещают край наш несчастный».

Высмеивая Муравьева, изображавшего себя «другом народа», Калиновский писал, что его действия могут только привести к новому восстанию. Он напомнил о неудовлетворенных желаниях крестьян, усвоивших «понятие, что вся земля есть его

достояние, оспариваемое только помещиком». побежденный, но не сломленный, Калиновский верил, что придет время, когда народы России и Польши, Литвы и Белоруссии будут жить в дружбе, и закончил записку пророческими словами: «В моем сознании я преступник не по убеждению, но по стечению обстоятельств, а потому пусть и мне будет дозволительным утешать себя надеждой, что воссоздается народное благо. Дай бог только, чтобы для достижения этого потомки наши не проливали лишней братней крови» [206].

Находясь в застенке, Калиновский сумел переслать на волю несколько предсмертных писем, в которых призывал к продолжению борьбы за землю и волю. Автографы этих документов не найдены, они дошли до нас в сомнительной публикации А. Гиллера, но сохранили душевный трепет и несгибаемую стойкость последнего обращения Калиновского к народу.

«Браты мои, мужики родные,— пишет Калиновский.— Из-под виселицы царской приходится мне к Вам писать, и, видимо, в последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, мой народ. Грудь застонет, заноет сердце, но не жаль погибнуть за правду твою. Прими же, народ, щедро мое слово предсмертное, ведь оно как бы с того света, только для добра твоего написано... Нет, братья, большего счастья на свете, если есть возможность человеку получить доступ к науке, овладеть мудростью. Тогда только он будет жить обеспеченно, тогда только он сам будет управлять судьбой своей..., ибо, обогатив наукой разум и развив чувства, с щедрой любовью отнесется ко всему народу своему. Но как день с ночью не ходят вместе, так не идет рядом наука правдивая с неволей царской. И пока мы будем под гнетом этим, у нас ничего не будет, не будет правды, богатства и никакой науки, как скотину нас гонять будут не для добра, на погибель нашу...»

Взволнованные строки призыва к борьбе приняли форму стиха:

«Здравствуй же вечно, родной мой народ!
Пользуясь счастьем добытых свобод...
Когда же слово прейдет в дело,
За правду тогда становись ты смело.
Лишь в жизни по правде народ наш сойдется,
Лишь дружной борьбою он счастья добьется!» [207]

Даже в самые трудные минуты борьбы, когда восстание угасало, а над головой Калиновского нависла смерть, он не отчаялся, не потерял веру в конечную победу народа. У него не было и минутных вспышек иллюзорных надежд на царя, тех, что смутили последние часы Мацкявичюса. Излагая перспективы дальнейшей борьбы, Калиновский писал, что нужны не ло-

кальные, изолированные выступления, а «понимание духа народного», его потребностей, воли и «разумная расстановка полков народных», только «поняв дух народа», можно «развить упорство в нескончаемых народных бунтах» и положить конец социальному и национальному порабощению. Призывая к продолжению народной войны, он подчеркивал, что «добровольцев много, но с голыми руками нельзя идти на штыки». Калиновский до последних дней жизни остался несгибаемым революционным демократом, стремившимся внести организованность и сознательность в стихийное крестьянское движение.

Поражение восстания, крах надежд на скорое выступление народа в России и Европе усилили у Калиновского присущие крестьянской идеологии ошибочные взгляды. Он обращался к народу в предсмертном письме: «Ты, народ, не дожидайся (помощи Западной Европы.— *А. С.*), а с чем можешь сражайся за своего бога, за свое право, за честь свою, за батьковщину свою. Для тебя все можно — нож, топор, огонь. Это твои способы [борьбы]. Ведь за тобой, как за тем бездольным и бесправным, не признают прав на самозащиту, ведь тебе ничего нельзя. А когда народы заграничные, в изумлении рты открыв, скажут: сумасшедшие, — ты, Народ, великий и честный, правдой им ответь: они причина тому, на их совесть это тяжким грехом ляжет».

В этих строках содержался не только страстный призыв вождя крестьянского восстания. В них виден тот, кто воспринял и понес дальше его незавершенное дело,— народник семидесятых годов, с его верой в социальную революцию, героической, самоотверженной работой, с убеждением в правоте любых форм народного сопротивления вплоть до террора.

1(13) марта Калиновский предстал перед военно-полевым судом. На вопрос, нет ли у него каких-либо претензий к суду или желания что-либо сказать в оправдание, Калиновский написал: «Показания мои, при следствии данные, вполне утверждаю. К оправданию своему или разъяснению дела ничего более представить не имею». 2(14) марта военный суд по полевому уголовному кодексу приговорил Калиновского к расстрелу «за принятие звания члена революционного комитета Литвы, а после того главного распорядителя восстания в здешнем крае, а вместе с тем измену государству и склонение к бунту жителей». 4(16) марта приговор был рассмотрен временным полевым аудиторнатом, который постановил: «За преступление его, составлявшее высшую степень участия в мятеже против правительства с возбуждением к тому других деятельным распространением и поддержанием восстания... казнить смертью повешеньем». Резолюция Муравьева гласила: «Согласен. Исполнить приговор в Вильно в три дня»[208]. 10(22) марта в 10 час. утра приговор был приведен в исполнение. Во время казни, по сви-

детельству очевидца, Калиновский воскликнул: «Нет дворян, все равны!» [209]

Протестуя против расправы царизма над Калиновским, землеволец Бензенгер, осужденный на каторгу, предъявил 1(13) апреля 1864 г. властям свой памфлет, бичующий царей-злодеев, царей-глупцов. Поясняя свой поступок, Ю. Бензенгер 4(16) апреля заявил суду: «Статья предназначалась к отсылке в Петербург моему давнему товарищу и другу, кандидату С.-Петербургского университета Викентию Калиновскому. В бытность мою в больнице, я узнал из газет, к крайнему моему прискорбию, что Калиновский казнен Муравьевым в г. Вильно прошлого месяца марта. С той минуты, как не стало моего старого друга, я решился идти по тому пути, который он мне указал своею мученическою смертью, и желал бы в возможно скором времени принести себя в жертву за освобождение отчизны. Вот откровенная причина, побудившая меня сделать поступок, по-видимому, странный, именно: самому передать мою статью в руки правительства» [210].

Звонкой пощечиной царизму был протест Бензенгера. Но это была «лебединая песня» «Земли и воли». В начале 1864 г. общество прекратило существование. Начинался новый этап революционного движения.

* * *

Предсмертные письма К. Калиновского и А. Мацкявичюса являются важнейшими источниками для изучения социальных и национальных требований белорусского и литовского народов эпохи падения крепостного права. Они — ключ к пониманию обращений и воззваний руководителей восстания. Прежде всего они боролись за удовлетворение крестьянских требований земли. Мужицкое понимание справедливости и счастья было не чем иным, как идеализированным стремлением к радикальному буржуазному перевороту. Это крестьянское понимание справедливости было несовместимо с сохранением помещичьих фольварков. «Выправьте шляхту за Неман»,— требует Мацкявичюс. «Вся земля есть его [крестьянина] достояние, оспариваемое только помещиками»,— заявляет Калиновский, не упуская из внимания до последних дней жизни это основное требование мужика.

Защита социальных требований народа тесно и неразрывно связывается с отстаиванием национальных стремлений белорусов и литовцев. Литва, по мнению Мацкявичюса, должна свободно решить вопрос — быть с Россией или с Польшей. Он понимал, что только восстание народа позволит осуществить национальное равноправие, и подчеркивал что Литва восстала вместе с Польшей, чтобы добиться независимости и обеспечения

крестьян землей. Калиновский выступал против русификаторской политики царизма, против подавления польской, белорусской, литовской культуры и языка, отстаивал право белорусов и литовцев на беспрепятственное национальное развитие. Несомненная заслуга Калиновского и Мацкявичюса в том, что они сумели связать защиту национальных требований с ходом освободительной борьбы.

Накануне восстания, когда были реальные надежды на единовременное выступление народов России и Польши, Белоруссии и Литвы против царизма, Калиновский делал упор на необходимость такого совместного выступления, широко пропагандировал эту идею в воззваниях, отстаивая ее в спорах с националистами Вильно и Варшавы. Весной 1864 г., когда восстание угасало, когда для разъединения белорусско-литовских и польских революционных сил царизм высоко поднял шовинистическое знамя русификации, разжигания национально-религиозной вражды, Калиновский выступил в защиту союза с революционной Польшей против царской России, доказывая, что католики-повстанцы ближе православным белорусам, чем царские чиновники и военщина во главе с обер-палачом Муравьевым.

Разоблачение Калиновским шовинизма и казенного православия служило делу освобождения не только белорусского и литовского, но в равной мере русского, польского и других народов от социального и национально-религиозного гнета. Калиновский разъяснял белорусскому народу, что, подавив восстание Костюшки, боровшегося не только за свободу Польши, но и «за вольность нашу», царизм «уничтожил все сходки людей выборных, все школы наши и так, попирая народное самосознание и разум, завел у нас свой порядок, позволяя сильнейшему глумиться над бедняком, как заблагорассудится. Помещиков совершенно освободил от всяких налогов и обязанностей... мужику не только не дал никаких прав, но лишил и тех, что имелись во времена польского владычества... Если польское правительство всем братским народам дает самоуправление („саможондство"), царизм не только не делает так, но еще там, где живут поляки, литовцы, белорусы, заводит московские школы..., где никогда не услышишь и слова по-польски, по-литовски и по-белорусски, как народ того хочет» («Письма из-под виселицы»).

Отстаивая право белорусов и литовцев на беспрепятственное развитие, Калиновский в общих чертах касается в связи с этим и отношения белорусов и литовцев к России и Польше. Он неоднократно провозглашал единство интересов белорусских и литовских крестьян с «мужиками из-под Варшавы», с «народом в Петербурге, Москве и всей России». Вопрос об отношении к России и Польше он решал не абстрактно, а в связи с созданием условий, обеспечивающих удовлетворение социальных и нацио-

нальных интересов народа. В принципе Калиновский не был врагом государственного единства ни с Россией, ни с Польшей и допускал это в том случае, «если они добра нам желают». Но для решения вопроса — с кем быть — условий пока еще не было, свободу еще нужно было завоевать, а потом уже ею располагать по народному выбору. Поэтому, естественно, в документах повстанцев, возникших в ходе борьбы, мы находим лишь отдельные замечания по различным аспектам национального вопроса, вызванным потребностями борьбы.

В историографии решение национального вопроса Калиновским основательно запутано. В свое время шляхтичи-повстанцы (Я. Гейштор, Я. Янковский), считая Литву и Белоруссию лишь частями Польши, оспаривая демократические принципы Калиновского, бросили ему тяжкие обвинения в демагогизме и сепаратизме, якобы расколовших повстанческий лагерь. Аналогичный тезис был выдвинут и русскими шовинистами. В. Ратч и ему подобные изображали дело так, будто, отстаивая «самостоятельность Литвы», Калиновский тем самым хотел оторвать Белоруссию от России вопреки религиозной, культурно-языковой и исторической общности и выдавал белорусский народ на поругание польским помещикам.

История освободительного движения знает немало примеров, когда упреки в сепаратизме, развале государства, расколе бросались революционным деятелям, стойко и последовательно отстаивавшим интересы порабощенных наций. С точки зрения философии будочников Мымрецовых («тащить и не пущать»), защита национальных прав, равенства наций — сепаратизм, развал России; с точки зрения демократической и социалистической — наоборот: укрепление дружбы наций, борьба за создание нерушимого союза вольных и равных народов.

Лишь с позиций демократизма, жизненность и справедливость которых проверена столетним опытом революционного движения в России, можно правильно оценить выступления Калиновского, Мацкявичюса и других демократических деятелей 1863 г. по национальному вопросу. Их призывы выдержали проверку временем. Демократические деятели восстания, прежде всего Калиновский, Сераковский, Мацкявичюс, внимательно относясь к национальному вопросу, требованиям национального равноправия белорусов и литовцев, никогда не противопоставляли национальный вопрос аграрному, решали его в тесной связи с общими задачами борьбы против крепостничества и самодержавия. Отстаивание национальных прав белорусов и литовцев для них было одной из важнейших частей социального, экономического и политического освобождения родного народа.

Внимание демократических вождей восстания к национальной проблеме объясняется не только задачами борьбы с цариз-

мом, но и необходимостью дать отпор аннексионистским стремлениям правой, аристократической части повстанческого лагеря. С учетом внутренней борьбы и нужно подходить к оценке таких, казалось бы, мелких деталей, как оглашение повстанческих документов на литовском и белорусском языках, введение литовского языка, национальных литовских и белорусских песен в обиход повстанческих отрядов. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что не только Калиновский и Мацкявичюс, но и вся немногочисленная тогда еще демократическая интеллигенция Литвы и Белоруссии, принявшая участие в восстании, не рассматривала его как дело чисто польское. Так, повстанец отряда Люткевича Эдуардос Даукшис заявил следственной комиссии, что он придерживается убеждений не польских, а «литовско-славянских». Именно в этой атмосфере и возникли соответствующие воззрения Мацкявичюса и Калиновского, дополнивших радикальную аграрную программу требованием национальной свободы литовского и белорусского народов.

Позиция Калиновского по национальному вопросу до сих пор вызывает споры историков. Польский историк Виктор Кордович утверждает, что Калиновский мечтал о создании свободной федерации Польши, Литвы, Белоруссии. Белорусский философ И. Н. Лущицкий заявляет, что «Виктор Кордович не разобрался в этом вопросе. Как свидетельствуют высказывания самого Калиновского, он не собирался отрывать Белоруссию от России и строить ее в составе польской федерации». По мнению И. Н. Лущицкого, Калиновский рассчитывал создавать Белоруссию и Литву в тесной федеративной связи с революционной Россией[211]. Думается, подобной односторонности «или-или» у Калиновского нет. Он не занимался противопоставлением наций. Отношение к России и Польше рассматривалось Калиновским не в абстрактно-теоретической форме, а в связи с ходом борьбы.

Вопрос о том, кто был ближе повстанцам — Польша или Россия, поставленный И. Н. Лущицким, в значительной степени искусствен. Прежде чем определять — с кем быть, надо было обеспечить самую возможность подобного решения, т. е. свергнуть царизм. Естественно, что в ходе этой борьбы польские революционеры, от Костюшки до Сераковского, были ближе Калиновскому и повстанцам в целом, чем царская православная военщина, их удушившая. Для демократа Калиновского русский народ, как и польский, был народом братским, свободы России он желал так же страстно, как и свободы Польши, Белоруссии и Литвы. Об этом достаточно красноречиво говорит его деятельность, воззвания, предсмертные письма.

И. Н. Лущицкий полемизирует не только с В. Кордовичем, но и с авторским коллективом учебника по истории СССР, в котором отмечена борьба Калиновского за создание литовско-

белорусской республики[212]. По мнению И. Н. Лущицкого, «требование в то время независимого, национального литовско-белорусского государства было реакционным, ибо оно означало отрыв Литвы и Белоруссии от России». Даже взятое в общем виде, это возражение не выдерживает критики. Отделение от царской России и образование демократической республики, где помещичье землевладение было бы ликвидировано, земля передана крестьянству, где вместо царской бюрократии страной управляли бы «сходки людей выборных», было бы далеко не реакционным актом. Ведь национальный вопрос (с кем быть?) всегда подчиняется подлинными революционерами вопросу народного благополучия, социального прогресса. Так его решали все, начиная с Пестеля. Вопрос, с кем быть и быть ли с Россией? — зависел от хода революционного движения в России, Белоруссии, Польше. Оторвать от жизни решение этой проблемы — надуманная, догматическая затея.

По мнению Лущицкого, создание литовско-белорусской республики в то время «нельзя было осуществить. Оторвать Беларусь и Литву от России означало отдать их панской Польше. А все преимущества были тогда на стороне России...» Почему же вдруг все преимущества на стороне царской России? Почему же нереально требование образования литовско-белорусской республики? Как же можно поднять на борьбу угнетенную нацию, если не выдвигать лозунг национального и социального освобождения! Разве повстанцы Польши, Белоруссии, Литвы не верили в победу? Верили! А если да, то вопрос об отделении от царской России вставал перед ними. Литва и Белоруссия выбирали не между Россией вообще и панской Польшей, как пишет И. Н. Лущицкий, а боролись за освобождение от царских оков. Они страстно желали видеть все народы России свободными, боролись за торжество этих упований. Но в конкретных условиях конца 1863 — начала 1864 г. было ясно, что скорого восстания по всей России не будет. Отношение Калиновского к панской Польше и к царской России — одно дело, это предельно ясно из высказываний Калиновского, его борьбы с феодализмом, но союз повстанцев Литвы и Белоруссии с революционными силами России и Польши — дело совсем другое. Выпад против Кордовича И. Н. Лущицкий сопроводил ссылкой на письмо Ф. Энгельса от 23 мая 1851 г., игнорируя то, что писал Энгельс в дни восстания 1863 г. Ведь обстановка изменилась, изменилась и позиция Энгельса.

В свое время на это специально обратил внимание В. И. Ленин, который, разъясняя смысл как раз этих строк Энгельса, писал: «...К национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам

насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории — „смелые глупости". „Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение". В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в „шляхетско-сонной Польше". „Что значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!". Энгельс не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но, все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению...

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни *все* нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться ***националистическим*** предрассудкам, именно: признать „свою" нацию „образцовой нацией" (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство)»[213].

По-видимому, И. Н. Лущицкий невольно встал на позицию защитника прав «образцовой нации». Исключительное право на государственное строительство сохраняется им за Россией, признается за Польшей, отрицается за Белоруссией и Литвой. Как бы критически мы ни относились к национальному движению в Белоруссии и Литве, делавшему в середине прошлого века первые шаги, раз оно возникло, отмахнуться от него нельзя. Мы не вправе отрицать за белорусской и литовской нациями, как и всякими другими, их суверенных прав и объявлять реакционным лозунг последовательной защиты их интересов и стремлений. Всякая иная позиция является уступкой шовинизму, великодержавности.

Развивая дальше аргументацию, И. Н. Лущицкий ссылается на «близость и родство русского и белорусского народов», подчеркивает общность исторических судеб, культуры, языка. Эти положения неоспоримы. При этом нельзя не учитывать, что в каждой культуре есть две культуры, что, говоря о языковой и культурной близости, мы имеем в виду демократическую культуру России, действительно способствовавшую освобождению белорусского и литовского народов от социального и национального гнета. Но и польская демократическая культура, традиции борьбы польского народа за социальную и национальную свободу были также близки белорусам и литовцам. Достаточно

напомнить слова Калиновского: «Польское дело — это наше дело. Это дело свободы». Поэтому вряд ли прав И. Н. Лущицкий, ставший на путь огульного противопоставления славянских культур вообще. Более правильно говорить о все укрепляющихся традициях совместной борьбы братских народов против царизма, о взаимовлиянии демократических культур русских, поляков, белорусов, украинцев, литовцев. Разве можно забыть, что русские шовинисты, возглавляемые Муравьевым, спекулировали на религиозно-языковой общности русских и белорусов в борьбе с повстанцами 1863 г. И. Н. Лущицкий говорит о традициях борьбы белорусского народа с польскими помещиками. Но ведь в этой борьбе совпадали интересы не только русских и белорусских, но и польских, и литовских, и украинских крестьян. К единству с мужиками, восставшими под Варшавой, Калиновский призывал не раз. Зачем же фактам вопреки переходить на позиции общего противопоставления нации? Ведь именно царский гнет (социальный и национальный), полицейское насаждение православия и расправа с подлинными выразителями народных стремлений (Савич, Калиновский) мешали проявиться исторически сложившейся культурно-экономической общности белорусов и русских, тормозили развитие и тех и других.

И. Н. Лущицкий заявляет, что восстание в Белоруссии социальное, крестьянское, а в Польше-де — чисто национальное и шляхетское, явно преувеличивая имевшиеся между ними существенные различия. И в Польше, и в Литве среди повстанцев были дворяне, мечтавшие о восстановлении шляхетской республики, но и там и здесь были революционные демократы, подлинно народные заступники.

Огульное противопоставление культур, религий и т. д. приводит И. Н. Лущицкого к выводу, будто изданные в Вильно в 1863 г. царскими чиновниками и попами книжицы, призванные разжечь национально-религиозную рознь, суть демократические произведения. По его мнению, «Рассказы на беларусскай гаворцы» — «доказательство роста национального самосознания белорусов и в свою очередь духовное оружие в борьбе за его рост. От них только один шаг до произведений Францишка Богушевича и Адама Гуриновича». Однако справедливость требует сказать, что упомянутые рассказы, вышедшие по инициативе литовского митрополита Иосифа Семашки, преследовали цель натравить православных мужиков на католиков-повстанцев. В этих, с позволения сказать, литературных произведениях в спекулятивных целях была дана острая критика Брестской религиозной унии, пленившая И. Н. Лущицкого, забывшего, что это — излюбленный прием царских администраторов, прикрывающих «историческими» изысканиями собственные злодеяния, национальные и религиозные преследования «иноверцев» и «ино-

родцев». Царские власти пытались в 1862—1864 гг. подобными мерами перевести антифеодальное социальное движение в русло межнациональной, религиозной распри, использовать крестьян-белорусов в борьбе с польским освободительным движением. Ничего общего эта макулатура с белорусской демократической культурой не имеет. В период восстания аксаковский «День» тоже призывал временно использовать белорусский говор для облегчения русификации края и натравливания белорусских крестьян на «мятежных» поляков. Но разве Аксаков был защитником белорусов? Разве между «Мужицкой правдой» и «Днем» только один шаг?

Отрицая право белорусского народа на самоопределение в 1863 г., И. Н. Лущицкий ссылается на ленинские выступления против П. Киевского (Ю. Пятакова). Автор берет из работы В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм» положение о том, что еще в 1916 г. для белорусов «оборона отечества» могла быть обороной демократии, борьбой со средневековьем, защитой свободы против угнетающих наций и т. п., и делает отсюда неожиданный вывод, что в 60-х годах XIX в. национальное движение в Белоруссии «не играло большой роли», а лозунг самоопределения был нежизненным и даже реакционным. Правомерна ли подобная ссылка на В. И. Ленина? Ленин не раз подчеркивал, что в эпоху восходящего капитализма и в эпоху империализма национальный вопрос на востоке Европы ставится марксистами различно. Более того, вопрос об образовании обособленных государств, выдвинутый в первый период, снимается во второй и т. д. Историческая аналогия, проведенная И. Н. Лущицким, неуместна.

Выступая против «экономического империализма», В. И. Ленин указывал, что основой ошибок Пятакова (Киевского) является несусветная путаница, неумение конкретно поставить вопрос о защите демократизма в условиях империализма и войны. Раз империализм отрицает демократию, раз лозунг «защиты отечества» взят на вооружение шовинистов для оправдания войны — значит, по Пятакову, надо убрать из марксистской программы требования защиты демократических свобод и самоопределения наций. В. И. Ленин разъяснял, что нельзя прекратить борьбу против национального гнета только из-за того, что из требования самоопределения можно вывести защиту отечества. Это очень интересная мысль. И. Н. Лущицкий не понял ее и, воюя с буржуазным национализмом, выступает против лозунга самоопределения, ибо из него можно вывести национализм.

Известно, что белорусские националисты пытались использовать имя Калиновского для прикрытия своих грязных дел и в 1918 и в 1941 гг. Но что общего с Калиновским имеют эти отщепенцы? У Калиновского защита национальных и социаль-

ных интересов белорусского и литовского народов неразрывно связывалась с борьбой русских и польских революционных сил против царизма, феодализма, средневековья. Для главы марионеточной «белорусской народной республики» какого-либо Скирмунта оголтелый национализм, пропаганда ненависти к Советской России были прикрытием желания сохранить феодально-капиталистические порядки. Марионеточная республика лопнула как мыльный пузырь именно потому, что революционные силы Белоруссии, начиная уже с Калиновского, сочетали защиту национальных интересов белорусского народа с борьбой за социальный прогресс, выступали в союзе с революционными силами братских народов (русского, польского, литовского, украинского, еврейского и др.). В борьбе с буржуазным национализмом нужно не сворачивать знамя защиты демократии, национальных стремлений, а выше поднимать его, ибо интернационализм не только не противоречит, а, наоборот, требует последовательной защиты принципа национального равноправия.

В ответе П. Киевскому В. И. Ленин писал: «Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, — а следовательно, и без свободы государственного отделения — гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*... Иного выхода не знает марксизм, как не знает его действительная жизнь. Свободное отделение и свободное соединение наций мы должны включить в этот же путь, а не отмахиваться от них, не бояться, что это „загрязнит" „чисто" экономические задачи»[214].

Написано достаточно ясно. Что можно сказать после этих предельно четких ленинских слов философу, отрывающему, противопоставляющему социальные и национальные стремления народа?

Два положения из всего богатства ленинских мыслей в особенности важны для решения вопроса. Первое: защита «свободы государственного отделения» для создания интернационального братства трудящихся — противоречивая, но диалектически, жизненно противоречивая постановка вопроса: признание права разъединиться для создания нерушимого объединения наций. Этой диалектики не понял И. Н. Лущицкий. И второе, не менее важное,— высмеивание Лениным тех, кто под защитой «чисто» экономических требований, ввиду наступления шовинистов, сворачивает знамя национального равноправия, желая отмежеваться от национализма, шовинизма, остаться на почве исключительно социальных задач. Ленин беспощадно высмеивал подобных чистюль.

А что пишет И. Н. Лущицкий? Он утверждает, что в отличие от Польши, где «осью политической жизни» был вопрос национальный, «белорусско-литовские революционные демократы осью политической жизни ставили крестьянский вопрос, точнее, борьбу за радикальное решение крестьянского вопроса в форме бесплатного раздела помещичьих имений между крестьянами», и поэтому, мол, создание белорусской республики было бы «реакционным делом». И. Н. Лущицкий одержим стремлением «очистить» революционный демократизм от защиты национального равноправия, сделать его чисто экономическим; он не понял духа ленинских статей, не вдумался в содержание им же приведенных цитат.

Посмотрим, в связи с чем Ленин приводит пример с национальным движением белорусов в 1916 г. и можно ли его истолковать так, как это делает наш автор. Ленин указывает, что к лозунгу о самоопределении (снятому Пятаковым) надо подходить конкретно исторически, что есть страны, где давно победил капитализм, ликвидировано средневековое варварство, созданы национальные государства. Это страны Западной Европы, где национальное движение — прошлое. В Англии, Франции и т. п. «отечество» уже спело свою песню. Там на очереди дня борьба не с патриархальной дикостью, феодализмом, а борьба против капитализма за социализм. И далее В. И. Ленин пишет: «На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белорусов, напр., только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) — здесь *еще* совершается. „Отечество" здесь *еще* не спело всей своей исторической песни. „Защита отечества" *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья...»[215].

И. Н. Лущицкий изображает дело так, что приведенные слова В. И. Ленина подтверждают его вывод о том, что в 60-х годах XIX в. «национальное самосознание белорусов было еще слабым, а значит и национально-освободительное движение в то время не играло большой роли». Слов нет, национальное движение белорусов в XIX в. не то, что в начале XX, накануне поражения царизма, но можно ли только на этом основании ленинские слова, направленные в защиту принципа самоопределения, поворачивать против?

Известно, что в полемике с Р. Люксембург В. И. Ленин специально предупреждал о недопустимости смешания роли национальных движений в XX и XIX веках, подчеркивал связь национальных движений с борьбой против феодализма. Но нигде

и никогда Ленин не выступал против ограничения национальных прав белорусов. Ленин высоко ценил позицию Герцена, называл ее образцом защиты демократизма. А ведь Герцен признавал за Украиной, Литвой, Белоруссией право остаться вне Польши и вне России («ни с кем»).

В работе «О карикатуре на марксизм» Ленин связывает вопрос об отечестве с судьбой феодализма, борьбой против средневековой дикости. Антифеодальные революции, сопровождающиеся борьбой за национальную свободу, победили на западе Европы, и там отечество пропело свою песнь. Такие же антифеодальные, национально-освободительные восстания на востоке Европы в 60-х годах XIX в. были разгромлены, задачи борьбы с феодализмом, за демократию, за национальную свободу в 1863 г. решить не удалось. 1861 год породил 1905 г. Кому не известна эта ленинская постановка вопроса! И в 1916 г., подчеркивает Ленин, в России надо решать вопросы, поставленные еще в эпоху Чернышевского. А И. Н. Лущицкий ставит вопрос с ног на голову. Из нерешенности национальной задачи в Белоруссии вплоть до Октябрьской революции он желает вывести отрицание необходимости ее решения, объявляя реакционным самую постановку лозунга национальной свободы.

В одном месте И. Н. Лущицкий пишет, что Калиновский разделял герценовские идеи о федерации свободных славян, сойдя наконец-то с абстрактно-путаных дорог на почву фактов. Солидарность Калиновского с Герценом засвидетельствована многими современниками, она находит и документальное подтверждение. Но если Калиновский — сторонник Герцена, то все предыдущие рассуждения И. Н. Лущицкого лишены смысла, ибо Герцен никогда не отрицал права белорусов, литовцев, украинцев быть равными среди других наций. Герцен (например, в ответе Центральному Национальному комитету осенью 1862 г.) прямо заявил, что Литва, Украина, Белоруссия после завоевания свободы могут по собственному выбору войти в состав свободных государств (Польши или России) или же образовать свое обособленное государство. Герцен возражал тем польским революционерам и тем русским публицистам, которые заранее сами предрешали народный выбор. И. Н. Лущицкий совершает подобную же ошибку; не потому ли он, ссылаясь на Герцена, произвольно упускает, при цитировании «Колокола», слова, противоречащие его выводу?

Основой заблуждений И. Н. Лущицкого является общетеоретическая ошибка в анализе национального вопроса. Он полагает, что отстаивание права на самоопределение несовместимо с исторически сложившейся экономической, культурной и прочей общностью братских народов. Но как раз игнорирование царизмом национальных особенностей белорусов, литовцев, поляков, защищаемых повстанцами, мешало проявиться во всю

силу этим исторически сложившимся условиям. Благотворное взаимодействие братских наций глушилось, извращалось царизмом. Защита национального равноправия, сердцевиной которого является право свободно распорядиться своей судьбой, ведет не к распаду многонационального государства, а к уничтожению недоверия и межнациональной вражды, к образованию новых отношений между нациями. Без отстаивания права нации на отделение немыслим принцип равноправия народов, невозможна борьба против шовинизма и национализма. Только защита полного, ничем не ограниченного, неурезанного проявления национальной свободы может открыть путь к дружбе и равенству ранее угнетенной нации с угнетавшей. При этом, опираясь на исторически сложившуюся экономическую, культурную и т. д. общность, свободные независимые нации могут создавать различные государственные формы взаимопомощи в ходе строительства новой жизни. Как известно, именно так и произошло с белорусской нацией, получившей неурезанную национальную независимость из рук победоносной социалистической революции и позже, через систему добровольных договоров, экономических, военных, внешне-политических союзов, вошедшей в братскую семью равноправных советских народов.

Заключение

Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии неразрывно связано с общим ходом революционной борьбы народов России и Польши против самодержавия и крепостничества, за социальную справедливость и национальную свободу. Составной и весьма важной частью этой борьбы оно и является. Восстание в Литве и Белоруссии, имеющее свои глубокие социально-экономические корни, опирающееся на традиции освободительного движения белорусов и литовцев, вместе с тем нельзя правильно объяснить без учета всей совокупности событий первого демократического подъема, революционной ситуации 1859—1861 гг. в России, без связи с национально-освободительной борьбой польского народа.

Определяющей причиной восстания явилась борьба народных масс Белоруссии и Литвы против крепостничества, против грабительской реформы 19 февраля 1861 г. Волнения в частновладельческой деревне переплетались с протестом казенных крестьян против системы государственного феодализма, против контрреформы Муравьева, обезземеливания, увеличения податного и налогового бремени. Борьба народных масс против винных откупов («трезвенное движение»), против ненавистной рекрутчины приняла особо острый характер и невиданный размах в Литве и Белоруссии. К тому же здесь социальные противоречия дополнялись и усиливались религиозно-национальными. С одной стороны, это были противоречия между православными крестьянами и их господами — католиками, с другой,— гонения царского правительства на «инородцев», «иноверцев», отчего страдали уже не только литовские и белорусские крестьяне, но нередко и польские дворяне. Наличие в крае многочисленной прослойки польской и ополяченной беспоместной шляхты, в значительной части уже деклассировавшейся, испытывавшей гонения правительства, еще более усугубляло противоречия, расширяя фронт недовольных, вводя в их среду более образованную и организованную, чем крестьяне, силу.

В 1861 г. в разгар крестьянской борьбы против реформы по городам и местечкам Литвы и Белоруссии прокатился вал многочисленных массовых национально-религиозных манифеста-

ций. Два потока народного гнева (аграрное и национальное движения) взаимно влияли друг на друга. Революционно-демократические группы, действовавшие в крае под общим руководством Литовского Провинциального комитета, пытались воздействовать на крестьян, прежде всего через «Мужицкую правду», на манифестантов с целью подготовки вооруженного восстания. Важную роль в нарастании общенародного протеста играла демократическая культура польского, белорусского, литовского народов, а также произведения русских революционных демократов, получившие широкое распространение в крае.

В условиях нараставшего революционного кризиса часть польского либерально-конституционного патриотически настроенного дворянства в Литве и Белоруссии отказывается от сотрудничества с царским правительством, вступает в борьбу с ним. Эта группировка (так называемые «белые») рассчитывала на гребне народного возмущения пробраться к власти и осуществить свои проекты преобразований, отвергнутые царем. Кризис и раскол «верхов» вел к изоляции царского правительства, способствовал усилению классовой борьбы, суживал возможности правительственного маневрирования.

Рекрутский набор, объявленный осенью 1862 г., также содействовал обострению положения, а вспыхнувшее в январе 1863 г. вооруженное восстание в Царстве Польском послужило своего рода катализатором освободительного движения в Литве и Белоруссии. Вооруженная борьба началась вскоре на берегах Днепра и Немана.

При исследовании хода восстания в Литве и Белоруссии, его характера, движущих сил, периодизации следует различать политику его руководящих органов, стремившихся овладеть ходом событий, и стихийные действия масс, а также вынужденные меры, принимаемые отдельными отрядами в целях самообороны, хотя бы и в нарушение инструкций, полученных свыше. Анализ затруднен еще и тем, что часто через Буг и Неман на территорию Литвы и Белоруссии переходили отряды из Царства Польского, равно как и обратно. Кроме того, слабость центральных органов восстания, его, по меткому выражению К. Калиновского, местный характер, привели к тому, что командиры повстанческих отрядов нередко действовали на свой риск и страх, не считаясь с центральными и провинциальными инстанциями. И все же в ходе разнородных, разнопричинных событий можно выделить некоторые господствующие тенденции.

В ряде мест Литвы и Западной Белоруссии восстание явилось непосредственным продолжением ранее начатой борьбы населения против грабительской реформы, против царской администрации и вотчинных властей. В таких пунктах Гродненской и Ковенской губерний, как Рудки, Заблудово, Лысково, Миловиды, Оникшты, Ушполье и др., известных стойким сопротивле-

нием крепостному гнету задолго до восстания, последнее нашло сразу же свои опорные базы. Крестьяне в ряде случаев помогали повстанцам истреблять воинские команды, расставленные по неспокойным селениям, стремились обеспечить повстанцев проводниками, продовольствием. Как правило, царская администрация огнем и мечом обрушивалась на эти районы, не останавливаясь перед массовыми арестами, поголовными контрибуциями, выселениями и пр. Даже царские офицеры признавали прямую связь между крестьянской борьбой против реформы и восстанием, подчеркивали, что в районах, где в период введения «Положений» 19 февраля администрация действовала наиболее жесткими методами, восстание получило наибольшую силу. Конечно, и в районах массового участия крестьян в восстании были случаи, противоречащие общей закономерности. Так, например, в имении Лабгирай генеральши Кейсаровой (Ковенская губерния) крестьяне проявили особую стойкость в борьбе с вотчинной и местной царской администрацией накануне восстания. Но в 1863 г. лабгирцы не поддержали повстанцев отряда Б. Колышки.

Антифеодальный характер восстания, своим острием направленного против грабительской реформы и царской администрации, раскрывается в действиях отрядов, руководимых крестьянскими вожаками, такими, как отряд Битиса, в деятельности таких вождей восстания, как Калиновский и Мацкявичюс. Официально провозглашенная программа восстания (манифест Временного Национального правительства от 10(22) января 1863 г.), которую поддержал Литовский Провинциальный комитет, также шла навстречу народным чаяньям несравненно в большей степени, чем «Положения» 19 февраля 1861 г., но, к сожалению, не выражала их полностью. Отказ Временного Национального правительства от революционного уничтожения помещичьего землевладения, притязания на Украину, Литву, Белоруссию препятствовали развитию восстания по пути аграрной, демократической революции. Эти ограниченности и ошибки повлияли в особенности на позицию временно обязанных крестьян, которые в ряде мест стали смотреть на восстание как на помещичью затею. Естественно, что подобное заблуждение крестьян органы царской администрации стремились всемерно поддерживать. Многое способствовало этому: неграмотность, забитость крестьян, указанные выше ошибки повстанческого руководства, участие в восстании польских дворян — владельцев крепостных душ, происки царской администрации, слабость демократических сил в повстанческом лагере. Все это мешало части временно обязанных крестьян принять активное участие в восстании. Прежде всего это заметно в Восточной Белоруссии, где восстание началось со значительным запозданием, что дало царской администрации, казенной церкви

дополнительные возможности для обработки населения в шовинистическом духе. По признанию повстанческих руководителей, восстание в Восточной Белоруссии не удалось именно потому, что народ, крестьяне его не поддержали. С отмеченной ограниченностью официальной повстанческой программы боролись такие демократы, как Калиновский, Мацкявичюс, но они оказались бессильными ее полностью преодолеть.

Борьба за осуществление манифеста 10(22) января, несмотря на отмеченные его недостатки, имела огромное революционное значение. В ходе восстания, используя благоприятную обстановку, растерянность, бессилие царских властей и помещиков или находясь под влиянием повстанцев, крестьяне повсеместно, в том числе и в Восточной Белоруссии, где повстанцев почти не было, отказывались от условий грабительской реформы 19 февраля, прекращали отбывание повинностей в пользу владельцев имений, не платили налогов в царскую казну и т. д.

Восстание оказало огромное влияние на государственных крестьян. Действия повстанческих отрядов, разгонявших царскую администрацию, провозглашавших ликвидацию всех повинностей и платежей в пользу казны, были понятны и близки населению казенной деревни. Государственные крестьяне приняли активное участие в восстании. То обстоятельство, что в Белоруссии подавляющая часть государственных крестьян проживала в Гродненской губернии, естественно, наложило отпечаток и на ход восстания.

Борьба крестьян против крепостничества была активно поддержана демократической интеллигенцией, лучшей частью офицерского корпуса, учащейся молодежью, ремесленниками, городскими «низами» вообще, частью низшего духовенства. Эти слои были не менее крестьян заинтересованы в уничтожении крепостнических порядков, обеспечении гражданских и национальных свобод. Однако обширный и внешне внушительный антифеодальный лагерь не был однородным и сплоченным. Часть повстанцев, помимо общих антифеодальных требований, выдвигала или поддерживала требования польского национального движения, оборачивавшиеся в Литве и Белоруссии лозунгом восстановления «исторической» Польши, что отвечало интересам не народных масс, а польских магнатов, владевших лучшей частью украинской, литовской, белорусской земли.

В восстании отчетливо проявились две тенденции, два направления: революционно-демократическое, крестьянское, давшее таких радикалов, как Калиновский, Мацкявичюс, Сераковский, Врублевский, Трусов, и буржуазно-дворянское националистическое, выдвинувшее Гейштора, Оскерку и др. Борьба этих двух сил за руководство восстанием проходит красной нитью через всю его историю. Не подлежит сомнению, что

временное торжество группы Гейштора, захват ею ключевых позиций в виленском повстанческом центре нанесло серьезный удар по демократическим тенденциям восстания, по существу привело к парализации повстанческой администрации. И если и в этот трудный период восстание продолжалось и даже одерживало на некоторых участках победы, то исключительно благодаря действиям масс, героическим усилиям Калиновского, Врублевского, Мацкявичюса, принимавших непосредственное участие в военных операциях.

Характер восстания нельзя определить без учета борьбы отмеченных выше двух тенденций, двух сил внутри единого антикрепостнического повстанческого лагеря. Торжество сторонников Калиновского означало бы превращение восстания в радикальную, демократическую, аграрную революцию, обеспечивало бы помощь повстанцам русской и европейской демократии. Но это направление, хотя и наложило свой яркий отпечаток на весь ход борьбы, не являлось полностью определяющим. На характер восстания оказала влияние и группировка обуржуазившегося националистического дворянства, возглавляемая Гейштором. За ней шла некоторая часть безземельного дворянства, интеллигенции, чиновников, офицеров, примкнувших к восставшему народу. Гейштор и его сторонники были опытными политическими деятелями. Они не скупились на заверения в преданности интересам восставших, хотя на деле стремились сдержать революционную инициативу народных масс, свернуть восстание с пути аграрной революции, придать ему националистический характер, сузить антифеодальные требования до уровня интересов обуржуазившейся, националистически настроенной шляхты, заручиться поддержкой кабинетов Лондона и Парижа. Эта вторая тенденция также была антифеодальной, буржуазной по своей сущности, но не являлась ни радикальной, ни демократической, ни интернационалистической.

Следовательно, выделяя некоторые общие для всего повстанческого лагеря антифеодальные черты, как-то: отрицание сословных привилегий, требование гражданского равноправия, национальных свобод, борьбу с царской администрацией и т. д., никак нельзя ими ограничиваться. В понимании этих общих принципов, в методах их осуществления среди повстанцев были коренные расхождения. Калиновский, выражая интересы масс, был сторонником полной ликвидации всей феодальной рутины, тогда как Гейштор тяготел к ее реформированию в духе времени. Если Гейштор был сторонником восстановления Польши в границах 1772 года, считая Литву и Белоруссию лишь частями «исторической» Речи Посполитой, то Калиновский и Мацкявичюс распространяли принцип национальной свободы на Литву и Белоруссию, отстаивали их право самим определить свою судьбу.

Ни одна из двух борющихся внутри повстанческого лагеря тенденций не получила полного развития. Условия суровой борьбы с превосходящими силами царизма сдерживали центробежные силы повстанческого лагеря, выдвигали на первый план общие для всех повстанцев задачи.

Сказанное свидетельствует о том, что восстание нельзя односторонне определять ни как чисто социальное, крестьянское, ни как исключительно польское, национальное. Нельзя становиться и на точку зрения двух восстаний и грубо противопоставлять события в Литве и Белоруссии восстанию в Польше — их связь выходит далеко за пределы простого совпадения событий во времени. Восстание следует рассматривать с учетом его внутренней противоречивости, двух отчетливо проявившихся тенденций развития, хотя и задушенных царизмом до их окончательной кристаллизации. Борьба линий Калиновского и Гейштора выражала в конечном счете расхождения между революционно-демократическим и реформистско-националистическим направлениями общественного развития. Размежеванию этих двух направлений восстание, несмотря на его относительно скорое поражение, содействовало немало.

События 1863 года в Литве и Белоруссии можно определить как буржуазную революцию на территориях, где социальные (аграрные) противоречия переплелись с национально-религиозными, но которая, однако (несмотря на героические усилия Калиновского и его соратников), не превратилась в демократическую революцию и потому потерпела поражение.

Восстание в Белоруссии и Литве продолжалось с февраля 1863 г. до осени 1864 г. Основные силы восставших были разгромлены царизмом к началу 1864 г., но отдельные отряды крестьян и революционных разночинцев продолжали борьбу вплоть до наступления зимних холодов 1864 г. Осенью 1863 г., в ответ на разгул полицейских страстей в ряде районов Ковенской и Гродненской губерний, начался даже прилив крестьян в повстанческие отряды. Наибольшей силы восстание достигло в апреле — мае 1863 г., когда в борьбу смогли включиться отряды, формировавшиеся по приказу Литовского Провинциального комитета в конце февраля — начале марта.

Численность вооруженных повстанцев, непосредственно принимавших участие в вооруженных действиях, не поддается точному определению. Официальные сведения царских властей (около 80 тыс. человек), возникшие на основе механического суммирования данных рапортов командиров карательных колонн, являются сугубо ориентировочными. Царские офицеры очень часто преувеличивали численность повстанческих отрядов, с которыми сталкивались. С другой стороны, в поле их зрения, естественно, многое не попадало. Были также случаи намеренного умолчания о массовом участии крестьян в вооруженных

действиях против царских войск. Крестьяне Гродненской, Ковенской, части Виленской и Минской губерний, отказавшиеся от исполнения феодальных повинностей, взноса в царскую казну, активно помогавшие повстанцам, принимавшие часто и формальную присягу на верность повстанческой администрации, были, конечно, тоже весьма активными участниками борьбы.

Разумеется, эти многие десятки тысяч крестьян не прошли ни по каким алфавитным спискам лиц, принимавших участие в восстании, но именно они-то и определяли ход событий, позволяли плохо вооруженным, сравнительно малочисленным повстанческим отрядам на протяжении нескольких месяцев противостоять огромной карательной армии. Это позволяет говорить о подлинно народном характере восстания в Литве и Западной Белоруссии. В Минской губернии, некоторых районах Виленской восстание не получило такого размаха, как в Гродненской и Ковенской. Оно еще более слабо было выражено в Могилевской и Витебской губерниях.

Против повстанцев была брошена хорошо вооруженная 120-тысячная карательная армия, сформированная из лучших частей царской гвардии, казачьих полков и пр. Произошло около 260 военных столкновений между повстанцами и карателями, большинство которых закончилось в пользу царских войск.

Поражение восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве вытекает из общей слабости всероссийского освободительного движения того времени, как-то: стихийности крестьянских волнений, отсутствия революционного пролетариата, немногочисленности и разобщенности революционных разночинцев, трусливости дворянско-буржуазных либералов, пресмыкавшихся перед царизмом. Эти общие закономерности своеобразно проявились в Литве и Белоруссии. Противоречия между царским правительством и либеральным дворянством края (а также и частью католического духовенства, с ним связанного) ослабили позиции господствующего класса, раскололи его ряды. В образовавшуюся трещину и хлынул революционный поток, увлекая за собой часть привилегированных сословий. В решающие же минуты борьбы дворянство, примкнувшее к восстанию, отошло от него в страхе перед угрозой социальной революции, облегчив тем самым царизму разгром восставших.

Хотя повстанцы, несмотря на героическое сопротивление, потерпели военное поражение, дело их не пропало даром. Восстание оказало огромное влияние на исторические судьбы белорусского и литовского народов, укрепило их свободолюбивые демократические традиции. Участие в восстании белорусских и литовских поэтов (Ф. Богушевича, В. Дунина-Марцинкевича, Э. Даукшиса, Ю. Анусавичюса и др.) яркое тому доказательство. В ходе восстания зародилась и окрепла литовская и бело-

русская бесцензурная демократическая печать, были проверены и выдержали испытание огнем революционные, интернациональные связи белорусского и литовского народов с народами России, Польши, Европы в целом.

Восстание ускорило крушение отживших крепостнических порядков. Царские власти, торжествуя победу, вынуждены были считаться с тем, что в ходе восстания крестьянство повсеместно прекратило отбывание повинностей в пользу помещиков, высказалось против грабительской реформы 19 февраля. Царизм был принужден отступить и официально санкционировать возникшее против его воли положение. Царский указ 1 марта 1863 г., дополненный рядом аналогичных постановлений,— публичное подтверждение бессилия правительства в борьбе против крестьянства, высказавшегося против временно обязанного состояния, высоких выкупных платежей, отрезков и пр. Действия повстанческих отрядов, высказанное сочувствие им подавляющей массы крестьян заставило царское правительство вернуть народу часть отобранных у него земель, несколько снизить выкупные платежи, немедленно прекратить повинности крестьян в пользу помещика. Все эти меры — яркое доказательство того, что реформы всегда являются лишь побочным продуктом классовой борьбы. Не случайно вскоре после поражения восстания царские власти попытались отобрать эти завоевания народа.

Подавив восстание, истребив лучшую часть белорусской и литовской демократической интеллигенции, сослав в сибирские рудники оставшихся в живых, царизм страшился народного гнева. В Литве и Белоруссии, до последних дней царского режима, сохранялась система полувоенного администрирования, гонения на литовскую, белорусскую, польскую культуру, вплоть до официального запрещения литовского и белорусского языка. В Литве, Белоруссии и Польше не проводились даже некоторые из реформ, давно уже осуществленные в центральных губерниях (например земская). Царская администрация искусственно насаждала в крае крупное землевладение русских сановников, разжигала межнациональную и религиозную вражду. Однако все эти и подобные им действия царизма не могли свести на нет социально-политических последствий восстания 1863 г.— одной из самых крупных классовых битв эпохи падения крепостного права в России.

Примечания

К главе первой

[1] «Военно-статистический сборник», под ред. Н. Н. Обручева, вып. IV, ч. I. Россия. СПб., 1871, стр. 188—193; М. Н. Муравьев. Записки.— «Русская старина», 1882, кн. 4; 1883, кн. 1, 2; «Виленский временник», кн. VI, ч. II. Вильно, 1915, предисловие; «Воспоминания П. А. Черевина. 1863—1865». Кострома, 1920, стр. 13, 15, 16, 17; St. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913.

[2] В. Ф. Ратч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. I. Вильно, 1867. Имеется и французское издание книги, вышедшее в 1868 г. в Петербурге. Перу В. Ратча принадлежит также книга «Польская эмиграция до и во время последнего польского мятежа. 1831—1863 гг.». Вильно, 1866. Предварительно работа анонимно печаталась в «Вестнике Западной России» за 1864—1866 гг. Василий Ратч (1816—1870) — генерал-майор артиллерии, помощник начальника артиллерии Виленского военного округа, в прошлом писал панегирики Аракчееву в «Военном сборнике», что, очевидно, и предопределило выбор его Муравьевым для составления официозного обзора восстания. Работа осталась незавершенной. Архив В. Ратча ныне хранится в рукописном отделе библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 269).

24 апреля 1867 г. генерал-губернатор Баранов в письме к Д. А. Милютину сообщал, что он направляет дополнительные сведения к книге генерала Ратча, которую передал Милютину «для поднесения его императорскому величеству». В приложении к письму давались исключенные из книги тексты, в которых Ратч признавал, что пользовался устными сообщениями Муравьева, представителей высшего духовенства, а также местных помещиков и что ему разрешали беседовать с заключенными. Приговоренные, писал Ратч, гораздо менее стеснялись в своих разъяснениях, и он получил много сведений «в спорах и прениях с ними, направленных для известной цели» (ГБЛ, ф. 169, д. 57/17). Повстанец-шляхтич Якуб Гейштор свидетельствует, что подолгу беседовал с Ратчем и написал ему «Исторический взгляд на восстание» (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 25).

[3] Н. Цилов. Сигизмунд Сераковский и его казнь с предшествующими манифестациями в Вильно. Вильно, 1867; его же. Сборник распоряжений гр. М. Н. Муравьева в Северо-Западных губерниях 1863—1864 гг. Вильно, 1866. Н. Цилов (1801—1879) — генерал-майор артиллерии, член, позже председатель Виленской следственной комиссии. До восстания, в бытность полицмейстером Царского Села, издал книжку о достопримечательностях пригородов столицы.

[4] Н. Гогель. Иосафат Огрызко и Петербургский жонд в деле последнего польского мятежа. Вильно. 1866; второе издание — 1867 г. Автор — член Особой следственной комиссии, любимец Муравьева (позже принял участие в следствии по делу Каракозова). Брошюра построена на так называемых «чистосердечных сознаниях» арестованных, часто сочиненных самим Гогелем.

[5] А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильно, 1867 (ранее публиковалось в «Вестнике Западной России», кн. XII, т. IV. Вильно, 1866). Автор — чиновник муравьевской канцелярии. Указанные выше авторы задали тон публикациям и статьям журнала «Вестник

Западной России» и выступлениям других журналов по данной тематике, наглядным примером чего служит статья: С. А. Райковский. Польская молодежь Западного края в мятеже 1861—1863 гг.— «Русский вестник», 1869, т. 79, 80, 83.

«Концепция» их проникла и в художественную литературу, о чем свидетельствуют романы В. Крестовского «Кровавый пуф», «Панургово стадо». Любопытные данные об отношении царских властей к «благонамеренным» романам Крестовского хранятся в ЦГИАЛ, в фондах управления по делам печати (ф. 776, оп. 11, д. 74, 1871 г.).

[6] Н. Берг. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг. М., 1873; его же. Польское восстание 1863—1864 гг. (печаталось в «Русской старине» с февраля по август 1879 г.). В польском переводе работы Берга вышли в Кракове в конце XIX в. В фондах ЦГИАЛ (Главное управление по делам печати, ф. 776, оп. 11, д. 126 за 1873 г.) сохранились документы об отношении царских властей к Бергу. Не возражая по существу его концепции, они воспротивились публикации приложенных к книге документов повстанцев, опасаясь их «крайне зажигательных свойств». Защищая Берга от обвинений в «неосторожной пропаганде», издатель и редактор «Русского архива» П. Бартенев напоминал, что Бергу покровительствует наместник Царства Польского, что, по его словам, в книге Берга «историографическая правда, высокое и непререкаемое достояние нынешнего царствования, проводится с подобающей осторожностью».

[7] А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II. М., 1909, гл. XVI, XVII; его же. Русская политика в Польше со времен раздела до начала XX в. СПб., 1915; его же. Крестьянская реформа. СПб., 1905.

[8] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 22.

[9] «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С высочайшего соизволения издано при Министерстве внутренних дел П. Н. Батюшковым». СПб., 1890, стр. 364—373.

[10] «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под ред. П. П. Семенова. Верхнее Приднепровье и Белоруссия, т. IX. СПб., 1905, стр. 121.

[11] А. Миловидов. Перечень боевых столкновений русских войск с повстанцами. Вильно, 1903; его же. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильно, 1911; «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края», ч. I—II. Вильно, 1913—1915; «Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева», т. I, составил А. Белецкий. Вильно, 1906; И. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Сборник официальных документов и писем. СПб., 1901; см. Ю. Ф. Крачковский. И. Н. Корнилов. Вильно, 1901; И. Н. Чечурин. И. Н. Корнилов (некролог). СПб., 1901.

[12] А. Корнилов. Крестьянская реформа в Царстве Польском.— Сб. «Великая реформа», т. V. М., 1911, стр. 286.

[13] С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1903, стр. 464; см. также П. Брянцев. Польский мятеж 1863 г. Вильно, 1891; А. Сидоров. Польское восстание. Вильно, 1893.

[14] А. И. Лясковский. Белоруссия и Литва в восстании 1863 г. Берлин, 1939, стр. 1, 5, 7, 35, 133. В приложении даны списки конфискованных имений, католических монастырей и записки К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.

[15] A. Giller. Historia powstania narodu polskiego w 1863—1864 r, t. I—IV. Paryż, 1867—1871; его же. Polska w walce, t. I. Paryż, 1868; t. II. Kraków, 1875. Агатон Гиллер (1831—1887) — член Временного Национального правительства, прислужник белых. Тенденциозность Гиллера проявилась и в публикации документов (игнорирование свидетельств радикальных деятелей восстания, искажение текста документов) и т. д.

[16] W. Przyborowski. Dzieje 1863 roku, t. I—V. Kraków, 1897—1919. Любопытным моментом в биографии В. Пшиборовского, свидетельствующим о его стремлении найти общий язык с царскими властями, является его попытка издать в 1871 г. в Варшаве, журнал «Słowo», который должен был «проводить интерес всеславянский». «Я хорошо понимаю,— писал Пшиборовский в объяснительной записке,— что все славяне со временем должны будут слиться в один сильный народ». Предложение Пшиборовского не было осуществлено из опасений «чрезвычайных неудобств» внешнеполитического характера (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. 116).

[17] B. Limanowski. Historia powstania narodu polskiego 1863—1864 г., Lwów, 1909; его же. Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864 г., t. 1—2. Lwów, 1882; его же. Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej. t. I—II. Warszawa, 1946; его же. Pamiętniki (1835—1870). Warszawa, 1937; его же. Szermierze wolności. Kraków, 1911.

[18] J. Piłsudski. Zarys historii militarnej powstania styczniowego.— «Przegląd historyczno-wojskowy», 1929, t. I; его же. Rok 1863. Warszawa, 1924; см. также: A. Sokołowski. Powstanie styczniowe. 1913; J. Grabiec. Rok 1863. Poznań, 1913. Хронологически к этому времени относятся и работы активного участника восстания Юзефа Яновского, не избежавшего в воспоминаниях влияния господствующей историографии. Его работа «Pamiętniki o powstaniu styczniowym» (t. I—II. Warszawa — Lwów, 1925—1931) получила высокую оценку Ю. Пилсудского (см. «Rok 1863»).

[19] W. Studnicki. Wyroki śmierci. Rok 1863. Wilno, 1923; E. Ehrenkreutzówna. I. Zdanowicz — kasjer i naczelnik powstańczy Wilna.— «Ateneum Wileńskie», 1933, t. 8; M. Dubiecki. A. Hofmejster — naczelnik województwa brzesko-litewskiego w powstaniu styczniowym.— «Ateneum Wileńskie», 1923, t. 1. Кроме этих работ, в названном журнале были помещены некоторые рецензии, обзоры и т. д., имеющие отношение к нашей теме, например, рецензия на работу литовского историка Янулайтиса «Восстание 1863 г. в Литве», т. 3, 1923.

[20] W. Sobieski. O Litwę i Ruś — spór rewolucjonistów polskich i rosyjskich w 1862 г.— «Glos Narodu», 1917, № 128.

[21] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 403.

[22] «Karo archiwos», 1926, N 2, стр. 45—46.

[23] A. Janulajtis. 1863—1864 mm. sukulinas Lietuvoje. Vilnius, 1923; P. Slažas. Murowjowo viekimos Lietuvoje 1863—1865 mm. Kaunas, 1933. В работе Шляжаса сделаны прямые попытки объявить Муравьева защитником интересов крестьян. А. Станкевіч. Кастусь Каліноўскі, «Мужыцкая праўда» і ідея незалежнасці Беларусі. Вільня, 1923 и др.

[24] Об этом документе К. Калиновского подробно будет сказано ниже.

[25] «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III, М., 1958 (раздел «Демократическая эмиграция конца 60-х — начала 70-х годов»).

[26] Struś [Ян Савицкий]. Ludzie i wypadki z 1861—1865 г. Obrazki z powstania, cz. I—II. Lwów, 1894. Савицкому же (Struś) принадлежит и книга «Szkice z 1863 г.». Kraków, 1889. Б. Дыбовский написал две работы, имеющие прямое отношение к нашей теме. Одна посвящена И. Огрызко: «Pamięci Józefata Ohryzki».— «Biblioteka warszawska», 1907, t. 2, cz. 2; его же. Pamięci Z. Sierakowskiego. Lwów, 1909.

[27] Воспоминания В. Врублевского в краткой записи его друга С. Гершинского (сын эмигранта, повстанца 1863 г. в Литве) изданы в 1900 г. в Париже под названием «General Walery Wróblewski», а также «Pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie Grodzieńskim w 1863 i 1864 г.». Przez I. Aramowicza. Bendlikon, 1865 г. Автор — воспитанник егерской школы в Соколке, а позже адъютант В. Врублевского, погиб на баррикадах Парижской Коммуны, сражаясь плечом к плечу со своим командиром.

[28] «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864 г.», t. I—V. Lwów, 1888—1894; «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903». Lwów, 1903. Здесь даны тексты ряда воззваний повстанцев, опублико-

ваны воспоминания Я. Янковского, Ф. Рожанского, Я. Савицкого (Струся), Б. Шварце и др.

[29] «Wspomnienie o Zygmuncie Sierakowskim — naczelnym wodzu powstania styczniowego na Litwie i Żmudzi». Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza. Opracował i wydał Zygmunt Staniewicz. Kowno, 1939.

[30] Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке... Воспоминания В. Н. Шаганова. СПб., 1907; П. Ф. Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского на каторге. Пг., 1917, а также С. Стахевич. Среди политических преступников. Н. Г. Чернышевский.— Сб. «Н. Г. Чернышевский. 1828—1928 гг.». М., 1928.

[31] Н. Г. Чернышевский. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 гг., т. I. М., 1890.

[32] М. Горький. Памяти В. И. Семевского.— «Летопись», 1916, № 10; см также ЦГАОР, ф. 801 — И, оп. 1, д. 169.

[33] Непосредственное отношение к нашей теме имеет ряд работ В. И. Семевского: «Сигизмунд Сераковский» («Голос минувшего», 1913, № 11), «Адрес М. Н. Муравьева и взгляды К. Д. Кавелина на польский вопрос», предисловия и рецензии на публикацию переписки Муравьева и Зеленого. Эти материалы сосредоточены в фонде В. И. Семевского (ЦГАОР, ф. 801 — И, оп. 1, 127—129 и др.).

Семевский опирался исключительно на официально опубликованные данные, воспоминания и переписку лиц, принимавших участие в подавлении восстания. Отсюда преувеличенное представление о последствиях социальной демагогии Муравьева-Вешателя и непонимание истинных причин его уступок крестьянству. Этот недостаток усугубился тем, что Семевский хотел противопоставить «реформатора» Муравьева правительству Николая II, ставшего, по его мнению, на гибельный путь разрушения крестьянской общины.

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 133—134. Более полно высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о революционном движении в России в связи с восстанием 1863 г. рассмотрены в статье: А. Ф. Смирнов. Ф. Энгельс о революционном движении в России.— «Известия АН БССР», 1951, № 2.

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 135.

[36] Там же, стр. 142.

[37] Там же, стр. 151—152.

[38] См. там же, стр. 162.

[39] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 68.

[40] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 314—315. В связи с намерением В. И. Засулич, Г. В. Плеханова опубликовать в журнале «Социал-демократ» статью Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» Энгельс предлагал сделать к статье специальное примечание, уточняющее его отношение к Литве, Белоруссии, Украине. В ответе Энгельсу В. И. Засулич (10 апреля 1890 г.) от своего имени и от имени Плеханова писала: «...давать примечание, о котором Вы говорите, не стоит. Вопрос об Украине и Белоруссии Вы затрагиваете (в статье.— *А. С.*) только мимоходом...» (там же, стр. 316).

[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 641—642, 643.

[42] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 133—134.

[43] См. В. И. Ленин. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 264, 279, 311, 377.

[44] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 135—137.

[45] М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации.— «Литературное наследство», т. 61. М., 1953.

[46] В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.», стр. 310, 311, 317, 318, 319.

[47] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 337; т. 2, стр. 13.

[48] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 403. В работе над статьей Ленин широко использовал свой конспект переписки Маркса и Энгельса, их высказывания о восстании 1863 г.

[49] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 421.

[50] См. В. И. Ленин. Пометки на книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность». 1909 г.— «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 43—44.

[51] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 393.

[52] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 27—28.

[53] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 403 (примечание).

[54] М. Н. Покровский. История России, т. IV. М., 1920, стр. 90; его же. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921, стр. 189—190.

[55] S. Matulaitis. 1863 m. Lietuvoje, t. I. Minsk, 1933, str. 18. Некоторые данные об экономике Белоруссии накануне восстания приведены в книге: К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў. Мінск, 1935.

[56] С. Агурский. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии. 1863—1917. Минск, 1928, стр. 15—17.

[57] См. брошюру «О книге тов. Агурского „Очерки по истории революционного движения в Белоруссии"». Минск, 1929.

[58] С. Н. Драницын. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937. Подробная оценка этой работы дана Н. М. Дружининым в «Историке-марксисте», 1937, № 5-6. Публикация У. А. Шустера документов А. Мацкявичюса («Исторический архив», т. 1. М., 1936) существенно дополнила работу Драницына.

[59] Ф. Лочмель. Очерк борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940, стр. 80.

[60] В. Пичета. Очерк борьбы белорусского и украинского народов против польских панов. М., 1940.

[61] А. В. Полонский. Крестьянская реформа 1861 г. в Гродненской губернии. Минск, 1949; А. Г. Короткевич. Отмена крепостного права в Витебской губернии. Минск, 1953; М. Г. Лысенко. Кризис крепостного хозяйства и крестьянская реформа 1861 г. в Могилевской губернии. Минск, 1955; М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958.

[62] В. Н. Перцев. Кастусь Каліноўскі.— «Полымя», 1945, № 9—10; А. Ф. Смирнов. Константин Калиновский. Минск, 1950; Г. Кіселеў. Новая об К. Каліноўскім.—«Полымя», 1959, № 7.

[63] И. М. Илюшин. О некоторых вопросах истории общественной мысли в Белоруссии.— «Большевик Белоруссии», 1948, № 6.

[64] Z. Angarietis. Revoliucino judėjimo ir darbininku kovos istorija.— «Komunistų Knygynėlis», 1921, t. 1, № 12. Ангаретису не удалось полностью преодолеть влияния предшествующей историографии. Восстание в целом он отнес к шляхетскому периоду борьбы. Автор преувеличил значение и масштаб имевших место случаев помощи крестьян карательным отрядам царизма.

[65] Ю. И. Жюгжда. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения.— «Исторические записки», т. 45. М., 1954. См. также «Lietuvos valstiečiai XIX a.». Vilnius, 1957; С. Лазутка. Национально-освободительное движение в Литве.— «Коммунист». Вильнюс, 1957, № 12; его же. Революционная ситуация 1859—1862 гг. в Литве. М., 1961; В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 г. Вильнюс, 1950 (автореферат дисс.); его же. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве.— «Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та. Серия общественных наук», т. I. Вильнюс, 1954; V. Abramavičius. Valerjonas Vrublievskis. Vilnius, 1958.

[66] И. М. Белявская. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954. Ряд новых данных введен в научный оборот этим же автором в герценовских томах «Литературного наследства».

[67] Н. Н. Улащик. Из истории рескрипта 20 ноября 1857 г.— «Исторические записки», т. 28. М., 1949; его же. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.— «Исторические записки», т. 33. М., 1950; его же. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.— «Вопросы истории», 1946, № 12; Н. М. Дружинин. Го-

сударственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1—2. М., 1946—1958; А. С. Нифонтов. Россия в 1848 г. М., 1949; Я. И. Линков. Очерки по истории крестьянского движения в России. 1825—1861 гг. М., 1952; М. Е. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958; П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

[68] М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации.— «Исторические записки», т. 10. М., 1941; ее же. Новые материалы о революционной ситуации в России.— «Литературное наследство», т. 61. М., 1953; ее же. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации.— «Известия АН СССР. Серия языка и литературы», т. XIII, вып. 1. М., 1954; ее же. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.).— «Вопросы истории», 1953, № 7; ее же. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам).— «История СССР», 1957, № 1. К данным работам М. В. Нечкиной тематически близка статья: Я. И. Линков. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов.— «Вопросы истории», 1958, № 9, и др.

[69] «История Польши», под ред. И. С. Миллера и И. А. Хренова, т. II. М., 1955, стр. 134—137; «История СССР», т. II. М., 1959, стр. 48—51.

[70] В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская демократия. Л., 1957. Слабой стороной этого исследования является недостаточное освещение влияния хода восстания на политику западноевропейских держав, особенно в весенние месяцы 1863 г., когда ясно обрисовывалась возможность перерастания начавшейся вооруженной борьбы в общероссийскую аграрную революцию, возникала угроза нового революционного взрыва в Европе. Именно это обстоятельство, не учтенное в должной мере автором, было одной из главных причин дипломатической активности Парижа и Лондона.

[71] Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953; Z. Marciniak. Zygmunt Sierakowski. Warszawa, 1956; S. Kieniewicz. Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953; E. Halicz. Kwestia chłopska w Królestwie Polskim w dobie powstania styczniowego. Warszawa, 1955; St. Szczotka. Zaburzenia chłopskie w Białostocczyźnie, 1861—1869. Warszawa, 1953.

[72] W. Kordowicz. Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955; K. Kąkolewski. K. Kalinowski i jego pisma w latach 1862—1864.— «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX w.». Wrocław. 1956.

[73] «Полымя», 1958, № 1.

[74] P. Łossowski i Z. Młynarski. Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1959, str. 166—225.

[75] «Kwartalnik historyczny», 1957, N 4—5, str. 27, 106 и др.; 1958, N 3, str. 795—796.

[76] «История БССР», т. I. Минск, 1961, стр. 359. В предшествующем издании «Истории БССР» (1958 год) давалась иная оценка характера восстания. Автор соответствующей главы — проф. В. Н. Перцев (ныне покойный) — подчеркивал народный антифеодальный характер восстания, решающую роль крестьянства в нем. К сожалению, резко изменив оценку событий, редакторы тома не сочли нужным как-то это разъяснить, сохранив имя В. Н. Перцева в качестве автора главы и одного из соредакторов тома.

[77] Настоящая работа была подготовлена к печати, когда вышла в свет ценная монография: С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. (М., 1961), содержащая конкретный материал о связи восстания в Литве с предшествующим этапом освободительного движения, и в особенности с волнениями 1860—1862 гг.

[78] «История СССР», под ред. М. В. Нечкиной, т. II. М., 1954, стр. 477. Работы Драницина и Перцева указаны выше.

[79] І. Н. Лушчыцкі. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі у Беларусі у другай палавіне XIX в. Мінск, 1958, стр. 235.

[80] J. Keep. Recent Russian history continuity and change in the standard texts.— «Soviet Survey», 1959, N 30, p. 50—57.

[81] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 15.

[82] ЦГАОР, ф. 811 — И, д. 45.

[83] Подробный анализ различных вариантов показаний О. Авейде дан в предисловии к новому полному их изданию. См. «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961.

[84] J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 1—2. Wilno, 1913. Издатель Корзон — активный участник событий — снабдил книгу обширным предисловием и богатым справочным аппаратом, имевшим самостоятельное значение. В настоящее время личный архив Гейштора, в том числе полная рукопись его мемуаров, хранится в ЦГИА Литовской ССР (ф. 1135, оп. 20, д. 54, 55). Гейштор признавал, что «не может быть беспристрастным судьей» и открыто объявил себя врагом революции. Он написал накануне восстания специальную брошюру, посвященную отысканию мер борьбы с демократизмом, путей сотрудничества польского дворянства с царизмом: «Głos szlachcica do swych współbraci o wolności i równości kmieciej przez Litwina». Poznań, 1859.

В архиве В. Ратча найдена рукопись Гейштора «Исторический взгляд на восстание» (ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка 13, автограф). Исследователи имеют в своем распоряжении не только опубликованную часть мемуаров Гейштора и более обширный рукописный текст их, но и возникшие гораздо раньше три варианта его понимания событий: показания следственной комиссии, относящиеся к 1864 г., рукопись «Исторический взгляд», относящуюся примерно к концу 1864 — началу 1865 г., и, наконец, его записку шефу жандармов, написанную несколько позже (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 25).

[85] ГБЛ, М., д. 6640а, 6640б (Дневник И. А. Никотина); там же, М., д. 6639 (записки того же автора); «Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», т. I—II. М., 1961. Отрывки из дневника генерала Н. Цилова опубликованы в «Русском архиве», 1906, № 10.

[86] E. Maliszewski. Rok 1863 (без выходных данных).

[87] E. Wróblewska. Rok 1863. Wyjątki z dzieł i pamiętników. Dokumenty. Odezwy. Wilno. 1916.

[88] «1863 rok na Mińszczyźnie». Mińsk, 1927; «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940; «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)». Минск, 1959.

[89] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», составил Е. А. Мороховец, вып. 1—2. М.— Л., 1931; «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении реформы (1861—1862 гг.)», под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1950; «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I—II. М.— Л., 1949.

[90] «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960; сб. «Восстание 1863 г. в Польше и русско-польские революционные связи в начале 60-х годов XIX века». М., 1960; специальный анализ историографии этих проблем дан Е. Л. Рудницкой и А. Ф. Смирновым в сб. «Советская историческая наука после XX съезда КПСС», т. I. М., 1962.

[91] А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962; его же. Сигизмунд Сераковский. М., 1959; его же. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года. Мінск, 1959.

К главе второй

[1] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2076 (письмо неизвестного, датировано 15 марта 1861 г. Копия, перевод с польского), л. 1.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 65.

[3] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 194, л. 94.

[4] «Исторические записки», т. 45. М., 1954, стр. 303—304; А. Полонский Крестьянское движение в Гродненской губернии во время проведения реформы 1861 г.— «Известия АН БССР», 1952, № 4; М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958.

[5] Данные о составе населения приведены по «Военно-статистическому сборнику», под ред. Н. Н. Обручева, вып. IV, ч. I. Россия, СПб., 1871.

[6] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 37, также д. 17 («Записка об аграрных и политических отношениях в Белоруссии и Литве»); ЦГАОР, ф 811 — И, д. 44.

[7] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», составил Е. А. Мороховец, вып. 1. М., 1931, стр. 104 и др.; «Военно-статистический сборник», вып. IV.

[8] В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в помещичьей деревне Литвы накануне объявления рескрипта от 20 ноября 1857 г.— «Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та», т. I, 1954; его же. Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 г. М., 1957.

[9] Гос. архив Минской обл., ф. 694, оп. 3, св. 80, д. 76, л. 2.

[10] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 3223, л. 103.

[11] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 24.

[12] «Материалы для истории упразднения крепостного состояния 1860 — 1861 гг.», т. III. Берлин, 1860, стр. 200, 201.

[13] ГБЛ, ф. 169, папка 9/16 (Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания), л. 60.

[14] «Великая реформа», т. V. М., 1911, стр. 166.

[15] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2076 (уже цитированное письмо неизвестного от 15 марта 1861 г. из Сморгони Виленской губернии в Москву). Автор не чужд мысли о восстании, он пишет: «Людей с хорошим направлением, рассеянных по обширной области, довольно даже и в Сморгонщине, но друг друга не знают и знать не хотят, а толпа — масса без доброй воли». Через несколько месяцев, в сентябре 1861 г., некий «брат Томаш» писал из Сморгони: «Теперь крестьяне меньше ожесточения высказывают против своих господ. Есть надежда, что брат-мужик с братом-шляхтичем поладят и единодушно вместе могут выступить против общих неприятелей» (там же, л. 1).

[16] «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.— Л., 1947, стр. 23. Автор донесения — генерал-майор Веймарн, свитский генерал, руководивший расправой с крестьянами в Витебской губернии весной 1861 г.

[17] «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении реформы (1861—1862 гг.)», под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1950, стр. 9, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125, 126.

[18] «Красный архив», 1936, № 2 (75), стр. 68—71.

[19] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, лл. 70. 71, 52.

[20] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 950, лл. 5, 6. Начальник IV округа корпуса жандармов генерал Гильдебрандт в своих донесениях в 1861—1862 гг. также указывал, что «повинности крестьян, определяемые инвентарями 1846 г., составленными самими помещиками и без рачительной проверки со стороны правительства, были слишком обременительны. Ныне уставные грамоты составлены на основании тех же инвентарей. Зачастую эти повинности по уставным грамотам выше, чем были до 1861 г.» (там же, л. 446).

[21] «Крестьянское движение в 1861 г.». М., 1954, стр. 54, а также ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2076, лл. 1—3 (автор неизвестен. Письмо адресовано в Москву К. Ф. Россу. Копия, перевод с польского).

[22] Письмо В. Фрибенса адресовано в Петербург («Красный архив», 1936, № 1 (74), стр. 14).

[23] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2076, л. 2 (агентурная выписка, в переводе с польского, из письма Ч. Сухоцкого из Долгинева к П. П. Онихимовскому в Москву).

[24] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 3, л. 84. Документ датирован 11 апреля 1861 г.

[25] «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 52, а также Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, лл. 70, 71. В те дни помещик Фрибенс писал друзьям в Петербург, что «флигель-адъютант Нарышкин с попом и с офицерами разъезжают по имениям, а вслед им несколько сот мужиков кричат: „Не пойдем, мы вольные, не позволим бить наших"» («Красный архив», 1936, № 1 (74), стр. 14).

[26] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 909, лл. 30—38, 112 и др.

[27] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 17, д. 98, л. 25. Это волнение крестьян местечка Лыскова было подавлено батальоном пехоты. Экспедицию возглавил гродненский вице-губернатор.

[28] Цифра 77 волнений дана в работе: М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 123. М. Найденов («Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.)». М., 1955, стр. 48) говорит о 56 имениях, охваченных волнениями, а С. В. Токарев в статье «О численности крестьянского движения в России за годы первой революционной ситуации» (сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 124) указывает 59 волнений.

[29] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1862 г., д. 303, ч. 1, л. 80.

[30] С. Лазутка. Революционная ситуация в Литве.— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 480.

[31] «Отмена крепостного права», стр. 13—17.

[32] «Отмена крепостного права», стр. 70; «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 2. Л., 1931, стр. 39; ЦГАОР, ф. 109—И, 4-я эксп., 1861 г., д. 15.

[33] ЦГАОР, ф. 109 — И, 4-я эксп., 1861 г., д. 210, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 432: «Отмена крепостного права», стр. 10—14.

[34] ЦГАОР, ф. 109 — И, 4-я эксп., 1861 г., д. 197, л. 10; «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 26; М. Найденов. Указ. соч., стр. 47—60; М. Фридман. Указ. соч., стр. 126.

[35] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 1, стр. 123—129, вып. 2, стр. 41; «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 по 19 февраля 1864 г.». СПб., 1864, стр. 6—10

[36] С. В. Токарев. Указ. соч., стр. 124.

[37] «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 496.

[38] М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 134.

[39] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 7.

[40] М. Найденов. Указ. соч., стр. 270.

[41] «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 49—64, 484—486; А. Полонский. Крестьянское движение в Гродненской губернии во время проведения реформы 1861 г.— «Известия АН БССР», 1952, № 4.

[42] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 62, 140 и др.

[43] Там же, д. 118, лл. 11—12.

[44] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1862 г., д. 303, ч. 1, лл. 413—424.

[45] ЦГАОР, ф. 109 — И, 4-я эксп., 1861 г., д. 205, лл. 39—43. Подробно волнение плунгянских крестьян рассмотрено М. Найденовым (Указ. соч., стр. 281—283).

[46] «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 496.

[47] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 138, лл. 68, 69, а также St. Szczotka. Zaburzenia chlopskie w Bialostocczyznie. 1861—1869. Warszawa, 1953, str. 65—73. Автор широко использует мемуары помещика Белостокского уезда мирового посредника Билгорайского.

[48] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 138, лл. 35—39.

[49] Там же, д. 104, лл. 24—26.

[50] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 430.

[51] ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 17, 1863 г., д. 17, л. 111.

[52] «Отмена крепостного права», стр. 285—287.

[53] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 118, лл. 11—14.

[54] Там же, д. 127, лл. 6—9.

[55] Там же, д. 138, лл. 43—44.

[56] Периодизация крестьянского движения дана с учетом мнений, выска-

занных С. В. Токаревым, В. И. Неупокоевым, Н. Н. Улащиком, С. А. Лазуткой, М. Е. Найденовым, М. Б. Фридман в работах, указанных выше.

[57] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 2, д. 85, л. 31.

[58] S. Matulaitis. 1863 m. Lietuvoje, t. I. Minsk, 1933, str. 238.

[59] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1860 г., д. 358.

[60] «Отмена крепостного права», стр. 52—53.

[61] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 6.

[62] S. Matulaitis. Op. cit., приложение, № 16.

[63] «Красный архив», 1936, № 2(75), стр. 70, 71, 75.

[64] ЦГИАЛ, ф. 1291, 4 дел-во, 1861 г., д. 29, лл. 31—32; S. Matulaitis. Op. cit., приложение № 17.

[65] «Журнал Министерства государственных имуществ», 1860, апрель, стр. 271; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2. М., 1958, стр. 545—548.

[66] S. Matulaitis. Op. cit., приложение № 32.

[67] «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 100.

[68] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 2, стр. 39, 222, 223.

[69] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 935; 1863 г., д. 1834 и др.

[70] С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 180.

[71] Помимо многочисленных высказываний в «Современнике» и «Свистке», Чернышевский и Добролюбов посвятили движению против винных откупов ряд специальных статей: Чернышевский — «Откупная система» (1858 г.), «Вредные добродетели» и «Винный акциз» (1859 г.); Н. А. Добролюбов — «Народное дело», «О трезвости в России» (1859 г.). Добролюбов использовал при оценке трезвенного движения в Литве материал газеты «Slowo»; А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XIV, стр. 145, 503; «Колокол», л. 44 и др.

[72] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 3222, лл. 1—16 (агентурное донесение за декабрь 1858 г. по Петербургу); «Северная пчела» от 2 декабря 1858 г.

[73] В. Ф. Ратч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. I. Вильно, 1867, стр. 76.

[74] ЦГВИА, ВУА, д. 1310 (Н. Цилов. Материалы к истории восстания в Северо-Западных губерниях России), лл. 37, 39, 145.

[75] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1858 г., д. 946, ч. II.

[76] Там же, 1860 г., д. 843.

[77] Там же, 1858 г., д. 873, ч. II; д. 946, ч. I; 1860 г., д. 843 и др.

[78] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 79, лл. 1—20, а также Н. Цилов. Материалы, лл. 37, 38.

[79] ЦГИАЛ, ф. 1291, 4 дел-во. 1861 г., д. 15, л. 75.

[80] Н. Цилов. Материалы, л. 7.

[81] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 23, лл. 40—41.

[82] «Красный архив», 1936, № 2(75), стр. 76.

[83] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 128 (записка Гейнса), л. 3.

[84] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16 («Общие сведения по Минской губернии»), л. 186.

[85] Там же, 1862 г., д. 303, ч. 5, л. 58.

[86] Там же, 1863 г., д. 551, лл. 28—29.

[87] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 17.

[88] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 187, л. 2.

[89] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 403.

[90] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1860 г., д. 15 («О земледельческом обществе»). Царизм с величайшей подозрительностью относился к деятельности общества. 15 февраля 1860 г. агенты III отделения доносили, что в Петербурге высказываются опасения, что Земледельческое общество в Варшаве может при известных условиях стать властью, враждебной правительству (ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 3226, л. 98).

[91] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 57, л. 28; «Политические процессы 60-х годов». М., 1923, стр. 142—154.

[92] Стихи написаны на русском языке. Один из списков был найден при обыске у бывшего студента Московского университета Закревского (ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, 1862 г., д. 2285, л. 31).

[93] Разногласия между правительством и литовско-белорусским дворянством рассматриваются в следующем разделе.

[94] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 219, д. 80, л. 6.

[95] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 192, д. 53, лл. 19—21.

[96] Н. Цилов. Материалы, гл. I—II.

[97] ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, а также «Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева», составил А. Белецкий, т. I. Вильно, 1906, стр. 26.

[98] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5—7.

[99] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861, г., д. 7.

[100] Там же, д. 80, ч. I, л. 288. Самой распространенной была песня «Boże coś Polskę», написанная А. Фелинским в 1816 г. и восхвалявшая Александра I за восстановление Царства Польского. Гимн Фелинского был проникнут верноподданническими идеями, однако текст песни, исполнявшейся в 60-х годах, имел национальное, патриотическое содержание. Такова же была и вторая, особенно популярная, песня «Chorał» («Z dymem pożarów»), написанная в 1846 г. К. Уейским.

[101] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 2—8; д. 323, л. 12, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 44, л. 31.

[102] J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. I. Wilno, 1913, str. 87—96, 97, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1858 г., д. 78. На обеде в честь Сырокомли было около 20 человек. Инициатором чествования «нашего любимого скромного поэта» Гейштор выставлял себя (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 35; ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 8).

[103] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 102, ч. I, л. 16.

[104] ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 9. События 8 мая связаны с попыткой сторонников Мерославского использовать религиозные чувства населения и католическое духовенство для примирения сословных противоречий. В мемуарах Б. Лимановского и Я. Гейштора дается подробное описание этой манифестации. Замысел ее инициаторов сорвался. Более половины участников не явилось в храм. Собравшиеся (около 16 человек), плохо зная текст, запели гимн нескладно, заглядывая в бумажки. Только неожиданная помощь органиста спасла положение.

[105] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 304, ч. 1, 5, 7; ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124.

[106] ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124.

[107] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 304, ч. 2, л. 8; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 101, лл. 13—24.

[108] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, л. 5.

[109] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 102, д. 53, л. 21.

[110] «Ojczyzna», 1864, N 158.

[111] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 7, 9; ч. 3, л. 47.

[112] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 128, л. 16.

[113] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 322, 323; ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 1517, л. 15.

[114] Письмо И. Здановича (опубликованное на польском языке), датировано 30 октября 1861 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1135, оп. 20, д. 293, лл. 130—134). Полный анализ писем И. Здановича за 1858—1862 гг. дан нами в специальной статье, подготовленной к публикации.

[115] «Из истории революционного движения в России в XIX—XX вв.» М., 1958, стр. 178—188; ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 448, лл. 2—6; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1135, оп. 20, д. 293. В Вильно в 1861 г. были случаи ареста студентов университета; так, в ночь на 15 апреля было арестовано пять

человек, трое успели скрыться (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп.; 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 43—55).

[116] «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 130; ЦГАОР, ф. 109—И, 1-я эксп., 1861 г., д. 369, лл. 1—12.

[117] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 163, 369.

[118] Там же, д. 364.

[119] Там же, д. 303, ч. 1, лл. 50, 54, 55.

[120] Не только виленская молодежь, но и Герцен обратился в те дни к памяти Конарского и Караваева (А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 44).

[121] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 192, д. 50, лл. 1—9; ф. 2, 1861 г., 1 стол, 1 отд., д. 42, л. 3, а также «Дневник П. А. Валуева, министра иностранных дел», т. I. М., 1961, стр. 106.

[122] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 163, л. 100.

[123] А. И. Герцен. С кем Литва?—«Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г. В этом же листе были помещены заметка «Празднование соединения Литвы с Польшей в Ковне (из письма к издателям „Колокола" от одного русского)» и в разделе смесь — «Могила Конарского».

[124] Н. Цилов. Материалы, гл. II—III.

[125] Там же, л. 140.

[126] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 304, ч. 7, л. 29.

[127] Там же, д. 127, л. 15.

[128] Strus. Szkice z 1863. Kraków, 1889, str. 58—59.

[129] J. Gieysztor. Op. cit., t. 1, str. 106, 107, а также ЦГАОР, ф. 109—И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, лл. 25—27.

[130] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, лл. 30—31. Нельзя не заметить, что граф Ян Тышкевич, так подчеркнуто выставлявший во время манифестаций свой патриотизм, отказался участвовать в восстании и выехал за границу.

[131] Ф. Маевский. Гродненская процессия 14 августа 1861 г.— «Русская старина», 1891, май. Автор полемизирует с Славутинским («Исторический вестник», 1889, июнь), исказившим, по его мнению, ход событий (П. А. Валуев. Указ. соч., т. I, стр. 108, 109). Гродненская манифестация вызвала ожесточенную перебранку между царскими сановниками, отставку гродненского губернатора, усилила разногласия Назимова и Валуева.

[132] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 11—12.

[133] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 89, 130.

[134] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 443, лл. 25—30. Гундиус был заключен в Динабургскую крепость, а затем отправлен в Сибирь.

[135] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 2, д. 309, л. 28. Письмо неизвестного датировано 29 октября 1861 г.

[136] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 102, л. 13.

[137] Т[елесфор] Н[ешокоць]. Третье отделение сечет.— «Колокол», л. 153 от 1 января 1863 г. Были случаи перевода польских патриотических гимнов не только на литовский, но и на белорусский язык (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 449 — «О распространении гимнов на белорусском языке в Минской губернии»).

[138] «Ojczyzna», 1864, № 75 (некролог Телесфора Нешокоця).

[139] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (записка К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.). Подробнее об этом ниже.

[140] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 983, л. 30; ф. 378, д. 145, лл. 4—30, а также ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 293, лл. 1—4; д. 439, лл. 23—24; 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, л. 36.

[141] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1862 г., д. 201, лл. 1—5. В деле хранится донос Бернацкого и список рукописи (на польском) «Новый год», датированный 1 января 1862 г. (20 декабря 1861 г.). Студенты, члены «пёнтковичей», общались с Н. Утиным, Михаэлсом; они имели большое влияние на крестьян, которые «охотнее слушают студентов», чем кого бы то ни было. Как сообщали агенты, «крестьяне готовы были идти добывать волю топором».

Очевидно, «Новый год» — выражение господствующей, но не общепринятой тенденции в деятельности общества. В подобном же духе были выдержаны листки «Единство», распространявшиеся в рукописи по Вильно в апреле — мае 1862 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 385).

[142] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2076, л. 3.

[143] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 970, л. 177.

[144] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 192, д. 53, лл. 14—21.

[145] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (записка К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.). Свидетельство Калиновского вскрывает ошибочность отождествления манифестаций в Литве с аналогичными событиями в Польше. Спорен вывод В. Кордовича, что Калиновский рассматривал манифестации в качестве основной формы подготовки народа к вооруженному восстанию (W. Kordowicz. Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955. str. 94—97). Грубой ошибкой является смешивание манифестаций с крестьянскими волнениями 1861 г., допущенное И. Н. Лущицким и Е. П. Лукьяновым в сборнике документов «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)». Минск, 1959.

[146] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352, лл. 6—8 (показания Яна Козелла от 4 января 1872 г.).

[147] J. Gieysztor. Op. cit., t. I, str. 57, 77—78; его же записки в III отделение (ЦГАОР, д. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314); Н. Н. Улащик. Из истории рескрипта 20 ноября 1857 г.— «Исторические записки», т. 28. М., 1949, стр. 164—181; его же. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.— «Исторические записки», т. 33. М., 1950. Агенты III отделения летом 1858 г. сообщали, что дворяне западных губерний «говорят о государе с любовью», что они деятельно готовятся к его приему в Вильно, не жалея средств, что известный скряга Тышкевич организует для царя пышную охоту в своих владениях (ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 3218, л. 161; д. 3221, л. 190). 25 октября 1858 г. в агентурном донесении из Вильно указывалось, что «впечатление, произведенное в Вильно пребыванием там государя императора, по сие время не ослабло», что помещики заказывают в его честь благодарственные молебны.

[148] «Glos szlachcica do swych wspólbraci o wolności i równości kmieciej przez Litwina». Poznań, 1859. Авторство Гейштора устанавливается на основе его показаний и позднейших мемуаров. Он ссылался на эту книгу как на доказательство вражды к социализму и желание сотрудничать с правительством (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, лл. 25—35).

[149] Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г.— «Исторические записки», т. 33, стр. 75—81; J. Gieysztor. Pamiętniki, t. 1, rozd. I—II.

[150] Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г., стр. 82.

[151] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 3, д. 2547, л. 2 (из перлюстрированного письма неизвестного. Жандармский перевод с польского).

[152] Н. Семенов. Эпоха освобождения крестьян в России, т. I. СПб., 1911, стр. 65; Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г., раздел III.

[153] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, л. 68.

[154] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1861 г., д. 161. Записка Домейки опубликована в сб. «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 386—390.

[155] Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г., стр. 90—91.

[156] J. Gieysztor. Pamiętniki, t. 1, str. 72.

[157] Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г., стр. 84.

[158] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, лл. 62—64.

[159] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 10, оп. 13, д. 138, л. 43.

[160] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 970, л. 213; д. 280, л. 3.

[161] ЦГАОР, ф. 112 — И (ОППС), оп. 1, д. 3 («О бывшем рогачевском уездном предводителе дворянства Богуше»).

[162] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, лл. 28—29.
[163] «Chorągiew Swobody», 1863, № 1; ЦГИАЛ, ф. 1282, д. 1101; ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 501.
[164] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 970, л. 214.
[165] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 501 («О дворянских адресах в Западных губерниях»), а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 410, оп. 12, д. 157, 1862 г., л. 17.
[166] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 29.
[167] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1 (А. Сераковская. Краткие заметки по поводу распоряжений, изданных центральными органами восстания в Варшаве для руководства восстанием в Литве), л. 9.
[168] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 41.
[169] Там же, ч. 3, л. 31.
[170] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 15—23. В те же дни гродненский предводитель дворянства Виктор Старжинский писал царю, что «местные власти сами стали возбуждать население к революции, придираясь к пению гимнов..., стали внушать крестьянам, что беспорядки происходят от помещиков» (В. Ф. Ратч. Указ. соч., стр. 141).
[171] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, л. 136.
[172] ЦГАОР, ф. 109—И, 1-я эксп., 1862 г., д. 303, ч. 1, лл. 80, 112, 192, 265—268, 411.
[173] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 192, д. 53, лл. 14—21.
[174] Дневник П. А. Валуева, т. I, стр. 69—95, 97, 108—121.
[175] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 192, д. 53, лл. 19—21; Дневник П. А. Валуева, т. I, стр. 113.
[176] Дневник П. А. Валуева, т. I, стр. 111—116, 119, 337—342.
[177] ЦГИАЛ, ф. 1267, оп. 48а, д. 11, 1862 г.; Дневник П. А. Валуева, т. I, стр. 190.
[178] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 91; В. Ф. Ратч. Указ. соч., стр. 191—193.
[179] Деятельность демократов Литвы и Белоруссии в 30—50-х годах XIX в. подробно рассмотрена в работах А. Ф. Смирнова: «Кастусь Калиновский». М., 1959; «Сигизмунд Сераковский». М., 1959; «Франц Савич». Минск, 1961; «Революционные связи народов России и Польши в 30—60-х годах XIX в.». М., 1962.
[180] Воспоминания И. Кучевского в рукописи хранятся в Национальной библиотеке в Варшаве (рукопись II, 5545).
[181] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 280 (записка К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.), л. 5.
[182] «Літаратура и мастацтва» от 18 ноября 1959 г.— «Советская Белоруссия», 20 октября 1959 г.», № 247.
[183] «Мужицкая правда», № 1. Подробный анализ всех ее экземпляров, способов распространения и т. п. дан в специальной работе А. Ф. Смирнова, опубликованной в сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в.», М., 1960.
[184] Сводка данных о распространении «Мужицкой правды» приведена в специальной работе А. Ф. Смирнова, опубликованной в сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в.».
[185] ЦГВИА, ф. 9л, оп. 37, св. 113, д. 58, а также «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, стр. 493.
[186] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, д. 53, л. 203.
[187] «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego 1863—1903». Lwów, 1903, str. 396—400.
[188] Подробнее этот вопрос освещен в работе: А. Ф. Смирнов. Кастусь Калiноускi ў паустанні 1863 года. Минск, 1959; см. также «Секретное дело о дворянине Калиновском, распространявшем возмутительные брошюры между крестьянами. Начато 27 октября 1862 г. Окончено 24 марта 1864 г.» (Партархив при ЦК КПБ, ф. 4, св. 75, д. 814).

[1] «Военно-статистический сборник», под ред. Н. Н. Обручева, вып. IV, отд. II. СПб., 1871, стр. 39; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 930; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 153, л. 117, а также Гос. архив г. Каунаса, ф. 50, оп. 1, д. 1598 («О рекрутском наборе»).

[2] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1862 г., д. 679, лл. 14, 83; 1863 г., д. 247, 249, 1038, а также «Виленский временник», т. VI, ч. I. Вильно, 1915, стр. 217; «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 490.

[3] ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка 13 (Я. Гейштор. Исторический взгляд на восстание), л. 30; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1863 г., д. 910, лл. 221—264, а также ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 13 (записка Я. Гейштора).

[4] «Biblioteka warszawska», 1907, maj, t. 2, cz. 2, str. 417—421.

[5] Обращение Центрального Национального комитета к гражданам Литвы от 29 января 1863 г. (н. ст.). Датировка содержится в документе (E. Maliszewski. Rok 1863, str. 49—50), а также ЦГАОР, ф. 109 — II, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 7, л. 22 («О бумагах и письмах, взятых у мятежников»).

[6] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 502—503.

[7] I. Witkowski. Powstanie 1863 roku i rosyjski ruch rewolucyjny początku 1860-ch lat. Mińsk, 1931, str. 93—94.

[8] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 7 («О бумагах и письмах, взятых у мятежников»), лл. 12—19.

[9] «Biblioteka warszawska», 1907, maj, t. 2, cz. 2, str. 124, а также St. Zieliński. Op. cit., str. 57—58.

[10] «O samouwłaszczeniu ludu wiejskiego w Polsce przez ks. F. Rożańskiego». Paryż, 1863.

[11] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, лл. 1—3 (следственно-судное дело Калиновского). Укажем, что Ян Козелл обвиняет ЦНК в нарушении принятых обязательств не начинать преждевременного восстания (там же, ф. 438, оп. 1, д. 1352, лл. 6—20).

[12] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 91—95; ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22 (показания О. Авейде).

[13] Письма Калиновского из тюрьмы цитируются по тексту, опубликованному А. Гиллером в качестве приложения к I тому «Истории восстания» («Historia powstania narodu polskiego w 1863—1864 r., t. I—IV. Paryż, 1867—1871).

[14] А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильно, 1867, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, лл. 25—287. Подлинники писем Мацкявичюса не сохранились.

[15] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, л. 33. В переводе на белорусский язык манифест 1 февраля (н. ст.) 1863 г. опубликован в сб. «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II.

[16] «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswilu za rok 1913». Paryż, 1914, str. 53.

[17] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 153, лл. 8, 9, 16, 85, 86. В России пользовались для датировки событий старым стилем, а для сопоставления событий в Западном крае с событиями в Царстве Польском, где был принят новый стиль, употребляли двойную датировку (двойную датировку приводим и мы).

[18] ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4 («Журнал военных действий русской армии при подавлении польского восстания на территории Виленского военного округа», далее: «Журнал военных действий»), лл. 115—361. Один из списков этого журнала хранится в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, а экземпляры подлинника находятся в ЦГИА Литовской ССР в фондах штаба Виленского военного округа и в фондах ЦГВИА.

[19] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, л. 83.

[20] ЦГИА Литовской ССР, д. 1834, л. 357 (показания поручика Миладовского); ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 53 (показания Сильвестровича).

[21] ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157 («О политическом движении виленского народонаселения», лл. 27, 28).

[22] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 93 (показания О. Авейде); д. 970 (показания О. Бохвица); ф. 438, оп. 1, д. 1352, лл. 6—8 (показания Я. Козелла от 4 января 1872 г.).

[23] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352. Аполония Сераковская в добавлениях к своим мемуарам о восстании утверждает, что Козелл прибыл к Зыгмунту Сераковскому с предложением принять, как было ранее условлено, пост командующего повстанческими отрядами Литвы и Белоруссии («гетманство на Литве»), но Сераковский не принял этого предложения, сославшись на несогласие с действиями Комитета: «Зыгмунт ответил остро, ставя в упрек „партии движения" (имеются в виду сторонники Калиновского.— *А. С.*) несогласие ее дел с волей большинства в крае. Он спрашивал, а где оружие, где деньги, где люди, пользующиеся доверием края?» (приводится по копии, предоставленной Институтом славяноведения АН СССР). Как видно из показаний Козелла и всей последующей деятельности Сераковского, споры (а они, видимо, имели место) не помешали виднейшим лидерам действовать согласованно. Организация Сераковского выслала в Вильно многих своих членов сразу после приезда Козелла, и сам Сераковский начал подготовку к открытому переходу в лагерь восставших. (Цитируется по фотокопиям, хранящимся в Институте славяноведения АН СССР.)

[24] ЦГВИА, ВУА, д. 1310 (Н. Цилов. Материалы к истории восстания в Северо-Западных губерниях России»), лл. 87—88. Цендзевич (Цюнзевецкий), Михаил Валерианович (1840—1863), католик, из мелкопоместных дворян Борисовского уезда, прапорщик с 1859 г., служил до мая 1862 г. в 3-й артиллерийской бригаде в Слониме, затем учился в Академии Генерального штаба. Осенью 1862 г. получил четырехмесячный отпуск на родину. За распространение «Мужицкой правды» и призывы к восстанию был по приказу Муравьева расстрелян (ЦГВИА, ф. 9 л, оп. 92/37, 1863 г., д. 53).

[25] Г. Кiселеў. Новая об К. Калiноускiм.— «Полымя», 1959, № 7, стр. 144—145; Я. Гейштор. Исторический взгляд на восстание, л. 34.

[26] Н. Цилов. Материалы, л. 168.

[27] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 144, лл. 104—106; д. 133, л. 175—178, 442—448.

[28] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 66—70, 158—165. С. Зелинский допускает неточность в освещении событий в Рудках, отрывая их от предыдущего этапа крестьянской борьбы, считая присутствие казаков в Рудках случайным ночлегом (St. Zielinski. Op. cit., str. 319).

[29] Н. Цилов. Материалы, лл. 180—181.

[30] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 66—70.

[31] St. Szczotka. Zaburzenia chłopskie w Białostocczyźnie. 1861—1869. Warszawa, 1953, str. 89.

[32] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 128 (записка Гейнса), л. 11.

[33] Там же, д. 133, лл. 97, 154—155, 158—165.

[34] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, л. 152, а также St. Zielinski. Op. cit., str. 319—321; «Biblioteka warszawska», 1907, maj, t. 2, cz. 2. В Белоруссии Рогинский помимо Семятичей провел боевые операции 11 февраля — у Крулева Моста, 13 февраля — в Пружанах. К Турову отряд его растаял, не понеся серьезных потерь.

[35] «Журнал военных действий», л. 137, а также ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 53.

[36] «Журнал военных действий», лл. 138—140.

[37] Н. Цилов. Материалы, лл. 78, 157, 163, 195; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 147.

[38] ЦГВИА ВУА, д. 1238 («Отчет Временного полевого аудиториата Виленского военного округа о военно-судных процессах и осужденных участниках восстания за период с начала восстания по 1 января 1866 г.»), лл. 190—197.

[39] «Wydawnictwo materiałow do historii powstania 1863—1864 r.», t. IV. Lwów, 1894, str. 89—90.

[40] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 128, л. 15.

[41] «Воспоминания П. А. Черевина. 1863—1865 гг.». Кострома, 1920, стр. 15—16. П. А. Черевин (1837—1896) в период восстания был ближайшим и любимейшим помощником Муравьева, начальником его канцелярии, позже — членом следственной комиссии по делу Каракозова, главным начальником III отделения, фаворитом Александра III. Воспоминания написаны им в 1868—1869 гг., но впервые изданы в советское время сотрудниками Костромского научного оцества по изучению местного края. Рукопись воспоминаний Черевина была обнаружена в родовом имении Нероново.

[42] «Журнал военных действий», л. 152.

[43] Там же, л. 166.

[44] «Журнал военных действий»; St. Zieliński. Op. cit.. str. 275—277; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 3, д. 1838, лл. 31—37; ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33, л. 147.

[45] St. Zieliński. Op. cit., str. 275—277; ЦГВИА, ф. 484, оп. I, д. 49.

[46] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 485 («О начальнике мятежнической шайки Ф. Вислоухе»). Из дела видно, что Вислоух был в 1861 г. исключен из Киевского университета с восьмого семестра ввиду неуплаты за обучение. Некоторое время он занимал какую-то должность у помещика в Мозырском уезде, а затем скрылся (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 241; ф. 438, оп. 1, д. 1414.— «Бумаги после разбития шайки Вислоуха»). При разборе бумаг, взятых у пленных и убитых повстанцев отряда Вислоуха, были обнаружены документы казенных крестьян Свенцянского и Лидского уездов. Обращают внимание жалобы казенных крестьян Коняевского сельского общества Лидского уезда за 1859—1861 гг., из которых видно, что вначале крестьяне, притесняемые местной администрацией, искали справедливости у губернатора, в судах; в октябре 1860 г. посылали ходатаев к императору, а весной 1863 г. обратились за помощью к Вислоуху. Аналогичные документы были обнаружены и в бумагах повстанцев отряда «Седка» (там же, ф. 438, оп. 1, д. 238).

[47] «Северная пчела», 1863, № 135 («Письмо из Свенцян»).

[48] Людвик Нарбут (1830—1863) — сын известного историка Литвы Теодора Нарбута, преследовавшегося царскими властями за научно-патриотическую деятельность. Отец и его друг врач Анцетий Рениер (1804—1877), связанный в прошлом с группой Савича и Конарского, а в 1846 г. сосланный в Сибирь, оказали огромное влияние на формирование мировоззрения молодого Людвика. Весной 1850 г., обучаясь в виленской гимназии, Нарбут был арестован за революционно-пропагандистскую деятельность, наказан розгами и сослан на Кавказ в солдаты. За проявленную в боях под Карсом храбрость получил офицерский чин и летом 1859 г. вернулся на родину прапорщиком. Выйдя в отставку, проживал в семье отца в Лидском уезде. 2(14) февраля 1863 г., откликаясь на призыв Литовского Провинциального комитета, первым поднял оружие. 23 апреля (5 мая) убит в бою. Друг Нарбута — известный виленский художник Михал Эльвиро Андриоли (1836—1893) позже посвятил этому событию большое полотно «Смерть Нарбута». Андриоли иллюстрировал также произведения Адама Мицкевича (ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 724; ф. 1248, оп. 1, д. 253; ф. 378, 1847 г., д. 6; 1846 г., д. 36; 1848 г., д. 101 и др.; 1850 г., д. 254 — «По доносу учеников виленской гимназии Говорчевского и Подгорецкого о возмутительных рассказах товарища их Людвика Нарбута»; ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1850 г., д. 271: «Ojczyzna», 4 января 1865, № 2).

[49] «Северная пчела», 1863, № 148, сообщала, что в старших классах гимназий Ковенской губернии к экзаменам почти не осталось учащихся. Так, в ковенской гимназии из 29 учащихся 7-го класса осталось только 4. В других же отсев учащихся был «еще значительнее».

[50] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 153 («Военные действия в Ковенской губернии»), лл. 34, 44, 58—59, 81—85.

[51] «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903». Lwów, 1903, str. 409—418.

[52] Наиболее ценным источником для изучения деятельности Длуского на посту военного руководителя повстанцев Ковенщины служат его собственные мемуары, хранившиеся в библиотеке музея в Рапперсвиле. В настоящее время этот источник считается утраченным. В ежегоднике Рапперсвильского музея за 1913 г. был помещен очерк Б. Длуского о его военных операциях в Жемайтии («Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswilu za rok 1913», str. 53—64). Кроме того, нами использованы многочисленные показания повстанцев отряда Длуского (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 150, л. 59; д. 334, лл. 19—22 и др.).

[53] Действия отряда Мацкявичюса анализируются на основе его собственных писем военному начальнику Ковенского уезда полковнику Жеребцову, опубликованных впервые А. Стороженко в «Вестнике Западной России», кн. XII, т. IV (Вильно, 1866), а также данных Б. Длуского, С. Зелинского и следственно-судных материалов (ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 153 — «О военных действиях в Ковенской губернии», л. 160; д. 129 — «О помещиках Рачковском и Домбровском и двух братьях Когновицких», лл. 27—42; д. 223, 334, а также Н. Цилов. Материалы, л. 178).

[54] Обзор действий Писарского (Яна Станевича, не путать с Яном Фердинандом Станевичем — товарищем Сераковского) составлен по цитированным выше документам («О военных действиях в Ковенской губернии», лл. 81—85), данным «Виленского временника», т. VI, ч. II (Вильно, 1915) и некоторым делам ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 534, 584, 1533. Ценные сведения содержатся в работе С. Зелинского, имевшего в своем распоряжении ныне утраченные мемуары Станевича, ранее находившиеся в музее Рапперсвиля. Станевич после продолжительной эмиграции вернулся в Россию и умер перед революцией 1905 г. В польской периодике за 1904 г. появилось несколько некрологов о нем (например, «Tygodnik Illustrowany», 2 января 1904 г., № 1).

[55] «Виленский временник», т. VI, ч. II, стр. 388. У С. Зелинского о Битисе дополнительных данных нет.

[56] О Цитовиче и Пуйдокасе см. «О военных действиях в Ковенской губернии» (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 153), «Журнал военных действий» (ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4), «Ojczyzna», 1864, № 108, 109, а также St. Zieliński. Op. cit., str. 289—290.

[57] «Ojczyzna», 1864, № 113, 116. В отряде Люткевича, как установлено В. Бикуличем, сражалось несколько молодых литовских интеллигентов. Один из них, Э. Даукшис, впоследствии стал известным поэтом. 20 мая (1 июня) отряд Люткевича (до 500 бойцов) занял местечко Довяны. «Перед собравшейся трехтысячной толпой крестьян и среди собранного на дворе (имения) народа держали революционную речь предводитель скопища Люткевич и другой, некто из его приближенных, Даукша, возмущая народ к восстанию» (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136, л. 260).

[58] «W czterdziestą rocznicę», str. 134—135; St. Zieliński. Op. cit., str. 288, 289, а также «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswilu za rok 1913», str. 55.

[59] Болеслав Колышко, католик, родился в Лидском уезде в 1838 г. в беспоместной дворянской семье. После окончания гимназии в г. Лиде поступил в Московский университет на физико-математический факультет, который, однако, не кончил из-за преследования царских властей. Обзор действий отряда Б. Колышки составлен на основании его следственно-судного дела (ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27), сохранившегося рапорта Колышки от 6(18) апреля на имя военного начальника Ковенского воеводства, опубликованного в «Виленском временнике», т. VI, ч. II (Н. Цилов. Материалы). Кроме того, использованы документы из донесений местных властей и показания повстанцев его отряда (ЦГВИА, ВУА, д. 1513, л. 210; ф. 484, оп. 1, д. 318, 334; ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 914, лл. 82—85). В каждом отдельном случае сноски на эти дела не даются.

[60] В. Ратч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. I. Вильно, 1867, стр. 144, 181, 202, 203. Данные о репрессиях повстанцев против помещиков тщательно скрывались царскими властями, ибо это опровергало официальную версию о дворянском характере движения. Все же в материалах, собранных Циловым (ЦГВИА, ВУА, д. 1310), и в ряде дел ЦГИА Литовской ССР (ф. 1248, оп. 2, д. 534, 584, 796, 1206, 1298, 1533, 1788 и др.) мы находим сведения об этом.

[61] «Колокол», л. 147 от 15 октября 1862 г.

[62] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 154.

[63] «Колокол», от 1 мая 1863 г., № 162.

[64] «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 481.

[65] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 97, ч. 5. Как видно из донесений жандармов, письмо адресовалось студенту Казанского университета С. Бутикову. Полный текст письма приведен в работе: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши в 30—60-х годах XIX в. М 1962.

[66] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 175—178.

[67] «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, стр. 448.

[68] «1863 rok na Mińszczyźnie». Mińsk, 1927, str. 105—106.

[69] Ibid., str. 155.

[70] «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, стр. 446; «Исторический вестник», 1898, т. 73, стр. 836; ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, 1863 г., д. 184 («О поездке полковника Лосева в Виленский уезд для объявления крестьянам новой высочайшей милости»).

[71] «Северная пчела», 1863, № 61.

[72] «Северная пчела», 1863, № 87.

[73] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 128, лл. 3—11. Представляет несомненный интерес также заявление командира Преображенского гвардейского полка князя Барятынского, что царские власти в Литве поставлены перед дилеммой: или содействовать социалистическим мерам повстанцев, или вооружить против себя крестьян (ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 1734).

[74] ГБЛ, ф. 169, папка 10/2 (Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания), лл. 49—50; А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. 3. М., 1913, стр. 237.

[75] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, папка 10/8, л. 328; папка 10/4, л. 120; ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 25900 и др.; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 79, лл 36—49.

[76] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970 («Новогрудская организация»), лл. 158, 213.

[77] Из имевшихся в нашем распоряжении нескольких показаний, записок Гейштора и написанного им для В. Ратча «Исторического взгляда на восстание» отобраны наиболее характерные. Цитируется «Исторический взгляд на восстание» (ГПБ, папка 13, л. 45). В показании 11 сентября 1864 г. Гейштор писал: «В первые дни восстания я был уверен, что это вспышка, вызванная набором, что через несколько дней все кончится. Но не так все пошло. Восстание продолжалось, и всякий день приходили новые слухи. В Вильно революционный комитет издал свои листки, и в уездах началось волнение» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, л. 120).

[78] ГПБ, ф. В. Ратча, папка 12 (показания Я. Гейштора от 22 сентября 1864 г. Копия), л. 27.

[79] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314 (записка Я. Гейштора, поданная шефу жандармов около 1865 г.), лл. 33—34.

[80] Я. Гейштор. Исторический взгляд, лл. 49, 56.

[81] Я. Гейштор. Записка шефу жандармов, лл. 33—34.

[82] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1 (А. Сераковская. Краткие заметки по поводу распоряжений, изданных центральными органами восстания в Варшаве для руководства восстанием в Литве), лл. 49—51.

[83] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786 (показания Я. Гейштора Виленской следственной комиссии), л. 21, а также ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22 (копии).

[84] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22 (показания А. Еленского и Я. Гейштора), а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 11, 157, 158, 647, 990; ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 103, 210, 434. Авейде, выгораживая жонд, безосновательно утверждает, что «наш агент Н. Дюлоран, оттертый красными литовцами, успел сблизиться с белыми без всякого в том приказания из Варшавы» (ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22), но признает, что еще до восстания «комитет Виленский... не имел никакого доверия у нас» (ЦГИА Литовской ССР, д. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 93).

[85] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 36 (копия показания Андрея Еленского), л. 17; J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 2. Wilno, 1913, str. 225; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786 (показания Я. Гейштора), л. 115.

[86] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 999, лл. 29—32.

[87] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, лл. 106—108; д. 1786, л. 115.

[88] Там же, д. 1839 (показания И. Огрызки. Автограф), л. 96.

[89] Там же, лл. 104—129.

[90] «Biblioteka warszawska», 1907, maj, t. 2, cz. 2, str. 240—241.

[91] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839 (показания И. Огрызки), лл. 104—129. Более подробно деятельность польских революционных кружков в Петербурге рассмотрена в книге: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши в 30—60-х годах XIX в.

[92] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 129.

[93] Там же.

[94] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 29—32; В. Ратч. Указ. соч., стр. 195.

[95] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 36.

[96] Стефан Бобровский, один из руководителей революционного крыла партии «красных», был близок к русским революционным демократам, активно боролся с попытками помещиков захватить руководство восстанием; погиб от руки подосланного «белыми» убийцы. Авейде преувеличивает, объявляя его ответственным за роспуск Литовского Провинциального комитета и отстранение К. Калиновского от руководства восстанием в Белоруссии и Литве. Как видно из собранных нами фактов, прямую ответственность несут в данном случае Дюлоран и Авейде, в руках которых были все нити связи и источники информации. Сыграло известную роль и желание Бобровского укрепить центральное руководство восстанием, покончить со своеволием революционной власти на местах.

[97] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 92—94.

[98] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, д. 27 (показания Я. Гейштора).

[99] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 44. Использовано С. Н. Драницыным («Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность». Л., 1937, стр. 183) со ссылкой на архив В. И. Семевского. Из текста письма можно видеть, что автором его является какой-то новогрудский помещик, близкий к Гейштору и Кашицу.

[100] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 29, лл. 52—53. Выяснить, чьи имена и кем были названы, Назимову не представляется возможным.

[101] J. Gieysztor. Op. cit., t. 2, str. 237. У Ратча описание этого события в общем совпадает с трактовкой Гейштора и Авейде, на чью информацию в данном случае он полностью полагается (В. Ратч. Указ. соч., т. I, стр. 192).

[102] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352.

[103] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22. В другом показании Авейде указывает: «Провинциальный комитет не хотел некоторое время уступить, но по приказанию ЦК сдал и свою организацию и самого себя новоустановленной в Вильно революционной власти. Калиновский один протестовал против „шляхты". Протест этот, однако, Дюлоран в Варшаву не прислал» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 93).

[104] Партархив ЦК КПБ (Минск), ф. 4384, оп. 1, д. 7 (справка О. Авейде о литовской повстанческой организации), лл. 28—32.

[105] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (записка К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.), а также В. Ратч. Указ. соч., стр. 208.

[106] Член жонда Авейде в раздражении пишет: «Длуский был упрямым, твердым до закостенелости литвином, да притом человек тупой, теряющийся на мелочах... Согласие между нами не состоялось» (ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22)

[107] «Я познакомился,— пишет Мацкявичюс,— с Длуским, двумя какими-то польскими эмиссарами, Колышкой, Толочкой и другими молодыми дворянами из Вильно и Ковно. Все они не очень мне доверяли... Для командования собранным народом пригласил Длуского, но он желал более начальствовать над шляхтой и, пренебрегая крестьянами, передал начальство над ними мне. Я встал во главе народа» (А. Стороженко. Указ. соч., стр. 20). Видимо, Мацкявичюс с некоторым пристрастием относится к действиям Длуского. По словам последнего, после боя у Мегян он решил в качестве командующего силами воеводства пройти маршем по всей Жемайтии и вызвал добровольцев. Откликнулось около 45 человек, готовых в огонь и воду. Их Длуский взял с собой, остальные остались с Мацкявичюсом.

[108] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 36, а также обращение Отдела от 27 февраля (11 марта) 1863 г.

[109] Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953, стр. 52.

[110] E. Maliszewski. Op. cit., str. 74—75. Составитель сборника Малишевский, со ссылкой на Я. Гейштора, считает автором документа Игнация Лопацинского.

[111] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 35.

[112] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, л. 517.

[113] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 36.

[114] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, л. 520.

[115] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 41, л. 11.

[116] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1863 г., д. 2, л. 12 (мандат Бонольди, выданный Литовским отделом 8(20) апреля 1863 г., № 1309. Копия, перевод с польского).

[117] В. Ратч. Указ. соч, стр. 196, 200, 207.

[118] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 35.

[119] В. Ратч. Указ. соч., стр. 207, 210.

[120] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 22.

[121] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, л. 97.

[122] «W czterdziestą rocznicę», str. 137—138.

[123] В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская демократия. Л., 1957, стр. 218, 219.

[124] B. Limanowski. Szermierze wolności. Kraków, 1911, str. 248.

[125] E. Maliszewski. Op. cit., str. 76, dok. XXVII. Датировка дана составителем.

[126] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, 1863 г., д. 2285, л. 26.

К главе четвертой

[1] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1 (А. Сераковская. Краткие заметки по поводу распоряжений, изданных центральными органами восстания в Варшаве для руководства восстанием в Литве), л. 54, а также ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка 13 (Я. Гейштор. Исторический взгляд на восстание), л 59.

[2] E. Maliszewski. Rok 1863, str. 76.

[3] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, лл. 54—55; ЦГВИА, ф. 310, 1863 г., д. 5003 («О разыскании отлучившихся из Академии обучающихся гг. офицеров»); ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1834, л. 245 и др.

[4] «Ojczyzna», 1865, № 15, 16, 17. Автором очерка был А. Медекша, дворянин Ковенской губернии, отставной офицер русской армии, один из руководителей ковенской революционной организации.

[5] ГБЛ, ф. 169. папка 10/6 (Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания), лл. 214—216. Из дела «О дворянине С. Сераковском и Б. Колышке» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 167) видно, что Сераковский получил заграничный паспорт 21 марта (ст. ст.) и выехал из столицы в Вильно 25 марта. Отпуск был предоставлен на 28 дней с правом использовать его весной и осенью по 14 дней.

[6] В. Ратч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. I. Вильно, 1867, стр. 202.

[7] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, л. 55.

[8] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 34.

[9] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1834, л. 7.

[10] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, лл. 117—124. Станислав Олендский родился 10 июля 1832 г. в Ковенском уезде, товарищ Сераковского по Академии, участник войны с Шамилем, полковник генерального штаба в отставке. Сослан в Усолье. Умер в Варшаве в начале XX в.

[11] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, лл. 65, 66.

[12] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, лл. 218—219. О намерении Сераковского поднять восстание латышских крестьян в Курляндии сообщает также Медекша в «Ойчизне», 1865, № 15, 16, 17. Гиллер, приводя эти данные («Поход Сераковского,— пишет он,— объясняется потребностями морских коммуникаций и пропагандой вольности в Курляндии»), дает свою интерпретацию события: побережье было необходимо для ожидавшейся высадки войск интервентов, а поход в Курляндию,— «чтобы оживить и напомнить польские традиции в Курляндии, этой древней провинции нашей Речи Посполитой» (A. Giller. Historia powstania narodu polskiego w 1863—1864 г., t. II. Paryż, 1868, str. 292).

[13] ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4 («Журнал военных действий русской армии при подавлении польского восстания на территории Виленского военного округа»), л. 168.

[14] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России. 1825—1861 гг. М., 1952, стр. 266.

[15] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 79, л. 235.

[16] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 2. Л., 1931, стр. 57—58.

[17] «Русский архив», 1911, т. 1, кн. 4, стр. 543, 560—561.

[18] Подробно экспедиция к берегам Литвы и другие формы помощи повстанцам со стороны русских и западноевропейских демократов рассмотрена в книге: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши в 30—60-х годах XIX века. М., 1962. Показания Ф. Зенковича об этой экспедиции не содержат каких-либо существенных дополнений. Первоначальная дата выхода в море была, по его словам, назначена на 15 марта, затем перенесена на 22 марта. В экспедиции было 180 человек. Перед отъездом у Цверцяневича Зенкович встречал Герцена и Огарева. После неудачи экспедиции Зенкович возвратился в Вильно (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, т. 2, л. 527).

[19] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, л. 50.

[20] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 201, 574.

[21] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 228, л. 4. Объясняя свои действия, Булькевич обвинил царское правительство в лишении «уроженцев Западного края прав, требуемых временем и народом».

[22] «Ojczyzna», 1864, N 124.

[23] «Журнал военных действий», л. 193.

[24] Рапорт Б. Колышки датирован 6(18) апреля (подписан самим Колышкой). Копия, перевод с польского. Опубликован в «Виленском временнике», кн. VI, ч. II, Вильно, 1915, стр. 114.

[25] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27 (следственно-судное дело Б. Колышки), лл. 7—11.

[26] «Ojczyzna», 1865, N 15; St. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913, str. 290. Медекша указывает иные потери карателей — до 80 убитых.

[27] «Журнал военных действий», л. 174.

[28] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27, лл. 7—11. С. Зелинский датирует стычку при Корсакишках 26 апреля, указывая, что накануне к Сераковскому присоединились отряды Люткевича и Ясинского. В бою 26 апреля каратели потеряли 9 убитыми (Op. cit., стр. 291).

[29] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, л. 223.

[30] «Ojczyzna», 1865, N 15, 16, 17; A. Giller. Op. cit., t. II, str. 297—300.

[31] Struś. Ludzie i wypadki z 1861—1865 r. Obrazki z powstania, cz. I—II. Lwów, 1894, str. 138—139.

[32] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, л. 53; Struś. Szkice z 1863 r. Kraków, 1889, str. 114; «Ojczyzna», 1865, N 15, 16; «Вестник Западной России», кн. XII, т. IV. Вильно, 1866, стр. 247; St. Zieliński. Op. cit., str. 291—293.

[33] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136 («О военных действиях в Ковенской губернии»), лл. 142—144, 146.

[34] «Журнал военных действий», лл. 169, 170.

[35] Там же, л. 186.

[36] Н. Цилов. Сигизмунд Сераковский и его казнь с предшествующими манифестациями в Вильно. Вильно, 1867, стр. 47—48.

[37] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, лл. 64—65; «Ojczyzna», 1865, N 15—16.

[38] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136, л. 160.

[39] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 71, 1863 г., д. 1513; д. 210, л. 90; д. 441.

[40] «Колокол», л. 165. Автор письма, принадлежавший, несомненно, к руководителям восстания, пока не установлен. Письмо — яркое свидетельство непосредственной связи издателей «Колокола» с повстанцами.

[41] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27 (следственно-судное дело Б. Колышки), лл. 7—11.

[42] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 478, лл. 1—2; St. Zieliński. Op. cit., str. 291—294.

[43] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27, лл. 7—11.

[44] ГБЛ, ф. 218, папка 401/1, лл. 67, 68, 76, 79. Станевич указывает, что раненого Сераковского Колышко и Коссаковский отвезли в фольварк помещицы Косцялковской и попросили ее дать экипаж, чтобы переправить Сераковского за границу. Помещица уведомила стоящий поблизости отряд русских войск, который и взял в плен повстанцев («Wspomnienie o Zygmuncie Sierakowskim — naczelnym wodzu powstania styczniowego na Litwie i Żmudzi». Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza. Opracował u wydał Zygmunt Staniewicz. Kowno, 1939, str. 41).

[45] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136, лл. 176—177.

[46] Там же, л. 206.

[47] St. Zieliński. Op. cit., str. 293—295.

[48] «Журнал военных действий», лл. 228, 229.

[49] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 314, л. 34.

[50] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471.

[51] М. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли». М., 1924, стр. 12. Нам не удалось обнаружить документального подтверждения передачи Звеждовским военного транспорта повстанцам, однако он вооружил свой отряд оружием, добытым в Москве, и увез из штаба гренадерского корпуса военно-топографические карты Белоруссии, Литвы, Польши.

[52] Будзилович Игнаций, подпоручик Екатеринославского гренадерского полка, из дворян Волынской губернии, католик. Родился в 1841 г., воспитывался в Киевском кадетском корпусе, который окончил в 1859 г. Выехал из Москвы 7 апреля. С 22 по 26 апреля действовал в районе Орши, был взят в плен и расстрелян в Орше.

Жуковский Ян Алоизий, поручик 1-й сводной артиллерийской бригады, воспитанник 2-го Петербургского кадетского корпуса (выпуск 1853 г.). Служил в Кричеве, незадолго до восстания был по неблагонадежности переведен в Смоленск. 18 апреля покинул часть. После подавления восстания в Могилевской губернии бежал в Польшу, позже эмигрант.

Жебровский Константин, католик, дворянин Августовской губернии, воспитанник Константиновского училища, подпоручик 6-й артиллерийской бригады, слушатель Артиллерийской академии с 1861 г. В июне 1863 г. приговорен к расстрелу.

Дзержановский Станислав, католик, дворянин Плоцкой губернии. Родился в 1839 г., в 1858 г. окончил Павловский кадетский корпус, подпоручик 5-й артиллерийской бригады, слушатель Артиллерийской академии с 1861 г. 3 апреля 1863 г. скрылся из Петербурга. В августе 1863 г. приговорен в Могилеве к 12 годам каторги.

Манцевич Ян, прапорщик 3-й сводной артиллерийской бригады, военный руководитель отряда Анцыпы в Быховском уезде. Взят в плен вместе с братом Михалом и расстрелян в Могилеве 6 июня 1863 г. ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471 («О мировом посреднике Оршанского уезда дворянине А. Пиоро и других лицах», фактически же это дело о Будзиловиче и Звеждовском, содержащее важнейшие данные о восстании в Могилевской и Витебской губерниях); ЦГАОР, ф. 95 — II, оп. 1, д. 99; ЦГВИА, ф. 9 л, оп. 92/37, 1864 г., д. 94, ч. 1; ф. 395, оп. 300/860, д. 47).

[53] ЦГВИА, ВУА, ф. 484, д. 1310 (Н. Цилов. Материалы к истории восстания в Северо-Западных губерниях России), лл. 181—185, а также ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка 2 («Описание мятежа в Могилевской губернии»).

[54] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 417, лл. 617—618 об. «Диспозиция», подлинник на польском языке, написан на двух листах плотной почтовой бумаги тушью. Подписан военным начальником Могилевского воеводства «Топором». Печать — герб «Орла и Погони».

[55] ГПБ, ф. В. Ратча, папка 2, лл. 16, 21, 33, 75, 87; «Русский вестник», 1864, т. 54, стр. 328; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677, ч. 2, л. 190.

[56] Н. Цилов. Материалы, л. 187.

[57] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 420.

[58] Д. А. Милютин. Мои старческие воспоминания, л. 223.

[59] «Русский вестник», 1864, т. 54, стр. 336.

[60] «Виленский временник», кн. VI, ч. II, стр. 276, 277.

[61] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 283, д. 303.

[62] Там же.

[63] «Виленский временник», кн. VI, ч. II, стр. 423; ГПБ, ф. В. Ратча, папка 2, лл. 35, 68, 70.

[64] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33. Этот документ использован С. Н. Драницыным, однако были пропущены некоторые важные положения. Обращает внимание близость формулировок приказа Звеждовского с соответствующими пунктами «Повстанческой инструкции» Литовского Провинциального комитета, разработанной в начале восстания.

[65] В. Ратч. Указ. соч., стр. 203.

[66] Более полно этот вопрос освещен в монографии: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши в 30—60-х годах XIX в. См. также сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 432, 436.

[67] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29. лл. 143—145; ЦГИА БССР (Могилев), ф. 1614, д. 302.

[68] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 59, лл. 45—50; д. 79, л. 251.

[69] A. Giller. Polska w walce, t. II. Kraków, 1875, str. 297.

[70] ЦГАОР, ф. 109— И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16 («Общие сведения по Минской губернии»), лл. 4, 26, 28, 33—38. 84—88, 94—134, 201 и др.

[71] ЦГВИА, ф. 484. оп. 1, д. 139 («Военные действия в Минской губернии»), лл. 45, 48, 66—73.

Чижик Мельхиор Теодор Ромуальд Бальтазар, штабс-капитан Московского гренадерского великого герцога Мекленбургского полка, родился 26 июня 1836 г. (по другим данным, 9 октября 1835 г.) в семье преподавателя математики минской гимназии. Впоследствии отец оставил преподавание и служил правителем дел графа Хребтовича в Щорсах. Чижик окончил

Полоцкий кадетский корпус в 1856 г. и выпущен в Гренадерский корпус (вначале в Астраханский, а затем в Московский полк). Был дружен с Будиловичем, Гофштетером, Звеждовским. В 1863 г. между 1 и 5 апреля (ст. ст.) выехал из Петербурга якобы в Варшаву к полку, но оказался 19 апреля в Борисове, где принял пост военного начальника уезда. Позже соединился с отрядом В. Козелла, после гибели которого был в отряде Лясковского в Игуменских лесах, некоторое время скрывался, но 21 декабря 1864 г. сдался властям в Ельне и был приговорен к расстрелу, замененному 20-летней каторгой. В 1878 г., находясь в Якутии, получил разрешение вернуться в Центральную Россию (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 265 — «Военно-судное дело М. Чижика»).

[72] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 51—53.

[73] Там же, лл. 31, 34.

[74] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, лл. 45—48, 66—70, 100—109; St. Zielinski. Op. cit., str. 318, 319 и др.

[75] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 66—68; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 121, 138, а также Г. В. Киселев. Один из основателей Русской секции I Интернационала.— «Коммунист Белоруссии», 1960, № 1.

Антон Трусов родился 15 мая 1835 г. в Борисове в семье смотрителя почтовой станции. В 1845—1853 гг. учился в минской гимназии. С 1854 г.— студент медицинского факультета Московского университета; в 1856 г. оставил учебу, а в 1860 г. вновь вернулся в университет. Был членом «Огула». После подавления восстания — эмигрант, один из основателей Русской секции I Интернационала. В 1884 г. тяжело больным вернулся в Россию, где вскоре скончался.

[76] Н. Цилов. Материалы, л. 191. Казнили Жмачинского в Минске 5 августа 1863 г.

[77] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 100—105, 143—144. Во многих книгах (например, «История БССР», т. I. М., 1954 и др.) отряд Лясковского ошибочно именуется отрядом Свентожецкого. Но последний — комиссар Минской губернии — прямого участия в военных операциях не принимал. Болеслав Свентожецкий родился в 1831 г. в имении отца Богушевичи Минской губернии, окончил камеральное отделение Петербургского университета. После восстания он с помощью землевольцев бежал за границу.

[78] ЦГВИА, ф. 484, д. 139.

[79] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 143—149, 173—184. В известной работе С. Зелинского операция по очищению Игуменских лесов не получила отражения.

[80] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 539, лл. 15—17; St. Zielinski. Op. cit., str. 277—286. Нам удалось собрать дополнительные сведения еще о некоторых начальниках повстанческих отрядов Виленщины (не считая М. Черняка).

Козелл Винцентий (брат Яна — члена Литовского комитета) родился в Вилейском уезде в 1839 г. Отец — чиновник Министерства просвещения. Окончил минскую гимназию, затем Инженерную академию, был близок к организации Домбровского — Сераковского, служил в Вильно и Свеаборге. В апреле назначен военным начальником Вилейского уезда.

Минейко Зыгмунт родился в 1843 г. в Ошмянском уезде в имении Быльванишки. В 1859—1861 гг. учился в Инженерном училище в Петербурге. В 1861 г. вышел в отставку, был за границей в военной школе в Кунео. Служил у Лянгевича, позже — военный начальник Ошмянского уезда. Осужден на 12 лет каторги. Бежал в Париж.

[81] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 59, лл. 9, 10, 21—25, 38—42.

[82] ГПБ, ф. В. Ратча, папка 3 («Очерк вооруженного мятежа в Динабургском уезде»).

Кульчицкий Евстафий Болеслав родился 20 сентября 1842 г. в семье дворянина Августовской губернии, католик, имения не имел. Воспитывался в Александровском (1850—1854), Новгородском (1854—1860) кадетских корпусах. В 1861 г. переведен в Михайловское артиллерийское училище, в 1862 г. произведен в подпоручики и зачислен в Артиллерийскую академию.

В мае 1863 г. витебский губернатор доносил военному министру: «48 побежских мятежников взяты в Дриссенском уезде войсками и крестьянами. Начальник — офицер Артиллерийской академии Евстафий Болеслав Кульчицкий, из прочих Вельгорский, Мезуницкий, Вахалович, возмущавшие полоцких кадет». Удалось установить, что Богдан Северин Вельгорский, из киевских дворян, воспитывался в Киевском кадетском корпусе (ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 1863 г., 2 ст., д. 107, лл. 4, 6).

[83] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133 («Военные действия в Гродненской губернии»), лл. 226—231.

[84] Там же, лл. 278—298, 307, 325, 327.

[85] Там же, лл. 253, 375, 381.

[86] J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 1. Wilno, 1913, str. 222, 235—236. В показании следственной комиссии 11 сентября 1864 г. Гейштор сообщает: «Мы послали в Гродно Калиновского комиссаром с бланками на все должности, и он этой губернией управлял все время, посылая нам рапорты» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, л. 114).

[87] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[88] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, 1862 г., д. 2285, лл. 38—39.

[89] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (записка Калиновского следственной комиссии от 28 февраля 1864 г.).

[90] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, 1862 г., д. 2285, л. 38.

[91] Текст «Дополнительной и подробной инструкции уездным комиссарам», написанный на четырех листках почтовой бумаги на польском языке, заверен печатью комиссара Гродненского воеводства с гербом «Орла и Погони». Инструкция состоит из 20 пунктов. Хранится в ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917 («Гродненская организация»), т. 3, л. 124 и об. Здесь же копии и переводы для нужд следователей, выполненные, впрочем, безграмотно. В книге В. Кордовича («Konstanty Kalinowski». Warszawa, 1955, str. 165—166) дан полный текст этого документа, но без ссылок на источник и без описания подлинника.

[92] Инструкция окружным (польский оригинал и писарские переводы) хранится в ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917 («Гродненская организация»), т. 3, лл. 166а, 167а; инструкция десятским — в т. 4, лл. 102—103 об. Не исключена возможность, что этот документ воспроизводит ранее составленную Литовским Провинциальным комитетом инструкцию.

[93] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, лл. 150—183, а также ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 53 (показания Э. Заблоцкого).

[94] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie Grodzieńskim w 1863 i 1864 r.». Przez I. Aramowicza. Bendlikon, 1865, str. 19, 38, 56; «Исторический вестник», 1892, т. 50, стр. 93; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 41, лл. 6—9; Г. В. Кiселеў. Новая об К. Калiноўскiм.— «Полымя», 1959, № 7.

[95] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1864 г., д. 2102, л. 17.

[96] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 236—239; St. Zieliński. Op. cit., str. 323.

[97] Ю. А. Ягмин. Воспоминания польского повстанца 1863 года.— «Исторический вестник», 1892, т. 50, стр. 427.

[98] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 2—25. Данные адъютанта Врублевского о составе повстанческих отрядов губернии полностью совпадают с указаниями Калиновского, содержащимися в его записке от 28 февраля 1864 г. (ЦГИА Литовской ССР, 1248, оп. 2, д. 280).

[99] Ю. А. Ягмин. Воспоминания польского повстанца 1863 года.— «Исторический вестник», 1892, т. 50, 51, 52.

Список воспоминаний, содержащий некоторые опущенные при публикации факты, хранится в архиве Исторического музея, ф. 282, д. 536. Данные Ягмина выдерживают критическую проверку по материалам, собранным С. Зелинским (Op. cit., str. 327).

[100] «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903». Lwów, 1903, str. 398, 399.

[101] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, д. 2285, лл. 38, 120.

[102] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 24.

[103] Н. Цилов. Материалы, лл. 106—110, 173—174.

[104] Состав войск Манюкина дан на основе расписания войск, расположенных весной 1863 г. в Гродненской губернии (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 79, лл 36—46).

[105] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 278—295. С. Зелинский не приводит в точных цифрах итогов битвы у Валилы (Op. cit., str. 323).

[106] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[107] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 387—389.

[108] Заметка о Р. Траугутте была помещена без подписи в «Ojczyźnie», 1865, № 82. Эти данные в общем совпадают с анализом Зелинского (Op. cit., str. 325).

[109] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 360, 390—391; д. 153, лл. 28—29; St. Zieliński. Op. cit., str. 326.

[110] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, л. 393.

[111] «Ojczyzna», 1865, № 82; St. Zieliński. Op. cit., str. 326.

[112] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 84, л. 5.

[113] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 1—7.

[114] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 392, 393. По Зелинскому, это сражение 26 мая произошло у деревни Людвиново, где соединенные отряды Ленкевича, Стравинского, Влодка отбили атаку двух колонн. Убито 2 повстанца и 12 солдат (Op. cit., str. 327).

[115] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 39, 41; «Ojczyzna», 1865, № 82.

[116] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 15—17.

[117] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 354—355.

[118] Там же, лл. 359—360.

[119] «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 18—19. Зелинский освещает это событие по мемуарам Арамовича (Op. cit., str. 328).

[120] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, л. 353, а также ЦГИА БССР (Гродно) ф. Канцелярия гродненского губернатора, д. 2285, л. 14.

[121] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, л. 482.

[122] Там же, лл. 341—342, 349—350, 385—386, 404—405.

[123] Там же, лл. 433—437.

[124] Там же, д. 144, лл. 66—69.

[125] Там же, д. 128 (Гейнс — Кауфману, 27 марта 1862 г.).

[126] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 2—4.

[127] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[128] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 15, л. 70.

[129] Там же, д. 16, л. 1.

[130] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 541—543 (подчеркнуто нами).

[131] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде», стр. 544. Решение о преобразовании Литовского отдела по существу не было реализовано, что отмечено было и самим Авейде. Официальная публикация решения Временного Национального правительства о преобразовании Литовского отдела была сделана в Вильно лишь 26 июня (8 июля) 1863 г. В отличие от мартовского преобразования Литовского Провинциального комитета майская реформа не привела к отмене предыдущих постановлений Отдела и сколь-либо серьезного влияния на ход восстания не оказала (E. Maliszewski. Op. cit., str. 90).

[132] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 108.

[1] В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957, стр. 291, 293. Автор ссылается на Архив внешней политики, ф. Канцелярия МИД, 1863 г., д. 84, л. 723.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 259.

[3] В. Г. Ревуненков. Указ. соч., стр. 317.

[4] «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864 г.», t. IV. Lwów, 1894, str. 86.

[5] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 554, л. 110.

[6] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, д. 970, л. 473. Цитируется рукопись Грежбовского, написанная осенью 1863 г. для обоснования всеподданнейшего адреса царю новогрудских помещиков.

[7] Там же, лл. 473, 478, 467.

[8] Там же, л. 480.

[9] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1863 г., д. 8, лл. 33—34. Имеется в виду сам Киркор, потерявший доверие царских властей, лишенный права издания «Виленского вестника».

[10] Документ датирован 7(19) октября 1863 г. Опубликован в газете «Niepodległość» от 7 ноября 1863 г., а также в сб. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego 1863—1903». Lwów, 1903, str. 27.

[11] ЦГВИА, ВУА, д. 1310 (Н. Цилов. Материалы к истории восстания в Северо-Западных губерниях России), лл. 128—129.

[12] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 554, лл. 113, 191.

[13] В. Г. Короленко. История моего современника. М., 1948, стр. 99. Приводимые в мемуарах писателя данные о восстании поразительно точно передают события. Так, например, описываемое им поражение отряда Хайновского (Стройковского) и его казнь вплоть до деталей совпадают с действительным ходом событий (ЦГВИА, ф. 9, св. 113, д. 64, лл. 1—2).

[14] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 7.

[15] ЦГАОР, ф. 109 — II, 1-я эксп., д. 23, ч. 314, л. 34.

[16] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (записка К. Калиновского от 28 февраля 1864 г.), л. 21.

Калиновский в показаниях, естественно, обходит молчанием свою борьбу за демократизацию восстания, свои разногласия с Дюлораном и Гейштором (которого он даже не упоминает). Между тем отправленный в Гродно как бы в почетную ссылку, он все время поддерживал связь с единомышленниками, оставшимися в Вильно, и готовил силы для отстранения Гейштора и Дюлорана от руководства восстанием. В этом Калиновскому активную помощь оказывал В. Малаховский — помощник начальника Вильно. Они переписывались между собой. Их воззрения разделяли некоторые командиры отрядов (например, Ф. Вислоух). 8 апреля Малаховский писал Вислоуху, что Калиновский хотя и уехал в Гродно, но иногда приезжает в Вильно и не теряет с ними связи. Для конспирации Калиновский именовался в этом письме «Хомутусом I», а Малаховский — «Хомутусом II». Одним из активных их сторонников был Дм. Базанов, при аресте которого и было захвачено упомянутое письмо (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 36.— «Военно-следственное дело Д. А. Базанова»; указано нам В. Бикуличем).

[17] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., д. 23, ч. 314, л. 35.

[18] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839 (показания О. Авейде), л. 94.

[19] Там же, ф. 1248, оп. 2, д. 468, т. 2, лл. 90, 149, 213.

[20] Письмо сохранилось в подлиннике, рукопись на польском языке на четырех листках (неодинаковых) почтовой бумаги, исписанной мелким почерком. Документ был найден у Владислава Комара — телохранителя Вислоуха. Комар — дворянин Трокского уезда, 22 лет, канцелярист Виленской казенной палаты, был направлен в отряд 4(16) мая виленской городской организацией, выдавшей ему пропуск. Комар отказался назвать автора письма. Муравьев,

ознакомившийся с письмом, приказал допросить Минейку, упоминавшегося в нем. 12 июля по распоряжению Муравьева был допрошен Минейко, но не дал удовлетворительного ответа, заявив, что способ изложения мыслей в письме схож с мыслями Эдмунда Вериго, но почерк не его. Вериго, член Литовского Провинциального комитета, был уже давно на каторге и подобное указание ничем повредить ему не могло (он, конечно, не мог быть автором письма). Осведомленность автора свидетельствует о том, что он входил в руководящий состав восстания. Из письма видно, что его автор был врагом дворянства, сторонником терроризма, другом Минейки, Вислоуха, Калиновского («Хомута»). Это письмо, как и ранее упоминавшаяся переписка, захваченная у Базанова в апреле, исходит из одного и того же источника, какого-то лица, очень близкого к Калиновскому, занимавшего после него второе место в радикальном крыле восстания. Наконец, и это главное, автор письма знает о назревающем изменении состава Отдела. Автором письма мог быть только один человек — Владислав Малаховский, инженер-поручик, начальник г. Вильно, поддерживавший связь с Вислоухом, направивший к нему и Комара, а ранее, видимо, посылавший и Базанова. Комар доставил письмо Малаховского в отряд Вислоуху (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 241 — «О дворянине Трокского уезда Владиславе Комаре, крестьянах Антоне Стасюне, Доминике Орловиче»; ф. 378, п. о., 1863 г., д. 569.— «По показаниям В. Комара»).

[21] Экземпляры приказа довольно часто встречаются в различных делах бывшего Муравьевского музея. В «Виленском временнике» и в других дореволюционных документальных сборниках приказ никогда не публиковался. В ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, д. 2285 и в ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917 («Гродненская организация») хранится несколько пачек приказа (по 10 штук каждая). Ранее, не имея полных данных о распространении приказа, мы датировали его по католическому календарю, повторив ошибку, допущенную следственной комиссией. Однако и тогда в наших первых работах о Калиновском приказ рассматривался как отражающий сущность аграрной программы Калиновского.

[22] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 597; J. G i e y s z t o r. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 2 Wilno, 1913, str. 48 В мемуарах Гейштора, в записках Авейде содержатся противоречивые сведения о предложениях Малаховского относительно названия Комитета (Литовский комитет, Комитет, управляющий Литвой). Лясковский почему-то пишет, что в новой печати, подготовленной Малаховским, отсутствовал герб Польши, исчезло название Белоруссии. Анализ архивных данных показывает, что заказанная К. Калиновским печать (что очень важно, ибо Авейде все приписывает причудам Малаховского) имела «соединенный герб Литвы, Польши и Руси с надписью „Komitet Litewski. Rowność, Wolność, Niepodległość"». Аналогичные печати заготавливались и для местных комитетов, Калиновский же приказал художнику Шейману впредь до особого распоряжения работу прекратить (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 468, т. 2, л. 281).

[23] ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка 12 (показания Я. Гейштора от 22 сентября 1864 г. Копия); папка 13 (Я. Г е й ш т о р. Исторический взгляд на восстание), л. 60.

[24] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде», стр. 597, 616, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 94.

[25] В. Р а т ч. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России, т. I. Вильно, 1867, стр. 230—233.

[26] «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде», стр. 616.

[27] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 94. Несколько иная редакция этого текста в «Показаниях и записках... Оскара Авейде», стр. 617.

[28] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 468, т. 2, л. 12.

[29] «Вестник Западной России», кн. XII, т. IV. Вильно, 1866, стр. 254--257. Любопытно, что мандат Мацкявичюсу выдан Национальным правлением Литвы.

[30] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 554, л. 455.

[31] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 192, 197.

[32] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 554, л. 113. Семья Ямонта (отец, мать, сестры Юзефа) после поражения восстания была выслана в Сибирь. Некоторые данные о них содержатся в книге: Л. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958.

[33] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 594, лл. 9—11; оп. 2, д. 468, т. 2, л. 283.

[34] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, д. 49, л. 68.

[35] ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 61.

[36] «Северная пчела», 1863, № 160.

[37] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 468, т. 2, л. 280.

[38] Гос. архив г. Каунаса, ф. Канцелярия губернатора, п. о., д. 64, л. 8.

[39] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33, л. 133.

[40] ЦГАОР, ф. 811 — И, д. 42.

[41] Гос. архив г. Каунаса, ф. Канцелярия губернатора, п. о., д. 126, л. 1.

[42] «Sprawozdanie Zarządu Muzeum Narodowego w Rapperswilu za rok 1913». Paryż, 1914, str. 60.

[43] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[44] ЦГИАЛ, ф. 930 (В. А. Долгоруков), д. 33 (протоколы заседаний Виленской следственной комиссии с изложением показаний Ю. Калиновского); ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 468, т. 2, лл. 281, 337, 338.

[45] «Виленский временник», т. IV, ч. II. Вильно, 1915, стр. 231.

[46] ЦГВИА, ВУА, д. 1311, ч. 4 («Журнал военных действий русской армии при подавлении польского восстания на территории Виленского военного округа»), лл. 295—298.

[47] ЦГВИА, ф. 109 л, св. 2, д. 25, лл. 1—2.

[48] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136 («О военных действиях в Ковенской губернии»), лл. 306—307; ГПБ, ф. В. Ратча, папка 10, л. 100; St. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913, str. 299—301.

[49] «Ojczyzna», 1864, № 116; St. Zieliński. Op. cit., str. 300—310.

[50] «Журнал военных действий», лл. 309—324. С. Зелинский дает несколько бо́льшие цифры: Гродненская — 9, Ковенская — 19, Минская — 5.

[51] Н. Цилов. Материалы, л. 162.

[52] «Виленский временник», т. IV, ч. II, стр. 395; «Pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie Grodzieńskim w 1863—1864 г.». Przez I. Aramowicza. Bendlikon, 1865, str. 51—52; St. Zieliński. Op. cit., str. 329—338.

[53] Н. Цилов. Материалы, л. 163, а также «Pamiętnik o ruchu partyzanckim», str. 5152.

[54] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 143—144.

[55] Данные о П. Червинском и его отряде взяты из дел: ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 155, лл. 1—5; д. 267, л. 5; ЦГИА, ф. 930, д. 33, л. 133; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[56] «Ojczyzna», 1865, № 75.

[57] «Исторический вестник», т. 50. М., 1892, стр. 634.

[58] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136, лл. 317—320.

[59] В. Ратч. Указ. соч., стр. 194, 202 и др.

[60] Л. Пантелеев. Указ. соч., стр. 324.

[61] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 101. В числе членов ЦК «Земли и воли» Авейде называет «как наиболее деятельных» Слепцова и Утина, указывая, что всего в составе ЦК было пять членов.

[62] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 96, 101. Упомянутый в показании доктор Феликс Рымович (1828—1908) уроженец Ковенской губернии, друг Сераковского. Формального участия в восстании не принимал, но способствовал организации побегов повстанцев за границу через Петербург. Как бывший студент Медико-хирургической академии он имел в столице обширные связи в демократических кругах.

[63] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839 (показания И. Огрызки), лл. 127, 129. Из переписки жандармов видно, что Малаховский выехал из Вильно 1 августа 1863 г. вследствие приказа Муравьева о замене всех поляков — служащих железной дороги — русскими чиновниками и офицерами. Уже

находясь в Петербурге, он был предупрежден об аресте и бежал за границу (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 282).

[64] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 129.

[65] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, д. 2285, л. 17.

[66] ЦГВИА, ф. 9 л, оп. 15, д. 1, лл. 139—159. Частично воззвание Бензенгера публиковалось в «Былом», 1906, № 7, стр. 103—106.

[67] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 554, л. 101.

[68] «Виленский временник», кн. VI, ч. II, стр. 329.

[69] «Письма из-под виселицы» цитируем по списку, опубликованному А. Гиллером (A. Giller. Historia powstania narodu polskiego w 1863—1864 r., t. I. Paryż, 1867).

[70] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 29, лл. 74, 75; д. 1467. («Об увещевании епископа Волончевского»); д. 561.

[71] Там же, ф. 378, оп. 219, д. 121, л. 17.

[72] Там же, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 1467.

[73] Обращение Калиновского к епископату опубликовано в «Niepodległości», № 11, от 10 октября 1863 г.; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, п. о., 1863 г., д. 1467.

[74] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 71, д. 1404, лл. 206—208.

[75] Гос. архив г. Каунаса, ф. Канцелярия ковенского губернатора, д. 164. л. 9.

[76] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 72, д. 93, л. 21; оп. 219, д. 121, л. 18.

[77] ЦГИА БССР (Гродно), ф. Канцелярия гродненского губернатора, д. 2285, л. 53.

[78] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 554, л. 455; д. 594, лл. 41—47.

[79] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 97, лл. 2, 80.

[80] Н. В. Шелгунов. Соч., т. 2. СПб., 1891, стр. 682—685; Н. Г. Чернышевский. Пролог. Изд. 1957 г., стр. 221—222; ЦГАОР, ф. 801 — И, д. 129.

[81] «Виленский временник», т. VI, ч. II, стр. 16, 50 и др.

[82] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 79, лл. 47—53.

[83] ЦГВИА, ф. 109 л, св. 2, д. 25 (донесения агентов А. А. Суворова).

[84] М. Катков. 1863 год. Сборник статей, вып. I. М., 1887, стр. 309.

[85] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 79, л. 254.

[86] Там же, д. 84, л. 8.

[87] ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 25916.

[88] ЦГВИА, ф. 109 л, св. 2, д. 25.

[89] ЦГИА Литовской ССР, ф. 655, оп. 1, д. 12; д. 220; ф. 1252, оп. 1, д. 2; М. Катков. Указ. соч., стр. 618.

[90] «Журнал военных действий», л. 358.

[91] ЦГИАЛ, ф. 1267, д. 34 (отчет гродненского губернатора за 1863 г.), л. 196.

[92] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 143, л. 2.

[93] «Русская старина», 1886, т. 36, стр. 117.

[94] «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 547.

[95] ЦГАОР, ф. 811 — И, оп. 1, д. 3 (записка Муравьева царю от 14 мая 1865 г); д. 42.

[96] «Виленский календарь», 1902, стр. 328.

[97] «Русская старина», 1883, т. 37, стр. 53.

[98] «Колокол», л. 163 от 15 мая 1863 г.

[99] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1862 г., д. 361, лл. 4—5, а также «Виленский вестник» за 1863 г.

[100] ЦГИАЛ, ф. 1267, д. 34.

[101] A. Giller. Op. cit., t. I, str. 327—335.

[102] У. А. Шустер. Из истории восстания 1863 г. в Литве.— «Исторический архив», т. 1. М., 1936. Письма А. Мацкявичюса к полковнику Жеребцову.

[103] «Дакумэнты і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, стр. 541

[104] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378. (Комиссия по крестьянским делам при Канцелярии виленского генерал-губернатора), д. 891, л. 69.

[105] Там же, лл. 15, 18, 32—33, 70, 88, 110.

[106] А. Н. Мосолов. Виленские очерки. СПб., 1898, стр. 128—129.

[107] St. Szczotka. Zaburzenia chłopskie w Białostocczyźnie, 1861—1869. Warszawa, 1953, str. 97—106.

[108] ЦГАОР, ф. 801 — И (В. Семевский), д. 129, а также Д. Рихтер. Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в Юго- и Северо-Западных губерниях России.— «Вестник финансов, промышленности и торговли», № 39, 1900, стр. 589—601; П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь «крестьянской реформы» 1861 г. М., 1958, стр. 391—702.

[109] ЦГАОР, ф. 811 — И (М. Муравьев), д. 46.

[110] П. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 378—390.

[111] ЦГАОР, ф. 811 — И, д. 49.

[112] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 38, д. 323, лл. 23—24. Данная работа была завершена, когда на страницах журнала «История СССР» Н. Н. Улащик опубликовал статью «О количестве земли, полученной крестьянами Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права» (1961, № 6, стр. 116). В следующем номере В. К. Яцунский (1961, № 1) высказал несколько дополнительных соображений по этому поводу. Начавшийся обмен мнениями показал, что изменение крестьянских наделов после введения обязательных инвентарей, по данным 1846, 1861 гг. и выкупных актов, можно определить лишь путем обширного статистического исследования с привлечением крупных сил ряда учреждений Литвы и Белоруссии. Вводя в научный оборот приведенные выше данные самих муравьевских чиновников о ходе и результатах проверки и изменений уставных грамот, составления выкупных актов и т. д., мы хотели подчеркнуть теснейшую зависимость между ходом классовой борьбы, восстанием и аграрной политикой царизма.

При определении земельных наделов крестьян на основании реализации манифестов 1 марта и 2 ноября 1863 г. (дополненных циркулярами Муравьева) следует иметь в виду прежде всего оценку действий проверочных комиссий самими крестьянами. А они, как выше отмечалось, повсеместно заявляли, что «батьковщину» им не возвратили. Следовательно, часть земель, захваченная у крестьян помещиками в период после 1846 г., осталась и после восстания у экспроприаторов.

[113] «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. V. СПб., 1882, стр. 14—15.

[114] ЦГАОР, ф. 811 — И (М. Муравьев), д. 53. Подробнее этот вопрос освещен П. А. Зайончковским (Указ. соч., гл. V).

[115] Записка Валуева царю, опубликованная в «Вестнике права», 1905, № 9.

[116] ЦГИАЛ, ф. 1267, д. 34, л. 75.

[117] Там же, д. 6, л. 195.

[118] ЦГИАЛ, ф. 1267, д. 8, л. 34, лл. 116, 151; I. Н. Лушчыцкі. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі у Беларусі у другай палавіне XIX в. Мінск, 1958, стр. 91—94.

[119] В. Г. Короленко. История моего современника. М., 1948, стр. 100.

[120] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[121] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 27.

[122] А. Н. Мосолов. Указ. соч., стр. 105.

[123] «Русский вестник» за 28 марта 1863 г., а также приложение к «Русскому вестнику» за 18 апреля 1863 г.

[124] «Русский вестник» за март — апрель 1863 г., а также М. Катков. Указ. соч. Надо иметь в виду, что названный сборник статей М. Каткова составлен крайне тенденциозно. В него не включены статьи, в которых выражены колебания Каткова в первые месяцы восстания. На это обстоятельство указали даже симпатизировавшие Каткову публицисты прошлого века, например, Р. Сементовский («М. Н. Катков». М.— СПб., 1896).

[125] ЦГАОР, ф. 801 — И (В. Семевский), д. 129.

[126] К. Д. Кавелин. Соч., т. 2, изд. 1898 г. СПб., стр. 14—26.

[127] «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892 г. (письма Кавелина от 30 мая, 11 июня и 8 августа 1862 г.).

[128] ЦГАОР, ф. 801 — И (В. Семевский), д. 128.

[129] ЦГАОР, ф. 801 — И, д. 128, а также «Голос минувшего», 1913, № 9—10. Рецензия В. Семевского на публикацию переписки М. Муравьева с А. Зеленым.

[130] И. С. Аксаков. Собр. соч., т. III М., 1886, стр. 3, 7, 10, 15, 25, 30, 31, 32, а также «День», № 10, 13, 18, 32, 36, 38 за 1863 г. В сборнике статей Аксакова по славянскому вопросу составители старались не включать статьи по польскому вопросу, разоблачавшие друга славян.

[131] ЦГАОР, ф. 811 — И (М. Муравьев), д. 60, л. 42.

[132] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 103.

[133] Там же, т. XVII, стр. 126, 405.

[134] В настоящей работе мы лишены возможности обстоятельно осветить позицию всех слоев русского общества в отношении к восстанию. Частично эта проблема, по отношению к А. Герцену, решена И. М. Белявской. Интересные данные собраны в книге: В. Евгеньев-Максимов. Последние годы «Современника». Л., 1939. Кроме упомянутых им статей, большой интерес представляет книжка «Современника» за 1863 г., № 12, где помещен очерк о Костюшке, и первая книжка за 1864 г. со статьей «Вопрос о национальности и панславизме». По нашему мнению, эти выступления журнала еще не принимаются должным образом во внимание советскими и польскими исследователями. Заслуживает специального рассмотрения позиция «Русского слова» в 1863 г. (см., например, т. II, стр. 34—36; т. IV, стр. 12—23; т. XII, стр. 57). Не все ясно в позиции Н. Страхова, автора нашумевшей статьи «Роковой вопрос» («Время», № 4). По-видимому, необходимо специальное исследование позиций различных русских подцензурных изданий в «польском вопросе».

[135] ЦГИАЛ, ф. 930 (В. А. Долгоруков), д. 36.

[136] «Вестник Западной России», кн. XII, т. IV, стр. 260.

[137] Н. Цилов. Материалы, л. 176.

[138] М. Катков. Указ. соч., стр. 305, 309, 607.

[139] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 478, л. 1.

[140] «Журнал военных действий», л. 330.

[141] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 478, л. 2.

[142] St. Zielinski. Op. cit., приложение № 1; «Журнал военных действий», лл. 325—336.

[143] «Журнал военных действий», л. 347.

[144] «Виленский временник», т. VI, ч. II, стр. 381—388.

[145] М. Катков. Указ. соч., стр. 618. Статья относится к началу августа 1863 г.

[146] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 145, лл. 238—240.

[147] Текст приказа был найден у Титуса Далевского при аресте. Хранится в его следственно-судном деле (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 523, л. 46).

[148] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33.

[149] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280.

[150] Инструкция Литовского комитета от 23 ноября 1863 г. найдена при аресте Мацкявичюса в его бумагах («Вестник Западной России», кн. XII, т. IV, стр. 257).

[151] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33, л. 132.

[152] «Журнал военных действий», л. 358; ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 150, лл. 15—19.

[153] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 554, л. 458.

[154] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 523, л. 36. Приведен отрывок из донесения «Гражданского начальника Инфляндского воеводства Литовскому комитету». Документ (копия, перевод с польского) датирован 7(19) де-

кабря 1863 г., помечен № 86. Захвачен при аресте Т. Далевского. Хранится в его следственно-судном деле.

[155] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 228, л. 4.

[156] Там же, д. 334, л. 23; д. 368.

[157] «Журнал военных действий», лл. 353—355.

[158] «Виленский временник», т. VI, ч. II, стр. 343—344.

[159] Там же, стр. 349—350; 364—365, 406.

[160] «W czterdziestą rocznicę», str. 137—138.

[161] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 114, л. 15.

[162] «W czterdziestą rocznicę», str. 57—58.

[163] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 23, л. 212.

[164] «W czterdziestą rocznicę», str. 399.

[165] ЦГИА Литовской ССР, ф. 655, оп. 1, д. 112; ф. 1252, оп. 1, д. 107: «Исторический вестник», т. 50. М., 1892, стр. 636; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 259.

[166] «Журнал военных действий», лл. 151—152.

[167] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 594 (показания следственной комиссии врача Б. Замецкого, товарища Калиновского по университету), лл. 173—176, а также ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33.

[168] ЦГИАЛ, ф. 930, д. 33, л. 100, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248. оп. 1, д. 523, л. 14.

[169] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 523, л. 11. Сохранилось письмо Титуса Далевского невесте Елене Ямонт от 22 декабря 1863 г.:

«Из-за предательства доктора Дзичковского к Сырокомлиной был подослан шпион. Когда я вошел, за мной ворвалась полиция и арестовала всех находившихся в ее квартире. У меня и в квартире нашли сильно компрометирующие меня бумаги. Первые два дня заключения были еще сносными, на третий день от меня отобрали все, оставив в одном белье. Меня отвели в комиссию на так называемую очную ставку с Сырокомлиной. В ответ на ее просьбы и заклинания пришлось подписать ее показания, окончательно меня осуждающие. При этом я заявил комиссии, что если мне не облегчат положение, то разобью себе голову об угол стены. Должно быть, мое лицо было страшным, глаза горели от голода и холода, лицо в грязи, руки в песке и мусоре. Член комиссии испуганно отскочил. Я вернулся в свое подземелье с мыслью о самоубийстве, уже готов был его совершить, когда мне прислали плащ и несколько сбитых досок. Это было блаженство! Теперь я пользуюсь правами, предоставленными всем заключенным, так как нахожусь под военно-полевым судом. В понедельник военно-полевой суд перешлет свой приговор по моему делу Муравьеву — во вторник или в следующие дни я буду мертв.

В жизни моей я не испытал счастья. Делил с моей семьей ее великую недолю и все моральные муки. Любил свою родину и теперь мне радостно отдать за нее жизнь. Оставляю мою семью на попечение моего народа, ибо из нас братьев никто не останется живым» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38 — воспоминания А. Сераковской, лл. 39—40).

[170] ГБЛ, М., д. 6640а, л. 19.

[171] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 1.

[172] «W czterdziestą rocznicę», str. 138.

[173] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 151, л. 152.

[174] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 150, лл. 143—202; «Ojczyzna», 1864, № 116; St. Zieliński. Op. cit., str. 310.

[175] ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352 (показания Я. Козелла), лл. 6—28.

[176] «Дневник Н. Н. Цилова».— «Русский архив», 1906, № 10.

[177] B. Dybowski. Pamięci Józefata Ohryzki.— «Biblioteka warszawska», 1907, t. 2, cz. 2, str. 210—212. Дыбовский ссылается на данные, полученные от бывших виленских узников (С. Ожешки, М. Коссовского, И. Огрызки). По его свидетельству, Гогель сочинил «чистосердечные сознания» Коссовскому, Парафиановичу, Ожешке; последний, повествует Дыбовский, «был

моим другом по Дерптскому университету и все рассказал накануне смерти».

[178] Письмо Огрызки к Спасовичу опубликовано в указанной выше работе Дыбовского.

[179] Показания Огрызки следственной комиссии от 20 января 1865 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 104—129).

[180] B Dybowski. Op. cit., str. 253, а также показания Огрызки следственной комиссии от 14 января 1865 г., в которых он пишет: «Придя к тому убеждению, что запирательство с моей стороны было бы лишним и что от этого могли бы пострадать невинные по каким-либо неточным показаниям, я решаюсь высказать совершенно чистосердечное мое участие в деле последнего польского восстания» (ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 102).

[181] Л. Пантелеев. Указ. соч., стр. 372.

[182] «Шестидесятые годы». М., 1933, стр. 336.

[183] «Русская старина», т. XXXVI, стр. 639.

[184] «Русская старина», т. XXV, стр. 521.

[185] ЦГАОР, ф. 801 — И, д. 129.

[186] ЦГАОР, ф. 109 — И, Секретный архив, оп. 2, д. 428.

[187] ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 1238 («Общий отчет о политических преступниках и военно-судных делах об них по шести губерниям Виленского военного округа со времени открытия мятежа в Северо-Западном крае по 1 января 1865 г.»), лл. 190—197. Эти же данные приводит и Муравьев в отчетах царю (ЦГАОР, ф. 811 — И).

[188] ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, ч. 551, л. 45.

[189] ЦГВИА, ф. 484, оп. 2, д. 155.

[190] Партархив при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 22, св. 49, д. 402, л. 563.

[191] Об этом сообщает сам В. Ратч, а также Н. Гогель в указанных работах; свидетельствует об этом и записка Гейштора в III отделение (ЦГАОР, ф. 109 — И, 1-я эксп., 1863 г., д. 23, 314, л. 25) и его рукопись «Исторический взгляд на восстание» (ГПБ, ф. 269 (В. Ратч), папка № 13).

[192] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27 (следственно-судное дело Б. Колышки), лл. 7—11, 17.

[193] ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27, а также конфирмационное дело Б. Колышки (ЦГВИА, ф. 9 л, св. 113, оп. 37, д. 62; ЦГИА Литовской ССР, ф. 419, оп. 2, д. 187 («О совершении казней»), л. 3.

[194] Более подробно последние дни Сераковского освещены в брошюре: А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.

[195] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468 («О лицах, участвовавших в Виленской революционной организации»), т. 2, л. 5; ф. 438, оп. 1, д. 167; ф. 494, оп. 1, д. 48.

[196] Н. Цилов. Сигизмунд Сераковский и его казнь с предшествующими манифестациями в Вильно. Вильно, 1867, стр. 44.

[197] ЦГИА Литовской ССР, ф. 495, оп. 1, д. 19, лл. 2—3. Конфирмационное дело Сераковского, ныне находящееся в ЦГВИА, содержит те же данные; ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 48 («О капитане С. Сераковском» на 12 листах, протокольные записи допросов Сераковского).

[198] В день последнего допроса Сераковского Н. Цилов записал в дневнике: «В 4 часа председатель комиссии (Веселитский.— *А. С.*) пригласил меня вместе с собою и членом генерал-майором Алексеевым ехать для допроса Сигизмунда Сераковского... Пробыв у Сераковского до 6 час., ничего не могли от него добиться, кроме ученых его прений, но весьма любопытно было видеть и слышать его энергию, с которой он стремился добиться гласного над собой суда. Любопытно видеть, как он объяснялся, зная, что смерть близка, зная сам, что его преступление заслуживает смертельную казнь неизбежно, сознавая ее, как им заслуженную. Возвратившись от Сераковского в 6½ час., я не имел уже аппетита обедать, совершенно морально расстроенный. Уснул и в 9-м часу для развлечения поехал на музыку». Музыка, как видно из дневника, не принесла успокоения, только поздно ночью, выиграв в ералаш

2 р. 50 к., генерал успокоился и освободился от угрызений совести («Русский архив», 1906, № 10).

[199] ЦГИА Литовской ССР, ф. 495, оп. 1, д. 19 (военно-судное дело Сераковского); ф. 494, оп. 1, д. 48, л. 5.

[200] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 1, д. 121, л. 25, а также ГПБ, ф. В. Ратча, папка 1 («Очерк мятежа в Ковенской губернии»).

[201] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 1, д. 121, л. 29.

[202] ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 1, д. 121, л. 29, а также «Вестник Западной России», кн. XII, т. IV; «Исторический архив», т. 1. М., 1936.

[203] Перед казнью Мацкявичюс напрасно просил прислать священника. «Вы отказали даже в религиозном утешении»,— писал он Жеребцову («Вестник Западной России», кн. XII, т. IV).

[204] ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, 1863 г., д. 1409, лл. 53—59. Перед казнью Мацкявичюс писал Жеребцову: «Благоволите принять оставшиеся вещи и отдать отцу Тадеушу Мацкевичу для передачи лицам, которым назначаю» (кому именно — осталось неизвестным).

[205] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280 (следственно-судное дело Калиновского), л. 41.

[206] Там же, лл. 1—5, 8, 34.

[207] Как указывалось выше, тюремные письма Калиновского опубликованы А. Гиллером. Перевод стихотворных строк сделан нами.

[208] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, лл. 41—42 и др.

[209] А. Н. Мосолов. Указ. соч., стр. 127.

[210] ЦГВИА, ф. 9 л, оп. 15, д. 1 (следственно-судное дело Ю. Бензенгера), лл. 199, 344. На вопрос, может ли он что-нибудь сказать в свое оправдание, Бензенгер написал: «Объяснить, прибавить и убавить ничего не имею, а оправдание было бы с моей стороны отказом от моих убеждений, а следовательно, и подлостью». (Там же, л. 186.)

[211] См. І. Н. Лущчыцкі. Op. cit., str. 93, 94, 231—241; W. Kordowicz. Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955, str. 280.

[212] «История СССР», под ред. М. В. Нечкиной, т. II. М., 1954, стр. 447.

[213] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 406—407

[214] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 15.

[215] Там же, стр. 27—28.

Указатель имен

Оглавление

Анатолий Филиппович Смирнов

Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР

Редактор Издательства *И. С. Миллер*
Художник *К. М. Егоров.* Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 12/I—1963 г. Подписано к печати 19/IV—1963 г. Печ. л. 24½ Уч.-изд.
Тираж 2500 экз. Т-05250. Изд. № 1161. Тип. зак. № 5520

Цена 1 руб. 82 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

л. 27